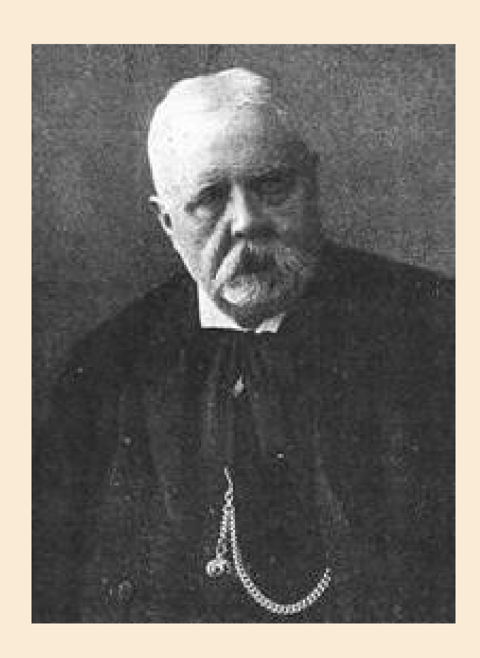
Алексей ШМАКОВ

СВОБОДА И ЕВРЕИ

Алексей Семенович Шмаков родился в Москве в 1852 г. Образование получил в Одессе на юридическом факультете Новороссийского университета, после чего занимал должность судебного следователя. Переехав в Москву, стал присяжным поверенным, был помощником знаменитого адвоката Ф.Н.Плевако, специализировался на уголовных делах, получил известность как блестящий оратор. В 1890 г. Шмаков опубликовал открытое письмо к присяжным поверенным Московского округа, в котором выступил против тенденции «ожидовления адвокатуры». Последовательно отстаивал интересы русских на судебных процессах, вызванных межнациональными и религиозными конфликтами. Был защитником русских православных христиан в судебных процессах о еврейских погромах в Кишиневе в 1903 г. и Гомеле в 1904-05 г. С начала возникновения монархического движения принимал в нем деятельное участие. Состоял почти во всех крупных московских монархических организациях: был членом-учредителем Русской Монархической Партии, Русского Монархического Собрания, Союза Русского Народа, а также членом Русского Собрания в Петербурге. Активный участник монархических съездов, неизменный докладчик по еврейскому вопросу. Активный участник дворянского движения, представлял московское дворянство на съездах Объединенных дворянских обществ. Он был гражданским истцом вместе с депутатом Государственной Думы Г.Г. Замысловским на знаменитом процессе Бейлиса. В 1907 г. на личные средства основал в Москве школу-приют для детей-сирот, чьи отцы погибли в русско-японской войне.

Особенную известность Шмаков получил, как автор ряда публицистических работ, наиболее известны: «Еврейский вопрос на сцене мировой истории» (1912) и «Международное тайное правительство» (1912). Шмаков утверждал, что «современную эпоху знаменуют два факта: варварство социальных учений и сатанинское возвеличение еврейства», что «нынешнее время становится все более еврейским - как по вероломству и жестокости, так и по раболепию пред нашим же ожидовлением». Шмаков был уверен, что всегда существовало «потаенное правительство евреев», что «общеиудейская центральная власть никогда не переставала функционировать и лишь неустанно расширяла свою мощь, как с беспримерною доселе убедительностью это наблюдается в настоящее время». Поскольку »монархи суть естественные защитники народов против замыслов иудейских», основные усилия еврейства направлены на разрушение монархий. Шмаков полагал, что именно этим объясняется, что революции во Франции, Англии и России были делом рук евреев. Он сделал заключение, что в мире существует «темная сила - потаенное международное правительство», деятельность которого направлена на установление мирового господства еврейства. С легкой

руки Шмакова тезис о «мировой закулисе» стал общим местом в патриотической идеологии. Скончался Шмаков в 1916 г. в Москве от болезни сердца.

(По материалам «Русской Линии»)

Книга *«Свобода и евреи»* представляет собой сборник рассуждений и выводов, сделанных автором по ходу изучения так называемого еврейского вопроса. От древней религии иудеев и до их участия в современной политической и экономической жизни России А.С. Шмаков дает всестороннюю оценку этой нации. Резкость и исключительную критичность повествования не следует воспринимать как проявление крайнего национализма. Автор в силу своей адвокатской деятельности вынужден был прибегнуть к изучению еврейской истории и еврейства вообще, т.к. неоднократно выступал защитником русских граждан на многочисленных судебных процессах, спровоцированных «обиженными» евреями, и это явилось основанием для подобного изложения материала.

Особое внимание в книге уделяется участию евреев в революционном движении в России. Справедливость оценки этой и других сторон жизни иудеев читатель легко проверит, сравнив мнение автора с реальными событиями в истории нашей страны.

ISBN 4-448-10411-7

ОГЛАВЛЕНИЕ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Японская война и еврейство. Джон Буль, янки и Агасфер. Общие условия еврейского вопроса. Взгляд на положение евреев в России. Совет Адольфа Кремье о захвате прессы. Некоторые замечания о талмуде в связи с законодательством Моисея и книгой Исайи. Вениамин д'Израэли и политика Великобритании. Вечный Жид и три по разновидности: еврей биржевой, еврей газетный и еврей политический.

Сионизм, каббала, франкмасонство и социал-демократия. Общие замечания. Иудаизация спутников кагала. Талмуд и каббала. Сионизм, как движение «освободительное». Вероломство и неуловимость кагального бунта. Очерк борьбы арийцев с семитами. Всемирный союз масонов. Масонство вне христианских стран. Сокровенные обстоятельства русско-японской войны. Сатанизм и мартинизм. Происхождение масонства. Дело Дрейфуса как затея возлюбивших кагал масонов. Социал-демократия как еврейско-масонский террор.

Сионизм как доказательство иудейского вероломства. Некоторые выводы.

А. Японская война и еврейство. Джон Буль, Янки и Агасфер.

I. Даже накануне первой атаки Порт-Артура если кто-нибудь сказал, что три лучшие из наших броненосцев станут унылыми жертвами японцев; что не взирая и на такой урок, среди того же рейда снова от мины, но уже среди бела дня исчезнет в полторы минуты «Петропавловск» с Макаровым и Верещагиным; что затем в первом же морском бою наши военные корабли разбегутся от эскадры Того, как цыплята от ястреба; что ещё далее, на сухом пути, потерпев от тех же японцев жестокие поражения в битвах при Ялу, под Кинчжоу и Вафангоу, наши войска едва спасутся от плена в Ляояне для того, чтобы, не видав ни одного светлого часа, вновь испытать беспримерные унижения под Мукденом, а бездействовавший в порт-артурской западне флот своей бесславной гибелью создаст адмиралу Того среди ужасов Цусимы невиданный доселе триумф, нас же зальёт позором и слезами, каждый из русских людей с негодованием и презрением заставил бы умолкнуть зловещего прорицателя.

Истина вправе быть невероятной. Sunt lacrymae rerunis entem mortalia tangunt…

И что поразительнее всего — Япония знала, заранее знала, куда приведёт нас судьба и даже не скрывала этого. Правда, всего что произошло и сами японцы, разумеется, не ожидали, как не могли, конечно, рассчитывать на достижение столь роковых для нас результатов точно по мановению волшебного жезла.

Правда, из-за каких-то сахарных премий мы сумели окончательно расстроить свою, ещё недавнюю дружбу с Америкой, сыграв, таким образом, на руку Джорджу Кеннану (см. его разошедшуюся на многих языках книгу «Сибирь») и бесчестной прессе, науськивавшей на нас общественное мнение по заказу биржевых дельцов, которые жаждали нашей крови, чтобы из её потоков черпать золото... «Четыре враждебные газеты опаснее 100.000 человек неприятельской армии в открытом поле», — говорил ещё Наполеон. А разве нам враждебны только четыре газеты в Америке?.. Да и может ли идти в какое-либо сравнение ничтожество тогдашней прессы с её нынешней тиранией?..

Правда, мы ухитрились далее, во время бурской войны, прозевать единственный в своём роде момент, когда двинув армию в Индостан, мы не только отбили бы у Англии охоту издеваться над нами, как это, например, бывало в крымскую войну или на берлинском конгрессе, но и встретили бы благословение целого мира, очарованного благородством южно-африканских спартанцев в их героической борьбе за родину против нового Ксеркса, пятнающего морские волны как пират.

Правда и в том, что мы позабавились над самими же собою, отталкивая протянутую через Ито и Ямагато руку дружбы и этим, так сказать, принуждая Англию к немедленному заключению договора с Японией, который нашего естественного неизменного союзника против той же Англии превратил в надменного, коварного и свирепого врага России.

Правда, следовательно, что по собственной вине за 10.000 вёрст от всех наших средств, на чужой и враждебной земле мы попали в войну уже не с одной Японией, а в сущности — с Великобританией и Америкой, без помощи которых новоявленные «англичане Востока» не осмелились бы, очевидно, бросить столь дерзкий и для нас столь унизительный вызов.

Правда, наконец, что к посрамлению нашего изменнического либерализма, у японцев любовь к отечеству воистину трогательна, а исполнение долга беззаветно; что в грозное противоречие со всем происходившим у нас, их дипломаты, воины и моряки не уступали друг другу в доблести и что с точностью разведать изумительные наши порядки, кроме торговых сношений и совместного похода в Китай, стране восходящего солнца», без сомнения, помогали и американские друзья России...

Тем не менее, всего изложенного было бы недостаточно, чтобы привести нас в Портсмут.

Образ действия японцев с первых же дней войны, равно как их презрение к правилам чести и ко всяким требованиям международного права, начиная с злодеяний у Чемульпо наглядно свидетельствуют о сознательной уверенности наших врагов в своей безнаказанности, иначе говоря — в неизбежности нашего поражения.

Так было в самом начале войны. А её критический момент, когда мы с трепетом и мольбой вглядывались в необъятные пространства океанов, каждый шаг эскадры Рождественского, начиная с добрых услуг, оказанных Японии Англией в Ла-Манше, был отравлен прессой обоих полушарий, и, наоборот, ни одного известия о японском флоте не появилось. Как чудовищный дракон, он подстерегал нас около своей основной базы, — у Сасебо, куда Джон Буль, янки и Агасфер доставляли ему каждый всё необходимое по своей специальности, без сомнения, на позор и себе же самим.

Как для того, чтобы основательно разграбить частный дом, необходимо подыскать соучастника в ком-нибудь из его обитателей, так и для той степени разложения, куда маньчжурскими событиями низведена Россия, нужен был испытанный соглядатай, сводящий личные счёты с нами. Всякий, кто вдумается в наше беспросветное горе и спокойно его оценит, обязан признать, что с одними внутренними невзгодами нашего многострадального отечества без злостного о них доноса врагу, мы всё ещё не испытали бы того отчаяния, каким одарили нас японцы.

II. Здесь действовала иная, столь же исключительная, глубоко разъедающая наш государственный организм и к его гибели направленная болезнь.

Только при таком диагнозе возможно уразуметь весь трагизм событий.

Где же и в чём эта болезнь?

На собственной нашей земле — в еврействе.

У японцев нет или почти нет евреев, у нас же их, по крайней мере, восемь миллионов, т.е. больше, чем на всём остальном пространстве обоих полушарий. Представляя собой главные силы избранного народа, но действуя за одно с его сынами, рассеянными повсюду, еврейство ненавидит Россию, как непокорную ему державу, хотя под покровом её размножается и богатеет чрезмерно, уходить же отнюдь не желает, а потому стремится обратить её в новый Ханаан.

Смешно и преступно было бы отрицать это или, питая злорадство Израиля, даже перед такой опасностью закрывать глаза.

III. К своей цели евреи подвигаются обдуманно и неуклонно. Сам план кампании разработан получше японского.

А. Они завладели уже в России: её государственным и частным кредитом (большинство коммерческих кредитных учреждений, равно как почти все земельные, оперирующие, как известно, и в городах банки находятся в еврейских руках); многими железными дорогами, хлебной торговлей почти всецело, а мануфактурой, сахарной, чайной, лесной и некоторыми другими видами торговли и промыслов — в весьма значительной степени. В черте же своей оседлости они успели захватить всю вообще торговлю и промышленность. Они являются главными поставщиками на винную монополию, в Морском Министерстве и в Министерстве Путей Сообщения, а подряды по Министерству Военному едва ли не целиком монополизировали в свою пользу. Имея связи во всех остальных ведомствах и управлениях, а затем эксплуатируя эти источники по правилам талмуда, евреи проникают на высшие государственные должности, особенно по Министерству Финансов, Иностранных Дел и Юстиции, для чего до последнего времени по мере надобности крестились, теперь — возвращаются в иудейство, сперва понемногу, разумеется, в ближайшем же будущем перестанут стеснятся. Не даром в печати ещё на днях был отмечен проект устранения христианского богословия из курса высших учебных заведений и замены его «историей религий» с разрешением преподавания лицам обоего пола. Таким образом, если, например, ректором Петербургского университета уже оказался еврей (вероятно, крещёный), то с провозглашением еврейского равноправия Государственной Думой, в чем трудно сомневаться, новую кафедру для чтения лекций студентам займёт, пожалуй, Рухля Вексельфрессер или Малка Хаппергелд. Наше музыкальное образование давно ожидовлено, в главном же зале консерватории в Москве портрет Глинки помещён на втором плане лишь как декорация горельефа Николая Рубинштейна. Оперная и опереточная, а за ними и драматическая сцены переполнены сынами Иуды, нередко «помогающими своему счастью» ростовщичеством. Адвокатура не только в черте оседлости, а в Москве и, как следовало ожидать, в Петербурге скоро станет почти сплошь еврейской. В частности, самозваный «всероссийский союз адвокатов» недавно под председательством

еврея Винавера, собиравшийся в Москве, но из посещения совета присяжных поверенных удалённый полицией, состоял из 13 христиан и 32 евреев. Наконец, за немногими разве исключениями, сполна ожидовленная у нас как, впрочем, и повсюду, периодическая печать — эта крайне опасная сила и ничем незаменимое средство подтасовки «общественного мнения», т.е. власти.

В этой сфере еврейство показало себя неподражаемым образом, особенно после манифеста 17 октября 1905 г. , которым столь дерзновенно и постыдно злоупотребляло.

«Смотрите на правительственные должности, как на ничто. Вздором читайте всякие почести. Махните пока рукой и на сами деньги. Прежде сего захватите прессу, тогда всё прочее придёт к вам само собой!».

Таков совет, данный единоплеменникам своим в 1860 году Адольфом Кремьё, основателем «Всемирного еврейского кагала» — Ха-ура Коль Изроэль Хаберим — Alliance Israelite Universelle. Эти мысли принадлежат собственно главе иллюминатов Вейсгаупту (XVIII в.), о чем, по иудейскому обыкновению, Кремьё умолчал, но, внимая своему алмид-хахаму, евреи привели рецепт в исполнение.

Увы, что же сделали они с прессой, и во что обращаются ими стада читателей?!.. Risum toneatis, amici.

В. В территориальном отношении положение евреев не менее знаменательно. Три губернии остзейских, десять привислянских, шесть северо-западных, три юго-западных, две малороссийских и четыре новороссийских, итого — 26 лучших губерний запада и юга России с пространством в 912.000 квадратных миль и 30.000.000 жителей, уж несомненно, порабощены сынами Иуды, входя в черту их оседлости. Да и отсюда, впрочем, еврейство просачивается по всем направлениям и в немалых количествах — частью вследствие негодности сдерживающей этот напор плотины, не только оставляемой без ремонта, но и усердно разрушаемой самими же её хранителями, очевидно, не без звонких аргументов, а частью потому, что, если согласно талмуду еврей вправе обходить даже ритуальные обязательства, т.е. обманывать Господа Бога, то о соблюдении каких, скажите, гоевских (иноплеменных) законов он стал бы заботиться, когда этих самых гоев он и за людей не считает.

В течение веков, местное население грудью своей защищало Новороссийский край от всевозможных врагов, да и при окончательном завоевании его Россией в походах не участвовало, сколько известно, ни одного еврейского батальона или эскадрона. Посмотрите же, господа либералы, сколько евреев в настоящее время откармливается там и до какого раболепия пред собой они довели несчастный православный народ. И нет на них ни суда ни расправы, как с глубокой печалью засвидетельствует любой житель края, раз у него явится возможность быть откровенным, т.е. побеседовать вне еврейского соглядатайства!..

Соблюдая, хотя и по-своему, завет с Иеговой, евреи доныне считают себя единственным из всех народов Его уделом, ибо Его вся земля, — царством священников и народом святым (Бытие XIX, 5 и 6).

Иноплеменники же (гои), по учению талмуда, суть только человекообразные животные, созданные в честь евреев, дабы с большим приличием к святости Израиля служить ему рабами. Согласно с этим не только иноплеменнику (гою, акуму) ничего принадлежать не может, а, стало быть, первый встречный иудей вправе присвоить всё, что успеет захватить, но и обратясь в еврейство, акум может жениться на собственной матери. По смыслу талмуда, это обосновано на соображении, что пока они остаются животными у акумов нет человеческо-родственных отношений, а когда с переходом в еврейство они становятся людьми, тогда бывший акум уже не рождается от своей матери, иначе говоря, с еврейской точки зрения, они не признаются матерью и сыном, следовательно, могут вступить в брак.

В изложенном заключается сущность талмуда и еврейства. Несравненное и неизмеримое превосходство «избранного народа» и совершенное бесправие гоев — два коренных устоя их взаимных отношений. Не только еврей не способен de jure обмануть или ограбить гоя, а наоборот, сам гой заслуживает примерной кары за оскорбление еврейского величества, когда осмеливается лгать, будто ему может что-нибудь принадлежать. Отсюда ясно, почему для еврея весь вопрос "не посрамить Имени Божия», что по талмуду значит «не попасться», постигнуть же безнаказанности возможно лишь двумя путями: а) или заручившись покровительством власти, всё равно как, т.е. — подкупом,

влиянием соумышленников-гоев либо непосредственным участием сынов Иуды в правительстве. Причём первые два способа даже предпочитаются, как переносящие ответственность на других, или б) собственными изворотами и ухищрениями, превратившимися у евреев в неподражаемый спорт и достаточно раскрывающими смысл того положения в талмуде, что искусившемуся в ловкости выходить сухим из воды «талмид-хахаму» (талмудическому гешефтмахеру) дозволено всё и, наоборот, «амгаареца», т.е. простака не умеющего извратить «закон» произвольное число раз в ту и в другую сторону, позволяется даже в праздник «распластать как рыбу».

Приписывая ежедневные занятия талмудом самому Иегове и указывая, что даже Ему случается иной раз приглашать на консультацию знаменитых раввинов с земли, старейшины «многострадальной синагоги» сами показывают этим какую важность они придают талмуду, с другой стороны, логически утверждают, что по договору (завету) Иегова обязался возлюбить евреев и ненавидеть остальной мир. Но раз дело идёт о договоре, то еврей у себя дома, так как в «истолковании» для него нет препятствий, что, кажется, всякому известно. Ведь ещё римляне заметили, что право толковать законы (договор же, в частности, есть закон для контрагентов) равносильно праву издавать их. Как же эта практическая мысль ускользнула бы от сынов Израиля? Если не ими сказано, то для них бесспорно, что «leges sunt in schola rgines, in foro — meretrices»... В гармонии с этим, помимо нелепых, подчас забавных увёрток хотя бы для обхода ритуальных запретов в субботу (главным образом по талмуду; но и всё моисеево законодательно евреи делят на 613 отрицательных), упомянутый выше спорт и договорочная точка зрения не отклоняются евреями и в самой молитве, когда еврей молится, то, строго говоря, он лишь предъявляет иск на сновании правильно совершённого и надлежаще засвидетельствованного контракта. Принимая, однако, во внимание, что ответчиком состоит не кто-нибудь иной, а сам же Иегова, который ни своих обетовании не уничтожит, ни от удовлетворения по обязательству не отречётся, еврей формулирует свои требования не в виде прямых домогательств, а в форме подсказов (иногда вполголоса) и напоминаний.

А что имущество гоя (да и сама жизнь его — см. Ялкут Рубени 93,l; Мехильта, Параша Бешаллах л. 11 кол.1; Талмуд вавилонский, трактаты Соферим XV, л. 13 кол. 2 и Абода Зара л. 26 кол. 2 Тосеф.; см. также Сефер Толедоф Адам бешабба л. 160 кол. 2) принадлежит злящемуся еврею по праву, в этом он не может сомневаться хотя бы за силой разрешения обобрать египтян, чтобы не уходить с пустыми руками (Исх. III, 21 и 22). Молитвы же, произносимые вполголоса, это как бы «драгоценности, украденные мужем из царской кладовой и подаренные жене с тем, чтобы она их не надевала публично» Мидраш Раба, § бёт-шанон).

Талмуд рассказывает, между прочим, как, не занимаясь торговлей или комиссионерством, успел, тем не менее, нажить большое состояние величайший из пророков Израиля. Разрезая бриллиантовые доски, на которых собственным пальцем Иегова начертал десять заповедей, Моисей ловко прятал осколки, а затем выручил огромные деньги от их распродажи. Мудрено ли, что ни отуманенный «благоуханиями» еврейского капитала (так «избранный народ» говорит о процентах), автор «Натана Мудрого» Лессинг, ни светоч и слава Израиля — лорд Биконсфильд (вспомним о герое его романа — Сидонии) даже идеализированного еврея не смогли себе представить иначе, как в образе банкира. Сам гений Шекспира «благоухания» операций Шейлока свел лишь к фунту человеческого мяса. Что же делать, когда и самого рая евреи не допускают без золота, да еще хорошего (Бытие, II, 11 и 12).

Таким образом, если сыны Иуды принимают участие в чужой цивилизации, то исключительно ради своего интереса. Ребячеством и бессмыслицей было бы верить тому, что еврейство пожертвует своими выгодами в пользу других народов, когда его собственный Бог велит их ненавидеть и истреблять. В полном объёме примеряют к себе евреи и теперь то, что было установлено некогда, при иных условиях.

«Израиль есть сын мой, первенец мой. Ты народ святый у Господа Бога твоего; тебя избрал Господь Бог твой, чтобы ты был собственным Его народом из всех народов, которые на земле» (Исх. IV, 22; Втор. VII, 6).

«Мною клянусь, что так как ты (Авраам) сделал сие дело и не пожалел сына твоего, единственного твоего (для Меня), то Я, благословляя, благословляю тебя, и, умножая, умножу

семя твоё, как звезды небесные и как песок на берегу моря, и овладеет семя твоё городами врагов твоих» (Бытие XXII 16 и 17).

«И когда Господь Бог твой предаст его (город) в руки твои, порази в нём весь мужской пол остриём меча. Только жен и детей, и скот, и всё, что в городе, всю добычу его возьми себе и пользуйся добычей врагов твоих, которых предал тебе Господь Бог твой. Так поступай со всеми городами, которые от тебя весьма далеко, которые не из числа городов народов сих. А в городах сих народов, которых Господь Бог твой даёт тебе во владение, не оставляй в живых ни одной души» (Втор. XX, 13-16).

«И истребишь все народы, которые Господь Бог твой делает тебе, да не пощадит их глаз твой» (Втор. VII, 16).

«И предаст тебе Господь Бог твой царей в руки твои, и истребишь их из поднебесной» (Втор. VII, 24).

«Иноземцу отдавай в рост, а брату твоему не отдавай в рост» (Втор. XXIII, 20). «С иноземца взыскивай, а что будет у брата твоего прости» (Втор. XV, 3).

«Ибо Господь Бог твой благословляет тебя, как Он говорил тебе, и ты будешь брать взаймы. И господствовать будешь над многими народами, а они над тобою не будут господствовать» (втор. XV, 6).

«Не ешьте никакой мертвечины, — иноземцу, который случится в жилищах твоих, отдай её, он пусть ест её, или продай ему, ибо ты народ святый у Господа» (Втор. XIV, 21).

«Когда же введёт тебя Господь Бог твой в ту землю, которую Он клялся отцам твоим, Аврааму, Исааку и Иакову, дать тебе с большими, хорошими городами, которых ты не строил, и с домами, наполненными всяким добром, которых ты не наполнял, и с колодезями, высеченными из камня, которых ты не высекал, с виноградниками и маслинами, которых ты не садил, — ты будешь есть и насыщаться» (Втор. VI, 10 и 11).

«Странствуй,... и Я буду с тобой. Умножу потомство твоё,* как *звёзды небесные и дам потомству твоему все земли сии» (Бытие XXVI, 3 и 4).

«И придут иноземцы и будут пасти стада ваши, и сыновья чужестранцев будут вашими земледельцами и вашими виноградарями. А вы будете называться священниками Господа, служителями Бога вашего будут именовать вас, будете пользоваться достоянием народов и славиться славою их» (Исайи, LXI, 5 и 6).

«И будут цари питателями твоими и царицы их кормильцами твоими; лицом до земли будут кланяться тебе и лизать прах ног твоих» (Исайи, XLIX, 23).

«Сыновья иноземцев будут строить стены твои и цари их служить тебе, ибо народы и царства, которые не захотят служить тебе, погибнут, и такие народы совершенно истребятся» (Исайи, LX, 10 и 12).

«Ты *будешь насыщаться молоком народов и груди царские сосать будешь»* (Исайи, LX, 16).

«Не можешь поставить над собою царём иноземца, который не брат тебе» (Втор. XVII, 15).

Sapienti sat.

Сообразно с указанным выше взглядом поступали все позднейшие законодатели евреев, в особенности, — авторы талмуда, которые в своих «священных» книгах развили названную точку зрения до олицетворения в фарисейском боге ненависти ко всему человечеству. Эти писания дают нам точную картину иудейского характера, рисуют своего бога и создателя по собственному образу и подобию — со всеми его недочётами. В самом деле, еврею было бы чрезвычайно затруднительно, чтобы не сказать — невозможно, отказать в своей вере и любви к божеству, которое разрешает и даже приказывает ему обкрадывать, опутывать, снимать последнюю сорочку и, наконец, истреблять иноплеменника, а, вдобавок, обещает верховенство над всеми народами. Против стольких преимуществ, такого «самоопределения» и подобных надежд не устоит, разумеется, ни одна религия и никакая цивилизация.

«Не для взрослых людей, а разве для малых ребят написано это учение, — говорил ещё философ Аверроэс (умер в 1217 г.), — и затем разработано так, что последователей талмуда нет возможности извлечь ни из жалкого детства, ни из их глубочайшей безнравственности».

Действительно, по всем признакам талмуд кажется произведением, возможным только среди дикарей. Между тем, он появился в самый разгар греческой и римской цивилизации. Уже этим доказано с явностью, насколько расовая вражда неизменно отделяет еврейство от всего остального человечества. Все усилия старейшин Израиля имели единственной целью сделать евреев непохожими на прочих людей. Как бы ни были прекрасны и полезны учреждения других народов, они должны быть проклинаемы евреями.

Их бог, религия, право, нравственность, надежды и замыслы, стремления и занятия, промыслы и праздники, нравы и забавы, жилища и платья, суды и календарь, наконец, и сама пища, — все должно иметь особый характер.

Еще и сегодня те же чувства и те же упования вдохновляют охранителей иудаизма, когда на вопрос — с этими варварскими и развращающими предрассудками, как же вы рассчитываете на прозелитизм? — они дают всё тот же стереотипный ответ: **это неизбежно для устройства ограды вокруг Закона, сохранение которого важнее, чем какая бы то ни было нравственность.**

Путеводная звезда евреев уже в течение двух тысяч лет, талмуд, запечатлен в мозгу еврея по закону наследственности. Он – исключительное умственное достояние, завещанное бесчисленным множеством поколений, которые сохли и, наконец, воплотили её в себе. Евреи не только проникнуты, они пересыщены своим талмудом; ему обязаны они как идеей о своём превосходстве над всем остальным человечеством, что и делает их сильными, так и тем отсутствием всякого морального чувства, которое почти обезоруживает нас, — до такой степени оно прирождённо и непосредственно у еврея. Как насыщаемый морем песок с каждым приливом поглощает всё больше и больше соли, так и заражаемая талмудизмом душа с каждым новым поколением воспринимает изуверство всё в большей и большей мере. Воспитываемый на талмуде, каждый из молодых евреев приобретает и некоторую долю юридической подготовки. Вступив в жизнь, он вносит талмудические понятия и приёмы в основание своих поступков, а затем, убеждаясь что положительное законодательство страны, где он живёт, относится к его идеям отрицательно, он начинает изощряться в обходе законов путём толкования по наставлениям, усвоенным в хедере или иешибофе. Чем же грозит ожидовление хотя бы одной адвокатуры?..

«Польские евреи, — говорит историк сынов Иуды Грец, — позже всех ознакомились с талмудом, но зато они накинулись на него с какой-то безумной страстью. Казалось, что утончённейшие изгибы этого демонического произведения должны получить разъяснение и оценку только в Польше. Казалось, что здесь именно народились истинные мореходы по неприветливым и безбрежным волнам талмуда. Вообще же говоря, королевство Польское было раем для евреев и адом для крестьян. И что же? Проникнув сюда при Мардохее II (как справедливо называют в истории Казимира Великого) через его любовницу Эстерку, сыны Иуды в течение четырех столетий успели погубить Польшу, ожидовили Малороссию и Литву, а затем, как уже сказано, — всю Новороссию».

Сейчас они уже в Москве и по всей России...

Без земли или постоянного пребывания, не имея никакой внешней защиты, евреи способом — беспримерным в истории и среди враждебных народов, тем не менее, успели образовать через талмуд собственное государство, свою религию, администрацию, уголовное и гражданское судопроизводство, свой бюджет, одним словом, — status in statu в полном смысле слова. Слабый и, по-видимому, беспомощный народ этот в действительности оказался столь сильным и так хорошо построенным своими преданиями и религиозными учреждениями, что самые ужасные испытания, как и целые века не успели ни уничтожить его, ни ослабить. Преследуемый, раздавленный в одном месте, Израиль раскрывал свою живучесть в другом, — опять с собственным Богом, национальными упованиями и неизменной враждебностью ко всем иным народам. Такая верность себе и столь твёрдое постоянство стремлений, в конечном результате, послужили могучим двигателем еврейских финансовых операций, но, вместе с этим, явились и единственной причиной политических крушений еврейства.

Собрание роковых изветов и злобных верований, колоссальных нелепостей и невыразимых гнусностей произвело еврея-талмудиста, который в свою очередь, будучи лишён отечества и самой способности к общежитию, оказываясь повсюду чуждым и не имея никаких забот, кроме интереса своих единомышленников, нередко являлся бичом страны, куда его заносила судьба.

Пусть же не говорят, что образование и общение с другими народностями не могут не изменить талмудизма. Как нет медленных зайцев, так не бывает простоватых евреев. Как нельзя стать евреем, так нельзя и перестать быть им. Если для талмудиста ещё мыслима невозможность физическая, то нравственно невозможного не существует для него. Кто любит гоя, тот ненавидит своего Создателя...

«Греки были истинным народом Божиим» — говорит Фурье, «между тем как евреи, нынешние потомки коих всё ещё осмеливаются присвоить себе этот титул, были прямым исчадием ада, летописи которого преисполнены вопиющими и отвратительными злодеяниями. Не оставив ни единого памятника в области науки или искусства, они запятнали себя упорным стремлением к варварству, когда бывали независимы, и к фарисейской теократии, когда бывали порабощены». «А в наше время, — продолжает Туссенель, — эти наглые тунеядцы, через своих писак-прихвостней, кидают нам в лицо бесстыдное учение, что нищета есть законный удел человеческих стад, и что на жизненном пути нет места для детей бедняка»!..

Слепо преданный если не религии, то своей расе, верный себе как против идолов, так и против Евангелия, вопреки мраку и наперекор свету, презирая окружающую ненависть и не научаясь из предостережений судьбы, забывая о преследованиях и не умея переносить счастья, — еврей образованный и еврей-невежда, еврей-фанатик и еврей-ренегат, еврей ортодоксальный и еврей-атеист, еврей-цадик и еврей, отрицающий Моисея, остаётся всё тем же евреем и только евреем.

«Ведь им одним принадлежит всё и вся. Евреи единственные аристократы мира и его призванные повелители!» (Биконсфильд).

С целью уяснить себе дерзновение этой фразы, представляющей, однако, лишь сущность того, что в целом ряде своих романов сперва туманно и лукаво, а затем открыто и систематически проводил названный испано-итальяно-английский еврей (придя с Востока, предки Биконсфильда Сефардимы, т. е. испанские евреи, после изгнания в XV столетии, частью бежали в Венецию, а затем — в Англию), обрезанный 6 дней от роду, а 13-ти лет крещённый, но всегда остававшийся евреем, перед смертью же совсем вернувшийся в иудейство, — необходимо, по крайней мере в нескольких словах, припомнить его политическую биографию. Как и его соплеменник Лассаль в Берлине, тоже, разумеется, «друг народа», подобно большинству еврейских карьеристов, д’Израэли дебютировал самым красным из радикалов, хотя это не мешало ему рабски втираться в аристократические гостиные Лондона и даже стать «законодателем покроя жилетов для джентльменов». Сжигаемый чисто еврейским властолюбием, он по первому дуновению ветра повернул в обратную сторону и, раболепствуя пред одним из влиятельных богачей Кента — Виндгамом Лэвисом, от одного из гнилых местечек «доброй старой Англии» проник в парламент как ставленник тори или, выражаясь по теперешнему, — «чёрной сотни»... Правда, он никогда не упускал случая пролить несколько крокодиловых слез об участи рабочих и меньшей братии вообще — ведь это так легко даёт «хорошую прессу» и так быстро привлекает сердце такого малого, хотя и злого, ребёнка, каким повсюду остаётся толпа!.. Но зато во имя заслуг, оказанных Израилем человечеству, он успел провести в депутаты Лионеля Ротшильда, куда вскоре же за королём банкиров последовали, конечно, Гольдшмит, Симон, Коган и разные другие евреи. При всяком удобном случае, выдвигая напоказ своё крещение, д’Израэли не затруднялся отождествлять христианство в его первобытной форме с еврейством. «Христианство, — по его словам — это иудаизм, насколько он доступен большинству, а всё таки иудаизм!» или «христианство — дополненный иудаизм либо ничто», иначе говоря, — христианство есть иудаизм, приноровленный к «низшему уровню язычников»...

Далее, в романе Конингсби, д’Израэли пишет: *«Римский католицизм, должен быть почитаем, как единственная, доныне существующая еврейско-христианская церковь. Все другие из основанных апостолами церкви исчезли, одна римская стоит по-прежнему, и как бы ни были чрезмерны её вожделения на пути средних веков, не следует забывать о её первобытном характере, когда ещё не*

были утрачены ею благоухания рая». Итак, очевидно, что если Биконсфильд и признаёт какой-нибудь нравственный авторитет за папским престолом, то отнюдь не ради самого Рима, а ради отблеска Палестины, которого, впрочем, как утверждает он же, теперь и следов не осталось.

Однако, энтузиазм автора вскоре гаснет и уже в своём «Лотаре» Биконсфильд относится к католическому клиру весьма непочтительно, установленные им религиозные церемонии называются языческой переделкой истинного культа. Сообразно с этим, требуя сегодня свободы католикам как старшим сыновьям великой еврейской семьи, Биконсфильд завтра переходит на сторону англиканской церкви, действительной, по его новому уверению, наследницы иерусалимских преданий. Такой аргумент бьёт с особой меткостью в странах протестантских, как Англия, где Библия служит первой книгой для чтения детям, где юноши обучаются истории еврейского народа раньше, чем своей собственной, и где умственная атмосфера во всех классах общества пропитана иудаизмом. Для протестанта Иерусалим так же священен, как Рим для католика. Это обаяние Иерусалима, проходящее через все главные его романы, д'Израэли окрестил именем «азиатской тайны» (Asian mistery), а затем всемирно эксплуатировал эту «неразгаданную» тайну во славу своих единоплеменников. Отсюда не труден был переход и к положениям, что *«всё сводится к расе, другой же истины не существует»» (All is race, there is no other truth)*, или что *«идея расы — величайшая истина, на которой основываются все остальные» (The great truth into which all truths merge)*. В «Конингсби», в «Жизни лорда Бентника», в «Общем предисловии» он то и дело возвращается к этой проблеме, упивается ею, кричит о ней. Для чего, спрашивается? Без сомнения, только для того, чтобы провозгласить верховенство евреев, как чистейшей из всех рас. Это, однако, уже само по себе противоречит всем данным еврейской истории, а с другой стороны не могло бы оправдать иудейского превосходства даже если бы оказалось верным, потому что самыми одарёнными являются именно народы наиболее смешанной крови, каковы, например, сами англичане и французы. Египетские фараоны, утверждает, тем не менее, д'Израэли, цари ассирийские, императоры римские, разбойники скандинавские, короли готские, наконец, святая инквизиция, последовательно клялись уничтожить избранный народ, но он не погиб. «Где же, — надменно восклицает он, — искать лучшего доказательства тому неумолимому естественному закону, что высшая раса никогда не может быть поглощена низшею?!»...

Подобный вывод блистательно иллюминируется хотя бы пресловутым Бловицем, — парижским корреспондентом Times, который на вопрос румынской королевы отвечал, что он родился в Богемии от израильских родителей, а пишет из Франции на английском языке pour le roi de Prusse, или же — бывшим духовником императрицы Евгении и образцом всех добродетелей Ицкою Бауэром, сделавшимся в 1870 году шпионом Бисмарка, а после войны открывшим в Брюсселе кафе-шантан.

Не даром, стало быть, называя д'Израэли Гладстон иностранцем, в жилах которого нет ни капли английской крови.

Следует ли за сим рассматривать политические эксперименты этого чистокровного еврея, который, оставаясь неизменным врагом «великого старика», его идей и реформ, а в частности, даже его билля об отмене продажи чинов в армии, и обзывая изменником О'Жоннеля, сам же нагло изменяя своему благодетелю Роберту Цилю, вполне, кажется, заслужил аттестацию, данную ему Карлейлем. Запятнав его политику шутовской кличкой, знаменитый историк презирал лидера ториев, «как еврейского колдуна, отплясывающего свою безумную сарабанду на брюхе английского народа».

Увы, д'Израэли делал своё сатанинское дело, ничтоже сумняшеся. Он ненавидел Россию именно как еврей и на берлинском конгрессе явился мстителем за своих «угнетённых» соплеменников при благосклонном, правда, участии «честного маклера» Бисмарка и полуеврея Ваддигтона, французского посла, в свою очередь сводившего с нами счёты за нашу воистину безрассудную политику в 1870 году. Отказавшись от всех своих успехов в Семилетнюю войну и погубив цвет русских войск под Фидландом, Прейсиш-Эйлау, а в особенности под Аустерлицем pour le roi de Prusse, мы не ограничились этим. Разрешая той же Пруссии добивать Францию после Меца и Седана, мы сами подготовили себе всё дальнейшее. Неспособность же, чтобы не сказать хуже, дипломатии нашей после турецкой войны 1877/8 годов роковым образом повлекла за собой как потерю важных

результатов, добытых Румянцевым-Задунайским, Суворовым и Дибичем-Забалканским, значит, и вынужденный компромисс наш с Австрией, т.е. отказ от Константинополя уже навсегда, так и нашу Порт-Артурскую авантюру. Громадная задолженность России, прямо из этих ужасных невзгод проистекающая и бесплодные потоки крови нескольких поколений, нами пролитые для завоевания Европейской Турции и Манчжурии, являются, вдобавок, премией за наше бесславие. В частности, отправляясь на освобождение Болгарии тридцать лет тому назад, мы также ни о чём понятия не имели, как не знали даже того, что по сравнению с нашим мужиком турецкая райя благоденствует, а с другой стороны, что примеры Сербии и Румынии достаточно засвидетельствовали безнадёжность политического подчинения нам болгар. Непостижимая близорукость в этом направлении усугубилась полной нашей неспособностью обосновать какие-либо торговые связи с их прекрасными и богатыми странами. Мы всё ещё сентиментальничали, пока англичане и евреи не захватили всего, оставив на нашу долю страшные потери, горькие разочарования и беспросветную нищету. Мудрено ли, что к берлинскому конгрессу сама Франция успела позабыть, как всего за два года раньше мы спасли её от новой «операции» Бисмарка, грозившего на этот раз «saigner a Blanc» (выточить и сукровицу).

Таковы по нашей собственной вине были те условия, которыми воспользовался в Берлине великобританский премьер ad majorem Israeli gloriam.

Если таким образом мы сами вновь открыли Англии случай обеспечить против нас свои коммерческие и другие интересы и создать новые пути порабощения нашего естественного союзника — Азии с перспективой уничтожения флота и политического престижа России, когда мы решимся на что-нибудь по-прежнему необдуманное, то на современные последствия мы, строго судя, и жаловаться не вправе. Vae victis! говорили римляне. Кого же винить нам кроме самих себя, если на свою долю мы изловчились накликать лишь горе и стыд, даже когда бываем победителями? Мудрено ли, что в Берлине мы встретили врага в лице самой Франции, и что конгресс был, в сущности, уголовным судом над нами по ложному доносу еврейства, сумевшего отождествить своё дело с выгодами «просвещённых мореплавателей»?!..

«*Виноград не растёт у нас,* — говорят англичане, — *но мы пьём вина всех нации*».

Англия живёт торгашеством и промышленной эксплуатацией других народов. Она одна ежегодно производит столько мануфактурных изделий, что при экономии их десять раз хватило бы на все пять частей света. Отсюда всякий чуждый фабрикант или заводчик — её вра г. Поэтому для неё, безусловно, необходимо создавать затруднения и препятствия к развитию производства в других странах, в особенности же — мешать иностранной мануфактурной промышленности, так как всякий прогресс этого рода грозит лишить ей монополии и готовит ей соперничество не на жизнь, а на смерть.

Избежать погрома возможно, только оставляя народы в промышленном детстве и поддерживая в их среде войны и анархию.

При содействии евреев и франкмасонов, Англия так и поступает. Indocti discant et ament meminisse periti!..

Взгляните на глобус или постарайтесь мысленно охватить такие пространства, как от Гудзонова залива до Огненной земли, от Шпицбергена до Цейлона, от Нордкапа до Мыса Доброй Надежды, от Кантона до Финистерре. Повсюду, за редкими исключениями, вы увидите красные пятна. Это кровь, пролитая англичанами.

Китай, научающийся искусству разрушать в школе своих же победителей; Индостан, Египет, Канада, Испания, Афганистан и Трансваль — эти государства, разъедаемые Англией и в молчании грызущие удила своего рабства; Франция, Голландия и Дания, долженствующие предъявить старой хищнице список стольких разбоев и оскорблений; Германия, ещё недавно обманутая на обмене Гельголанда и сталкивающаяся с Англией именно по торговле в Африке, в Азии, в Тихом океане — почти на каждом шагу; Россия природный враг азиатских владык; С.-А. Соединённые Штаты, в свою очередь ожидающие сведения многих счетов; наконец, Япония, способная, пожалуй, дать коварному Альбиону несколько очков вперёд, сама готовая разыграть роль повелительницы океанов, отнюдь не радующаяся нашествию английских евреев и на всякий случай уже не допускающая своих друзей-

англичан ни в Дальний, ни в Порт-Артур, — весь этот мир может ли обещать Великобритании что-нибудь хорошее?!..

Тем временем как бы для общего соблазна приятелей монополия снабжений всего света заставляет притекать в кассы Джона Буля богатства прямо чудовищные, и он добросовестно пользуется ими, чтобы повсюду содержать на жаловании междоусобицы и революции. Одним из знаменательных опытов британской политики на этом поприще является так называемая великая революция во Франции, задуманная и разыгранная главным образом при благосклонном участии евреев, а в особенности — масонов, и поныне действующих во славу Англии. [1]

Война питает монополию, а монополия кормит войну. Пусть только та или другая прекратятся и колосс великобританского могущества, настоящий золотой колосс на ногах из грязи, рухнет в то же мгновение.

И вот за меловыми скалами своего острова сидят они, эти надменные лорды, фабриканты и банкиры туманного Альбиона, всего, быть может, две тысячи семейств, как гнездо коршунов, которых гений зла держит на привязи с обеих сторон человечества, чтобы раздирать его мясо и пить его кровь...

Для утоления наглого чванства этой горсти деспотов и обеспечения им добычи совершается на земле столько преступлений, сколько кораблей погибает на море; десятки лошадиных сил затрачиваются на одно производство такой отравы как опиум. В самой Англии массы людей бродят в рубищах, а ирландец и сакс обречены кидаться на пищу, которой пренебрегают и свиньи!..

Свирепая политика Англии в течение лишь четырёх последних веков превратила эту страну из двух небольших островов с несколькими миллионами жителей во владычицу морей и вершительницу судеб остального мира, в государство необъятное, где, по гордому заявлению одного из великобританских министров, барабан бьёт во все часы дня и под всеми широтами. Тогда как ещё в XVI столетии английский военный флот уступал голландскому в той же степени, в какой русский флот (до войны с Японией, разумеется), был меньше современного английского, уже с начала XIX столетия эскадры Великобритании сильнее, а теперь и гораздо сильнее соединённых флотов двух любых иностранных держав. На английском языке говорит в настоящее время более 350.000.000 человек, а рост английской торговли развивается с такой быстротой, что тогда как в 1874 году её оборот едва достигал двенадцати, сейчас он превышает двадцать миллиардов франков, т.е. равняется четырежды повторенной, колоссальной и беспримерной — в пять миллиардов — контрибуции, взятой Германией с Франции в 1870 году.

Наряду с этим не мешает заметить, что по своему хищническому и жестокому характеру, англичанин из всех своих пор как бы выпотевает евреем. По свидетельству известного автора книги об антисемитизме Бернара Лазара, в апреле 1891 г. евреи-революционеры праздновали годовщину основания своего клуба в Бернер-Стрите. Предпослав обозрение еврейского социального замысла, один из ораторов указал на факт, что еврейское «освободительное движение» вполне организованно и что повсюду, где есть еврейство — в Лондоне, в Америке, в Австралии, на Мысе Доброй Надежды или в России, имеются также и восставшие евреи-анархисты.

«В Европе есть нация, — говорил ещё пятьдесят лет назад испанский писатель Бальмес, **— крайне опасная своей огромной силой и обладающая на всём пространстве земного шара могущественными орудиями, которыми она, вдобавок, пользуется с изумительной ловкостью и коварством.**

Раньше других пережив в новейшие времена все степени религиозных и политических революций, эта нация имела возможность изучить страсти в их наибольшем напряжении и преступление во всех его видах. Мотивы движущие политическими и вероисповедными смутами, ей достаточно известны. Теперь она уже не даст провести себя пустозвонными фразами, которыми в периоды революций прикрываются жадность и месть. Её чувствительность слишком притупилась, чтобы легко было вызвать у неё волнения, от которых другие страны заливаются кровью и слезами.

Вот почему среди всеобщих раздоров и смятений она умеет сохранять внутренний мир и

наслаждаться спокойствием, обеспечивающими её государственный строй, обычаи и богатство, а в особенности — океан, опоясывающий её со всех сторон.

Пользуясь таким положением эта нация зорко следит за остальными народами, чтобы по очереди запрягать их в свою колесницу, если у них хватает наивности следовать её голосу.

Она старается, по крайней мере, изобретать преграды их развитию, когда чувство независимости освобождает их из под её влияния.

Неуклонно расширяясь путём своего торгашества и ради него, она умеет набрасывать покрывало стыдливости на отвратительные и презренные замыслы, руководящие ею. Самые священные верования и важнейшие государственные задачи для неё безразличны, когда дело касается других народов. Тем не менее, она искусно пользуется этими орудиями, чтобы создавать себе друзей и сокрушать противников или же ловить их в свои сети, раскинутые повсюду. Тщательно изучаются её государственными людьми все данные, которые могут принести ей пользу или вред, и они здесь не ограничиваются пределами текущей политики, а исследуют жизненный принцип, источники силы и степень энергии каждого народа».

Указав, в свою очередь, на превращение Средиземного моря (после уступки Францией Египта) в английское озеро, а всего Атлантического океана — в англо-саксонское море, равно как на переход Панамского канала во владение С.-А. С. Штатов, вдумчивый автор ряда трудов по еврейскому вопросу, финансам России и золотой валюте как источнику порабощения народов через захват еврейством монополии денег, т.е. самого синтеза политико-экономической жизни, Г. В. Бутми пишет: [2]

«Для окончательного господства англосаксам Европы и Америки оставалось превратить и Тихий океан в своё внутреннее море, что и было достигнуто мастерски инспирированной русско-японской войной, увы, ненадолго ослабившей Россию и подчинившей Японию английскому капиталу.

Такие успехи обыкновенно достигаются британской дипломатией без пролития английской крови, даже без военных расходов. За Англию терпят унизительные финансовые невзгоды и льют потоками свою кровь другие народы, она же только пожинает плоды ею же повеянной ненависти, приобретая удобные гавани и сосредоточивая в своих руках долговые обязательства воюющих. В результате весь остальной мир по государственным долгам, акциям и облигациям различных, нередко бессмысленных, предприятий уплачивает англичанам мирную контрибуцию в те же пять миллиардов франков ежегодно.

Распоряжение громадными денежными средствами даёт английскому правительству, которое справедливо называют правительством банкиров, громадное влияние во внешних и внутренних делах других государств, поскольку не одни внешние войны и внутренние перевороты, но и мирное направление общественной мысли путём еврейской печати требуют денег и обеспечивают преобладающее влияние тому, кто умеет их дать на определённых условиях и на достижение целей, входящих в расчёты кредитора. Этим влиянием денег объясняется наглое поведение английской дипломатии и бесцеремонный тон «английской» прессы, прекрасно сознающих, что сила не в праве и не в аргументах. Этим же объясняется и раболепное подчинение дипломатии и прессы других стран самым вероломным требованиям и толкованиям «английских авторитетов».

Вся внешняя политика Англии представляет ряд вопиющих нарушений международного права, что не мешает, однако, той же Англии в большинстве случаев являться авторитетной толковательницей означенного права.

Войны ведутся англичанами исключительно разбойничьи — против слабых и беззащитных, притом с неслыханным варварством и нарушением всяческих конвенций. Невзирая на это, голос Англии признаётся решающим и в вопросах гуманности.

«Владычица морей» вносит войну или смуту во всякую страну, с которой приходит в соприкосновение. Тем не менее, английские советники высоко ценимы при иностранных дворах, а содерживаемые, благодаря им, монархи уходят кончать бесславный остаток дней своих в ту же самую Англию, которой они служили, и которая погубила их.

История показывает нам, что всякое государство, заключающее союз с Англией, тем самым неизбежно вступает и на путь своей погибели. Но вопреки здравому инстинкту народов, их дипломаты и руководители периодической печати не перестают стремиться к такому отчаянному для себя договору с этим современным Карфагеном.

В частности, на мысли о том, что именно Англия руководит через своих агентов внешней и внутренней политикой России, наводит целый ряд явлений, трудно объяснимых одним тупоумием русских, ибо в этом есть система.

Вмешательство России в боксёрское движение и притом — в направлении прямо-противоположном задачам нашим в Азии, равно как интересам неизменно-дружественного до того времени Китая; неиспользование нами права строить железные дороги в Персии; неиспользование крайних затруднений Англии во время бурской войны; уклончивое отношение к авансам со стороны Германии; поощрение английской военной контрабанды во время войны с Японией; терпимость к английскому шпионству в большей степени, чем это разрешается каким-либо тупоумием. Это — во внешней политике.

Во внутренней политике: поощрение организации иудейской политической армии, призванной господствовать в России под протекторатом Англии; преследования цензуры против охранительных и антисемитических органов печати рядом с полной распущенностью иудейской прессы; бездействие властей против иудейских демонстраций, политических убийств и открытых возмущений, и параллельно с этим, — суровое подавление всякой попытки благомыслящего населения обуздать таких непрошеных реформаторов уклада русской народной жизни; проведение иудеев без всякой нужды в Государственную Думу и, наоборот, отклонение разумного требования сословных выборов, и проч.

На Кавказе, где ни татары, ни лезгины, ни чеченцы, ни осетины, ни даже изменявшие в последнюю турецкую войну абхазцы не мечтают о воссоздании самостоятельных государств, а лишь просят, чтобы над ними властвовал русский, потому что русский их победил, отнюдь не армянин и не грузин, — на Кавказе русские люди позорно изгоняются, а милость сперва ещё колеблется между армянами и грузинами, мечтающими о Великой Армении и самостоятельной Грузии, в конечном же результате предпочтение отдаётся именно армянам, увы, не только более враждебным России и сильнее организованным, но и пользующимся поддержкой Англии. Власть как бы сама желает создать под протекторатом Англии армянское владычество на Кавказе.

С другой стороны, не может быть никакого сомнения в том, что совершающееся на наших глазах отложение Финляндии от России при благосклонном попустительстве русского генерал-губернатора есть плод английского влияния на нашу внутреннюю политику и на её руководителей.

В виду изложенного, сам собой напрашивается вопрос: неужели во всех государствах целые массы лиц, подчиняющихся влиянию Англии и работающих на её пользу, являются продажными изменниками своего государства, сознательными предателями собственной родины?

Нет!

Большинство этих агентов великобританских козней сами оказываются жертвами хитрого обмана, слепыми орудиями в руках адской махинации, куда они вступают по легкомыслию или неведению, увлекаемые миражем свободы и «просветительных» целей вообще. Затем они незаметно отклоняются на преступные пути уже собственными выгодами, а о сатанинских целях самой организации большинство её адептов так и не узнает никогда. Те же немногие, которым эти цели открываются, в большинстве случаев — «надежные», испытанные преступники, для которых отступление невозможно».

Совершенно очевидно, далее, что вести такую политику с успехом нельзя без твёрдой системы и всестороннего плана, без постоянных и заинтересованных агентов, без подбора лукавых и целесообразных средств. Так и есть в действительности. Союзниками Англии служат: всемирный кагал, — веками скованное, тайное и международное сообщество, сурово дисциплинированное и подчинённое деспотической власти талмид-хахамов — для порабощения мира ростовщичеством и

через фальсификацию свободы, а с другой стороны, — масонство, в свою очередь — тайная и международная компания, также преследующая обширные, весьма сокровенные и глубоко предательские цели: во всех странах порождать внутренние смуты и государственную измену во славу Англии, а с другой стороны, повсеместно разлагая верования, государства и национальности, стремиться к их погибели. [3]

а) Еврей Биржевой. Действительно, среди союзников иудейского господства, основанного на тайных обществах, типом которых является собственная организация еврейства (как не назвать золота?). Не его ли упрекало язычество в одичании и разврате нравов, а христианство проклинало за расслабление духа и очерствление сердца? Не золото ли искуситель всякой совести. В самом же безмолвии своём не оно ли красноречивейший из ораторов? Не оно ли, далее, бесспорный владыка человеческих стад? Простой, по-видимому, металл, и, однако, всё, что может быть куплено, продаётся или отдаётся ему. Вне атмосферы, которая обволакивает и защищает верующего, кто указал бы вещь или человека, на которых нет покупной цены?..

«Продажный город, как ещё не нашлось желающего купить тебя?!» — с бешенством, воскликнул Югурта, переступая порог Рима — этой надменной республики, где, однако, привыкнув к грабежу провинций, сенаторы и полководцы столь часто унижались пред золотом, которое протягивал им грозный враг Рима, тот же Югурта.

По объёму настоящего исследования нельзя, к сожалению, войти в подробности проблемы, а приходится ограничиться тем, что неизбежно для раскрытия безграничности и глубины деспотизма, которым еврей обязан своему металлу, равно как своему неподражаемому искусству вызвать его просачивание и, наконец, природному инстинкту, таланту, если хотите — гению, с которым еврейство оказываемый им кредит поднимает над всяким иным величием и уравновешивает так, что поколебать или уничтожить этот кредит значило бы перевернуть мир вверх дном.

Если сыны Иуды были царями финансов во все времена, то никогда в том же размере, как ныне, финансы не являлись основанием войны и мира, душой политики и промышленности, равно как всех вообще деловых отношений человечества; счастьем и покровом семьи; обстановкой всякого положения, отличия или достоинства, всевозможных связей и почестей; увенчанием любой славы и родовитости. Сверх того, никогда раньше это владычество, домашним очагом и цитаделью которого служит железная касса еврея, не сосредоточивалось столь изумительно и грозно, как в наши дни.

Будучи результатом хода вещей и тех усилий публицистов-философов, которые с середины XVIII столетия пустили в ход все рычаги для ниспровержения религии и христианского общества, тирания золота превратила освобождение евреев, т.е. равенство их государственных и гражданских прав с христианами, в жизненный вопрос европейской политики.

И нельзя не сознаться, — именно еврей (Серфбээр — «Les Juifs») был первым, кто раскрыл народам глаза на тиранию, способную поразить ужасом людей, как только взоры их обращаются к тому, что ещё предстоит впереди.

Не даром на вопрос, желал ли бы он стать королём евреев, лорд Натаниель Ротшильд отвечал, что с него довольно быть евреем королей.

Да и зачем, собственно, хотя бы всемирному кагалу искать открытого участия в правительстве, иными словами, нести ответственность и всяческие передряги, когда задача может быть решена проще, ведь у евреев хватает денег, чтобы покупать самых юных красавиц и самых престарелых министров?!

Вообще говоря, двигатель мира и войны, любой государственной или общественной службы, всякого предприятия или замысла, всяческой власти или наслаждения, главная сила в мире, где религиозность угасает, а нравственность осмеивается, — конечно, золото. Здесь ни что иное не заменяет его и заменить не может. Именно золотом заказывается и пускается в ход идея; золото же кует и оплачивает железо, — меч или механизм, предназначенные осуществить её. Царствуя как повелитель и выражаясь как тиран, золото повергает к ногам того, кем оно раздаётся, королей и знать, министров и подданных, философов и женщин, искусства и науки, законы и понятия, нравы и склонности. Каждый истекший день, увы, придаёт этой истине всё более зловещий блеск и в конечном выводе убеждает нас, что

золото — это еврей.

Один из «старейшин многострадальной синагоги» и удав биржи, сокрушаясь о разладе с таким же товарищем-удавом, как-то обмолвился: «Если бы, наоборот, нам пришлось столковаться, то едва ли у христиан осталось бы ещё что-нибудь, кроме глаз для слёз».

Еврей поработил нас, он наш хозяин, и не только в следствии того, что мы уже не владеем золотом, а потому, что золото нами владеет; потому, что самомнение, роскошь, сладострастие, жажда и бешенство обладания всем овладели нашей душой. Он не бросит своей добычи пока не воскреснет христианское воспитание, которым внушается человеку смирение, умеренность, честность, воздержание, самоотвержение, сострадание и уважение к слабым и обездоленным.

Изобретательные и ловкие от природы, одержимые инстинктом господства и ничем не стесняющиеся евреи постепенно заняли все дороги, ведущие к богатству и власти. Самый дух жидовства постепенно проник в современную цивилизацию. Они заправляют биржей, прессой, театром, литературой, администрацией, главными путями сообщения на суше и на море, а затем через власть денег и национальных дарований особого рода они сейчас держат в своих сетях всё нынешнее поколение.

По ходу событий нельзя, кажется, сомневаться и в том что если бы это было возможно, евреи захватили бы самый воздух, которым мы дышим, и стали бы торговать им.

Разве не стремятся они на наших же глазах «сорвать с петель европейскую цивилизацию»?! Nihil est Judaeo miserius aut superbius!..

«Но история человечества не есть только вражда интересов, — это борьба между ними и идеями. Теперь побеждают интересы, а в конце концов победят идеи» (Кастелляр).

Il n’y a rien impossible a ceux qui savent oser et souffrir (Fenelon).

Тем не менее, сыны Иуды идут к полному господству над нами, а их корыстные или обманутые ими сторонники жаждут равноправия для них же.

Но ведь «равноправие» нигде не возвысило евреев нравственно и не улучшило их отношение к народам волей или неволей, но уже признавших равенство прав за евреями. Достигнуты, увы, обратные лишь результаты.

Возьмём для примера Ротшильдов, без сомнения, в поте нашего лица добывающих хлеб свой. Не длинен и не нов рассказ.

Основатель династии — Мейер-Амшель (без фамилии; Ротшильдом же стал называться, самовольно заимствовав эту фамилию от красной вывески (rot Schild) в том переулке франкфуртского гетто, где проживал. Смолоду готовился быть раввином, т.е. усердно вникал в талмуд, а затем рассудил, что деньгами торговать выгоднее.

Такое решение было, впрочем, не только естественным, но и не заключало противоречия с прежним, так как талмуд даёт деньги, а деньги не удержатся без талмуда. В данном же случае общее положение подтверждается фактом, что вместо теоретической подготовки к торговле деньгами по талмуду Амшелю Ротшильду удалось пристроиться к еврейскому банкирскому дому, т.е. изучить эту национальную премудрость практически.

Le rabbin Israele sort de la Synagogue;
Il ne regarde rien, — terrible dans sa course, —
Il gagne avec furreur la place de la Bourse...

Как в древности, так особенно в Средние века сыны избранного народа являлись главными фабрикантами евнухов для царей вавилонских, ассирийских, парфянских и персидских, для арабских и мавританских калифов, равно как для турецких султанов. Отсюда возникла необходимость иметь рабов. И вот евреи облюбовали работорговлю в такой мере, что почти монополизировали её, даже в «доброе, старое время» и у нас в Крыму.

Сколько так русских душ, несчастных полонянников, загублено одними только евреями, Ты, Господи, веси...

По завету предков, дебютировал торгом людьми и Мейер-Амшель при участии герцога гессен-

кассельского, который продавал Англии своих верноподданных для отправки в С. Америку на усмирение бунта колонистов. Когда не хватало своих, герцог поставлял «для Америки» чужих верноподданных, скупая их то у того, то у другого из мелких владельцев Германии, которые и при раскатах Марсельезы всё ещё не забывали обычаев «великолепного» Людовика XIV. Само собой разумеется, что львиная доля барышей попадала в карман Мейера-Амшеля, который состоял комиссионером герцога и, сверх того, уже на английских кораблях. Затем понемногу он стал давать деньги уже не одним частным лицам, а и небольшим государствам, как Дания, например.

Своих колонистов Англия не одолела. Образовались Северо-Американские Соединённые Штаты, и евреи впервые проникли в Америку, так как прежде ради безопасности молодой колонии Англия евреев туда не пускала. С другой стороны, начались войны монархических коалиций против Франции и походы Наполеона. Здесь для Амшеля открылся богатейший золотой рудник. Смышленый еврей давал взаймы обеим воюющим сторонам, но вскоре же оказался исключительно банкиром коалиций.

Разрывая, таким образом, в лице своей новоявленной династии, беспримерные раньше гешефты, «избранный народ» богател и, следовательно, размножался в то самое время, когда гои истреблялись взаимно и в страшных количествах. Подчас, как, например, на полях битвы у Маренго, на что горько жаловался Наполеон, целые полчища сбежавшихся отовсюду евреев грабили раненых и умирающих. Впрочем, то же самое сыны Иуды проделывали и в наше время. Не далее, как в 1870 году. Мудрено ли, что, потеряв цвет своего населения ещё при Наполеоне, эта великодушная и несчастная страна теперь изнывает под игом всё более и более многочисленных поколений «равноправных» евреев?!

Этим «избранный народ» начал мстить Наполеону за то, что, разочаровавшись в надежде «приголубить» евреев, он был вынужден принимать строгие меры против эксплуатации ими сельского населения главным образом там, где тогда уже еврейство изобиловало, т.е. в Эльзасе и Лотарингии. Но сказанным месть не ограничилась. Ротшильды явились не только друзьями Англии (куда после изгнания в XII столетии они вернулись при Кромвеле или Мардохее III), но и лютыми врагами Наполеона. Сын Амшеля Натан даже переселился в Англию, тогда как другой его сын Ансельм обосновался в Париже. Можно себе представить какие фуги и вариации шпионства разыгрывали братья Ротшильды при этих условиях, без сомнения, являясь агентами всего избранного народа. Здесь мы встречаем яркий пример того, на что способно еврейство, как только оно перестаёт трепетать.

«С небольшим сто лет назад, — говорит Дрюмон, — нищие и презираемые евреи пришли в нашу прекрасную и богатую страну, теперь одни евреи богаты в этой, уже презираемой ими и обнищалой стране. Сто лет назад евреи были ничто, меньше чем ничто, сейчас они — всё или почти всё».

Тринадцать раз отказывалось Учредительное Собрание признать равноправие евреев, а если 28 сентября 1791 года, наконец, согласилось, то под гнётом масонства, куда сыны Иуды успели проникнуть, равно как, без сомнения, в следствии подкупа (между прочим, продались кагалу главные вожаки Собрания — аббат Грегуар, граф Клер-мон-Тоннер, Дюпор, адвокат Годар, Робеспьер и Мирабо), частью же под влиянием еврейских «патриотических» демонстраций и уверений в том, что беспредельно благодарные иудеи ничего большего не желают, как стать французами и гордятся этим.

С провозглашением «равноправия», целые массы евреев сбежались во Францию из других стран, особенно на Рейн, и, разумеется, не замедлили показать себя так, что и самого Наполеона приводили в отчаяние.

Возобновив, как сказано, торговлю человеческим мясом и помогая задушить свободу в Америке, а затем и во Франции, они впервые, тем не менее, воспользовались успехом революции штатов Новой Англии.

Получив достоинство французских граждан, те же евреи, особенно в лице Ротшильдов, снабжали деньгами монархические коалиции именно в их усилиях задушить французскую республику. В частности, Натан Ротшильд, через евреев же конечно, доставлял Велингтону в Испанию и Португалию английское золото и такие сведения, которых он не мог бы получить иначе. Под Ватерлоо Натан подкупил маршала Груши, который вопреки приказу Наполеона, уже разбившего армию Блюхера, «заблудился» и вовсе не прибыл на поле битвы, а Блюхера не тронул, чем и дал ему

возможность решить бой в пользу Велингтона же. Этим была несчастно и для России закончена величественная эпопея борьбы Наполеона с Англией, ибо вся дальнейшая история великобританской политики, уже причинившей нам столько горя и стыда, в случае победы Наполеона, отнюдь не существовала бы.

Само собой понятно, что Натан Ротшильд и себя не позабыл. Внезапно явившись из под Ватерлоо на биржу в Лондоне, он произвёл там панику, распродавая по чём попало английские государственные процентные бумаги и даже печальной внешностью своей делая вид, что сражение, где Британия, наконец, всё поставила на карту, проиграно. Когда же через сутки истина открылась, все сожалели о Натане, а он, между тем, «заработал» на разнице курсов, бешено полетевших вверх, около 10.000.000 рублей. Из этого «опыта экспериментальной физики» и пошло знаменитое объяснение Ротшильдами своего нынешнего богатства, достигающего, увы, 10.000.000.000 франков. *«Мы всегда дёшево продавали и дорого покупали»*, — говорят цари Израиля. Это значит, что они так именно действовали ad usu populi, а в то же время через своих подручных тайно поступали наоборот. Ведь и публика и сами биржевики поддаются панике, в особенности публика; она неизменно покупает с повышением биржевых цен, а с падением их — продаёт. Таким образом, Ротшильды и К° ловят в мутной воде столько рыбы, сколько им нравится.

Mundus vult decipi, ergo decipiatur.

Таковы лишь некоторые, мельком набросанные результаты иудейского равноправия во Франции. Но если и не в столь поразительных размерах, то их нельзя было, однако, не предвидеть вообще.

И действительно, не было недостатка в предостережениях у самого Национального Собрания.

«Назвать евреев согражданами, — утверждал аббат Мори, *— всё равно, что уверять, будто, не переставая быть англичанином или датчанином, можно стать французом. Со времён Карла Лысого, который предоставил евреям гражданские права и евреем же Седекией, своим врачом, был отравлен, сыны Иуды были у нас изгоняемы и вновь призываемы семь раз. Справедливо заметил Вальтер, что «корыстолюбие преследовало их, и оно же им покровительствовало. Восемнадцать столетий провели иудеи в Европе, не смешиваясь с другими народами. Ничем иным не занимались они, кроме торговли деньгами, а в странах земледельческих являлись бичом трудящегося населения.» «От евреев народ приходит в ужас, — свидетельствовал нансийский епископ Ла-Фар, а в Эльзасе они бывают и жертвами народных движений. Тем не менее они проникают повсюду и завладевают всем. Стремясь обездолить тамошних крестьян, они скупают рожь и доводят их до голода. Они так навострились захватывать всё и вся, что «если бы нам пришлось, положим, лишить вас, владыка, — заметил один из жителей этой несчастной страны, то епископом нашим оказался бы, пожалуй, еврей».*

Поставленное на один уровень с вьючными животными «произволом тиранов старого порядка», еврейское племя должно бы, казалось, отдаться всецело защите свободы, поднявшей его до прав человека. Ничуть не бывало. Евреи изменяли нам неоднократно в городах и сёлах области Вейссенбурга, и едва ли, с другой стороны, нашёлся бы между ними десяток патриотов на всём Верхнем и Нижнем Рейне. То же самое происходило в Байонне и Бордо. Повсюду алчность они ставили на место любви к отечеству, а смешные предрассудки свои — на место разума» (Марк Антоний Бодо, представитель народа в армиях Рейна и Мозеля).

«L’Assemblee a mis hier comble a toutes ses sottises et ses irreligions en donnant aux juifs ie droit d’ctre admis a tous les emplois. Je ne puis te rendre combien je suis en colere de ce decrel. Mais Dieu a ses jours de vengeance, et s’il souffre longtemps, il ne punit pourtant avec moins de force» (принцесса Елизавета — госпоже Бомбелль, 29 сентября 1791 года). Эти пророческие слова, к сожалению, оправдались на всей последующей истории Франции и в такой мере, как, вероятно, не ожидала сама принцесса Елизавета.

В гармонии с этим известно, что Виктор Гюго не был враждебен евреям, а между тем, вот его отзыв о них: **«Можно было бы написать интересную книгу о евреях в эпоху Средних веков. Их ненавидели глубоко, но и насколько же они были достойны ненависти! Их презирали от всей души, но и какова же была их собственная низость?!.. Народ-Богоубийца был и воровским народом. Он грабил назареев, как он называл христиан, ни мало не стесняясь, почему и**

становился, наконец, жертвой собственной жадности. Во время похода Петра Пустынника крестоносцы, увлекаясь религиозным рвением, поклялись истребить всех жидов, которых встретят на своём пути, и они свой обет исполнили. Но это было лишь возмездием за ханаанские убийства, совершаемые самими же евреями. Суарец справедливо замечает, что иудеи вырезали своих соседей во имя благочестия, которое было понято ими хорошо, тогда как крестоносцы истребляли евреев ради того же благочестия, но понятого ими дурно».

Знаменитый юрист и главный автор Наполеоновского кодекса, Порталис, в свою очередь, рассуждал по еврейскому вопросу так: «Учредительное Собрание полагало, что для обращения евреев в добрых граждан достаточно открыть им безразлично и безусловно доступ к правам, которыми пользуются французы. К несчастью, опыт доказал, что если тогда не было недостатка в философии, то не хватало прозорливости, и что, в известных пределах, нельзя с пользой издавать новые законы раньше, чем озаботиться о подготовке новых людей. Ошибка проистекает из того, что в разрешении проблемы о гражданском состоянии евреев не хотели видеть ничего, кроме вопроса о веротерпимости. **Но евреи представляют не просто секту, а народ, у которого некогда, были свои территории и правительство. Он был рассеян, но не мог быть растворён. Блуждая по лицу земного шара, он ищет убежища, а отнюдь не отечества. Он проживает среди других народов, не смешиваясь с ними, и повсюду считает себя иноземцем. Такой порядок вещей обусловливается природой и характером еврейских учреждений. В настоящее время евреи — приблизительно то же самое, чем они были всегда. Наши законы признаются ими, лишь поскольку не противоречат их собственным. Они не французы, не поляки, не немцы и не англичане, — они только евреи.** Из факта, что сын Иуды — меньшая секта, чем народ, явствует до какой степени было неразумным провозглашать их гражданами Франции без исследования хотя бы того, могут ли и действительно желают ли они сделаться таковыми?»

«Владычество еврейских банкиров — основная причина современного пауперизма», в оправдание государственных соображений Порталиса сказал и Прудон.

«Кто втёрся в знатный дом лисой, тот в этом чине будет волком», — мудро заметил, в свою очередь, наш вдохновенный поэт Жуковский.

У самих евреев есть книга «Сефер-Гаюшор». Она претендует на очень древнее происхождение и на такую важность, что чтение её может заменить обязательные и срочные занятия Торой (Пятикнижием) для торговцев и путешественников из евреев, не располагающих временем, чтобы изучать Тору. На странице 100-й этой книги (см. издание 1874 г. , в Варшаве) в назидание правоверным израильтянам повествуется, что один из сыновей патриарха Иакова, Иосиф, проданный братьями в Египет, стал там первым при Фараоне лицом и, воспользовавшись семилетним голодом, привёл коренное население за его же счёт в такое состояние, что не только они лишилось всей своей движимости и недвижимости, но и самого себя закабалило в рабство. Вместе с этим, отца своего и братьев Иосиф поселил в самой лучшей части страны, а из отобранного у египтян золота и серебра семьдесят два кикара (кикар около 3.000 р.), равно как множество драгоценных камней разделил на четыре доли и припрятал на будущие времена, т.е. для грядущих поколений «избранного народа», у Чёрного моря, на берегу Евфрата, в пределах Индии и Персии. Всем остальным золотом Иосиф наделил своих братьев, невесток и их домочадцев так, что в сокровищницу Фараона поступило всего двадцать кикаров. Таков идеал сынов Иуды. Dio de For, o Dio de For — d’el mondo signer!.. Просвещающие нас в этом направлении цитаты можно было бы приводить, по желанию, в произвольных количествах. Для этого не требуется даже обращаться к таким новейшим знатокам еврейства, каковы: Бональд и Туссенель, Прудон и Ширак, Капефиг и Жаннэ; Гартман и Штилле, Делагэ и Дэни, Вармунд и Дюринг; Фрич и Андрее, фон-Ланген и Глагау, Либреман фон-Зонненберг и Штеккер, Три-дон и Пикар, Вергани и Лихтенштейн, Пранаитис и Ролин; Брунер и Шлейшер, Дженкинс и Шонерер, Источи и Люгер, Морес и Дрюмон.

Древние и новые историки и поэты, философы и ораторы, государственные люди и полководцы, духовные и светские патриоты, одинаково и неустанно, предостерегали от евреев: Аристофан и Плутарх, Набу-Куддур-Уссур и Антиох Епифан, Катон и Тацит, Гомер и Ювенал, Персии и Диодор

Силицийский, Марциал и Тит Ливии, Цицерон и Апион, Полибий и Аммиан Марцеллин, Сенека и Рутилий Нумантийский, Помпей и Веспассиан, Тит и Луций Квиета, Иероним и Дион Кассий; Сципион и Адриан, Магомет и Ричард Львиное сердце, Лютер и Вольтер, Эйзенменгер и Леманн, Гердер и Трейчке, Дройзен и Вагнер, д'Агессо и Наполеон, Гужено де-Муссо и Иоганн Шерр, Тьер и Мишлэ, Гиббон и Эдгар Кинэ, Шекспир и Шопенгауэр, Хозе Амадор де Лос-Риос и Ренан, Кант и Фихте, Шампаньи и Литтре, Франц Лист и Виктор Гюго, Чацкий и Мацевский, Державин и Достоевский, Костомаров, гр. Мордвинов, Иловайский и Гоголь, Аксаков и Грановский, Бисмарк и Мольтке, О'Коннель и Карлейль, Роберт Пиль и Гладстон, — все по фактам свидетельствовали об опасностях, которыми грозят сыны Иуды остальным народам, религиям и государствам.

О странах, уже порабощенных ими, например, об Австрии, сами же евреи, никогда не отказывая себе в удовольствии поглумиться над своими жертвами, замечают, что если бы и существовало страхование государств от погибели, то и тогда ни одно общество не приняло бы империи Габсбургов на страх.

Apparent rari nautes in gurgite vasto!..

И, наоборот, как это ни удивительно, а есть страна, где иудеи беспомощны. «Its hard for a Jew to take the breeks off a higlander» — трудненько жиду снять штаны с шотландца!.. [4] Но исключение лишь подтверждает правило.

Вообще же говоря, проследить на пути истории или хотя бы в одном XIX столетии операции иудейских банкиров и монополистов (в Антверпене, например, есть Коган, который в одну биржу продаёт иной раз или покупает для игры на разнице, конечно, больше кофе, чем его родится за пять лет), а за ними и других гешефтмахеров, неизменно эксплуатирующих чужое горе и нищету как отдельных лиц, так и целых народов или государств, было бы высоко поучительным. К сожалению, мы и так слишком удалились в подробности той проблемы, лишь основные черты которой могут входить в нашу задачу. На всякий же случай мы просим читателя сообразить, какова сила еврейского капитала, между прочим, арендующего французский государственный банк, когда он сегодня через скупку акций у египетского хедива может передать Англии главенство по распоряжению Суэцким каналом, завтра объявить войну бурам, а после завтра для увенчания задания новой англо-трансафриканской империи затеять пересмотр процесса Дрейфуса (в Ренне) для того, чтобы раздираемую междоусобицей Францию принудить к уступке Фашоды, без которой немыслима и новая империя.

Интерес Великобритании — единственный критерий всякой справедливости, всякого права и всякой законности.

А государственные займы и государственные же банкротства, равно как беспроигрышная для «избранного народа» биржевая игра хотя бы в период японской войны или даже нынешних смут в России? А приснопамятные «столпы Израиля» по типу Грегера, Горвица и Когана или рабовладельца погонщиков (в турецкую же войну 1877/8 г.) Варшавского? А талмудическая хазака и мааруфия, консорциумами и трестами? А дерзость Альфонса Ротшильда, когда, во время переговоров о займе он осмелился поставить русскому правительству чуть не ультиматум о «равноправии» евреев? А нахальство «американских банкиров» Штрауса, Крауса и Зелигмана в Портсмуте по тому же предмету, уже без всякого повода, кроме затруднительности нашего положения в Манчжурии и дома. При этом не позабудем, что и невзгодами нашими, в значительной степени мы обязаны тем самым единоплеменникам названных банкиров, для которых столь бесстыдно и несправедливо испрашивалось уравнение в правах с коренным населением России!..

«*Что вообще мог бы сказать я о таком народе, который из всех других судеб усвоил лишь благодать вечного бродяжничества, и который ставит себе задачу перехитрить тех, кто остаётся на месте, и покинуть того, кто рискнёт отправиться с ним по одной дороге*» (Гёте).

Во всяком случае, несомненно, как заметил ещё Бисмарк, что из невозможности для евреев сделаться офицерами никак не следует, будто они вынуждены стать ростовщиками.

С другой стороны, возможно ли оспаривать, что если иудейский кредит — поддержка, то разве такая

же, как верёвка для повешенного...

Всего, однако, не перечесть, — когда же это обследовать?

Таким образом, нам волей неволей приходится ограничиться по данному отделу темы всем изложенным. Приведём в заключение разве только следующие мысли Рихарда Вагнера (см. его «Das Judenthum in der Musik»):

«В споре из-за эмансипации евреев участвовало, строго говоря, много больше борцов за отвлечённый принцип свободы, чем за эмансипацию именно сынов Иуды. А так как весь, с позволения сказать, наш либерализм является не очень дальновидной и сознательной умственной игрой, то нам довелось поратовать и за освобождение такого народа, о котором мы, в сущности, не имели понятия. Отсюда, как это вполне очевидно, рвение на защиту еврейского равноправия обусловливалось гораздо больше отвлечённой идеей, нежели действительной симпатией к жидам».

Увы, к немалому изумлению своему мы замечаем, что пока мы строили сказочные замки и воевали с ветряными мельницами, благодатная почва реальной действительности оказалась в руках узурпатора. Если, говоря откровенно, наши воздушные полеты не могли не позабавить еврейства, то и ему не следовало бы, кажется, считать нас за таких олухов, которых можно удовлетворить подачками из отнятой у нас же территории. Совсем незаметно «кредитор королей» превратился в «короля кредиторов». А разобравшись, мы не можем теперь не признать чересчур наивную просьбу об эмансипации, предъявленную этим кредитором именно в такой момент, когда мы видим себя в жгучей необходимости бороться уже за своё собственное освобождение из-под гнёта иудейского!..»

Exoriare aliquis nostris ex ossibus ultor.

Для полноты картины припомним, что сам талмуд советует евреям оказывать иногда милосердие гоям, дабы те говорили: «а евреи всё-таки порядочные люди!».

Руководствуясь этим, «избранный народ» не отказывает себе ни в удовольствии разыграть оперетку на тему «Сентиментальная акула или крокодил-филантроп», ни в прекрасном случае поиздеваться над «идолопоклонниками», что, в свою очередь, рекомендуется тем же талмудом. Без такой забавы еврею никакая месть не сладка.

Зная это, мы поймём смысл иудейской, разумеется, через гоев же, затеи поставить в Париже монумент Альфонсу Ротшильду как «отцу бедных».

Вдохновенными строками запятнав эту попытку, Кловис Гюг (Clovis Hugues) завершил свою поэму такими негодующими аккордами:

Bonte du vieux bandit restituant la bague
Apres que ie doigt a saute!..
Ah! cedez un epi quand on mange une plaine, —
Misere!.. Qu’importe au troupeau
Qu’il lui rende en passant un flocon de sa laine
Sil Va tondu jusqu’a la peau!..
Que t’importerait meme, o foule infortunee,
Qu’il donna, par exces de l’amour,
Deux ou trois millions dans une seule annee,
Puisqu’il nous les vole en un jour!..

б) Жид газетный (der ewige Press-Jude). Независимо от талантов еврейства по всякого рода факторству и помимо тех неизреченных ресурсов, которые только евреями и могли быть открыты в газете — реклама и шантаж, ложь и невроз, прямой подлог общественного мнения или обрабатывание его на еврейский лад, две причины, в особенности способствовали захвату всемирной прессы кагалом:

1) в странах цензуры и административного усмотрения нееврейский капитал совсем избегал помещения в столь рискованном деле. Евреи же с их пронырливостью и неразборчивостью в средствах ухитрялись вести газету за счёт объявлений или же в долг, т.е. за чужой счёт, простым

обманом или, наоборот, действовали обманом сложным, увлекая состоятельных, но недалёких гоев становиться издателями редактируемой еврейским «маэстро» газеты «во имя служения свободе», а то и ради наживы через объявления, при которых, собственно, и должна «содержаться» правоверная газета Израиля, и

2) толпа жаждет новостей и сплетен, а в настоящее время требует их уже со всех концов мира. Удовлетворить этому прежде всего может вездесущее и всезнающее еврейство, которому сверх того удалось захватить не только большинство газет, но и почти все телеграфные агентства. Однако, для больших органов прессы необходимы и деньги немалые. Вот почему газета сделалась акционерным и анонимным предприятием, что еврейству также выгодно, ибо, с одной стороны, это маскирует участие сынов Иуды, а с другой устраняет конкуренцию гоев, которым надо остерегаться проникновения тех же евреев и крайне трудно установить в столь сложном деле всё необходимое договором, тогда как, наоборот, евреи при известных обстоятельствах думают одинаково и не смеют нарушать кагальной дисциплины. Провинившийся же еврей карается своим судом не за покушение на интерес соучастников предприятия и не в гражданском порядке, а за посягательство на единство Израиля, т.е. на самое основание еврейского величия, и как совершивший богохульство (ведь «Закон» дан на горе Синае самим Иеговой) преследуется в качестве тяжкого уголовного преступника. Понятно, что с ним уж не шутят!

I. Сам стиль еврея удивительно приноровлен к газете.

Злостное презрение ко всему нееврейскому и лицемерные вопли о религиозном преследовании при одном слове «чеснок»; напыщенность сарказмов и ядовитая горечь обид; преждевременность криков победы; заносчивые и нелепые утверждения; «открытия Америки» с балаганным треском и шумом; дерзость вымыслов, лакейская пошлость увёрток и ябедническая пронырливость; бешеное пристрастие к клевете, истерическое нахальство и шутовская дурь придают всему, что пишет еврей-журналист, какой-то осатанелый дух и вместе с тем опереточный блеск, нечто, надо сознаться, патологическое и заразительное.

В глазах иудейских литераторов газета есть отрицание нравственного воспитания общества. Не дружбу и согласие, а раздор и ненависть посевает она. Демоны разложения и погибели, евреи всегда прикрываются контрабандным флагом либерализма, но фальсифицируют всякую идею, к которой прикоснутся.

Напрасно стали бы вы ожидать от иудейской прессы благородства мнений, беспристрастия в оценке событий, спокойствия выводов, — она обращается лишь к злостным инстинктам и к самым низменным чувствам толпы. А когда еврейская газета пытается скрадывать саму себя, подделывать всеумеряющий разум или разыгрывать роль мудрости-умиротворительницы, она запутывается в собственных хитросплетениях и, вопреки всем своим изворотам, обнаруживает неизгладимые язвы разврата на своём лбу.

Далее, когда в своём желании повелевать всем еврейская пресса встречает человека, которого ни обойти, ни поработить не в силах, она его заливает помоями всяческой скверны, засыпает угрозами и зовёт проклятия на его голову. Убеждаясь, что и это не помогает, она замалчивает своего недруга, а самую полезную его деятельность окружает гробовым молчанием. Кто не покорен еврейству, тот не смеет идти на какое-либо общественное поприще, если не хочет отравлять жизнь самому же себе.

Объективное исследование темы и разыскивание истины ни в коем случае не входит в задачу кагальной печати. Вот почему она низводит всякий вопрос на почву личности и не успокаивается до тех пор, пока «не согнёт» по наущению талмуда «израильского супостата в дугу». «Дорогого стоящий друг и неудобный враг» — таков её девиз.

II. «Когда, — рассуждал Герман Кун, ещё в 1866 году, — благодаря иудейской прессе, которая отвергает всякий христианский принцип, не существует больше ни доброй совести, ни взаимного доверия в деловых отношениях, тогда зло этого рода нельзя лечить умилительной фразеологией или благочестивыми пожеланиями. Одна из больших венских газет («Die Presse»), издаваемая и редактируемая евреями, взяла себе девизом — «равное право для всех». Но признавать равноправие за

людьми, которые слышать не хотят ни о нравственности, ни о долге христианина — значит обратить их в вампиров для тех, кто, наоборот, сдерживается именно христианскими принципами, и кто лишён возможности следовать за предательскими изворотами направляемой талмудом и ничем не обуздываемой конкуренцией».

«В минуту покаяния» лейб-орган германского еврейства «Berliner Tageblatt» оповестил, что «намерен купить редакционные чётки». Язвительным же тоном высмеивая, в свою очередь, Панамские, столь запятнанные участием евреев, скандалы во Франции, ожидовелый «Times» о еврействе помалкивал, но не мог на потеху сынам Иуды не назвать этой скверны «gesta Dei per Francos»!..

Впрочем, семитизм во все времена отличался искусством построения таких военных машин, которые наилучше соответствуют обстоятельствам, а будучи сооружены для разгрома и уничтожения, эти машины посевают вокруг раболепие и тьму. Газета не только является одной из подобных машин, но и стоит во главе нынешних стадных ловушек, всего ближе гармонируя с иудейскими способностями.

Основанное на инстинкте, это средство весьма знаменательно. По своей природе, вкусам и расчётам, еврей только фактор и ни что иное, как фактор. Он олицетворяет собой анормальную картину целой расы, которая, не производя ничего, обогащается работой других.

Как и сам иудаизм, современная пресса живёт замешательствами в обществах и анархизмом в идеях. Её прямая выгода — поддерживать волнения и беспорядок, потому уже, что число подписчиков возрастает именно по мере развития социальных бедствий, а в особенности, — революций и войн. Чужие слёзы и кровь — благодать для евреев.

Рассматривая себя как призванного управлять всем, современное еврейство в своей гордыне не утоляется владычеством денег. Оно желает господствовать над умами и в их сознании оправдать как свою власть, так и несравненное превосходство своё в нравственном и в интеллектуальном отношениях. Надевая намордник всякому супостату, кагал желает говорить один и на этом создавать собственную популярность, что в значительной мере уже достигнуто им, впрочем, главным образом среди «либералов» в России по исключительным местным условиям. Считая евреев своими «естественными и весьма полезными» союзниками, либералы или ребячески заблуждаются в тиранических замыслах сынов Иуды или же с не меньшей ограниченностью надеются «обскакать» иудеев по дороге к «призовому столбу», хотя на это не рассчитывал даже иезуитский орден, отнюдь не допускавший членов «избранного народа» в свою среду.

Иначе говоря, кагалу необходимо извратить человеческую мысль, а для этого надо завладеть как устным так и печатным словом.

Стремясь повелевать умами, иудаизм с дьявольской бесцеремонностью, избрал к осуществлению своих замыслов все три пути, сюда ведущие: адвокатуру, прессу и университетскую кафедру. Жаждая безграничной власти, он двигается к тирании через растление масс. Либералы помогают ему по склонности или симпатиям, а то и в следствие более «звонких» причин. Консерваторов же он угнетает и терроризирует «спасительным страхом». В судах еврейские адвокаты по указке талмуда жонглируют законами, в университетах, иудеи на свой лад фабрикуют юношество, со временем призванное управлять страной, а назойливостью и цинизмом своей периодической печати они подделывают и деморализируют общественное мнение, развращая понятия, «маргаринят» идеи.

«Нынче, — говорил ещё Фихте, — читают не книги, а лишь то, что о книгах пишут в газетах, и это усыпительное чтение, отнимая всякую волю, всякую сообразительность, всякую мысль, наконец, выражается в том, что публика теряет способность понимать что-либо».

Даже еврей Лассаль проговорился однажды, заявив открыто, до какой степени ничтожен интеллектуальный фонд тех, чьи понятия и убеждения фабрикуются газетами. «Кто читал свою газету или журнал, тот уже не имеет надобности размышлять, учиться и вообще разыскивать какие-либо сведения. Он готов судить обо всём немедленно и совершенно уверен, что господствует над всеми проблемами».

Еврей всё это понимает отлично. Он знает, что в его руках газета станет такой силой, которая даст ему все средства влиять на общество, переделывать его по-своему и низводить к такому состоянию, когда,

не имея других мнений и чувств, кроме тех, которые ему диктуются, исповедуя лишь то, в чём его уверяют, преклоняясь только перед тем, чем хотят удивить его, и презирая всё, что в его глазах делают ненавистным, общество впадает в безучастие и автоматизм сомнамбулы пред её магнетизатором.

III. Говоря о прессе, мы, как объяснено, рассматриваем хотя и важнейший, но лишь частный случай захвата евреями слова. Тем не менее, будет ли это трепетная речь оратора, лекция ли профессора модной кафедры, имеющая, например, в Германии столь своеобразное распространение, или же более серьёзный, хотя и не столь видный труд политического либо религиозного автора, только в слабой разве степени достигающий утомлённого слуха толпы, — всё равно, дело сводится к тому ежедневному и барабанному эхо, которое придаст им журналист, объясняя, измочаливая или рекламируя каждый из остальных способов выражения мысли с целью погасить их блеск или же увенчать славой и осветить им дорогу «сверканием летящего метеора».

В парламенте, на суде, в музыке или искусстве, на сцене или в научном ареопаге еврей через прессу раздаёт дипломы, украшает грязью, унижает и насмехается, шантажирует и развенчивает либо вовсе гонит вон с общественного поприща в мрак неизвестности, стыда или бессильного отчаяния.

В частности, услуги, которыми вероломное еврейство обязано прессе, рисуются и в тех самых словах, которыми Archives Israelites, главный орган всемирного кагала, ласкают обрадованный слух Израиля. Эти слова достаточно ясны, чтобы каждый из нас мог уразуметь их смысл и значение. То, что иудаизм называет нетерпимостью и предрассудками, фанатизмом и варварством, — это самые основы верований и цивилизаций христианских.

Мы это хорошо видим и всё ещё молчим. Но здесь мы уже не должны, кажется, позволять обмана или издевательства над собой. Cravia graviorem curam exigunt pericula.

Еврей — либерал только в религии других и анархист лишь по отношению к социальному устройству гоев. Для себя он — строгий консерватор и в религии, если так можно называть учение талмуда, и в своих кагальных установлениях.

Пора нам знать это и не служить посмешищем для евреев...

Как же могло произойти, чтобы столь гордая и великая «шестая» держава продалась иудейству, попала в рабыни к кагалу?

Причина в том, что с одного конца Европы до другого, справедливо и во всеуслышание золото и пресса обвиняются в сокровенной, но незаконной и вполне излишней близости. А если правда, что еврейство уже держит в своих сетях всё христианское общество, то, без сомнения, вина лежит в тех соблазнах, которыми иудейская рука «пускает зайчиков» пред глазами прессы, ставшей одним из неодолимейших агентов кагала.

Степени падения сознательно или бессознательно здесь могут быть весьма различны, но в общем это не изменяет вопроса.

И если уже пятьдесят лет назад «Journal des Debats» была официальным представителем биржевого феодализма, изрекавшим номинальному правительству Франции волю еврейства, то что же сказать о настоящем «купонно-обрезывательном» времени?!..

От великого до смешного, говорят, один шаг. И вот, невольно вспоминается такой «семейный» еврейский орган, как «Новости Дня», созданный в самом сердце России — Москве малограмотным евреем Абрумом Липскеровым, некогда удостоенным лишь звания подмастерья пестрядиного цеха, но воспитавшим в своём «заведении» двух таких бриллиантов Израиля, как Дорошевич и Амфитеатров.

Первый из них ядовито вышучивая в фельетонах, всё и вся, то и дело перебегал из своего еврейского притона, т.е. из «Новостей Дня», в противоеврейский «Московский Листок» и обратно, пока не устроился, наконец, в иудейских же газетах, сперва — «России», а затем — «Русском Слове», где и достиг превосходных результатов для своего же хозяина Сытина, примерно вознагражденного за высокий, истинный патриотизм.

Второй равным образом доказал свою «верность» евреям, скоропостижно перелетев в «Новое Время»,

но быстро покаялся и загубил «Россию» на плач и горе всемирному кагалу, а в заключение обнаружил свою доблесть «акафистом» в еврейской же «Руси», где, строго говоря, посмеялся и над собственным происхождением из духовного звания, но затронуть сынов Иуды отнюдь не посмел, даже когда и сам застрял, наконец, в их невылазном болоте.

Таким образом, мы видим, что on revient toujours a ses premiers amours, что и фельетон, достойный Сибири, ни сугубый акафист «спасителю России» не могли разрешить Амфитеатрова как «выученика» евреев от страха пред их звонким всемогуществом. Действительно, куда он, бедняга, девался бы, прогневив кагал?!..

Подбор «сотрудников», как и другие технические подробности газетного дела не затрудняют еврея. Он умеет добыть деньги, пустить «заведение» в ход, выжимать всевозможные выгоды, привлекать читателей, подзадоривать их любопытство, раздувать рекламу и шантаж, захватывать объявления, приобретать покровительство влиятельных лиц и срывать субсидии, утилизировать на пользу себе и соплеменникам общественные течения и подбрасывать пищу самым нездоровым капризам общества. В одно и то же время он «допускает подкупать себя» и сохраняет ореол независимости, не чужды ему, наконец, и тайны такого вероломства, когда он способен кадить одной рукой и заливать помоями другой. Одним словом, его опасаются и ему платят...

Весьма известно, что евреи — чистокровные либералы. Послушать их, окажется, что они даже монополисты либерализма.

Но не либерализм, а деспотизм господствующая черта иудейской природы. Да и как они могли бы стать либералами, руководствуясь тем основным принципом, что весь мир принадлежит им одним, мы же — только их рабочий скот; что гою стать евреем невозможно; что мы даже не люди, так как происходим лишь от прелюбодеяния Адама с чертовкою Лилит; что малейшее общение с гоем хотя бы в пище уже оскверняет еврея и что для него признать «равноправие» гоя значило бы совершить караемое смертью тягчайшее из богохульств, так как Иегова заключил союз с одним Израилем, идолопоклонников же, каковыми являемся мы, повелел истреблять, а не брататься с ними.

Чтобы смотреть иначе, надо раньше отвергнуть «Завет», т.е. перестать быть евреями. Но сие равным образом невозможно да и бессмысленно, потому что величие Израиля очевидно и ещё не достигло своей кульминации, а что же, спрашивается, гои могли бы дать евреям взамен?..

Во всём этом для еврея нет и не может быть вопроса, а потому нельзя не удивляться наивности, чтобы не сказать больше, когда мы всё ещё поддаёмся «либерализму» сынов Иуды. Мыслимы ли надежды на иное будущее, когда идёт речь об избранном народе, который смотрит на нас так же, как смотрел на египтян, вавилонян или римлян, и так же точно требует себе монополии даже у престола Всевышнего, Отца всех людей, в настоящее время, как он приурочивал её одному себе 4.000 лет тому назад?!..

О каких же социальных переменах и о какой политической свободе возможно было бы толковать с евреями, когда из тысячи четырёхсот лет своей государственной жизни они тысячу лет провели в рабстве, а в искусстве возбуждать ненависть не имели соперников (профессор Грановский), или когда утратив собственную территорию и проживая лишь «в меблированных комнатах», они сохраняют, тем не менее, свою кагальную организацию, как святыню, незыблемым же основанием собственного быта признают тиранию «талмид-хахамов» или, что всё равно, богачей ad majorem Israeli gloriam.

Всесокрушающий деспотизм талмудистов остаётся неизменным на протяжении веков. Ещё Александр Македонский в Тире распял 800 фарисеев («талмид-хахамы» тождественны с ними) в один день, а двадцать три века спустя Мардохей (он же Карл) Маркс, «творец» социал-демократии и, разумеется, интернационалки, был, в конце концов, изгнан своими же единомышленниками именно как деспот. Теперь на наших собственных глазах многие евреи, в свою очередь, бегут от тирании «Бунда», хотя и сознают важность услуг, оказанных им «равноправию» Израиля, т.е. разложению России...

Уже ради победы в той решительной борьбе, которую неустанно ведёт надменное еврейство с гоями, беспощадная дисциплина неизбежна.

И действительно, у себя дома, т.е. внутри своих кагалов и прикагалков, иудаизм не терпит свободомыслия и согнёт в дугу любую индивидуальную независимость. Представляя смесь теократии

и плутократии, талмид-хахамы и богачи свирепо охраняют свою безграничную власть, немилосердно карая всякого еврея, который дерзнёт ей противиться. Парижский же верховный кагал, — «Alliance Israelite Universelle», организованный из могущественных банкиров и коварнейших иезуитов-талмудистов Европы, Азии и Америки, объединяет всех евреев мира, сурово направляя их силы и средства к порабощению других народов ad majorem Israeli gloriam. Вот почему «избранный народ» с таким упрямством выдаёт свою «Alliance» или «Хабура Коль Изроэль Хаберим» только за «благотворительное общество», а на изменническую деятельность «Всемирного Еврейского Союза» взирает с таким благоговением и упованиями.

Непостижимо, воистину плачевно заблуждение либералов!..

IV. Наряду с «либерализмом» у еврейской прессы есть пока и другая приманка, — это злонамеренная лесть национальным иллюзиям.

Пресса не только ласкает их, нет, она старается пробудить их к жизни и раззадорить их. Подделываясь под голос патриотизма и затевая всеобщую суматоху она изощряется в том, чтобы тот или иной, ещё дремлющий или едва только нарождающийся национальный самообман возвести в непоколебимое верование всех и освободить от каких-либо возражений благоразумия. Просматривая иудейские газеты, можно подумать, что в них-то и бьётся сердце народа, что они одни являются знаменосцами его благородных задач, самых заветных его помыслов.

И, увы, не трудно предсказать результаты...

«Со времён Магомета, — говорит Вольтер, — евреи уже не составляют нации. Следя за нитью истории этого народца, видишь, что он и не мог бы покончить иначе. Он хвастается тем, что вышел из Египта, как шайка воров, унося с собою всё, чем по-соседски снабдили его местные жители; он гордится тем, что в покорённых городах и сёлах не давал пощады ни старикам, ни женщинам, ни детям: он сам же выкладывает начистоту свою ненависть к другим людям. Восставая против всех своих властителей, он был упорно суеверен, жаден к чужому добру, жесток; он пресмыкается в несчастье, а в счастье зазнаётся. Если о характере народа можно судить по его молитвам, то и этим путём не трудно усмотреть, что евреи были народом чувственным и кровожадным. Ясно, что, если бы Господь Бог внимал всем их молитвам, то на земле не осталось бы никого, кроме евреев. Они ненавидели все народы и сами были презираемы ими. Непрестанно умоляя Бога об истреблении всякого, против кого они вознегодовали, подумаешь, что они просили именно об истреблении человеческого рода, за исключением одних евреев».

Зная это не хуже нас, еврейство держит в своих руках прессу, торгует общественным мнением и всячески затрудняет проникновение в печать чего бы то ни было себе враждебного. Конечной целью и блистательным идеалом такого положения вещей явился момент «пяти свобод» в Москве, когда «по заказу совета рабочих депутатов» решительно ничего не дозволялось печатать о евреях. Но ведь это пока лишь pium desiderium, полного осуществления которого мы вправе ожидать разве с окончательным развитием иудейского «равноправия». Тем не менее, и упомянутым путём евреи не только ослабили, а в большинстве случаев уничтожили саму возможность разоблачений против себя и приобрели верное средство «начинять» умы гоев по собственному рецепту. Мудрено ли, что дирижёрство Иуды в прессе растет с каждым днём, а публика, узнавая из газет лишь то, что выгодно сынам Израиля, привыкает всё громче повторять: «однако, какие талантливые и прекрасные люди евреи?!»

Результаты, достигнутые еврейством по организации вооружённого бунта даже в Москве отсюда главным образом проистекают.

Вместе с этим, так как именно периодическая пресса располагает наибольшими массами читателей, то и во всех других отношениях владычество евреев расширяется не по дням, а по часам. А если кто-нибудь дерзнул бы восстать против столь позорного рабства, голос его или не будет услышан вовсе или же заглохнет в общем хоре жидовствующих либералов, бутербродных клеветников, литераторов и всякого иного лакейства в «заведениях» сынов Иуды...

Принимая на службу христопродавцев, сыны «избранного народа» нередко ожидовливают их в такой

мере, что подчас выдают им даже дипломы на звание «почётного обрезанного», но неизменно презирают и, по возможности, содержат их в чёрном теле.

Даже немецкие писатели жалуются, что чем дальше, тем всё более и более приходится им чувствовать гнёт еврейства. Тогда как начинающему иудейскому автору лежит скатертью дорога, немец видит, что для него литературное поприще становится всё уже и тернистее. Размножаясь неимоверно, еврейские редакторы, издатели и книгопродавцы дают ход одним евреям, а немцев бьют и плакать не велят. Дерзновенный, осмелившийся пожаловаться в печати или, что ещё ужаснее, неласково затронуть самый еврейский вопрос, подвергается херему, т.е. кагальному проклятию с тяжкими несчастиями, а то и с голодной смертью впереди. Та же участь грозит всякому другому непокорному, будь это оперный певец, коммерсант или адвокат, одним словом, всякий, с кого еврейские факторство и газетный шантаж признают себя вправе требовать дань.

Не изъемлются и великие мира сего. Знаменитые люди и выдающиеся депутаты парламентов, министры и правители без замедления убеждаются, что, чем выше поднимаются они по социальной лестнице, тем всё чаще и чаще перебегают им дорогу евреи. За примерами ходить далеко не надо.

Со своей стороны мы припомним хотя бы столь раздутый еврейскими газетами юбилей Антона Рубинштейна, и как-то незаметно промелькнувший юбилей Глинки. Даже на открытие статуи Рубинштейна в петербургской консерватории было совершено, между прочим, целое паломничество московской консерваторией с её директором Сафоновым во главе, и, наоборот, как скромно прошло открытие памятника Глинки!..

Сама судьба, по-видимому, издевается над нами. Возьмите демонический облик мраморного Рубинштейна, как его изобразил, сильно польстив этому, впрочем, действительно злому еврею художник, и каким гостинно-дворским лабазником выглядит у чуждого автора на своём пьедестале добродушный и задумчивый, глубоко скромный русский человек Глинка!?..

V. Вообще же говоря, психология иудейской прессы может быть выражена в трёх словах: ненависть, ложь и невроз.

Её приёмы суть обмана, а всё её искусство — одна свистопляска зла. Она разлагает, на мелочь разменивает общественный разум; унижает беспристрастие, осмеивает справедливость; учит относиться презрительно к самым почтенным деятелям, раз они ей не по нутру. Изгоняя у читателя здравую мысль и самосознание, она заменяет их наглым шутовством и маниакальным возбуждением, во всех сферах разливает беспокойство, нервирует, отравляет, сбивает с толку, сеет смуту и разврат.

Жид брехнею живе та все з нас тягне!

Эта брехня с особой яркостью олицетворяется в еврейском газетчике — всё равно, будь он главным редактором, которому доступны кабинеты министров, или самым «лапсердачным» репортёром. Оба принадлежат к одной фауне и связываются родственными нитями. Различия, их отделяющие, ничто иное, как стороны одного и того же характера, проявления той же самой природы. Между олимпийской заносчивостью первого и лакейскими улыбками второго проходит двоякая восходящая и нисходящая цепь. Удача, деньги и влияние быстро дадут грошовому репортёру надменную повадку главного редактора и, наоборот, при неудаче, этот последний так же скоропостижно вернётся к льстивым заискиваниям «лапсердачного» времени.

В своей же совокупности евреи публицисты являют собой винегрет талмудической пронырливости, самомнения и шарлатанства, рассчитанных единственно на рекламу и кутерьму.

До какой же степени они сами себя принимают всерьёз?

Увы, самый внимательный анализ не дал бы ответа.

Суетное безумие и дух лжи сопряжены в них столь неразрывно, что подчас нельзя определить, где кончается галлюцинация и где начинается плутня.

Но, живя в атмосфере обмана, они стараются симулировать действительное знание. Они стоят начеку в любых движениях партий и среди всяких колебаний общественного мнения. Они посвящены в тайны всех кабинетов земного шара, да и ничто вообще не может укрыться от безошибочности их

сведений и неподражаемого апломба.

Не пытайтесь возражать, — они закидают вас именами и цифрами с ловкостью ярмарочного фокусника и с точностью готского альманаха. Но и поостерегитесь доверять им, потому что вам же будет стыдно за наивность, с которой вы поддались мистификатору, отчитывавшему свои имена и цифры наобум.

VI. Независимо от того, каков бы ни был их ранг, иудейские журналисты обуреваются странной, безумной идеей: они уполномочены повелевать всем.

Сопротивляться им или же не испрашивать у них инвеституры — такое оскорбление их верховного права, и оно пощады не заслуживает. И никогда самая ужасная бомбардировка и смертоноснейшие залпы митральез не сравняются с яростью жидовских чернил. Все животные дьявольской мифологии, от дракона с огненным хвостом до скорпиона с отравленным жалом, здесь принимают участие.

Последовательности для еврея не требуется. Логика пригодна разве для арийцев, а они, семиты, — существа высшего порядка, свободно парят над такими вульгарными требованиями. Они меняют алтари с изумительной развязанностью, а самый переход совершается быстро, без ложного стыда и вне излишних нюансов. Да и к чему эта комедия?.. Разве нельзя, когда понадобится, выдать новое за старое, а старое за новое?!..

И, может быть, евреи не так уж виноваты. Не сравнивал ли сам Пушкин так называемую публицистику с чисткой отхожих мест?!..

Но картина, во всяком случае, изменяется, когда речь заходит о наживе сынов Иуды за счёт легковерия гоев.

Здесь именно наблюдается воочию трогательное единство всех трёх разновидностей «вечного жида».

Пример Франции показывает, что чрезмерная задолженность государства влечёт его под власть евреев и, в частности, больших банкиров Израиля (Haute Banque) — владык денежного рынка. Правители и политические лидеры вынуждены считаться с ними. Государственный долг стал в наши дни одним из важнейших факторов политики, а биржевая знать считает себя вправе говорить на равной ноге с каким бы то ни было правительством. Если владыки биржи ещё не диктуют своих законов стране, то они тем паче не принимают их от неё. Малейшая же размолвка сделала бы их опасными. В несколько дней, например, понижение ренты предупредило бы правительство о необходимости вернуться к «исполнению долга». Едва ли потребовался бы второй урок, так как и сама публика не замедлила бы пристать к банкирам.

Дочь обмана и лести, реклама, есть одна их первооснов еврейского могущества. Гений рекламы, кажется, ещё более присущ израильтянам, чем гений лести. Во всяком случае, они подняли её на степень совершенства.

В таком виде, как её применяют евреи, реклама есть дивное искусство овладевать мыслью через глаза и уши, подавлять разум криком и гвалтом, сбивать с толку сообразительность, вообще огорошивать неуловимыми сочетаниями в нарочитом калейдоскопе лукавства.

Многошумная и увёртливая еврейская реклама подчиняется, однако, трём принципам. Надо, во-первых, трезвонить во всю; затем надо бить удар за ударом, не переставая, и, наконец, необходимо колотить повсюду одновременно.

Что же касается методов и средств, то разнообразие исключает саму мысль о их перечислении. Как бы то ни было, финансист, купец, медик, изобретатель et tutti quanti обязаны ей, каждый своими лучшими успехами и главной добычей золота, которое ухитрились собрать.

Впрочем, реклама — не последнее слово газетной премудрости.

За рекламой следует высший курс еврейской журналистики, именуемой шантажом.

Трусы, низкие интриганы, вообще те, кто ещё плавает мелко, те действительно живут рекламой. Люди же, вполне освободившиеся от стыда, отважные евреи — кормятся шантажом.

On ne meurt plus de honte en ce temps, on en vit!

«Один издатель большой газеты, — рассказывает Дрюмон, — и из почтенной фамилии, блестящий

собеседник и радушно принимаемый в салонах умница, любил в кругу приятелей поболтать о своём житье-бытье. «Есть две системы, — говорил он, — реклама и шантаж. Со своей стороны, я считаю унизительным и презренным злоупотреблять доверием публики посредством лживых реклам и разорять отца семьи, полагавшегося на то, что я пишу. Что же касается рекламы, то она совсем не внушает мне такого отвращения. Я нахожу вполне естественным заставлять пиратов делиться со мной их призами».

И наш герой поступает, как говорит. Это именно он оборудовал дельце, ставшее притчей во языцех.

Он сорвал с «Панамы» 160.000 франков в один приём.

«Евреи, — продолжает Дрюмон, — завели у нас нравы бедуинов, и если вы хотите уразуметь положение нынешней прессы, то необходимо вообразить себе ряд сцен, которые могли бы составить превосходную социальную пантомиму для театра «Chat Noir».

Благодаря рекламе, вовлекшей ротозеев в западню, биржевик, учиняя баранту, «перехватил у своих ближних малую толику барашков». Он идёт в путь-дорогу со своей добычей, однако же, не без страха, так как ему предстоит миновать теснины Атласа, то бишь линию бульваров (здесь главным образом помещаются в Париже редакции газет, в большинстве, разумеется, еврейских). Здесь он и даёт выкуп.

И так, реклама предшествует, а шантаж следует за счастливым финансистом.

Но и сами банкиры не дремлют. Особая, прирученная биржевая пресса трубит ему хвалу, заранее предсказывает победу. Другие газеты — загонщики направляют на него дичь, и, наконец, третьи — друзья Haute Banque взмыливают предприятие и рекомендуют своим клиентам не прозевать подписки.

А он? Поспевая всюду, он управляет манёврами; с решимостью главнокомандующего охватывает весь ход операций и обо всём заботится, — одним словом, его деятельность затмевает на время всё вокруг.

VII. Успех бывает тем блестяще, чем иудейские финансисты шире двигают в дело свои международные ресурсы. Ещё много воды утечёт пока люди поймут, что в Гобарстоуне (на Вандименовой земле) и в Архангельске, на островах Тристан-да-Кунья и в Москве, в Берлине и в порте Елизабет (на юге Африки) может кричать печатно, через газеты один и тот же еврей на разных языках. Вот почему теперь так, без промаха охотятся биржевые удавы и акулы в разных странах попеременно. Большая, рассчитанная на сенсацию, передовая статья венской газеты и такая сокрушительная телеграмма из Лондона, которая сводит с ума биржу в Париже, находятся в столь же неразрывной связи, как и остальные злостные проделки, направляемые в одну точку, под гнётом которых обманутый и задавленный общественный разум уже не в силах противиться, и сам сдаётся в плен. Что же касается банкира-победоносца, то он окажет «милость» и выпустит пленника на свободу, конечно, взыскав с него свои «убытки».

VIII. Внешность, придаваемая политическим событиям иудейской прессой, чрезвычайно своеобразна. Впадая под еврейским пером в состояние какого-то нервного маразма, политика кажется управляемой какими-то лихорадочными ударами бича. Эпилептическая, точно одержимая конвульсиями, израильская печать как бы успокаивается от одного действительного или выдуманного ею же кризиса до другого единственно для того, чтобы собраться с силами для новой суматохи.

И какие всё кризисы! Какой азарт! Сколько зловещих туч на горизонте!..

Подумаешь, вот-вот грозный вулкан разверзнется, и в невиданном крушении исчезнет целый мир...

Но вот наступает утро, и всё миновало... Сияя от радости, те же самые газетчики трубят, что никогда ещё мир не был так обеспечен, а стада читателей, которых не дальше, как вчера, еврейские крики ужаса приводили в беспамятство, с наслаждением взирают, как горизонт светлеет, тучи рассеиваются и буря уходит далеко прочь...

Таким образом в балагане человеческого легковерия кагальная пресса играет роль колдуньи, изменяющей течение времени по своему произволу, вызывающей громы и молнии, когда ей понравится, или приказывающей им умолкнуть, когда пожелает.

В роковые же моменты истории, например, в дни войн и революций, её свистопляска преобразуется в настоящий шабаш ведьм. Тогда уже целые потоки лавы изливаются за пределы кратера, все преграды

рушатся и волны океана смывают всё живое!..

Кампания немецко-иудейской прессы против Франции в зловещий год (1870/1 — annee terrible) тому бесподобный пример. Какой ураган презрения, диких сплетен и всякой скверны был изрыгаем кагалом на Францию?!.. Кто нарисует истинную картину горя, издевательств и оскорблений, нанесённых пресмыкающейся гадиной, кто опишет весь смрад зловония биржевой клеветы?!..

А когда благородная и несчастная страна под суровыми ударами судьбы наконец поникла головой, два еврея, Альфонс Ротшильд и его бывший приказчик Блейхредер, сошлись в Версале потолковать, как её получше ограбить.

Сумма в 5.000.000.000 фр. вызвала замечание Тьера, что, считая по франку в минуту, нельзя было бы окончить подсчёт и со времени Рождества Христова.

«Не беспокойтесь, — воскликнул Бисмарк, — я потому и призвал сюда Блейхредера, что он считает (как еврей) от сотворения мира!..»

За исключением разве контрибуции деньгами, не то ли в сущности пережила за последние два года от иудейской прессы Россия, начиная с момента, когда банкиры кагала домогались у американского статс-секретаря Гея вмешательства в кишиневский погром, где евреи были сами кругом виноваты [5] и куда, тем не менее, они собрали со всего света, по их словам, более миллиона рублей, чего далеко не требовалось, на помощь пострадавшим евреям же, конечно о пострадавших христианах и не подумали по всему свету, и вплоть до знаменательного требования кагальных же банкиров в Портсмуте о немедленном предоставлении сынам Иуды «равноправия»...

Когда «свободные» и несвободные университеты у нас окончательно перейдут во власть еврейства, и когда будут открыты кафедры фабрикации общественного мнения, тогда, будем надеяться, кишиневский погром, его причины и результаты явятся поразительным образцом того, как в страшный, непоправимый вред стране, приютившей главные массы «избранного народа», могут быть подтасованы или злостно выдуманы в интересах кагала и международной клики иных пиратов — «освободителей» с предумышленной целью осквернить истину и возвеличить ложь, унизить Россию в глазах других народов и обратить евреев в страдальцев неповинных.

Nescis, mi fili, quantula prudentia mudus regatur!

IX. Подстрекать ненависть, пробуждать злопамятство, раздувать огонь неприязни; проводить коварные толкования и срамные инсинуации; преувеличивать действительность, извращая её подлогами и отравляя иронией; наконец, потаёнными кознями держать людей в состояние недоверия и вражды, раздираемых подозрениями и взаимно удаляемых обидами; вообще доводить их до готовности броситься друг на друга — такова «либеральная» стратегия иудейской печати.

Для полноты впечатления остаётся припомнить, что, действуя предумышленно и целесообразно, сыны Иуды выбирают самое опасное место в кирасе врага и наносят удары кинжалом именно сюда. Таков, между прочим, захват еврейством изданий для «семейного» чтения, которые обыкновенно изобилуют порнографией и, во всяком случае, являются органами кагальной агитации, ядовитым глумлением над противодействием власти, сатанинской иллюстрацией к афоризму dat veniam corvis, vexat censura columbas!.. Не позабудем, для примера, хотя бы о вероломном торжестве Израиля по поводу открытия главной синагоги в Петербурге, причём этот унизительный и зловещий для нас факт был прославляем как начало новой эры в России, как величайшее благодеяние для всех русских людей...

И эта характеристика верна, всё равно, идёт ли у еврейства речь о народах или о партиях либо о частных лицах. Во всём, безусловно, дух раздора, упорное, хотя и прикрытое лицемерием, отрицание милосердия и любви господствует в названной прессе и руководит ею.

«Ils repandent les journaux populaires, ceux la surtout qui denon-cent avec ie plus d’aprete les mefaits, les hypocrisies, les hontes du regime actuel» (Delafosse, depute de Calvados, — об избранном народе).

«Nulle force, il faut Favouer n’est capable de resister a un dissol-vant, aussi energique que la presse», — утверждает со своей стороны, такой мудрый в этом деле судья, как Эдуард Дрюмон.

Каковы же результаты этого разложения? Увы, они крайне печальны.

«На развалинах прежнего социального строя с преобладающим влиянием церкви и дворянства возникает новая власть, именуемая богатством. Среди окружающего её мусора и других остатков прежнего государственного здания, сокрушаемого революциями, Мамон созидает свой престол».

«В силу естественного закона, деньги — неизбежный властитель демократии!» (Леруа Болье).

«La vertu, comme ie corbeau, niche volontiers dans les ruines»... (Anatole France).

В конце концов евреи и в прессе и в политике обнаружили только искусство направлять массы для порабощения их манёврам больших монополистов...

Отсюда понятно, что и сам д'Израэли в конечном идеале отдавал преимущество такому государственному строю, где роль парламента, а стало быть и его власть, перешли бы к прессе, еврейской, разумеется...

в) Жид политический. Кто, не зная евреев, столкнулся бы впервые с таким политиком, тот, пожалуй, был бы сначала очарован. Его удивляли бы яркость и блеск, увлекающая живость, даже вдохновенность приёмов. Свободные от оков сомнения, быстрые как стрелы, сверкающие как метеоры, идеи показались бы ему брызгами высшего дарования. Впадая в невольное сравнение сложности мыслей и научности сочетаний арийского ума с этой чудной лёгкостью и ослепительной смелостью, он, быть может, отдал бы преимущество еврейскому уму и даже стал бы рассматривать этот последний как избранника, призванного взять на себя будущее человечества и отныне держать бразды правления в своих руках.

1. Однако, уже при некоторой проницательности не могла бы не поразить наблюдателя целая масса странностей. Дикость жестов, болезненный огонь в глазах, резкость порывов и ядовитость интонаций голоса не допустили бы его увлечься первым впечатлением.

Вскоре за этим, слушая далее, он, к своему удивлению, заметил бы, что еврейский мозг живёт концепциями, уже совсем готовыми. Причём они являются к нему внезапно и непроизвольно, как бы приносимые невидимым телеграфом. С этой минуты он едва ли удержался бы от подозрения, что во всяком иудейском политике есть зачатки безумия. Но и засим прошло бы, конечно, немало времени, пока он вникнул бы в дело вполне и признал бы, что у такого еврея сумасшествие повинуется точным законам, неуклонно преследует одну и ту же цель, а в основании своём имеет жгучую и прозорливую алчность.

Ещё большее внимание указало бы ему на одну важнейшую особенность. Соединённые тайными нитями, любые еврейские политики при известных условиях чувствуют и повторяют одно и то же. Им не надо ни видится, ни сговариваться. Один и тот же незримый ток влияет на них всех разом, повинуясь какому-то мистическому велению, все они исполняют его в точности.

Иначе говоря, еврейская «музыка» такова, что сынам Иуды не надо репетиций. Соберите их и скомандуйте, вы сами увидите, как они тотчас же возьмут аккорд. Единство организации, тождество наследственности, века суровой дисциплины талмуда, — всё направляется здесь к этому результату.

Дальнейшее исследование различий между нормальным пониманием вещей, как его познаёт арийский гений, и еврейскими несообразностями выяснило бы, что идеи еврейства в политике не только исключают всякую возможность взвесить их, но едва лишь наблюдатель обеспечит себя от их пустозвонной стремительности, как они представляются ему в своём естественном состоянии неизлечимого возбуждения, неуравновешенными и несогласованными взаимно. Они явно переливают из пустого в порожнее, а подвижность языка разоблачает лишь несомненную умственную нищету.

Тогда прорываются наружу и другие плачевные недочёты. Интеллектуальный организм евреев, по-видимому, не выносит глубокой вдумчивости в прошлое и в будущее; ему не дано обнимать факты с их отдалёнными причинами и постепенным течением, ни следовать за их предстоящим развитием; у еврея нет той способности глядеть вперёд и назад, которая так метко выражалась в двойном лице бога Януса, символизировавшем у римлян политический гений; его горизонт сводится к узкой действительности; схватившись за неё, он в ослепительной болтовне строит на этом все свои воздушные замки...

II. Таков же и его язык. Здравый смысл принимает здесь участие далеко не всегда, зато безумие

сквозит неизменно, в большей или меньшей степени. Чрезмерность восхвалений, азарт злословия, беззастенчивость противоречий злорадство предсказаний, лживость доводов и осязательность нелепостей за весьма редкими изъятиями, кладут свою печать, а иной раз и совершенно переполняют еврейскую речь о политике. Естественно, что пустословие этого рода нередко влияет на слушателя, как яд миазмов, которого нельзя вдыхать без головной боли и без упадка сил.

Независимо от сказанного, существуют и другие факты, но, выходя за пределы ежедневного опыта, они могут быть наблюдаемы только у избранных евреев. Приписывая себе политические дарования высшего порядка, эти «избранники» охотно воображают себя существами необыкновенными. Подумаешь, что они уже повелевают миром, и что им повинуются оба полушария. На своём троне гордыни сам сатана едва ли окружает себя большим величием и, пожалуй, взирает на вселенную с меньшим пренебрежением...

III. Что же касается обмана, то каким образом еврейский политик стал бы от него воздерживаться? Наоборот, у каждого их них есть в этом случае свой багаж: один был закадычным приятелем Гамбетты, другой вдохновлял политику Бисмарка, третий свысока повествует о таких людях, которых он и в глаза не видел. Как ведь приятно ввести в заблуждение или навязать сказку с хитро подтасованными деталями!.. В этом — двойное удовольствие: и себе самому придаёшь цену, да и над другими позабавишься всласть.

Если бы, проникаясь в еврейскую душу, наблюдатель спросил бы себя, наконец, какие же инстинкты двигают еврея в области политики, то мудрено было бы предположить в ответ какую-либо иллюзию. Месть и ненависть, необузданное самомнение, шарлатанство, стремление провести и одурачить — таковы те инстинкты и страсти, которые оказались бы на сцене и за кулисами, причём наблюдатель увидел бы также, что они действуют с невероятным напряжением и с тем могуществом, которое накоплялось веками...

Какая внезапность в изобретении обманов?! Какое лукавство в расстановке статей? И каково искусство притворяться, скрывая свои когти под чарующей мягкостью сердца и обольстительной нежностью дружбы?!..

Объявляя себя несостоятельным или принуждая своих кредиторов пойти на мировую, еврейский купец отдаёт этому делу столько же забот, как и птица, вьющая себе гнездо. Эволюция плутовства следует здесь определённым законам; она слагается из тысячи таких подробностей и стратагем, которые, будучи применяемы к обстоятельствам, сочетаются взаимно в самых разнообразных комбинациях и с поразительной гармонией; у неё есть свои собственные слова, специальные восклицания и характерные особенности до такой степени неизменные, что, подметив их однажды, уже незачем глядеть на них вновь.

Нечто подобное наблюдается и в еврейском политике. Одержимый глубочайшим предательством, он безустанно пожирается алчностью, но не менее того мучается гордыней. Проникнутый собственным превосходством, он свысока глядит на арийский мир, говоря себе, что если это не нынешняя, то, несомненно, будущая его добыча. Разве не всё должно отступать перед ним? Да и как, владея систематизированными ad hoc способностями, располагая дарованиями, выработанными и нанизанными природой именно с целью победы, он мог бы лишиться такого владычества? Не за ним ли сокровища энергии и лабиринты коварства? Не ему ли предстоит расквитаться за вековые унижения и оправдать пророчество о всемирном господстве, пророчество, пережившее разгром Иерусалима и разрушение храма?

С такими идеями и вожделениями, еврейская политика не может преследовать иной цели, кроме верховенства иудейского общества над обществом арийцев, и к этой цели она стремится с воинственным рвением и деловитостью. От времени до времени, медленно и в тишине умножив и подготовив свои силы, еврейская армия трогается в поход и кидается на сцену мира. Сокрушая перед собой препятствия, она переносится от успеха к успеху, от триумфа к триумфу.

Каково изобилие стратегических ресурсов? Какое проворство в захвате плодов обмана раньше, чем появится свет? Какой гений орудования рекламой? Какая сноровка расширяет самое время

скоропостижностью операций? Какова обдуманность в подготовке набега через разврат и шпионство? И каков навык разрушения? Какое богатство добычи? Как обильно текут серебро и золото в её победоносные руки? Наконец, какое удивление и страх царят вокруг неё? Содрагаются земные владыки и горе тем трепещущим, кто не отправит своего посла на похороны «беднейшего» из князей Израиля или же на свадьбу «последней» из его дочерей!..

Не следует поэтому удивляться, что еврейская политика действует на арийское общество разлагающим образом, что она стремится ослепить умы, обессилить историческое самосознание, ниспровергнуть веру в прошлое и по всем направлениям распространить легкомыслие и безрассудство.

«Склонность вдохновляться чуждыми национальными интересами и стремлениями, даже когда они могут быть осуществлены не иначе, как за счёт унижения собственного отечества, есть одна из разновидностей современного политического психоза» (Бисмарк).

С того момента, когда арийское общество вступает в одну из таких печальных фаз, среди которых народ, охваченный помешательством, обольщенный видениями и подавленный отвлечёнными туманностями, убеждает себя, что всё совершившееся на его жизненном пути было только мракобесием и ложью, склоняет главу пред оскорблениями чужеземца и даже сам повторяет их, засыпая в кругу опасностей ему угрожающих и вожделений, его гнетущих, — тогда для еврейства наступает полный простор, а уж сыны Иуды не промахнутся. В своих разрушительных атаках они сумеют обнять как самые глубокие и отдалённые устои арийского общества, так и всё, что у него есть великого в настоящее время. Религия, воинские доблести, память о знаменитых деяниях и о славной борьбе, спасшей национальную независимость, Греция как и Франция, поэмы Гомера как и христианские храмы, — всё будет предано поруганию. Софизм, ирония и карикатура в стихах, прозе и музыке разъедят всё своими прокажёнными струпьями.

IV. Весьма нелегко произвести анализ тех причин, которые делают столь гибельным прикосновение еврейства к арийцам. Тягость опасности возникает уже из той нелепой иллюзии, которой мы страдаем по отношению к намерениям еврейства и которая обусловливается химерической идеей, будто мы в состоянии поглотить его и усвоить ему драгоценнейшие из наших чувств и понятий.

Однако, подобная иллюзия распространена несравненно более, чем это казалось бы возможным. Как мало людей видят еврейское общество таким, каково оно есть — с его незыблемыми принципами, с его изумительной цепкостью и связностью и с тем вечным антагонизмом, который в тайниках своего сердца питает оно к арийскому миру. Разбросанное и рассеянное во многих странах, это общество приобретает только больше единения и упорства, дабы надёжнее отделить себя от всего окружающего, причём с тем большей энергией продолжает оно жить в самом себе и единственно для себя. Захват племенем Иуды всех средств к существованию и систематическое вытеснение ими окружающего населения, необыкновенно быстрое размножение этого племени, удваивающегося средним числом каждые 30 лет, и безвозвратная погибель для страны всякого рубля, попавшего в еврейский карман, являются воистину грозными фактами современной истории. Вот почему совершенно справедлива немецкая поговорка: wer sein Geld zum Juden tragt, sich mit eignen Fausten schlagt. И действительно, тогда как еврей-больной идёт к врачу-еврею; еврей, имеющий судебный процесс, обращается к адвокату-еврею же; еврей-грамотей подписывается на еврейскую газету; еврей-вкладчик несёт свои сбережения к банкиру-еврею; еврей-покупатель старается прежде всего иметь дело с торговцем-евреем; еврей-антрепренёр подбирает в свою труппу евреев-актёров; еврей-ученик ищет еврейских профессоров; еврей-директор консерватории наполняет её, а затем и саму оперную сцену евреями же; еврей доктор собирает вокруг себя еврейских же ассистентов и т.д. и т.д. Мы, христиане, не хотим понять всего этого и оценить по достоинству. Между тем, если вообще согласен с истиной афоризм «habes habereis», то еврейство как хищническая и строго централизованная орда подтверждает его ежедневно. Во вне оно, как губка впитывает золото из всей сферы, в которой вращается; внутри себя оно становится всё крепче и внушительнее, потому что ничего почти не расходует за своими пределами. Всякий, кто желает видеть, может убедиться воочию в том, с какой силой разрастаются еврейские капиталы, и как последовательно они организуются в большие компании, неуклонно и всецело захватывающие все отрасли народного хозяйства, тиранизирующие и

деморализующие всё вокруг. Сами же «акционеры-евреи» как «врани граяхуть, трупии себе деляче»...

Если же порой еврейство как бы смешивается с арийцами и допускает увлечь себя в их кругозор, то это, без сомнения, одно притворство, маска, приуроченная лишь к его же собственным интересам. Чудесно разыгрывая эту роль, еврейство иной раз влияет на арийское общество пагубным образом. Даже помимо своего желания, добро ведь приносят тому, кого любят и кому отдаются; ничего, кроме зла, не делают для того, кого ненавидят и презирают.

Простой и вразумительный пример может показать с очевидностью весь вред такого влияния. Стремясь захватить огромный барыш сразу, одним ударом, еврейский мозг сосредоточивает здесь все свои силы; но при этом у еврея страсть наживы имеет к своим услугам лукавство; она не ошибается и ничего не предоставляет случаю; проницательная, недоверчивая, всегда себе на уме, всегда готовая воспользоваться обстоятельствами, она идёт к своей цели верными и лёгкими шагами.

Где заведутся евреи, там вся жизнь превращается в биржу, там духовная трава не растет.

Сталкиваясь с еврейством, арийское общество, увы, заражается той же страстью. Каждый мечтает приумножить своё состояние счастливыми комбинациями. Но одно дело — определить пороки чужой расы, и совершенно другое — усвоить её способности. Пытаясь спекулировать, доверчивый и несведущий ариец является для еврея предпочтительной жертвой. Здесь мы до некоторой степени наблюдаем повторение того факта из жизни хищников, что раз отведав человеческого мяса, они уже навсегда становятся людоедами. В частности, еврею именно присуща та адская ловкость, которая необходима для возбуждения в арийце жажды к наживе, как лучшего средства снять с него последнюю сорочку.

Мудрено ли, что притчей, удивлением, посмешищем и поруганием бывал еврей всегда и у всех народов земного шара.

Весьма естественно, что попав на биржу, ариец становится лучшей добычей еврейского ажиотажа; в самой же заразительности своих алчных наклонностей еврей находит превосходный источник обогащения, а затем и новых побед. Шарлатанство в области политики, плутни в деловых сферах, разлад в семье, сокрушающее иго государственного долга, нашествие иностранцев, все виды позора, скандалы всякого рода и всевозможные бедствия заполняют и разделяют страну; в истощении же её материального благосостояния и в погибели её идеалов со всех сторон обнаруживаются симптомы смерти.

Пред арийским обществом еврейское имеет преимущество, что представляет организацию неизмеримо простейшую. Обладая такой совершенной устойчивостью, которая может идти в уровень разве с сохранением того или другого вида в царстве животных, еврейство не требует, как это необходимо для общества арийцев, постоянного вмешательства веяний иного — высшего порядка. Арийским обществом управляют идеи, тогда как у еврейского общества нет ничего, кроме инстинктов, но зато весьма устойчивых и чрезвычайно сильно организованных. Эти инстинкты дают еврейству полный цикл законов его деятельности, совершенно однообразной и неизменяемой на пути веков; они управляют как отдельной особью, так и целым сообществом. Посему образование человека в еврейской среде есть прямой продукт наследственной передачи, а отнюдь не результат специального и тяжёлого труда. Одна природа в обществе евреев делает то, чего в арийском мире нельзя достигнуть иначе, как чудесами искусства.

Безумно, стало быть, заблуждение арийцев, когда за образец для себя они берут еврейство. Этому последнему решительно нечего делать с возвышенными целями и с идеальными добродетелями, — оно не понимает их или же презирает.

Рыцарское благородство и сердечная простота — это такие понятия, которые для евреев непостижимы и не встречаются в их среде. Раса, кровь, текущая в их жилах, противятся всему, что мы, христиане, называем долгом чести и великодушия. Без идеалов и без чистой жизни духа, еврейство выражает собой олицетворение гнева, мести и печали. Жалка была их роль в истории Рима и в Средние века!.. Они повсюду мучились страшной тоской, прежде всего от своего же собственного неопределённого положения. Не будучи ни рабами, ни свободными людьми, ни равными, ни подчинёнными и не

принадлежа ни себе, ни другим, они представляли собой тайну, загадку, невылазную проблему, огромный вопросительный знак и наряду с этим олицетворяли крупную опасность, грядущую беду для окружающих и вместе безысходное горе для самих же себя.

Их фанатизм всегда был лишь карикатурой религиозного энтузиазма, а их необузданное своенравие являлось извращением здравой силы воли. Выжимая из всего окружающего последние силы, они неустанно жаловались на судьбу, издавали стоны, проливали слёзы. Открыто гонимые, они вымещали накипевшую в них злобу тайно. Чуждые уз родства или дружбы с коренным населением страны и лишённые всякого патриотизма, они никогда не теряли случая возбудить общую к себе ненависть то в качестве финансовых советников мелких и крупных владык, изобретая суровые, подчас нестерпимые налоги, то в звании придворных врачей, коварно завладевая доверием монархов и опутывая их гнуснейшими интригами, то, наконец, в виде откупщиков или вольнопрактикующих Шейлоков, довершая свистопляску роскоши и скрежет нищеты.

Между тем, наоборот, идеи и доблести составляют первооснову арийского общества. Еврейское общество легко переносит известную дозу испорченности, тогда как та же доза может оказаться достаточной для разложения общества арийцев. Не представляя никакого неудобства для евреев, некоторые виды свободы даже не служат для них предметом пользования (например, всё то, что допускает отраву алкоголем массы населения) и, однако, являются роковыми для арийцев. Наконец, в еврействе человек развивается из самого себя в нечто такое цельное и хорошо централизованное, чем без малейшего уклонения правит эгоизм, жгучий в вожделениях и холодный в расчётах. С самого детства еврей умеет сосредоточивать свои действия на своём личном интересе, который, будучи для него святыней, представляет в его глазах и абсолютное, и божественное.

Таким образом, еврей — существо упрощённое и вместе с тем наделённое лишь quasi-элементарной структурой, но не имеет нужды в научном образовании. Совсем иначе обстоит дело у арийцев. Для них образование есть именно та проблема, которая подлежит разрешению прежде всего. Здесь требуется, чтобы каждый человек в себе самом носил могучие устои арийской цивилизации, чтобы его разум и дух навсегда восприяли печать размышлений необъятного величия и несовратимой чистоты. Задача отнюдь не в том, чтобы повернуть его назад, внедряя в него поклонение деньгам и приёмы обмана. Должно и необходимо во всём его существе раскрыть стремление к благородному и самоотверженному, — небесному идеалу.

В политике подражание еврейству, быть может, ещё более чревато гибельными последствиями. Еврейское общество, строго говоря, не имеет политики. Располагая инстинктами, которых ему не надо обдумывать или приводить в теорию, уверенное, что ему никогда не предстоит уклониться от них, оно совершенно неспособно усвоить политические концепции арийцев. **Общество кочевников, запечатленное паразитизмом и эксплуатацией ближнего, как могло оно не понять арийскую нацию и жить её историей? Вот почему иудейская политика обусловливается заимствованиями, искусственным возбуждением, идеями, меняемыми изо дня в день. Она суетна и криклива, легкомысленна и лицемерна, она «потеет» неврозом, болтовнёй, сплетнями и оскорблениями.**

Подвергаясь влиянию такой политики, арийское общество заражается тлетворными началами; уже вскоре его разум омрачается, оно не узнаёт самого себя, теряет представление о законах собственного бытия; его движения становятся беспорядочными, самые коренные идеи власти и управления извращаются; слепые увлечения и внезапные порывы занимают место спокойной предусмотрительности; политическая арена становится шумным и судорожным балаганом, где неведомые маски сталкиваются при щелкании звонких слов и хлёстких фраз... Государственные люди исчезают, и это в порядке вещей. Возможно ли какое-либо соотношение между гением арийского государственного человека и необузданностью еврейского журналиста? Где заправляет этот последний, там первый не может существовать.

V. Вмешательство евреев в политику тем более вредоносно, что само устройство их интеллекта неудержимо призывает их к другому. *«Природа,* — говорит Аристотель, — *не производит ничего более совершенного, чем то, что создано ею ради специальной цели»*.

Еврей получил от природы это высокое отличие: она сделала из него вполне законченного торгаша;

она его наделила проницательностью, чутьём, коварством, изворотливостью и подвижностью, быстротой в захвате добычи и жестокостью, чтобы пожрать её; вообще, всеми теми качествами, которые необходимы для жизни за счёт других людей. Как лаборатория лжи и обманов, его голова находится в непрерывном брожении; его вкрадчивый язык умеет говорить убедительно и предательскими мелодиями потрясать струны сердца, застигнутого врасплох; нежность и преданность так и текут, когда надо, из его уст, и некогда античная Сирена с большей силой не увлекала своих жертв чарами восторга и упоением лести.

Зайдёт ли дело о том, чтобы обольстить или совратить, ослепить или усыпить, — все извивы змеи ему одинаково сродны. Теряет ли человек силы, — в то же мгновение около него оказывается жид, подобно тому, как в равнинах Южной Америки невидимый дотоле ястреб внезапно кидается на раненое животное прежде, чем оно испустит последний вздох...

Закутит ли маменькин сынок, — еврейские ростовщики, скупщики и бриллиантщики сбегутся со всех сторон, чтобы, как можно скорее, помочь ему разориться. С каким соревнованием и вместе с каким согласием поведут они этот превосходный гешефт, делая в то же время вид, будто они друг друга вовсе не знают!..

Надо ли потопить корабль в открытом море, чтобы воспользоваться страховой премией за товары, которых на нём никогда не было? Еврей устроит и эту плутню. От таможенных чиновников в Бразилии или Мексике он достанет подложные грузовые документы, а затем всё будет устроено так гладко, крушение произойдёт при условиях столь естественных, что страховое общество окажется вынужденным вознаградить за все «убытки» сполна, в том числе, разумеется, и за те слитки золота, которые с еврейским кораблём скрылись на дне океана...

Придется ли учредить мошенническое «акционерное предприятие», еврей, конечно, явится если не инициатором, то, по крайней мере, организатором. Он выработает задачи общества, проведёт устав, подтасует членов правления, погонит на бойню стадо акционеров, изобретёт и осуществит всё к лучшему в этом лучшем из миров, будет говорить и действовать больше, чем кто-либо и, тем не менее, сумеет перенести ответственность на других, оставив за собой лишь самые крупные барыши.

Выпускает ли какое-нибудь южно-американское правительство новый «гондурасский» заём, — наверно будут постоянны «Панамские» невзгоды и вновь зародится, по крайней мере, ещё одно большое еврейское богатство.

«Cherchez ie juif!» — вырывается невольно, как только общественное внимание бывает возмущено какой-либо, ещё неслыханной плутней. «Cherchez ie juif!» — твердит себе дипломат, видя, что его шахматные ходы кем-то спутываются и обращаются ему же во вред. «Cherchez ie juif!» — говорит себе землевладелец, не постигая быстроты колебаний цен на хлеб и действительной причины своего разорения. «Cherchez ie juif!» — вспоминает финансист, оплакивая крушение христианского банка или внезапное падение курса, переворачивающее рынок вверх дном. «Cherchez ie juif!» — решает судебный следователь, например, в черте еврейской оседлости, когда предательское злодеяние, многосложное, важное и безнравственное преступление является особенно загадочным. «Cherchez ie juif!» — приказывает главнокомандующий, замечая, что его планы перестают быть тайной для неприятеля. «Cherchez ie juif!» — восклицает государственный человек, когда национальные мероприятия отравляются сатанинской ложью в яко бы либеральной и яко бы нееврейской печати, а с другой стороны тормозятся какой-то гнусной подпольной силой. «Cherchez ie juif!» — вправе сказать, наконец, мыслитель, когда вечные законы разума и сама идея справедливости осмеиваются и замирают в том биржевом хаосе, который на наших глазах охватывает наиболее жизненные части социальных организмов.

VI. Во всякий из своих гешефтов, как и в любую из денежных спекуляций своих еврей вносит чутьё виртуоза. Он найдёт место, где следует стать и время, когда надо действовать; своему банкирскому «заведению», как и выставке своих товаров он сумеет придать надлежащие цвет и блеск. Знает он и язык, которым надо говорить, и тот гвалт и треск, которые выгодно затеять; он понимает, как расставить сети доверчивым страстям и какую приманку бросить расточительным капризам; не ошибётся он в выборе посредников и не промахнётся, атакуя своих конкурентов то ловким

пренебрежением, то клеветническим наушничеством; умеет он не только приобретать доверие, но и, потеряв его однажды, создавать вновь; не забывает вовлечь в свои затеи сильных мира сего; становится предерзостным и наглым, будучи разоблачен, и никогда не прочь через интриги и подкуп достигнуть молчания и безопасности.

Но, прежде всего и больше всего проявляет энергии его скользкая и эластичная воля. Не отступая ни перед каким усилением и приноравливаясь ко всяким комбинациям, он одинаково способен довести до благополучного конца плутню, рассчитанную на десять лет, как и сообразить и завершить обман с быстротой молнии. Его неутомимое самомнение есть исчадие ада, в глазах которого не «завоёвано» ничего, пока остаётся завоевать ещё что-нибудь.

Не имея обыкновения останавливаться на половине дороги, природа устранила из еврейского понимания всё, что могло бы замедлить его своеобразное развитие. Двигаясь быстрыми толчками и внезапными импульсами, всегда имея предметом лишь непосредственные факты и познавая их так, как если бы у них не было ни вчерашнего, ни завтрашнего, даже питая отвращение ко всякому серьёзному и глубокому разумению вещей еврейский ум оказывается в прямом противоречии с дарованиями политическими.

В политике уже нет речи о том, чтобы одурачить покупателя или распространить панику; увёртки и скачки торгашеского лукавства, которое ничего не видит, кроме сегодняшнего успеха и пренебрегает законами нравственности, непременно довели бы правительство до погибели. И, наоборот, в делах торговых, а особенно в тех, где преуспевает еврей, эти же качества — суть его могучей силы.

Кто раскроет чудеса биржевых уток, фокусы игр на повышение и понижение, сокровенные тайны операций по выпуску новых ценных бумаг или же по захвату ценностей в одни руки?..

Химера греческой мифологии была козой с хвостом дракона. Гешефты детей Израиля с их внутренними судорогами и прыжками и с их внешними опустошениями, не в этой ли химере должны найти свою эмблему?..

Будучи перенесена в политику, эта лихорадочная подвижность, эти неожиданные выходки, эти ухищрения исключительно в сфере лжи и лишь путём шатания из стороны в сторону, эта страсть к немедленным результатам, как будто дело идёт о том, чтобы ограбить и тотчас же бежать, [6] наконец, это презрение к совести не могли бы выразиться ни в чём, кроме неисчислимых бедствий. Там во всякую минуту необходимы: разумение величия целого, широта взглядов, связанность мероприятий, спокойствие и мудрость, чувство меры, предвидение отдалённейших последствий, уважение к истине и уклонение от мимолётных побед, медленно приобретаемое доверие и такт умно оправдывать уважение к себе.

Стало быть, интеллектуальные силы политики и специальные способности, посредством которых «наживаются» огромные богатства евреев, стоят на противоположных концах диаметра; между ними такая же разница, как между величественным зданием, предназначенным служить века, и назойливо сверкающим мишурой цирком акробатов.

Да и, вообще говоря, довольно простого здравого смысла, чтобы из самих речей еврея убедиться, что политика совсем не его дело. Пропитанное торгашеством, еврейское красноречие отличается всеми сродными ему запахами. В минуты самого пылкого увлечения, еврей всё-таки способен дать лишь газетную статью. Его восторги пышут жаром распродажи, выгодно раздутой во всю, а от его энтузиазма несёт наёмными аплодисментами театральных клакеров. Взрывы его гнева, равно как и его нередко грубые или же забавно напыщенные обиды клокочут бешенством рыночного соперничества. Его бесстыдное чванство и умоисступление в спорах отдают ярмарочной площадью или же задворками биржи.

Не только дух толкучки кладет свою печать на всю еврейскую политику, но за её кулисами гешефты всякого рода неизменно присутствуют и размножаются, или, лучше сказать, этот дух никогда не бывает более деятельным, чем в тот момент, когда, расширяя поле своих операций, политика позволяет ему проникнуть в самое сердце государственной жизни. Тогда владыка тайн правительственных уже, ничуть не опасаясь боязливой юстиции, может спекулировать с полной

свободой. Обетованная земля в его руках, — остаётся лишь собирать жатву.

Если же какой-нибудь еврейский политик вдруг заблистает честностью, более или менее осязаемой, пусть этим никто не обманывается: его единоверцы спекулируют вокруг него, а состояние мозговой от них зависимости обязывает его отдавать всё своё влияние на службу их интересам. [7] Кто, например, не знает, что даже евреи не ведущие никакой торговли приходят, однако, в священный ужас пред таможенными пошлинами, как учреждением, омерзительным для еврейского космополитизма и преследуемым со стороны детей Иуды вечной ненавистью? Эта интимная помесь политики и барышничества нашла себе яркое воплощение в некоторых существах-ублюдках, изловчившихся двигать в ряд и политическую заносчивость, и биржевое мошенничество.

Недосягаемым же образцом, «звездой Востока» и «солнцем Запада» являлся на этом поприще перед лицом Израиля лорд Биконсфильд. Негодуя на дерзкое предательство этого «бесчестного еврея», О'Коннел справедливо заклеймил его званием «прямого наследника того злодея, который и на кресте не хотел принести покаяния». (непонятное высказывание, вероятно имеется ввиду тот разбойник, который злословил на Господа нашего Иисуса Христа. Сост.)

Глубоко упала нация, где этот позорный тип находит себе место, и где наглый биржевик осмеливается играть роль первого министра!..

Забавная вещь! Вопреки своим узко-торгашеским инстинктам, еврей охотно допускает в себе необыкновенные таланты для политической карьеры. Кто ищет его милостей, тот хорошо сделает, внимая его высоко парящим рассуждениям о мировых событиях дня, и, наоборот, чтобы ему не понравиться достаточно уклониться от политической беседы с ним.

VII. В известные эпохи, чувствуя, что иудаизм становится ему поперёк горла, арийское общество начинает мечтать о примирении с ним; оно укоряет себя в несправедливости и варварстве по отношению к еврею; говорит, что истинный еврей совсем не тот, которого оно преследовало; что злодеяния некоторых оно приняло за пороки всех, или же что, унижая еврея, оно само сделало его преступным, и что, наконец, в обоюдных интересах необходимо положить конец прежней ненависти и, вернувшись к юношескому мировоззрению, пригласить освобожденный иудаизм на помощь его же собственному обновлению.

В свою очередь еврей, поучаемый своим историческим опытом, издалека предчувствует эти стремления и с живейшей радостью следит за их развитием. Он знает, что вскоре они будут обобщены и возведены в закон, что цепи еврейства падут, и что сынам Израиля будет дано разрешение хлынуть на сцену мира со всем избытком энергии, выработанной веками гнёта и под науськивания неутолимой жажды мщения. Он предвидит, что ему станет благоприятствовать все: он был презираем и вдруг окажется существом высшего порядка; его обижали, станет оскорблять и он; его изнуряли, подавляя налогами, и вот он целое человечество предаст всепожирающей эксплуатации. Великие и малые станут равно ничтожными перед ним, он поселится в замках аристократии, а бриллианты самой могущественной из корон Запада пойдут на украшение его жены и любовницы.

Однако же, это великолепие, — он это знает также, — не будет продолжительным. Вечное Провидение указало ему предел, и Промысел Божий, бодрствующий в своём покое и страшный в долготерпении своём, остановит его в роковую минуту...

Надо ни разу не наблюдать еврея, чтобы в глубине его души не заметить мрачных предзнаменований. За проблесками болтливого высокомерия почти без перехода следуют молчание и уничижение; надменные порывы владычества внезапно сменяются странным беспокойством. Можно бы сказать, что это — средневековые заклинатели, в самый разгар наслаждений ночного шабаша с испугом взирающие на появления дня. Вот эта, например, голова, заносящаяся превыше облака ходячего, не держит ли она себя так, как будто она никогда не лобызала праха земного?!..

Но пока что данная эпоха принадлежит еврею; труба свободы и победы звучит в его ушах; горестные предсказания, которые несколько позже приведут его в ужас, теперь ещё не дают о себе знать; у него ещё есть время поработить землю, а, быть может, поспешив, он даже успеет наложить заклятие и на саму судьбу свою.

Арийское общество, надо признать, умудряется вторить ему. Увлекаясь евреем, оно до некоторой степени становится влюблённым в него. Еврей начинает производить впечатление человека более развитого, более полного и совершенного, нежели другие люди. Его ум очаровывает, а голос опьяняет; ещё немного и названное общество будет прислушиваться только к этому голосу, но... под гармонией лести и нежностью ласк оно услышит скрежет ненависти, подметит отталкивающий цинизм. Тогда оно станет анализировать и смех, и улыбки...

Но такое разочарование возникает очень медленно. Иллюзия ещё надолго остаётся владычицей, и чем больше еврей пребывает евреем, тем больше арийское общество любит его и тем раболепнее ему дивится.

Подчас оно даже испытывает потребность пасть ниц перед ним. [8] Встречая его в состоянии, так сказать, концентрации, — когда он сверкает самоуверенностью и наглостью, кидает своим поклонникам и врагам обиды с такой же ловкостью, как учитель фехтования наносит удары шпагой, обаятельно импровизирует ложь, чарует и увлекает, издевается и мистифицирует, одним словом, воспроизводит знаменитый тип халдея былых времён, — оно невольно принимает его за создание сверхъестественное, чуть не за полубог. [9]

Раз попав в этот омут, как могло бы арийское общество остановиться? Еврей, которому оно отдало своё сердце, владеет неограниченным доверием. И еврей хорошо знает, что он может этим и пользоваться, и злоупотреблять. Таким образом, весьма естественно, что нет сферы, куда бы не проник он со всей яростью «завоевателя». Правительство, дипломатия, армия, администрация, суд, — всё кажется созданным для него, повсюду лучшие места принадлежат ему же. [10] Некогда на него смотрели, как на существо международное, а его собственный, упорный и ревнивый жидовский патриотизм исключал, по-видимому, всякого рода иной. Теперь он признаётся патриотом в квадрате, и никто уже не думает спрашивать у него, где он родился? Ни его бьющая в глаза наружность, ни сам акцент его речей отнюдь не стесняют его карьеры. Арийское общество считает, что им правят тем лучше, чем во главе его стоит больше израильтян, владеющих тайнами его политики, говорящих иностранцам от его имени и переделывающих все его понятия на свой образец...

Золото есть важнейший рычаг еврейского могущества. Иудейские банки возвышаются в этом мире, как гордыня цитадели, а большие еврейские банкиры являются настоящими властелинами. И странное дело! Чем выше поднимаемся мы по социальной лестнице, тем это верховенство оказывается более могучим и тягостным. Человек простой, трудолюбивый рабочий видит проносящуюся мимо него карету еврейского банкира, не ослепляясь; он даже отворачивается с невольным презрением. Наоборот, человек среднего сословия, разжившийся кулак, задолженный фабрикант или купец, взирает на эту карету жадными глазами. Прогорающий аристократ ещё более откровенен и с изысканной любезностью кланяется своему кредитору, ставшему его «приятелем». Наконец, какой-нибудь второстепенный владелец раскланивается с «великим» банкиром, уже как равный с равным. Правда, банкир поклонился как раб, но это не помешало владетельной особе, обернувшись к своему адъютанту, с печальной иронией заметить: «Вот наши господа»!

VIII. Из всех зловещих талантов еврейского банкира нет ни одного, за которым законодатели и государственные люди должны были бы так смотреть в оба, как искусство развращения. Там, где есть какой-нибудь его зародыш, как бы он ни был скрыт, еврей сумеет откопать его и дать ему расцветать. Повсюду же, где растление нравов уже стало хроническим, там под иудейским влиянием оно принимает гигантские размеры. Брожение, которое при этом совершается в известных странах, нельзя ни с чем сравнить лучше, как с внезапным и пышным развитием скромной былинки под влиянием жаркого и влажного климата, потому что, без преувеличения, разврат под командой еврейских банкиров, столь же разнствует от безнравственности обыденной, как растительность тропическая отличается от полярной.

Приближаясь к человеку, которого он хочет соблазнить, еврей поступает так же деликатно, как опытный Дон-Жуан подходит к женщине. Уже первые его слова обволакивают жертву упоительной для дыхания атмосферой преданности и почтительного удивления. Вскоре устанавливается симпатия,

рождается доверие. Но кто открывает своё сердце, тот выдаёт и свои тайны. Да и кроме того еврей знает своего собеседника наперёд, даже и в том именно, что он всего более желал бы утаить. Еврей вполне осведомлён и о расточительной любовнице, и о гнетущих долгах. Вот почему все его выстрелы попадают в цель. Неожиданно высказанная какая-нибудь вскользь брошенная жалоба на житейские затруднения, — и обольститель кидается на них с быстротой хищной птицы.

«Как! — восклицает он, — вы, человек с такими дарованиями и заслугами, принуждены бороться против столь вздорных неприятностей! Вы рискуете не быть избранным вновь из-за невозможности поддержать газету? А между тем, много ли на свете таких людей, как вы... Да ведь, если бы вас успокоили в этом отношении, разве не могли бы вы посвятить всю вашу энергию святому делу национального возрождения?!..»

Совершенно незаметно предложения взятки сделаны и даже определились, но с какими предосторожностями, с какой осмотрительностью! Чаще же всего этому предшествует простое предложение взаймы. Подобно хитрому ловеласу, еврей как бы дышит такими очарованиями, которые способны усыпить нравственное чувство. У него есть красноречие, оплетающее человека со всех сторон, есть доводы, сбивающие с толку, есть и рассуждения специальные и особо приноровленные к каждому. С «полной очевидностью» доказывает он, что государственные люди не могут покрывать своих расходов, если сама их деятельность не приносит им необходимых средств; что все они, так или иначе, вынуждены добывать их; что поступать другим образом — значит решительно не понимать событий, подвергая себя на каждых выборах опасности; по недостатку денег быть вытесненным первым попавшимся и, сверх того, быть выкинутым в частную жизнь, с нищетой и унижениями в перспективе; что проповедь абсолютных принципов следует предоставить трусам и идеалистам; что, впрочем, эти проповедники сами же первые нарушают их; что, наконец, в делах известного рода, как, например, в том, какое проектируется ныне, заработок возникает законным путём, без всякой сделки с совестью, и что, если, разумеется, гораздо лучше не барабанить об этом без надобности, то вместе с тем, вовсе не значит изменять государству, когда немного подумаешь и о себе самом.

Примеры так и сыплются с его лихорадочных уст. И вот постепенно весь парламент проходит через них. Истина и клевета могут попеременно требовать своей доли среди тысячи фактов, о которых он повествует. Но у него ложь так хорошо преобразуется в правду, он с такой непринуждённостью жонглирует самыми мельчайшими деталями, что разобраться в них нет никакой возможности.

Между тем, в сознании человека, осаждаемого с такой силой, нравственные компромиссы начинают акклиматизироваться как повсеместный и, пожалуй, как неизбежный обычай. Однако, соблазняемый всё ещё колеблется. Действительно, нужда в деньгах пожирает его, кредиторы не дают покоя, срочных векселей уже не позволяют переписывать вновь, продажа с молотка грозит неотступно, человек доведён до крайности... А вдруг, если узнают?!..

Но в этом отношении еврейский банкир располагает страшным оружием, — молчанием. Непроницаемая тайна, которою должно быть покрыть дело подлога, «девичья» скромность, которая сделает его невидимым, бесподобная сноровка для уничтожения малейших следов — таков священный залог, предлагаемый евреем, и небезызвестно, что он останется верен своему обещанию. Да, это коварнейшее существо умеет не изменять другому, чтобы не выдать и самого себя. Политический разврат, надо сознаться, отличается высоким достоинством в том отношении, что умеет молчать. Как только преступление совершено, он, как змея, скрывается в глубокую нору, откуда его невозможно достать.

Охваченный подобными сетями, государственный деятель становится покорным слугой евреев. Безграничное же господство кагальных банкиров над таким человеком, которого они сами же выдвинули на политическое поприще, — факт, не требующий доказательств. Вообще говоря, когда сыны Израиля помогают гою «выбраться из давки», они делают это таким способом, что он остаётся к ним прикованным навеки.

Договор с еврейством напоминает сделку о продаже души дьяволу, — его нельзя нарушить.

Раз попав в руки кагала, политический человек испивает горькую чашу раскаяния. Для него не может

быть и речи ни о собственной воле, ни о личном достоинстве. Среди жестоких разочарований и крушения надежд он с опасностью уголовщины должен быть всегда готов по требованию израильтян явиться учредителем плутовского общества, прикрывать своим именем или проводить и поддерживать своим влиянием гешефты своих «хозяев», причём ему уже не дают «авансов» иначе, как под «еврейские» векселя... В апофеозе какое-то таинственное пренебрежение окружает его со всех сторон и показывает воочию, что у евреев ничего нельзя брать безнаказанно. Небеса вознаграждают сторицей за всё, что им приносится, преисподняя же требует лишь стократной уплаты того, что ею дано взаймы.

Могущество золота имеет сходство с владычеством ума в том отношении, что наравне с ним мечтает о всемирном господстве и парит выше отдельных национальностей. Всё должно зависеть от него, а оно ни от кого не должно зависеть; все сферы жизни, а в особенности — её болезненные уклонения, равно как и всякий вообще беспорядок, подлежат его эксплуатации и должны быть данниками усовершенствованного им ростовщичества.

Человеческое общество имеет своим критерием то, чему поклоняется. Всякое величие, над ним властвующее, намечает ему путь, служит для него образцом и предметом подражания. Если это величие основано на высоких доблестях и на идеальных чувствах, всё общество одухотворяется. Если же, напротив, это величие построено на лукавстве и подлоге, то при созерцании такого порядка вещей и само общество в своих устоях не может не испытывать глубоких потрясений. Подвиги воина, труды учёного, благородное самоотречение государственного человека отбрасывают лучи света и на ту сферу, которая ими владеет. Чем больше она понимает их, чем искреннее окружает почётом, тем больше и сама она возвеличивается. В такой же мере она облагораживает себя и тогда, когда воздаёт должное скромным добродетелям — прямодушию, благотворительности, беззаветному милосердию, иначе говоря, когда с одного конца нравственной цепи до другого всё представляется цельной гармонией, так как общество, воистину себя уважающее, не менее чтит неподкупность судьи и бескорыстное усердие врача, чем изумляется мужеству своих героев.

Режим иудейских финансистов если и не уничтожает вполне этих возвышенных стремлений, то сверху донизу потрясает их. На горизонте восходит новое светило, пред которым бледнеют идеи нравственности. Все они становятся более или менее туманными, а некоторые и вовсе невидимыми. Вместо них безумие подражания евреям овладевает умами и производит легко объяснимое понижение общественного уровня. Раз деньги сделались главным центром тяготения и обратились в верховную цель бытия, это явление роковым образом проникает до отдалённейших глубин социального организма. В такой среде наклонности и призвания размениваются на мелочь, государственный человек становится похожим на биржевого дельца, наука живёт рекламой, искусство впадает в продажность, либеральные профессии вырождаются в эксплуатацию сомнительной честности и с весёлым цинизмом отвергают свои старые традиции, а люди, которых они поставляют на общественное поприще, ведут себя, как интриганы, стремящиеся только к наживе.

Есть прямое соотношение между исчезновением настоящих государственных людей и расширением верховенства еврейских банкиров.

Без сомнения, не культ денег создал великих мужей Греции и Рима, и если бы вечный город задолжал Карфагену, он быстро исчез бы с лица земного. Ещё Полибий [11] так объяснял разницу между римлянами и пуническими семитами: «*Средства, которыми пользуется римский народ для увеличения своего благосостояния, несравненно законнее, чем то, что делают карфагеняне. У этих: последних как бы кто ни обогащался, его не станут порицать; у римлян же нет ничего постыднее, как позволить себя подкупить подарками или же приобрести состояние дурными путями. Сколько они уважают богатство, полученное законными средствами, столько же питают отвращение ко всему что добыто несправедливостью. В Карфагене общественные должности покупаются щедротами и подкупом, в Риме это составляет уголовное преступление. Посему как награды за добродетель различны у этих на родов, так нет ничего удивительного и в том, что самые пути их приобретения тоже различны*».

А между тем, не упало ли современное общество до такой низости, что допустило биржу сделаться

верховным и непогрешимым судьей правительственных мер?!..

Всё изложенное ещё с большей яркостью иллюминируется дальнейшим.

Проникнув в какую-нибудь политическую партию целым кагалом, евреи ловко устраиваются здесь, чтобы обеспечить своё влияние Для них в эту минуту нет ничего более настоятельного, как усвоить себе партийные страсти, исповедовать чужые идеи. Воздвигнув их в абсолютные истины, они покрывают сарказмами всякого, кто заговорит об умеренности, «обоготворяют» партийных вожаков, яростно клевещут на членов партии противной и задают тон с непререкаемой наглостью и со всем холодом презрения...

Да и как не послушать их? Партия, быть может, чахла и изнемогала, мало верила в саму себя, причём не было недостатка и в мрачных умах, желавших ещё более ограничить её задачи; в её корифеях чудились ей зловещие недочёты; здесь она угадывала человека не подходящего, там видела лишь обыденного честолюбца. Самые благоразумные требовали серьёзной предварительной работы, чтобы очистить её принципы и подготовить людей...

Вмешательство евреев сразу действует, как возбуждающее средство, избавляя партию от всяких сомнений. Она уже не терпит никаких колебаний и скоро приходит к убеждению в том, что страна принадлежит ей. Разве её идея — не энциклопедия политической мудрости? Разве её руководители — не всеобъемлющие умы? Во всяком случае иудейская пресса трубит ей об этом досыта. Весьма естественно, что подобная партия привыкает считать тех, кто дал ей эти иллюзии, за свой цвет и за свою квинтэссенцию. Евреям, стало быть, — важнейшие места, лучшие пожитки и доспехи неприятельских полководцев. И вот этих евреев мы начинаем встречать повсюду. Они заполоняют официальные приёмы, балы и обеды, списки служебных производств, внепарламентские комиссии. Партия живёт, по-видимому, единственно через них и завоёвывает только для них же. Можно сказать, что они её ум и сердце, что своими победами она обязана исключительно их усилиям, что они вытащили её их ничтожества и продолжают нести её на своих плечах.

И такое мнение до известной степени не лишено оснований. Свойственный евреям дух предприимчивости и шарлатанства играл, конечно, не последнюю роль в этом чрезмерно быстром успехе партии. Они вели деятельную пропаганду и своими гимнами изумления выдвинули вперёд человека, будущность которого хищным, коммерческим нюхом своим они угадали заранее. Кроме того, они ведь занимали сцену без перерыва и тысячами способов сумели сделать себя незаменимыми. Большие и маленькие услуги, основание дружеских газет, организация избирательных комитетов, денежные и иные авансы. О, да, партия обязана им бесконечно! А между тем, они шагу не ступили и гроша не дали иначе, как хорошо обдумав и взвесив, ибо, подобно ростовщику — своему отцу, еврейский политик действует только по логике таблицы процентов.

Отсюда путём интриги, той еврейской интриги, которая подвижна, как волна и прожорлива, как пламя, огромные барыши победы неминуемо притекают в их руки. Само собой разумеется, что, по их словам, всей этой благодатью они обязаны только своим исключительным дарованиям. Не представляется ли еврей квадратом и даже кубом всякого иноплеменника, не он ли лучшее создание природы и воспитания?

Точно также, когда, вступив в период упадка, партия постепенно движется к своему разложению, на долю сынов Израиля выпадает немало хлопот. Речь идёт уже не о нападении, а о «самозащите». Действительно, отдавать назад — вещь отвратительная для еврея, и тот, кто его принуждает к этому, — последнее из чудовищ. Вот почему он грызется с осатанелым упорством. Тогда разражаются целые потоки брани, ураганы оскорблений, язвы клеветы, открытые подстрекательства на самые крайние меры и на уголовные злодеяния. [12] Подобно вулкану в период извержения, еврейская пресса изрыгает огонь и серу, отплёвывает грязь, камни и пепел. Иной раз при чтении её статей невольно вообразишь себя на шабаше ехидн, одержимых всеми ужасами демонического неистовства...

С какой горечью должны размышлять об этом честные люди партии, даже те из них, кто думал сотворить чудеса, принимая поддержку евреев и уступая им лучшие роли?

«Евреи нас погубили!..» — вынуждены они сознаться, наконец.

Но когда они распознают корень зла, тогда уже бывает слишком поздно. Партия, поднявшаяся «при благосклонном участии» сынов Иуды, через них же и гибнет. Рано или поздно, а изнемогает она под гнётом всеобщего осуждения. Причём само падение её, как и всякий, впрочем, еврейский крах, является невероятным скандалом. [13]

IX. Поднимаясь со ступеньки на ступеньку, еврейство расширяет свои задачи. Начав с «поддержки» того или иного парламентского депутата, оно вскоре решает «избирать» их само. Засим оно проникает в политические партии, овладевает положением и, наконец, приступает к «увенчанию здания». Но прежде, чем ему удастся выдвинуть своего собственного Гамбетту или д'Израэли, иудаизм оказывается вынужденным пройти ещё через одно мытарство.

Везде, а особенно во Франции, партии не способны ни на что без главы, которая ими командует. Евреи знают это. Вот почему они не щадят усилий для овладения человеком, призванным на эту роль или же способным разыграть её в будущем. С целью обойти или «настроить» его, увлечь его сердце, поработить разум, привести его к отождествлению своего самолюбия с их интересами и внушить ему, что именно в них он имеет вернейших друзей, одним словом, чтобы связать его с собой неразрывными узами, их таланты превосходят сами себя и возвышаются до чудес... в решете.

Еврейская стратегия в этом, как, впрочем, и в других направлениях, сводится к трём средствам, которые она двигает одновременно.

Во-первых, — лесть. Рожденный льстецом, еврей без подготовки располагает всеми тайнами лести и умеет затронуть все её струны. Он равно преуспевает как в излияниях заискивающей преданности, так и в гимнах лицемерного поколения. Он не только изумляется перед человеком, но он влюблён в него; воспевая его суетность, он вместе с тем знает и слова, идущие прямо к его сердцу. Этот упоительный культ в связи с глубочайшим раболепием безошибочно делает своё дело. В трогательном сочетании здесь слышатся и гармония возвеличивания, и лепет самоотречения. Всё это ослепляет тем вернее, что сыны Иуды сознают, как опасно противоречить себе. Вот почему ещё тоньше, если это возможно, кадят они человеку вдали от него, за глаза, их восторги только более «искренни» и ещё более жгучи.

Но неужели же так трудно проникнуть в ядовитую микстуру этой лести и за балаганными декорациями дружбы подметить гримасы обмана? Прислушиваясь к интонациям голоса, долго ли отличить корысть и ложь? Среди торжественных звуков симпатии разве могла бы не выдать себя в еврейском оркестре маленькая флейта, уже репетирующая сплетни? Да и возможно ли настолько не понимать еврея, чтобы не видеть, что у него льстец — родной брат клеветника, что ласкательства и дерзость — лишь разные стороны двуличия?..

Увы, во всякую пору их карьеры, но прежде всего при её начале, политические деятели очень податливы на еврейскую льстивость. Представим себе честолюбца, перед которым его будущность уже рисуется в розовом свете, но который ещё не освоился со своим призванием. Если в этот период, когда он ещё борется с последними тенями неизвестности и, быть может, против своих же собственных колебаний, еврейская лесть, идя к нему навстречу, скажет ему, что он человек необыкновенный, разве не примет он этого за откровение с небес? Независимо от сего, радость обладания целой группой энтузиастов-поклонников, освобождая его от сомнений, не даёт ли ему величественной идеи о нём самом и безграничной уверенности в своих силах? С этой минуты, он уже смело шествует к цели, импонирует и покоряет. По-видимому, возводя его на пьедестал, сыны Иуды передают ему и свой престиж грандиозного шарлатанства. Естественно, что между ними и им устанавливается связь навсегда: он уже не может обойтись без них, так как, перестав быть богом, он превратился бы в простого смертного. Наоборот, если у этого человека благородное сердце, евреи не замедлят привязать его к себе ещё и самой обольстительной из всех форм лжи — симуляцией искренней и страстной дружбы. Он будет окружен еврейской молодёжью, блистающей усердием и самоотвержением. Быстрые в истолковании его желаний, как и в исполнении его приказов, эти юные израильтяне образуют вокруг него нечто в роде священного легиона. На лире кагальной поэзии станут они воспевать ему хвалу, пока он не свалится с пьедестала, или же пока они сами его не растопчут...

Во-вторых, — реклама. Как уже было сказано выше, дочь обмана и лести, реклама есть одна из

первооснов еврейского могущества.

Первая же встреча с евреями уже раскрывает честолюбивому политику весь смысл рекламы. Правда, низкопробность её, как средства борьбы, не остаётся для него тайной. Но ведь так приятно быть предметом восторженных похвал, ежедневно прогрессировать в общественном мнении, слышать своё имя на всех устах, стать знаменитостью первого ранга!.. Кроме того, еврейская реклама заменит для него работу многих лет: ему уже не надо будет истощать себя в бесплодных усилиях, ни терзать свою душу муками бесцельного ожидания, ему уж не придется отчаиваться перед таким будущим, которое тает, как мираж, исчезает, чтобы возродиться, и рождается, чтобы вновь исчезнуть.

Не обладая силами сверхъестественными, как противостоять такому искушению? Да и к чему противиться? Опьяняющие пары славы уже вызвали в нём горделивые сны и великолепные видения; он даже замечает симптом того, что они готовы перейти в действительность. На пути своей борьбы с конкурентами, он уже чувствует за собой такие же преимущества, какими пользуется торгующий контрабандой купец перед другими купцами, оплатившими свой товар пошлиной. Под влиянием еврейской рекламы его реноме раздувается, точно воздушный шар. Изумлённый, он смотрит на неё, как на трубный глас истины, как на провидение великих людей. Да и как ведь сама реклама умеет вселить такое убеждение! Не только ни о чём не позабудет она, но к чему бы она ни прикоснулась, всё преобразуется и украшается под её волшебным жезлом. Красноречие, характер, гениальность, она одевает «своего человека» всеми божественными свойствами. И вот он летит вверх с головокружительной быстротой, — он уже не видит земли... Увы, спуск вниз и «выпуск газа» из шара произойдут ещё быстрее!..

В-третьих, — деньги. Лесть и реклама представляют две неразрывные цепи; услуги деньгами образуют третью цепь, ещё более крепкую, потому что евреи слишком опытны, чтобы не выковать её по всем правилам искусства. Нет средства на издание газеты, — еврейские капиталисты дадут авансы; необходимо покрыть расходы по избранию, — человеку евреев ассигнуют потребную сумму немедленно; наконец, впредь до вступления во власть, ему ведь надо жить прилично, — и его нужды угаданы и облегчены.

Мудрено ли, что среди таких условий еврейский протеже смотрит на сынов Израиля, как на своих истинных друзей и даже более того, — как на родных братьев! Он не только не скрывает этого, а, наоборот, тщеславится своей близостью к ним. По взятии же власти приступом, он с лёгким сердцем предаст им всё, — от финансов до дипломатии включительно. *Управлять евреями, через евреев и для евреев* — таков первый пункт его программы. Их отчаяние станет для него утешением в минуту потери власти,… и он умрёт на их заботливых руках...

Ознакомившись, таким образом, с некоторыми приёмами еврейской политики, мы, прежде чем обратиться к её кульминационному пункту в современных испытаниях России, не можем не сказать нескольких слов и о политической роли еврейских банкиров.

В наше время нельзя отделить сферу финансов страны от её международных сношений.

Положение задолженного кагалу государства очень просто. Внутри себя оно имеет повелителя, не угодить которому оно вынуждено остерегаться. Положим, этот повелитель обыкновенно пользуется своей властью с благоразумием. Он «действует» лишь по мере надобности, и лишь когда этого требует его выгода, но он всегда начеку и зорко следит за совещаниями министров, точно он сам там присутствовал или же был соединён телефоном. Но что в особенности хорошо знает он, так это, что на таких совещаниях говорят о нём не иначе, как с почтительным страхом.

Если прежде жаловались на греховность мира, то теперь с ужасом взирают на его задолженность. Как прежде предсказывали страшный суд, так и теперь евреи пророчат какой-нибудь великий крах, универсальное мировое банкротство и опять-таки с достоверной надеждой, что им самим испытывать его не придется.

Между разными другими причинами, которыми обусловливается переживаемой Европой кризис, есть одна главнейшая, существенная, явная. Она заключается в том, что течение капиталов, предназначенное для питания всего социального организма, отводятся по грязным каналам талмуда в

пользу нескольких вампиров-израильтян. Живительный сок, необходимый для жизни ветвей, отпрысков и листьев, высасывается прямо из ствола дерева чужеядными паразитами.

Среди общего смешения понятий и опереточного развенчивания идеалов наблюдается, между прочим, и такой факт, что в наши дни вся штука даже не в самой затее, а в колоссальном займе, будто бы для её осуществления. Не теряя случая, еврейские финансисты занимают, срывают, хватают вплоть до того момента, когда следственный судья, а за ним и президент уголовного трибунала, трагически схватившись за волосы, наконец воскликнут «Rien ne va plus!»...

Несомненно, что положение этого рода в разных странах может представлять весьма различные ступени развития. Там — твёрдое и прозорливое правительство, здесь — энергическая аристократия, ещё дальше — строгая привычка к порядку и коммерческий дух народа встречают натиск еврейства спасительным сопротивлением или, по крайней мере, ограничивают его сносными пределами. Наоборот, в других государствах всевозможные причины — недостатки национального характера и непостоянства политики, смуты и революции, химерические предприятия и растление в идеях, неудовлетворительность общественных деятелей и безнравственность партий — комбинируются все разом, дабы распространить и ускорить иудейское нашествие.

Проникновение еврейских финансистов в правительство может происходить ещё более точным и ближайшим путём. Достаточно предположить, что при их содействии отдельное лицо или даже целая партия вступили во власть. Поддерживавшие их деньгами банкиры, очевидно, не могут удовлетвориться воздействием на политику издали. В разной форме они потребуют для себя раздела власти и прямого соучастия в управлении делами. Тогда наступает захват высших должностей их креатурами, а затем и иудаизация министерских постов. Банкиры же, в свою очередь, станут толкать их во всевозможные антрепризы, подмалёванные величественными красками, но неизбежно разорительные для государства, а на деле являющиеся только обширной ареной спекуляций. Чрезвычайное и внезапное развитие государственных сооружений на всём пространстве страны даёт тому характерный пример. Новые и новые займы, необыкновенное размножение акционерных обществ, бесконечные выпуски акций и облигаций, всевозможные субсидии и повсеместная суматоха — чего только с еврейской ловкостью нельзя извлечь из строительного умопомрачения, всецело овладев доверчивым и восторженным народом?!.. И уж если кто-нибудь способен содрать с одного вола две шкуры, то, разумеется, сыны Иуды вообще, а их банкиры в особенности. Когда же такие, предпринятые в безрассудных размерах, «строительные работы» доведут государственные финансы до истощения, тогда Израиль, в другом месте, конечно, успеет своих тощих коров заменить тучными.

Влияние еврейской биржи может отражаться в большом разнообразии явлений.

А. Ничто не мешает, положим, допустить следующую гипотезу. Синдикат иудейских банкиров владеет тайнами и даже, если хотите, самими намерениями первого министра. Эти «старейшины многострадальной синагоги» даже помимо их собственных подстрекательств — знают, что вскоре должна последовать какая-нибудь военная экспедиция и под видом протектората привести к quasi-присоединению. Весьма естественно, и это станет первым освящением победы, что долг присоединяемого государства будет гарантирован государством-покровителем. Чего же лучше, как не подобрать заблаговременно на рынке обесцененные бумаги побежденного? Впоследствии, когда заварится каша, и когда начатая под шутовским предлогом экспедиция окажется вне всякой возможности отступления, тогда будет не менее естественным разыграть комедию удивления и во всеуслышание отвергнуть какое-либо участие в такой «нелепости» прославляемого кагалом друга, излюбленного евреями государственного человека, и даже приписать ему не только слова неодобрения, но и формальное порицание «столь явного безумия». [14]

Б. Идёт ли речь об основании «общества», т.е. о том, чтобы закинуть «счастливую тоню», еврейский банкир живо приноровит свои гешефтмахерские ресурсы и опереточные способности. Ястребиным взором наметив «дельце», которое можно пустить в ход, он быстро организует комбинации и закончит выбор союзников. Из этих последних, одни являются прямыми «доверенными», другие же — только люди влиятельные, но для дела нужны их имя и поддержка. С первыми толковать долго нечего: известная часть добычи определяется в их пользу без лишних слов. Наоборот, по отношению ко

вторым, необходимы ловкость и дипломатия. Как, например, заручиться герцогом X, графом Y или же крупным вотчинником Z в сомнительной затее. Как скрыть перед ними ответственность?.. Но истинный сын Иуды не знает препятствий. Справки из под руки уже доставили ему кое-какие сведения, так что в самой глубине житейских тревог своего «простофили» он твёрдо рассчитывает найти себе преданного соучастника.

Однако, это только начало. Надо говорить, соблазнить, увлечь; надо победить как законные опасения самого обольщаемого, так и предостережения его просвещённых друзей; надо, одним словом, достигнуть такого господства над человеком, при котором он видел бы и слышал только глазами и ушами своего «псковича». Еврейский банкир проделывает и это диво. Поэтический жар речей, имитация дружбы, энтузиазм спекуляции, воззвание глубокими переливами голоса к самым жгучим страстям, немедленные посулы денег, — все эти средства употребит он с невероятной наглостью и превосходством.

Pour un juif les actions valent toujours plus que les bonnes actions...

Едва ли, когда-нибудь удастся начертать эти сцены финансового гипнотизма во всём их драматическом колорите. Калиостро не мог лучше проделать «вызов» любимого лица, чем ловкий «заклинатель»-еврей сумеет вызвать в наше время видения ослепительной роскоши. Тень обаятельного чародея (впрочем, тоже еврея) должна трепетать от радости: он вправе сказать себе, что его гений не умер вместе с ним...

И вот, околдованная жертва уже не сопротивляется; стоит лишь покончить с ней. Приглашенная в кабинет, а затем и в гостиные банкира, эта щука, возмечтавшая стать котом, поражается неслыханным великолепием, сокровищами всемирной роскоши, произведениями искусства всех времён. Сияние и блеск бьют ей в голову, а опьянение золотом до такой степени овладевает ею, что она уже перестаёт принадлежать себе. Щука согласна на всё; она будет «фарширована» на первых же строках объявления о задачах и средствах нового общества; в учредительных собраниях она явится одним из корифеев, по крайней мере, корифеев немых и декоративных; впоследствии она не преминет, конечно, принять участие и в совете общества; банкир же, в свою очередь, не замедлит манипулировать ею perinde ac cadaver.

На собраниях акционеров и по языку, и по авторитету он прямо недосягаем. У него даже есть воистину нечто властительное, и какое-то влияние светоносного величия украшает его чело, а то выражение могущества, с которым он держит в руках устав или доклад, невольно заставляет мечтать о пророке, возвещающем новое откровение...

Нет ни противоречий, ни рассуждений, резолюции вотируются единогласно. Жалкое и робкое возражение само бы себя подняло на смех в таком собрании из его креатур, где он заранее признанный повелитель.

Нередко также он неожиданно ускользает с проворством заправского фокусника. Дело идёт, например, о принятии какого-нибудь решительного, но компрометирующего постановления. Он считает его необходимым, он сам же внушает его. И вот собрание открыто, но в известный момент, «будучи вызван внезапно и по неотложному делу», он вдруг исчезает. Что же делать? Пусть поспешат устроить операцию без него. Нельзя ведь терять ни минуты. И всё, так хорошо настроенное им, идёт, как по маслу, а «заведенные» им автоматы продолжают действовать неуклонно и в его отсутствие.

Лишь когда пробьёт часть суда, тогда только поймут они, зачем он скрылся. Он же будет вправе сказать: «Меня там не было», а затем отвергнуть и всякое своё соучастие в инкриминируемом мероприятии, раз нет явных следов... Это, по персидской поговорке, называется «схватить змею чужими руками».

B. А как, например, понравится вам умение при надобности показаться чуждым основанию такого общества, из которого никто не извлек выгоды, кроме него. Еврейский банкир подстрекает на учреждение общества собственного должника. Причём, этот последний погашает свой долг оплаченными акциями того же общества. Акции пройдут сперва по номинальной цене, даже с премией, а затем... наступит крах. Но банкир, в этом сомневаться нечего, успеет сбыть их вовремя. Его

испытанный такт предупредит его о таком моменте, которого упускать не следует, а устроенные им западни тем более коварны, что, дабы внушить к ним доверие, он и сам «попадает» в них... на одно мгновение.

Общества, учреждаемые иудейскими банкирами, напоминают знаменитый эпизод римской истории — битву при Тразименском озере (217 до Р.Х.). Консул Фламиний совершенно не понимал Аннибала. Ему, как видно, и в голову не приходила характеристика этого образцового семита, сделанная впоследствии Титом Ливием: «perfidia plus-quam punica, nihil veri, nihil sancti!» Надо ли удивляться тому, что римская армия, злодейски вовлечённая Аннибалом, попала в ущелье, все выходы из которого лукавый карфагенянин сейчас же закрыл, а затем безжалостно вырезал несчастных солдат республики...

Точно также попадает на еврейскую бойню и злополучный акционер: ему сулят горы золота и всяческие чудеса, уверяют даже, что уплаты денег никогда не потребуется, и вот он подписывается на возможно большее число акций. Увы, «резня» не заставит ожидать себя, а если не Аннибал, то конкурсное управление явится её исполнителем!

Таким образом, идёт ли речь об армиях и военных предприятиях или же об иудейских капиталах и спекуляциях, проделки талмудизма всегда одни и те же, и над потоком столетий грандиозная эпопея второй пунической войны [15] протягивает руку современным грабительствам.

Да и на самом деле, разве финансовая война менее жестока, менее смертоносна или менее опустошительна, чем война обыкновенная?!..

Г. Но самой плодовитой спекуляцией, Hante Banque'а в политической сфере является всё-таки организация бурь испуга и смятения. Нет лучшего средства схватить на бирже изобильные барыши.

Эти бури производятся с неподражаемым искусством. Сперва состоящие на содержании у банкиров газеты распускают лишь тревожные слухи. Затем выступают на сцену уже вполне точные факты, передвижения войск, дипломатические осложнения, угрожающие заявления; еврейская пресса гремит воинственными предсказаниями и трубит в атаку.

Увы, под влиянием этих комбинированных ловушек биржа начинает волноваться, курсы падают, публика сбита с толку. Вдруг — страшная телеграмма, и всё погибло!.. Грозное понижение ниспровергает все ценности, — и какая превосходная жатва: сама обетованная земля не давала ничего прекраснейшего!..

Правда, через несколько дней заговорят о вероломных проделках и о подложных депешах; осмелятся даже взывать к закону для пресечения подобных плутней. Закон?!.. Какая нелепость! Да разве возможно представить себе в парламентской стране такого хранителя печати, [16] который в подобном случае предписал бы начать уголовное преследование? Он был бы разбит, как осколок стекла, и на своих собственных невзгодах выучился бы размышлять об удавах биржи и о хитросплетениях паука.

Тогда какое зрелище представит собой нация? Будут искать государственных людей и не найдут их. Между тем, аристократия еврейских капиталистов до небес превознесёт свои надменные вершины. Тогда поймут, наконец, что в деле финансов маленький изъян сегодня через немного лет обращается в пропасть, и что, если ещё может гордиться своей ролью всемирного кредитора один еврей, то уже нет ровно ничего завидного в том, чтобы целому стаду гоев состоят в звании всемирного должника.

Нарисовать полную картину банкирских махинаций Израиля мог бы только энциклопедический ум. Как Афины и Рим, так и Иерусалим — город единственный во вселенной; и подобно тому как римские армии развернули все доблести и осуществили все чудеса войны, так и завоеватель-Иерусалим воздвиг искусство обогащения на беспримерную высоту. У него также есть свои гениальные люди и смиренные рядовые, свои неудержимые храбрецы и терпеливые кунктаторы; он, в свою очередь, умеет вести свою линию медленно на пути веков и в немного лет совершит дело целого столетия. Как и Рим, он владеет собственными правилами стратегии и руководящими началами, особой дисциплиной и специальным героизмом. В нём даже больше гордыни, чем в Риме, так что он

не прочь и сам кинуть вызов. И только в тот день, когда оскорбленный Рим наносит ему coup de grace и повергает ниц, Иерусалим познаёт, наконец, кто владыка мира.

На пути эволюции и завоеваний Израиля его банкиры играют роль главнокомандующих армиями. Деятельность их мозга, знание территорий, талант маневрирования, чутьё великих случайностей, смелость решений, забота о мельчайших деталях, спокойная, господствующая над бурями воля и такая выдержка, которая привлекает победу, — всё в них, вплоть до высокомерия победоносного генерала, оправдывает такое наименование.

И пусть это поймут хорошенько! Всякая борьба против еврейства, которая в свою первооснову не положит глубокого изучения его свойств, сил, специальных познаний и сноровки, будет на первых же своих шагах осуждена на бессилие и послужит разве к тому, чтобы дать ему вид ещё большей непобедимости.

Иудейский банкир — прежде всего испытанный чародей. Идёт ли вопрос о том, чтобы двинуть правительство на заключение нового займа — красноречиво и убедительно, с поражающей ясностью раскроет он правительственные затруднения и ту лёгкость, с которой путём «необходимой» меры следует придти на помощь и упростить всё.

Как тонко умеет он улыбнуться в ответ на колебание министра финансов и с импонирующей иронией устранить его возражения?! Как особенно хитро вносит он в переговоры биржевое величие, как умеет кстати показать свою мощь, свои всемирные связи, синдикаты, уже готовые образоваться под его управлением, такой финансовый рынок, все нити которого находятся в его распоряжении! На этой откровенной выставке его власти царствуют, однако, условная и таинственная безопасность и лишь его неограниченный авторитет.

Ничего нельзя сделать помимо него, и самый кредит государства в его руках. По своему произволу, роняет он и поднимает ренту. Всякая же попытка выпустить заём без его участия или посредничества и не на предложенных им условиях — сущая химера. «Толстые карманы», как и «шерстяные чулки», давно разучились двигаться без его указки. А если они и явятся в государственное казначейство, то не иначе, как под его указкой!..

Как всякий порок, так и ненужный заём имеет свои соблазны и мимолётные чары, свои софизмы и теории. Да и еврейский банкир видит ясно, что через немного времени после такого займа к нему вновь постучатся в дверь. Превращаясь в хроническую болезнь, бесшабашность этого рода влечёт за собой нищету и позор. Грабительство и рабство следуют за ним неотступно, а цепи, наложенные банкиром, становятся всё более тяжкими, пока не настанет день, когда уже целый народ воскликнет: «Вот наш владыка!» К этому именно результату и стремится всемирный кагал.

Могущество Израиля, равно как и сама еврейская нация, представителями которых являются банкиры, желает покорять и господствовать только на правах признанных повелителей...

«Des souflets aux souflets, et les voila ail trone du monde!..» [17]

Блестящей, в свою очередь, иллюстрацией сказанного и точной картиной действительности является характеристика, данная Францем Листом:

«Еврей идёт всё вперёд по пути к монополизации денег. Он уже достиг такого положения, что в минуту опасности может сжать или освободить горло целой страны, — по мере того, как будет стягивать или распускать свой кошелёк, ставший в его руках ящиком Пандоры. Мелкие ремёсла и грошовое барышничество, которым он довольствовался поныне, уже никуда, по его мнению, не годится теперь, когда он заменил их безграничными операциями банков и огромными гешефтами биржевой игры, т.е. такими сферами, где с головокружительной быстротой он стал неограниченным владыкой и повелителем.

Еврей до отвалу насосался всеми видами современных вольностей с той целью, чтобы уже без всякого стеснения вести атаку против любой христианской правды. Он захватил весь объём деятельности прессы, дабы с большим успехом потрясать самые устои нашего гражданского быта.

Подобно тому, как он ненавидит Бога на Голгофе, точно также он пылает злобой ко всему, что представляет силу, благородство величие тех религиозных общин, которые исповедуют Распятого Господа. Он естественный, прирождённый враг всего, на чём покоится их незыблемость, благоденствие, процветание и слава.

Вероломно стремясь к тому, чтобы через смешение с христианами в тайных сообществах обращать их деятельность на пользу Израиля, еврей с давних времён всегда и прежде всего норовит примыкать к таким шайкам, которые поставили себе задачей ниспровержение существующего порядка. При этом для еврея безразлично, каков именно данный режим, равно как и то, ради чего собственно другие стараются поколебать его.

Еврею всё годится, раз оно имеет целью ниспровергнуть, во-первых, трон, а во-вторых, алтарь, или — что для него ещё лучше, — сначала религиозные, а затем и государственные установления. Ему доставляет истинное наслаждение, когда в смутах революции гибнет и вихрем бешенных перемен рассеивается всё, что в христианской цивилизации есть высокого, чистого и прекрасного.

Ведь сыны Израиля не потеряют ничего, даже если у них ограбят несколько миллионов или сожгут некоторые из дворцов. С адской радостью позабавились бы они над языками пламени, которое, разрушая «улицу Лафита», пожрало бы и весь Париж. Керосин был бы для их обонятельных нервов благоухающих нардом (библ. термин), а динамит убаюкивал бы их слух, как «небесная музыка».

Да и в самом деле, кто мог бы отнять у них их Тору или хотя бы их Талмуд?!... Разве им привыкать к тому, чтобы, лишившись всего, снова отнимать у других и богатство и власть?!..

Равным образом, не сыны ли Иуды всегда стоят за кулисами любого социального переворота, и не они ли фигурируют как потаённая первооснова всякой антиморальной эпидемии?

Организуя заговоры против сильных мира сего втайне, евреи наяву раболепствуют пред их жаждой наслаждений, укрывают их пороки и тем вернее влекут их на погибель.

Отсюда несомненно, что придёт, наконец, такой момент, когда все христианские народы уразумеют, что оставление или изгнание еврейства, прокравшегося в их среду, — вопрос жизни и смерти для них».

Все революции мира были выгодны для евреев, ибо «по своей практичности» этот народ неизменно переходил на сторону победителя. Даже в 1812 году, являясь поставщиками и шпионами Наполеона, с другой же стороны, будучи главными его агентами по сбыту фальшивых ассигнаций для подрыва кредита России, евреи, как только счастье покинуло великого императора, не замедлили изменить ему, и, например в Вильне, раненых и умирающих французов повыбрасывали прямо на мороз...

«Des crimes si horribles doivent etre denor ces aux siecles presants et a venir!» — справедливо писал граф Сегюр.

Соблазнившись же успехами своими в дни первой французской революции, евреи уже стали устраивать бунты вплоть до восстания «сознательного» пролетариата в Москве по мере надобности.

«Nous n’avons que change des juifs!» — с отвращением воскликнул ещё в 1848 г. Прудон.

Давно замечено, что иезуитские мероприятия еврейства представляются наиболее опасными для всех прочих народов в годины тяжких испытаний судьбы, в роковые минуты их истории. Тогда именно с ужасающей полнотой обнаруживается тот факт, что евреи отнюдь не считают их за людей, а рассматривают лишь как орудие своих целей. Справедливо заметил Моммсен, что **«как сегодня, так и в древнем мире евреи неизменно являлись действующим ферментом разложения других национальностей»**. «Евреи наше счастье!» — невольно воскликнул и второй современный историк Германии, Трейчке.

На самом деле, во времена бедствий, в часы революций, наступлению которых евреи нередко содействовали своими анархическими речами и писаниями, равно как и своей хищнической пронырливостью, они же являлись и открытыми противниками существующего порядка de facto, не

отказываясь водружать красное знамя. Но едва лишь волны переворота успокаивались, и жизнь принимала своё обычное течение, как те же сыны Иуды покидали это знамя и начинали уверять каждого, кто хотел их слушать, в своём патриотизме и в своей дружбе с государством. Между тем, мы видим, что большинство еврейских депутатов в парламентах пребывает во вражде с установленным режимом и со всяким правительством.

Страна же, где возобладают евреи, может состоять только из обманщиков и обманутых.

За неимением парламентской трибуны, они агитируют в этом же смысле с профессорской кафедры. Поручите еврею чтение лекций по всеобщей истории, и его курс преподавания ограничится двумя темами: «Реформация» и «Революция». Дайте еврею преподавать медицину, и он «воспитает» вам целые поколения не друзей человечества, а ростовщиков с докторскими дипломами.

Так было всегда и не могло быть иначе.

Вся история сынов Иуды показывает, что они бывали то угнетателями, то угнетаемыми, но никогда не заключали мира с иноплеменниками. Едва только они перестают трепетать сами, как немедленно же переходят в наступление с целью устрашать и порабощать других.

Никогда не ограничивались они равноправием, а неизменно домогались захвата всех прав себе, бросая на долю гоев одни обязанности... Сродный арийскому духу идеализм, безусловно, чужд еврею, и он ненавидит его у других. При первой возможности, он насмехается над всяческими «идеалами» или, по меньшей мере, стремится выставить их в забавном свете. Вышучивание же наших увлечений и опереточное издевательство над самой возвышенной деятельностью гоев — наилучшее для него торжество. А уж при какой-нибудь грозной неудаче или в случае крушения блестяще созданной гоями, но «непрактичной» идеи, еврейство и вовсе не знает границ.

«В награду за равноправность, дарованную нами евреям, — сказал при всеобщем одобрении с парламентской трибуны известный депутат Рейхеншпергер, — **мы, германцы, встретили лютую вражду и преследования со стороны самих же евреев. Иудейская же печать во всех сферах превзошла всякую меру оскорблений, нанося их нам во всеуслышание и преднамеренно сосредоточивая против наших священнейших чувств и интересов»**.

Вот уж действительно: «Plus ie singe inonte en l’air, plus il montre son derricere»!

«Представителями азиатщины в Европе, — свидетельствует в свою очередь Вармунд, — **служат главным образом евреи. Как номады, они олицетворяют собой, в отношении всего добытого оседлыми земледельцами революционный принцип, являются ферментом гниения и погибели. Как семиты, они дышат ненавистью к нам, индо-германцам. Как наследники и выразители пунизма, они в себе самих заключают начало извращения свободной деятельности в рабский труд из-под кнута. Наконец, как возникший до нашей эры и построенный на своей национальной исключительности узко-теократический союз, они составляют прямое отрицание идеалов христианства»**.

Знаменитый Капефиг со своей стороны рассуждает так: **«Сэн-симонизм и иудаизм сходны в том отношении, что оба они допытываются счастья. Но тогда как первый в этом стремлении движется страстью, дышит поэзией и созидает теории, которые могли бы облагодетельствовать человечество, исключительная цель второго есть захват реального мира, спекуляция и барыш в свою личную пользу. Первый радуется при блеске золота и не прочь развить это явление природы через отражение в нём самых ярких солнечных лучей; второй совершенно доволен, когда ему удаётся всунуть червонец в свой карман, отнюдь не добиваясь самоослепления его сиянием. Полновесен ли червонец, вот главный вопрос, определяющий всё дальнейшее поведение еврейства и руководящий его помыслами»!..**

Да и в самой Англии евреи не пользуются никакими симпатиями в среднем и высшем классах общества, а народ их прямо ненавидит. Чего бы не предпринимали большие евреи, как д’Израэли, Гошен или Вормс для подделки своей популярности, общественное мнение не может не убедиться, что все они, так или иначе, норовят пристроиться к деньгам или к торговым предприятиям, даже на поприще государственной службы. Так д’Израэли прежде чем стать премьером, бывал министром

трижды, но неизменно — как канцлер казначейства. Гошен пристраивался к тому же казначейству дважды. Вормс добыл себе местечко помощника статс-секретаря... колоний. В свою очередь, «маленькие» евреи собираются целыми стаями для устранения и сокрушения конкуренции англичан на всевозможных поприщах.

Примеры истории, относящиеся к изложенному, представляют такое изобилие, что не знаешь, чему отдать предпочтение.

Принадлежность к княжеской дружине в древней Руси не обусловливалась никакой национальностью. Дружина была сборная, разноязычная, разноверная и вполне свободная. [18] Эта главная черта удержалась и при Андрее Боголюбским, хотя при нём дружина уже стала приобретать характер подчинённый, а вследствие укрепления на Руси христианства не имела уже и прежней религиозной свободы. Андрей охотно принимал пришельцев-латинян и православных. Он любил показывать им свой великолепный храм Богоматери во Владимире, чтобы иноверцы видели истинное христианство и крестились. За христианские подвиги и «за обращение многих болгар и евреев» летописец всего больше и хвалит Боголюбского.

В числе этих новообращённых находились два еврея: Аньбал и Ефрем Моизич (Моисеевич). Оба они приняли участие в заговоре против князя. В пятницу, 28 июня 1174 года заговорщики собрались в доме Кучкова зятя Петра; здесь же был и Ефрем Моизич. Совершив затем в Боголюбове самым варварским образом убийство князя Андрея, заговорщики предались грабежу, а тело выбросили в огород. Здесь его стерёг верный слуга княжеский, Кузьма Киевлянин. Увидя проходившего мимо княжеского ключника Аньбала (Ганнибала), Кузьма не мог удержаться от слёз.

Текст летописи: *«И нача плакати над ним Кузьмище: «Господине мой, како еси не очютилъ скверныхъ вороговъ своихъ?!.. Или како еси не домыслилъ победити ихъ, иногда побежаа пелки поганыхъ болгаръ?..» И тако плакася. — И прииде Аньбал, ключник, Ясин родом, тот бо ключ држаще у всего дому и надо всем ему волю дал бяше. И рече, взреви нанъ, Кузьмище: «Анъбале, вороже! Сверзи ковер или что-либо подослати или чем прикрыти Господина нашего». И рече Анъбал: «иди прочь, — мы хотим вывересчи псом!..» И рече Кузьмище: «О, еретиче! Помнишь ли, жидовине, в которых портех пришел бяше? Ты ныне в аксамите (бархате,) стоиши, а князь лежит наг; но молю ти, сверзи ми что-либо!» — И сверже квер и корзно, и обвил его и несе в церковь. И рече Кузьмище: «Уже тобе, Господине, паробци твои не знают. Иногда бо еси и гость приходил из Царя-града и от иных стран, от Русская земли, если латинин и до всего христианства, и до всея погани, и рече: введете и в церковь, и на полаты, да видят истинное христианство и крестятся, — яко же и бысть. И крести и болгаре, и жидове и вся погани. И ти больше плачют по тебе, а сии ни в церковь не велят вложити!»*

Посетив наше отечество гораздо позже, в царствование Василия III, Павел Иовий удостоверяет, что в его время русские ненавидели евреев, содрогались при одном их имени и не пускали их к себе, как людей презренных и опасных.

Здесь необходимо заметить, что совершенно также относились к сынам Иуды в Малороссии, где население, угнетаемое поляками, бедствовало невыразимо, так как евреи учили панов выколачиванию из «быдла» последней копейки, равно как и потому, что, снимая в аренду у тех же панов деревни и сёла, израильтяне монополизировали в Светлый Праздник печение куличей и пасох и даже «нормировали», сколько обязан купить их каждый крестьянин, а с другой стороны, эксплуатировали на правах арендатора сами церкви, куда без дани еврею и пойти было невозможно.

«И так производя жидовство над христианами, на их же собственной земле, — удостоверяет Костомаров, — такую тяжкую наругу (поругание), сами, между тем, свои пейсахи отправляли свободно и проклинали христиан и веру их в синагогах своих, на русской же земле построенных, невозбранно».

Экспертами в тирании являлись иудеи у нас и в период татарского ига. Например, под 1321 г. летопись, по Никонову списку говорит: *«Прииде из Орды в Кашин Таянчар татарин, с жидовином, с должником* (откупщиком), *и многу тягость учиниша Кашину»*.

Что же касается аренды христианских церквей, то история показывает, что в смысле глумления над

чужой религией евреи оставались верными себе всегда, даже в древнем Риме.

У Ювенала (сатира III, стихи 13 и 14) мы читаем:

«Nunc sacri fontis nemus et delubra locantur.

Judaeis, quorum cophinus foenumque supellex!..» [19]

А что происходит в современной Франции, где изгоняется Распятие из судебных и даже из учебных заведений по остроумной догадке одного из депутатов парламента, вероятно, с целью освободить место для изваяния нового «мученика» — Дрейфуса. Церкви же, под предлогом описи имущества (чего не бывало ни в одной синагоге), профанируются евреями самым бесчестным образом, — этого, положим, мы ещё не видим в России. Но не будем обольщать себя. Время так быстро идёт вперёд, что возмутительные проделки еврейства со священными для нас изображениями хотя бы вслед за 17 октября 1905 г. , едва ли, заставят долго ожидать себя, быть может, ещё с большим дерзновением и по всему лицу нашего отечества.

Не даром с таким неистовством аплодировали сыны Иуды своему единоплеменнику Леону Гамбетте, заложившему фундамент официального господства евреев во Франции, когда боевым лозунгом кагала он провозгласил: «Le clericalisme — voila l’ennemi!»

Гениальным провидением руководствовался Петр Великий, когда, вызывая иноземцев отовсюду, он решительно исключал евреев, так как видел в них лишь *«бездельных людей, которые, кроме торга, ничего не привыкли предпринимать»*.

«Я хочу, — говорил Петр, — **лучше видеть у себя народы магометанской и языческой веры, нежели жидов. Они плуты и обманщики. Я искореняю зло, а не распложаю. Не будет для них в России ни торговли, ни жилища, сколько они о том ни стараются и, как ближних ко мне ни подкупают»**.

«От врагов Христовых не желаю интересной прибыли!» — такова была и резолюция Елизаветы Петровны 16 декабря 1743 г. , когда во имя блага народного она отвергла ходатайство Правительствующего Сената о разрешении богатым иностранным евреям приезжать хотя бы на ярмарки в Малороссию.

Когда при Екатерине II еврейству удалось оклеветать, но не подкупить Державина, оно в эпоху наполеоновских войн купило, наконец, Сперанского и с этого времени пошло вперёд к порабощению нас. Увы, это произошло уже в такой мере, что всего через одно столетие курляндский еврей Бауман в самой Москве на Немецкой улице всенародно и среди бела дня ехал с красным флагом, где была надпись: «Долой самодержавие!» и предерзостно восклицал: «Долой Царя! Ко мне присоединяйтесь, — я ваш царь и Бог!..»

Отвратительные же похороны Баума явились как бы прообразом такого нынешнего торжества кагала, когда им же подтасованная, изменническая партия «народной свободы (?!)», воспользовавшись душевной простотой глубоко несчастного народа и нагло издеваясь над его беспримерной скорбью, готовит растерзание государства, созданного его кровью и слезами, равно как все ужасы террора «сознательных пролетариев» и по жидовскому обыкновению заранее трубит о своей победе на выборах в Государственную Думу вообще, а в частности, обещает нам, русским, высокую честь иметь депутатом даже от Москвы еврея же, но гораздо более опасного, чем Бауман.

X. Увы, не слушая наставлений всемирной истории, мы сами во всём виноваты.

Конечно, при современном состоянии науки нам нельзя, к сожалению, восстановить картину жизни Ура халдейского и выяснить действительные мотивы переселения евреев в Палестину уже в ту, например, эпоху.

Положение вещей таково, что чем более изыскания наши проникают в ночь прошедшего, тем сильнее сгущается мрак, сама почва исчезает, наконец, под ногами разверзаясь в бездонную пропасть. Рано или поздно, а наступает заколдованный момент, когда наши взоры не различают уже ничего, кроме призраков и неясных теней. Истина насмехается над самыми крайними усилиями историка и отступает всё дальше и глубже, пока не станет вовсе недосягаемой под охраной целых легионов басен,

мифов и легенд, которых наша слабая научная артиллерия уже разрушить не в силах.

Тем не менее, как заметил ещё Бунез, «по той доле кривой, какая нам известна, мы можем с некоторой вероятностью определить и всю орбиту истории».

Таким образом, и в отношении евреев у нас и до ныне ещё нет твёрдых данных, по которым возможно было бы представить себе это племя на самой заре его существования. Но это не исключает, конечно, ни сведений о его дальнейшем пути, ни указаний отсюда на его будущее.

Само собой разумеется, что мы не станем исследовать здесь исторические судьбы евреев, как бы течение их ни было интересно и поучительно. В дополнение ко всему изложенному для нашей цели достаточно указать хотя бы ещё некоторые моменты истории сынов Иуды, — особенно по их же собственному свидетельству.

А. *«Ты знаешь этот народ, что он буйный!»* — напомнил ещё Аарон Моисею (Исх., XXXII, 22).

Господь сказал Моисею: *«Скажи сынам Израилевым — вы народ жестоковыйный»* (Исх., XXXIII,5).

«Не дети ли вы преступления, семя лжи, разжимаемые похотью к идолам, под каждым ветвистым деревом, закалывающие детей при ручьях, между расселинами скал?» (Исайи LVII, 4 и 5).

«И прилепился Израиль к Ваал-Фегору, [20] *и воспламенился гнев Господен на Израиля»* (Числ, XXV, 3).

Б. «В то время, как закон был ниспослан на горе Синае, при раскатах грома, — говорил Гиббон, [21] — и как волны океана и течения планет были приостанавливаемы в защиту израильтян, а мирские награды и наказания были прямыми последствиями их неповиновения, они постоянно восставали против очевидного величия их Божественного Монарха, ставили идолов различных наций в святилище Иеговы и даже перенимали фантастические обряды, совершавшиеся в палатках арабов или в городах Финикии».

Безрассудная гордыня, ненасытное корыстолюбие и раболепие перед самыми низменными страстями своими являлись основными качествами еврейства ещё в те времена, когда ни о каком вредном на него влиянии других народов не могло быть и речи.

Независимо от сего, пророческие книги и само Пятикнижие Моисея исполнены такого негодования против безнравственности и нечестия Израиля и представляют столь вдохновенные образы его растления, что их свидетельство, помимо всяких научных изысканий, само по себе убеждает в плачевном характере этого народа, с незапамятных времён его истории.

В. В ханаанском периоде своей жизни евреи впервые столкнулись с арийцами, филистимлянами — отраслью пеластов и сразу же начали с ними войну, длившуюся веками, но почти неизменно выражавшуюся в унижениях и позоре евреев. Наряду с этим, постоянно колеблясь между Ассуром (царством ассирийским) и Мицраимом (Египтом), сыны Израиля то и дело переходили с одной стороны на другую, а потому не могли иметь ни друзей, ни верных покровителей. Мы видим кроме того непрерывные войны евреев с близкими и дальними, сильными и слабыми пародами, выразившиеся в том, что, как уже было нами замечено, из тысячи четырёхсот лет своего политического существования, сыны Израиля провели тысячи лет в рабстве.

Г. Причина этого факта лежит главным образом в характере самих же евреев. Достаточно известны жестокости, содеянные ими во время завоевания ханаанской земли и притом нередко изменническим образом (например в Сихеме, Иерехоне и др. местах); бесконечные внутренние смуты, доходившие до истребления массами своих же единоплеменников (например, в коленах Вениамина, Манассии и Ефрема); человеческие жертвоприношения (например, совершенные даже царями Ахазом, Манассией и другими; постоянный возврат то к поклонению золотому тельцу, то к той кровавой грязи семитических религий, которая не имеет ничего себе подобного в истории; задорные и безосновательные распри царств израильского и иудейского между собой и с соседями; отсутствие патриотизма, доходившее до того, что в грозную и роковую годину осады Иерусалима Титом, еврейский гарнизон был раздираем междоусобицей трёх враждебных друг другу партий. Элеазар со своими солдатами занимал вершину горы Мориа и центр храма; Иоанн из Гисхалы стоял за первой

храмовой оградой, и, наконец, Симон командовал 10.000 разбойников-евреев и 5.000 головорезов-иудеяни на горе Сионе. Уничтожая друг друга, все они, кроме того совершали отвратительнейшие злодеяния над самими жителями Иерусалима.

Д. *«В Египет при иноземном фараоне Афобисе евреи пришли во время порабощения страны Гиксами (нечто вроде татарского ига в России) и при них же устроились. Иосиф поселил отца и братьев своих в Гесеме или Рамзесе, т.е. в лучшем месте земли египетской, где и дал им владения, снабжая отца и братьев и весь дом отца хлебом по потребностям каждого семейства. А между тем, хлеба не было по всей земле. Собрал Иосиф за хлеб сперва всё серебро, какое было в земле египетской и земле ханаанской, изнурённых от голода. Затем скупил Иосиф всю землю египетскую для фараона, потому что продали египтяне каждый своё поле, ибо голод одолевал их, а народ сделал он рабами от одного конца Египта до другого. И жили сыны Израиля в земле Гесем, и владели они ею, и плодились, и весьма умножались. Фараон же, ещё раньше, поставил Иосифа над всей землёй египетской, а он себя (увы!) стал называть отцом фараона»* (Бытие XLI, 40, 41,44, 48, 49, 54-57; XLVII, II, 13, 14, 20, 21 и 27; XLV, 8).

Но сами египтяне смотрели иначе. *«И подали ему* (Иосифу, кушанье) *особо, и им* (отцу и братьям Иосифа) *особо, и египтяне не могут есть с евреями, потому что это — мерзость для египтян»* (Бытие, XLIII, 32).

Вообще же говоря, положение становилось таким, что и само еврейство не обманывалось в отношении результата.

«По действию руки крепкой, он (фараон) даже выгонит их (евреев) из земли своей» (Исх., VI, 1).

«Пришло евреев 66 душ мужского пола, а через 430 лет, по изгнании Гиксов Амосом 1 при национальном фараоне Манефте их вышло 600.000 мужчин, кроме детей» (Бытие, XLVI, 26; Исх., XII, 37),

Выходя же из Египта, когда фараон, с поспешностью, стал гнать их евреи выманили такое количество серебра и золото, что обобрали египтян (об этом говорится трижды: Исх., III, 20-22; XI, 1-3; XII, 35 и 36).

«И ушли евреи с большим имуществом» (Бытие, XV, 14).

«Приносили ли вы Мне жертвы и хлебные дары в пустыне в течение сорока лет, дом Израилев? Вы носили скинию Молохову и звезду бога вашего Рефмана. [22] *— изображения, которые вы сделали для себя»* (Амос, V, 26 и 27).

Е. Убеждение древних авторов было именно таково, что евреи были изгнаны из Египта в качестве зараженных проказой (Манефон, Херемон, Гекатей, Диодор Силицийский, Лизамах, Тацит и Юстин). Язвы в пахах (нечто вроде бубонной чумы) как особая болезнь, которой евреи страдали в пустыне, назывались у египтян «саббатозим», откуда, по странному, впрочем, мнению Аполония Молона и Посидония, могло произойти и само название субботы.

«Сыновья Иуды делают злое пред очами Моими, — говорит Господь, — Поставили мерзости свои в доме, над которым наречено имя Моё, чтобы осквернить его. И устроили высоты Тофета в долине сыновей Енномовых, чтобы сжигать сыновей своих и дочерей своих в огне» (Иеремии, VII, 30 и 31).

«И устроили высоты Ваалу, чтобы сжигать сыновей своих огнем во всесожжение Ваалу, чего Я не повелевал и не говорил, и что на мысль не приходило Мне» (Иеремии, XIX, 5).

«Устроили капища Ваалу в долине сыновей Енномовых, чтобы проводить через огонь сыновей своих и дочерей своих в честь Молоху, чего Я не повелевал им, и Мне на ум не приходило, чтобы они делали эту мерзость, вводя в грех Иуду» (Иеремии, XXXII, 35).

Вдумываясь в указанные и многие другие тексты этого рода, нельзя, наконец, не привести и тех, на которые ссылался ещё Вольтер, отрицая, чтобы нечто подобное было запрещаемо какому-либо иному народу, кроме евреев.

«Наготы отца твоего и наготы матери твоей не открывай. Она мать твоя, не открывай наготы её» (Левит, XVIII, 7).

«Не вноси платы блудницы и цены пса в дом Господа Бога твоего ни по какому обету, ибо то и другое есть мерзость пред Господом Богом твоим» (Втор., XXIII, 18).

Здесь, несомненно, говорится о псах. Какую роль они играли в ритуальной проституции (например, в капищах Ваал-Фегора), — предоставляется сообразить читателю. В еврейском же тексте употреблено слово келэб (множ. — келабим); оно равнозначно слову кадеш (или кадош, множественное — кадошим).

На острове Кипр, близ Ларнаки, была найдена в 1879 году финикийская надпись, содержанием которой является месячный отчёт храма Астарты, где показан доход ритуальных куртизанок, а также мужчин, обозначенных термином «келабим», т.е. «собаки»...

Зная изложенное и принимая во внимание, что большинство терминов в ритуал масонства взяты из древнееврейского языка (с финикийским он чрезвычайно близок, это, собственно, два наречия одного языка), мы поймём всю прелесть «рыцаря-кадета» как почётное наименование 30-й ступени масонского табеля о рангах...

А ведь «рыцари кадошим» — это нечто подобное жандармам-вешателям приснопамятного «ржонда народовэго», насаждавшим республиканскую «свободу» Полыни в 1863 году.

Ж. Независимо от соображений мистических (направленных к почитанию мужского и женского детородных божеств), которыми руководствовались жрецы — заклинатели, подзадоривая своих «подвижников» и «подвижниц» к неистовому распутству, эти жрецы не могли не понимать, какие преимущества даёт им развращение человеческого стада, униженного и оскотиненного всякого рода пороками. И мы действительно видим гигантский расцвет ритуальной проституции наряду с чудовищным принесением в жертву людей, благодаря двойственному и повсеместному верованию в то, что человеческая кровь — единственный напиток, способный ублажить разъярённое божество, и что вообще все существа другого мира, — боги, демоны, равно как души умерших, алчут и жаждут именно крови...

Таким образом, мистерии древности, куда столь горделиво приурочивают себя многие из современных тайных обществ, запятнаны с трёх сторон, в самой глубине своей: чародейство лишает их разума, распутство позорит, а человеческие жертвоприношения ставят ниже скотов, даже ниже волков, потому что и волки не пожирают друг друга.

З. В Вавилонии как при Набу-Куддур-Уссуре (Навуходоноссоре), так и впоследствии еврейству жилось прекрасно. Это удостоверяется не только самими же евреями (напр., весьма авторитетным, бывшим московским раввином Минором в его руководстве для еврейских училищ), но и такими фактами, как усвоение сынами Иуды вавилонской культуры и даже халдейского языка или как отказ тогдашних Гинцбургов, Поляковых, Эфруси, Перрейр и Ротшильдов возвратиться в Иерусалим, вследствие чего, например, с Зоровавелем ушли туда лишь немногие из низших классов народа, или, наконец, как пребывание центра тяжести еврейского именно в Вавилонии даже тысячу лет спустя. Причём и действующий доныне кодекс евреев, вавилонский талмуд, был составлен в той же Вавилонии трудами академий в Соре, Пумбедидте и Негардее...

Особенно же ярким доказательством, согласно талмуду, является исключительность того положения, которое занимал Даниил не только при дворе Навуходоноссора, но и при царях Валтассаре, Астиаге, Дарий и Кире (сравни: Дан. II, 48; V, II; VI, 2 и 3; XI, 1; XIV, 1 и 2). Переименовав Даниила также в Валтассара (Дан. 1, 7), начальник евнухов Асфеназ представил его Навуходоноссору, который вскоре убедился, что Даниил в десять раз выше всех тайноведцев и волхвов во всём царстве, а потому и возвысил его над мудрецами вавилонскими (Дан. II, 48). Об этом, несколько позже напоминала жена Валтассара (Дан. 1, 7), начальник евнухов, Асфеназ, представил его Навуходоноссору, который вскоре убедился, что Даниил в десять раз выше всех тайноведцев и волхвов — во всём царстве, а потому и возвысил его над мудрецами вавилонскими (Дан. II, 48). Об этом, несколько позже, напоминала жена царя Валтассара, рекомендуя Даниила как главу тайноведцев, обаятелей, халдеев и гадателей (хезадим, меккасфим, газрим, хартумим, гаканим и айшафим).

Нельзя не заметить далее, что в талмуде как Иосифу, так и Даниилу воздаётся честь не за

государственные заслуги перед странами, их возвеличившими, а именно и единственно за толкование снов и загадок или за предсказания (сравни: Бытие, XL, 4-23; XLI, 15-45; Дан. IV, 1-30 и V 5-29), равно как и за то, что всякий раз после этого следовало какое-нибудь чрезвычайное бедствие в стране: страшный голод при фараоне, превращение царя Навуходоноссора в травоядное животное или, наконец, смерть самого царя Валтассара, как только была разгадана надпись «мене, мене, текель, упарсин» (Бытие XLI 54; XLVII, 14-21; Дан. IV, 5; V 29 и 30).

Между тем, гадания и прорицательство запрещены Пятикнижием (Исх., XXII; Втор., XVIII, 10 и др.).

Валтассар, царь Халдейский, был убит в ту самую ночь, когда по его повелению, облекли Даниила в багряницу, возложили золотую цепь на шею его и провозгласили третьим властелином в царстве (Дан. V, 29 и 30). Тем не менее, победитель Валтассара, Кир, являлся в глазах евреев помазанником Божием (Исаии, XLV, 1).

И. Ещё смолоду положил Даниил в сердце своём не оскверняться яствами со стола царского и вином, какое пьёт царь, а потому (ещё при Навуходоноссоре) просил начальника евнухов Асфеназа о том, чтобы не оскверняться ему (Дан., 1, 8).

«Я ненавижу славу беззаконных и гнушаюсь ложа необрезанных и всякого иноплеменника», — заявлял, в свою очередь Мардохей, запретив, однако, Эсфирь сознаваться царю Артаксерксу в том, что она еврейка (Эсф. IV, 17 и II, 20).

Наряду с изложенным, этот, последний, факт является знаменательной иллюстрацией и к следующему. *«Отличающийся у нас мудростью, доказавший твёрдую верность и получивший вторую честь по царе, Аман», пишет Артаксеркс в своём указе, «объяснял нам, что есть один народ — иудеи, разбросанные и рассеянные между народами по всем областям царства твоего. Законы иудеев отличны от законов всех народов, а твоих законов они не выполняют, и царю не следует так оставлять их. В племенах вселенной замешался один враждебный народ, по законам своим противный всякому народу, постоянно пренебрегающий царскими повелениями, дабы не могло устроиться совершаемое нами соуправление. Только этот народ всегда противится всякому человеку. Ведёт образ жизни, чуждый законам и, противясь нашим действиям, совершает величайшие злодеяния, чтобы царство наше не достигало благоденствия»* (См. Талмуд, трактат Мегилла, и кн. Эсфирь III, 8 и 13).

Хотя это происходило в V столетии до Р.Х., однако, ничего другого нельзя было бы сказать и сегодня. Припомним ужасы еврейского неистовства вслед за манифестом 17 октября 1905 г. , равно как и тот факт, что подвергались уголовному преследованию отнюдь не евреи, а именно горемычные русские люди, которые не вытерпели беспримерных оскорблений, наносимых кагалом. Тем не менее, как и ныне, евреи в те времена неизменно успевали всё обращать в свою пользу.

Они убили Амана и десять его сыновей, равно как ещё триста и ещё пятьсот человек в престольном городе Сузах, а затем семьдесят пять тысяч сильных врагов своих в 127 провинциях Персии. Евреи нагнали холоду на самих «исполнителей дел царских, областеначальников и сатрапов». Наконец, они роскошно и торжественно отпраздновали свою победу в течение трёх дней как в столице, так и по всему персидскому государству. Радость же свою и пиршества они тогда же постановили праздновать и во все времена.

Сюда относится самый весёлый из их праздников — «Пурим» (в 1906 г. он пришелся на 23, 26 и 27 февраля), когда сыны Иуды приходят в положительное сумасшествие от мстительности и злорадства, проклинают Амана, осмеивают и истребляют его изображения всячески и учат тому же своих детей, а Мардохея восхваляют и превозносят. В эти дни кагальной «масленицы» еврей обязан напиваться пьяным и притом настолько, чтобы не быть в состоянии сосчитать пальцев на руке и не различать возгласов: «Проклят Аман и благословлен Мардохей!» от «Благословен Аман и проклят Мардохей!»...

Два средства направлены были к достижению цели: политический донос Мардохея на евнухов Гаваеу и Фарру, и рекомендация Мардохеем же своей племянницы Эсфири царю Артаксерксу, когда тот разгневался на свою мужественную и благородную жену-красавицу Астин, отказавшуюся явиться, как мать родила, по требованию супруга, обезумевшего после кутежа в течение 180 дней. (Трактат

Мегилла и кн. Эсфирь 1, 1, 10-1, II, 5-23; VI, 2-14; VII, 6-10; VIII, 5, 9-11,17; IX, 3-5, 10, 12-32).

«Мардохей же стал вторым по царе Артаксерксе и великим у иудеев, и любимым у множества братьев своих, ибо искал добра народу своему и говорил во благо племени своего» (Эсф. X, 3).

Имея на своей стороне богатых и влиятельных царедворцев, да и саму Эсфирь, представительство Израиля вовремя успело вывести из кабинета Артаксеркса царский указ, которому иудейство обязано своим существованием до сего дня. Мы говорим о грамоте, с которой Артаксеркс (459 г. до Р.Х.) отправил Эздру в Иудею (Брафман, — «Книга кагала»).

Достойно, впрочем, внимая, что ни Эздра, ни Несмия о Мардохее и Эсфири не упоминают вовсе.

Несмотря на это, сыны Иуды поспешили изменить персам для греков, как изменили вавилонянам для персов, и перешли на сторону Александра Македонского, лишь только он стал сокрушать Дария.

Вглядываясь же в роль «Пурима» на сцене истории, мы едва ли могли бы отрешаться от мыслей, которые образом действий евреев были внушены уже египетскому царю Птоломею Филопатору (ум. в 204 г. до Р.Х.). *«Видя, как эти негодные люди, никогда не оставляющие своего безумия, противятся даже царям — своим благодетелям и не хотят исполнять ничего справедливою; как, напыщенные своей гордостью и по сродному себе злонравию, они отвергают доброе и склоняются к худому; как согласно и тайно они с крайней жестокостью преследуют всякого из своей среды, кто осмелится выйти за пределы еврейского эгоизма, Птоломей не мог в действительности не опасаться того, что в случае смут или войны неприязненные замыслы евреев проявятся открыто и что в лице этих нечестивцев, как он их называл, ещё придется встретить предателей и свирепых врагов»* (3 кн. Маккав. III, 11-14 и 16-19; VII, 10, 12, 13, 18 и 19).

Чего, казалось бы, возможно было достигнуть еврейству от Птоломея Филопатора? Между тем, мы видим, что и в III столетии, как и в XVII до Р.Х. (при Иосифе), сыны Иуды приобрели в Египте большую, чем прежде силу и славу и сделались страшными для врагов своих (3-я кн. Маккав., VII, 18).

Й. Насколько прав был, однако, Птоломей Филопатор — это видно и через много столетий, когда, несмотря на громадные преимущества, а следовательно и огромные богатства, дарованные правительством через предоставление Альфонсу Ротшильду аренды французского государственного банка, несмотря даже на чрезвычайные у него запасы в металлах и билетах, означенный банк, сообща командуемый внуками Мейера Амшеля Ротшильда, за время войны 1870 года упорно отказывал французскому народу в кредите, хотя видел его на краю погибели. Во весь период, когда, оказав поддержку Франции, он мог бы повредить Пруссии, банк для правителей побежденной страны оставался закрытым. В течение самых тяжёлых месяцев войны банк преследовал одну цель — парализовать сопротивление Франции и принудить её за недостатком средств к заключению мира (см. Edouard Demachy — «Les Rotsschilds» и «Banque de France»).

«L’annee terrible» разорил всех: сельских хозяев, купцов, промышленников, народ и государство. Для акционеров же «Banque de France» этот самый год оказался беспримерным по барышам за всё время своего существования: он дал чистого дохода 150.000.000 франков или 80% на складочный капитал!..

С другой стороны, тогда же двоюродный брат Альфонса Ротшильда, Лионель, сын «мудрого» Натана Ротшильда, доставлял Пруссии, а затем и Германии все необходимые для войны деньги, а затем, в 1871/2 годах, состоял казначеем Германии при уплате Францией 5.000.000.000 франков контрибуции, которую от имени побежденной вносил победительнице тот же Альфонс Ротшильд, разумеется, не забывавший ни о себе, ни о своих единоплеменниках.

За доказательствами ходить недалеко. Назовем хотя бы операции «Еврейско-Китайского Банка» на маньчжурском театре войны: в Японии, Порт-Артуре, Шанхае и других местах. В свою очередь, наше «annee terrible» навеки останется в памяти русского народа, заливая стыдом его лицо и вызывая кровавые слёзы печали. «Еврейский» же Банк получил за то время невиданные доселе барыши — 9.000.000 рублей, из коих одним директорам приходится каждому по 80.000 рублей.

Какой ещё такой «Еврейский Банк», — спросит читатель?.. Ну, да «Русско-Китайский», всеконечно...

Да и разве примеры этого рода исключительны?..

Ясно, стало быть, почему в древности дохристианской нет ни одного автора, греческого или латинского, который отзывался бы о евреях симпатично.

Резюмируя же до известной степени взгляды древних, Тацит об «избранном» народе, между прочим, говорит:

«Dum Assyrios penes Medosque et Oersas Oriens fuit despectissima pars servientium».

«Judaeorum mos absurdus sordidusque».

«Profana illic omnia quae apud nos sacra, rursum concessa apud il-los quae nobis incesta».

«Projectissima ad libidinern gens. Inter se nihil illicitum».

«Adversus omnes alios hostile odium».

В свою очередь, как бы мотивируя знаменитое изречение Катона «praeterea censeo Carthaginern esse delendam!», Тит Ливий так характеризует Ганнибала:

«Jnhumana crudelitas; perfidia pilisquam punica; nihil veri, nihil sancti; nullum jusjurandum; nullus deum metus et nulla religio!»

Карфагеняне же были выходцами из Финикии, а финикияне — близкие родственники евреям.

«Cretenses [23] semper mendaces, malae bestiae», — поясняет Тит Ливий.

«Евреи, — удостоверяет, в свою очередь, учитель Цицерона Аполлоний Молон, — **враги остальных народов; они ничего не изобрели полезного и звероподобны». «Они самые злые из всех людей!»** — дополняет Посидоний.

Называя Иерусалим **«публичным домом, чудовищным вертепом разбойников и убийц»**, Иосиф Флавий утверждает, что **«если бы римляне пощадили этот отверженный город, то Иерусалим погиб бы от землетрясения или же подобно Содому, потому что пороки Иерусалима превосходили пороки Содома»**. Согласно с Флавием, говорят Цицерон и Тацит:

Первый, — **«не бывало такого злодея, который не нашёл бы себе убежища в Иерусалиме»** (nam pervicacissimus quisque illuc perfugerat).

Второй, рассуждая о причинах, вызвавших необходимость участия в осаде Иерусалима лучших легионов римской армии и таких полководцев, как Веспасиан и Тит, свидетельствует, что **«укрепления названного города были воздвигнуты с этой несокрушимой силой как бы в предвидении последствий той ненависти, которую сами же евреи в среде окружавших народов созидали веками»**.

К. В Рим евреи проникли около 139 г. до Р.Х., при консулах Попилии Лоне и Кае Кальпурнии, если верить Валерию Максиму. Во всяком случае, они там быстро освоились и, по обыкновению, стали стремиться к господству, как это видно даже из речи Цицерона за Флакка. Судить же о том, чего могли ожидать от них римляне, можно хотя бы по следующим аккордам в той же речи:

«Ещё когда Иерусалим был независим, а евреи жили в мире с нами, и тогда уже их обряды и понятия были мало достойны величия нашего имени, блеска нашей державы и учреждений наших предков. Насколько же они стали невыносимее теперь, когда, подняв против нас оружие, это презренное племя раскрыло свои истинные чувства в отношении республики, и когда, благодаря милости бессмертных богов, мы его сокрушили, изгнали из отечества и обратили в рабство».

Не встречая никаких ограничений, евреи имели, очевидно, полную возможность обосноваться в самом Риме и захватить здесь властное положение. Частью, — в качестве банкиров или агентов по откупам всаднического сословия в провинциях; частью, — в роли обладателей халдейских тайн, волхвования и чернокнижия: частью, — как факторы и сводники, частью, в звании политиканов, направляющих выборы и народные голосования. Они влияли на римскую аристократию и сильных мира сего вообще. Наряду с этим беспорядки на самом форуме Рима и восстания рабов в Сицилии и Италии, происходившие нередко по подстрекательству тех же евреев, убеждают, что им не чужды были и низшие классы народа.

Жонглирование либеральными и анархическими идеями приносило евреям и тогда уже не меньше выгод, чем военные подряды, спаивание народа в кабаках, ростовщичество и публичный разврат.

С другой стороны, непрерывные разбои в Палестине и организованные шайки тайных убийц, вроде тех, которыми располагали рабби бен-Акиба или кровожадный лжемессия Бар-Кохеба, переполняли чашу римского терпения и помимо всего, указанного выше. Постоянные же революции в Иерусалиме, потрясавшие самые основы империи и вызывавшие иногда напряжение лучших её сил, достаточно мотивируют приказ по армии, отданный Титом. Мудрено ли, что по окончании осады Иерусалима, стоившей римлянам необыкновенных жертв и страшных усилий, этот гуманный полководец, хотя и был очарован прелестями еврейки Береники, не мог, однако, не воздать своим войскам должной чести, говоря: «Вы победили самый жестокий, мятежный и коварный народ!»

На пути из глубины времён к мраку средних веков мы с изумлением встречаем ту величественную эпоху, когда, по чудному выражению Саллюстия, капитолийский ореол парил над вселенной, распределяя в ней скипетры и порфиры. Сцена римской империи представляла такое роскошное поле для государственного опыта и столь необъятные горизонты политического умозрения, каких мы не видим в новой истории человечества и в параллель с которыми едва ли может стать пресловутое всемирное торгашество Великобритании, сколько бы у неё ни заводилось жидов-министров.

Л. Вдумываясь в историю Рима, мы должны признать, что, если Франция служит почвой для культивирования разнообразнейших политических теорий в среде одного и того же народа, то сфера римского владычества представляла обратный пример подведения самых различных народностей под один и тот же государственный принцип. Результаты деятельности евреев во Франции мы хорошо знаем. Поэтому чрезвычайно интересно сопоставить с ними данные о судьбах Израиля в Риме. Такое сопоставление для нас, русских, тем поучительнее, особенно в данную минуту, что эксперименты, производившиеся по отношению к евреям на столь обширной территории, как подвластная Риму, имеют прежде всего для России цену самых лучших практических указаний в виду аналогии тогдашних и современных условий испытуемого пространства, населённого евреями, и по самой многочисленности неизменно бунтующих сынов Иуды там и здесь, тогда и теперь.

Вспомним, что вслед за исчезновением вавилоно-ассирийского царства и но уничтожении Тира Александром Великим, а Карфагена Сципионом Африканским Иудея предстала взорам римлян как единственное для них ещё заметное олицетворение семитической расы. Царство парфянское, где евреи играли видную роль, и где римские легионы не раз переживали столь горькие разочарования, могло убедить Рим ещё раз лишь в том, что и с еврейством необходимо свести счёты. Именно у парфенян сыны Иуды «возвысились», если так можно выразиться, до оперетки в злодействе. Два брата — евреи Анилей и Азиней, подмастерья ткача, прогнанные хозяином, собирают шайку разбойников, наносят поражение войскам парфянского царя и принуждают его войти с ними в переговоры. Будучи призваны ко двору, они втираются в доверие, осыпаются щедротами, делаются временщиками и в течение пятнадцати лет угнетают Месопатамию с редким даже для евреев жестокосердием и алчностью. [24]

Бесспорно, что Рим был очень терпелив по отношению к евреям и не по их заслугам многомилостив.

Невероятные злодейства, которые совершались детьми Иуды в периоды их бесконечных восстаний, вызывали, правда, надлежащие репрессалии, но затем жизнь шла опять своим чередом. Римская власть, может быть, слишком долго оставляла евреям не только полное общинное самоуправление, но даже их собственных царей. Уважение Рима к их религии простиралось до того, что им разрешалось убивать всякого иноверца, который перешагнёт за известную черту в ограде иерусалимского храма, и что, не в пример прочим народам, римские войска, вступая в Иерусалим, покрывали чехлами орлы своих знамён, дабы не возбуждать понапрасну дикого фанатизма евреев.

Император Август благоволил к Ироду I, основателю новой еврейской династии. Жена Нерона, Поппея, была благочестива, как свидетельствует Иосиф Флавий, т.е. иудействовала. Александр Север гордился званием архисинагога. Клавдий всячески покровительствовал Ироду Агриппе. Гелиогабал был обрезан. Любимейший сверстник в детстве и собутыльник в юности Каракалы был чистокровный

еврей. Римский губернатор Иудеи, Тиберий Александр, именовавший себя язычником, но не позабывший награбленным серебром и золотом покрыть ворота иерусалимского храма, был заклятый еврей. Юлиан Отступник собирался возобновить и сам храм и т.д., и т.д. — Roma cave tibi!.

Тем не менее, Антонин Пий, может быть, единственный цезарь, которому анналы синагоги воздают хвалу. Но тогда как римский мир восторгался в этом преемнике Адриана доблестями Тита и справедливостью Нумы, евреи восхваляли Антонина исключительно за его преследования христиан да ещё за то, что он яко бы сам подвергся обрезанию. [25] Они даже приписывают ему, что уже совсем нелепо, долю участия в составлении первой части талмуда — Мишны. [26]

Можно было бы продолжать изложение факторов этого рода на многих страницах, но и сказанного довольно, чтобы уразуметь переворот, наконец, совершившийся в еврейской политике Рима, а затем и Византии.

«En general, Rome rendait en tolerance ce qu'elle recevait en sou-mission», — удостоверяет Шампаньи, но в отношении евреев никакая снисходительность не была возможна.

И Рим не выдержал!

Наиболее суровыми для Израиля оказались царствования Адриана, Траяна, Кая Калигулы, Клавдия, Юстиниана и Гераклия. Кодексы же Феодосия и Юстиниана содержат ряд весьма строгих мер к обузданию евреев, хотя, к сожалению, здесь, как и в разных иных законодательствах, не замечается последовательности. Интриги, подкуп, ренегаты и женщины открывали евреям тогда, как и в наши дни, возможность не только смягчать применение надлежащих распоряжений, но и получать новые узаконения прямо обратного характера.

При Кае Калигуле жители Александрии отправили с Аппионом во главе депутацию в Рим умолять о защите их от еврейского хищничества. Несмотря на то, что эта мольба вызывалась глубоко убедительными фактами, сыны Израиля не затруднились командировать другую депутацию, от себя под главенством Филона просить о расширении своих прав. Такая impudentia Judaeorum потерпела, разумеется, жалкое фиаско, но она ярко свидетельствует о том, как «скромны» евреи!..

Узнав о бесчеловечных казнях Ирода в среде его же собственной семьи, император Август сказал, что «у этого старого еврейского деспота он бы охотнее согласился быть поросёнком на дворе, чем сыном».

С другой стороны, мы знаем, что евреи всегда являлись бесчеловечными в преследовании своих врагов, а в особенности христиан. Чтобы не ходить за другими примерами, вспомним о «живых светочах Нерона» и сопоставим эту чудовищную забаву с тем несомненным фактом, что именно евреи окружали Нерона, и что он питал к ним весьма подозрительную нежность.

«Чувство человеколюбия возмущается, — говорит Гиббон, — в особенности, при чтении рассказов об омерзительных жестокостях, учинённых евреями в городах Египта, Кипра и Кирены, где они под видом дружбы предательским образом употребили во зло доверие туземных жителей, отчего мы и склонны одобрять римские легионы, сурово отомстившие расе фанатиков, которая вследствие своих варварских и легкомысленных предрассудков сделалась непримиримым врагом не только римского правительства, а и всего человеческого рода. В Кирене они умертвили 220.000, на Кипре — 240.000 греков-христиан, в Египте — огромное число жителей. Многие из этих злополучных жертв были распиливаемы надвое согласно с прецедентом, который был санкционирован примером Давида. Победоносные иудеи пожирали мясо несчастных, лизали их кровь и опоясывали себя их внутренностями!»...

Однако, всего достопримечательнее факт, что сыны Иуды, по-видимому, рассчитывали обмануть римлян и под предлогом преследования христиан надеялись усыпить бдительность римских властей с целью разлить огонь революции на огромном пространстве и в общем крушении достигнуть независимости Иудеи.

Если это не удалось во II веке, то едва ли не удастся в XX по Р.Х. Вдумайтесь в то, что ныне происходит в России, которую «равноправное» еврейство не замедлит, по-видимому, обратить в новую Иудею. Разве не евреи уже взялись показать нам — что такое «народная свобода»?!..

В своё время император Адриан не оставил жидов без наказания. За период подавления бунта (132-135 года Р.Х.), 580.000 из них погибло от меча и, сверх того, бесчисленное множество от голода, болезней и пожаров. [27] Независимо от сего, Адриан окончательно выгнал их из Палестины.

И что же?.. Не следует забывать, что залитое при Адриане целыми потоками еврейской крови озверелое восстание Бар-Кохебы совпадает с грозным моментом наибольшего расцвета талмудизма в еврействе...

Naturam expelles furca, lamen usque recurret!

«Если недостатки римского провинциального управления республиканской эпохи были в самом деле вопиющими, то столь же несомненны и грандиозные результаты, достигнутые благодаря существенным улучшениям, которые в эту отрасль администрации были внесены Империей. С учреждением принципата водворяются периоды постепенно усиливающегося в течение 200 лет процветания Галлии и Испании, Греции. Малой Азии и Сирии, Египта и бывшей Карфагенской территории. Запад быстро и прочно латинизируется. Греко-Восточный мир пользуется обильными привилегиями. Всюду господствует мир и порядок, всюду растет благосостояние и довольство римским правительством, всюду последнее свою задачу поняло, стало быть, правильно и выполнило её искусно.

Только в одной стране все усилия Рима ввести целесообразный режим оказались неуспешными, только с одним народом справиться нормальными способами римлянам не удалось. Этой страной была Палестина, этим народом были евреи.

На евреях Рим перепробовал чуть ли не все мыслимые формы международных и правительственных отношений, — от дружественного нейтралитета до грубого милитаризма и, в конце концов, был приведён к убеждению в необходимости разрушить Иерусалим и выселить жителей из их родины». [28]

Иными словами, вековой опыт и природная политическая мудрость не подсказали римлянам иного решения еврейского вопроса, чем то, к которому некогда вынуждены были прибегнуть Салмонассар и Навуходоноссор.

Римляне были правы.

Если от их эпохи мы обратимся к нынешним событиям, особенно во Франции, то увидим, например, что в проконсулат Вальдека Руссо, воспитанника духовной семинарии в Нанте, оказавшегося впоследствии отступником и еврейским адвокатом, франкмасоны объединились с евреями именно в столь опасном для французского народа деле, каким был процесс Дрейфуса. Масоны, как для непосвящённых это ни странно, придавали делу чрезвычайную важность ради собственных целей в такой мере, что еврей, гроссмейстер масонских лож Натан, одним из первых горячо приветствовал жену Дрейфуса по случаю его помилования другим ставленником союза еврейства с масонством — Лубэ. Сам же доклад о помиловании вслед за неудачей крайних усилий добиться оправдательного приговора в Ренне был представлен, как известно, военным министром Галифэ — в свою очередь, евреем и масоном. Дальше мы увидим, что эротические обряды современного масонства были установлены евреем же каббалистом Элиасом Ашмолем подобно тому, как прообраз учения лож заключается в первоисходном мифе гностицизма, который, excusez dii pen, в одном из публичных домов Тира измышлен был Симоном Волхвом, в свою очередь иудействовавшим.

В упомянутый изменнический позор терзания Франции наклонность к еврейству масона Руссо до некоторой степени напоминает Юлиана Отступника, собиравшегося восстановить иерусалимский храм и свирепо преследовавшего христиан по наущению интеллигенции или, по тогдашнему, софистов, равно как всевозможных еретиков и членов тайных обществ, главным же образом, — евреев.

Проницательный взгляд этого наглого и в коварстве искусного царя (ср. Дан. VIII, 23) быстро распознал в сынах Иуды лучших союзников, давно изощрившихся в той потаенной, беспрерывной, необъявленной, но тем более действительной и предательской войне, которую они ведут против христиан. «Как их природная дерзость, так и вековая ненависть, — свидетельствует Григорий

Назианзин, — одинаково намечали в евреях естественных пособников Юлиана...»

Означенные факты вновь показывают, что не одно чувство справедливого возмездия, а собственная злоба иудеев увлекает их на преследования веры Христовой всякий раз, когда представляется к тому возможность.

М. В долготерпении своём до того дня, когда чаша страданий, причиняемых евреями, воистину переполняется на пути веков, христиане после смерти тирана-отступника, беспримерно оскорбляемые «избранным народом», не направляли, однако, на него никаких репрессалий. *«Даже более того, — как удостоверяет святой Амвросий, — наши храмы были сожигаемы евреями в Палестине, и ничто нам не было возвращено ими, да мы и не требовали, хотя могли»*.

Но вот наступил 615 год (после Р.Х.), и роли ещё раз переменились.

Теперь христианам сызнова пришлось оказаться во власти евреев. Амедей Тьерри, беспристрастный историк, рассказывает нам, как сыны Иуды оценили добродушие христианское:

«615 год был предуказан персами как последний для христиан на всём пространстве Палестины. И действительно, в конце мая грозная армия под начальством Румизана, по прозванию Шархавбара, т.е. королевского вепря, — генерала способного, но бесчеловечного, и союзника-царя Хозроя ринулась на Галилею и пронеслась по обоим берегам Иордана..., не оставляя ничего, кроме залитых кровью развалин. Между тем, значительное население христиан ютилось в этих местах, освященных проповедью Евангелия...

После разгрома и уничтожения домов огнем и мечем скованные одна с другой толпы жителей были под бичом персов влачимы как переселенцы в болота Тигра и Ефрата.

С мешками, наполненными золотом, иудейские купцы целыми шайками толпились за «победоносной» армией Шархавбара, скупая всё, что могли из массы пленных — не для того чтобы спасти их, нет, а чтобы резать поголовно... При этом они старательно выбирали людей, имеющих особое значение (вспомним о 75.000 сильных неприятелях Израиля, вырезанных в Персии при Мардохее. — см. кн. Эсфир, IX, 16), — городских судей и других должностных лиц, красивых и богатых женщин, но прежде всего, — монахинь и священников.

Деньги, уплачиваемые персидским солдатам за растерзываемых христиан, поступали из раскладочного сбора, которым были облагаемы все евреи [29] пропорционально состоянию каждого, ибо эти страшные злодеяния, по обыкновению, рассматривались еврейством, как дело богоугодное»...

История свидетельствует, что погибло тогда свыше 90.000 христиан.

Если столь завидные случаи для утоления еврейской кровожадности встречались не каждый день, то сыны «избранного народа» никогда не забывали делать всё, что могли.

Так, при осаде маврами вестготской столицы Толедо, пока христиане молили Творца о спасении их веры и жизни, евреи открыли ворота лютому врагу христианскому...

Н. Что же касается воззрения кагала на христианство и его клир в настоящее время, то за доказательствами и здесь дело не станет. Возьмём их, например, хотя бы у Шумерки Хашкеса и К°.

В 1878 году в С.-Петербурге еврейской типографией Цедербаума и Гольденблюма была напечатана и в русском переводе Шмерки-Сруля Мордухова Хашкеса им же самим, была издана небольшая, но поучительная брошюра «профессора» Шлейдена: «Романтизм мученичества евреев в средние века».

Здесь то и дело встречаются такие перлы:

«В частных диспутах между христианскими священниками и еврейскими учителями, затевавшихся с целью «вывести последних из заблуждения», первые всегда отступали, так как они большей частью не были знакомы с духом Библии, вошедшим у евреев в плоть и в кровь» (стр. 20).

«Да и каждый еврей вообще был сильным противником против пустых толкований, что, будто бы посредством христианской церкви еврейство отменено и уничтожено, против возникшей из александрийской — языческой философии, против поклонения иконам и святым и прочих церковных предрассудков» (стр. 21).

«Вскоре епископы своими клеветами и интригами так опутали правителей, что они, забыв честь и совесть, и самолюбие, сделались презренными рабами шайки подчинённых; те же в свою очередь, учинив своим орудием их грубую светскую власть, оказались ещё настолько благородны, что позволяли князьям оставлять в свою пользу часть добычи... Тут уж епископы начали грабить евреев с таким бесстыдством, что о том не могли умолчать ни законы, ни официальные указы» (стр. 21).

«Король Генрих II, «отец монахов», презренный поповский слуга, сделался знаменит ужасной резнёй евреев, которую он отомстил за переход духовного лица Вецелия в еврейство» (стр. 36).

«Первые крестоносцы, под предводительством фанатика Петра Амиенского... Это была самая негодная и бесчестная сволочь из Франции, Лотарингии, Эльзаса и т.д. Этот первый «поход» смахивал на шайку разбойников с большой дороги и по заслугам погиб в Венгрии» (стр. 36 и 37).

«В Англии некий поп, знаменитый Фома Бекет, кэнтэрберийский архиерей, также подстрекал: ненависть против евреев... В 1189 году, предводительство взял на себя Балдуин Кэнтэрберийский. Простой народ, соединившись с сволочью крестоносцев, собрался в шайки, поджигая дома и синагоги и проливая кровь евреев» (стр. 40).

«В Йорке в 1190 г. страшнейшим образом, свирепствовали разбойники, постоянно поддерживаемые христианскими попами» (стр. 40).

«Непогрешимые» епископы вообще обращались с евреями, как безумные дети» (стр. 44).

«Только что чума крестовых походов, стоившая многим сотням тысяч евреев жизни и имущества, была преодолена, как Восток прислал в виде ответного порядка действительную чуму — так называемую «чёрную смерть» (стр. 44).

«Глупый Филипп V Французский пробовал возобновить смешной анахронизм — крестовый поход. С некоторой возбуждённой сволочью крестоносцев соединились около 30.000 сумасшедших или попами дрессированных и фанатизированных пастухов (pastureaux), а затем они стали путешествовать по Франции до Наварры, убивая и грабя евреев» (стр. 48).

«Новообращёнными щеголяли многие государства, хотя это и были лишь подлецы и лицемеры, в чём кардинал Барберини, один из усерднейших обратителей, сам сознался. Конечно, с «новообращёнными» евреи, оставшиеся верными, обходились самым презрительнейшим образом, за что те мстили, подстрекая сволочь на преследования евреев» (стр. 51).

«Испания, эта деморализованная попами страна, оставалась для евреев закрытой... Франция в начале XVII века совсем уже не имела евреев, только в Байонне и Бордо жило много так называемых «новохристиан», которые постепенно, лишь в царствование Людовика XIV, осмелились сбросить маску» (стр. 54).

«В Англии, Лондон уже два раза выбирал еврея в лорд-мэры, и их вступлению в парламент долгое время препятствовало лишь глупое педантство формулы присяги» (стр. 55).

Я заключаю этот очерк многозначительными словами д'Израэли: *«ничто, никакое преследование, никакое кровопролитие, никакое унижение не были в состоянии уничтожить евреев. Теперь они, вероятно, многочисленнее, чем во времена Соломона. Их находят во всякой стране, и во всякой же стране они подвигаются к благосостоянию. Заключение, которое можно сделать из этого факта, — это то, что человек непременно проиграет, если он попробует нарушить неизменный закон природы, который выражает, что более благородное племя никогда не может быть истреблено или поглощено низшим»* (стр. 56).

О. Наконец, роль евреев теперь, на практике «равноправия», блистательно иллюминируется хотя бы отзывом Рейхеншпергера (стр. XCV) и их свистопляской в развал «собачьей комедии» бисмарковского Cultur-Kampf.

Помогая «железному канцлеру» в его гениальной идее на радость кагалу «прославить» католический клир и «утешить» миллионы германских католиков, благородные талмудисты затеяли такую «музыку», которой, без сомнения, устыдились бы презреннейшие из лупанариев Тира и Содома!..

Указанного, полагаем, достаточно, а потому освобождаем читателя от дальнейшего следования за

еврейством на пути веков.

П. Ограничиваемся в заключение ссылкой на двух, так сказать, нынешних сынов Иуды: Карла (Мардохея IV) Маркса и Бернара Лазара.

Небезызвестно, что еврей Маркс был превознесён самим «избранным народом» превыше облака ходячего. Тем не менее, вот что говорит он о собственных единоплеменниках.

«Напрасно старались бы мы отыскать ключ к потаённым извилинам природы еврея в его религии... Следует, наоборот, искать решения загадок его религии в тайниках его природы. В самом деле, что является первоосновой иудаизма? Практические вожделения, корыстолюбие! В чём состоит культ евреев? В барышничестве! Кто их действительный бог? Деньги!»

Другой, в свою очередь, почитаемый в Израиле еврейский же автор, Бернар Лазар, даёт понятию о жиде следующую характеристику.

«Жид — это тот, кто одержим единственным стремлением нажиться, елико возможно быстрее и притом легчайшим путём — через обман, подлог и предательство. Он презирает добродетель, бедность и бескорыстие. Животное, которое неверные племена воздвигали некогда в пустыне, осталось для него исключительным предметом поклонения.

Когда жид бывает журналистом, газета в его глазах неисчерпаемый источник барышей, которым надо пользоваться всеми возможными способами. Газетному жиду присущ своеобразный талант угадывать самые потаённые страсти, причём он не только изловчается кадить им, удовлетворять и подзадоривать их, но и, деморализируя всё вокруг, он из общего распутства делает себе славу. Жид ухитряется быть и непристойным, и застенчивым попеременно. Эксплуатируя наклонность толпы удаляться от возвышенных умов, которые пугают её, он подделывает свой язык под масть всякому. Остроумие он заменяет пошлым каламбуром, красноречие — фразеологией, энтузиазм — эпилепсией. Такой газетчик лжёт, одурачивает, сбивает с толку. А когда ежедневные печатные столбцы перестают удовлетворять его, тогда он перекочёвывает в театр и здесь уже наповал оскотинивает свою публику.

Когда жид является банкиром, он располагает для всего злого могущественной организацией и особого сорта трущобными дарованиями. Он заносчив и жаден, нагл и фальшив. Свои плутни он раздувает неизменно по одной и той же схеме — от ловкого, а подчас и банального мошенничества до отчаянно-дерзкой, но «ненаказуемой» кражи. Вместе с этим, он неусыпно размышляет о тончайших махинациях и о дерзновенных манёврах. Вы его найдёте повсюду, так как отовсюду же он черпает золото: вблизи правительств, заключающих займы; в «дружбе» с наивными изобретателями, которые только и умеют, что творить; во главе бесчисленных обществ, которые он поддерживает всем лукавством своей предательской болтовни. Если бы случилось несчастье, он, разумеется, будет вне опасности; да и к чему бы годилось богатство, если бы оно не могло предохранить даже от «неприятной случайности»? А дабы официальная справедливость могла шествовать с полным торжеством, есть ведь малые и слабые, те, кто питаются крохами, кого до времени прикармливают, но затем кидают на произвол судьбы, и кто спасает своими боками...

Наконец, когда жид ведёт политику, он достигает своих целей шарлатанством, подпольной вознёй и лестью. Он — природный интриган с готовым запасом ябеднических изворотов. Да и в самой политике он обыкновенно не видит ничего, кроме возможности расплатиться с долгами и обогатиться спекуляцией...».

Р. Весьма естественно, что среди всех описанных условий само прикосновение к еврею для арийца опасно, смешение с ним ядовито, а подчинение его господству пагубно.

У кого в руках деньги, у того и пресса. Кто владеет прессой, тот распоряжается политикой. А кому подчинена государственная политика, за тем и владычество над судьбами народов.

Двести тысяч англичан повелевают в Индии двумя сотнями миллионов туземцев. Обогащая новых карфагенян, индусы умирают с голода целыми областями. Самим европейцам нет основания превращать себя в индусов кагала...

«Дан будет змеем на дороге, аспидом на пути, уязвляющим ногу коня, так что всадник его упадёт назад». (Бытие, XLIX, 17).

«*Трясётся земля и не может носить раба, когда он сделается царём*». (Притч. XXX, 21 и 22).

«*Тот шебогойим харег!*» — говорят евреи и в своём талмуде (тр. Соферим, л. 13, кол. 2 и тр. Абода л. 26, кол. 2, Госеф; см. также: Ялкут Рубени 93, 1; Мехильта, Параша, Бешаллах л. II, кол. 1 и Сефер Толедоф Адам бешабба л. 160, кол. 2).

«Tant que les hommes, qui s'occupent de la question sociale, n'auront pas etudie ie juif, ils ne feront que de la bouillie pour les chats», свидетельствует такой авторитет, как Эдуард Дрюмон.

«Ещё раньше Юлия Цезаря, — поясняет Моммсен, — евреи составляли в Риме уже такую организованную силу, что пропреторы и проконсулы провинций были вынуждены заискивать у местных евреев, если не хотели, по меньшей мере, удостоиться кошачьего концерта, вместо триумфа при своём возвращении в Рим...»

«*Жид не сие, не оре, та обманом бере!*» — замечают малороссы.

«De la bassesse ie juif fait la voie de sa fortune!», — утверждает и Лакретель.

«Pour ie juif il peut y avoir des impossibilites phisiques, mais il n'y a geure dimpossibilites morales, — резюмирует Пикар, — Les juifs, — заключает Дрюмон, — se sont arranges pour prendre ie socialisme en regie. Leur constante politique est d'avoir les atouts dans tous les parties. II importe qu' Israel soit partout garanti et defendu. II n'y a pas deux juifs, — il n'y a pas jamais eu qu'un. Et partout ou il appartait, il a sa disposition toutes les forces du Kahal».

«Le Contrat Social de Rousseau fut la phare de la Revolution et permit aux israelites», — дополняет крещенный еврей, аббат Леманн, — de selancer a Fassaut de la societe chretienne...».

Трудно поэтому не согласиться и с Густавом Тридоном (см, его «Le Molochisme juif»), когда он с негодованием восклицает: «les Semites c'est l'ombre dans le tableau de la civilisation, le mauvais genie de la terre. Tous leurs cadeaux sont des pestes!..»

Б. Сионизм, каббала, франкмасонство и социал-демократия.

I. Общие замечания. В мечтах о мировом господстве, наученные вековым опытом, евреи применяют лишь самые злостные, но целесообразные способы и средства. Коварно и упорно подстерегают они сочетания опаснейших для противника обстоятельств и, подготовляя удары заранее, никогда не забывают, что залог успеха лежит в дисциплине и союзниках. Прежде всего памятуя, что mundus vult decipi, ergo decipiatur, сыны Иуды наравне с Великобританией оплачивают содействие, им оказываемое, не за свой, а за чужой счёт.

Жид так чисто бреше, що и вияты не треба.

С другой стороны, руководствуясь основным правилом, что евреем надо родиться, стать же им нельзя, они даже «своих друзей» или пособников гоев — не допускают на один уровень с собой и меньше всего думают, конечно, о разделе своего «наследства» с кем бы то ни было.

Ни одному гою еврей не верит. Ни одного он не имеет права назвать своим, если бы и хотел. Никого еврейство не исключает из уготованной для гоев судьбы.

II. Иудаизация спутников кагала. Таким образом, сила вещей приводит к постановке для всего иноплеменного особых учреждений, будь это и в отношении самих же иудейских сподвижников. И, наоборот, ради задач кагала должны быть иудаизируемы собственные установления гоев по мере того, как это вызывается ходом их истории, которая в глазах евреев является не более, чем вариациями калейдоскопа животных.

Порабощение и тела, и духа, как действительное решение проблемы господства сынов Иуды, помимо захвата устного и печатного слова на всяких иных поприщах, определяется иудаизацией человеческого самомнения и стремлением людей к «свободе» во всех её видах, главным образом, — в царстве Эрота, равно как их наклонностью к волшебному и ужасному. Отсюда — фальсификация кагалом тайных обществ или ожидовление таких, которые возникают независимо от него.

Наконец, в самом еврействе течения отрицательные и революционные, хотя от времени до времени и

успевают поколебать его талмудические устои, но не иначе, как с внешней и формальной точки зрения. Во всяком случае, чёрствый и хищнический дух сынов Иуды заранее отнимает у агитаторов надежду на успех пропаганды, чуждой реального характера. Приблизительно то же замечается и в Северной Америке. Например, социализм вовсе не имеет у янки почвы и быстро излечивается даже у самых заражённых переселенцев из Европы.

Сохранение верховенства Израиля и ничтожества гоев — суть принципы для всякого еврея неприкосновенные. А если в той или другой кагальной реформе исчезнут несколько обветшалых, подчас забавных обрядов, то не здесь, разумеется, корень талмуда или его задач. Если в иные времена и эти обряды рассматривались, как «ограда Закона» для сохранения еврейства, то ныне результаты обусловливаются уже не такими путями.

Отсюда понятно, что расцвет национального самосознания в сионизме отнюдь не изменяет положения гоев, сколько бы это «либеральничание» ни проклиналось близорукими талмид-хахамами, и в какой бы степени оно ни казалось отвратительным кагальной олигархии вообще.

III. Талмуд и Каббала. Христианские писатели, занимавшиеся изучением талмуда, почти единогласно держатся того мнения, что это — источник невежества, безнравственности и фанатизма, страшный хаос всяческих заблуждений, предрассудков и нелепостей. Занятия талмудом должны не развивать ум его последователей, а, изощряя их пронырливость, приучать во всём к вредным тонкостям, натяжкам, лживости, надувательству, плутовской изворотливости и, наконец, совершенно убивать в человеке само уважение к Моисееву законодательству. Все эти качества дают, однако, еврейству неодолимые для христиан преимущества в практической жизни и пренебрежение ко всему окружающему.

Не талмуд создал евреев, а евреи изобрели талмуд. Стало быть, ничто не мешает сионистам оставаться чистокровными евреями, особенно — по закону наследственности, в силу которой талмудизм запечатлён в мозгу еврея и помимо какого-либо нарочитого воспитания.

Наряду с этим не надо забывать и о каббале, как таинственном, религиозно-волшебном учении, данном будто бы с небес ещё праотцу Адаму и существовавшем уже до сотворения мира. Это последнее утверждение раввины выводят, извращая текст Иеремии: *«Не положих ли убо Завета Моего над днем и нощию и законов небеси и земли»*.

Если талмуд — душа еврея, то каббала есть душа талмуда, и настоящий еврей не может не быть каббалистом, Гордые и самоуверенные авторы талмуда и каббалы направляли всё и вся исключительно на пользу еврейству и к его превознесению. Являясь, впрочем, дальнейшим sui generis, развитием талмуда, каббала готова превратить евреев даже в чудотворцев.

В талмуде (трактат Рош-Гашана) рабби Круспедой повествует, что в первый день Нового Года раскрываются в Небесном Сенате три книги — для евреев, разумеется: в одну записываются благочестивые, в другую — порочные, а в третью — занимающие середину между теми и другими. Попасть в первую или во вторую книгу сии последние могут сообразно с тем, как они поведут себя в течение ближайших десяти дней — до Иом Кипура (Дня Отпущения), самого священного и самого страшного момента в жизни сынов Иуды. Сообразно с этим утром и вечером в праздник Новогодия евреи изъявляют друг другу пожелание быть записанными в вечную жизнь. Основываясь на этом обычае, еврейский катехизис — Шулхан-Арух запрещает выражать такое желание позже девяти часов утра, потому что тогда оно уже бесполезно, ибо к этому времени книги закрываются. Изложенный факт является характерным для талмуда, и возник путём извращения текста Псалтири (LXVIII, 29): *«да изгладятся они из книги живых и с праведниками да не напишутся»*.

Каббала идёт дальше. Новые каббалисты за истинную каббалу признают лишь то, что здравому уму недоступно.

Так, знаменитейший из каббалистов, рабби Исаак Луриа, говорил о себе, что в него перешла душа рабби Симона бен Иохайи, высшая, чем души всех прочих древних каббалистов, и что таким же образом души шести учеников рабби Симона перешли в шестерых учеников его, Лурии; а эти ученики, вместе с ним — суть те именно «семь очей Божьих, взором объемлющих всю землю», о

которых свидетельствует Захария (IV, 10). По удостоверению же рабби Виталя, ученика Лурии, этот последний с духами разговаривал так же свободно, как и с людьми.

Впрочем, и древним талмудистам не в чем завидовать рабби Симону бен Иохайи.

Например, в вавилонском талмуде значится, что рабби Ханина и рабби Ошайия накануне каждой субботы, усаживаясь размышлять над «Книгой Сотворения» (Сефер-Иецира, — вручённая ещё Адаму первая часть каббалы), производили на свет трёхлетнюю тёлку, которую затем и употребляли на ужин. При помощи той же «Книги», как свидетельствует иерусалимский талмуд, рабби Иешуа бен Ханания превращал тыквы и арбузы в оленей и коз, и, что всего удивительней, они были способны размножаться естественным образом. Что же касается ученика рабби Нехунии бен Гаканы рабби Исмаэля бен Элиши, то, по словам талмуда, изучая ту же «Книгу», он несколько раз видел ангелов и даже приятельски разговаривал с ними.

Во всём сказанном нет ничего мудрёного. Талмуд (трактат Санхедрин) удостоверяет следующее: *«Бесстыдство — это царство, только без короны, а наглостью можно действовать с успехом даже против самого Бога, Неиудей, делающий зло иудею, причиняет его самому Господу и, совершая таким образом оскорбление Величества, заслуживает смерти». «Огонь геенны бессилен даже против нечестивцев из иудеев»* (трактат Эрувим). *«Да не ждёт прощения от Господа тот, кто возвратит вещь, потерянную неиудеем»* (трактат Санхедрин). *«Бог создал свет только для того, чтобы осуществить закон обрезания»* (трактат Шаббат). *«Учить женщин закону — значит учить их искусству обольщения»* (трактат Сома). *«Magus expetit mulier cabum unum rei venereae, quat novet cabos vitae solitariae»* (ibidem).

Объясняя, почему родятся дети хромые, слепые, глухие и немые и прикрываясь намерением помешать мужьям в злоупотреблении жёнами, рабби Иоханан входит в самые неблагопристойные подробности, способные лишь к возбуждению грубейшего распутства (трактат Халла). Далее о рабби Акибе и рабби Кагане рассказывается, как они собственными глазами хотели видеть, что у себя в комнатах делают их учителя со своими женами, утверждая, что и это составляет часть Закона, которой следовало научиться от тех же учителей (трактат Хагига) торжественно поучает, как можно «concipere facere virginem, nullo virginitatis detrimento» и многому, тому подобному. *«Кто хочет узнать, наставляет,* — в свою очередь, трактат Берахот, — *бывают ли у него черти, пусть возьмёт мелко просеянной золы и посыплет её под кроватью; утром он увидит как бы следы петушьих но г. А кто сам желает увидеть чертей, пусть добудет чёрную кошку, в первых родах происшедшую от чёрной кошки, также родившейся от чёрной кошки в её первые роды; такую кошку надо сжечь в порошок и насыпать его себе в глаза; — тогда и увидишь чертей»* (ibidem).

Параллельно с высокими и отвлечёнными, впрочем, обыкновенно заимствованными идеями, в каббале идут бесконечные ряды нелепостей.

Сюда, в частности, относится изысканно разработанная демонология каббалы, которой соблазнился даже Гёте для своего «Фауста».

Однако, ниоткуда не следует, что хотя бы в этой сфере еврейство проявило себя оригинальным. Наоборот, история человеческих заблуждений, поскольку она выразилась особенно в сказаниях урало-алтайцев, а в частности, — древних халдеев, определяется преемственностью и только внешними видоизменениями. С наибольшей же яркостью раскрывается это на трансформации тайных обществ. Вредный для здоровья климат Месопотамии и располагающая к неге мягкость солнечных лучей давали здесь свидания целому сонму духов — как злых, так и добрых. Что же касается собственно демонологии, то в переводе на современный язык она является бредом воображения о бактериях и микробах или же сводится к эротическому психозу, как результату поклонения воспроизводящим силам природы.

Фаллус и Ктеис были как бы отражениями солнца и земли.

«Sous une forme speciale. — говорит Тридон, — *Le Nabi semitique ‘eproduit le Schamane siberien, l’Obi africain, le Sorcier indien, les Pythies ou prophetes sauvages, dont les gestes bizarres et la grandeur dans certains raits frappent tous les voyageurs».*

В природе нет ни одного материального, умственного или нравственного предмета, которого каббалисты не поручили бы особому демону, по их словам, — ангелу. Так, над огнём, громом и метеорами подавлены Нуриэль и семь его помощников: Габриэль, Нитриэль, Тумишь, Шамииэль, Габарниэль, Захариэль. Воды подчинены Михаэлю и то адъютантам: Рамиэлю, Ориэлю, Малькиэлю, Хабриэлю, Миниэлю и Цориэлю. Начальники зверей — Иегуэль с ассистентами: Пасиэлем, Газиэлем и Хузиэлем. Птицами заведует Анфиэль с двуми секретарями: Баалиэлем и Узиэлем. Домашний скот состоит под ведением Гарии и подчинённых ему: Ласиэля, Парвиэля и Гузиэля. Черви находятся под начальством Самиэля. Насекомыми управляет Мефаниель. Рыбами командует Далиель, а при нём состоят: Азиэль, Пеканиэль и Мактуниэль. Ветрами повелевает Рухиель с помощниками: Хелкиэлем и Азаэлем. Скалы отданы Макгугиэлю; садовые деревья — Алпиэлю; леса — Зоруэлю; град — Юркэме. Мертвыми заведует Дума; адом — Негарсанэль; Солнцем — Галгалиэль; Луной — Ораниэль и т.д.

Учителем Адама был ангел Разиэль; Сима — Иохиэль; Авраама — Дадкиэль; Иакова — Рафаэль; Моисея — Сангсагаэль, а по мнению других — Михаэль; третьи же полагают, что — Метатрон; учителем Ильи состоял Мелтиэль.

Вообще говоря, число добрых духов бесконечно.

Что же касается духов злых с точки зрения самой каббалы, то известнейшие и значительнейшие среди них, как первозданных демонов мужского пола, суть: Самаэль, Ашмидай и Бедаргон.

О Самаэле учит каббала, что он тот змий, который увлёк в грехопадение Еву; он же подстрекает людей на дурные дела, затем, чисто по-еврейски, сам о таковых докладывает в Небесном Сенате и сам же, наконец, приводит в исполнение приговоры этого верховного судилища. Ашмидай состоял на посылках у Соломона, но то и дело влюблялся в его жён, а в заключение свергнул его с престола. О Бедаргоне сообщается, между прочим, что он величиной всего в пядень, а имеет пятьдесят голов и пятьдесят шесть глаз, причём у него на теле изображены все еврейские буквы, кроме двух.

Злых духов женского пола известно четыре: Лилита или Лайлита, Наама, Махлата и Игэрэта. О них, как и о злых духах мужских, в каббале пропасть всякого вздора. Лилита, сказывают каббалисты, есть первая Ева, созданная одновременно с Адамом, но, за её сварливость Адам с ней развёлся и женился на другой Еве, образованной из его собственного ребра. В Лилиту же влюбился и взял её себе в жёны Самаэль. Лилита характера угрюмого, а Махлата — весёлого, оттого между этими чертовками идёт постоянная ссора, доходящая иной раз до драки; а драться за них есть кому: у Лилиты под командой 480, а у Махлаты 378 полков погибших ангелов. В свою очередь, Наама, говорят, есть лицо, которое в Писании встречается под именем сестры Тубалкаина. Замужем же она за чёртом Шемероном. Об Игэрэте мало что известно. По словам Соломона Лурии, каждую среду и пятницу она разгуливает ночью с целой армией в 18.000 полков погибших ангелов, вследствие чего достопочтенный Луриа строго увещевает, чтобы в это время никто из сынов Израиля, конечно, не выходил один из дому.

К сожалению, злых духов так много, что числа их и выразить невозможно. Довольно сказать, что из них у каждого человека находятся 1.000 по правую руку и 10.000 по левую руку. Святых же раввинов черти просто одолевают, толкутся и трутся возле со всех сторон, но, по их неизречённой добродетели, посягнуть на этих праведников всё-таки не осмеливаются.

Тем не менее, дьявольская назойливость не остаётся бесследной. Если вы, благосклонный читатель, на почтенном ростовщике или биржевом удаве, членах «избранного народа», заметите потёртый и лоснящийся лапсердак, знайте, что это результат бесстыдства чертей.

Возвращаясь к добрым духам, мы видим, что значительнейшие и могущественнейшие из них Метатрон и Сандельфон. Одно из занятий этих двух ангелов состоит в том, чтобы вместе с третьим, Акатриэлем, принимать людские молитвы, плести из них венцы и возлогать на главу Господа. Само собой разумеется, что венцы плетутся только из еврейских молитв.

Первый же слуга Божий всё-таки — Метатрон.

Несмотря на столь высокое призвание, он был, однако же, баснословят каббалисты, наказан шестьюдесятью ударами огненных розог, и вот по какому случаю: *«Раз в день Метатрон записывает в книгу добыв дела людей, и в это время ему разрешается сидеть в присутствии самого Господа.*

Однажды великий талмид-хахам Элита беи Абуийя, поднявшись на небо, увидел там сидящими два существа — Бога и Метатрона. Это дало ему повод предположить существование двух богов, следствие чего премудрый Элита отпал от иудейства в манихеизм. За столь явную непредусмотрительность, когда Метатрон не встал при входе Элиши и тем ввёл святого раввина в заблуждение, приказано было от Бога вывести Метатрона немедленно и дать ему шестьдесят даров огненными розгами...»

IV. Сионизм как «движение освободительное». Всё изложенное достойно внимания, как яркая картина иудейской гордыни, нахальства самовозвеличения. Очевидно, что никакой сионизм не способен вытравить этих качеств из еврейства, да он, без сомнения, и не имеет того в виду. Сионисты — те же буйные и жесточайшие иудеи, каими неизменно остаётся вся масса талмудистов. Подделываясь же с большим дерзновением и вероломством под современное течение европейской мысли, они отличаются от ортодоксальных евреев разве наглостью скептицизма, т.е. отсутствием уже каких-либо сдерживающих начал. Являясь поэтому наиболее опасными агентами политической и социальной революции, иначе говоря, либерально стремясь к разложению христианских обществ, народов и государств, руководя интернациональным пролетариатом и ожидовливая франкмасонство, они в тоже время с невероятной impudentia Judeorum проповедуют восстановление еврейского царства и храма Иеговы, как всемирной биржи, разумеется. В своём неистовом безумии они даже не прочь ожидовить саму науку, а пока что обоготворяют эгоистический еврейский национализм как идеал тирании вселенной.

Таким образом раскрывается вновь беспросветный факт, что, сколько бы ни встречалось на пути истории талмуда ненависти к гоям и презрения к их религии, и как бы ни прикрывались они тем или иным контрабандным флагом свободы или рационализма, — повсюду выглядывают и всё тем же кагальным чесноком благоухают «жидишки со скорбными, но надменными лицами»... [30]

Свет Запада и звезда Востока, великий и несравненный рабби Моше бен Маймонид (сокращённо — Рамбам, жил в XII столетии) более трёх лет числился магометанином при дворе султана Селадина в Египте. Затем, вернувшись в иудейство, он написал столь либеральное рассуждение «Морэ Небухим» («Взыскание заблудших»), что в Монпелье по доносу кагала оно было сожжено рукой палача. Тем не менее, за свои дальнейшие сочинения «Мишна Гойре» и «Яд Га-Хазака» Маймонид, хотя был также проклинаем сначала, в конце концов удостоился недосягаемой славы величайшего учителя в Израиле и второго Моисея.

В свою очередь друг Лессинга и еврейский Лютер — Моисей Мендельсон, либерал и философ XVIII века, неизменно оставался самым пламенным евреем и ожесточённым врагом всего нееврейского, а, в особенности, христианского.

Наконец, сам немецкий соловей, издевавшийся над своей родиной — Германией, высмеивающей её за деньги французского короля и, по собственным словам, крестившийся только потому, что закон «не дозволяет воровать серебряных ложек», Генрих Гейне, очевидно, понимал, в чём дело, когда сознался: «Ich liebe das Julenthum und ich hasse den einzelnen Juden»...

V. Вероломство и неуловимость кагального бунта. Как и вообще у евреев, основная мысль не принадлежит им. «La propriete c’est le vol»! —провозгласил впервые Луи Прудон, а не Мардохей Маркс. Однако, её воспреемниками были всё таки два фанатических еврея: Лассаль и Маркс, не говоря об их предшественнике — Рикардо, повидимому, также из колена Иудина. Вместе с интернационалкой социал-демократия явилась могущественным средством потрясения правовых устоев и деморализации рабочих масс, средством тем более знаменательным, что самому еврейству здесь не отводится никакого места. Иначе говоря, пропаганда иудейских корифеев и оскотинивание ими пролетариев-гоев, представляя крайнюю опасность и злостный обман, в лучшем же случае не обещая гоям ничего, кроме невиданного рабства, отличалась ещё и редкой даже для кагала бесцеремонностью. Тем не менее, клики: *«в борьбе найдёшь ты право своё!»* и *«пролетарии всех стран, соединяйтесь!»*, дав еврейству бесчисленные запасы пушечного мяса, соблазнили его на террор государств и правительств с такой дерзостью, какой не встречалось никогда раньше.

Параллельно с этим шла и иудизация франкмасонства, т.е. сообщества «избранников», развращаемых свободной любовью и чернокнижием, слепо повинующихся неведомым вождям и направляемых повсюду, где нельзя открыто показать хотя бы и завидных пейсов. Повелевая такими «избранниками» неограниченно, располагая их имуществом, связями и влиянием и комбинируя их деятельность с иезуитской подлостью, всемирный кагал двинулся на разрушение тронов и алтарей. Красной нитью через сионизм, социал-демократию и масонство, как смертоносное для народов средства всемирной еврейской политики, проходят две её основные черты: тайна и международный характер операций. Чем и обусловливается её сугубая опасность.

VI. Очерк борьбы арийцев с семитами. Не в первый раз на сцене истории семитизм объявляет смертельную борьбу арийскому миру. Ещё на заре жизни европейских народов, когда их праотцы жили в Гинду-Куше и Парапанизе, в легендарные времена Немврода и Семирамиды, когда чистые и светлые арийские племена созидали торжественный эпос Вед и пели дивные гимны Авроре, они уже подвергались нападению монголов или урало-алтайцев с северо-востока и семитов с юго-запада. Слабые численно, арийцы не выдержали натиска врагов и распались на две ветви.

Одна направилась к берегам Инда и Ганга, спустилась в Индостан и бесследно исчезла для другой на пятьдесят столетий. Лишь в XVIII веке обнаружилось, что язык браминов и Будды, как и наставления благороднейшего из законодателей, Зороастра, относятся к санскриту, — первоисточнику всех европейских языков, за исключением разве наречия басков в Испании, равно как урало-алтайских же наречий венгров, турок и финнов с их подразделениями на севере Европы и Азии.

Другая ветвь, так или иначе отбиваясь от развратных и коварных семитов и понемногу оседая на пути в Малой Азии и Сирии, перешла Геллеспонт, затем проникла на Балканский полуостров, в Карпаты и частью — на юг России, а частью, поднимаясь по Дунаю через страны, впоследствии известные под именем Паннонии и Южной Германии, перешла Альпы и Пиринеи, вслед за чем скоро рассеялась по Апеннинскому и Пиринейскому полуостровам. Но и в Европе арийцы опять встретили семитов — финикиян, а несколько позже — карфагенян. Уже в Одиссее Гомер, назвав финикиянина — семита прибавляет:

«*...Обманщик коварный, злой козподей, от которого много людей пострадало!..*».

Кровью и слезами залиты страницы летописей целых веков пребывания арийцев в Греции и Архипелаге. Мифы Тезея и Минотавра, как отражение горя и ужаса пред человеческими жертвоприношениями финикиян за счёт самого цвета юношей и девушек Эллады, разбойнически похищаемых финикиянами у семейного очага и сжигаемых заживо, дают нам ключ к многолетней троянской войне.

Парис, морской пират по профессии, не только похитил Елену, но, как и подобает истому семиту, обокрал её мужа, а затем... бежал в Египет. Допрошенный здесь и сбившийся в показаниях, он по распоряжению фараона был изгнан и снова… бежал. Куда? Ну конечно, в тогдашний Бердичев, — Сидон, а уже оттуда вернулся в Трою. [31]

По окончании войны Эней, принц троянский, куда в свою очередь направился прежде всего? Разумеется, в Карфаген (см. Энеиду Виргилия).

Далее, сокрушая кровожадное гнездо служителей Мелькарта (Молоха) и Дидоны, Сципион Африканский был поражён, когда (в 146 г, до Р.Х.) в главном храме Карфагена увидел картину, изображающую легендарного троянского коня. Но зверство пустило здесь столь глубокие корни, что и 350 лет спустя, по свидетельству карфагенянина же Тертуллиана (писал около 200 г. по Р.Х.), его сограждане всенародно приносили в жертву Сатурну детей вплоть до проконсулата Тиберия. Только при нём, когда на деревьях, окружающих храм, были распяты и сами жрецы Сатурна, эти злодеяния перестали быть публичными, хотя ещё некоторое время, продолжались втайне.

Троя состояла вассалом ассирийского царя и городом, семитизированным вообще. [32] Лишь немного южнее лежал город Сарды, древняя колония финикиян, позже эллинизировавшаяся. В течение долгих веков финикияне приносили там человеческие жертвы. Наблюдая страдания сжигаемых заживо детей, жрецы Минотавра (Мелькарта или Молоха, Ваала, Камоса Меродаха и т.п.) подметили, что в минуту

крайнего напряжения нечеловеческих мук, дитя, по-видимому, переставало страдать, а конвульсии, искажавшие его лицо перед самой кончиной, как бы превращались в отблеск радости. Таково, говорят, происхождение сардонической улыбки...

В свою очередь Гомер достаточно свидетельствует о человеческих жертвоприношениях и в столь чарующую эпоху троянской войны.

Среди указанных обстоятельств, невозможно допустить, чтобы подобная война могла возникнуть только из-за похищения Елены, и лишь ради неё поднялась бы вся Греция, да ещё стала бы продолжать борьбу в течение десяти лет. Без сомнения, причины лежали гораздо глубже и, очевидно, сводились к необходимости для эллинов свести, наконец, счёты с безжалостными семитами.

Что дело обстояло именно так, это подтверждается клятвой, принесённой Ксерксом 500 лет спустя на могилах павших троянцев, клятвой отомстить за их погибель. Ксеркс не был семитом, но он являлся представителем всего семитического Востока и союзником финикиян. Мировая политика уже в ту эпоху развивалась таким образом, что в тот самый день, когда греки остались победителями при Саламине, карфагенская армия, как полагали в 300.000 человек, потерпела при Гимре в свою очередь поражение от Гилона Сиракузского.

Знаменательно, что, по свидетельству древних авторов — Юстина и Диора Сицилийского, карфагеняне также находились в союзе с персами.

Не прошло и двух столетий, как уже в начале своего похода, двигаясь на завоевание того же Востока, клялся на могилах греков, некогда осаждавших Трою, Александр Македонский, со своей стороны обещая отомстить за них.

Та самая политика в Ост-Индии и Европе, какая служит мрачному и жестокому корыстолюбию Великобритании, истощая терпение народов и правосудие Немезиды, увлекала и карфагенян сеять смуты в великой Греции, т.е. Сицилии и Южной Италии. Отечество Ганнибала чуяло, повидимому, надвигавшуюся со стороны Рима грозу. Отсюда — начало и конец пунических войн.

Но были мужественные люди в Риме. Римский консул Аппий Отавдий не дрогнул перед гением лукавого карфагенского полководца Гамилькара Барки. С наскоро построенным флотом и небольшим войском, консул пошёл в Сицилию, прогнал карфагенян из Мессаны и нанёс им тяжкий удар. Дуилий одержал первую морскую победу над карфагенянами, при Милах, у северного берега той же Сицилии, а Регул одержал верх в морской битве у Экмона и даже переправился в Африку. К несчастью, предатель, спартанец Ксантипп, командуя карфагенянами разбил Регула и взял его самого в плен. С другой стороны, ещё неопытные в мореходстве римляне потеряли несколько флотов от бурь и непогоды, а затем понесли новые страшные поражения на море и на суше.

Несмотря ни на что, Рим не падал духом, и Гней Лутаций Катулл вскоре почти уничтожил карфагенский флот. Этим закончилась первая пуническая война.

Карфагеняне оставили Сицилию и прилегающие острова.

Ещё большую доблесть показали римляне против такого врага, как Ганнибал с его братом Газдрубалом. Не потеряли римские граждане веру в отечество как вслед за ужасными разгромами при Требии, Тразименском озере и Каннах, так даже, когда и племена Италии стали переходить на сторону неприятеля. Наблюдавший за Ганнибалом консул Клавдий Нерон блистательно воспользовался фактом, что вместо движения на север для соединения с армией брата, Ганнибал отступал на юг Италии. Клавдий поспешил к своему товарищу, консулу Марку Ливию, а с ним вдвоём близ Сены, на реке Метавре, в Умбрии, разбил карфагенян наголову, причём и сам Газдрубал был удить.

С другой стороны, Рим выдвинул Публия Корнелия Сципиона Африканского, тогда ещё юношу, который, едва оправившись от разгрома, нанесённого ему и Гнею Сципиону Газдрубалом в Испании, не пустил случая переправиться в Африку и здесь взять штурмом Новый Карфаген со всеми его запасами и сокровищами. Вслед затем битой против Ганнибала при Наррагаре или Заме Корнелий Сципион решил участь и второй пунической войны. Карфаген не только должен был отказаться от Испании, но и уплатить 10.000 талантов контрибуции, равно как выдать свои военные корабли и слонов.

Третья пуническая война, вызванная нарушением данного Карфагеном обязательства подчинить свою внешнюю политику Риму, была в сущности лишь периодом маразма владыки морей. Вызываемое необходимостью полное уничтожение Карфагена Сципионом Африканским оказалось лишь реальным выражением государственной прозорливости Катона. Он именно своим «praeterea censeo, Carthaginem esse delendam» гениально резюмировал самую жизненную задачу Рима и всего будущего обоих полушарий.

Устанавливая предел торжеству семитизма, как государственного принципа, уничтожение Карфагена обеспечивало, наконец, существование и дальнейшее развитие арийской цивилизации в Европе, как антитезы вероломства, ритуальной проституции и кровожадного зверства семитов.

Подводя итоги многовековой борьбе семитов с арийцами, историк Курциус заключает свои размышления так: **«Греция воспрянула только, когда ей удалось ниспровергнуть господство семитизма финикийского. Рим заложил основы мирового владычества лишь в войнах на жизнь и смерть, которые завершил победой над семитизмом карфагенским».**

Увы, по-видимому, бессознательно, но Рим сделал промах, результаты которого отражаются и сегодня, в России. Рим опоздал разгромить Иудею, а если принялся за неё, то лишь когда сыны Иуды уже проникли в самые стены священного города и укоренились там, иначе говоря, успели отравить сам организм римского государства.

Неисчислимые последствия, отсюда проистекающие, высоко поучительны, но, к сожалению, у нас нет возможности развивать их далее. Первоначально задуманное в сжатой форме предисловие наше и без того слишком растянулось. Вдумчивый читатель благородно извинит нас. Перенося центр тяжести исследования в опыт веков и отводя нынешним событиям, как материалу всем известному, только небольшое сравнительно место, мы руководствовались убеждением, что указанная история — единственный светоч к уразумению того, что переживает наша родина. Отвлечённые рассуждения и общие правила, произвольно выдвигаемые, могли бы, с нашей точки зрения, лишь возмутить читателя. В политике, как и в философии, высокие идеи неизменно идут от сердца, а не от ума. Сердце же чует правду, лишь созерцая настоящее при свете анналов прошлого.

Пока нахлынувшие со всех сторон варвары расхватывали римское наследство для того, чтобы с течением времени усвоить себе его государственную мудрость и завещанную Римом культуру Эллады, в отдалённой Аравии появился Магомет.

Семитизм воспрянул ещё раз и за первые же пятьдесят лет своих завоеваний охватил на земном шаре такой кусок, перед которым, увы, не могла бы идти в сравнение даже территория, подвластная Риму. Волны исламизма с рёвом и бешенством стали заливать Европу с Пиринейского полуострова, как ближайшего родственника пунийцев. Карл Мартелл между Туром и Пуатьэ остановил знамя пророка. Но прошло более семи веков прежде, чем Мавры были изгнаны из Испании. В результате они пробыли там столько же времени, сколько едва успело пройти даже теперь в Британии от дней Вильгельма Завоевателя.

Однако, христианский мир Европы понимал опасность и крестовые походы стали ответом на изуверство магометан. Вновь печальна и позорна была роль евреев в эту эпоху. Между прочим, они иудаизировали сам орден Тамплиеров и в насмешку над крестоносцами увлекли его на погибель.

Новым и последним открытым приливом септизма на пути времён оказалось нашествие турок на Европу. Конечно, турки не были семитами, но они являлись знаменосцами Ислама, т.е. крайнего напряжения семитизма и его последним государственным выражением. Европа дрогнула. Теперь трудно себе представить тот ужас, который потрясал её из конца в конец при известии о новых и новых потоках крови, разливаемых турецкими полчищами на огромном пространстве империи Солимана Великолепного. Вдохновенные и трогательные страницы Мишлэ, увы, лишь в слабой степени могут передать нам смятение, слезы и бедствия христиан перед триумфом «правоверных».

Но вот в XVII столетии из недр славянства бестрепетно восстал и преградил дорогу бесчисленным воинам Магомета грозный вождь. Повторяя заслугу Карла Мартелла, Ян Собесский на полях Вены нанес турецкой империи сокрушающий удар. Подобно Сципиону, Собесский уничтожил гордыню

презренного семитизма.

VII. С тех пор, увы, тысячелетняя борьба арийцев за само право своего бытия превратилась во внутреннюю болезнь европейских народов. Отравив существование Рима, евреи разнесли свою заразу и на все страны Европы, по иронии судьбы, разбегаясь преимущественно из той же самой Польши, которая дала Яна Собесского. Именно польские евреи измываются сейчас и над горем России. Из Вильны они нас осчастливили тем злодейским «Бундом», который в союзе с сионистами, социал-демократией и франкмасонами под руководством всемирного кагала, центральный орган которого нашёл себе пристанище в Париже, пытается запятнать всё прошлое и обездолить саму будущность России. [33]

Вопрос огромной важности раскрылся перед русскими людьми во всей своей неприглядной наготе.

Евреи любят «колоть сахар на чужой голове» и за последние два года осмелились проделывать перед нами, кажется, все номера своего репертуара.

Однако, не рано ли пташечка запела?!..

VIII. Из многовековой борьбы, начертанной нами вскользь, тем не менее, выдвигаются два ярких момента: поединок Рима с Карфагеном и судьбы арабской культуры в Средние века.

Неотвратимый рок тяготеет над семитами.

Чем объяснить иначе поведение Ганнибала в Италии, равно как его распутство в Капуе и Салапии? Как раз в Салапии проживала та красавица, имени которой не сохранила история, но ради которой, по-видимому, Ганнибал потерял и содействие армии брата, и свою славу.

В свою очередь, даже усвоив греческую философию и науку, арабы оказались неспособными даже с чужой помощью развивать их вне известного, недалёкого предела. Как только иссяк их религиозный фанатизм, так и сам «дух живых» отлетел от них. Истрепав свою энергию, они быстро возвратились к первобытному состоянию. Ислам черствит душу правоверных и придаёт ей вид той каменистой Аравии, откуда сам вышел.

Когда умерший в 1057 году поэт Абу-эль Алла сказал, что *«люди образуют два класса, — у одних есть разум без веры, а у других — вера без разума»*, он, в сущности, утверждал, что вера неизбежно покушается освободиться от разума, т.е. сам же себе выдал testimonium paupertatis.

«Ум останавливается, — заметил ещё Мисмер, — *пред невозможностью объяснить задержку исламизима после того, как на пути ряда столетий он шёл в авангарде человечества»*,

«Царствование Солимана Великолепного, — продолжает тот же автор, — *является апогеем Ислама. В момент смерти Солимана мусульманская империя имела 120.000.000 жителей, внушая миру изумление доблестью свою: армий, гением государственных людей и высотой цивилизации. Тем не менее, это была только мишура; она быстро потускнела, потому что в ней больше было кажущегося, чем действительного, Плод был великолепен снаружи, но в самой сердцевине своей он был разьедаем червем, который не мог не вызвать разложения. Таким червем оказалась научная подчинённость, установившаяся между мусульманскими и христианскими народами. Вполне очевидно, что при равенстве всех условий надежда на блестящие времена не могла быть запретной и для могущества оттоманов. Да и никакое препятствие не возникало к тому, чтобы их военная сила не сохранила перевеса, как это было, например, с Чингис-Ханом или Тамерланом. Но равенство не существовало, как не замедлило доказать ближайшее же будущее. От падения к падению оттоманская империя пришла, наконец, туда, куда её довела последняя война с Россией и берлинский трактат»*.

Семитизм неподвижен. У него не только отсутствует собственное стремление вперед, но и способность к долгому поступательному движению, хотя бы под влиянием посторонней силы. Этого мало. Черствый и печальный характер семитов отражается в застое всего, к чему они прикасаются. Что сделали семиты, например, с цветущими и просвещёнными в римскую эпоху территориями Передней Азии и Африки? Во что превратилась мавританская цивилизация, как только утратила арийскую почву Испании? Каково отличие фанатического юга Франции и дикого, разбойничьего

населения южной Испании и Сицилии от северных частей этих же стран. Без сомнения, различие не случайно, а зависит от такой причины, как долгое пребывание там, на юге, сарацинов. Отсталость самой Испании, в свою очередь, мотивируется не столько временными последствиями инквизиции, сколько неизлечимой примесью в испанском народе карфагенской и мавританской крови. Наконец, сам выродившийся тип современных греков, которых ставят в профессора даже евреям, очевидно, является продуктом турецкого владычества, т.е. опять-таки господства семитизма, застывшего в Коране...

Но если такова участь всех остальных семитов, то почему же должна быть иной судьба евреев?

IX. Всемирный союз масонов. Действительно, ни мало не скрывая этого, иудаизм обусловливает своё торжество разрушения христианства. Стремиться к этой цели кагалу, по его мнению, необходимо как в силу той ненависти, которую он неизменно питает к христианству, так и в виду факта, что религия Христа есть основание цивилизованных обществ.

Сообразно с этим, Мардохей Маркс исключил в своём «Капитале» саму идею нравственности и как еврей пытался объяснить ход всемирной истории одними экономическими, т.е. животными интересами.

Двигаясь по той же дороге учреждённая в С. Америке евреем Исааком Лонгом и реформированная Альбертом Пайком главенствующая секта масонов, хотя и стала именоваться «Новым Преобразованным Палладизмом» (Palladismum Novum Reformatum), но в действительности поклоняется не Палладе, а Люциферу.

Ему непосредственно подчинены три верховных дьявола: мужского пола — Баал-Зебуб или Бафомет, Астарот и Молох, а также верховная ведьма Астартэ, жена Астарота. Она в древности была богиней и почиталась на всём пространстве Передней Азии под разными именами: Ашеры — у евреев, Деркето — у филистимлян, Астраты — у финикиян, Дидоны — в Карфагене, Истар — в Ассирии и Мелиты — в Вавилоне, где ей были посвящены голуби как эмблема сладострастия, и рыбы как эмблема размножения. Служение этой богине (Bona Dea или Dea Syria римских писателей) совершалось путём проституции (Геродот, Плутарх, Макробий, Страбон, Виргилий, Тит Ливии, Амиен Марцеллин и многие другие).

Среди придворных Люцифера первыми чинами значатся: Дагон — великий хлебодар и Бегемот — великий виночерпий. Демон же Сю-хор-Бенот состоит главнокомандующим над дьяволицами, ведьмами и чертовками.

Засим в преисподней считается 6.666 легионов, а в каждом из них по 6.666 демонов мужского и женского пола. Каждый легион имеет своего командира, все же легионы вместе образуют 72 дивизии под командой чертей или чертовок высшего ранга. Таким образом, общее количество демонов обоих полов — 44.435.556. Высшая иерархия Люцифера, как сказано, включает четырёх демонов первого ранга и 72 начальника дивизий, т.е. 76 персон. Прибавляя сюда и самого Люцифера, получаем 77, иначе говоря, произведение двух каббалистических цифр — 7 на 11. Конечный же итог всех вообще подземных духов будет, следовательно, 44.435.633.

У палладистов имеется особый, написанный по-итальянски в 50 строфах Иосиею Кардуччи, гимн Люциферу. [34]

Второстепенное же масонство поклоняется Сатане (Бафомету) в образе тельца с получеловеческим лицом и женской грудью. Он подобен тому золотому тельцу, которого поставил Аарон в пустыне и воздвигал Иеровоам в Вефиле и в Дане. (3 кн. Царств, XII, 28-30).

«Святейший престол Верховного Патриарха всемирного масонства», фактически утверждённый в городе Чарльстоуне, в С.-А. штатах, обладает целой иерархией по всему земному шару и делит его на 77 триангуляционных провинций. Юг России с Кавказом входят в состав 62-й, Екатеринославской, провинции, а запад России с польско-иудейским населением — в составе 46-й, Берлинской, провинции.

Верховный Патриарх в Чарльстоуне есть догматический глава всемирного масонства. До самой своей смерти, недавно последовавшей, таким главой являлся генерал Альберт Пайк. При Верховном

Патриархе состоит «Святейший Великий Совет заслуженных масонов», куда евреев, кажется, не допускают.

Непосредственно подчинённой такой Верховной Догматической Директории масонства представляется Верховная же Исполнительная Директория, пребывающая в Риме под председательством «Верховного Главы Деяний Политических», каковым после известного атамана карбонариев Мадзини сделался наказанный во Франции по суду за мошенничество еврей Адриано Леми, а преемником его состоит ныне, по крайней мере, столь же почтенный еврей Натан.

Нисходя в порядке иерархии, мы в Берлине встречаем Верховную Административную Директорию. Её образуют только два члена: а) «верховный делегат у финансов», бывший приказчик Ротшильдов и соучастник Бисмарка по беспроигрышным, весьма солидным биржевым гешефтам, разумеется, также еврей Блейхредер; б) «верховный же делегат пропаганды» Финдель (в Лейпциге). Он напечатал сочинение о масонах с целью уверить в том, что их сообщество преследует «одни просветительные и человеколюбивые цели».

Это тем более «достоверно», что один из еврейских главарей масонства открыто заявил: **«мы производим могущественное влияние на современные политические движения и на сам прогресс цивилизации, направляя их к республиканированию народов».**

Подчиняясь названным трём Верховным Директориям, действуют от имени всемирного масонства четыре Великих Центральных Директории: для С. Америки — в Вашингтоне, для Ю. Америки — в Монтевидео, для Европы — в Неаполе, наконец, для Азии и Океании — в Калькутте. Сверх того имеется Вице Директория для Африки на острове С. Маврикия, в Порт-Луи. Наравне с Центральными Директориями они непосредственно сносятся с Верховной Догматической Директорией.

Направляемое означенными Директориями, масонство распадается на многие толки и секты. Назовём главнейшие: Ассоциация Масонов-Ветеранов (Чарльстоун); Лессингобунд (Лейпциг); Восточный орден Мемфиса и Мизраима (Неаполь); орден Рыцарей Храма — секция американская (Филадельфия); тот же орден — английская секция (Лондон); орден Защитников Всемирного Масонства (Париж); орден Друидов (Берлин); орден Мопсов Совершенного Молчания (Берлин), орден, в добавок, женский. До последнего времени верховной его гроссмейстериной была Доротея Шульц; орден Мистической Розы, также женский (Милан); орден Рыцарей Долга (мужчины и женщины); орден Св. Иоанна и Св. Андрея; орден Изиды и Озириса (Мехико); орден Моавитян (Селт-Лейке-Сити, город Солёного Озера в С.-А. Штатах); орден «Old Fellows» или «Старых Парней» (Гамильтон, Канада).

Верховному Догматическому Главе достаточно послать пять эмиссаров: в Вашингтон, Монтевидео, Неаполь, Калькутту и Порт-Луи, чтобы двинуть масонство обоих полушарий на достижение того или иного результата.

X. Масонство вне христианских стран. Это не всё. В 1850 году, новоявленный пророк Баб успел потрясти всю Персию. Его последователи — бабисты сродны с сектой убийц Старца Горы, возникшей из гусситских войн в Богемии. Как и у этого последнего, равно как среди наших революционеров, вероломство и бесчеловечные злодеяния признаются лучшими путями к господству.

Под кинжалом одного из бабистов умер и отец нынешнего персидского шаха.

Французские нео-мартинисты, да и не одни они, конечно, находятся в прямых сношениях с бабистами.

Индо-Китай также кишит тайными обществами, в большинстве приуроченными к свирепым «Большим Кулакам» собственного Китая. Припомним в ином направлении хотя бы роль «Чёрных Флагов» среди английских и японских замыслов против Франции.

То же самое мы видим в Гонконге, Сингапуре, Макао, Шанхае, Иокогаме и других портах трансокеанской торговли. Эти общества носят разные наименования: «Товарищество Гунга», «Ассоциация Неба и Земли», быть может, самая важная и могущественнейшая в массе тайных сообществ целого мира; секта «Белого Лотоса», «Триады» или «Три Соединённые Общества» и т.д.

Названные революционные учреждения распространяются на Китай и Японию, где, впрочем, имеются

ещё и самостоятельные тайные общества. А что касается самого Китая, то здесь главенствует орден «Сан-Хю-Гоэи». Центр его в Пекине, а Верховным его Гроссмейстером до недавнего времени состоял Шюа-ким-фан. Соответствуя Палладизму, «Сан-Хо-Гоэи» сносится с Верховной Догматической Директорией в Чарльстоуне непосредственно.

Независимо от этого, англичане занесли и своё франкмасонство в тот же Китай и в Японию, где таким путём образовались ряды подчинённых Альбиону «ложь» и «лагерей», состоящих в ближайших сношениях с масонскими учреждениями всех пяти частей света.

Такое занесение представлялось тем более лёгким, что и до него европейские и американские масоны дружественно принимались тайными обществами как «Поднебесной Империи», так равно и «Империи Восходящего Солнца».

Знаменательно, что подобно секте измаилитов, существующей в мусульманском мире с X века по Р. Х., тайные общества Китая и Японии, особенно при посвящении в высшие степени своего ритуала, да и вообще при дрессировке своих адептов руководствуются приблизительно сходными с масонством обрядами и приёмами. Желтолицые отличаются, быть может, изысканнейшей жестокостью, но едва ли, отличны от «цивилизованных» масонов как проповедников утончённого разврата, тиранической дисциплины и предательских злодеяний. [35]

Таким образом, несомненно, что иллюминаты Германии, бабисты Египта, Персии и Сирии, а также франкмасоны и мартинисты Франции вместе с последователями «Древнего и Вновь Принятого Шотландского Ритуала» (Rite Ecossais Ancien et Adopte), равно находятся в приятельских отношениях с ассоциациями оккультистов Азии.

Важность этого факта для России, особенно перед нашими непостижимыми катастрофами на войне, достаточно очевидна. Остаётся лишь добавить следующее.

Русский военный агент в Париже, полковник, граф Муравьёв, был удалён, как утверждала тамошняя пресса, по интригам евреев и масонов в период второго процесса Дрейфуса за то, что, не в пример другим, видел чересчур много. Уже во время Японской войны, 28 февраля 1904 года, в газете «Gaulois» граф напечатал письмо, раскрывающее глаза на роль тайных обществ Дальнего Востока:

«Интерес всякого европейского государства — сколько возможно, придти на помощь России, так как рано или поздно эта самая Европа вся целиком будет иметь дело с фанатизированными, обогатившимися и сплочёнными желтолицыми, которые двинутся на завоевание мира под руководством японского генерального штаба.

Изолированные на своих британских островах и в Америке, англосаксы воображают, будто жёлтые никогда не приобретут возможности посягнуть и на них, С другой стороны, они пребывают в уверенности, будто франкмасонство, ими же проведённое несколько лет тому назад в Японию, даст необходимое оружие для контроля, обуздания и направления жёлтых, облагодетельствованых чарами «Великих Востоков» арийства» («Grand Orient» — наименование масонов во Франции).

Но они попадутся в ловушку в тот день, когда, раздавив континентальную Европу, желтолицые воспользуются тем же франкмасонством как орудием против самих англосаксов.

Желтолицые обладают кое-чем получше франкмасонства, а то, что у них есть — гораздо древнее и могущественнее. Даже в настоящий момент европейское масонство для них — только средство к проникновению в тайны белых друзей и к изучению их, так сказать, вблизи».

XI. Сокровенные обстоятельства русско-японской войны. Отсюда становится понятным, что предоставленная собственной участи и вместо поддержки с чьей-либо стороны встретившая англосаксов как союзников Японии, Россия оказалась перед задачей непосильной не только для неё, а и для самой Великобритании, равно как и вообще для какой-либо иной из держав Европы.

Принимая во внимание что, задавшись целью достигнуть равноправия, т.е. расселения по всей земле русской, для эксплуатации и порабощения нас, международное еврейство стало помогать Японии своей коварной прессой и не менее лукавыми телеграфными агентствами, нельзя не придти к выводу, что положение нашей родины было воистину беспримерным. Потаённый заговор стал неодолимым

врагом. Раскрыв многое, чего мы ещё не ведаем, справедливый историк, без сомнения, признает, что никакое мужество и никакой гений вождей, даже среди пламенного патриотизма всей страны, не могли бы при таких условиях дать нам победу.

Если японцы сейчас не допускают в Порт-Артур своих друзей, а наших лютых врагов — англичан, то как могла бы уберечь свои тайны Россия в период войны, когда отравленные иудаизмом предатели издевались над скорбью русского народа в самой же Москве? Если мы и поныне ничего не знаем о действительном положении японских армий, флотов, арсеналов и финансов хотя бы в критические моменты кровавой трагедии, приведшей нас в Портсут, то как, не вводя в расчёт иудеев, английского масонства и японских тайных сообществ, уразуметь преследование злым роком русского оружия хотя бы в Порт-Артуре?

Столь бесславно и бессмысленно погибший здесь флот, за исключением канонерки «Бобр», ничем не помог даже в защите столь важной позиции, как под Кинь-Чжоу. С августа 1904 года флот бездействовал и проявил себя разве тем, что загубил миноносец «Росторопный» в Чифу, куда на нём без всякого на то права и вопреки разумному запрету главного начальника генерала Стесселя, был вывезен корреспондент «Нового Края» Ножин. Заручившись в крепости всевозможными о ней сведениями, Ножин пользовался ими в газете ко вреду отечества, почему и был приведён к молчанию. Негодуя на генерала Стесселя и эксплуатируя антагонизм командиров эскадры, по-видимому, считавших, что Порт-Артур существует для её защиты, а не наоборот, Ножин, убежав в Чифу, приобрёл тем возможность распространять по белу свету всяческие скверны о действиях генерала и о положении крепости.

Еврейству это послужило как нельзя больше на руку. Осрамить, добить всё, что на Руси оставалось незапятнанным, — такова была немаловажная из задач всемирного кагала.

Иначе, как дав своей либеральной, якобы русской челяди, да и самой «освободительной» прессе своей этот фальшивый козырь, даже и еврейство, без сомнения, не считало возможным приступить ни к обучению нас патриотизму, ни к облагодействованию через «ненаказуемые» плутни в новой ещё для России, хотя весьма крупной, шулерской и азартной «игре в свободу».

Взгляните и вдумайтесь во все, недавно происшедшее, и вы согласитесь, почтенный читатель, что, например, не может быть случайным факт провозглашения революционной, т.е. иудейской, прессой Шмидта героем, а Стесселя чуть ли не изменником.

Только опозорив страну, можно было вырвать из сердца её обманутой молодёжи, равно как из сознания разнузданных, крайних её элементов, любовь к родине.

Затем только, по достижении этого результата, можно было осмелиться на затаптывание в грязь русского национального флага и на замену его красным. Наконец, лишь по совершении всего этого безнаказанно кагалу мыслимо было на подтасовке выборов украсить своих шулеров зелёными тряпками как эмблемой «народной свободы» в России. А раньше этого, празднуя «свободу», не в самой ли Москве «Русское Слово» обозвало митрополита черносотенником?!..

Разве не с той же целью, добившись республики, например, во Франции, евреи под видом свободы захватили власть и в дерзкую насмешку над презренными, в их глазах, «идолопоклонниками», подняли гонение на церковь Христову?.. При содействии вооружённых команд и, игнорируя сопротивление верующих, там сегодня унизительным способом производятся описи церковного имущества, чего никакое правительство ни в одной синагоге не делало никогда. Но этого мало. Цель описи — передать церковную собственность в распоряжение сельских и городских общин, а от них, через арендные договоры перевести в руки иудействующих масонских лож. [36]

Естественно возникает предположение, что сыны Иуды являются авторами и самого масонства. Иудизация его генезиса; ожидовление приёмов и задач как общества «строителей храма Соломонова»; параллелизм талмудической и каббалистической демонологии с чернокнижием масонов; международный характер и гордыня конечной цели наравне с распутством, жестокосердием, тиранической дисциплиной и возведением предательства в идеал, — всё это невольно наводит на мысль о евреях.

Разве не от блуда, лжи и лицемерия произошло и само поколение Иуды (Бытие XXXVIII, 13-27).

На низших степенях масонства проповедуется поколение «Великому Строителю Вселенной», а на высших степенях совершается уже прямое служение Сатане. Избранным же масонам дозволяется даже лицезреть его, воздавая поклонение, как уже сказано, Бафомету либо самому Люциферу. Обоготворение дьявольской силы, по учению масонов, обусловливается тем, что лишь она одна благожелательна людям, хочет их видеть счастливыми и стремится просветить истинным познанием добра зла. Бог же в глазах масонов есть враг рода человеческого.

Поклоняясь Сатане, масоны делают рукой знак, тень которого даёт на стене изображение дьявольской головы. С другой стороны, в экстазе поклонения масоны грозят по направлению к небу обнажённым кинжалом, восклицая: «Некам Адонаи!», что по-европейски значит «месть Богу!».

По толкованию масонов, Каин — сын дьявола и Евы, а Хирам, строитель Соломонова храма, — потомок Каина. Отсюда — почитание Хирама.

Если золотой телец как олицетворение дьявола является божеством, то неизбежны логические из сего постулаты: систематизированный обман и донос, вероломство, до государственной измены включительно, и политические убийства, начиная, разумеется, с правителей государств. [37] Все эти злодеяния не только не являются в масонстве предметом запрета, а, напротив, угодны Сатане, ибо он прямой отец лжи и человекоубийца. Наиболее иудаизированным представляется, конечно, масонский толк Мизраим, но как ни мал он сравнительно с мировой организацией масонов, дух его присущ всем прочим толкам, сектам и орденам «Строителей Храма»...

В своей энциклике «Humanum genus» 20-го апреля 1884 года против франкмасонства папа Лев XIII говорит так: «Жить среди притворства и окружать себя мраком; приковывать к себе узкими путами и без предупреждения заранее, к чему собственно они обязываются, людей, приведённых в состояние рабства; направлять эти безответные орудия чужой воли на всякого рода посягательства; наконец, вооружать на смертоубийство такие руки, при участии которых обеспечивается безнаказанность преступления, — таковы чудовищные замыслы, осуждаемые самой природой».

Проникшие от иудеев в масонство мерзости таковы, что обращают нас к словам Иисуса Христа, когда Он изобличал тех же иудеев словами: ***«Куда Я иду, туда вы не можете придти»*** (Евангелие Иоанна, VIII, 21); ***«вы от нижних, Я — от высших»*** (Ев. Иоан. VII1-23); ***«если бы Бог был Отец ваш, то вы любили бы Меня»*** (VIII, 42); ***«ваш отец — дьявол, и вы хотите исполнить похоть отца вашего»*** (VIII, 44).

XII. Сатанизм и мартинизм. Евреев было много в древнем Риме. Они там являлись главными представителями каббалы и сродных с ней — магии, чернокнижия, волшебства или, как тогда говорили, халдейства. Проникая в тайные общества того времени, евреи заражали их всем развратом чувственности и сатанизма Азии.

Говоря об ужасах и нечистоте, которыми в Риме оскверняли себя неверующие, апостол Павел (посл. к Римлянам, I, 25-27) свидетельствует: **« *Они заменили истину Божью ложью, поклонялись и служили твари вместо Творца, который благословен во веки, аминь. Потому предал их Бог постыдным страстям: женщины их заменили естественное употребление противоестественным; подобно и мужчины, оставивши естественное употребление женского пола, разжигались похотью друг на друга — мужчины на мужчин, делая срам и получая в самих себе должное возмездие за своё заблуждением*.**

Явления того же рода заражают и масонство, особенно в ложах, исключительно для одного пола. Смешение же обоих полов в других ложах, пятнаемое всяческим мракобесием и пренебрежением к человеческому достоинству, не может, в свою очередь, не вести к разврату.

Пропаганда свободной любви наравне с отрицанием брака и отечества в революционных кружках части нынешней молодёжи, доведённой до презрения к науке, равным образом рисует пред несчастным и обманутым юношеством такой «рай земной», когда в алюминиевых дворцах, среди бесконечных пиршеств и балов «сознательный пролетариат» будет разводить чужих жен и мужей по отдельным кабинетам...

«Секта измаилитов неизменно существует на Востоке, — пишет Клавдий Жанэ.., [38] — Здесь есть и тайные общества, сохранившие синкретическое учение равно как допускающие «посвящение» христиан наравне с мусульманами. Многие европейцы в наши дни, удостоившись такого посвящения в своих экскурсиях по Леванту, приобретали затем особое уважение в масонских ложах Европы или Америки столько же ради их высокого ранга, сколько и в виду глубины их противохристианских чувств. Не чужда масонству и еврейская дерзость противоречий. Известно, что мартинизм (так именуемый по имени Сен-Мартена) в действительности основан учителем Мартена евреем Мартинецем Паскvalidисом (Пасхалисом), а затем был вдохновляем евреем же Калиостро. Пропагандируя возврат к законам природы, т.е. в сущности к свободной любви и отрицанию требований культурного общежития, мартинизм ради освобождения личности исключает всякую власть, патриотизм и семью, Согласно с этим он принимал важное участие в самом замысле о революции во Франции, а затем разыграл кровавую роль в дни террора. Тесно связанный с иллюминатами и масонами, мартинизм Dei gratia ведёт себя от фантастических каббалистов — Розенкрейцеров, а через них и от Тамплиеров.

Только, памятуя об этом, возможно себе представить, каковы на самом деле христианские мартинисты — наполовину гностики, а наполовину каббалисты.

Тем не менее, официальный орган мартинизма, «l'Initiation», в августе 1899 года, напечатал речь одного из своих коноводов, произнесённую при открытии новой ложи, где, между прочим, значится: *«В настоящее время мартинизм разнёс яркий свет христианского иллюминизма по всем странам земного шара. Мы встречаем мартинистов и в Китае. Здесь они ставят себе задачей посвятить в иудео-христианский эзотеризм последних представителей древней цивилизации — Лемурии... Точно также в Центральной Азии мартинисты подают руку помощи бабистам, равно как и всем тем, кто отдаёт тело и душу на борьбу с царством меча, чтобы ускорить торжество правосудия и любви. Наконец, мы имеем счастье поставить верховный совет наш в известность об учреждении в Сан-Франциско первой китайской ложи мартинистов, на которую возлагаются большие надежды, как на связь нашего ордена с обществом «Тунга».*

Небезызвестно, однако, что именно тайное сообщество «Гунга» выделяет шайки «Больших Кулаков» в том же самом Китае.

XIII. Грядущее нашествие монголов. Японские победы в Манчжурии поднимают против европейцев чреватый угрозами, воинственный энтузиазм всех народов Востока — семитов, монголов, желтолицых, равно как и помесей между ними. В своих кровавых сновидениях о недалёком и страшном возмездии белым завоевателям ненависть разноцветных племён одинаково направляется как на того, кто ставит себе целью приобщить их к европейской цивилизации, так и на провозвестников веры Христовой. Дикие, но прозорливые желтолицые Азии смешивают в своей ненависти культуру Европы и Евангелие Христа. И, что всего опаснее, дикари не заблуждаются, потому что наша гражданственность и христианская религия связаны неразрывно.

XIV. Происхождение масонства. «Зогар» и его космогония. Левая или зловещая каббала. Установив изложенное, нельзя для полноты картины умолчать и о том, что наравне с иудаизмом масоны впадают в каббалистику цифр, букв и слов. В этом ещё раз наблюдается отражение того всемирно-исторического факта, что жизнь человеческих обществ движется только путём видоизменения пережитков. Отсюда явствует, что и само масонство не есть что-либо новое.

Обоготворение полового инстинкта под видом созидающего и воспринимающего начал вселенной; оскотинивание человеческих масс под предлогом возвеличения «посвящённых» над невеждами; тирания сокровенных владык и варварство деспотизма самих тайных сообществ яко бы во имя свободы; наконец, подлость и зверство преступлений, неизменно отмечают своё шествие на протяжении веков оскорблениями человеческой природы, равно как всех присущих ей упований на высокое и прекрасное.

Мы видим сходные с масонством черты уже в таинствах Изиды и Озириса, в мистицизме Адониса и Астарты, в чародействах Халдео-Сирии, среди фаллического культа Баал Фегора, как и в культе

ктеиса, в ритуальной проституции и человеческих жертвоприношениях даже в Карфагене, в Элевзинских таинствах и в ритуале Митры и в вакханалиях Рима, в жестокостях таких последователей азиатского, преимущественно семитического оккультизма, какими являлись не только Гелйога-бал, Нерон или Диоклетиан, но и Адриан и сам Марк Аврелий, в гностицизме и манихейстбе; у измаилитов Египта и у друзов Ливана, у альбигойцев и тамплиеров, у розенкрейцеров и мартинистов, у бабистов и у последователей «Высокой Просеки» (La Haute Vente), у европейских и американских масонов и, наконец, в тайных обществах Китая и Японии. [39]

Ужасающее и нелепое, отвратительное и смешное переплетаясь в оккультизме, дают, между прочим, евреев-зогаристов или франкистов либо низводят кагал в мракобесие над «тридцатью двумя таинственными премудростями», каковыми почитаются двадцать две буквы еврейской азбуки и первые десять чисел.

Что же касается трактата «о десяти сефиротах», или числах отвлечённых, под которыми разумеются самые общие и необходимые формы всего существующего, так сказать, категории вселенной, а также о том, как, принимая всё более материальный характер по мере своего удаления от общего источника, они произошли из Первоначальной Единицы, то «Зогар» учит так:

Проистекая из предвечной субстанции, первый сефирот именуется диадемой. Через него бесконечное освобождается от конечного и становится само собой в наиболее полном сосредоточении своих сил и качеств. Из диадемы одновременно возникают два новых атрибута: разумение — принцип мужской и смышленость — принцип женский. Эти рождают сына — знание, которое, впрочем, не имеет отдельного существования. Эти три первые сефирота образуют неразделённую тройственность, под которой разумеется безусловно единое бытие, вечный разум или творческое слово, равно как и то понимание, какое разум имеет о себе самом. Из смышлености возникают два следующие сефирота — милосердие, или величие, и правосудие, или могущество, объединяемые в третьем атрибуте и в их общем средоточии — красоте, сказанные три сефирота со своей стороны представляют вторую тройственность, равным образом неделимую. Засим проистекает третья тройственность того же характера. Эта, последняя, слагается из славы сак принципа чисел, торжества как принципа действия, и первоосновы сак принципа зарождения. Десятый сефирот, именуемый царственностью, есть верховная гармония, сочетающая все предыдущие сефироты. В свою очередь три упомянутые тройственности отражаются в единой, более возвышенной, тройственности: диадема, или бытие абсолютное; красота, или бытие идеальное и царственность, или видимое бытие в природе. Обладая в этот момент совершенным познанием себя самого, Божество становится «человеком идеальным или божественным». Имя ему Адам Кадмон.

Возродив, таким образом, самого себя, Божество порождает и вселенную. Она бьёт ключом из Его чела. Преемственность эманации, начинаясь ангелами и духами и завершаясь материальными формами, равно как стихийными элементами природы, происходит для самого Божества через постепенное развитие незыблемых форм, возникших из Адама Кадмона. Эти формы, числом десять, также называются сефиротами.

«Первый из них, — говорит Иосиф Франк (глава франкистов), есть дух Бога живого или вечная божественная премудрость, равнозначная Слову или Глаголу. Второй есть веяние или дыхание разума, внешний признак мысли и слова, или иначе — воздух, на котором, согласно выражению текста, вырезаны и начертаны буквы еврейского алфавита. Третий сефирот — вода, порождённая воздухом, как воздух в свою очередь рождается из голоса или слова. Сгущенная и сжатая вода производит землю, глину и мрак, как и самые грубые элементы этого мира. Четвёртый сефирот — огонь, который является тончайшей и прозрачной частью воды, как земля представляет её грубую и непрозрачную часть. Из огня Бог создал трон своей славы, равно как небесные колёса, т.е. шары, рассеянные в пространстве, а также серафимов и ангелов. Путём соединения вечных элементов был воздвигнут дворец или храм Божества, пребывающий отдельно от вселенной. Наконец, четыре основные страны света и два его полюса представляют остальных сефиротов».

Во всей полноте своей происходя от Бога, созданное не способно являться ничем, кроме деяния любви. В той бесконечной цепи, где Адам Кадмон есть первое звено, а грубая материя — последнее,

существует понижающая прогрессия, где несовершенство тем очевиднее, чем предмет больше удалён от первоисходного начала.

Однако, ни над чем в природе нет проклятия, ничто не подвергнуто осуждению. Жизнь не есть падение человека, как и зло не особый принцип, а только омрачение добра.

Сатана имеет лишь мимолётное владычество. Через разные ступени искупления он должен вернуться к бесконечному Бытию. Сама преисподняя в конце времён обратится в приют наслаждения.

Ангелы, в свою очередь, занимают немалое место в каббалистическом символизме. Впрочем, эти воображаемые существа не имеют личной власти. Как простые силы, они безустанно движутся в одном направлении. Хотя и совершенно чистые, они всё-таки — лишь орудия, исполняющие предустановленную задачу, и, значит, уступают свободному и ответственному за свои действия человеку.

Противоречие с Пятикнижием учения каббалы заключается в её пантеизме, хотя видоизменённом и туманном. Это учение носит печать заимствования у Зороастра и Пифагора, да и вообще из маздеизма и эллинизма, равно как из разных мистических сект Азии.

Стараясь, тем не менее, примирить каббалу с Пятикнижием, её приверженцы утверждают, будто в Писании, независимо от буквального содержания, заключается сокровенный смысл в нескольких модуляциях. К сожалению, мы не можем останавливаться на этой проблеме. Заметим только, что для раскрытия изобретённого таким образом таинственного смысла придуманы разные способы и приёмы, из которых в так называемой символической каббале главнейшими признаются: а) гематрия (геометрия), которая распадается на арифметическую и фигуративную. Она объясняет слова по их числовому значению либо внешнему виду; б) нотарикон (от латинского notare). Он состоит в том, что из начальных или конечных букв нескольких слов делается одно, которое и объясняет их внутренний смысл, или, наоборот, из букв одного слова составляется несколько новых слов; и в) темура или анаграмматическая перестановка букв. Она бывает разного рода: во-первых, буквы, заключающиеся в одном слове, перестанавливаются по произволу для образования другого. Например, из Малахии (Мал-хи — по-еврейски) выходит Михаил. Во-вторых, буквы этого слова заменяются другими так, что вместо первой буквы азбуки, становится последняя и наоборот, вместо второй — предпоследняя и наоборот, и т.д. Посредством этого способа (он называется ат-баш) слово Сесак у Иеремии, значение которого неизвестно, читается как Бабель, т.е. Вавилон. В-третьих, двадцать две буквы еврейской азбуки пишутся в две строки, по одиннадцати в каждой. Вслед за тем двенадцатую букву ставят на место первой и наоборот, тринадцатую — на место второй и т.д. Этот способ замены букв называется албам. В-четвёртых, каждая буква слова заменяется другой, непосредственно следующей за ней по азбучному порядку, т.е. «б» заменяет «а», «в» заменяет «б» и т.д. Вообще же говоря, каждая буква может быть переставлена или заменена другой 231-м способом.

Понятно, что таким образом каббалисты находят в Писании всё, что им вздумается.

Независимо от символической, есть реальная каббала, распадающаяся на теоретическую и практическую. Объяснение увлекло бы нас слишком далеко.

Раньше мы уже говорили о Сефер-Иецирахе. Этот отдел каббалы соответствует «истории книги Бытия», т.е. первой книге Моисеевой (Маассех берешит). Несравненно более обширная, вторая книга каббалы, называется Зогар или «История Небесной Колесницы» (Маассех меркабад), о которой повествуется в видении Иезекииля. Сефер-Иеци-рах приписывается то Адаму, то сподвижнику свирепого Бар Кохэбы, не менее кровожадному рабби Бен-Акибе. Автором же Зогара называют Симона бен Закхея. И то, и другое ни на чём не основано. Действительное же происхождение каббалы теряется во мраке веков.

Сверх того, что о древних каббалистах сообщает талмуд, мы ничего не знаем об этом учении евреев до X столетия по Р.Х. Позже среди выдающихся каббалистов известны: Саадиа Гаон, Моше бен Нахман и Моисей Лионский (XIII века), при котором «Зогар» впервые стал известен в Европе; Меер бен Габаи и Иосиф Каро — знаменитый составитель поныне действующего еврейского катехизиса — «Шулхан-Аруха»; Соломон аль Кабец, Моисей Кордуэро, Исаак Луриа и другие.

Из христианских писателей первым, кто открыл Европе название и само существование каббалы, был Раймон Люлль (см. его «Ars Magna»). Затем о каббале писали для христиан: еврей Павел Риччи, Пик де Мирандоль («Conclusiones Cabbalisticae», изд. в Риме в 1486 г.) и Рейхлин («De Verbo mirifico», Базель, 1493 г. и «De Arte Cabbalistica», Гагенау, 1517 г.). Из более же древних адептами каббалы являлись: Акиба, Филон, Авиценна и Корнелий Агриппа. Из позднейших можно назвать: Парацельса, Роберта Флуда, Фан-Гельмонта и Якова Бема, а с XVI века — Постеля, Пистолия, Вуазэна, Кирхера, в особенности же— Розенрота («Cabbala denudata», Зальцбург, 1677 года и Франкфурт, 1684 года). Наконец, из самых новейших авторов упомянем Фрейштата, Толлука, Адольфа Франка и аббата Чиарини.

Каббалистические идеи до половины XVII столетия имели значительное влияние на обработку богословия, философии, естественных наук и медицины. В Средние века, Европа утратила последние следы науки и умозрения. Разрушенная и прогнанная из христианского мира греко-римская цивилизация почти совершенно исчезла. Лишь кое-какие литературные и философские обрывки нашли убежище у арабов.

В Европе уровень человеческого разума пал так низко, что мистические и религиозные варварства могли развиваться свободно. В сокровенных знаниях люди видели высшую мудрость. Отсюда — всеми классами общества постепенно овладели: астрология с её гороскопическими звёздами и предсказаниями будущего; алхимия с философским камнем и эликсиром вечной жизни; демонология с дьявольскими чарами; магия и её мрачные талисманы; онейрократия или наука о сновидениях; теургия и гоэтия — науки о сношениях с добрыми и злыми духами; некромантия — искусство вызывать мёртвых; колдовство или порча — сверхъестественное мастерство с помощью воплощённого дьявола; тавматургия — наука о чудесах; мистицизм всякого рода с его миром несметных духов; хиромантия, аэромантия, гидромантия, пиромантия и иные разные виды человеческого безумия.

В старые времена, например, во Франции большинство врачей и астрологов были евреи. Эти познания распространились среди «избранного народа» ещё от дней пленения вавилонского. Именно евреи являлись главными продавцами любовных напитков ещё весёлым дамам древнего Рима. Знакомство же с судебной астрологией, чем те же евреи весьма гордились, с одной стороны, и добытые тёмными путями богатства, с другой, являлись причинами тех насилий и преследований, о которых сохранила память история. Народы вымещали своё негодование над обладателями тайн для всяческих злоупотреблений и эксплуататорами невежества, чернокнижия и обмана.

Гностицизм, арианизм, манихеизм в свою очередь произошли из каббалы, неловко обнародованной. Каббала — мать знаний сокровенных и учение гностиков, как еретичество, до гнусности усилившее разврат нравов и заблуждения разума, родились от каббалистов. Гностицизм, изобретённый, как выше сказано, евреем Симоном Волхвом, унаследовал свою теургию через каббалистов от халдеев. Раввины в талмуде поучают нас, что все члены великого санхедрина были последователями магии; что, происходя из Урала, страны сабеев, сам патриарх Авраам занимался некромантией и научил этому искусству своих жён и сыновей, и что, наконец, по примеру Авраама Давид был также приверженцем магии и астрологии.

В Средние века тайны Эноха, книги Гермеса и каббала были в большом почёте у алхимиков.

Через завесу иерархических и мистических аллегорий древности; сквозь мрак и причудливые испытания волшебных «посвящений»; за печатью в свою очередь священных письмен на развалинах Ниневии и Фив, равно как на почернелых лицах сфинксов Ассирии и Египта; в странных эмблемах сочинений по алхимии; среди обрядов восприятия, применяемых современными тайными обществами, мы неизменно встречаем доктрину, повсюду тождественную и укрываемую тщательно. Входя в теурию высших магических посвящений, эта доктрина, несомненно, та самая, какую исповедуют евреи в своей каббале. Они восприняли её от халдеев-сабеистов, происшедших от Хама и, стало быть, являвшихся наследниками сыновей Каина.

«Учение каббалы, — свидетельствует столь бесспорный авторитет, как Элифас Леви, — является догмой и философией высшей магии. Сокрытое под именем каббалы, оно указано как в священных

иероглифах древних храмов, так и в мало известном доныне ритуале масонства древнего и современного. Всё, что есть научного и воистину грандиозного в мечтах и верованиях иллюминатов Иакова Бема, Сведенборга и Сен-Мартина заимствовано у каббалы. Ей именно обязаны своими тайнами и символами масонские ассоциации. Только каббала освящает союз мирового Разума и божественного Слова. Она одна владеет ключами настоящего, прошедшего и будущего». Жаль, что Леви умалчивает об одном: **кровь человеческая есть основание всяческих проделок магии.** [40]

В период Средних веков евреи как вернейшие хранители секретов каббалы почти всегда являлись и ординарными, так сказать, профессорами магии. Представляя на земле духа тьмы (Ев. Иоанна, VIII, 44), они были предуказанными его миссионерами и главными наставниками сокровенных знаний. Следовательно, допуская в свои главари евреев-каббалистов, всякое сообщество тайн и разрушения тем самым отдаёт себя во власть наследственным хранителям учений, приуроченных к его сокрытой цели. Вот чего не ведает чернь «посвящённых». Всякий же понимающий и серьёзный адепт, преклоняясь пред такими евреями, не может, однако, не сказать себе: «они наши истинные отцы в познании».

Таким образом раскрываются горизонты, куда масоны и евреи хотели бы вернуть человеческие стада, когда совершенно захватят господство над ними.

Этому результату, без сомнения, немало способствуют евреи-зогаристы. Ещё в XVIII столетии они успели приобрести большое влияние при польском и австрийском дворах. В царствование Августа II и Станислава II Понятовского означенные сектанты — иудеи, изрядно размножившиеся, крестились. Знатнейшие магнаты, являясь воспреемниками, давали новообращённым свои фамилии с лёгкими искажениями, но без титулов.

Сам же Франк, высылаемый то из Вены, то из Брюгена, то из Оффенбаха, окружал себя царским великолепием и таинственностью. Придворный штат его состоял, по крайней мере, из тысячи исключительно крещёных евреев. Как и относительно Калиостро, никто не знал, откуда берутся необходимые для жизни средства... Франк умер 78 лет в 1797 году.

С течением времени смешанные браки, подлог документов и подкуп доставляли франкистам дворянство, а иной раз и графский титул. Сливаясь таким образом с кровной польской знатью, франкисты отнюдь не разрывали и своей связи с кагалом.

То же самое делали мараны и сефардимы — крещёные евреи в Испании, которые с эпохи Фердинанда и Изабеллы, т.е. с конца XV века, до дней французской революции, значит, в течение трёхсот лет, считались христианами, а по объявлении в 1791 году равноправия внезапно оказались евреями.

Желая разведать политические тайны секты франкистов, известный директор полиции при Наполеоне I Фуше направил в эту «Quin Essenz der Schelmerei» особых агентов. Увы, он не узнал ничего, так как все его агенты оказались сами франкистами. Здесь мы видим образчик деятельности, быть может, опаснейшей и вместе ближайшей к масонству иудейской разновидности.

С целью выяснить, насколько могло быть искренним крещение франкистов, припомним в дополнение ко всему, нам известному, например, следующее:

Член французской академии граф де Шампиньи в своём прекрасном труде «Rome et la Judee», говорит так:

«Евреи не только отвергли христианство, но и для искоренения его предпринимали всё, что могли. И они это сделали именно потому, что не признавая человеческого достоинства ни в ком, кроме самих себя и будучи совершенно чужды Божественной религии милосердия и самоотвержения, возвещённой Иисусом Христом, они видели в ней лишь отрицание присвоенной ими себе монополии на эксплуатацию мира.

Не только в самой Иудее, а и вне её, в Риме, в Азии, в Греции, в Македонии, в Понте, в Галате, в Каппадокии, одним словом, повсюду, христианские церкви, с каким бы благочестием ни относились они к воспоминаниям и легендам иудаизма, неизменно встречали в синагоге свирепого врага, который ради удовлетворения своей мстительности не брезгал ничем и ни перед чем не

останавливался. Чтобы задушить христианство в колыбели, синагога одинаково взывала: к Моисею и Юпитеру, к своему санхедрину и к языческим жрецам; к старейшинам Израиля и к римским проконсулам; к застарелому памятоизобилию мозаизма и к страстям идолопоклонства; к народному изуверству и к половым слабостям; к самолюбию аристократии и к подозрительности тиранов; к суду и кинжалу, к цезарю и к бунту!..»

Имея возможность проникать повсюду, между прочим, как титулованные христиане, франкисты подготовляют революцию в той или иной стране, необыкновенно, через проникновение в её политическую полицию, или же, по крайней мере, успевают парализовать её деятельность. По-видимому, главным образом среди франкистов избираются те заправилы масонства, которыми направляются мероприятия лож к ниспровержению государственного строя. Такие замаскированные коноводы числятся, тем не менее, лишь заурядными масонами, и для исполнителей своих злодейских повелений остаются неизвестными.

XV. Масоны, евреи и первая французская революция. Многое следовало бы ещё сказать о революционных экспериментах масонства, хотя бы начиная с иллюминатских конвентов 1782 и 1785 годов, на которых была решена Французская Революция и участь Людовика XVI. Но пока и предыдущего кажется довольно. Заметим разве, что, несмотря на участие еврея Элиаса Ашмоля в организации масонства ещё между 1646 и 1648 годами в Англии, и на выдающуюся роль евреев Мартинеца Пасхалиса, Калиостро и некоторых других в сведенборгианизме, иллюминатстве и мартинизме, сыны Иуды до 1782 года в масонские ложи не допускались. Лишь в этом году на конвенте в Вильгельмсбаде незначительным, впрочем, большинством по инициативе Вейсгаупта запрет был снят. Конвент, судя по доводам Вейсгаупта, руководствовался, однако, совсем не симпатией и не каким-либо доверием к либерализму сынов Иуды, а их ненавистью к религии и учреждениям христиан. Странствуя повсюду, отличаясь пронырливостью и беспринципностью, представляя собой лучшую в мире тайную полицию и будучи заинтересованы в успехе революции, которая им даст равноправие, евреи, по мнению Вейсгаупта, должны были стать незаменимыми союзниками в замысле превратить французское королевство в республику, а благоволившего к евреям же короля — казнить на эшафоте.

Теперь уже ни для кого не тайна, какова была роль масонов и их сподвижников во Французской Революции, Гарра, Бриссо, Байли, Камилл-Дюмулен, Кондорсэ, Дантон, Шанфор, Мирабо, Барнав, Ларошфуко, Монталамер, Гильотэн, Марат, Робеспьер и многие другие были масонами.

Следующие факты представляются не менее знаменательными: [41]

До 1787 года членами лож состояли исключительно люди известного положения и образования: аристократы, артисты, писатели, негоцианты, представители буржуазии, даже мелкой, но низшие классы отсутствовали. Вдруг, с 1788 г. ряды масонов начинают заполняться мастеровыми, уличными бродягами, всякими подозрительными личностями, профессиональными ворами и убийцами. Внезапно но приказанию Великого Мастера Ордена, герцога Орлеанского, солдаты французской гвардии массами принимаются в масонство, вследствие чего офицеры-масоны покидают ложи, чтобы не встречаться там на равной ноге со своими подчинёнными.

За несколько лет до революции ложи Парижа и всей Франции были обращены в иллюминизм через посредство ложи «Соединённых Друзей», находившейся на улице Суридьер и председательствуемой неким Савалетом де-Ланж (Savalette de Lange). Этот, последний, заслуживает более подробного упоминания, как особенно выдающийся среди тех предателей, окружавших Людовика VXI, благодаря которым, быть может, Революция вместо преходящего кризиса обратилась в государственный переворот и закончилась казнью короля. Этот Савалет де-Ланж состоял хранителем королевской казны (garde du Tresor royal), но впоследствии, когда настал известный момент, вдруг является террористом. Вот что пишет о нём Баррюель («Memoires», t. V, chap. XI):

«Среди лож «Великого Востока» одна, называвшаяся Ложей «Соединённых Друзей», была специально предназначена для ведения иностранной корреспонденции. В этой ложе особенно выделялся знаменитый революционер Савалет де-Ланж. Этот масон заведовал «королевской

казной». Будучи облечён наибольшим доверием монарха, какое может заслужить самый верный подданный, он в то же время принимал участие во всех тайных обществах, во всех ложах, во всех заговорах. Чтобы все их соединить, он сделал из своей ложи смесь софистических, мартинистских и масонских систем. Но чтобы привлечь в свою ложу блестящую толпу и тем замаскировать свою настоящую деятельность, он сделал из неё также место роскошных забав и увеселений, куда съезжалась блестящая аристократия того времени, причём французская гвардия охраняла порядок вокруг места собрания, которое совершалось «под покровительством самого короля». Но блестящее общество, предававшееся невинному веселью, не подозревало того, что в нескольких шагах от него работал секретный комитет, жертвой которого оно же вскоре и должно было пасть».

Среди событий Французской Революции существует один факт, возбуждающий всеобщее изумление, непонятный историкам, от которого и Наполеон, уже будучи на острове Св. Елены, не мог придти в себя, а именно: что побудило Людовика XVI, почти уверенного в победе, в самый разгар борьбы послать из Собрания (Assemblee) швейцарцам, защищавшим Тюльери, приказ «положить оружие и вернуться в казармы»? Если бы этот приказ не был отдан, из «Французской Революции» ничего бы не вышло, кроме одного из тех кризисов, какие уже не раз переживала монархия,

Нам говорят, что этот приказ, хотя и не написанный рукой короля, но подписанный им, хранится в музее Корнавале (Cornavalet). Вот его подлинный текст: *«Король приказывает швейцарцам положить оружие и возвратиться в свои казармы»*. Подпись: *«Людовик»*.

Тем не менее, всё ещё остаётся сомнение, чтобы Людовик XVI, несмотря на свою, всем известную бесхарактерность, действительно в разгар борьбы отдал приказ, несомненно погубивший его и приведший в изумление швейцарские войска, которые не хотели верить, что этот приказ исходит от короля. Депутат Шудьё (Choudieu), впоследствии член Конвента, вотировавший смерть Короля, торжественно заявил в своих мемуарах, недавно опубликованных, что, находясь всё время вблизи короля, он уверен, что король не передавал такого приказа, то никто за это время даже не приближался к нему, что он не был расположен сдаваться, а, наоборот, со шпагой в руке сам готов был принять участие в борьбе. [42]

Приказ же, подписанный королём, на который ссылаются, был дан лишь по окончании борьбы остаткам уцелевших швейцарцев. Но что же в таком случае совершил подлог? Кто отдал именем короля в самый разгар борьбы приказ, погубивший монархию?

На этот вопрос может быть только одни ответ: Савалет де-Ланж не был единственным предателем среди лиц, окружавших короля и королеву. Между ними был и Неккер — министр финансов, и его жена и многие другие.

Условия, при которых был произнесён смертный приговор над Людовиком XVI, представляются не менее загадочными. Но здесь существование подлога и подтасовки вполне очевидно.

Согласно некоторым свидетельствам, [43] смерть Людовика XVI была решена ещё в 1782 и 1785 годах на всемирном конгрессе масонов, созванном Вейсгауптом в Вильгельмсбаде, и на собрании масонов же во Франкфурте на Майне. Важные решения были приняты на этих собраниях, а некоторые из участвовавших в них были так поражены тем, что там происходило, что навсегда покинули ложи. Некоторые же члены лож, на скромность которых не рассчитывали, были умерщвлены какой-то таинственной рукой. Граф де Вирьё (Virieu) после участия ещё в конгрессе 1781 г. в качестве делегата от французских масонов решается покинуть масонство и говорит барону де-Жилье: «Я не могу открыть вам того, что там произошло; скажу только, что это серьёзнее, чем вы думаете. Заговор, который составляется, так хорошо обдуман, что Монархии и Церкви нет спасения»... [44]

Во всяком случае, согласно новейшим серьёзным исследованиям, посвящённым этому вопросу, но доныне, увы, слишком мало распространённым, можно, вопреки тому, чему нас всегда учили, с уверенностью сказать, что Конвент, в своём законном составе никогда не приговаривал к смерти Людовика XVI.

Король французский в действительности был приговорён к смерти во Франкфурте на Майне.

В статье, напечатанной в «Revue de la Revolution» и, к сожалению, очень мало известной, Густав Борд (Gustave Bord) [45], двадцать лет работавший над историей Революции, доказывает, что смертный приговор над Людовиком XVI был вотирован, помимо желания Конвента, только потому, что среди голосовавших 14 голосов были подставными, принимавшие, однако, участие в голосовании, иными словами, благодаря грубому обману и подтасовке. И при всём этом смерть короля была решена большинством только в один голос.

Историк G.Lenotre приводит по этому поводу следующее, письменное показание члена «Инсуррекционной Коммуны» Горэ (Goret): *«По чьему распоряжению были приняты все эти предосторожности* (касающиеся голосования), *мне неизвестно. В совете об этом никогда не было речи, и я всегда думал, что какая-то тайная и могущественная партия действовала в этом случае без ведома мэра, который на этом же совете, однако, председательствовал?* [46] *Такими средствами достигнута совершённая 21-го января 1793 г. под охраной невиданного до того дня стечения войск казнь короля в городе, где из восьмидесяти тысяч постоянных жителей не нашлось бы и двух тысяч, желавших смерти монарха, но где зато были люди, более тридцати лет совершавшие в ложах символическую казнь над манекеном Филиппа Красивого*».

Своекорыстными шпионами, пособниками и «содержателями» масонства в период Революции являлись тьмы «избранного народа».

Если из презренного состояния, где они находились, евреев нельзя было сразу выдвинуть в первые ряды жрецов гильотины, то сами сыны Иуды отнюдь не зевали. Подрывая государственный кредит Франции, «блистательно» играя на бирже и наживаясь от подрядов всякого рода, грабежом «большой скорости», они постепенно перешли в роль факторов и кредиторов государств. Затем уже шаг за шагом они подготовили нынешнюю революцию в России, где, без всякого сомнения, явились запевалами и даже коноводами, впрочем, до первой встречи с несколькими казаками...

Разница этим не исчерпывается. **Революция во Франции шла во имя любви к родине и под знаменем отечества. Еврейская же революция стремилась прежде всего опозорить нашу родину, объявляла себя вне отечества и топтала цвета нашего флага в грязь или разрывала его в клочья. «Знаменем» же для своих будущих рабов эта кагальная «музыка» избрала красный флаг как эмблему тех потоков крови, которыми завалила нашу истерзанную страну, дабы на её развалинах создать исключительно своё, еврейское, благополучие. "Сознательный же пролетариат», не в пример прочим, получить от благодарного еврейства и особое отличие зелёными тряпками в награду за содействие к подтасовке выборов, из которых «законодателями» русского народа повыходили в весьма ядовитой дозе ставленники всемирного кагала и ожидовелого масонства...**

Соображая изложенное, позволительно, наконец, спросить, — неужели оккультизм и разврат, каббалистика и служение еврейству могут исчерпывать жизнь масонства, хотя бы для большинства его членов?

Очевидно, нет.

В виду факта, что под влиянием сложных причин на Западе душа убивает, и что католицизм не в силах удовлетворять современным требованиям жизни, протестантизм же с его бесчисленными сектами всё более и более индивидуализируется, т.е. производит скорее отрицательный эффект на естественную склонность людей к общению, масонство, двигаясь по пути к столь важной задаче, одним этим должно было в глазах своих близоруких адептов оправдывать своё raison d’etre.

С другой стороны, деятельность философов XVIII веке оказалась достаточной даже и в отрицательном направлении. Новых философских и политических идей Монтескье и Вольтер далеко не доводили до их конечных логических выводов и последствий. Недаром позднейшие, крайние политические деятели обвиняли их в том, что они гадили Люциферу, лишь бы скорее избавиться от Вельзевула.

Постепенно народы разочаровываются и в парламентаризме, потому что в глубину масс стал проникать взгляд на конституцию, представляющую нечто среднее между монархией и республикой, как на сугубую ложь. Действительно, не может быть ничего противнее власти

большинства. Образуясь из незначительного числа сильных, передовых бойцов, а то и просто из мучимых завистью политиканов, такое большинство может быть сплочённым или случайным. В первом случае оно преследует своекорыстные цели, нередко деспотически, и злоупотребляет властью; во втором оно низводит государство до состояния штормующего корабля — с потерянным рулём и деморализованным экипажем. Коноводы приспособляются к обстоятельствам, а слабые поглощаются ими; вся же прочая челядь идёт вслед, обыкновенно не зная, чего она хочет и куда её ведут.

Дисциплинируя и дрессируя своих членов на один лад, масонство тем самым вновь приобретает практический смысл, но, конечно, способствует лишь развитию самой вопиющей из республиканских тираний. Стало быть, оно отнюдь не вправе претендовать на ореол паладина свободы.

Доверие же к конституции даже в теории обусловливается не надеждой, что облечённые властью сами перестанут злоупотреблять ей, а тем, что они будут лишены возможности делать это. Увы, опыт показал обратное. «Избранники народа» по условиям своей профессии могут в большинстве случаев сохранять власть не иначе, как злоупотребляя ею.

«Il a à la Chambre bien de bons gens, — mais le diable entre en eux des qu'ils entrent en séance», — справедливо заметил Мельхиор де Вогюэ.

Социальные реформы запутываются и, вопреки своей настоятельности, не находят решения. Отсюда естественно возникает стремление сплотиться. Масонство даёт к тому возможность. А так как проблемы реформ являются международными, то интернациональный и внерелигиозный характер масонства как нельзя более этому соответствует.

Давно сказано: *«Chaque revolution est une revolution theologique»*, Это положение до такой степени верно, что и у нас «кадеты» насчитывают немало последователей именно в среде духовенства. Невероятность факта отнюдь не мешает его реальности. Здесь, быть может, наблюдается яркий пример справедливости парадокса, что консервативный народ создаётся либеральным правительством. Отсюда, впрочем, не следует, что вожаки «освободительного движения» станут либеральными министрами, как не следует и того, будто свобода есть удел масонства, кагала или социал-демократии.

Выше замечено, что Французская Революция шла под знаменем отечества. Вот почему её социальная сторона отступала на второй план и, во всяком случае, ничего не имела общего с красным флагом. Правда, в каждой революции льются слезы, подчас — крокодиловы, за сирых и обездоленных, как в каждую весну прилетают ласточки. Правда и в том, что наставления депутатам Национального собрания писались при участии 775 масонских лож Франции. Но тогда не было тех грозных социальных опасностей, за ликвидацию которых при благосклонном участии еврейства берутся сейчас ученики третьего класса...

XVI. Ближайшие результаты иудаизации масонства. Дело Дрейфуса — затея возлюбивших кагал масонов. Подготовляя разложение нынешнего строя, современное масонство увлекается на борьбу с тремя противниками: христианским клиром, магистратурой и войском.

Всё это до весьма странно! Сообществу, хотя бы и оккультистскому, раз оно мнит себя учителем государственных людей, не следовало бы, кажется, вызывать на бой столько врагов одновременно...

Руководствуясь принципом избирать прозелитов не из тех, кто может протянуть руку за помощью, а, наоборот, ради целей борьбы, стараясь заручиться людьми влиятельными, масонство, как и еврейство, без сомнения, органически чуждо мечтаниям демократии, хотя и заигрывает с ней. В XVIII и начале XIX в. аристократия, дворянство и армия открыто служили масонам этикетом и рекомендацией. Иные же коронованные особы и теперь не отказываются от высших масонских званий. В 1810 г. из 678 лож Франции 65 были военными, а в 1814 г. из 905 лож — 73. Тем не менее, всё это прошло и быльём поросло. Скандал Дрейфуса и система доносов, организованная при военном министре Андрэ, отнюдь не способны, разумеется, привлечь войска на сторону масонов, хотя бы и никому не было известно, что именно в армии, как оплоте власти и порядка, евреизированное масонство не может не видеть своего врага. Клевета на верных сынов родины — казаков равным образом питается той же застарелой

кагальной ненавистью к армии, независимо от революционных, до крайности наивных, хотя и предательских, домогательств об удалении казаков, равно как об учреждении милиции накануне террора в самой Москве.

Отрицание религии, мечты о новой, «рабочей» юриспруденции и о всеобщем вооружении, в связи с национализацией земли и социализмом производства создают, следовательно, ожидовленному масонству невылазные задачи. Разрешить их, без сомнения, могла бы разве мудрость веков. Тем не менее, масоны и евреи готовы ликвидировать их завтра.

Что на это сказать?

«Чудесный невежда» Вольтер говорит в своём философском лексиконе: «Один немецкий почтмейстер спрашивал у меня, действительно ли существует Господь Бог, и просил отвечать с первой же отходящей почтой!..»

Виллиам Шекспир свидетельствует, в свою очередь (Король Генрих VI): «Джэк Кэд — суконщик, помышляет выворотить, вылощить и выделать заново общественное благосостояние...»

В наши дни, увы, такие почтмейстеры и Джеки Кэды бегают стаями, «пошаливая» дальнобойными браунингами из подворотен либо «апельсинчиками» из-за угла, хотя, подобно римским авгурам, не должны бы, кажется, смотреть друг на друга без смеха,.. Едва ли только они засмеются последними!..

При этом, что в особенности трогательно, крайне снисходительны к нам и воистину скромны евреи. За скоропостижную любовь свою к русскому мужику и к счастью России они пока ничего от нас не требуют, кроме слез умиления. Не рано ли, впрочем, «воссияли они во славе своей»?!..

Такое благородство может идти в сравнение, разве с масонским культом гроссмейстера Тамплиеров Жака Моллэ и с казнью манекена Филиппа Красивого. Значение, приписываемое ложам в их бессильной мести за смерть заговорщиков XIV столетия, приводит иных ожидовелых авторов к выводу в XX веке, что и сами масоны — суть преемники «рыцарей Иерусалимского храма». Подтверждением этой гипотезы будто бы является переход архивов и богатств «рыцарей» к ордену «Иоаннитов», ниоткуда, впрочем, не явствующий, кроме завладения англичанами островом Мальта. Подобно итальянским карбонариям и др., тамплиеры служат лишь одним из звеньев той цепи, которая соединяет масонов с кровавым эротизмом таинств Египта, но не более. Что же касается вероломства, то ожидовление масонства не способно, разумеется, дать лучших результатов, чем иудаизация тамплиеров.

«Смесишася с жидовинами и навыкоша поганым делом их», — объяснил бы наш летописец.

Масонство уже в 1758 году во Франции прославляло поражение её в битве под Росбахом и превозносило её врага Фридриха II —гроссмейстера масонских лож в Берлине. Полтораста лет спустя в той же Франции и то же масонство уже в интересах Англии и в целях дезорганизации французской армии поставило для всемирной забавы оперетку «Дрейфусиада».

Ни одно доброе дело, говорили древние, безнаказанным не остаётся. Именно Франции, благодетельнице евреев, суждено было испытать от них же наслаждение процессом Дрейфуса. В начале процесса эмиссары кагала еврей Рейнах и адвокат биржевых акул Вальдек Руссо нагло требовали от президента республики Казимира Перье полного открытия дверей военного суда. Так как государственная измена Дрейфуса главным образом доказывала его «бордеро», которое было добыто французским правительством из германского посольства, то Рейнарх и Руссо хорошо знали, что огласить факт — значит вызвать войну с Германией, не оглашать — всё равно, что оставить изменника безнаказанным.

Президент отказал, и Дрейфус был осуждён единогласно.

Тогда исподволь стали подтасовывать личный состав кассационного суда и даже в председатели определили еврея. Под гнётом кагала пристрастие оказалось столь скандальным, что вызвало специальный закон. Еврейская пресса обоих полушарий неистовствовала, хотя сам Либкнехт, еврей и один из запевал социализма в Германии, признал виновность Дрейфуса печатно.

Новый президент Феликс Фор погиб таинственным образом...

На его место кагал и масоны посадили заслуженного панамиста и слугу Ротшильдов — Лубэ. Образовалось нарочитое «министерство Дрейфуса». Первым министром объявился Вальдек Руссо, а для фальсификации нового состава военного суда министром военным сделали еврея же Галифе. Деньги на подкуп и для обмана газетных читателей собирали повсюду, даже в Москве, в Останкине и Марьиной роще, в Подольске... Что же касается черты оседлости, то здесь стоном стоял еврейский гвалт. «Английская» печать заливала Францию ушатами помоев. Раздираемая внутри, несчастная страна испивала чашу унижения в Фашоде... Жиды из Германии грозили войной. Русские барышни плакали о «невинном страдальце»!..

Тем не менее, Дрейфус был осуждён вновь. Не помогла и жидовская затея подстрелить его защитника Лабори. Сам французский Илевако Деманж устыдился и скомкал свою защитительную речь. На суде Дрейфус вёл себя постыдно.

Ещё позорнее «невинный» закончил, отказавшись от кассационной жалобы и приняв помилование.

«Впрочем, еврейство успело нанести армии и последнее оскорбление. Милуя Дрейфуса по докладу Галифе, сподвижник «доктора панамских наук» Корнели Герца Лубэ сохранил Дрейфусу запятнанный им мундир... как memento inori», — подчеркнул Рошфор.

Такова государственная премудрость кагала.

Изумляться нечему. В Сиаме есть змий гамадриада из породы удавов, и так ядовит, что его укус через пять минут для слона смертелен. Туземцы боятся гамадриады больше, чем тигра или чёрной пантеры. Однако, было бы смешно негодовать на змия. Естествоиспытатель должен изучать его, а не сердиться.

Так и поступал в своём запросе ещё в 1895 году [47] депутат Дени, требуя ответа на тему: «что думает предпринять министерство в виду систематического ожидовления французского правительства».

«Чему вы удивляетесь, против чего негодуете? — говорил Дени. Еврей чем-нибудь, но неизменно торгует, что-нибудь да продаёт. Виновен ли Дрейфус, когда, в известную минуту, у него не случилось ничего иного для продажи, и он был вынужден продать своё отечество?»...

Обратившись к иудаизации правительства, Дени напомнил, как французские министры закатывались от смеха, слушая рассказ наивного депутата, будто пойманные на взяточничестве министры в Англии умерли от стыда... «Действительно, у нас не умирают от стыда, — заметил Дени, — а живут им!..».

В заключение, обращаясь к бешенной скачке курсов даже во время инцидента с Фашодой, Дени сказал:

«Следовало пойти на биржу именно в этот момент, чтобы сподобиться, наконец, омерзительного зрелища, от которого душу воротит. Всякий раз, когда Франция в опасности, когда кровь заливает ей лицо, а слезы текут из глаз, тысячи хищных тварей кидаются на неё со всех сторон и своей гнусной алхимией спешат её кровь и слезы превратить в золото. Научите меня, ради Бога, из каких вертепов, каких банков, каких острогов, каких незапертых по злоумышлению гетто сбегаются эти презренные?!..».

Попытаемся же и мы не возмущаться злорадством евреев, когда, осмеивая нашу скорбь в Манчжурии, они из потоков русской крови и слез так же добывали золото; когда «просвещая» столь излюбленный ими рабочий класс, они останавливали деятельность наших арсеналов и железных дорог, дабы, помешав своевременному прибытию подкреплений в Мукден, потребовать у нас в Портсмуте равноправия; когда у злостно обманутых ими слепых людей, отняв беззаветное благо — любовь к родине, они подстрекнули «сознательный пролетариат» на террор в Москве и по всей России; когда, в заключение, сами своим бесстыдством, вызывая погромы или фальсифицируя их, сыны Иуды измывались над сердцем человеческим, а деньги, собранные единоплеменникам своим, употребляли на плату «дружинникам», на заготовку оружия для бунта либо на изготовление разрывных бомб, которыми, как в Твери, целый фасад здания покрывается кусками мозга или клочьями тела не только никаким законным приговором не осуждённой, но и никем не выслушанной жертвы.

Запомним также «дружескую» услугу ненавидимого в самой Дании, где он родился и проживает, еврея, масона и жидовского патриота Брандеса, нарочито приезжавшего в нашу Польшу подстрекать

население к восстанию против России в самые горькие для нас дни.

Запомним, далее, что, наряду с изобилующими в масонстве протестантскими пасторами, здесь не бывает раввинов; что евреи держатся особо даже в масонских ложах, и что, сверх того, еврейство завело отдельные, исключительно для себя, нередко секретные ложи (во Франкфурте на Майне, в Лейпциге, в Берлине, в Гамбурге). Там же пребывает и жидовский Патриархат «масонов-евреев», откуда потаёнными путями «избранный народ» управляет масонством вообще в целях революционирования и республиканирования остальных народов ради еврейских же интересов.

Научимся не забывать обо всём этом!..

Твёрдо запомним, наконец, безграмотное и дерзкое письмо гроссмейстера масонов, иудея Натана, адресованное жене предателя Дрейфуса вслед за обвинительным приговором суда в Ренне.

Madame Dreyfus, Paris,

«Veuillez, madame, accepter et partecipez a la victime d’une conspiration sectaire la plus profonde sympathie de la Maconnerie italienne, qui souhaite que le triomphe de la verite puisse prochainement vous consoler tout du longue martyre, croiquement souffert». Le Grand Maitre — Nathan.

XVII. Социал-демократия — еврейско-масонский террор. Тогда как масонство представляет среду, где встречаются как члены международного парламента, влиятельные или вообще заметные люди разных классов, верований, национальностей и стремлений, если только они согласны между собой в отрицании нынешнего государственного строя, социал-демократия является той армией, без которой нельзя было бы задаваться исторической проблемой этого рода. Тогда как, с другой стороны, на масонской сцене сходятся еврей-атеист и еврей-цадик, еврей-сионист и талмид-хахам, еврей-анархист и такой вожак консерваторов-аристократов, как Биконсфильд, коноводами социал-демократии состоят преимущественно «свободные мстители» из евреев. Тогда как, наконец, переплетаясь взаимно, масонство и иудаизм рассматривают себя как нечто верховное и незыблемое, «сознательный пролетариат» только временное средство, а потому заранее обречён на погибель.

Как масонство, так и еврейство не имеют в сущности иной программы, кроме отрицательной.

При эмансипации евреев на первый план выдвигается обыкновенно лишь религиозный вопрос. Евреи никогда не отвечают на то, что им говорят и, наоборот, негодуют на то, о чём им не говорят вовсе. Оказав евреям гостеприимство и тем накликав беду на себя самих, все остальные народы, очевидно, желали бы, чтобы праздники иудеев продолжались круглый год. Авось тогда меньше было бы посягательств на чужое добро. Уже во времена Филиппа-Августа, как свидетельствует его историк Ригор, евреи все монополизировали и всё захватили, между прочим, овладев и половиной Парижа: «Fere medieta-em totius civitatis sibi vindicaverunt».

Если мы и наследники революции 1789 года, то совершенно особого рода. Евреи поступили с нами хуже, чем Иаков с Исавом. Они не только не дали нам чечевичной похлёбки, но захватили и само блюдо, предназначив его для казённого пирога.

Однако свобода не состоит в том, чтобы властвовали одни евреи, когда вдобавок они бьют и плакать не велят. Равенство не заключается в том, чтобы на одного еврея, владеющего через обман и подлог тремя миллиардами, приходилось несколько миллионов честных тружеников — неевреев, умирающих с голода. А если это — братство, то ж, несомненно, — каиново!..

В самой Франции истинный властелин — дом Ротшильдов, и никто иной. Две буквы «R.F.», которые вы увидите на щитах и транспарантах или же на гирляндах газа в дни торжеств, означают не «Reublique Francaise». Нет. Это просто вывеска торгового дома. Отнюдь не выражают они собой и государственного разума великого народа. Нет. Они указывают только на социальное значение большого еврейского банка. «R.F.» — значит «Rodschilds freres».

За период в сто лет кагал отнял у французов всё. Придя в лохмотьях, евреи занимают теперь как исторические замки в стране, ими порабощённой, так и лучшие дворцы в Париже; у них же — и королевские охоты, и чудеса искусства...

Что же они дали взамен? Что сделали полезного?

Всё их владычество резюмируется современным положением вещей. Благородный и трудолюбивый народ доведён до отчаяния, потому что все источники идеала и энтузиазма в нём иссякли. Анархия вверху порождает и анархию внизу. Иудейская зараза разъедает организм Франции. Отпечаток еврейства заклеймил себя позором и стал воистину зловещим. Еврей снова позабирал все и вся, а взамен не принёс ничего, кроме опереток Оффенбаха, разумеется. Франция позабыла свои старые традиции, — бескорыстие и великодушие, — для того, чтобы, отравившись еврейским взглядом на деньги, всё относить к деньгам и из денег делать двигатель всего. Постепенно, но неукоснительно Франция стремится воспринять и саму душу еврея, — то самое, что Виктор Гюго называл «ame sordide de juif» — гнусной душой еврея.

Рабочий вопрос есть проблема о превозможении капитала или, точнее, против превозможения капитала. Еврейский же вопрос — ничто иное, как именно такое превозможение в его чистейшем виде, отвлечённое от национальности и религии. Наоборот, еврейская сущность, национальность, и религия — капитал, и ничего больше. Ротшильд и Маркс — два полюса одного явления, капиталистический космополитизм vis a vis рабочего космополитизма с подразумеваемым или явным отрицанием чужих национальностей и религий, но с обоюдным стремлением превратить государства в свои орудия.

«Еврей царствует и управляет во Франции, — говорил Туссенель [48] ещё пятьдесят лет тому назад, — и, несомненно, станет завоевателем в других странах».

Вооружённый талмудом, помазанный, как он думает, свыше на свою миссию обращения в рабство всех других народов и принуждения их служить Израилю; освобождённый предписаниями своей религии от всяких нравственных стеснений и признающий непререкаемыми лишь две обязанности – плодиться и наживать деньги, «полноправный» иудаизм устремился на покорение мира.

Когда в 1870 году, потеряв свои армии и выстрадав поражения под Сен-Прива, Страсбургом, Мецем и Седаном, Франция истекала уже не кровью, а сукровицей, какому вопросу придал наибольшую важность её первый министр, еврей Адольф Кремьё — основатель всемирного еврейского кагала? [49] Равноправию евреев в Алжире.

Но рабы под Висамбургом, Марс-ла-Туром, Гравелотом, Сен-Лрива, Мецом и Седаном мужественно сражались за Францию и тысячами умирали за неё в то время, как евреи на полях битв грабили раненых и умирающих, обездоливали французские войска как поставщики или предавали собственную родину в качестве прусских шпионов. «Не к лицу арабам стоять ниже жидов», [50] — вне себя от гнева воскликнул Ахмет-эль-Мохрани, храбро служивший Франции арабеский вождь и, сорвав с груди орден Почётного Легиона, объявил себя врагом ожидовелых французов. Однако даже при этих условиях Ах-лет-эль-Мохрани поступил благороднее наших революционеров. Восстание арабов началось не раньше, чем по окончании франко-прусской войны, — факт, удостоверяемый документально тем письменным вызовом, который был послан арабами президенту Тьеру после подписания франкфуртского договора.

Правда, из потоков арабской крови, пролитой французами при смирении восстания, евреи вновь добыли несколько десятков миллионов франков, но и рабы дали им себя знать... Быть может, недалеко время, когда иной, более грозный, вождь напомнит о себе и, позволительно думать, с большим успехом. Должны же, наконец, получить возмездие за труды кагального масонства на погибель Франции!..

Кто изменнически убил генералов Леконта и Клеммана-Тома, а зачем опрокинул Вандомскую колонну — славу и гордость французов, которую пощадили даже пруссаки? Жид Симон Майер и его присные кто под эгидой той же коммуны совершал повальные убийства с целью грабежа или поджоги керосином для сокрытия краж, равно как для истребления своих долговых документов? Евреи! Кто подстрекнул, между прочим, на поджог архива франузского министерства финансов, где были сосредоточены единственные по важности и ничем не заменимые документы по «истории» Ротшильдов? Id fecit cui prodest! Кто заправлял коммуной в такой мере, что еврейская собственность осталась неприкосновенной и что ни один из 150 домов Ротшильда в Париже не подвергался

нападению коммунаров? Евреи! И никто, разумеется, не докажет, чтобы осатанелым петролейщицам сожжение архива могло доставить больше удовольствия, чем разгром еврейских дворцов на Rue de la Paix, которые, тем не менее, остались нетронутыми. [51]

Справедливо, должно быть, замечено, что еврею легче переменить отечество, нежели сорочку.

«Существуя только потому, что находится под покровительством христианских законов, еврей умыслил извратить их в свою исключительную пользу, — говорит известный депутат французского парламента Делагэ. — Сперва еврей пользовался нашим простодушным неведением. Теперь он эксплуатирует неумение наше придать определённую форму тому приговору, по существу которого мы уже пришли к единогласному убеждению. Фактор и соглядатай иностранцев во Франции, еврей предпринял разложение моральных сил и захват всех моральных средств нашего отечества, которое он считает новым Ханааном. Настойчивая и строгая, требовательная и бесповоротная, открытая и воздаятельная политика по образцу той, какая предначертана (УКоннелом, Парнеллем, Виндгорстом и Люгером, должна быть и нашим ответом кагалу. Время колебания прошло. Игра в жмурки надоела смертельно. Возможно ли допускать и дальше управление христианским народом по правилам талмуда?!..

«С того времени, как, будучи опаснейшим из тайных обществ, иудаизм одарил человечество при посредстве иллюминатов и масонов французской революцией, политическая власть военных защитников народа и страны заменена под предлогом свободы неизмеримо более тяжким и вдобавок унизительным «финансовым» владычеством его экономических эксплуататоров». [52]

Уже в X веке по Р.Х. в Англии иудеи подобно губке высасывали все богатства страны, препятствуя таким образом её преуспеванию. В настоящее время, проповедуя другим народам терпимость, англичане для самих себя признали иудаизм нежелательным прибавлением и принимают решительные меры против иудейской иммиграции.

Но всё это не мешает «просвещённым мореплавателям» руководствоваться противоположными принципами для остальных государств. Распространившись из коварного Альбиона, масонство под разными наименованиями всюду применяло измену чудовищную самую и самое дикое насилие.

Возводя шпионство в подвиг, а предательство в идеал Вейсгаупт учил, что последователь иллюминизма может делать вид, будто несёт государственную должность, когда он в действительности стремится к уничтожению государства; он даже может служить тем самым властям, истребление которых — его исключительная цель. «Вяжите руки всем сопротивляющимся! — продолжал глава иллюминатов. — Подчиняйте, душите реакцию в корне. Убивайте всякого инакомыслящего. Кричи орлом, как зверь рыкай, но хвост подальше убирай!»...

«Вкрадывающиеся братья» и «братья исследователи», тем же Вейсгауптом учреждённые, внушали спасительный страх и самому стаду иллюминатов.

Обращаясь к тому финансовому бандитству, которое позволяет евреям, никогда не работая, обращать в свою пользу труд других людей, Эдуард Дрюмон спрашивает:

«По какому же праву золотой паук высасывает вся и всё? Как только яйцо снесено, еврейство проглатывает его. Едва копилка наполнилась, «избранный народ» взламывает её. Не успел вздуться шерстяной чулок, как сыны Иуды уже опорожнили его. Не пора ли и нам кое у кого из финансовых королей, на которых все указывают пальцами, спросить, как приобрели они свои чудовищные богатства?..

Не настал ли и в этой области момент, который с таким талантом изображён на картине Кутюра — «Les Romains de la decadence». Оргия достигает переутомления. Куртизанки уже не смеются. В амфорах нет вина, и сами факелы мерцают каким-то сомнительным светом. Опустившись на triclinica из слоновой кости, собутыльники тупо молчат, а розы Пестума увядают на их пожелтевшем от распутства челе... Закутавшись в тоги, стоят поодаль два философа, созерцая с печалью и презрением. О самом зрелище, вероятно, они думают одинаково, но равно не ведают, чем помочь родине...»

Не напоминает ли эта картина современного хода событий, благосклонный читатель?..

Должны ли мы сами расчищать дорогу евреям? Терроризируя нас социал-демократией, почему еврейство не натравливает её на собственных удавов и акул? Как смеет оно скрадывать их деспотизм предумышленное развращение «человеческих стад», навязывая государствам, им же обездоленным, и народам, им же ограбленным, национализацию орудий производства и «национализацию» земли?

Не в 1891-м ли ещё году, по делу о Стародубском погроме, отождествляя свои интересы с задачами порядка в России, кагал сам жаловался как на подстрекателей именно на социалистов?..

Как дерзают евреи на «освободительных» митингах науськивать рабочего на предпринимателя, а мужика на помещика и в то же время замалчивать о себе самих как сознательных и убеждённых в своей правоте, эксплуататорах всякого имущества и всякого труда?!..

До каких же, наконец, пор станем мы терпеть и такое издевательство евреев, когда, по их словам, врагом рабочего и мужика является собственность только в реальной форме — завод, фабрика, железная дорога, земля; между тем как действительным рабовладельцем трудящихся оказывается иудейская биржа с её султанами, захватившими капитал, т.е. прежде всего — золото, деньги и кредит?

Ещё в XIII веке либерально мысливший монарх и покровитель еврейских учёных, император Фридрих II (1215-1250гг.) устранял сынов «избранного народа» от общественных должностей, справедливо замечая, что как только иудею дана власть, так он ею нагло злоупотребляет. В XVII столетии из собственного опыта к тому же выводу пришёл Фридрих Великий, а за ним, на наших глазах и многие другие...

Что же вообще следует сказать о нынешнем положении вещей, когда, повелевая в парламентах, всемирный кагал считает себя выше всяческих должностных лиц и презирает любое общественное мнение уже потому, что через газетных жидов сам его фабрикует.

«Когда вы хотите узнать, чего стоит человек, — говорит Лакордэр, — коснитесь его души, и если нет отклика гимном самопожертвования, то каким бы пурпуром ни была прикрыта она, отвернитесь и уходите — у вас не может быть с ней ничего общего».

В еврейской душе нет отзвука ни на единую ноту из этого гимна.

Монополизация всякого труда «старейшинами многострадальной синагоги», дабы согнуть под иго рабства миллионные массы тружеников-«гоев» — такова «идеальная» проблема еврейского социализма. Ясно, что для борьбы с таким врагом необходим мудрый генеральный штаб и львиное сердце. Увы, до сих пор не достаёт именно таких людей. Кагал же все размножает препятствия и строит все новые баррикады на пути трепетно ожидаемых им гоевских боевых фаланг. Обозвав патриотов во Франции «националистами», у нас — «черносотенниками», еврейство именует будущих против себя вождей «антисемитами». Действительно, было время, когда робкий лепет антисемитизма встречался с пренебрежением и чуть не попал в репертуар Оффенбаха. Найдя, как они полагают, в социал-демократии смертоносное для гоев и унизительное универсальное средство для себя, а засим рассчитывая, по-видимому, на свои собственные и масонские таланты для ниспровержения и самого социализма, буде он дерзнёт их коснуться, евреи, с другой стороны, пытались осмеивать антисемитов. Их учение — «социализм дураков» способно де привести лишь к преуспеванию еврейства, вновь сплачивая его силы перед новым врагом и способствуя дальнейшему расселению сынов Иуды, например, по материку Америки, равно как и по лицу всего земного шара. Сейчас, однако, и в самой Франции евреям уже не до оперетток...

Прелесть французского языка, грозная сила логики, бесконечные ряды поразительных фактов; горделивый полёт мысли, сверкающей как молния; трогательная скорбь об изгнании философа ростовщиком и о замене произведений французского гения жидовской печатью, то есть грязным омутом колоссальных плутней и лупанарных прибауток; суровая и мучительная ирония, разражающаяся громовым негодованием; презрительная, сверлящая насквозь, в болото засасывающая врага диалектика и безысходная печаль о судьбе своей прекрасной родины — таковы основные черты французских исследований о евреях и масонах в наши дни.

Проделав «конституцию со взломом», иудейство врывается и к нам, русским, через эту дверь.

«Равноправность» же, по его мнению, состоит в том, что евреи должны иметь доступ во все профессии и учреждения, во все организации и общественные слои, но иудейская организация остаётся закрытой для неиудеев. В этом смысле, разумеется, только и возможно понимать заявление, сделанное 29 августа 1899 г. «профессором» из Киева Мандельштамом на сионистском конгрессе в Базеле: **«Со всей энергией отвергают иудеи слияние с другими народами и твёрдо держатся своей исторической задачи», —** владычествовать над миром, конечно...

«В уме зело остры, великого пронырства и мрачного зла преисполнены», — сказал Пётр Великий...

Знает еврейство как быть. Везде и всюду еврей — только parvenu, но самое искусство «parvenir» он превзошёл досконально. Обнищав, высшая аристократия, увы, не прочь «позолотить» свои гербы. И вот мы видим картинку: на ариер-сцене, в освещенных a giorno залах, под несколько оркестров музыки и между шпалерами титулованных еврейских лакеев. Несутся пары свадебного бала, на аван-сцене — роскошный альков. Здесь, на шелковом диване, сидит тщедушный и мизерный еврей с лицом орангутанга и головой «редька хвостом вверх». Забавная гордыня отнюдь не мешает ему иметь вид только что выпоротого щенка. «C'est le pere de la princesse!» гласит, однако, заметка под картинкой.

Да, «это папаша княгини!»... Ещё одни князь успел «позолотить» свой герб...

Создавая в других странах измену и смуту, между прочим в пользу Англии, проникновение еврейских капиталистов в масонские кожи значительно усилило мероприятия масонства и немало содействовало захвату мира «просвещёнными мореплавателями». Но через те же масонские ложи евреи захватывают богатства и дела самой Англии. Уже слышатся голоса, проклинающие английские власти как правительство банкиров, из банкиров и для банкиров...

Своим могуществом и процветанием Англия, величайшее после Тира и Карфагена гнездо морского разбоя, обязана, впрочем, пришельцам, т.е. англосаксам и норманам, или же туземцам Валлиса, Ирландии и Шотландии, — кельтам. Что же касается собственно бриттов, то едва ли они вправе приписывать себе многое. Как бы ни радовались они мнимому родству с израильтянами и сколько бы ни проявляли иудейско-карфагенских черт характера, не от них идут деяния английского гения. Наоборот, прославленные на весь мир британское себялюбие и бесчеловечная жестокость к инородцам, бесстыдство в самодовольстве и наглость в обращении; талант искажать чужие языки и неспособность создать собственный, инстинкт хищничества и вероломство наклонностей, — таковы, пожалуй, качества, которыми бритты могли бы защищать своё «божественное» право на всемирное господство.

Впрочем, одну шестую часть они уступают евреям.

Голод обеспечивает за всемирным кагалом или, что всё равно, капиталом такие права, каких не могла утвердить когда-либо за аристократией царственная власть.

Далее по интригам кагала и масонства властные места в государстве поручаются иной раз лицам, которых народ ненавидит. В случае непослушания, таким кагальным ставленникам остаётся ждать одного — судебной кары за раскрытые преступления. Очевидно, что «властителям» этого рода нельзя смотреть на выгоды еврейства иначе, чем на свои собственные.

Всё, что дискредитирует, а значит, и губит власть, тем паче верховную, как нельзя больше нравится иудаизированному масонизму. Так, те же самые «ложи», которыми были гильотинирован Людовик XVI, торжествовали при возвращении Людовика XVIII, навязанного французскому народу беспримерным горем и чужеземными солдатами.

Параллельно этому, унижая достоинство благороднейших народных правителей и отравляя им существование покушениями на их жизнь, еврейство организуется так, что заправилы кагала, масонства и социал-демократии в большинстве неведомы. Избегая, таким образом, всякой ответственности, эти заправилы повелевают массами не только тиранически, а зверски.

При этих условиях заражение государственных организмов так называемой «свободой» — смертоносный яд. Она ведёт к разложению крови. Либералы становятся всё требовательнее и дерзновеннее, пока не доведут государства до анархии и гибели.

«*Человек не ангел и не зверь. Но кто хочет обратить его в ангела — делает зверя*» (Паскаль).

«*Величайшая свобода превращается как для отдельных граждан, так и для целых государств, в величайшее рабство*» (Платон).

При благосклонном участии еврейской прессы напряжённые вооружениями разрастание полицейских штатов должны, по-видимому, приводить государства к тому, чтобы повсюду виднелись одичалые массы пролетариата, несколько преданных евреям миллионеров, полицейские и солдаты да правительство иудейской же фабрикации.

С введением иностранных займов, государственные богатства потекли в еврейские кассы, а «гои» стали платить кагалу всё более тяжкую дань подданства, хотя ещё и не вполне сознают опасность. Внешние займы — это пиявки, которые не отпадают сами от государственного тела. Легкомыслие же правителей, невежество либо продажность министров и «чернокнижие» биржи закабаляют народ неоплаченными долгами, а само хозяйство государств отдают в науку или под начало тому же кагалу.

Уничтожение кустарей и концентрация промышленности в руках капиталистов высасывают на радость тому же еврейству и народные, и государственные силы. Завладевая ипотечным, равно как всяким вообще кредитом, превращая имущество, дела и работу в предметы спекуляции, т.е. в биржевую макулатуру, и обезземеливая сперва высшие, а затем и низшие классы народов, масонский иудаизм постепенно становится монополистом политических прав и владыкой законодательных выборов, а стало быть — и всего управления страной.

Общественное мнение и личная инициатива разлагаются неистовством жидовской печати, её дерзкими, невежественными, вероломными и противоречивыми суждениями про всё и вся в прямом расчете одурачить и осмеять «гоев». Образование и воспитание юношества заменяются по указке кагала «либеральными» безрассудствами, презрением к науке, а затем — ко всему идеальному, высокому и прекрасному.

Раздробление политических партий неумолимо влечёт их под иго еврейское, так как вести соревновательную борьбу нельзя без денег, а деньги — у евреев.

При содействии конституции, иудаизированное масонство становится, таким образом, единственным повелителем, казнит и милует «гоевских» правителей, творит над ними суд и расправу. Как шеф своих войск — либералов, такое масонство по праву мнит себя главнокомандующим. Злоупотребления же правителей властью, при этих обстоятельствах неизбежные, должны в конце концов подорвать всякие учреждения гоев, а затем уже все полетит вверх ногами под ударами обезумевшей от либерализма толпы...

Дьявольский план приковывает народы к неблагодарному и жестокому труду. Бедность охватывает массы людей и гнетёт их сильнее, чем крепостное право и даже, чем рабство. Если ещё возможно освободиться от лакейского звания, то от нужды оторваться нельзя.

В конечном результате, даже республиканские права для подёнщика — горькая ирония.

Нищета не даёт пользоваться ими. Отнимая же гарантию постоянного заработка, «свобода стачек» предпринимателей и товарищей, направляемая евреями и масонами, лишает рабочего всех человеческих прав.

Таковы, в действительности, результаты, ожидаемые иудаизированным масонством как торжество его политики. [53] **Сами евреи в тот омут не попадут, а будут наживаться и верховодить в нём, или же первые взбунтуются...**

Возвращаясь к философской стороне вопроса, мы не можем упустить из вида некоторых мыслей Эдмонда Пикара, адвоката кассационного суда и несменяемого сенатора в Бельгии. [54]

«Над многоразличными, взаимно соприкасающимися вопросами, которые во всех сферах привлекают внимание народов европейской расы и отмечают её неустанную эволюцию, замечаются, — говорит Пикар, — две проблемы общего характера, которые, на подобие атмосферы, проникают и обволакивают все прочие; это — вопрос социальный и вопрос еврейский. Для будущих историков,

они представят собой резюме стремлений конца XIX века. У них нет тех анекдотических приёмов, которые свойственны явлениям частным и преходящим, и которые, каков бы ни был их наружный блеск, представляют лишь метеоры истории. Они похожи скорее на явления геологические, которыми поднимаются и опускаются континенты, изменяются климаты, преобразуются или перемещаются цивилизации. У них столь же величавая и таинственная медленность, внушительное достоинство и непреодолимая сила. Но именно потому, что их эволюция захватывает огромные пространства времени и места и даёт гораздо больше о себе знать тяжестью своей массы, нежели такими подробностями, которые трудно доступны нашим человеческим органам, указанные выше проблемы остаются в непроглядном тумане, отвергаются упорно, возбуждают бесконечные противоречия и долго ждут своего разрешения.

Социальный вопрос представляется более зрелым, чем еврейский, и уже никем не отрицается. Из хаоса «подземных» дней своих он уже «взошёл» настолько, что явился перед нами в бесспорной реальности. Теперь спрашивают не о том, существует ли такой вопрос, а о том, что из него выйдет? Он — тревога и упование миллионов людей нашей расы. В нём вся её будущность. От него станут зависеть все события. Он и молот и наковальня, и разрушение и жизнь. Преобразования, возлагаемые им на современную цивилизацию, в своём величии и напряжении оставят далеко за собой важнейшие событий минувших времён.

Вопрос еврейский распутан несравненно меньше. Он мучает, правда, одни и те же народы. Он раскрывается перед ними с пророческой стойкостью во всей своей наготе и могуществе. Но он пока ещё затянут илом народного инстинкта, этим верным показателем в такой момент, когда раньше всякой науки требуется постигнуть и указать те глубины страдания, для которых лечение необходимо. Если некоторые умы обеспокоены еврейским вопросом давно, то другие, быть может, более многочисленные, отрицают само его существование. Наконец, третьи, не различая в нём ничего, кроме опасности чрезмерного накопления богатств, смешивают его с вопросом социальным и не видят никакой разницы между скупщиком-семитом и скупщиком-арийцем. Тем не менее, вполне очевидно, что раса здесь играет первенствующую роль, что она должна быть основанием государственных мероприятий и что именно пренебрежение этим исходным элементом производило до сих пор европейские законодательства в самые странные заблуждения и порождало грозные опасности».

Холодна в синем море волна
и глубоки пучины морские,
но ещё холодней глубина,
где таятся страданья людские!.. [55]

Завершая исследование об иудаизме в социал-демократии, мы не можем не заметить, что был бы явной несправедливостью упрёк нам в безразличии к участи обездоленных. **Если мысль наша стремится к отрицанию жидовского социализма, то единственно потому, что это учение готовит оскотинивание трудящихся, а не улучшение их судьбы.** Насколько было возможно, среди других сторон еврейского вопроса всё существенное по данному его моменту сказано. Дальнейшие рассуждения выходят за пределы задачи.

Во избежание сомнений мы ещё заметим о социал-демократии две следующее.

А. Источником вмешательства сюда евреев является противоречие между ними и арийцами. Бессмертие души и воздаяние в будущей жизни, представляя само существо арийских верований, не имеют значения для еврейства, поглощённого заботами о собственном благосостоянии уже здесь, на земле.

Раса как главное основание для суждения на пути истории, а в частности, для уразумения еврейской проблемы, игнорируется сплошь и рядом не только либеральными учёными, но и государственными людьми. Это тем более странно, что, покупая собак для охоты, рогатый скот или лошадей на племя, любой хозяин прежде всего, конечно, станет проверять породу, т.е. кровь или расу. Даже «балуя» в тотализатор на бегах или скачках, опытный игрок не позабудет справиться о предках того или иного

«незнакомца»... В политических же мероприятиях, как бы ни были они радикальны, столь коренной вопрос отвергался якобы с научной точки зрения!..

Особенно преуспевают именно в пропаганде космополитизма не для себя, разумеется, евреи.

Между тем, обратимся ли мы к христианским мыслителям например, к Ренану в его «Historire comparee des langues semitiques» или графу Гобино в его капитальном труде «Essai sur l'inegalite des races umaines», либо к самим же еврейским авторам (например, к Брандесу в его «Principaux courants de la litterature aux XIX siecle», или к Биконсфильду в его романах «Tancred» и «Coningsby», или хотя бы в его же «Всеобщем Предисловии», либо в «Жизни Джорджа Бентинка»), мы повсюду видим, что раса есть тот первый критериум в социальных и политических проблемах, без которого невозможно ни уразуметь действительного смысла фактов истории, ни придти к здравому выводу из современного хода событий. Только с момента, когда эта простейшая истина будет, наконец, усвоена, государства и народы перестанут быть посмешищем евреев.

В обширном материале, сюда относящимся и частью указанном в библиографии еврейского вопроса, приложенной к нашему исследованию «Еврейские Речи», можно рекомендовать как ближайшие к предмету два следующие труда: Августа Ширака — «Les rois de la Republique. — Historie des juiveries. Synthese historique», Paris, 1888, и Маврикия Мюре «L'Esprit juif», Paris, 1901; здесь автор даёт замечательную по вдумчивости и меткости характеристику философу Спинозе, поэту Гейне, государственному деятелю Биконсфильду, социалисту Марксу, литературному критику Брандесу и публицисту Нордау именно как евреям. Автор почти, так сказать, исчерпывает категории умственной дисциплины «избранного народа». И какова же получается картина?!..

Да, политикам и социологам необходимо изучать и запоминать произведения этого рода, если они воистину хотят добра человечеству, а не влекут его в тяжкие испытания, гоняясь за газетной славой у рептилий всемирного кагала...

Кровь, порода, раса должны служить почвой для социальных зданий будущего и для подготовительных реформ ныне.

Б. Попытки социализма оправдать себя христианством бесплодны как потому, что евреи и масоны в Христа не веруют, так и потому, что если древний мир задумывался о социализме потребления, то почти что не ведал социализма производства, столь волнующего, однако, людей в настоящее время.

В. Если гению, таланту или даже просто трудолюбию нет места в социалистическом строе, и если под нравственностью здесь должно разуметься лишь нечто случайное, по произволу большинства, то, оставаясь ни при чём, человеческий дух не может с этим примириться.

Г. Неизбежность международности мероприятий, хотя бы исключительно в области животных потребностей человека, сама по себе лишает вопрос надежды на разрешение. Уже одно отрицание собственности не может быть признано за идеал всем человечеством.

Д. Прогресс техники сокращает число рабочих рук, но и в какой-либо одной стране ему нельзя положить предела.

Е. Перепроизводство и безработица не поддаются излечению, а через социализм — всего меньше.

Ж. Социалистическое производство невозможно без кредита, т.е. без эксплуатации масс биржевиками, как бы таковые ни назывались.

З. Промышленность и торговля через мандаринов или чиновников немыслимы.

И. Достоинство человеческой личности, равно как неустранимость яичной инициативы, и, наконец, сама идея прогресса исключают социалистическую тиранию, как бы ни маскировали её жиды-благодетели.

Й. Нет и не может быть равенства между людьми, как на всём пространстве земного шара нет двух тождественных древесных листьев. Посему недопустим иной критерий труда, кроме его производительности. Но одна эта поправка уже ниспровергает, как карточный домик, воздушные замки социал-демократии, построенные на «трёх восьмёрках».

К. Право на труд не осуществимо. Где взять работы для всех? Ужасен её откуп кагалом.

Л. Особая «рабочая» юриспруденция немыслима и в теории, так как для неё нет ни опыта, ни умозрительных данных.

М. Астрономия и социология совпадают в том отношении, что не допускают экспериментов. Математические же законы жизни обществ никем ещё не установлены, хотя бы с некоторой вероятностью. Статистика пребывает в младенчестве и нищете. С другой стороны, в биологии и социологии не только Ньютон, а и Птоломей ещё не родился.

Н. Туманности свободы недосягаемы для социальных телескопов, на практике же сам Мардохей Маркс был изгнан «интерналкой» за варварский, еврейский деспотизм. Да и его «прибавочная» ценность — результат не одного труда.

Хорошо сознавая незаслуженность «своего равноправия» и приходя в ужас от перспективы реакции, сыны Иуды должны были стараться предупредить опасность. Вот почему еврейство норовит двинуть гоев как можно дальше по пути революции и демократии. Отсюда ясно, что, не успев заявить о себе в дни Террора во Франции, евреи попытались перевернуть Европу вверх дном в 1848 году. Тогда же на шахматную доску политических партий впервые прорвался и социализм. Как продукт злобы и мщения он не замедлил отметить своё участие разнузданием всяческих мерзостей.

Как и следовало ожидать, главная роль здесь, бесспорно, принадлежала евреям, но, как известно, они не ограничились ею.

Устремляясь по той же дороге, «избранный народ» не мог, конечно, позабыть, что его основные массы пребывают в России. Вот почему, развиваясь, организуясь и дисциплинируясь, уже на наших лазах, сюда именно направились атеистические и революционные замыслы кагального масонства. Результаты известны.

«Когда еврей начальствует, он всегда жесток; как правитель, он деспот, как священник, — тиран! Проповедь еврея исполнена проклятий. Сак воин — он свиреп и беспощаден; как у философа, его спокойствие — низость; как у купца, его торговля — обман!.. Семейство для него — грабительная ассоциация. Любовь — одно чувственное наслаждение!..» [56]

Эти же качества наблюдаются в еврее, когда он берётся рассуждать о богатстве и бедности. Если, по словам Наполеона, каждый из его солдат в своём ранце носил жезл маршала, то ещё с большим правом можно сказать, что у самого нищего еврея где-нибудь в лапсердаке запрятан ключ от банкирской кассы. Вот почему в чаду иудейских анафем против богатства, кажется, будто слышишь вой краснокожих, отплясывающих вокруг своей жертвы отвратительный «танец скальпа»...

Подобно тому как неразрывно связаны три рассмотренные выше модуляции «вечного жида», т.е. жид биржевой, жид газетный и жид политический, точно так же объединены и три другие его стадные разновидности: масонство, социал-демократия и сионизм под общим главенством всемирного кагала. Где конец одной и где начало другой из этих последних разновидностей, решить столь же трудно, как и относительно модуляции еврейских типов.

Агасфер никогда не снимает маски, но и не отказывается изменять её. Разница лишь в продолжительности пользования той или иной кличкой. Бывает даже, что в одно и то же время, но в разных странах еврейство маскируется различно.

Так, например, пропагандируя у нас всеобщую подачу голосов и забавляясь над русским человеком, отмахивающимся от клички «черносотенник», подаренной ему кагалом, тот же кагал в Венгрии, где он чувствует себя полным хозяином, неистово проклинает всеобщее голосование и не задумывается причислять себя к националистам в лице венгерских аристократов.

Впрочем, нет здесь ничего нового.

Беспринципность сынов Иуды может идти в сравнение разве с их бессердечием.

Но чем в особенности отличается еврейская пропаганда — это дикостью революционных проклятий, слепой антисоциальной ненавистью ко всему окружающему.

Евреи проживали в Риме уже со времён Цицерона, причём их политическая деятельность предательски извивалась в сторону народной партии, а их упорство и ожесточение против

аристократии и сената заставляли, остерегаясь, избегать их. И тогда уже не видали бунтовщиков более ненавистных, пропагандистов более свирепых и врагов, которые клеймили бы отчаяннее чужие пороки, забывая о своих собственных, нежели евреи.

Таков и Мардохей Маркс. Учение, которое в сущности не принадлежит ему, он сумел отравить черствостью, коварством и печалью.

Не от еврея вообще, и не от Мардохея Маркса, в частности, русскому народу следует ждать избавления.

XVIII. Сионизм как доказательство иудейского вероломства. Не имея собственного языка, родной земли, национальной независимости и государственного устройства, евреи берутся, однако, всем заправлять и всё перестраивать у других народов. Будучи ярыми патриотами иудейства, они издеваются над патриотизмом других. Пребывая и желая оставаться только евреями, они во имя космополитизма пытаются уничтожить все прочие национальности. Приходя в неистовство от порицаний талмуда, евреи не терпят никакой другой религии. Негодуя даже на пьесу «Контрабандисты» и учиняя повсеместно скандалы при её постановке, евреи осмеивают всё, что нам дорого и свято, подстрекая к тому же предателей из нашей собственной среды. Сохраняя в иудаизме как «ограде Закона» величайшую драгоценность, а засим хотя и облыжно, но соблюдая нелепейшие обряды или пережитки своей старины, евреи запрещают любить своё родное другим. Нередко забавляясь или вышучивая, они топчут у нас в грязь то, что выше всякого посягательства. В заключение те же евреи признают для себя вполне естественным завладение Палестиной, хотя не хуже нашего понимают, что еврейству там делать нечего, что от эксплуатации мира оно не откажется и что, во всяком случае, христианству не годится содействовать захвату святой для него земли лютейшим из врагов Иисуса Христа.

Что же такое сионизм?

Выше объяснено, что он представляет собой революцию внутри самого еврейства, восстание против «старейшин синагоги» и архаических мудрецов талмуда, ничего, однако, хорошего гоям не обещающее.

С другой стороны, вот сущность того, что говорит творец сионизма Герцль. [57] «Еврейский вопрос существует везде, где евреи живут в заметном количестве. Еврейские переселенцы заносят с собой в страну и антисемитизм. Иной, кажущийся друг еврейства — только переодетый филантропом антисемит еврейского происхождения. Прилив иммигрирующих евреев и неуклонное движение вверх туземных евреев как класса совместно производят могущественное действие и ведут повсюду к перевороту в отношениях. Дело во многих странах обстоит так, что еврей, который не имеет у себя на содержании нескольких христианских агентов, заёмщиков и прихвостней, не знает христианина. Большинство еврейских купцов отдаёт своих сыновей в университеты, вследствие чего и происходит так называемое ожидовление всех интеллигентных профессий. Мы, несомненно, достигли превосходства в денежных делах. Кто действительно желает исчезновения евреев путём смешения, тот обязан видеть, что для этого есть только одна возможность: евреи должны были бы раньше получить такое экономическое могущество, благодаря которому пошатнулись бы старые общественные предрассудки. Против нас нельзя предпринять ничего решительного. Прежде у евреев отнимали их драгоценности, а как в настоящее время взять движимое имущество? Оно заключается в печатных клочках бумаги, которые хранятся в каком-нибудь уголке мира, может быть, запертыми в христианских кассах. Тот, кто хочет превратить евреев в земледельцев, находится в удивительном заблуждении. С одной стороны, идёт наша пролетаризация и обращение в революционеров, мы поставляем унтер-офицеров всем партиям переворота, а с другой стороны, сверху, растёт наша колоссальная денежная сила. Социальная битва должна была бы произойти неизбежно на наших спинах, потому что как в капиталистическом, так и в социалистическом лагерях мы занимаем самые открытые позиции. После кратких периодов терпимости вражда против нас каждый раз снова просыпается; наше благосостояние, очевидно, содержит нечто раздражающее. Антисемитизм растёт с каждым днём, с каждым часом и должен расти, так как причины его продолжают существовать и не могут быть уничтожены. Наш современный антисемитизм нельзя смешивать с прежней религиозной

ненавистью. И чем дольше антисемитизм заставляет ожидать себя, тем злобнее он должен разразиться. Я утверждаю, что мы не можем ожидать перемены течения. Народы, среди которых евреи живут, все вместе и каждый в отдельности — явные или скрытые антисемиты. Я не считаю еврейского вопроса ни социальным, ни религиозным, хотя он окрашивается также и этими цветами. Это — национальный вопрос. Еврейское государство есть мировая потребность, поэтому оно и возникнет. Если бы турецкий султан отдал нам Палестину, мы могли бы взять на себя обязательство привести в порядок финансы Турции. Для святых мест христианства можно было бы установить экс-территоризацию на почве международного права. Мы составили бы почётный караул вокруг святых мест и своим существованием гарантировали бы исполнение этой обязанности. Позаботиться же о даровании нам суверенитета — прямо в интерес правительств тех государств, где процветает антисемитизм... Да, богатым евреям, принужденным теперь прятать свои сокровища и пировать при опущенных шторах, можно будет там свободно наслаждаться жизнью!..»

Tantae molis erat romanam condre gentem!..

Таковы буквально еврейские понятия и замыслы, «исповедуемые» Герцлем. La masque tombe, l'homme reste.

Непостижимо, а несомненно, что немыслимое ни для кого иного доступно евреям. Поляки, малороссы, татары, немцы, армяне, проживающие в России, не могут, конечно, осмелиться на образование самостоятельного государства. Такой замысел во всякой стране уничтожается законом и во имя государственной безопасности карается строго. Тем не менее, еврейство всех стран говорит, пишет и печатает о своём государстве открыто, с невероятным апломбом.

Одним этим сыны Иуды сами доказывают, что они повсюду иностранцы. С другой стороны, уже в факте разрешения такой государственной измены воочию раскрывается убеждение народов как в бесплодии надежд ассимилировать еврейство, так и в степени той опасности, которой всем им грозит иудейское равноправие.

В частности, на наших глазах, покрыв всю Россию сионистскими организациями и распространяя у нас секции нарочитого, сионистского банка в Лондоне, еврейство часть собранных этим способом денег обращает на устройство революции в России, а другую часть расходует на подъём еврейского же национального самосознания, на дальнейшую пропаганду и укрепление сионизма и на свои всемирные конгрессы то в Базеле, то в Минске. Сами названия этих городов показывают, что еврейская политика не зависит от «равноправия». Обходя, извращая и осмеивая закон, евреи в сущности стремятся к тому, чтобы и само законодательство обратить, наконец, в пособника дерзновеннейших его нарушений.

Между прочим, на конгрессе в Минске обнаружилось: что наряду с суровой дисциплиной сионистских шекеледателей, учреждается еврейская национальная гвардия как залог дальнейших побед еврейства; что эмблемой иудаизма служат особые национальные цвета: белый и голубой; что имеется сионистский знак — в виде двух пересекающихся треугольников (треугольник одна из важнейших эмблем масонства); что выдуман уже и национальный сионистский клик: «Ileidod!» и что, в заключение, как на самом конгрессе, так и во время обеда, данного конгрессом «русской» печати, распевался нарочитый сионистский гимн.

Для сношений в сфере сионизма между комитетами и делегатами; между ними и уполномоченными, т. е. депутатами конгресса; между уполномоченными и организационным центром в России, равно как между организационными центрами в разных странах и главенствующим action's komitet'om в Вене, а также для важнейших документов и совещаний должен быть употребляем один древнееврейский язык.

Здесь, однако, мы переходим в область оперетки, ибо этого языка не существует. Есть некоторый винегрет и окрошка из языков: арамейского, хетейского, сирийского, халдейского, персидского, греческого, латинского и парфянского. Отличаясь необыкновенным дарованием говорить на всех языках по-жидовски и неизменно оставаясь малограмотными, евреи на пути своей истории перемешали испорченные обрывки названных языков. Такой винегрет или «соус Оливье», да ещё одобренный чужими — халдейскими же письменами, без гласных букв и без знаков препинания,

является у сионистов, как, впрочем, и у талмуд-хахамов, языком древнееврейским.

Понятно, что к подобному языку нет лексикона.

Ясно далее, что отсюда должно происходить с «документами» сионизма, надменно шествующими в этом отношении за «священным» талмудом, изложенным на том же языке.

Не даром сказано, что куда заберутся евреи, там поднимается такая кутерьма, что и кошка не распознает своих котят.

Но если у сынов Иуды нет древнего языка, то и нового также не существует. «Жаргон» евреев Северной Европы — испорченный говор немецкого простонародья, а такой же жаргон евреев Юга Европы, равно как Севера Африки, Палестины и Сирии, — извращённое наречие Южной Испании.

Следует ли удивляться, что иудаизм в социал-демократии отвергает право собственности даже на землю, когда у него самого нет права хотя бы на язык талмуда или на жаргон?.. Возможно ли изумляться перед таким отрицанием, когда оно ничего еврейству не стоит? Ведь закладные листы или акции своих земельных банков евреи сбудут вовремя гоям же, а золото спрячут. Да и сам «благородный» металл этот никакой национализации не подлежит...

Герцль явился после Маркса, а не раньше. Это показывает, что сионисты, т.е. передовое еврейство, сплошь революционное для гоев, замышляет для себя, наоборот, не разрушение, а созидание государства; не уничтожение, а укрепление своего жидовства; не истребление, а обоготворение своего прошлого и своей самобытности; не разврат и свистопляску в политике, а строгую дисциплину и патриотизм, возведённый в культ — ad majorem Israeli gloriaml.

Уже теперь сионисты работают над учреждением всежидовского парламента, другими словами — официального и международного правительства евреев, сверх того повсюду «равноправных» в качестве яко бы французов, англичан, русских и т.д.

Можно ли сомневаться, что с восстановлением царства иудейского в Иерусалиме кагал не замедлит объявить всех своих единоплеменников подданными этого царства, т.е. иностранцами, повсюду, где бы они ни находились. А что касается покровительства им, то и без грозной армии обойдётся еврейство. К его услугам армии и флоты гоев, а с другой стороны, шрапнель купонов, гранаты облигаций и бомбы государственных займов помогут Израилю не хуже самой дальнобойной артиллерии...

«Экстерриториальность» же святых мест, обеспеченная иудейским «караулом» и самим «существованием» еврейской империи, без сомнения, открыла бы «избранному народу» путь к невиданным ещё забавам над европейским концертом, сколько бы ни «прославлял» бы он себя в той же Турции. С другой стороны, еврейство показало бы цивилизованному миру, как с международными договорами должны обращаться самоопределившиеся «избранники», обманывающие даже собственного Бога. Не они ли в «святом» талмуде установили гениальные образцы пронырливости и ябедничества, блестящие примеры «ненаказуемых» плутней и «философскую» основу нахальства?!..

Станет ли, наконец, эта мечта действительностью, неизвестно. Однако, и того, что мы знаем, достаточно, чтобы сделать вывод об истинной роли социал-демократии и масонства наряду с сионизмом, который, разумеется, исключает их в принципе. Не будет им места и в Иерусалиме, как ни мало там сионистов поныне. Они годятся евреям только для «наружного употребления». «Жандармы либералов» не поспеют за «талмуд-гусарами» в Азии, как не успевают в Европе.

С другой стороны, нельзя не заметить, что и многие евреи, в особенности ортодоксальные, признают сионизм новшеством бесполезным, во всяком случае, несерьёзным. Замыслы иудаизма, как и его нынешние сферы деятельности, слишком обширны, чтобы им возможно было сжаться хотя бы до политической независимости в Палестине. Равным образом, беспримерным и неосуществимым является идея покупки или завоевания для евреев другими народами государственной территории, да ещё в священной для христиан земле. Наконец, даже по исполнении этой утопии, эксплуатация еврейским царством окрестного населения, как и давно известная склонность сынов Иуды к интригам и восстаниям, не говоря о столь возлюбленной им контрабанде, вывели бы прежде всего турецкого султана из терпения. Он, без сомнения, оказался бы в необходимости изгнать евреев или же вовлечь и

своё, и другие государства в бесконечные войны из-за тех же евреев.

Паразитный характер еврейства исключает применение мечты сионистов, если бы она и могла быть искренней. Самостоятельно сионизм не просуществовал бы и одного года, что ему самому, разумеется, лучше известно, нежели кому-либо иному.

«Наша цель: в области политики — республика, в хозяйственной сфере — коммунизм, в религиозной — атеизм», — торжественно заявил германскому рейхстагу Август Бебель. А кто же не знает, что сионизм и социал-демократия состоят в преступном сожитии. Террористический «Бунд» рекрутируется главным образом сионистами и в них именно встречает лучших своих агитаторов. «Демократ» и «сионист» — термины, однозначащие в черте еврейской оседлости. Иначе, впрочем, и быть не могло, как без колебаний удостоверит всякий, знакомый с «передовым» еврейством.

А что сеять неверие, скептицизм и вольнодумство — специальность евреев, это признаёт и небезызвестный еврейский писатель Дарместетер.

Гораздо основательнее смотреть на сионизм лишь как на попытку революционных в самом же еврействе, но и против нас направленных, элементов к сосредоточению сил под вымышленным предлогом освобождения гоев от перепроизводства новых и новых поколении «избранного народа».

Инстинкт централизации, присущий евреям, неизменно усматривается на пути веков, Авраам, Иосиф, Даниил, Мардохей, Эздра, Иуда Макковей засвидетельствовали об этом достаточно, каждый в своё время и именно среди иноплеменников.

В римскую эпоху иерусалимский храм был международным еврейским банком, куда сыны Иуды вносили определённую подать и свозили золото отовсюду (Qum aurum, judaeorum nomine, quotannis ex Italia et ex omnib provinciis Hierosolymam exportari soleret. Cic. pro Flaco), получая взамен покровительство и кредит.

То же, конечно, происходило в Диаспоре с «князьями изгнания» (экзилархами и др.) вплоть до учреждения в Средние века так называемого «ваад шель арба арацот» или синода раввинов четырёх земель (т.е. Великой и Малой Польши, Руси и Литвы), который придал иудейским общинам чрезвычайное единство, устойчивость, силу, а через это и почётное уважение внутри и извне (Грец). Концентрируя деньги как nervus rerum geren darum и талмудическую злобу преимущественно «славянского» еврейства, «ваад шель арба арацот» внушал страх и ужас христианам.

Omnia serviliter pro dominatione!..

В наши дни такую же роль под командой всемирного кагала (Хабура Коль Изроэль Хаберим) исполняют: «общества для распространения образования между евреями», переселенческие (в Аргентину) комитеты Гирша, «бунд», «общество еврейского равноправия» и сионизм.

Так, а не иначе следует понимать конгрессы сионистов и затеваемый ими всееврейский международный парламент.

Сказанным о сионизме мы пока ограничиваемся.

Заключая же настоящую главу предисловием, перейдём для обобщения к только что вышедшему почтенному труду А.И.Генца — «Социализм» (Москва, 1906).

XIX. Некоторые выводы. Ни для кого не секрет, что социалистическое движение имеет своих вдохновителей и руководителей в одном племени. Менее, может быть, известно несомненное отношение одного международного общества к делу социализма. Нам следует поэтому сказать о евреях и масонах.

Маркс, Лассаль, Бернштейн — евреи; евреями же наполнены социалистические кружки в Германии, а в Австрии — ещё более. Читая официальные и частные газетные сообщения, относящиеся к социалистическому движению в России, мы постоянно встречаем еврейские фамилии. Евреи образовали у нас даже собственную, чисто-национальную, боевую социалистическую организацию — «Бунд».

Есть брошюра Акимова; «Очерк развития социал-демократии в России». Вот как определяется по этой брошюре роль еврейства в русском социалистическом движении: *«В 1885 году был основан в Вильне*

кружок с революционными целями... Средой для его пропаганды являлась местная интеллигенция, главным образом, ученики средних учебных заведений, в особенности учительского института и орем-бохеры, ещивэ-бохерим — молодые люди, готовящиеся стать раввинами. "Бунд» объявляется автором «прочной организованной силой, с успехом руководящей социалистической борьбой ***еврейского пролетариата*** *в России». Автор говорит, что «состояние еврейского рабочего движения в данный момент представляет для русских рабочих большой интерес не только как поучительный опыт* ***еврейских товарищей,*** *действующих при тех же политических условиях, но до некоторой степени и как прообраз тех форм, которые должны принять в непосредственном будущем русское рабочее движение. Десятки лет русские социалисты пытались разбудить мысль рабочего... Наконец, в двух концах России, в Вильне и Петербурге, в один и тот же год рабочим удалось создать свои газеты: «Рабочий Голос» и «Рабочую Мысль». Еврейские интеллигенты — социал-демократы подхватили голос рабочего, поддержали, сделали громким, сильным и славным. Бунд дождётся той стадии, когда русское рабочее движение поднимется до высоты, на которой стоит теперь движение* ***еврейских рабочих».***

Г. Н. Энгельгардт, реферирующий в №10686 «Нового Времени» о брошюре г. Акимова, ставит следующий вопрос: в каком отношении находится «Бунд» к сионизму и всееврейской сионистской организации с её конгрессами и фантастической литературой, и отвечает следующим образом:

«Это отношение соподчинения. Русская революция совершается по указке «Бунда», а сам «Бунд» подчинён верховным целям Сиона. Во всей этой переделке русские рабочие являются слепым орудием чужих целей, а еврейская «Новая Жизнь» без всяких церемоний сравнивала «Российскую социал-демократическую рабочую партию» со скотиной, беспрекословно подчиняющейся пастуху. Газета проповедовала «демократический централизм», понимая под ним слепое повиновение русской рабочей массы и русских социал-демократов "Бунду». Видимо, окончательное подчинение состоялось. Прочно ли оно, однако? Наступит же минута, когда глаза русских рабочих откроются, и они, наконец, уразумеют, куда их ведут! На близость этого указывает и раздор, царящий в означенной партии».

«Друзья мои, — так заканчивает свою газетную заметку г. Энгельгард — *позвольте мне, человеку постороннему, просто по здравому смыслу вам сказать, что истинные экономические нужды русского рабочего мы принесли в жертву якобинским мечтаниям, а в то же время и сами, и рабочие являетесь слепым орудием всееврейского заговора, цель которого — обратить русский народ в «шабаш-гоя» народа еврейского!».*

В конце января с. г. в одной из маленьких московских газет («Московское Вече», №1) нам встретилась статья, под заглавием: «Политическая речь еврейского раввина, читанная им 30 лет тому назад». К сожалению, издатель не указывает источника, чем облегчает возражение, что в данном случае имеется подделка; мы, однако, не склонны сомневаться в подлинности этой речи, она вполне согласуется с тем, что известно о евреях.

Приводим несколько выдержек, показывающих, что такое «еврейство», и подтверждающих его руководящую роль в социалистических движениях.

«Попираемый и презираемый враг, под страхом смерти, уничижений и насилия разного рода народ Израиля не подвергся, однако, уничтожению. Если он рассеян по всей земле, следовательно, — вся земля и должна принадлежать ему. Наши учёные целые сотни лет с беззаветной неутомимостью ведут священную борьбу, а народ наш всё идёт вверх среди кажущихся падений. Могущество его возрастает и расширяется. Нам принадлежит тот золотой земной бог, которого с отвращением и скорбью отлил Аарон в пустыне,.., тот идол золота, которому теперь все поклоняются и которого все обожают. Когда же всё земное золото сделается нашим исключительным достоянием, а власть перейдёт в наши руки, тогда исполнится обещание, данное Аврааму... Настанет время — через сто лет, не более, когда уже не евреи будут переходить в христианскую веру, а христиане станут стремиться сделаться евреями, но тогда Израиль оттолкнёт их с презрением. Естественный враг евреев — Христианская Церковь; поэтому мы всеми силами должны стараться внедрять в неё вольнодумство, скептицизм,

неверие и раскол... Самым опасным врагом Церкви всегда было образование, вытекающее из распространения народных училищ. Вот почему прежде всего мы должны приобретать влияние на молодёжь»...

Далее, между прочим, читаем:

«Каждая революция, каждое потрясение способствует увеличению нашего капитала и приближает нас к намеченной цели... С помощью политической экономии очень легко производить сумбур в головах непосвящённых и представлять белое чёрным, а чёрное белым...

Евреи должны и обязаны в каждой стране захватывать управление ежедневной прессой в свои руки. Мы хитры, ловки и владеем деньгами. Отсюда следует при посредстве всяких политических журналов фабриковать общественное мнение и руководить им исключительно по соображению с нашими видами; нужно критиковать и пьесы, и сцену, равно как приобретать влияние на высшее общество и на пролетариат. Идя этим путём шаг за шагом, мы оттесним христиан от всякого влияния и продиктуем миру всё то, во что он должен верить и что обязан презирать и проклинать...

Наш народ консервативен: он сберегает и сохраняет религиозные обряды и уставы с первых времён их происхождения; он стоит крепко за рутину. Но в нашем деле нужно стараться не только принимать участие, а и давать само направление реформам, стоящим на очереди, каковы: улучшение материального положения рабочих и бедных классов. Следовательно, мы повинны принять участие в этом движении, однако, лишь наружно. На самом же деле необходимо стремиться дать направление целому потоку этих реформ исключительно в согласии с нашими задачами и целями.

Массы, глупые и слепые, наивно и легко допускают руководить собой крикунов; а кто же лучше и громче евреев сумеет горланить и ослеплять глупостями?.. Поэтому наши имеют первенство и прессе, и в судах всех христианских народов.

«Чем больше кружков и собраний, тем больше поводов к недовольствиях и нет охоты к труду. Отсюда непременно должно последовать обеднение народов и их подчинение власти владеющих деньгами или средствами к облегчению пролетариата. Всякое движение, имеющее целью перемену, обогащает нас и приводит в упадок мелкие владения, которые обречены погрязнуть в долгах. Хрупкость основ возвышает наше влияние и могущество, а потому следует содействовать всякому неудовольствию и отсюда вытекающим потрясениям, так как они способствуют увеличению наших богатств и приближают момент достижения нашей единственной цели: господствования и главенства на земле».

Теперь — о масонах, с их террористической фракцией — иллюминизмом. Возьмём опять книгу Тальмейра («Франкмасонство и французская революция»), объяснившего нам событие 21 января 1793 года, когда среди огромной военной силы в городе с 80 тысячами постоянных жителей, причём не было и двух тысяч, желавших смерти короля, Людовику XVI всё таки отрубили голову, как уже более тридцати лет проделывали в ложах над куклой Филиппа Красивого».

В исследованиях Тальмейра приведён ряд документов, относящихся к иллюминизму. Берём одну их инструкций членам Общества и находим такое учение. На заре человечества существовали свобода и равенство. Человек наслаждался бы ими вполне и сберёг бы их, если бы захотел следовать по пути, указанному природой. Но с наступлением оседлой жизни явились неравенство и собственность. Истинно нравственное учение заключается в том, чтобы научить людей стать независимыми, свергнуть иго опеки, обходиться без князей и правителей. Дикари теперь и наиболее просвещённые и единственные свободные люди. *«Иллюминизм масонически благославляет людей, у которых нет больше ни отечества, ни родного города, ни семьи, ни законов, и блуждающие скопища которых (bandes errantes) нигде не оседают»*. Рекомендуется делать модными идеи иллюминизма, дабы молодые авторы распространяли их в народе и таким образом служили иллюминизму даже неведомо для себя; адептам иллюминизма — создавать карьеру и имя, а несогласных подчиняться — давить. *«Несчастен, дважды несчастен юноша, которого иллюминисты звали в свою секту: ненависть их не*

успокоится, пока не погубит его!.. Нужно горячить головы проповедями общего блага человечества, а правительства окружать легионами неутомимых людей, действующих по приказам Ордена. Такие организации признаются уже тем полезными, что отнимают у Церкви и Государства лучших и трудолюбивейших деятелей». «Клуб пропаганды» имел целью *«не только укрепить революцию во Франции, но устраивать её и у всех других народов Европы, т.е. свергать все существующие правительства».* Средства Клуба обращались на расходы миссионерам-апостолам и на печатание зажигательных брошюр. 23-го марта 1799 года в кассе было 1 1/2 миллиона франков: 400 тысяч дал герцог Орлеанский. *«Давите всех, кого вам не удастся убедить! Искра может долго тлеть под пеплом, но придёт день пожара!»* — таковы лозунги масонов-иллюминатов, осуществлявшиеся ими во времена Террора.

В другой брошюре того же Тальмейра, озаглавленной: «Как подделывается общественное мнение» («Comment on fabrique Г opinion». Paris, 1905), нам опять изображаются масонские махинации и шулерства в политике, в науке, в религии. *«Amenez vos dupes au degre de cuisson voulu» — «доводите своих простофилей до желаемой степени разваренности»* — таковы наставления, даваемые масонским агентам. Отношение же масонства к социализму прямо определяется словами одного из руководителей: *«Французская федерация Великого Востока есть федерация социалистическая в самом широком смысле этого слова».* Далее читаем: *«Разбитие России Японией, разрушение её же революцией, систематическое уменьшение населения, пропаганда мальтузианства и порнографии, косвенное возбуждение безнравственности, упразднение правописания — всё это в нелепейшем хаосе составляет текущие темы и пожелания масонства». «Масонство и еврейство, —* значится в другом месте книги, — *в настоящее время — одно: ими создаются идеи, вкусы, моды, успехи, репутации и агитации; они одни располагают и молчанием и шумом. На деле Дрейфуса лежит масонская печать, — как и еврейская. Японцев поддерживают против России только затем, чтобы дать победу язычеству над христианством».*

Укажем ещё на одно сочинение о масонах, вышедшее в Париже, в настоящем году — Bidegain. «Masques et Visages Maconniques». Вот что говорит автор, сам раньше принадлежавший к масонству, в своём предисловии.

«Франция переживает один из самых тяжёлых, самых решительных кризисов своей истории. Дело Дрейфуса; стачки рабочих; поход против армии; признания государственных деятелей, поставленных в своё время охранять отечество от вторжения неприятеля и теперь открыто заявляющих, что за тридцать лет ими для этого не сделано ничего; слабое правительство, колеблющееся подавлять и наказывать внутреннюю измену, а во внешних делах незащищающее наших очевиднейших прав; дезорганизация нашего флота и армии негодяями, которых будет судить беспристрастное потомство. Всё это показывает, какое дело глубокого денационализирования проводится во Франции; всё открывает непрерывность стараний, указывающую на единство в направлении. Ответчиком за наше государственное бессилие, как и за наш национальный упадок, является масонство». Наконец, в той же книге, мы встречаем и такую фразу: «Масонство разжигало все революции; распространяло самые скверные учения; обольщало все правительства, чтобы затем их же предавать».

Эта справка о евреях и масонах должна бы, кажется, проливать значительный свет и на русское «освободительное движение» с его социалистической окраской. Нужно сокрушить политическое могущество России; разорить её экономически; опустошить народную душу, — отняв у русского человека и веру, и царя, и национальность...

ГЛАВА ВТОРАЯ

Особые условия настоящего исследования. Взгляд на современные события в России. Еврейство и масонство — как эксплуататоры наших невзгод для порабощения нас через фальсификацию свободы. Трагикомедия «освободительного» заговора как способ разложения наших сил и отнятие средств защиты — ad majorem Israeli gloriam. Заключение.

«Ибо есть много непокорных, пустословов и обманщиков, особенно из

обрезанных, каковым должно заграждать уста. Они развращают целые домы, уча, чему должно, из постыдной корысти. По сей причине обличай строго, дабы они были здравы в вере, не внимая иудейским басням и постановлениям людей, отвращающихся от истины. Для чистых всё чисто; а для осквернённых и неверных нет ничего чистого, но осквернены и ум их, и совесть».

(Ап. Павла посл. к Титу, 1, 10, 11 и 13-15).

А. Особые условия настоящего исследования.

I. Всё, изложенное в предыдущей главе, имеет целью облегчить понимание современных явлений в России. Чрезвычайный объём задачи, широта и многосложность затрагиваемых ею проблем, наряду с быстрым развитием событий, равно как с двойственным — экономическим и политическим — характером так называемого «освободительного» движения крайне затрудняют исследователя. С другой стороны, невозможность показать всё, что надо о прошлом, а полное неизвестности будущее сурово угнетает работу. Наконец, сами размеры предисловия, и теперь уже далеко перешедшие за те границы, какими вначале предполагалось обмежевать его, исключают мысль о картине в её полноте. Таким образом, ad tempofa feliciora оставляем мы наибольшую часть важного и страшного вопроса, повергающего в скорбь и трепет сердца русских людей — что будет с их родиной?.. В данную минуту, когда, быть может, лучше выжидать, чем спешить за жизнью, невольно является желание умолкнуть и надеяться, что факты сами станут вопиять за себя. Но при этом условии уже затраченный труд и неудержимость стремления по мере сил предостеречь заранее оказались бы, пожалуй, бесплодными. Вот почему мы хотим ещё раз попытаться в самых общих чертах, указать на такие моменты революционного синематографа, которые невольно бросаются в глаза.

П. Как основную тему дальнейшего изложения мы по-прежнему будем рассматривать указания истории и советы мыслителей.

«La tache la plus utile à laquelle doive s'adonner la race européenne, c'est de combatre partout l'esprit et les idées de la race d'Israel» (Gustave Tridon).

«C'est une race à part —incapable de tenir sa parole et de faire acte de justice, à moins que son intérêt ne l'y oblige» (Renan).

«La devise du juif, c'est chacun pour soi. Le juif n'a pas de patrie: quel sens voulez-vous que les mots de réligion et de patrie puissent avoir pour des hommes qui n'ont à la place du coeur qu'une piece de cent sous?» (Tous-senel). «Iles sont avant tout intrigans et fourbes. Iles n'ont d'autres réssources que la ruse. Toute leur force est dans l'art de tromper!..» (Lacretelle).

«Pas de faiblesse, pas de pitié pour les juifs! Que des princes, sans forme de procès, les chassent de partout!..» (Luther).

«Cet homme m'est précieux pour faire connaitre au déhors ce que j'ai a dire. Je ne vois pas comment il s'y prend; mais je n'ai pas plutôt prono-nocé un mot, qu'il me trahit, avant même d'etre sorti, de mon cabinet» (Ca-vour, fondateur de l'Unité italiénne, — sur la perfidie de son secretaire, juif Artom).

«Mes peuples ne se plaignent point des protestants, ni des catholiques. Ils ne se plaignent que des juifs. C'est que le mal que font les juifs ne vient pas des individus, mais de la constitution même de ce peuple. Ce sont de sauterelles et des chenues qui ravagent les pays qui leur donnent l'hospitalité» (Napoleon).

«Палестинцы, которые живут среди нас, привлекли на себя внимание своим ростовщическим духом и репутацией плутов, хорошо обоснованной в огромном большинстве случаев. Строго говоря, казалось бы нелепым воображать себе нацию, где каждый человек вор. Но не менее странно видеть и такой народ, который состоит исключительно из торгашей, пренебрегающих честью быть добрыми гражданами страны, их приютившей, и взамен того предпочитающих наживу, которую они добывают, обманывая жителей этой самой страны» (Кант).

Б. Взгляд на современные события в России.

I. Что переживает Россия, тому нет другого примера в истории. Все революции прошлых времён

носили печать, так сказать, одной специальности. Они бывали военными, династическими, религиозными, аграрными или политическими. Рассматриваемые же с точки зрения сферы своего развития, они представлялись народными, патриотическими, а если возникали под знаменем чужеземного владычества, то всегда организованного и не скрывающегося. Не так идёт дело у нас. Целая энциклопедия проблем государственного управления и автономии областей, переустройства классов, идей и понятий (даже о семье и о праве собственности), равно как коренной реформы труда, религиозных и патриотических верований народа, внезапно поставлена на очередь к полному и немедленному разрешению. С другой стороны, господствующее население страны, её строитель и хозяин, не только не выслушивается и не уважается, а, наоборот, сплотившиеся вокруг еврейства иноплеменники объявляют себя непогрешимыми авгурами «народной свободы», в смысле утверждения над всеми остальными классами народа тирании пролетариата, в свою очередь обманутого и обречённого в рабство «всемирному кагалу» и его лейб-гвардии. Всякий, кто наблюдал и вдумывался, заметил, конечно, что помимо дерзновенного и бесстыдного, чисто еврейского, шулерства на законодательных выборах, давшего невероятную, но, увы, несомненную победу «кадетам», сам вопрос об автономии был поставлен на сцену только как декорация еврейского же «равноправия» и лишь для замаскировывания этого гибельного для России замысла. Параллельно затронутый проект «самоопределения» Польши был вначале единственным, удостоенным чести лицезреть величие Израиля. Украина, Бесарабия, Армения, Оствейский край были допущены — и, разумеется, лишь как аксессуары, — только впоследствии, а, например, о многих миллионах татар, кажется, и до сих пор не вспомнили...

Поляки достаточно показали себя в прошлом и слишком хорошо послужили еврейству в нынешнем, маньчжурском, периодах русской истории, чтобы всемирный кагал не позабыл о них. Что же касается «сознательного пролетариата» и скоропостижно возлюбленных сынами Иуды русских крестьян, то они двинуты вперёд на потеху евреям исключительно с расчётом всем нам, гоям, дать занятие, хотя бы во взаимном истреблении, пока спасители наши от «самодержавного чиновничьего произвола» окончат созидаемый ими «храм свободы». В переводе на русский язык это значит — пока иудаизм не объявит себя самодержцем и единственным повелителем душ и телес наших.

Если, призвав «оратора» к порядку за одно упоминание об упрёке, печатно ей сделанном, председатель государственной думы не затруднился объявить orbi et orbi, что она стоит выше всяких упрёков, и если, таким образом, догмат «кадетской» непогрешимости уже объявлен, то за ним, без сомнения, должен последовать другой — о непорочном зачатии «партии народной свободы», а от этих цветочков до ягодок мании величия «кадетов» уже рукой подать...

Какова же правда у сынов Иуды, это блистательно доказал в государственной думе еврей Иолос, когда на вопрос председателя Муромцева к нему как одному из хозяев обращённый, солгал всенародно, заявив, будто в германском рейхстаге не бывает особых мнений. И солгал для того, чтобы устранить благородное требование Стаховича и графа Гейдена о поимённом голосовании всеподданнейшего адреса на Высочайшую речь.

Содержание адреса известно!..

Когда же евреи говорят правду, если они так лгут?!..

Сами собой приходят на ум слова Дрюмона:

II. *«Le plus saint des devoirs de la juiverie est d’echapper à l’impot. Le travail honnete ne garantit pas la vie et ne protege pas contre la ruine. Il s’agit de prendre sans etre pris!»...*

Ничего, однако, нового нет в трагикомедии, разыгрываемой еврейством перед изумлёнными, взорами простаков.

«Le caractere juif, a pour le trait essentiel l’amour de l’argent, et, comme conséquence, l’abssense d’idee»! (Huc).

Но если здесь нет новости в принципе, то её нет и в основном средстве. Разве не говорил ещё Пугачёв: «мы барами тряхнем!»...

Не странно ли также, что евреи стараются внушить народным массам о буржуазии и дворянстве тот

именно взгляд, который веками установлен за самим же еврейством?

Возможно ли не удивляться тому, что, распинаясь за сирых и обездоленных, всемирный кагал не только успел отвлечь их внимание от своей роли «пиявки пиявок» и «грабителя грабителей» и не только не заикается об ограничении террора биржевых удавов и акул либо о реформе кредита вообще или хотя бы о национализации ипотечных, в особенности земельных, банков, но признаёт излишним даже упоминать хотя бы о столь вопиющих фактах, как беспомощность больных и раненых воинов или как беспросветное горе вдов и сирот, подаренных нам войной с японцами.

Следует ли негодовать, наконец, и на полное безучастие «кадетской» партии к заботе о внешней безопасности России через реорганизацию её армии и флота, хотя бы в виду союза Китая с Японией, когда и предательство «самоопределения» инородцев, и государственная измена «автономий» служат тем же «кадетам» и их хозяевам — евреям козырными тузами, и когда открытая цель социал-талмудистов «народной свободы» — унизить, осрамить, на нет свести всё русское, равно как тысячелетние труды и бесконечные потоки русской крови, пролитые для сооружения необъятного государства нашего.

Где, в самом деле, были евреи, когда среди леших мхов, непроглядных ночей, угрюмых лесов и жестоких морозов, не видя ниоткуда помощи, но мужественно защищая Европу от свирепых полчищ Батыя или Тамерлана, русский мужик с одним топором сооружал такую «избушку», как Россия?!..

Где были евреи, когда весь Новороссийский край, теперь ими порабощённый и даже переименованный в жидовскую республику на пути многих веков поливался кровью южно-русских братьев наших, являясь беспримерным в истории театром подвигов славного лыцарства запорожского низового, отстаивающего и свою и нашу землю от турок, поляков и татар и уберёгшего её грудью своей, — вы, для жидов, немцев и тех же поляков, дерзко собирающихся теперь уже в качестве наших представителей разделить всё наше между собой — в Русской «государственной думе»?!.. Увы,

Воля, ретязем повта,
В плавнях спочивае, —
Слав, кровью перелита,
По свиту литае!..

Как осмеливаются сыны Иуды дерзновенно распоряжаться достоянием наших предков, призывая на помощь те самые окраины, которые уже напоили нас горем в былые времена и которых мы не вправе ни допустить к уничтожению всего, чего им не жалко, ни возвратить нас за несколько веков назад с разрешением всё начинать в тяжкий нам вред сызнова или даже в конец нас погубить?..

О какой «свободе» кричат еврейство и его присные, когда, отвергая всякие различия людей, демократия логически ведёт к господству плутократии? Проклиная богатых, демократия в глубине души завидует им и мечтает разве лишь о том, чтобы занять их место. Таким образом, в демократии ненависть к богатым идёт рука об руку с поклонением богатству, т.е. с деспотизмом еврейской биржи.

III. По свидетельству Конфуция, три пути ведут к мудрости: размышления — самый благородный, подражания — самый лёгкий и опыт —самый горький. Очень мало размышляя, мы пытались подражать... евреям, а потому и подверглись ужасному испытанию. Когда и чем оно кончится, мы не ведаем, как, разумеется, не знает и само еврейство со всеми его талмид-хахамами.

Можно сказать, тем не менее, что господство иноземцев — наиболее верное средство разложение государств. Оно отнимает у народа его святая святых его душу. Когда прилив иностранцев перешёл за известные пределы, Рим перестал существовать. Какие бы то ни было военные катастрофы не так страшны, как подобные мирные нашествия.

Нельзя не заметить также, что одним из тягчайших преступлений еврейства пред Россией является его замысел подложно выдвинуть наперед, даже в депутаты, не настоящего крестьянина-землепашца, а распропагандированного мужика, которого евреи же или иудействующие агитаторы начинили словечками фабрично-питейного производства.

Впрочем, судя по быстроте событий, еврейству едва ли придётся утешать себя афоризмом Бисмарка:

«в политике, как и в лесоводстве, мы жнём, чего не сеяли, и сеем то, чего жать не будем»...

Правда, в новые времена сыны Иуды ещё не встретили своего маркиза Помбаля... Легально иудаизм нигде пока не осуждён и не приговорён к изгнанию. Не только Ротшильд, а и Садок Кан (grand rabbin de France), и даже коновод Дрейфуссиады — Жозеф Рейнак остались неприкосновенными. Это тем более знаменательно, что фальсифицированное еврейство — иезуитизм был уничтожен de jure, и что при разгроме его генерал Лаврентий Риччи умер в тюрьме.

Как бы то ни было, в этой юдоли плача всё, что имело начало, должно иметь конец. Не даром сказано, что, если бы небеса обратились в бумагу, а океаны в чернила, то и тогда не хватило бы материала, чтобы описать грехи евреев против человечества...

Дождутся и евреи своего маркиза Помбаля.

«On ne sedispute pas sur ce qui est évident, — mais pour l'incom-préhensible on se bat et pour l'absurde on se tue!..»

Не всегда же будет то, на что в немногих, но мудрых словах указал Г.В. Бутми в своём предисловии к книге «Франкмасонство и государственная измена»:

«Ожесточённая кампания, которая ведётся теперь прессой всего мира, а в особенности той, которая называет себя русской, против Российского Государства и русской народности; систематически неудачный подбор людей на ответственных местах; внешние и внутренние бедствия, как бы подготовляемые и направляемые невидимой рукой; искусственное отвлечение общественной мысли от ясного долга и сознания ответственности, равнодушие правящих классов к судьбам Государства, всё это заставляет полагать, что в настоящее время Русская Держава и русский народ являются главными объектами, на которое направлена разрушительная деятельность масонства в союзе с иудейством».

IV. Необъятная и потрясающая картина нарисована в этих сжатых словах, но было бы смешным предполагать, что она создана всецело масонами или всемирным кагалом. Такое предположение столь же нелепо, как и замысел евреев уверить, будто любящие свою родину, русские люди ничего лучшего не желают, как сохранить ту материальную и духовную нищету и всю ту неправду, какие привели Россию на край гибели.

Но mundus vult decipi, ergo decipiatur!

Больше, чем кто-нибудь, понимают евреи и их «дворовые» низость того издевательства, каким ради жестоких и своекорыстных целей своих, они пытаются осмеять и саму идею патриотизма. Ведь, по талмуду всякого супостата следует «согнуть в дугу». Стало быть, недостаточно высушивать «черносотенцев», а необходимо высмеять и само знамя, под которым они собираются. Отсюда ясно, почему русский национальный флаг в командуемых евреями скопищах «сознательных пролетариев» заменялся красным, а на «законодательных» выборах, потешаясь над русским горем и простодушием, еврейство уже не побоялось переименовать себя в партию «народной свободы» и даже украсить своих рабов зелёными тряпками.

Впрочем, зная сынов Иуды и понимая, что для достижения цели всё пригодно, нечему удивляться. Поразительно и непостижимо, что эта заведомая ложь принимается за чистую монету. Обманутая или подкупленная толпа по невежеству или сознательно закрывает глаза перед фактом, что в злостной потехе над русским патриотизмом евреи норовят искоренить его в принципе только для гоев, а отнюдь не для себя. Им это необходимо не только с целью деморализации «неприятеля» и разложения дисциплины в его массах, но и ради подготовки автономии инородцев, т.е. в сущности — ради проведения собственного «равноправия», опасность которого для России и, следовательно, как трудность взятой на себя ими задачи, так и силу предстоящего с нашей стороны сопротивления те же евреи, разумеется, хорошо сознают.

Этого мало. В расчете на стадность и революционный психоз еврейство не затрудняется, впрочем, бравировать и явным противоречием, прославляя сионизм и превознося заслуги кагала или же возводя в политическую аксиому самоопределение за счёт русского народа, всех его окраин, начиная с автономии Финляндии и завершая таким порабощением Малороссии Польшей, которого

соотечественники атамана Сирко, Богдана Хмельницкого, Гонты и Железняка никогда не потерпят.

V. Осмелиться на приёмы этого рода не могла бы, конечно, и сама impudentia judeorum, если бы, к сожалению, не располагала указаниями иронизиующей над гоями судьбы.

Несмотря на своё равноправие в Западной Европе вот уже на протяжении столетия, евреи повсюду остаются только евреями. На Британских островах древние кельты, пикты и скотты, римляне, датчане и англосаксы, равно как пришедшие из Франции норманны, давно смешались и образовали один английский народ. Евреи же как до своего изгнания в XIII столетии, так и по возвращении своём при Кромвеле в XVI столетии всегда были и остаются евреями.

Те же кельты, галлы, иберы, германцы, нормандцы, римляне, франки, постепенно, через горнило истории, сплавились, в свою очередь, и стали французами. Одни евреи неизменно пребывали сами собой, а сейчас и знать не хотят ни о чём другом, как остаться евреями.

Но если так было в странах, где еврейство представляло ничтожные сравнительно пятна заразы на теле народном, тем не менее, шаг за шагом отравляя государственный организм, то, например, в Польше, которую иудаизм погубил, и где он не только равноправен, а своё господство суёт напоказ, было бы забавным и мечтать о его ассимиляции с коренным населением.

Наблюдая такие факты, соседние страны должны бы, казалось, поостеречься.

Однако, лишь в одной России была установлена черта еврейской оседлости, да и то по непонятной близорукости она была расширена на весь Новороссийский край.

Результаты в Германии и особенно в Австрии достаточно говорят за себя. Продажность или скудоумие тамошних государственных людей не замедлили отразиться в России. Неимоверное размножение евреев, приводившее в ужас ещё древних египтян и, без сомнения, сказавшееся в самих указаниях персидских царей, которыми поощрялось обратное переселение евреев в Палестину (под начальством Зоровавеля, Эздры и Неемии), не замедлило угрожать и нам. Обездоливая христианское население черты оседлости через захват всех путей деятельности и самих средств пропитания, еврейство с каждым новым поколением расширяло своё благополучие и выделяло всё новые и новые полчища саранчи, которая пожирает всё кругом. Кровью и слезами написаны свидетелями-очевидцами целые страницы в таком исследовании вопроса на местах, которое должно было бы являться настольной книгой у каждого грамотного русского человека. К глубокому удивлению, это исследование осталось недоступным публике и даже составляет библиографическую редкость. [58]

Урок не послужил, однако, в пользу.

Через пресловутую черту еврейство стало просачиваться. И чем дальше, тем всё больше.

Началось с университетских дипломов и первогильдейских купеческих свидетельств, а дошло до странствующих факторов и ремесленников, «умеющих кроить мешки», или, что ещё опереточней, до чернильных либо уксусных дел мастеров.

Затем, не далее, как в течение последних пятнадцати лет, на радость нам были ожидовлены драматическая и оперная сцены, провинциальные и в особенности столичная адвокатура, а за ней и вся периодическая печать.

О гешефтах с деньгами и говорить нечего. Даже хищения в городских общественных банках оказали великолепную услугу Израилю. Кагальные банки, равно как их агентства и комиссионерства, распространились повсеместно, а вслед за ними, приблизительно через 7-10 лет, стали появляться еврейские молитвенные дома, талмудические школы и синагоги, даже в Москве и Петербурге. Земельный и городской ипотечный кредит, равным образом, оказался в руках евреев, и трудно не удивляться тому, что ещё не появилось карты нового удельно-вечевого периода. Дело в том, что если бы сыны Иуды задумали скупить, хотя бы 1/3 или 1/5 земель или домов в России, то они подняли бы цены до несообразности и, сверх того, были бы разворованы своими же управляющими. Вот почему они поступили умненько. Экспедиция заготовления государственных бумаг, печатает закладные листы, а уставы земельных банков дают евреям право раздавать ссуды этими знаками государственного кредита. Русский же народ, за счёт которого производятся операции, остаётся,

конечно, ни при чём. Сильно богатеют одни евреи, и притом, в сущности, не отвечают ни за что. Яко бы в интересах контроля самый размер ссуд утверждается особенной канцелярией по кредитной части министерства финансов, в последнее время — даже нарочитыми при банках чиновниками министерства. Мудрено ли, что, будучи такой же поддержкой, как верёвка для повешенного, иудейский кредит с его 12% пени только за просрочку стал мёртвой петлёй для большинства заёмщиков.

С другой стороны, так как эксплуатация чужого горя и нищеты —излюбленная еврейская профессия, то, для захвата всего лучшего из просроченных имуществ возникли «лесопромышленные» и «домовладельческие», разумеется, кагальные товарищества. Таким образом городская и сельская недвижимость всё больше и скорее стала переходить уже в непосредственное обладание евреев.

Исключением являлась крестьянская земля. Теперь столь настрадавшийся за русского мужика всемирный кагал из сил выбивается в намерении облагодетельствовать его. Отняв чужие земли и раздав их «трудящемуся крестьянству», евреи подарят и ему «равноправие», т.е. уничтожать и само крестьянское звание. Тогда для кагальных банков взойдёт новая заря. Раздача ссуд ещё поднимет и без того чудесные иудейские дивиденды. С нынешних 15 или 20% они возрастут до 25 или 30% годовых.

Тогда уже вся масса русского народа будет работать на один Израиль, а на долю евреев останется управлять Россией как своим домашним хозяйством и, завладев всей политической властью, какую даёт обладание самой территорией страны, окончательно превратить ее в новую Землю Обетованную.

Тогда для нас, шабес-гоев, расцветёт уже полная «свободы» идиллия!..

Послушаем на всякий случай, что о ней говорят такие простаки и, можно сказать, черносотенцы, как Бисмарк и Мольтке.

«Несмотря на своё рассеяние, евреи тесно связаны между собой. Неизвестными владыками они последовательно направляются к своим общим целям. Отвергнув все попытки ассимилировать их, евреи повсюду составляют государство в государстве, а в Польше сделались глубокой, до сих пор не заживающей язвой этой прекрасной страны» (Мольтке).

«Я знаю страну, где еврейское население многочисленно и где наряду с этим крестьяне в большинстве не называют своим ничего на всей своей земле. Начиная с постели и кончая ухватом, вся движимость принадлежит еврею. Скот в стойле принадлежит ему же, и крестьянин за каждую собственную вещь вносит наёмную плату тому же еврею. Крестьянский хлеб на поле и в овине — собственность опять таки еврея, который и продаст мужику его же хлеб, семена и корм для скота осьминами.

О подобном лихоимстве христиан мне, по крайней мере, ещё не приходилось слышать...»

Разве свобода Германии так упала в цене, чтобы не стоило умереть за неё, если даже этим не будет достигнута эмансипация евреев» (Бисмарк).

VI. Захватывая все средства пропитания гоев, сыны Иуды поднимаются выше и выше. Ещё Биконсфильд сказал, что, восходя по социальной лестнице, всякий заметит, как всё чаще и чаще евреи перебегают ему дорогу.

Стоило в Москве дьяку Посольского приказа Украинцеву приютить у себя нищего жидка Шапиро, как сын этого жидка, сделавшись бароном Шапировым, уже породнился со знатью, вовлекая, между прочим, графа Толстого (одного из предков нынешнего друга евреев и владельца Ясной Поляны) в гешефты за государственный счёт, опозорил его и других, был, наконец, сослан Петром Великим, но при Анне Иоановне через других евреев вернулся и всё-таки умер действительным тайным советником...

«Рассуждавший о лошадях, как человек, а о людях, как лошадь», и, однако, успевший из конюхов стать регентом России, Бирон осчастливил наше отечество среди других благодеяний и шайкой курляндских евреев с Хацкелем Липпманом во главе. Через Липпмана Бирон раздавал суммы русского казначейства, как собственные, под еврейские проценты, разумеется, торговал оптом и поштучно — чинами, орденами, подрядами и помилованиями, а в заключение спектакля сам был продан им Миниху, хотя, к глубокому сожалению, не погиб и в Сибири. Что же касается Липпмана,

то, почив от дел в России, он в Амстердаме основал доныне существующий банкирский дом «Липпман, Розенталь и К°». И, что всего отраднее, тень бироновского Липпмана до сих пор витает над нами. Не один и не два государственных займа ещё недавно способствовали расстройству наших финансов при благосклонном участии названного банкирского дома.

Долго и много пришлось бы повествовать о сынах Иуды в период XVIII столетия, главным образом, конечно, на пути разделов Польши и расследования, произведённого Г. Р. Державиным, которого евреи сумели оклеветать и едва не погубили раньше, чем он возвратился в С.-Петербург. Затем следует эпопея двенадцатого года, когда те же сыны Иуды для подрыва кредита России усердно помогали Наполеону распространять фальшивые ассигнации. Вообще же и на пути своего «равноправия» они вели себя так, что дали Бисмарку повод воскликнуть: «Я не знаю, к чему бы годились евреи, если не для того, чтобы служить шпионами!».

А «железный канцлер» кое-что понимал в шпионстве.

Девятнадцатый век далее раскрыл перед Израилем такие горизонты на Западе и у нас, какие и во сне ему не снились. Припомним хотя бы иудейские «опыты» с контрабандой в эпоху континентальной системы, ровно как подряды и поставки на армию и бесконечные займы для борьбы с Наполеоном. Естественно, что и мы сподобились в заключение приобрести из членов «избранного народа» сперва одного министра финансов — Канкрина, а затем и двух министров иностранных дел (Нессельроде и Гирса) с целой плеядой посланников и консулов от иудейского же племени (Гамбургер, фон Тэнь, ещё два Гирса, Адлер и другие). Нессельроде не только ожидовил своё министерство, но и сделал нам трогательный сюрприз в виде Крымской войны, куда сбегались целые стаи его соплеменников как интендантских подрядчиков, и откуда вышли новые «князья во Израиле», как Гинцбург, сын которого был затем сретаем еврейством, аки новый Моисей, при открытии синагоги в Петербурге. Столь благодатное и для всех нас торжественное событие было воспето на всю Россию не менее достопамятным евреем Марксом, прибывшим к нам «от Прусс» единственно для того, чтобы просвещать нас «семейным чтением» («Нивы»).

Восстания 1863 года в Польше, вызывая горькие жалобы маркиза Велепольского на шпионство евреев уже обоим сторонам, завершилось для «избранного народа», конечно, не возмездием за рьяное соучастие в мятеже, а дарованием железнодорожных концессий «князьям» даже в самой Польше и открытием разных иных путей к богатству и политическому влиянию еврейства. Под видом обрусения края петербургские юпитеры разобрали между собой за гроши конфискованные у польских магнатов имения, как оказалось, для того, чтобы отдавать их на расправу евреям. Это была именно расправа с крестьянами, а не управление. Сверх того, отсюда же сверкнул тот источник связей в Петербурге, из которого полились на сынов Иуды благодать сахарных и биржевых привилегий свистопляски учредительства и, наконец, всего вообще, что у нас именуется воспособлением отечественной торговле и промышленности.

Подряды и поставки всякого рода наряду с блаженной памяти винными откупами издавна несли в еврейские кассы богатую дань. Ведь и сейчас каждая русская душа получает на своё «народное просвещение» 40 коп., а платит за водку 3р. 96к. в год. Необходимость же содержать у нас, на Западе, в особенности после франко-прусской войны, несколько сот тысяч войска создала для евреев уже непрерывно-доходные «золотые россыпи».

С другой стороны, хотя еврейству и теперь грех жаловаться на дела по захвату подрядов на винную монополию, тем не менее, вечным проклятием заклеймил кагал саму мысль об этой последней. Едва ли возвысился Мишлэ в картинах ужаса Европы пред нашествием Османов над простыми, из обыденной жизни взятыми, но неутолимой скорбью наполненными повествованиями о еврейских кабаках. [59]

Но вот была объявлена война за освобождение балканских славян. Россия вздрогнула самоотверженной любовью к несчастной турецкой райе. Вероломно и свирепо отравлял наш крестный путь во главе правительства Англии «гений Израиля» испано-итальяно-британский еврей Биконсфильд. К потехе и во славу кагала он же на берлинском конгрессе вволю позабавился и над

потоками русской крови, пролитыми по обе стороны Балкан. А в то же время соплеменники гения Грегер, Горвиц и Коган, равно как благодетель погонщиков Варшавский, то сами опустошали русское казначейство с жидовским нахальством, то представляли казне многомиллионные исковые требования по самым заветным правилам талмуда и со всей пронырливостью кагальной адвокатуры.

Как бы насытившись потом с нашего лица, «избранный народ» вскоре после войны 1877-78 годов решил специально приняться за политику. Евреи нашли, что пора, наконец, освобождать и нас самих. Теперь припомним о гешефтах новоявленного Гинцбурга в Порт-Артуре, равно как о предыдущих операциях еврейства на постройке Сибирской и Маньчжурской железных дорог, а также и о последующих «деяниях Израиля» на реке Ялу, в Шанхае, Гонконге и Сингапуре, с одной стороны, и в Лаояне, Мукдене, Владивостоке, Харбине, Иркутске, Томске и Челябинске, с другой. Евреи повсюду следовали за войсками, но не в рядах войск, разумеется, и занимались всем, что даёт наживу, — вплоть до захвата очередей на вагоны по доставке предметов первой необходимости сибирскому населению.

Можно себе представить, сколько новых «князей во Израиле» появилось отсюда и какие горы золота добыты евреями из беспримерного доныне разгрома России!..

Здесь мы останавливаемся, перенося политическую часть проблемы в следующий отдел этой главы.

Заметим только, что в самом талмуде (трактат Бетца, 25, а) признано: *«три существа не знают стыда: Израиль среди народов, собака между четвероногими и петух среди птиц»*.

VII. Обращаясь к философам, послушаем Артура Шопенгауэра, Клюбера и Фихте. Для того же, чтобы их мыслям дать введение, возьмём несколько слов у отца истории Гердера (Ideen zur Geschichte der Menschenheit):

«Министерство, где правит еврей, дом, в котором он держит ключ от денежного сундука и хозяйства, администрация или интендантство, где какой-нибудь отдел вверен евреям, университет, где евреи терпимы, хотя бы как факторы или как заимодавцы денег студентам, являются, без всякого сомнения, такими же Понтийскими болотами, которые необходимо осушить. Ибо по старинной пословице «ястребы слетаются туда, где есть мертвечина, и лишь там, где происходит гниение, извиваются черви».

О деморализации евреями всего, куда они проникают, мы уже говорили не раз, да и впредь не позабудем.

Это влияние бьёт главным образом в глаза на путях обмана, т.е. в преступлениях, наиболее свойственных нынешней иудейской эпохе, простираемых в невиданных раньше масштабах на целые классы, общества либо государства и поразительно совершенствуемых, а потому в большинстве неуловимых для современных законодательств. Именно и, прежде всего, к этому своему специальному, так сказать, спорту еврейство прилагает столько же искусства и любви, сколько их отдаёт птица, когда вьёт гнездо...

Участие евреев в данной сфере можно сравнить разве с действием тропического солнца на полярную растительность.

Артур Шопенгауэр справедливо строг в своём исследовании «О праве и политике». Вот что думает он:

«Скитающийся по белому свету еврей — не что иное, как олицетворение всего иудейского племени. Учинив смертный грех против Мессии, Спасителя мира, он не только никогда не будет облегчён от бремени своего злодеяния, но будет вечным бродягой без отечества среди чуждых ему народов. Таково преступление, такова участь этого маленького народца, который, — изумительное дело, — будучи прогнан из своей родины более двух тысяч лет тому назад, всё-таки продолжает влачить своё бытие и скитаться, между тем как столько других великих и знаменитых народов, наряду с которыми столь ничтожное племя даже не заслуживает быть упомянутым, — ассириане, мидяне, персы, отошли в вечный покой, исчезли без возврата. Так ещё и сегодня встречаем мы этого Ивана Безземельного среди всех народов мира. Причём он нигде не у себя дома, но нигде и не иностранец. Он отстаивает свою национальность с беспримерным упорством и всё пытается укорениться где-нибудь, чтобы, наконец, подделать себе отечество, без которого любой народ всё равно, что аэростат на воздухе. Увы,

по сие время живёт Израиль паразитом на счёт других народов и не на своей, а на их земле. Но это не мешает ему вдохновляться самым искренним патриотизмом во имя собственной национальности, как это ясно показывает строжайшая гармония, с которой все они держатся за одного и один за всех. Поэтому нет более искусственной и деланной, нет более лживой идеи, чем представление о евреях просто, как о религиозной секте. Когда с целью поддержать это заблуждение заимствуют у церковного языка термин религиозное исповедание, тогда, очевидно, прибегают лишь к рассчитанной стратегии с целью спутать истинные понятия о вещах. Так что, полагаю, само употребление подобного выражения не должно быть терпимо, ибо надо говорить о еврейской нации, а не о чём-нибудь другом.

А когда дело идёт о пороках, присущих национальному характеру евреев, когда заходит речь о поразительном отсутствии у них того, что мы называем verecundia, [60] и что позорит их несравненно больше, нежели всё прочее, но что служит им в этом мире на пользу лучше, чем самая высокая добродетель, то означенные еврейские пороки можно приписывать угнетению и рабству, но этим их отнюдь нельзя устранить».

Дополняя Шопенгауэра, известный философ и юрист Клюбер (Kluber, Uebersicht der diplomatischen Verhandlungen des Wiener Congresses, III, 375; Deutsches Bundesrecht, 4 изд., §516, прим 4) излагает следующее:

«Евреи представляют политико-религиозную секту, сурово подчинённую деспотизму раввинов. Жизнью своих общин, системой действий каждого из них, своим национальным, совершенно исключительным строем, обострённым сознанием кровного родства между всеми ними, то есть таким чувством, которое в сущности является духом касты, они образуют от отца к сыну сообщество наследственных заговорщиков. Дух еврейства познаётся, вообще говоря, из их религиозной гордыни: они воображают себя народом, который, будучи избран Богом, стоит выше всех неевреев и отличается от них как физически, так и нравственно, а затем полагают, что все прочие народы должны быть стёрты с лица земного. Но разум доказывает, а опыт подтверждает, что кастовый дух, в особенности же дух религиозно-политической касты, несовместим с благом государства и общества. Кроме того, вплоть до настоящей минуты иудаизм представляет с политической, религиозной и физической точек зрения такую кастовую закваску, которой нет другого примера во всей христианской Европе. Положение этого рода создаёт непрерывный антагонизм между израильтянами и всякой страной, где они поселяются.

Дать еврейству, каким оно является перед нашими взорами, права, вполне тождественные с теми гражданами, которые не состоят, подобно ему, в оппозиции и борьбе с государством, значило бы превратить в источник неизлечимой заразы этот бич, этот исконный антагонизм, который неотступно мучает и ослабляет государство, если не приводить его к совершенной погибели. По указанным основаниям мы проповедуем свободное, искреннее и бесповоротное порицание, устранение и отвержение талмудизма!»

Параллельно с другими мыслителями Фихте просвещает нас в отношении евреев так:

«Над всеми почти странами Европы простирается могущественное и враждебное государство, которое живёт в непрерывной войне с прочими державами и страшно угнетает их граждан, — это иудаизм. Я думаю, что он столь ужасен не в силу его обособленности, паразитизма и его крепкой сплочённости, а потому, что он основан и выстроен на глубокой ненависти ко всему человеческому роду. Племени, которое видит во всех других народах лишь потомков тех, кто выгнал его из его родины; племени, которое умаляет своё тело и свой ум и гасит в себе всякое доброе побуждение, предаваясь низкому торгашеству и ростовщичеству; племени, которое вопреки тому, что делается у других народов Европы, направляет самое святое из всего, чем располагает — узы своей религии на то, чтобы воспретить себе общение с нами даже в пище, и которое не только не хочет делить наших радостей и печалей, а требует полного размежевания как в обязанностях, так и в правах даже перед престолом Всевышнего, Отца всех людей, такому племени, — говорю я, — надо было бы занимать среди нас несколько иное положение, чем то, которым оно владеет в действительности и которому мы сами повседневные очевидцы. Я хочу сказать, что в государстве, где самый неограниченный монарх не

отнимет у меня без вины хижины моих предков, первому попавшемуся еврею не следовало бы, кажется, позволять грабить меня безнаказанно всякий раз, когда ему это понравиться.

И они хотят иметь права человека даже при том, что сами же они нам в этих правах отказывают (как видно из талмуда). Но дать евреям гражданские права возможно было бы лишь при том условии, чтобы в одну прекрасную ночь на место каждой еврейской головы была поставлена другая, в которой не оставалось бы ни одной еврейской идеи.

Оберечь же нас от них мыслимо, по-моему, лишь одним способом: завоевать для них обетованную землю и выслать их всех туда» (Fichte, — Berichte zur Berichtigung der Urtheile uber die franzosische Revolution. Seite 186-191).

VIII. Соображая изложенное, нельзя не признать, что именно евреи в весьма значительной мере сами виноваты в тех явлениях разрушения и упадка государств, оказавших им гостеприимство, которые сынами Иуды кидаются, однако, той или иной жертве в глаза. Являясь «спасителями» от зла, ими же причиненного, евреи кричат о своих будущих благодеяниях с тем большей наглостью, чем сильнее опасаются возмездия за всё ими содеянное. Как фермент разложения социальных организмов, действующий наиболее ядовитыми и опасными приёмами, еврейство и в самом лечении, им навязываемом, видит лишь дальнейший путь к достижению результата. Деморализация, материальное и умственное обнищание народа ведёт его к политическому унижению, а за сим и к утрате независимости. Всё, что может ускорить этот процесс для расширения иудейского господства, естественно и неизменно входит в задачи кагала. Осмеяние и опозорение всего, что народу свято, разгром его верований, идеалов и всего прошлого наряду с отнятием или развращением самих средств его защиты, — такова стратегия евреев, захвативших прессу и оборудовавших её в неодолимое исчадие ада. В частности, крепко держась основного правила, что все евреи за одного и один за всех, а, с другой стороны, завладевая торговлей, промышленностью и всякими иными источниками существования гоев, равно как, и прежде всего, их деньгами и кредитом, кагал понимает, что das Geld regiert die Welt, а потому не жалеет расходов в твёрдом сознании, что без них нет победы, решительное же торжество возвратить их сторицей.

Само собой разумеется, что набросанная выше схема развития экономического господства Израиля в России параллельно с проистекающей отсюда деморализацией всего окружающего представляет лишь поверхностный очерк несомненного и грозного факта. Но ужас его становится ещё вразумительнее, когда мы примем во внимание, что, по верному замечанию Мардохея Маркса, всякая революция как перемещение власти бывает и политической, и социальной одновременно, и что обездоление евреями своих жертв совершается не только для обогащения «избранного народа», а главным образом для обессиливания гоев в виду политической над ними тирании сынов Иуды.

Развенчание всех авторитетов, поругание всякой власти, унижение и вышучивание любой нравственности и физической дисциплины, подрывание самих устоев церкви и армии у «неприятеля», а как антитеза этому — неумолимость повиновения и стройность организации под эгидой «вечных» предписаний талмуда в среде самого еврейства завершают пред нами полный текст сатанинской программы.

IX. Евреи умеют выжидать, умеют «помогать своему счастью». Опыт веков научил их строить засады и подстерегать, а природа снабдила жестокостью, быть может, даже в большей степени, чем необходимо, чтобы растерзать жертву и выпить из неё кровь.

Кагал злорадствовал и торжествовал, когда мы невыносимо страдали в Манчжурии. Под коварной ложью освободительного движения, он пропагандировал социализм и устраивал стачки, съезды, митинги и забастовки даже в арсеналах, на оружейных и артиллерийских заводах, на железных дорогах, почте и телеграфе в самый опасный момент борьбы, когда стояли на карте честь и слава России. Плутуя в интендантстве и на бирже, кагал сознательно и невероятно обогащался сам и в тоже время лишал нас возможности продолжать войну за недостатком средств, а через разврат учащейся молодёжи и корабельных команд или же путём таких событий, как 9 января 1905 года в С.-Петербурге, рассчитанных на деморализацию маньчжурских армий, куда всё это еврейской же

прессой передавалось в извращённом и гнуснейшем виде, искал беспросветного для нас позора. Проповедуя свирепую ненависть и превознося революционный террор, вероломная, евреями же натравливаемая печать перешла последние границы государственной измены среди самых страшных испытаний, ниспосланных нашей родине, да ещё имела бесстыдство обвинять правительство в нарушении обещаний и поругании свободы. После 17 октября 1905 года сыны Иуды перешли, кажется, меру злодеяний, когда-либо ими совершённых, и, сверх того, по завету талмуда требовали содействия той именной власти, которую ниспровергнуть стремились; в случае же невозможности для самих представителей власти устранить последствия иудейского безумия, неистовствовали в домогательствах уголовного суда. Наполнив тюрьмы людьми, доведёнными до отчаяния издевательствами кагала, перепуганные им чиновники успели, однако, и сами набраться такого холода, что затем в «кадетском» триумфе на законодательных, с позволения сказать, выборах, что называется, и пикнуть не смели.

Увы, даже на этом дело не остановилось. Точно также раболепствовали пред еврейством сами забастовочные комитеты. Израиль должен быть обеспечен повсюду. И мы действительно видим, что после Мукенда, когда предстояло отнять у нас последнюю искру надежды, а японцам помочь, реорганизация и значительное усиление нашей армии встретило противовес в распропагандировании её целыми транспортами революционных газет, которые исправно пересылались на театр войны именно стачечными комитетами, даже если ничто иное по Сибирской дороге не доставлялось вовсе либо, что ещё хуже, загонялось на запасные пути неведомых станций и расхищалось целиком, всё равно будь это предметы продовольствия, снаряжения или вооружения армии. Правда, Сибирская дорога была заранее отдана в управление полякам, о самоопределении которых как достойных еврейской награды теперь столь назойливо ратуют кагальные же «паладины свободы», за наш же, разумеется, счёт.

X. Впрочем, было бы странно, даже непостижимо, если бы умеющий оставаться благодарным и просвещающим тёмную Россию, кагал не дал бы нам и этого утешения. Ведь на миллион русской армии, постепенно перебывавшей в Манчжурии, пришлось едва 18.000 евреев, —остальные скрылись или же занялись гешефтмахерством, разоряя нас как воины Израиля. Из этих 18.000 евреев попало к японцам в плен немного, всего 12.000, т.е. два из каждых трёх евреев. Растроганная Россия, даже Москва ответили на такую доблесть безраздельным торжеством партии «народной свободы», а в частности избранием в народные депутаты двенадцати евреев, т.е. по одному на каждую тысячу еврейских пленных, не считая, конечно иудейских же рабов, которым, risum teneatis, в государственной думе нет числа.

Русские же люди остались за дверьми учреждения, призванного научить их «свободе». «И это, — говорят евреи, — только справедливо, ибо они возлюбили Россию, а ведь они же одни способны приобщить её к благам конституции... и политического шулерства...»

Правда, черносотенная, то бишь националистическая, печать во Франции утверждает, будто русский народ в избрании нынешних социал-талмудических депутатов не участвовал, а если и посылал в Думу революционеров, то лишь будучи обманутыми еврейской же агитацией и потеряв голову в негодовании на страшный позор всего, что для России теперь выражается словом «Цусима».

Правда и то, что здравомысленные немцы мало верят в искренность русской революции или в «назревшее» народное движение, а считают эту социал-талмудическую музыку организованным разбоем, внутренние пружины которого не имеют ничего общего с благом русского народа.

Правда, что, как говорит Герберт Спенсер, **«торжество социализма было бы величайшим бедствием, какое когда-либо испытывал мир. Логическим же отсюда результатом явился бы военный деспотизм».**

Правда, что **«глухой топот рабочих батальонов» как результат ненависти, зависти и возмущения никогда не заставит человечество уверовать в спасительность «диктатуры пролетариата» или в необходимость почитать звание фабричного подёнщика за идеал для homo sapiens.**

Правда, что **улучшение хотя бы одного материального состояния общества может быть**

достигнуто облагорожением человеческого характера через постепенное умственное и нравственное совершенствование, а не через внезапное и насильственное револьверами и разрывными бомбами сокрушение всего созданного на пути веков.

Правда, что, **сам отказываясь предначертать практически будущий распорядок человеческих стад, социализм Маркса и в теории соткан лишь из фантазии, путаницы и противоречий.**

Правда, наконец, что, как ещё раз замечает Спенсер, **«нет такой политической алхимии, посредством которой можно было бы получить золотое поведение из свинцовых инстинктов».**

Но какое же до всего этого дело нашим еврейским благодетелям?..

Если даже столь дерзкий вздор, как «народная свобода», провозглашённая социал-талмудистами, годится, чтобы убедить нас в необходимости Портсмутского мира, тем хуже для России и тем величественнее змеиная мудрость Израиля.

Если кагалу удалось обмануть французов, подарив им несуществующий миллиард франков, который евреи с масонами обещали выручить от изгнания религиозных конгрегации, то почему нельзя повторить кагального бенефиса у нас, посулив «трудящемуся крестьянству» чужие земли и вместе обещая во имя равноправия уничтожить само звание крестьянина там, где их 90.000.000?..

Если только что затеянная расстригой Комбом и едва пронесшаяся буря — последний взрыв народного энтузиазма и самосознания погибающей французской нации не повредила еврейству, осмеливавшемуся на поругание храмов при благосклонном участии войск и пожарных команд, то почему же нельзя послать еврейских прислужников, как Гапон, Петров или некоторые другие либеральные служители церкви в обеих столицах, на служение Израилю против «черносотенника» митрополита московского или даже против великой идеи Самодержавия?

Ведь, до сих пор от Дрюмона — во Франции или от Люгера — в Австрии еврейству приходилось защищать только свои, так сказать, авангарды и передовые позиции. В России же дело идёт о главных силах и центральных укреплениях «избранного народа» для окончательного захвата и порабощения нового Ханаана...

Раз сынам Иуды блистательно удалось подарить нам «свободу», а главарей мятежа и в особенности своих князей во Израиле уберечь от военно-полевого суда, теперь уже им нечего опасаться за такую малость, как «еврейское равноправие». Фактически владея террором над Россией и такими правами, которые, в сущности, несравненно шире, чем у нас самих, евреи хорошо понимают, что и само «равноправие» уже не больше, как последний этап к их суверенитету.

Разве ещё в ноябре 1903 г. Саул Самуил Маркус, тогдашний лорд-мэр лондонский, не объявил одному из бывших чинов нашего министерства иностранных дел, что с Россией евреи не станут заводить никаких торговых сношений вновь, ибо война с Японией для нас неотвратима; что мы к этому отнюдь не готовы и что, следовательно, будем биты до тех пор, пока не вмешается Рузвельт, как говорят, — потомок голландских евреев и не прекратит войны?!..

Разве не евреи требовали и достигли мира, когда мы были достаточно унижены и распропагандированы, чтобы покориться им, и когда под опасением за нашу состоятельность по государственным займам, а в особенности под страхом за своё «равноправие», всемирный кагал не находил нужным поднимать наш дух, открывая нам путь к победе?

Разве с идейной, экономической и политической точек зрения, русский народ при иных условиях позволил бы евреям Френкелям, Горценштейнам, Винаверам либо Червоненкисам выдавать себя за лучших представителей России, а еврею Иолосу — лгать всенародно? Да ещё и солгал Иолос, будто в германском рейхстаге особые мнения не могли бы иметь места даже по столь беспримерному голосованию, как адрес, в котором государственная дума осмеливалась назвать программой предстоящего законодательства разрушения права собственности, раздел государства между инородцами, пересмотр основных законов и т.п. «требования», понадёрганные из самых анархических замыслов и нигде на самом Западе отнюдь недопустимые?

Нет, чтобы на всё это решиться, надо было сперва устроить нам японскую войну, а затем, изменнически подтасовав и усилив наши невзгоды, развратить молодёжь, городской и сельский

пролетариат заведомо плутовскими обещаниями. С другой стороны, необходимо было разнести огонь мятежа, разбоев и диких, варварских убийств по всему пространству России, прежде всего путём жидовской печати, заботами всемирного кагала доставляемой и на поля битвы, даже через Японию.

Вообще же говоря, надлежало довести наш несчастный народ до картины, нарисованной поэтом:

— «Разнузданный разврат, увенчанный цветами,
И труд поруганный... Смеющийся глупец,
И плачущий в тиши незримыми слезами,
Затерянный в толпе непонятый мудрец!..

XI. Где появились евреи, там наступает глубочайшая испорченность, — таков основной факт всякой культуры, географии и истории.

«*Скорее чёрта можно направить на путь добродетели, чем евреев*» (Лютер).

Проникая повсюду, сыны Израиля как средством руководствуются основным правилом: давать «пользоваться собой» великим, дабы под их защитой уже безнаказанно проводить свои замыслы и над малыми, и над великими. Таким образом, еврейству не дурно живётся при всяком режиме. Революция же, разлагая власть и продавая государство искателям приключений, делает продажным всё, особенно при хаосе «свободы парламентской». Вот почему она больше, нежели что-нибудь другое, нравится «избранному народу».

По договору со своим Иеговой, еврей ждёт и требует не какого-то идеального, никому хорошо неведомого воздаяния на небесах, а именно — звонкой награды уже в этом мире.

«Кровопийство бедности» и «министерство голода» — вот иудейский лозунг и пароль.

Разум без идей; хитрость без мудрости; богатство без благородства; барыш без работы; наслаждение без идеала; блеск без чести; низость перед сильными и презрительная надменность пред слабыми; смесь денег и коварства, фраз и плутней, наглости и сервилизма, — такова подлинная микстура «освободительного» еврейства.

И эти-то «герои прогресса» осмеливаются монополизировать в свою пользу всё будущее России, главенствовать среди нас и экономически, и умственно, и политически. Осмеивая и презирая всю историю русского народа, как и его самого, евреи не только дерзают именовать его «чёрной сотней», а всенародно требуют поклонения себе как единственным благодетелям. Отнимая и развращая даже детей наших, они внушают этим несчастным вражду к власти родительской и вместо учения влекут их в ряды социализма, коммунизма или, что ещё заманчивее, — анархизма. Избивая тысячами должностных и частных лиц, они миллионами листков своей презренной прессы кричат, что в пролитии крови повинно само же русское правительство. Вероломно прикрываясь девизом «народной свободы», они открыто и безнаказанно в печати жаждут новых убийств (напр. Филонова, Жданова и др.) либо аплодируют растерзанию бомбой Коновницина или покушению на жизнь адмирала Дубасова и, тем не менее, вопиют о поругании свободы. Присвоив обманом добытые в государственной думе места, они ищут ниспровержения государственного строя России и домогаются полной амнистии бешенным злодеям-бомбометателям, причём наивно заявляют, что сидеть в думе или в остроге — зависит де от простой случайности.

О колоссальных еврейских, едва ли не сплошь мошеннических, богатствах они, разумеется, умалчивают. Чужое же право собственности на землю уничтожают. За погромы, самим же еврейством вызванные, свирепо преследуют правого и виноватого, а за поджоги и разгром усадеб, равно как всего нередко многими трудами устроенного хозяйства, требуют всепрощения и даже награды через увеличение наделов, хотя о методах и результатах этой грозной проблемы не имеют понятия, если не вновь алчут крови.

Затевая раздел и гибель России, они всего меньше заботятся об ограждении её не только от внешних, но и от внутренних врагов. С других же сторон, вопреки своим лживым уверениям, отнюдь не помышляют о её спасении благами мирного и разумного труда.

«Monstrum horrendum, informe, ingens, cui lumen adeptum!..» (Виргилий).

У них тяжкой, смертельной болью не сжимается сердце пред неисповедимыми печалями нашей родины. Не они проливали свою кровь под Калкой, на Куликовом поле, в Украине, под Очаковым или Варшавой, на полях Бородина или Лейпцига, под Севастополем или на Балканах, не они горевали и в далёкой Манчжурии. Что может сказать им «Песнь о полку Игореве», запорожская думка либо русская былина? Не чуют они и величия души, сказавшего, например, в первых аккордах суровой мелодии:

Реве, та стогне Днипр широкый,
Сердытый витер завыва,
— До долу вербы гне высоки,
Горамы хвыли пидийма!..

Чужда им народная скорбь наша, столь ярко отражающая глубину и кротость миросозерцания русского человека. Не понимают и никогда не поймут они души русского солдата, так благородно и трогательно раскрытой Драгомировым...

Ведь они только евреи!..

Не любовь и милосердие, а месть и ненависть посевают они.

Не о царстве духа и не о братстве людей кричит еврейство, а о собственной тирании над социалистическим человечеством, выросшим без отца и матери, без сострадания и без радости, только для того, чтобы поставлять жертвы новым Молоху и Астарте — заводу и фабрике.

Но мир Божий — не фабричное и не заводское предприятие, хотя бы и «национализированное»...

Россия не нуждается в указке Мардохея Маркса!

Довольно в ней и солнечного света, и полей, и лесов, а русский народ жаждет только науки и дружного, смелого труда. Ни в том, ни в другом, однако, ни сами евреи, ни их ученики, последователи, сторонники или приспешники России не нужны и не пригодны. Пройдёт угар безумия, которым наделила нас судьба-мачеха, и мы воспрянем без еврейской помощи. Разбудили медведя и разгневали его; пошёл он прочь от берлоги и стал по лесу сокрушать всё на пути. Но погодите, успокоится Михаил Иванович, надоест ему воевать зря, оглядится вокруг, разберёт, как и что... Тогда уж поберегись тот, кто его раздразнит плутнями или обманет вновь...

Пусть это твёрдо запомнят непрошеные благодетели!

В. Еврейство и масонство, как эксплуататоры наших невзгод для порабощения нас через фальсификацию свободы.

Это оригинальная, даже невероятная и пока едва затронутая, но ядовитая и вполне реальная проблема, без сомнения, призванная волновать умы в самом ближайшем будущем. Если в мире животных мы видим шакалов, следующих за тиграми, или же лоцманов, сопутствующих акулам, то почему, в самом деле, нельзя было бы встретить того же и в мире людей? А если это возможно допустить теоретически, то почему не следовало бы вглядываться и в действительную жизнь?

Кое-что о евреях и масонах мы уже знаем. Добавлять пришлось бы многое, а время не терпит, да и задача наша гораздо скромнее, чем изучение вопроса систематически и в его полноте. Поэтому ограничимся наиболее знаменательными указаниями.

А дабы последующее стало яснее, припомним что еврейство переживало не одну и не две революции у разных народов мира, само нередко участвуя в них ради собственных, конечно, целей. Таким образом, то, что происходило во Франции в конце XVIII века, строго говоря, не является новостью для сынов Иуды, как не ново для них и всё беспредельно ужасное, до глубины души волнующее нас теперь.

С точки зрения сынов Иуды, какая-нибудь победа Кира над Вавилоном или восстание Маккавеев имеют несравненно большую важность (по отношению к Иерусалиму, разумеется). В одном не уступают нынешние испытания России. Они столь же связаны с дальнейшими судьбами еврейства именно в его основной массе, как и некоторые исторические перевороты древности.

Во всяком случае, мы не ошибёмся, признав, что в глазах евреев Россия — столь же ненавистное царство Эдома, каким в своё время считался ими императорский Рим, и что, с другой стороны, их современная революционная деятельность относится еврейством к своей национальной истории, а отнюдь не к нашей. Ассирия, Испания или Россия — это временные картины, поставленные в иудейской панораме, не более.

Видеть нам здраво — значит не забывать этого.

Всё изложенное выше, кажется, достаточно убеждает в гордыне Израиля. Попробуем несколько развить сказанное следующим.

I. Если вы, благосклонный читатель, бывали в Люцерне, то вы, конечно, видели диораму Альп. Зритель входит в совершенно тёмный зал и некоторое время остаётесь во мраке. Внезапно поднимается занавес и сразу открывает восхитительную панораму гор и озёр, ледников и долин, уходящих в небеса снежных вершин, бесконечных лесов, диких утёсов, скал, глетчеров и пропастей, частью зияющих своими изуродованными краями, частью предательски занесённых снегом... Удивительные эффекты освещения дают вам попеременно картины утра, полудня и солнечного заката, а явление альпийских сумерек, мрачные и чудесные переливы розовато-багрового света, то, что у местных жителей называется «альпенглюн», завершают странное и сильное впечатление... Вдруг вы опять в тёмном зале и опять одни со своими думами... Но вот занавес взвивается снова, и перед вашими очарованными взорами проходят, одна прекрасней другой, картины торжественной и дивной природы. Вот Монблан и Шамуни, вот Юнгфрау, Монтроза и Грост-Глокнер, вот ещё целый ряд снеговых высот с неудобозапоминаемыми названиями. Ещё далее — монастырь св.Бернарда, Интерлакен, Женевское озеро. Вот упоительные пейзажи озера Четырёх кантонов, вот Риги и её Zahnrad Bahn. А вот и гора Пилатус, окружённая таинственными средневековыми легендами... Ещё минута — и пред вами мертвенный Констанц с его пустынным Боденским озером — этим «Мёртвым морем» Швейцарии, как бы и поныне отражающим скорбную эпопею Иоанна Гусса... Невольно приходят на ум величавые строфы Тараса Шевченко: [61]

> Кругом неправда и неволя,
> Народ замученный мовчит,
> А на апостольском престоле
> Чернец годованый сыдыт;
> Людскою кровию шинкуе [62]
> И рай у наймы отдае...
> О, Боже! Суд Твий правый всуе
> И всуе царствие Твое!..

Наконец, занавес падает в последний раз, и вы уходите в необыкновенном, мистическом и мечтательном настроении духа. Но уличный шум и суматоха обыденной жизни скоро возвращают вас из заоблачных высот в низменный мир действительности.

Нечто подобное должен испытывать единственный, по его мнению [63], зритель всемирной истории — «вечный жид».

Времена и поколения, народы и царства внезапно появляются, дескать, перед ним из мрака; растут, крепнут и расцветают, вянут, гибнут и рушатся, сменяя друг друга без перерыва. Один он остаётся... И у них бывал свой рассвет, свой полдень и закат; и они иногда блистали кровавым, медленно замирающим светом исторических сумерек... Но в роковую минуту занавес всё-таки падал, а еврей уходил продолжать своё дело, пока в мировой панораме не будет поставлена серия новых картин...

От одного спектакля до другого при участии своих сродников —других семитов он подчас изменял и саму программу представления, держась, однако, подальше от закулисных электрических батарей. Ниневия и Вавилон, Тир и Сидон, Иерусалим и Тивериада; Карфаген и Багдад, Севилья и Альгамбра, Гренада и Кордова; Лангедок, эта Иудея Франции, Венеция с её Шейлоком и Франкфурт на Майне с его улицей «Красного Щита» («Rothschild»), колыбелью Ротшильдов; Новый Ханаан — Вена с подвластными ей, по преимуществу славянскими, землями, а затем Варшава, Бердичев, Одесса и

Вильна, — таковы названия главных «лож», откуда семиты попеременно наблюдали всемирную трагикомедию, хотя далеко не всегда лишь в качестве зрителей...

О, нет! Как всякому известно, они не довольствовались пассивной ролью. Уходя за кулисы, они сеяли там ложь, предательство и нищету, как бы отнюдь не желая оставлять монополистом того примаса Венгрии, которому принадлежит известный «практический» рецепт: «Opporlet faccere Hungariam miseram, postea mendicam, deinde catholicam!»

Ещё только добиваясь звания всемирного режиссёра, евреи уже мечтают о независимой антрепризе.

В конечном же идеале они видят себя владельцами такой труппы актеров-рабов, где лучшие балерины и примадонны шара земного будут наполнять гаремы социал-талмудистов: первые любовники станут евнухами сераля; благородные отцы и резонёры получат ливреи дворецких; первые и вторые комики поступят выездными лакеями, а вся прочая людская челядь пойдёт строить золотые пирамиды для возвеличения детей Иуды в роды родов...

II. Не говоря о других, бесчисленных и высоко-забавных, баснях еврейской гордыни, мы для образца можем указать на две яко бы научные попытки фальсифицировать всеобщую историю в означенном выше смысле, т.е. к превознесению Израиля и к уничтожению всего остального человечества. Одна из них обращена к временам давно минувшим, другая стремится прозреть в отдалённое будущее.

I. Роскошно одарённый природой, но воспитанный иезуитами, несравненный политический оратор, ставший духовным витией, Боссюэт обладал той туманной высотой мысли, которая столь легко действует на большую часть людей. Быстрый и чрезвычайный успех ослепил его, и вот в его «Discours sur l'histoire universelle» мы видим, как он напрягает всю свою энергию и весь свой талант, — с целью уронить и обездолить дивные силы человеческого, а в особенности арийского, духа. И такое донкихотство тем печальней, что, хотя эти силы нередко презираются людьми, не имеющими о них понятия, однако, в действительности, они столь поразительны, что, как этого не мог не сознавать и Боссюэт, ещё не родился человек, которому удалось бы охватить их всецело.

«Наслышавшись, — замечает Бокль, — что евреи — народ избранный Богом, упомянутый сейчас автор почти исключительно сосредоточивает своё внимание на израильтянах и рассказывает об этом упрямом и невежественном племени в таком смысле, будто оно составляло единственную ось, вокруг которой вращались все дела целого мира. Наряду с этим, по его словам, в историю вовсе не должны входить народы, прежде всех других достигшие цивилизации, народы, которыми сами же евреи были обязаны и теми скудными познаниями, каких они получили впоследствии.

Он мало говорит о персах и ещё менее о египтянах. Он даже не упоминает о том неизмеримо более великом народе, который живёт между Индом и Гангом, философия которого составила один из элементов александрийской школы, утончённое мышление которого предупредило все усилия европейской метафизики, и который на своём языке слагал самые возвышенные творения ещё в те времена, когда евреи, осквернённые всякого рода злодеяниями, были только бродячей ордой грабителей, скитавшихся по лицу земли, жалким скопищем, которое на всякого поднимало руку, и на которое поднимал руку всякий, в свою очередь».

II. Но если подобное заблуждение мало извинительно даже у Боссюэта, то оно представляется уже заведомой неправдой у еврея Дарместетера, [64] сколь бы ни раздували этого «знаменитого учёного» «равноправные» израильтяне.

Облыжно предполагая существование какого-то ариосемитического человечества и, следовательно, допуская передержку на первой же странице своей брошюры, названный еврей утверждает далее, что подлинная история иудейского народа ещё не написана, а когда она будет доведена до желаемого совершенства, то охватит всех людей, причём биографии остальных народов войдут в неё лишь как её отдельные эпизоды.

Тогда на пути Израиля можно будет увидеть шествие: первобытных кочевников-семитов с их многобожием, Египта и его жрецов, Сирии с её богинями, Ниневии и Вавилона, Кира и его магов, Греции и Александра Македонского, Рима и его легионов, Иисуса Христа и Евангелия. Затем, т.е. с того момента, когда единство евреев рушится и наступает их рассеяние по четырём концам мира,

историк, следуя за ними по Аравии, Египту, Африке и по всем странам Западной Европы, будет в состоянии наблюдать вновь: Магомета и Ислам, Аристотеля и схоластиков с их философией, все знания Средних веков и всяческие перипетии их торговли; гуманизм и эпоху Возрождения, протестантизм и Французскую Революцию.

Неустанной деятельностью и своими страданиями еврейский народ замешан во всех драмах человечества. Он дважды обновил мир: Европу — через Иисуса Христа, Азию — через Магомета, не говоря о других проявлениях своего бытия, более медленных и более скрытых, но едва ли менее устойчивых, которые он развивал, созидая в своих гетто нынешнюю европейскую мысль.

В гармонии с изложенным, еврейская всеобщая история должна быть разделена на три периода: первый — до возврата из Египта, второй — до рассеяния и третий — до Революции.

Ассириология и египтология в связи с Пятикнижием Моисея, книгами царств и пророков — таковы документы первого периода.

Обе части, талмуд, Мишна и Гемара с их бесчисленными дополнениями, являясь обширной компиляцией, хотя и без малейших признаков исторической критики, представляют, тем не менее, богатейшие рудники и дают возможность следить не только за развитием еврейского духа на протяжении более, чем шести веков, но и поучают о временах самого зарождения христианства, стало быть, о таком решительном, втором, периоде цивилизации, который служит одной из поворотных точек истории.

Третий период есть критика взаимного проникновения двух миров — Азии и Европы. В его пределах всё ещё должно быть созидаемо вновь. Арабы и европейцы в эпоху Средних веков, а между ними и евреи, влияние которых на оба предыдущих элемента было частью блистательным и очевидным, частью молчаливым и туманным, оказываются такими сферами, где задачи историка всего затруднительнее, но и всего благотворнее. В полной же совокупности фактов своего жизнеописания сыны Израиля открывают для исторической психологии тему, которой не даёт никакой другой народ, потому что именно здесь мы видим случай самого продолжительного опыта, какой был когда-либо производим, и притом среди наиболее разнообразных условий, над одной и той же хорошо известной человеческой силой.

Предпослав, таким образом, свою идею всеобщей истории и указав её основные моменты, Дарместетер обращается к начертанию тех главных вопросов, которые подлежат её разрешению.

В этой области он оказывается ещё более ограниченным и пристрастным евреем, чем в первой части своей брошюры. Для доказательства нет необходимости приводить и сами вопросы, которыми он желал бы наполнить свою историю. Достаточно заметить, что все они, как и вообще любое произведение иудея, дышат ненавистью и презрением к тому самому христианству, на лицемерном возвеличивании которого иудаизм подчас стремится обосновать своё безграничное торжество, и, сверх того, вращаются в самых узких рамках заносчивого, но всегда невежественного талмудизма.

Приписывая метаморфозы человеческой мысли исключительному влиянию и руководству сынов Иуды и признавая выдающимися только таких людей, которые были евреями или симпатизировали им (Раши, Маймонида, Спинозу, Кромвеля, Мирабо и аббата Грегуара), Дарместетер ставит своим единоплеменникам в высшую заслугу именно тот факт, что они всегда боролись с господствующей религией, всё равно, чьё бы имя ни носила она, — Ваала, Юпитера или Иисуса Христа.

В апофеозе он утверждает, что лишь вероучение евреев никогда не шло поперёк дороги знанию и не старалось «оскорбить» своих адептов.

«Внутренние раздоры уже подкапывают здание христианства, —заключает Дарместетер, — а коренная задача иудаизма ввести на всей земле принцип единобожия и царство справедливости растёт и крепнет с каждым днём. Библия Лютера вышла из комментариев Раши, и, значит, протестантизм, передовая религия индо-германцев, есть дитя всё того же иудаизма, а 28 сентября 1791 года — день, с которого во Франции уже нет отдельной истории евреев и который служит девизом их победоносного будущего в остальном мире»...

Таковы, в общих чертах, рассуждения Дармемтетера.

Верно конспектируя его надменную и лукавую брошюру, всё сказанное может, тем не менее, дать о ней лишь слабое понятие. Должно и необходимо прочитать её в подлиннике, чтобы уразуметь всю опасность поползновений современного еврейства.

III. То, о чём фантазирует Дарместетер, присуще в той или иной форме как любому еврею, так и всему еврейству. Очевидность этого факта явствует, впрочем, уже из господства талмуда среди сынов Израиля, с незапамятных времён. Под таким господством следует разуметь неудержимое стремление евреев к тирании над другими народами, неизменно проявлявшегося на пути истории всякий раз, когда представлялась возможность. Этот гвоздь надо вколачивать в сознание всякого гоя без устали до тех пор, пока его нельзя уже будет оттуда выдернуть.

Основным средством достижения тирании является порабощение евреями окрестного населения экономически. Но и по этой дороге никогда не забывает еврейство принципа «divide et impera», хотя и видоизменяет его. Разница обусловливается презрительным и насмешливым характером иудаизма. Сыны Израиля не довольствуются травлей, а забавляются ею. Сатанинская же их забава всегда зловеща. Указанное историческое явление лучше всего запечатлено в немецком афоризме:

> Wenn die Christen miteinander raufen,
> Machen die Juden die Musik dazu!..

Не ошибается тот, кто в отношениях с евреями не станет забывать об этом метком указании народной мудрости.

Сам «знаменитый» историк евреев Грэтц признаёт, что:

«Заключая поучения возвышенные и низменные и рассматривая евреев как поставленных над язычниками, талмуд содержит множество изречений и распоряжений, мало сострадательных к другим народам и к последователям иных религий».

Со своей стороны, рассуждая о величии талмуда, на постижение которого евреи отдают всю свою жизнь с 10-летнего возраста, Дарместетер по поводу «короля безбожников» заключает так:

«Воспитайте хорошо одарённый ум на изучении талмуда, и вы создадите резонирующий дух с могучей логикой и проникновением. Одним словом, у вас получится Спиноза, которому философия обязана талмудическими тонкостью и глубиной. Именно в Спинозе отразилась вся неумолимость логики, а дедукция поднялась до наибольшей высоты. Его мышление никак не индукция».

Однако, не даром в своём трактате «Спинозизм в иудаизме» голландец Вахтер ещё в 1699 году рассматривал Спинозу как переодетого каббалиста. Действительно, система Боруха Спинозы представляет ближайшее родство с учением Соломона ибн Гебироля или Авицеброна (XI века), самого прославленного из еврейских каббалистов, смешавших воедино и талмуд, и греко-арабские предания, и многое другое из «таинств» древнего мира.

Мудрено ли, что, отражая дух того человечества, из которого проистекает, арийская Риг-Веда, за немногими исключениями, дышит поэзией, нежностью и благородством, и что, наоборот, большая часть сказанного в талмуде и каббале запятнано материализмом, жестокостью и предательством.

Мудрено ли, что повсюду, где они приобретали силу, евреи неизменно оказывались «профессорами» гнёта и преследования.

Мудрено ли, наконец, что тогда как уже в сочинениях Гизо, Минье и Луи Блана можно прочитать то самое, что мы и сегодня знаем о сущности и возникновении социальных явлений, и что в самой Германии Лоренц фон-Штейн раньше Мардохея Маркса дал полную картину борьбы общественных классов, у одного Маркса эта проблема превратилась в террор пролетарского деспотизма под главенством всемирного кагала, разумеется. Социальные теории идут, несомненно, из Франции, но как арийцы французы наравне с древними греками исповедуют вечность мыслящего принципа, т.е. бессмертие души. Ничего подобного мы не видим у евреев, для которых удовлетворение животных потребностей — единственная форма счастья, ими познаваемая. Вот почему, тогда как французы на первый план выдвигали самодеятельность и развитие личности и поклонялись разуму, Мардохей Маркс и его последователи задумали, наоборот, превратить мир Божий в тупоумную фабрику, а

человечество — в арестантские роты, всякое соревнование запрещать, а разуму или таланту, даже здравому смыслу, не давать хода. Но если человек не имеет права хотя бы на трудолюбие, а дитя не должно знать своего отца, [65] и если все мы —только голодные волки, которых будут кормить и держать на цепи по приказу еврея Маркса, тогда спрашивается, о какой же нравственности в социализме может быть речь? Рассматривая историю человечества единственно как борьбу классов из-за власти, т.е., в сущности, из-за порабощения одних людей другими, помянутый сын Иуды, как сам, так и в лице своего зятя, такого же еврея — Энгельса et consortes и, наконец, в стаде неомарксистов лишён надежды подыскать какой бы то ни было суррогат. Хотя в тумане веков евреям удавалось подделывать многое, тем не менее позволительно думать, что месть и ненависть им не удастся превратить в милосердие и любовь.

Пусть всё расшаталось, как утверждают социалисты. Пусть хозяйство, наука, искусство, нравы, религия, одним словом, все наши понятия, пребывают в состоянии брожения. Пусть на свете не будет ничего прочного, люди всё-таки не подчинятся диктатуре пролетариата. Если бы даже, как говорит Кабэт, что, впрочем, отнюдь не доказано: «современная культура принесла одни постыдные преступления, войны и революции, казни и избиения, катастрофы и бедствия», никогда, однако, не наступит того, что воображал Фурье, представляя в новом строе жизни землю, населённой какими-то «услужливыми анти-львами», солёную воду океана, превратившейся в сладкий лимонад, а людей — ростом в три метра.

Девиз, поставленный Вейтлингом перед его «Гарантиями гармонии и свободы», может служить эпиграфом и для всей современной социалистической литературы: «Мы хотим быть свободными, как птицы небесные; жизнь мы хотим прожить беззаботно, как они, веселыми стаями, среди сладкой гармонии». Но этому не бывать, если бы даже в самом учении Маркса не скрещивались столь различные основания течения, что никакая софистка в мире не в состоянии направить их в одно русло. Вопреки мечтаниям иллюминатов, социалистов et tutti quanti, нет и не было естественного социального порядка, а всемирная история не есть лишь скопление ошибок и заблуждений.

«Пролетариям нечего терять..., кроме своих цепей, — поучал Маркс, — Но им предстоит завоевать целый мир...

Пролетарии всех стран, — соединяйтесь!»

Заметим хорошенько, одни пролетарии!

IV. Для торжества такой теории, во всяком случае, едва ли достаточно проповеди о цепях, которые надобно разорвать, будто бы одним пролетариям, и мало повествования о предстоящих революциях и кровавой борьбе, о смертельных ударах и массовых убийствах...

Впрочем, Маркс, говорят, и сам сознался однажды: «Moi, je ne suis pas marxiste!». И ведь сказал правду, т.к. еврею, безусловно, нет роли в этой трагикомедии.

«Мы видим, что первой критикой марксизма, которая произвела известное впечатление на самих его приверженцев, было время, — свидетельствует профессор Зомбарт, — Там и сям вытаскивали по камню из здания марксистской системы. Целая армия кротов, буржуазных и социалистических, взрывала почву, на которой высилось гордое здание, пока оно не рухнуло однажды, неожиданно, без всякого предупреждения, как кампанилла в Венеции».

К ниспровержению названной теории прежде всего стремится тот вразумительный факт, что дороговизна труда постоянно возвышается и, по выражению Зобарта, «играет в промышленных кризисах как бы роль тормоза у несущейся с гор повозки спекуляции, предохраняя её от падения в омут перепроизводства и краха».

Но и помимо этих данных, лечение от капитализма, главным образом евреями же развращённого, меньше всего к лицу сынам Иуды. Кроме того, средние пути, чувство меры и забота о равновесии никогда не отличали иудейства. Лишённое истинного разумения и выдержки, оно неизменно стремится к самым решительным крайностям.

Возьмём у социалистов хотя бы понятие о труде. За труд ими признаётся только работа физическая, всякая же иная, по их мнению, —одна пустая забава. Независимо от всего другого, вероломство

такого учения раскрывается уже из факта, что, за немногими лишь крайностью обусловливаемыми и, во всяком случае, временными исключениями, евреи физическим трудом не занимаются. Ясно, что им нет места в социалистическом строе, иначе как в звании начальствующих и правителей или же в качестве революционеров. Кагал не позволит унизить себя до подчинения гоям и не для этой цели выдвинул он «творца интерналки». С другой стороны, например, уравнять, хотя бы в материальном отношении, возможно рабов, а не свободных людей. Тем не менее, социализм идёт к равенству яко бы в свободном обществе. Результатом же, очевидно, может быть только рабство, т.е. опять крайность немыслимая. Наконец, сам замысел «оскотоподобить своих адептов» через лишение их умственного света и повальное закрепощение, разве это не дерзновенная химера? Между тем, замысел этого рода уже сам по себе изобличает планы еврейства и является только современной формой его древней гордыни.

В свирепом самодовольстве Мардохей Маркс жидовским сапогом наносит удар тому зданию нынешнего общества, крушение которого норовит ускорить. Что же касается предвидения будущего, то это не еврейское дело, разумеется. Социал-талмудисты упорно скрадывают цель, куда стремятся.

Независимо от сказанного, одним презрением к религии эти социал-революционеры уже раскрывают нищету своей философии. Встречаясь с крепкими, на вере основанными и в духе коренящимися убеждениями лиц и сословий, революция жаждет одолеть их, потому что в них именно видит главное препятствие своим уравнительным и деспотическим замыслам. Если ей нравится золото как металл, то оно же ей отвратительно как талант-самородок среди будущих её рабов, и если конечная цель подготовляемой диктатуры — всё превратить в биллон, т.е. в не имеющую никакой цены лигатуру, то как бы мог социализм примириться с жизнью верований и преданий, с любовью к родине и религии? Воля человеческая так сильно гармонирует с верованием, особенно церковным, что нелегко бывает сокрушить её. Отсюда — беспощадность борьбы социал-демократии с патриотизмом и церковью. Само их существование, и главным образом церкви, — невыносимая докука для демократии.

Может ли еврейство на столь благодатной почве отказаться от своей ненависти к христианству? В Евангелии — и нравственность, и вера просвещённого мира. Отрекаясь для гоев, конечно, и от всякой морали, и от религии, иудаизм лишь доказывает вновь свою последовательность в борьбе со светом и истиной.

V. Естественно, что для такой задачи необходима исключительная дрессировка. И мы действительно видим следующее:

В Германии и Австрии социализмом занимаются профессионально. [66]

В какой мере эта профессия выгодна, удостоверяется фактом, что на одном из недавних съездов (во Франкфурте-на-Майне) некто Лежьен даже предлагал, чтобы оклады служащим в социалистах не назначались свыше 3.000 марок в год. Предложение было с шумом отвергнуто, а «генералы от социализма» без всякого стеснения грозили разойтись по другим партиям, если им не будут хорошо платить.

Наряду с этим, превратившись из бывшего токаря в собственника великолепного «дворянского имения», пресловутый Бебель живёт в изысканной роскоши. У Фольмара — чудесная вилла. Торговец социалистической дребеденью в Штутгарте Дитц «зарабатывает» больше, чем германский канцлер. За одно редактирование газеты «Vorwärts» Либкнехт получал 7.200 марок в год. Судебное дело обнаружило, что депутат Фогтгер получил из партийной кассы на уплату своих частных долгов 9.000 марок.

Засим, как видно из кассовых отчётов партии, среди окладов жалования в 5.000 и в 6.000 марок. В период же избирательной кутерьмы даже агентам 5 и 6 разрядов полагается по 10 марок суточных сверхкрупных разъездных. Всякие иные пособия «чиновникам», особенно евреям, раздаются также щедрой рукой.

Вообще же не мешает заметить, что социал-демократические кассы в Германии ежегодно поглощают огромные суммы рабочих денег. Так, по отчёту партии, за один 1904 год с членов её организаций было собрано 20.190.000 марок.

Удивительно ли, что и в день выборов, 26-го марта 1906 года, только в одной Москве партия «народной свободы» израсходовала на агитацию, как говорят, более 60.000 руб., без сомнения, ...к благу возлюбленных кагалом россиян.

Для России же осенью 1897 года был основан «Всеобщий Еврейский Союз в Литве и Польше» или, так называемый, «Бунд». Согласно всему нам известному, он логически возник среди «орем бохеров» и «иешиве-бохеров, т.е. молодых евреев, готовящихся стать раввинами. Факт естественный. Лассаль, Маркс, Энгельс, Либкнехт, Бернштейн — евреи. Сынами же Иуды наполнены социалистические кружки в Германии, а в Австрии — ещё более. Сведения, относящиеся к социалистическому движению в России, убеждают, что и здесь первые места принадлежат евреям. Именно они образовали у нас свою национальную и боевую социал-демократическую организацию — «Бунд», от разбоев которого уже не знают куда деваться и сами талмид-хахамы.

«В течение пятнадцати лет, — как говорит Акимов, [67] — в Литве и Польше развивалось социал-демократическое движение, формы и проявления которого имели много общего с движением в остальной России, но всегда опережали его на несколько лет. Центральный комитет «Бунда» располагает огромными правами и вооружён средствами всемирного опыта для воздействия на жизнь партии, которой руководит. По сравнению с другими главенствующими же учреждениями в международной социал-демократии, полномочия центрального комитета «Бунда» чрезвычайно велики».

Скрывая свой личный состав, комитет властвует безгранично и террористически над местными комитетами, а, следовательно, и над всеми членами партии без исключения, распоряжаясь, конечно, и всеми денежными её средствами по своему усмотрению.

Местные комитеты «Бунда» находятся: в Варшаве, Лодзи, Белостоке, Гродно, Вильне, Двинске, Ковно, Витебске, Гомеле, Минске, Бердичеве, Житомире, Могилёве и Риге. Сверх того, где еврейское рабочее движение ещё недостаточно расцвело и не пустило глубоких корней, там организации «Бунда» пока не носят названия комитетов и не пользуются их правами. Такие организации существуют в Одессе, Киеве, Прилуках, Режице, Брест-Литовске, Вилькомире, Пинске, Седльце, Петрокове, Бобруйске и в бесчисленном ряде еврейских местечек пресловутой «черты оседлости».

«Бунд» с упомянутыми подразделениями возник, как сказано, логически из еврейских школ и молитвенных домов, носящих обыкновенно не приходской, а профессиональный характер. Собираясь вместе для проклинания гоев и самовозвеличивания, евреи всякой профессии издавна в сущности имели политическое право сходок, которого мы, русские, до сих пор не имеем, по крайней мере, в том же объёме. Официально собираясь для молитвы, еврейство не нуждалось и в разрешении полиции, а располагая непонятным для гоев жаргоном, могло свободно совершать заговоры в присутствии полицейского или жандармского офицера.

С точки зрения евреев, было бы смешно этим не воспользоваться...

Жестокость еврейского характера и преступность замыслов кагала безусловно требовали денег, тайны и дисциплины. Но и всего этого евреям не занимать.

Отсюда ясно и то положение, которое занял «Бунд».

Не входит в нашу задачу история революции в России.

Посему источники мятежа «русской интеллигенции», его причины и условия развития до подчинения «Бунду» должны быть оставлены нами в стороне. Не станем говорить мы и о том, хорошо или дурно поступили наши интеллигенты, а в особенности учащаяся молодёжь, когда соединились с врагами отечества. Законы истории неумолимы, и верховная справедливость не преминет покарать виновных, если не лично, то в потомстве. Будем, однако, надеяться, что столь беспримерная государственная измена ограничится тяжкой болезнью нашей родины, но как бы ни хлопотали об этом сыны Иуды, не приведёт её к гибели.

Опасен всемирный кагал, но могуч и русский народ. Твёрдо веруем, что не нам, а кагалу не поздоровится!..

Вглядываясь, однако, в картину событий, мы не можем не заметить, что нынешний момент революции должен иметь предшественников. Автор исследования о развитии социал-демократии в России называет центром «Бунда» Вильну, сам же мятеж, ею подстрекаемый, разделяет на четыре периода: а) стадия кружковщины, б) стадия экономической агитации, в) стадия так называемого «экономизма» и г) стадия политической борьбы. Связывая организацию и тактику «Бунда» с международной политикой социал-демократии и увлекаясь его боевым характером, г. Акимов намеренно или бессознательно замалчивает позор иудейской диктатуры и вообще, что весьма странно, обнаруживает крайнюю наивность в оценке еврейства.

Это тем забавнее, что названный автор, по-видимому, далеко не прочь присвоить себе титул официального историографа успехов социализма в России.

Было бы отраднее встретить у него поменьше злобы к правительству и побольше сострадания к родине.

Как бы, впрочем, ни было печально «научное» пресмыкание перед сынами Иуды, для нас важны собственные указания автора на стройность и последовательность политики «Бунда».

«La politique est l'art de déguiser son intérêt particulier en intérêt général» (Тиодьер).

«В тех городах, — свидетельствует Акимов, — где имеется комитет, создаются организации следующих типов: I — Фаховые сходки, II — Революционные группы, III — Пропагандистские сходки, IV — Интеллигентские сходки, V — Интеллигентские дискуссии и VI — Агитаторские сходки.

Фаховая сходка вводит то или иное еврейское ремесло в круг деятельности «Бунда». Включая наиболее интеллигентных рабочих, революционные группы обсуждают социалистические и программные вопросы партии. Пропагандистская сходка рассматривает проблемы о самом ведении пропаганды. Интеллигентская сходка направляет социальную революцию, стало быть, и вооружённый мятеж среди учащейся молодёжи, прежде всего, а затем — и разной иной, с позволения сказать, интеллигенции. Очевидно, что «Бунд» простирает свою диктатуру не на одних рабочих. Интеллигентские дискуссии содействуют подготовке агитаторов в разных организациях. Наконец, являясь наиболее компетентной в делах фаховых сходок, этих ячеек «Бунда», и прозорливо сосредоточивая в себе лучшие революционные силы, агитаторская сходка объединяет анархическую деятельность «Бунда».

По всей России, Сибири, Манчжурии, а также, конечно, в Петербурге и Москве были рассылаемы выдрессированные и оплачиваемые «Бундом» агитаторы, преимущественно евреи. Они скрывались, разумеется, при первой же опасности. Они убегали как провокаторы-наёмники и как трусы-предатели во все времена, покидая распропагандированных ими же фабричных рабочих и тёмное крестьянство как «шабес-шискелей» Израиля. [68]

Всё это не мешает, однако, «Бунду» занимать по-прежнему главные места как в революционных «русских» сообществах, так и в социал-демократических «товариществах». Повсюду евреи командуют, сокрушая малейший умысел рабочих на право иметь собственных представителей в центральных учреждениях партии или хотя бы подвергать таковые своему контролю. Это, без сомнения, служит показателем той «свободы», какая наступила бы с победой социализма, равно как и того «самоопределения», каким не замедлят почтить евреи всякого супостата в демократической Аркадии...

Глубоко справедливо заметил уже Эдмонд Пикар («Syntèse de l'Antisémitisme») — «Il nous faut une législation draconienne frappant les crimes contre les masses!»...

VI. Почти одновременно с «Бундом» возник сионизм (в 1898 г.). Это было не случайностью. Социал-демократия, а в частности, «Бунд», с одной стороны, и сионизм, с другой, — чересполосны. Проистекая из одного источника, и в существе преследуя одинаковые цели, они, что вполне очевидно, идут по той же дороге и к одному результату.

Торжество Израиля и его владычество в России для них обоих — конечный идеал.

Правоверное, старое еврейство, безусловно, солидарно с ними на этом пути в принципе. Разноречие касается средств. Талмид-хахамы — больше мистики и видят дальше.

Не следует, по их мнению, искушать судьбы, да и не к чему соваться на первое место, когда недурно и второе. Во всяком случае, безопаснее держать в правительстве своих ставленников, чем подвергаться опасности лично. Еврейская же молодёжь смотрит радикальнее, полагая, что настало время, когда Израиль вправе, наконец, раскрыть свои карты и взять бразды правления на себя, а с гоями церемониться теперь нечего. Талмид-хахамы содержат банки, играют на бирже и делают государственные займы. Опасаясь падения курсов, или, что ещё ужаснее, крушения финансов целой страны, они действуют осмотрительно. «Бунду» же и сионистам, по крайней мере, в огромном большинстве терять нечего. Они могут только выиграть, как обещал им Мардохей Маркс. Поэтому им всё улыбается, а выстрелы браунингов и разрывы бомб звучат для них как иерихонские трубы. Нет разве только Иисуса Навина, который остановил бы солнце, если победа не наступит до его заката... «Le fait de consommer sans produire, c’est-à-dire de vivre aux dépens d’autrui, constitue le parasitisme. Le même fait, établit à l’état de système et s’exerçant au moyen de l’accaparement des signes servants à l’echange des richesses, constitue la juiverie». (Ширак).

VII. Среди описанных условий позволительно спросить, чего же глядят русские? Почему не думают о своей защите?

Не мало тому причин. Ограничимся некоторыми.

I. Прежде всего, многие в России ещё не знают евреев или не сознают пока всей опасности...

От великого до смешного один шаг, говорят...

Невольно, приходит на ум архипелаг Кэргуэлен.

Расположенный в самой южной части Индийского океана, почти на границе антарктического пояса, этот архипелаг редко посещается мореплавателями. Но бывает, что их заносят на Кэргуэлен штормы неприветливого океана.

Архипелаг пустынен и необитаем. Климат суров.

По международному соглашению, французский военный корабль отвёз туда на случай несчастия провизию в консервах и груз каменного угля. Сойдя на берег, матросы встретили пингвинов, ещё не видавших человека. Не обращая внимания на гостей, а может быть, даже принимая их за новых представителей своего же мирного общества, пингвины продолжали заниматься своими делами. Тогда весёлый экипаж решил протанцевать «grand rond» в честь бога морей. Матрос схватил пингвина за одно крыло, товарищ — за другое; далее, чередуясь, пошли матросы и пингвины и, замкнув круг, исполнили сцену, которой мог бы позавидовать любой столичный балет.

Увы, пингвины пошли на жаркое!..

Через день балет был повторен, но репетировалось и жаркое; затем ещё раз и ещё, пока пингвины, наконец, рассудили, что они годятся не только на забаву французам, но и сами для себя, а потому скрылись.

Матросское еврейство вынуждено было закончиться.

Когда, с другой стороны, Московское купечество несколько лет тому назад просило об оставлении евреев, высылаемых в черту оседлости, или когда в октябре 1905 года Московской городской думой еврей был избран председателем комиссии гласных на помощь управе и в открытом заседании заявил о своём вступлении в дела городского хозяйства Москвы, тогда, вероятно, посмеялись вволю и пингвины Кэргуэлена.

Должно быть, вскоре они успели позабавиться вновь, если узнали, что упомянутый еврей за городской счёт в комиссии с великой поспешностью и без соображения с карманом плательщиков принялся на сотни тысяч рублей увеличивать оклады городских рабочих... Но когда пингвины имели право уже на полный реванш, это, разумеется, в день избрания, как говорят, «Московским населением» тех гениальных выборщиков, которые наградили Москву целым ассортиментом депутатов «народной свободы», с евреем же — «благодетелем рабочих» во главе.

Напиться до зелёного змия пингвины, впрочем, не имели возможности, в том числе и за отсутствием евреев. На Кэргуэлене нет водки — ни монопольной, ни контрабандной. При известии же о зелёных тряпках, украшавших само «торжество победителей», кажется, и пингвины были вправе заключить, что Москва ещё действительно зелена, хотя бы и для «зелёной» свободы...

Для полноты аналогии теперь в пору бы скрыться от срама и самим москвичам-избирателям, да жаль, бежать некуда, но и танцевать ещё раз с евреями было совсем не к лицу.

В поучение же потомству об архипелаге Кэргуэлене не худо бы иногда вспоминать и матушке Москве!..

II. Чрезвычайная обширность, многосложность и запутанность еврейского вопроса, наряду с его исключительной важностью обусловливают необходимость больших трудов для ознакомления с ним. Принимая же к сведению, что в проблемах биологии, как и в искусстве познавать людей, вывод ближе зависит от сердца, чем от ума, нельзя не отметить, что и убеждение в пользу евреев или против них оказывается иной раз равно непоколебимым, каковы бы ни были те или иные аргументы. При известной же ловкости диалектики нетрудно раскрыть перед малосведущими спорность и сомнительность любого положения в данной области, а исчерпав, таким образом, всё существенное, — показать, что и общая точка зрения неверна.

Особенно изощрились на своей защите сами евреи, а потому крайне затруднителен турнир в споре с ними. Нет ничего легче, как поскользнуться в аргументации и потерпеть поражение там, где еврею выгоднее, а ведь сюда, разумеется, он и увлекает своего неопытного противника. Да и слабость защиты сама по себе опаснее всякого обвинения.

Тем не менее, при вдумчивости и осторожности можно рассчитывать на успех, ибо в основной схеме еврейский приём всегда одинаков и сводится к тому, что, например, бывает на суде присяжных, когда над прямыми уликами преобладают косвенные. Разбить каждую из этих последних ещё не значит подорвать убеждение, слагаемое их совокупностью. Домогаться же только формального отбрасывания их одну за другой порознь — значило бы пренебрегать впечатлением, которому незаменимый источник — сердце-вещун.

Понятно, однако, что и это не такая почва, где мыслимо ждать победы без подготовки, по возможности, во всеоружии. А так как работа, сюда затраченная, ничего кроме жестоких невзгод у нас не встречает, то становится ясным, почему действительное знакомство с иудаизмом столь редко в русском обществе.

Невежество забавное, а теперь и вовсе непростительное.

В гармонии с неизменностью факта, что все евреи стоят за одного, а одни за всех, именно среди «гоев» наблюдается разноречие даже относительно такой, ничем не разлагаемой и глубоко опасной солидарности еврейства.

С другой стороны, при крайней занозистости проблемы, чуть не всякий берётся рассуждать о ней с видом знатока. Оппоненту же приходится одно из двух: или предпосылать, что сплошь и рядом невозможно, целый курс низшего и среднего обучения, дабы затем лишь, уже на готовом фундаменте переходить к высшему «отделу» знания о социал-талмудистах или, наоборот, вращаться в заколдованном кругу элементарных понятий, ровно ничего не дающих, либо, наконец, вовсе отказываться от беседы.

Столь нелепым положением вещей прекрасно пользуются сыны Иуды. В периодической печати как они сами, так и их пособники систематически и упорно замалчивают или же сознательно и злонамеренно извращают еврейских вопрос по существу, а при устных столкновениях держатся указанного выше формального приёма, отбрасывая каждое отдельное доказательство особо и уклоняясь от их совокупной оценки по убеждению совести.

Такова всегдашняя повадка евреев при любых обстоятельствах. Ум их настолько чужд обобщению, что и в талмудическом языке их почти нет терминов отвлечённых. В этом прямой антитезой является праотец европейских языков — санскрит, отличающийся, напротив, такой роскошью терминологии для выражения духовных состояний и движений, какой нет ни в древнегреческом, ни в современном

немецком языках. Допуская образование сложных слов чрез соединение нескольких, оба названных языка бессильны, тем не менее, передать многое из умозрительных творений Индостана.

Очевидно, стало быть, почему и на богословских диспутах в Средние века христианские учёные не в состоянии бывали удержаться против формальной атаки талмид-хахамов. По правилу «similia similibus» в означенных диспутах оказалось необходимым посылать крещёных евреев на некрещёных. Ядовито осмеян, впрочем, и такой способ Генриха Гейне, разумеется, крещёным же евреем. [69]

III. Как позорно было злорадство и ужасы преступления «освободительного» иудаизма, в особенности после 17 октября 1905 года, так унизительна и презренна была деятельность революционной, главным образом еврейской же, печати, особенно «сатирической», с позволения сказать. Всё, изложенное о «газетном жиде» в первой главе настоящего предисловия, ещё, как видно, не выражает действительности. Эта весьма благодарная для историка тема послужит, без сомнения, и для философской оперетки, прежде всего, конечно, среди еврейских ламентаций о поругании «непорочной свободы» властью. Изумительно и печально, что не нашлось ни одного органа, который не лгал бы заведомо, не стремился бы к собственному деспотизму открыто и не восхвалял бы террор «сознательных пролетариев» как универсальное средство от всех зол, угнетающих ныне Россию.

Предательски вела себя «освободительная» пресса и в самые страшные для нас моменты войны, порицая или высмеивая патриотизм, отравляя всякую надежду или мероприятие и, наоборот, приходя в лютый восторг от всего, что должно было привести нас в Портсмут. Как бы, однако, ни была постыдна иудейская печать вообще, то, что ею содеяно с целью поджога зверских страстей и распространения бунта в России, превосходит всякую меру измены и позора.

Тем не менее, упрекать эту печать в том, что она лгала свирепо и сознательно, повсюду сгущала мрак и раздувала ненависть, всё равно, что укорять очковую змею за её дьявольскую злобу. Нет ничего глупее и унизительней, как, питая злорадство кагала, вступать с ним в спор по существу, хотя это и доныне у нас в обычае.

На такого врага следует обращать не систему аргументов, чего он сам жаждет и над чем издевается, когда опровергнуть не может, а всю силу закона и власти, пока ещё не поздно. Необходимо, с другой стороны, разоблачать его замысел и действия, памятуя, что и само могущество кагала — не что иное, как поддержка, ему оказываемая христопродавцами, которых необходимо сейчас же выводить на чистую воду. А для этого должно памятовать и повторять неустанно: **«Русские люди, — соединяйтесь! Через русскую прессу, прежде всего, вы спасёте свою родину...»**

Деморализация народа и армии проводилась еврейством вероломно и неотступно, а сознательное извращение правды и проповедь анархии таковы, что стали вызывать, наконец, отчаяние даже у нашего мало сведущего или кругом обманутого читателя.

За границей иудейская печать усердно вторила во всю.

В трогательной гармонии с нею еврейские банкиры и их союзники в С. Америки, ведя мировую политику, т.е. занимаясь колоссальным разбоем, одновременно давали деньги и на революцию в России, и на подстрекательство против нас Японии через её либеральные, конечно, газеты.

Петиция, бессчетно подаваемая американскими талмид-хахамами статс-секретарю Гею с целью подстрекнуть правительство С.-А. С. Штатов к вмешательству в наши дела из-за кишинёвского погрома, в действительности являющегося первым опытом кагала подделать «русскую» революцию, «расцвела на Маньчжурской почве» (M-me Adam в «Revue Bleu», за три месяца до начала японской войны).

Сколько этими путями загублено душ, какое причинено разорение русскому народу и какие стада пушечного мяса заготовил себе Израиль впрок? Кто может определить это, хотя бы приблизительно?

Но ведь для самого еврейства всё хорошо, что ведёт к цели! Господство же сынов Иуды — задача, которой всё оправдывается.

Интернационализм и безымённый характер нынешней прессы как нельзя больше соответствует тайным и международным же замыслам всемирного кагала. Служа еврейству на всех путях его

деятельности, периодическая печать в огромном большинстве оказывается тормозом или ловушкой для гоев. Она не только отнимается у них возможность знать что-либо неугодное кагалу, но и все их мировоззрение готовит систематически по иудейскому рецепту. Что же касается еврейских «политиков» в прессе, то они как бы соединены телеграфными проводами, ибо в любой момент у них на языке одни и те же вопросы и одинаковые слова. Говорить и действовать заставляет их таинственное, кагальное «внушение», внезапное талмудическое «потрясение». Или ещё лучше сравнить их с взаимозависимыми нервными центрами, по которым впечатление пролетает, как рефлекс, мгновенно. Им не надо ни видеться, ни совещаться, чтобы знать, куда надо бежать или в какую дверь лезть. Неведомый, мистический голос диктует им свои веления, а они ему повинуются с поразительной точностью.

Владея запасом энергии, которая накоплялась долгими веками рабства, Израиль представляет собой армию, задуманную образцово и построенную в боевой порядок. У этой армии есть своя иерархия, свои командиры, солдаты, музыканты и разведчики. Приказы в ней передаются с быстротой электричества или, ещё вернее, — каждый по внутреннему наитию сам понимает, что от него требуется.

И вот, евреи чванятся тем, что располагают прессой по своему произволу. [70]

«Никакой иной народ не умел захватить господство над другим с такой же лёгкостью, как мы, евреи. Достигаем же мы этого не какими-либо особыми добродетелями, которые обусловливали бы наше преобладание, а равно и не личными нашими качествами, умственным превосходством или религиозным рвением. Нет, "мы покоряем лишь тот мир, который изнывает под нашим игом. Не худо бы оглянуться и на самого себя. Современные нации страдают от двух следующих недочётов.

Один состоит в том, что люди живут без возвышенных идей о причинах и результатах, о прошлом и будущем. Не будь этого, как могли бы они с такой детской наивностью позволить нам захват прессы — неодолимого, бесподобного средства порабощения. Не очевидно ли, что с одной указанной обсерватории мы имеем возможность вовремя заметить малейшее проявление вражды к нам и задушить его в самом зародыше. Вне круга нашей прессы журналист — ничто; нам довольно организовать против него заговор молчания... При таких условиях владычество наше обеспечено ещё надолго, вопреки всем усилиям того антисемитического течения, которое совершает ныне свой кругосветный путь.

Второй недочёт заключается в той трудности, с которой неевреи решаются на денежные пожертвования для защиты своих интересов в печати. А между тем, с нашим практическим умом мы, евреи, хорошо понимаем, что каждое слово, написанное в нашу пользу, приносит Израилю выгоды сторицей. Согласно с этим мы не останавливаемся ни перед какими жертвами, чтобы распространить это слово, воодушевить автора и вознаградить издателя. Наоборот, стоит появиться сочинению из неприятельского лагеря, мы его не покупаем, и всё издание превращается в макулатуру и быстро рвётся в клочки!..»

При означенных условиях, фабрикация общественного мнения наконец превратилась для кагала в искусство, где есть свои профессора и «художники», программы и конкурсы, забавы и шедевры. В этой области, еврейская литература обладает уже и несколькими «теоретическими» трактатами.

На практике же по изгнании ганноверского короля и по захвате «гвельфского» фонда сам Бисмарк ничего не нашёл лучшего, как пресмыкающихся газетчиков оплачивать процентами награбленного. Много скверны породил бисмарковский «Reptilien Fond», и ещё ниже опустилась «шестая великая держава», как скромно именует себя периодическая печать.

Стоит ли указывать, что «загонщиками» и «псковичами» являлись неизречённые таланты «избранного народа», «свинопасы» или «Sau-Juden», как своих жидов называл заклинатель пресмыкающихся —«честный маклер»...

Не следует, впрочем, думать, будто не встречается того же и в других странах. С разными видоизменениями мы замечаем картины этого рода повсюду. А у нас ещё недавно один крайне опасный еврей и, можно сказать, нимфа Эгерия при «спасителях отечества» не только вдохновлял

официальную газету, но и почти открыто служил «освободительному» террору, между прочим идеализируя свирепого Бен Акибу, ярого талмудиста и сподвижника Бар-Кохебы, которому своими ужасами в такой степени обязан еврейский мятеж при императоре Адриане.

С другой стороны, кагальной затее терроризировать имущие классы диктатурой пролетариата способствовали по мере сил и некоторые «русские» писатели, — главным образом, — Максим Горький.

Певец «бывших людей», разве не понимал он, что уж во всяком случае не через талмуд сирые и обездоленные могут ожидать улучшения своей участи, и что куда проникают евреи, там духовная трава не растёт... И однако, он поклонялся сынам Иуды, начиная с коварных завываний о кишиневском погроме на страницах «Освобождения», т.е. одного из самых злодейских органов всемирного кагала, и завершая воплями его же, Горького, когда он старался помочь врагам России и разорить государственный заём, яко бы предназначенный для еврейских погромов...

Впрочем, «певец» уже наказан. Американцы выгнали его с позором, и притом отнюдь не за прелюбодеяние, а из отвращения к его предательской агитации в здравомыслящей стране.

Тем не менее, в России он сыграл зловещую роль. Зрителям, тронутым его босяками «На дне», не мешает хотя бы теперь, после октябрьских и декабрьских событий в Москве, сообразить, какова же та среда, которую обливал слезами Горький, а пулемётами, браунингами и бомбами столь усердно снабжали евреи...

Впрочем, «благодарные» сыны Иуды кагальной рекламой сфабриковали Горькому мировую «славу», конечно, для распропагандирования босяцких, то бишь пролетарских добродетелей. Если не понимали этого гои, то «избранный народ» хорошо видел, куда ведёт такая музыка... За наш же счёт, как и следовало по талмуду, евреи дали Горькому возможность купить «дворянское имение»... А когда он зазнался, те же евреи научили своего «друга» побывать в Америке, где и устроили ему полёт «на дно»!..

Tanta molis erat romanam condere gentem!..

Было бы полезным здесь же кое-что заметить и о деятельности революционно-еврейской адвокатуры, равно как о том, например, что председателем никому неведомого и самозваного, «еврейского», разумеется, союза адвокатов, на съезде в Москве оказался ещё раз еврей... Не дурно, пожалуй, было бы остановиться и на вопросе, как не запретят до сих пор адвокатам, почти сплошь евреям и отчасти полякам, заседающим в государственной думе, продолжать практику. Ведь этому противоречат и привилегированности их положения, и физическая невозможность исполнять оба рода поручений, и уважение к тому доверию, каким обусловливается работа в думе и на суде. Но эта проблема заслуживает столь же серьёзного внимания, как и вопросы о еврейских учебных заведениях (между прочим и для христиан), о процентном ограничении еврейства в университетах etc., а также о развращении либо прямом обмане русского юношества членами или наёмными агентами «избранного народа». Сейчас, при внимательном рассмотрении, всё это увлекло бы нас далеко. Касаться же подобной темы вскользь не следует. Таким образом, волей-неволей, а приходится отложить её.

Во всяком случае, теперь уже не подлежит спору, что со дня эмансипации своей во Франции, т.е. в течение ста с небольшим лет, развивая «мировую политику», кагал успел захватить не только деньги, а и общественное мнение. Обладания же этими двумя силами достаточно, чтобы «любого супостата согнуть в дугу».

Мудрено ли засим, что, почувствовав такое могущество, сыны Иуды двинулись на порабощение гоев и в политическом отношении, но уже без кагального маскарада. Иначе говоря, они решились на захват не через подставных лиц, а прямо в свои руки и самой государственной власти?

Впрочем, как народ практический, евреи произвели несколько пробных опытов. Таковы: берлинский прогресс, Панама, крушение общества «Union Generale», Дрейфуссиада и Фашода, возобновление аренды Ротшильдами и К° государственного банка Франции (Banque de France) с правом на выпуск бумажных денег, бурская война и золотая валюта. Лишь убедившись, по-видимому, в правоте того англичанина, который изумлялся, как мало надо ума, чтобы управлять людьми, еврейство при

благосклонном участии Англии и масонов дерзнуло порадовать нас настоящей войной.

«Les juifs, — признал главный раввин в Лондоне Адлер, — sont volontiers anarchistes, mais... n'ont aucun gout pour l'action personnelle!..»

«L'histoire des anglais est celle des rèquins, toujours à l'affut des naufrages, et qui ne sont jamais mieux pourvus qu'apres les tempetes...» (генерал Ламберт).

Кто обдумает все происходившее за время войны, да и поныне ещё у нас совершаемое, тот с большим, пожалуй, правом отнесёт это наблюдение к евреям.

Саму же мысль автора можно провести и по второй параллели. От акулы как тигра морей ближайший переход к бенгальскому тигру. Великолепно рисует эротическую кровожадность его такая сцена:

«La queue est agitée de mouvements saccadés, involontaires; les yeux élargis étincellent, et il rougit de plaisir,... comme dans un spasme de suprême volupté...»

IV. Пусть биржу называют незаконной дочерью политики в наше время. Эта дочь импонирует матери. Возьмите хотя бы золотую валюту, введение которой в Европе и даже в Японии возвысило покупную силу «жёлтого металла» больше, чем вдвое против того, что было ещё в 1870 году. Иными словами, если не настолько же, то значительно возросла тяжесть государственных долгов и, наоборот, понизились как земельная рента, так и заработная плата. Если обвинение Великороссии есть результат и многих иных причин, то гибель нашего крупного землевладения прежде всего мотивируется влиянием золотой валюты. Обратив против нас и международный торговый баланс, этот жестокий фактор вовлек Россию во всевозможные заводские и фабричные концессии иностранцам, равно как в отчаянные займы для поддержания искусственно созданного золотого обращения и, наконец, в увеличении налогов для открытия чрезмерной государственной сметы.

Торговыми же договорами, особенно с Германией, мы добили своё земледелие, т.е. лишились и того, что было дано самой природой.

В апофеозе столь лицемерно прославленная винная монополия довершила общее разорение, высосав из народа за непомерно дорогую водку последние силы, пути и средства для борьбы с нищетой...

Таким образом, и без японской войны у нас была подготовляема почва как иудейскому господству, так и его «chèval de bataille» — социализму. Аграрные же движения не могли заставить себя ждать, в свою очередь, уже потому, что жить воистину стало невмоготу каждому земледельцу, раз плоды его труда «сознательно» обесценены.

О земле мы позабыли, а торогово-промышленниками не сделались, хотя бы настолько, чтобы поддерживать мировую конкуренцию у себя дома.

Тем не менее, мы ухитрились быстро создать в России рабочий вопрос — ad majorem Mardochi Marxi hilaritatem...

Отсюда именно возник ужасающий, но вполне естественный результат: кто сеет ветер — пожинает бурю...

V. «Иудейская армия, — говорит Дрюмон (см. «La France juive»), —распадается на три корпуса: а) натуральные евреи, т.е. явные сыны Израиля, как их называют «Archives israélites». Эти евреи открыто почитают Авраама и Иакова и довольствуются возможностью наживать деньги, оставаясь верными своему Иегове; б) евреи, перерядившиеся в «свободных мыслителей» (по типу Гамбетты, Дрейфуса или Рейналя). Они прячут своё жидовство в карман и затем преследуют гоев уже во имя пресловутых «идей терпимости» и «священных прав свободы»; и, наконец, в) евреи-консерваторы, но по наружности христиане. С двумя предыдущими категориями они связаны самыми тесными узами и проникают в среду гоев как соглядатаи главным образом для того, чтобы выдавать своим единоплеменникам тайны, которые могут быть им полезны».

Тем не менее, среди крещеных жидов заслуживают особого внимания «польские аристократы» из франкистов. Они потому опаснее, что своё махровое, так сказать, предательство воспитывают наследственно и что лишь с немалым трудом могут быть изобличены. Один из таких злостных евреев известен и в самой Москве, держит себя нагло, пролазит всюду и, к нашему стыду, играет видную

роль в общественных учреждениях, выдавая себя, конечно, за яркого сторонника «народной свободы».

Впрочем, потаённость и коварство еврейских мероприятий не ограничивается указанными «корпусами». Достижение результата, между прочим, через проникновение в высшие правительственные учреждения требует иной раз ещё большей сокровенности. Тогда выступают масоны. Кто кого обманывает или надеется провести, т.е. евреи масонов или же наоборот, и ради чего собственно масонство поддалось еврейству — вопросы, быть может, спорные, но не в такой мере, чтобы поколебать нашу точку зрения в её основании. Ныне же, когда масонство преследует исключительно материальные цели, и представляя собой хитроумный аппарат для избирательного плутовства, стремится к захвату государственной кассы через политическое господство в парламентах, иудаизм, двигающийся теми же путями, но с гораздо большими силами и опытностью, не может не иметь главенства даже как союзник «детей Вдовы» («enfants de la Veuve», как иногда себя называют масоны).

Владел некогда крепостными рабами Плюшкин. Но если у мужика падает корова или сгорит изба, сам Плюшкин вынужден был идти на помощь, так как иначе мужик не мог бы нести тягла.

Теперь место Плюшкина занял купон. Безжалостный и беспощадный купон не купит коровы и не выстроит избы.

Купон — это первая закладная на весь труд и всё имущество народа.

Пока министр финансов не уплатил по купонам, он ничего не имеет права дать на суд, полицию, народное образование или медицину, одним словом, на первейшие нужды человеческого общества. Купоны же имеют свойство размножаться не хуже микробов, а на больном государственном организме в особенности.

Всякое народное бедствие эксплуатируется биржей, курсы падают, а купоны слетаются, прежде всего, в иудейские карманы. Таким образом, международный кагал приобретает власть над государственным казначейством, а засим и над всем остальным.

Развивая своё господство над задолжавшей страной, сыны Иуды, хотя ничем обыкновенно не рискуют, так как в государственных займах играют лишь роль факторов или заранее сбывают свои «фонды», обманывая гоев, тем не менее, постепенно овладевают всеми сферами управления. Важнейшую же при этих условиях область они уже открыто берут под свою тяжкую опеку и в министры финансов ставят своих единоплеменников либо гоев, женатых на еврейках. Это заменяет средневековые, кровью написанные обязательства о продаже души дьяволу.

Параллельно с такой метаморфозой кагал путём подкупа захватывает всё большие области влияния, торговли и промышленности, банковского, железнодорожного и пароходного дел, монополизируя сахар, нефть и другие предметы первой необходимости, развращает представителей власти на всех ступенях, обездоливая христианское население материально и духовно. Своим пронырством и клятвопреступлением он лишает его всякой защиты, даже судебным путем, как в гражданском, так и в уголовном порядке, отнимает у населения веру в правду и добро, и, наконец, теряя всякую меру осторожности, сам же себя приводит к возмездию...

Тогда наступают еврейские погромы — этот первобытный и бесцельный суд Линча.

Погром — выражение отчаяния. Бесправный, поруганный, беззащитный народ ищет удовлетворения в самосуде. Но несчастные жертвы кагала не ведают, что творят. Заведомо лживы уверения талмуда и его приспешников, будто погромы обусловливаются «бесправным положением евреев». Всякий знает, каково еврейское «бесправие» — особенно в настоящее время, когда, увы, идёт сатанинская травля кагалом русских, и прежде всего тех, кто дерзает защищаться против террора «освободительного движения», угрожающего гибелью России, а вдохновляемого и дирижируемого, главным образом, евреями. Изощряясь по указаниям талмуда в искусстве обходить любой закон и, коварно издеваясь над ним, сыны Иуды достигли в этой игре неподражаемого совершенства. Если же подчас они все ещё завывают о своей «черте оседлости», то лишь потому, что считают нас идиотами. Размножаясь неимоверно, но избегая производительного труда, они сами же создают себе затруднения. «Пингвины» становятся реже и осмотрительнее, а сынам «избранного народа» приходится искать

новых мест для охоты, где красная дичь ещё не знает всех прелестей еврейства.

Тем не менее, всякий погром есть нелепость. Помимо преступности пред законом, он ведёт к отрицательным результатам, ибо настигает обыкновенно не заправил и коновод Израиля, а сравнительно менее опасную чернь; влечёт за собой массу горя для виновных и их семейств, а евреям создаёт лишь возможность расширять свою тиранию. Измываясь над гоями, сыны Иуды подложно банкротятся, собирают пожертвования... на революцию; требуют вознаграждения, как от городов, так и от самого правительства; размножают свирепые шайки «самообороны»; домогаются всё новых послаблений, своим презрением к гоям и к требуемой ими присяге обращают уголовный суд в посмешище для сведения счётов с «сильными врагами Израиля» и учиняют скандалы на весь мир с целью скорейшего достижения «равноправия». В конце концов, участь погромщиков становится ещё хуже, а положение евреев всё улучшается.

Ослеплённые «счастьем», какого никогда ещё не встречали они на долгом пути своей истории, евреи начинают обвинять в погромах уже прямо государственные власти; на оба полушария кричать в своих местных и заграничных газетах о варварстве России; норовят подорвать наши финансы и взрывают кредит; вопиют к иностранному вмешательству в наши внутренние, т.е. еврейские дела, иначе говоря, жаждут ускорить порабощение нас при содействии вооружённых сил иноземцев, над которыми, как гоями же, в свою очередь, нагло смеются. А пока что привлекают к уголовной ответственности за бездействие или «подстрекательство» должностных лиц, главным же образом, губернаторов и, вселяя спасительный страх, заменяют их своими агентами или креатурами, буде же возможно, то и крещеными единоплеменниками своими...

Кого не удаётся сместить, тех при случае разрывают в клочья бомбами да ещё кричат в государственной думе об отмене смертной казни злодеям и даже о всеобщей амнистии для них!..

Купон, подкуп и бомба являются, стало быть, новым «освободительным» триумвиратом. Они связаны неразрывно и дополняют друг друга сообразно обстоятельствам.

Деморализация всех сфер государственного управления при благосклонном содействии еврейских газет и адвокатуры, заливания помоями всякого супостата в бесчисленных и бесстыдных органах жидовской прессы, а засим террор мирного населения убийствами из за угла, поджогами, разбоями или вооружённым бунтом не удовлетворяют, однако, Израиля.

Слишком всё это дорого стоит и недостаточно обеспечивает еврейскую диктатуру. Необходимо и неизбежно завладеть правительством открыто и безусловно. Сюда именно и направлены все усилия евреев в России. Одним же из самых возлюбленных кагалом средств на этом пути является устройство скандалов правительству «à grand tra-la-la» через обвинение его агентов в организации погромов.

Но чтобы не ходить далеко за ниспровержением этой злостной клеветы, можно было бы предложить простой опыт: только на три дня: власть отказывает евреям в защите, и пусть они испытывают результаты...

Таким образом, конечные задачи масонства и иудаизма сходятся под командой всемирного кагала.

Выше мы говорили об исследовании профессора философии в Эдинбурге Джона Робинзона (1797 г.) «Доказательства заговоров против всех религий и всех правительств», равно как о деятельности придворного казначея при Людовике XVI голландского еврея Савалет-де-Ланжа. Припомним, кстати, и об изданной во время Французской Революции книге епископа каннского Лефранка «Завеса сорвана, революция объясняется деятельностью масонства». За свои разоблачения Лефранк был зарезан революционерами.

Действуя под разными кличками, как еврейские «партии» ныне в России, масоны во Франции организовали милицию в городах, покрыли страну шпионами и наёмными убийцами, развратили армию, уничтожили торговлю и промышленность, обанкротили финансы и с целью аграрной анархии распространяли восстание по деревням и сёлам. Великобритания взбунтовала матросов на французских военных кораблях и в главнейших портовых укреплениях, завладела Тулоном и захватила одну за другой французские колонии, а, в заключение, пользуясь бунтами корабельных экипажей, уничтожила французский флот под Трафальгаром...

Из Революции все выгоды достались тем же англичанам, а в особенности евреям, уже теперь присвоившим третью часть недвижимости французского народа и львиную долю его богатств вообще.

Что же касается политических результатов, то, как уже было замечено выше, ещё в период Дрейфуссиады, 26 мая 1895 года, мужественный депутат Дени внёс запрос: «Какие меры полагает предпринять министерство в виду систематического ожидовления французского правительства?».

Справедливо усматривая предательские замыслы Англии, Дени взял своим девизом верную мысль о том, что Дрейфус как еврей вынужден был продать своё отечество?!..

Сама же продажа, вопреки распространённому мнению, была совершена в пользу не одной только Германии (см. стр. 140).

Дважды обвинённый судом товарищей, Дрейфус отказался от кассационной жалобы на второй приговор, т.е. сам признал свою вину. Никакое определение подтасованного еврейством кассационного суда уже не смоет теперь этого признания. Публика не имеет понятия о документах, рассмотренных при закрытых дверях заседания, как этого требовала государственная безопасность. Но еврейская печать успела многих убедить в невиновности «арестанта с Чёртова острова». А всё, что вообще проделано было еврейством в Дрейфуссиаде, изумительно и беспримерно, постыдно и бесчестно, превышает всякую меру позора и дерзости.

Возможно ли удивляться и тому, что происходит теперь по заказу евреев у нас самих, в «государственной думе»? Только слепая ненависть к России или упорное невежество могут закрывать на это глаза...

VI. Существует особый «Польский политический катехизис» (СПБ., 1906, перевод с польского). Этот, единственный в своём роде, человеческий документ, злобе, лукавству и змеиной мудрости которого мог бы позавидовать сам дьявол, был в 1870 году напечатан впервые Ю.Ф. Самариным в его книге «Иезуиты и их отношения к России» вместе с найденными в библиотеке Пражского университета «Тайными наставлениями» («Monita secreta») иезуитского ордена. «Катехизис» весьма распространён среди поляков, ополяченных литовцев и белорусов, как в самой Польше, так и в Северо-Западном и Юго-Западном краях. В период восстания 1863 г. при обысках римско-католических духовных семинарий находили «катехизис» как учебное руководство для клириков. Из отношения польских адвокатов, врачей, инженеров, чиновников и т.п., которые проживают в Великороссии, на Кавказе, в Сибири или в Туркестане, к их русским коллегам можно видеть, как искусно и старательно проводятся в жизнь заповеди «Польского политического катехизиса».

Но когда в особенности мы испытали польскую дружбу, — это, без сомнения, во время войны с Японией. Забастовки и хищения на Сибирской, Забайкальской, Уссурийской и Маньчжурской железных дорогах в самые роковые периоды войны устраивались поляками и евреями с расчётом нанести нам тягчайший вред, унизить и опозорить нас так, чтобы, лишённые возможности подняться, мы оказались во власти наших «самоопределяющихся» инородцев, в просторечии именуемых «жидо-кадетами».

Пророчески прав был М.Н. Катков, с твёрдостью Катона повторявший, что наши внутренние предатели опаснее внешних врагов!

Разве не в поляках именно встречаем мы измену каждый раз, когда наша родина в опасности? Разве не они первые завели речь об автономии, как только увидели, что Россия истекает кровью? Разве не поляки шли рука об руку с евреями на всём пути нынешней смуты? Не они ли, наконец, осмеливаются взывать о каких-то своих правах после того, как Польша при Суворове, а затем в 1830 и 1863 гг. была нами трижды завоёвана?..

Великобритания не только Индии, а и самой Канаде или Австралии не даёт представительства в своём парламенте, как не допускает отдельного законодательного собрания для Ирландии. Россия уравняла Польшу со областями коренными своими, допустив её депутатов в государственную думу. Но полякам этого мало. При содействии евреев, хотя и без тени права и вопреки здравому смыслу, они желают управлять нами в думе, а себе требуют особого законодательного сейма без нас!..

Рассчитанный «на погибель злостных и коварных врагов возлюбленной отчизны», т.е. направленный

именно на русских людей, «катехизис» не находит достаточно гнусных наименований, выражений или советов, чтобы заклеймить нас всякой скверной и отравить нам жизнь.

Даже презираемые самими поляками жиды и те предпочитаются нам.

Украина и Литва рассматриваются, как польская Индия. Обогащение за счёт России и подчинение «грубого и ленивого» русского народа путём завладения влиятельнейшими и доходнейшими должностями призваны составлять главную задачу специально образованных (в русских же училищах, конечно) поляков. Министерства путей сообщения и финансов, лесное и некоторые другие ведомства, жандармы и военные суды — вот куда следует полякам направлять своё внимание. Не надо лезть на первые места. Наоборот, следует переносить всю ответственность на высшего начальника, будучи, однако, ближайшим к нему лицом и управляя через него. Всё русское государство должно быть покрыто как бы сетью единодушно действующих событий — сынов Польши, тогда оно будет в их руках.

«Помни, что Россия — первый твой враг», — учит «катехизис», и, развивая сообразные с этим наставления, между прочим, говорит: «Если ты имеешь дело с сильным и хитрым врагом, который тебя разгадывает, старайся уничтожить его. Надёжнейшим средством является содействие влиятельного немца. По своей вражде к русскому немец тебе поможет, враг твой погибнет, но будет зол на немца, а не на тебя...»

Мудрено ли, что, скрадывая своё властолюбие и обеспечивая себе победу, всемирный кагал прежде всего обратился к польским революционным элементам как полезнейшим союзникам из всех инородческих мятежников, терзающих Россию?! На съездах в Москве и забастовках железных дорог, на тайном соглашении в Варшаве, на страницах современной печати и, наконец, через дерзкое устранение русских от избрания в государственную думу иудейско-польский союз давал ясно о себе знать. «Самоопределение» других национальностей, подвластных русскому народу, быстро превратилось именно для Польши в автономию с особым законодательным сеймом, а программа «кадетов» украсилась двумя основными требованиями? «равноправие» евреям и «автономия» полякам.

Помимо ненависти к России, союзников, без сомнения, объединяло и масонство. Наравне с «избранным народом», сюда входят и члены иезуитского ордена, вынужденного скрываться. Привлекая в свою среду немцев, властвовавших в России со времён Петра I, масоны в последние годы перешли на сторону новой силы — еврейства, а «некрещёные немцы» встретились, таким образом, с поляками и в этом направлении.

Здесь, впрочем, необходимо заметить, что, захватывая неизменно чужое, еврейство и относительно поляков воспользовалось только чужой же мыслью. Присваивая плоды многих и долгих страданий русских революционеров вообще, кагал обратился теперь к полякам, сознавая, конечно, не без основания, что на их сторону тянули Россию Герцен и Бакунин ещё в 1863 году.

Но тогда жив был патриотизм в России, и велик был гений Каткова. Он воспламенил идею, что русские люди не могут идти заодно с врагами отечества. Назвав замыслы Герцена величайшим безумием, Катков склонил общественное мнение в пользу национального дела, и сами петербургские радикалы отвернулись от поляков.

Приглашая более любознательного читателя обратиться за подробностями к подлиннику, мы не можем умолчать о том, что не только «катехизис», а и сам источник — «Monita secreta» никуда не годятся в сравнении с талмудом или хотя бы с «тактикой» масонства. Еврей — природный иезуит, а иезуит — только искусственный еврей, вот чего не следует забывать. Еврей носит в мозгу печать наследственности многих поколений, а иезуита приходится вырабатывать. Сверх того у евреев есть то, чего нет у иезуитов. По талмуду, гои — не люди, а человекообразные животные, созданные в честь евреев. Не сын Иуды совершает разбой или мошенничество, когда обирает гоя, а наоборот, сам гой повинен в оскорблении иудейского величества, когда осмеливается помышлять, будто имеет право на что бы то ни было. Отсюда ясно, что de jure еврей не способен обмануть или ограбить гоя. Принимая же во внимание, с другой стороны, что гешефт обсуждается еврейством прежде всего с точки зрения художественности его исполнения, и что одним из главных её критериумов служит такая

беспомощность гоя, когда он попадает в смешное и глупое положение, необходимо заключить, что «чистота работы», «изящество в отделке» признаются кагалом не иначе, как если гешефт проделан «на точном основании существующих узаконений».

Глубоко прав, следовательно, А.И. Вицын, председатель московского коммерческого суда, известный юрист, когда, на вопрос «что вы думаете, Александр Иванович, о новом законе?» отвечал: «я ничего пока не думаю; хочу посмотреть, как евреи обойдут его!..»

Соображая изложенное с теми результатами, которых достигло еврейство в течение ста с небольшим лет (с конца XVIII века), надо согласиться, что, постыдно закончившись даже для Наполеона, намерение «обласкать» или «приголубить» сынов Иуды, обнаруженное, например, в Москве партиями «17 октября» и «торгово-промышленной», было до нельзя ребяческим. Всем известные заправилы этих партий, очевидно, не ведают, что «куда забрались евреи, там поднимается такая кутерьма, что и кошка не распознает своих котят». Названным «отцам отечества», возомнившим себя вершителями судеб России, не мешало бы ознакомиться и с испанской поговоркой: «как не бывает медленных зайцев, так и нет простоватых евреев». Впрочем, у пресловутых «отцов» было, пожалуй, некоторое, как они могли считать, даже практическое извинение. Оправдываемые многолетним опытом, хотя и доморощенные, но безошибочные порядки «выборов» в городскую думу, а затем и на все должности, от неё зависящие, казались вполне достаточными «отцам» и их сподвижникам.

Увы, сыны Израиля показали им высшую школу, разыграли у них же на глазах такой «водевиль с переодеванием», что им, «малограмотным» в таком деле конкурентам, и во сне не снилось провалиться с таким скандалом, какой они собственной близорукостью в надежде «обскакать» евреев сами же себе смастерили, имея, однако, все нити выборов в своих руках. Но если так было обмануто и осмеяно «первостатейное московское купечество», то как же, спрашивается, не попасть в ловушку или не побежать за триумфальной колесницей Израиля простецам — «сознательным пролетариям» или таким всезнайкам-младенцам в политике, какими являются «бунтующие» приказчики, городские и земские служащие, равно как студенты, курсистки и т.п. зелёная молодёжь с «зелёными» же тряпками!?..

Sunt pueri, pueri, pueri, puerilia tractant.

VII. Лютый, многоопытный, вероломный, международный, значит, неуловимый, не желающий денег и ни пред чем не останавливающийся враг сам по себе трудно побеждаем, а подчас и неодолим вовсе. В данном же случае еврейству выпал, быть может, единственный по счастью жребий на долгом пути веков. Чрезвычайные обстоятельства до крайности затрудняли деятельность правительства. Будущему историку предстоит нелёгкий труд раскрыть и намерения «спасителя отечества», успевшего, как известно, в должности премьера по еврейской указке затеять исподволь подготовить и даже по нотам разыграть всероссийскую революцию, но в конце концов запутаться в тенетах двойной игры и возбудить против себя недоверие со всех сторон. Вместе с этим, невероятные злоупотребления на выборах в государственную думу и невозможный состав её большинства могут быть объяснены только органическими недостатками самого же избирательного закона. Предоставив решительное торжество одной партии, вдобавок оказавшейся самой лживой и предерзостной, порядок выборов одним этим раскрыл как своё testimonium paupertatis, так и всё предательство отчаянного, но в сущности недалёкого «спасителя», и сам себе подписал приговор.

Слабые же или негодные люди пали ниц перед победителями, ибо ничто не имеет такого успеха, как успех.

Г. Трагикомедия «освободительного» заговора как способ разложения наших сил и отнятия средств защиты – admajorem Israeli gloriam!..

I. Пятная старые порядки (l’ancien régime), Вольтер заметил: «j’ai vu, c’est dire tout, — le jésuite adoré!». Что же сказать о последнем слове «прогресса и свободы» в наши дни, без сомнения, вызывающем у здравомыслящего человека ещё более горькое сознание: «j’ai vu, c’est dire tout, — le juif adoré?..»

Действительно, теперь уже ни для кого не тайна, что мы стоим накануне объявления в законе

«равноправия» евреев, и что в этом именно заключается верховная цель «русской» революции. Не только без всякого возражения, но и под аплодисменты «государственной думы», женатый (в первом праве) на еврейке депутат от Москвы Кокошкин провозгласил догмат такого «равноправия» основным требованием русского народа и первым условием цивилизации.

Но что он лжет, Кокошкин, — это явствует уже из тех предварительных замечаний о гражданских правах крестьян и об отмене других юридических ограничений, которыми он, так сказать, обволакивает свои завывания о сынах Иуды, выдавая их за какое-то всеми «забитое племя».

И такая наглость совершается сейчас же после того, как эти «забитые», намереваясь при всеобщей панике ограбить казначейство и контору государственного банка, сами убивали револьверными залпами и бомбами ни в чём неповинных людей, собиравшихся в Белостоке на торжественный крестный ход, стреляли в войска а затем организованными шайками «самообороны» расстреливали полицейское управление, воинские казармы и даже квартиру генерал-губернатора... Только еврей или насквозь заражённый еврейством предатель может осмелиться на дерзость утверждения, что народное негодование было яко бы вызвано не злодейской стрельбой и бомбометанием из еврейских домов или с крыш в беззащитные массы молящихся христиан, а провокаторскими действиями агентов правительства.

Надо не иметь тени стыда, чтобы так извращать факты, прямо обусловливаемые талмудом и человеконенавистнической «литературой» евреев вообще. Никакого понятия надо не иметь о еврействе или же злонамеренно игнорировать эти, «священные» для кагала, источники, в своей неистовой гордыне подстрекающие «избранный народ» на опозоривание христианской религии и на самое язвительное, презренное богохульство.

II. Впрочем, за один последний год евреи достаточно показали себя в этом отношении и помимо Белостока. Сын еврея Бухштаба, гимназист в Ялте бросил икону в отхожее место. В одном из реальных училищ Петербурга другой еврей-ученик разбил камнем икону в классе. В с. Коржевом Тираспольского уезда случайно попавший в избу крестьянина Лаврентия Боржака, еврей Гуляка стрелял из браунинга в икону Успения Богородицы Матери. В местечке Ходоровке Киевской губернии накануне Крещения, когда рабочие на Иордани строили из льда престол, евангелие, чашу и кресты, местные евреи грозили: «пусть делают, а мы переделаем по-своему!» На следующий день один из еврейских мальчиков сбил камнем с престола чашу, а затем уже взрослыми евреями были поломаны кресты и разрушено всё остальное. В Кишинёве во время архиерейского служения у собора еврейство открыло по молящимся стрельбу из револьвера... Подобные злодеяния были учиняемы кагалом и в иных местах.

С иудейской точки зрения, это вполне естественно и достохвально, ибо мы, христиане, по талмуду — идолопоклонники, стало быть, заслуживаем и соответственного поучения от сынов «избранного народа». К сожалению, издевательства и глумления над нами, клевета и хула над Божественным Основателем христианства столь ужасны со стороны евреев, что нет возможности приводить их здесь, как бы это ни было важно в доказательство логической необходимости означенных преступления для утоления иудейской злобы.

Но если таков образ действий евреев вообще, то почему бы кагалу не позабавиться над нами в Белостоке, когда столько ужасающих злодейств и в течение столь долгого времени проходит для сынов Иуды безнаказанно, и когда сами евреи, а за ними и их шабес-шискели в государственной думе издеваются, как хотят, всенародно над Россией и её правительством?!.. [71]

Само собой разумеется, что сыны Иуды первые же осмеивают таких защитников, как Кокошкин et tutti quanti, а из своей среды нам никаких не дают. Кагал любит измену, но изменников не милуют.

III. «Забитое» еврейство, как известно, с ума сошло от злорадства, когда последовал указ 17 октября 1905 года. Сыны Иуды хорошо и заранее знали, как воспользоваться обстоятельствами, какова при их благосклонном участии выйдет государственная дума, и чем она себя прославит. Не только не обнаружили евреи какой-либо благодарности и не, проявили малейшего приличия, но в своём безумии стали расстреливать уже не одних богомольцев или мирные процессии русских людей вообще, а и

царские портреты во многих городах и сёлах.

Бешеные еврейские крики «долой Самодержавие!», «долой Царя!» понеслись по лицу земли Русской.

В Киеве один еврей — адвокат, прорвав портрет Государя, вставил свою голову и начал выкрикивать то, что мы отказываемся повторить. Даже лейб орган австрийского кагала «Neue Freie Presse», сообщая об этом, добавил, что народ растерзал еврея в клочья... В Житомире толпа жидов носила большие фотографии Ротшильда и Гирша и, крича «вот наши цари!», принуждала встречных христиан целовать их, а кто противился, тех избивали без милосердия. В Одессе, объявив республику с евреем, конечно, Пергаментом во главе, жиды привязывали царские портреты к хвостам собак и пускали их по улицам.

Русский народ не оставил «избранного народа» без наказания...

В самой Москве еврей Бауман ехал по улицам и кричал: «Долой Самодержавие, долой Царя!.. Ко мне присоединяйтесь... Я вам Царь и Бог!..»

Не вынес этого бывший гвардеец Николай Федотович Михалин и заставил Баумана умолкнуть навсегда...

В таких страшных злодеяниях кагал преднамеренно и бесчестно оскорблял весь русский народ, измывался главным образом над тем, что России дорого и свято. В этом нет, и не может быть сомнения. Таков постыдный характер евреев, и так проявляли они себя во все времена.

Не даром, видно, сказал один из же раввинов: «Wir Juden sind gesegnetes Volk, denn wir sind stark und ausdauernd im Unglück; aber wir Juden sind verfluchtes Volk, denn wir können das Gluck nicht ertagen!» Да, евреи неспособны переносить счастья... Надменное и жестокое племя, они зазнаются в своей гордыне до того, что, наконец, и сам рок им противится. С высоты невидимого деспотизма они вновь низвергаются в ту бездну унижения, из которой едва успели подняться. Это самая характерная черта и первое объяснение их печальной истории.

Создав «вооружённые шайки самообороны», всегда показывающие, однако, тыл при натиске россиян, обыкновенно безоружных, кагал никогда не отказывает себе в удовольствии заманить либо затащить в один из своих притонов и там в лютых терзаниях замучить женщину или ребёнка; пострелять из-за угла или с крыш в солдат либо в полицию; убить в патриотической процессии того из русских, кто несёт царский портрет, образ или национальный флаг, изорвав самый портрет или флаг, либо втоптав его в грязь; наградить своих обманутых рабов — «сознательных пролетариев» красными тряпками, а своих избирательных агентов — бросившую учиться молодёжь обоего пола снабдить тряпками зелёными.

Говоря о еврействе, мы разумеем не один кагал — но и тех христопродавцев, которые составляют его пушечное мясо, а потому направляются им в первый огонь. Это можно наблюдать повсюду, а в «государственной думе» — с особой прелестью. Винавер, Герценштейн, Френкель, Блиох, Каценельсон, Якубсон, Червоненкис и другие израильтяне как истые паладины «народной свободы» вступают лишь когда надо сказать отвратительную дерзость правительству, унизить или вышутить, по-еврейски разумеется, министров, либо когда требуется с особым нахальством кинуть русскому народу в глаза «иудейское равноправие» как идеал русского же правосознания, как венец беззаветной любви россиян к сынам Иуды или как залог светлого и радостного будущего для самой России... Всё же, что относится к аксессуарам либо к затуманиванию единственной задачи «государственной думы» — дать жидам равноправие, возлагается на христопродавцев — еврейских приказчиков и на прислугу Израиля вообще.

IV. Переходя к дальнейшему развитию проблемы о равноправии как награды, которую евреи себе присваивают за участие в «освободительном движении», иначе говоря, excusez du peu, за домогательство «равноправия же», нам следовало бы предпослать возможно полную картину грабежей, поджогов, разбоев и убийств, которыми помянутое участие ознаменовано да и продолжает украшаться поныне.

К сожалению, материал так обширен и ужасен, что сам по себе требует немалого труда, нами ещё незаконченного. Принимая же во внимание, что и еврейский репертуар, по-видимому, ещё далеко не

исчерпан, было бы преждевременно останавливаться на части, пока нет целого. Повальное безумие, тяжкий революционный психоз, охвативший несчастных, кагальной печатью обманутых людей, в свою очередь, исключает возможность спокойного анализа фактов для многих, кому, главным образом, предназначается настоящая посильная работа. Происхождение этого психоза, его симптомы и условия, течение и развитие, проявление и наклонности, вероятный прогнозис и объективные результаты, — всё это для сокрушения неправды ждёт своего исследователя. Отсюда явствует, что в данный момент следует ограничиться наиболее яркими примерами из переживаемого нами еврейского периода русской истории.

Раньше, однако, чем обратиться к ним, мы вновь останавливаем мысль читателя на роли кагальной прессы. Вдумываться в её деятельность — значит уяснять себе многое, без этого непонятное. Ей всё дозволено, и, наоборот, малейшая попытка к её обузданию рассматривается чуть ли не как оскорбление человечества. В особенности же хороша её роль, когда задеты интересы всего еврейства. Нет тогда той скверны, которая не выдавалась бы за откровение свыше. И горе тому, кто дерзнёт оказаться поперёк дороги кагала. Будь это и само правительство страны, — noli me tangere! — скрежещет «избранный народа» на всех языках... Безумные же и христопродавцы спешат к нему на помощь, вопиют и распинаются, клеймят и проклинают, отрицая у горемычных и осмеиваемых жертв Израиля само право защиты.

Зловещее влияние иудейских газет, помимо изложенного выше, раскрывается и из того, например, как смотрели на периодическую печать в Англии уже в XVIII столетии, т.е. когда о захвате газет и телеграфных агентств «страшными паразитами», как сами англичане называют евреев, ещё не могло быть и речи.

Конец XVIII столетия был, как известно, золотым временем ораторского искусства Великобритании. Фокс Борк и Шеридан — его вдохновенные премьеры. Ничего общего с нынешним иудейским развратом не имела та свобода печати, какой требовал ради блага отечества идеалист Шеридан, очевидно, не подозревая, куда заведут эту «свободу» евреи. Но с точки зрения могущества слова, даже бесчестного, он оказался правым.

«Дайте мне, — говорил этот непримиримый враг лорда Норта, — свободу печати и оставьте министру, заседающему здесь, его раболепную палату лордов, продажную и развращённую палату общин; оставьте ему раздачу должностей и милостей, равно как влияние, которое обусловливается подкупом голосов и властью, способной уничтожить теперь любое сопротивление... При свободе печати всё это нестрашно. С таким могучим орудием я сумею противостоять знаменитому лорду и подкопать высоко воздвигнутое им здание, поколебать в самых основаниях сплетённые им интриги и задавить его под этими развалинами».

Нужно ли объяснять ещё раз, каковы оказались иудейские «таланты» в прессе? Необходимо ли повторение того, что, при мастерском и бесцеремонном, упорном и повсеместном извращении фактов способен сделать кагал даже из столь опасного для него события, как происшедшее в Белостоке? Надо ли вновь убеждать в том смертоносном вреде, какой особенно теперь наносят евреи России не одной коварной ложью, которую они распространяют без стыда, но и простым замалчиванием всего, что им невыгодно?

Думается, что на эти вопросы лучше всего ответила уже сама действительность...

I. «Одесские дни». Рассказ очевидца. [72]

Пережив дни гнусных, позорных, ужасающих преступлений, совершавшихся в Одессе в период времени с 14 по 19 июня, берусь за перо, чтобы высказать гласно, без утайки и умолчания общие мои наблюдения и заключения о характере движения, повлекшего за собой свистопляску отвратительного, исступленного еврейского фанатизма и произведшего страшный пожар в Одесском порте; фанатизма, совершавшего всенародные казни над христианами; фанатизма, возбудившего чернь на грабёж имущества; фанатизма, осуществившего восстание против правительства; фанатизма, взывавшего громогласно к низвержению Самодержавия.

Прежде, чем говорить об отдельных эпизодах этого сатанинского движения, опишу в кратких словах настроение города в дни, предшествовавшие взрыву.

В Одессе в течение двух-трёх дней перед 14 июня обострилась забастовка фабричных рабочих и некоторых ремесленников. Работы в порте происходили с осложнениями из-за размеров платы, сроков рабочих часов и праздничного отдыха.

Накануне взрыва еврейских страстей была устроена евреями же свалка на Пересыпи между рабочими и полицией. Были убитые и раненые с обеих сторон. Была попытка устроить уличный разгром магазинов, но шайки малолетних и подростков обоего пола, преимущественно составленных из евреев и евреек, успели только побить окна в банке Лионского Кредита. И сделано это не спроста, а нарочно, для произведения шума в Париже и во всей Европе: Бродскому, Хаису, Груберу, Зоншейну и прочим еврейским банкирам стёкол не били, а Лионскому Кредиту выбили весьма дорогие витрины. День окончился тревожно.

Вечером, около 8 часов, в порт прибыл броненосец «Кн. Потёмкин Таврический» и остановился на рейде в весьма близком расстоянии от брекватера.

Приход броненосца не возбудил внимания властей, хотя до некоторой степени могло показаться странным, что обычных визитов начальству порта по прибытии броненосца не было.

Утром 15 июня, в 6 часов с броненосца отвалил катер с шестёркой, которые подошли к Новому молу, против пакгауза Российского Транспортного Общества, и матросы перенесли на пристань тело убитого человека. Положив труп, матросы поместили на груди убитого объявление, в котором было сказано, что покойный убит «из-за ложки дрянного борща», что труп будет предан земле, что до погребения никто не смеет тронуть тела, и что нарушение этого приказа, а также всякие враждебные действия против броненосца и его экипажа вызовут бомбардировку города. Устные рассказы съехавшихся на берег матросов выяснили, что на броненосце произошёл бунт команды против офицеров, что многие из них убиты и проч., и проч.

Весть об этом моментально облетела весь город. В 9 часов 30 минут с бульвара видно было, как катер броненосца с вооружёнными матросами, овладел угольным пароходом «Эмеранс» (флаг русский), туда вскочили по сходням рабочие-угольщики, и пароход на буксире катера «Муравей» потянулся к броненосцу. «Муравей» принужден был угрозами взять «Эмеранс» на буксир.

После этого установилось оживлённое сообщение между броненосцем и городом. Шлюпки и катера невозбранно ходили взад и вперёд.

На пристанях Нового мола скопилось много народу; вооружённые команды броненосца, приходившие в порт на шлюпках, встречаемы были громким «Ура!». Полиция в порте была в обыкновенном составе, слишком недостаточном для прекращения возникшего волнения.

С раннего утра масса евреев и евреек направилась в порт и, что в особенности было заметно, в толпах и кучках евреев преобладающее число лиц принадлежало молодёжи обоего пола. Формы учебных заведений высших и средних, всяких вообще, здешних и иногородних мешались с группами молодых евреек в светлых платьях. В Одессе много средних и нижних частных еврейских училищ, воспитанники которых носят вычурные формы фуражек с цветными околышками, куртки с кантами, вышитыми воротниками и разнообразными украшениями. Как везде на улицах города вас поразит разнообразие форм одежды учащегося еврейского юношества, так и в порте нельзя было не обратить внимание на множество евреев, явившихся в порт, одетыми в форменные учебные платья.

Ещё в большей мере обращало на себя внимание присутствие множества евреев в городских костюмах и молодых евреек, нарядно одетых, возбуждённо переговаривавшихся со своими кавалерами.

Сначала всё это воинствующее молодое поколение Израиля шушукалось, многозначительно перемигивалось, группировалось, но мало-помалу возбуждённость росла и росла. Крики «ура!» со стороны толпы, встречавшей вооружённые шлюпки с броненосца, постоянные переезды частных шлюпок с людьми в штатских костюмах и еврейских женщин на броненосец и обратно, и распространяемые ими вести мгновенно передавались в толпы, возбуждённость которых уже весьма скоро проявилась в крайней степени.

У места, где лежал труп убитого матроса, появился флагшток с красным флагом. Из кучек и групп еврейской молодёжи выделились ораторы, выбравшиеся на подмостки, сделанные из бочек и ящиков, и началось словесное возбуждение толпившейся черни к мятежу, к восстанию против правительства, к низвержению Самодержавия.

Исступлённые молодые еврейки с распалёнными лицами, жестикулирующие своими широкими рукавами, полезли на трибуны и, окружённые своими кавалерами, говорили народу речи, сопровождаемые одним и тем же приговором — «долой Самодержавие!».

Дело становилось ясным.

К месту происшествия прибыл одесский анархистский кагал, так называемый «Комитет Еврейской Самообороны», и тут же главари решили возбудить народное восстание против власти.

Распускаемые слухи о том, что броненосец воспретил властям посылать в порт войска, что с броненосца уже свезён десант для овладения портом и тому подобные вести поселили уверенность в полной безнаказанности исступлённых ораторов и всех, бывших на Новом моле. Уверенность эта поддерживалась в толпах народа фанатическими речами ораторов, указывавших народу на трусость, растерянность и бездействие власти, не решавшейся послать в порт войска для усмирения открыто и дерзко поднятого восстания.

К двум часам дня фантазирование толпы достигло крайних пределов.

Вооружённые шайки евреев бросились по сходням на частные пароходы и сгоняли силой экипажи судов на берег. Были случаи сопротивления со стороны судовых команд, кончавшиеся тем, что сопротивлявшихся сбрасывали в воду. Угрозы сопровождались выстрелами. В действиях пароходных команд не было стимула самозащиты. При единстве действия команды, сплотившись, могли бы одолеть еврейскую толпу, но единения между командами не было. На некоторых пароходах командиры и помощники уговаривали людей сойти с пароходов. Там, где было оказано сопротивление евреям, как, например, на пароходе «Саратов», Добровольного флота, там увода команды не было. Разлад между пароходными командами и администрацией пароходных обществ, поддерживаемый частными забастовками и несогласиями, был причиной того, что команды оставили пароходы, не выказав намерения отразить нападения еврейских шаек.

Большое влияние на дух команд имел также страх перед всемогуществом еврейского анархического «Комитета Самообороны», который терроризировал рабочее население города тайными и явными убийствами.

Не видя со стороны властей отпора преступным действиям анархистов, не чувствуя за собой поддержки вооружённых сил государства, народ поддался чувству страха и беспомощности перед наглой дерзостью анархистов, изрекающих смертные приговоры и приводящих эти приговоры в исполнение всенародно.

После двух часов дня восстание в черте порта пошло ускоренным темпом.

Один из эпизодов еврейского фанатизма должен быть увековечен. Свидетелями его были сотни лиц, которые могут подтвердить кровавое, позорное преступление. Портовой стражник Глотов казнён всенародно по приговору фурии-еврейки. Эта дьяволица, стоя на бочке, держала речь толпе и, как все прочие фурии, провозгласила: «долой Самодержавие!» Глотов, находившийся близко от этого места, громко сказал, что такие безумные слова не должно говорить. «Смерть ему!» — взвизгнула еврейка, и тотчас из окружавшей фурию кучки евреев выделились четыре человека и выстрелами из револьверов уложили Глотова. Тело его сейчас же было сброшено в море...

В четвёртом часу дня начался грабёж товаров, лежавших на пристанях, а затем разбиты товарные портовые магазины, и всё, что там было, подверглось расхищению черни. «Босая команда» (чернорабочие) прежде всего набросилась на напитки. Началось пьянство, а вместе с ним и разбой. Толпы грабителей, русских и евреев, ринулись в порт. За ними появились бабы с детишками. Товары расхищались, уносились и увозились в город на извозчиках на ломовых подводах, на шлюпках. Со стороны властей не было сделано распоряжений ни к прекращению грабежа, ни к закрытию движения по улицам, ведущим из города в порт.

До 9 часов вечера снование народа между портом и городом не прекращалось.

С Николаевского бульвара, где стояли пехотные цепи, можно было обстрелять порт, ибо весь он, как на ладони. Но отсюда давали залпы только с двух часов ночи, когда поджигатели, распространив пожар по всему порту, двинулись массами в город с целью разгромить и сжечь городские здания. Отпор, данный поджигателям в черте Карантинной гавани ротой карантинной стражи, действовавшей под командой энергичного начальника Карантинного округа доктора Н.И. Дамаскина, отпор, спасший таможню и все здания, находившиеся в Карантинной гавани, показывает, что можно было сделать, не произведя ни единого выстрела. Доктор Дамаскин заявил печатно, что рота Карантинной стражи не выпустила ни одного патрона.

Для меня ясно, что власти не решались на подавление мятежа и грабежей днём, потому что опасались бомбардирования города с броненосца. Растерянность властей очевидна. Ведь давали же ночью, после 2-х часов, залпы по поджигателям; почему же днём, в 4 часа, когда развивался грабёж, не обстреляли хотя бы один только Новый мол с бульвара и с обрыва на конце Канатной улицы?

Я уверен, и мою уверенность разделяют весьма многие, что трёх-четырёх ружейных залпов, даже не по толпе безумствовавших, было бы достаточно, чтобы заставить эту толпу броситься из порта. А так как выходы из территории Нового мола могли быть заграждены сомкнутыми частями пехоты, то задержание безумной толпы было бы возможно. Одной роты было бы довольно, чтобы закрыть движение по Приморской улице и оградить Практическую гавань, но этого не было сделано до 9-ти часов вечера, а после того уже гавань запылала.

В девятом часу начались пожары. Сначала на территории Нового мола, а затем весьма скоро и на Практической гавани. По общему голосу многих лиц, находившихся в порте с самого начала пожаров до утра следующего дня, шайки, занимавшиеся поджогами, состояли из евреев и молодых евреек. Поджоги производились посредством какой-то жидкости, которую брызгали на зажигаемое место и затем поджигали спичками. Сила огня была так велика, что железные листы прогорали. Некоторые поджигатели имели кружки и вёдра, смазывали кистью здания и товары и воспламеняли жидкость спичками. Были поджигатели, действовавшие факелами. Зажигательным составом смазывали свайные ограждения молов, и они все были моментально охвачены огнём. Лили зажигательный состав прямо в воду около пароходов, и состав горел на воде.

В Одессе случаи «пожарных ликвидации» так часты и общеупотребительны между торговцами-евреями, что здесь давно сформировались специалисты по огневым делам. У нас существует даже специальный термин «ликвидация через огонь». И как только заходит речь о пожаре в торговом заведении, то, прежде всего, спрашивают: «Ну что, всё погорело?» На что иногда отвечают: «Чисто погорело» или «так себе», или «ну, что за пожар: ни себе, ни людям». При таком изобилии специалистов пожарного дела, анархистскому кагалу нисколько не трудно было организовать систематический поджог зданий порта.

И действительно, порт выжжен систематически. Начиная от дворика агентства Русского Общества Пароходства и Торговли на Карантинной гавани и до соляной пристани Практической гавани, все здания, все товарные склады пароходов и железной дороги, эстакадная ветка, станция Одесса-Порт, одним словом, всё, что было на этом огромном участке портовой территории, уничтожено огнём.

В числе поджигателей видели евреев в студенческих формах, университетской и разных технических учебных заведений. Команды и шайки поджигателей были весьма многочисленны, чем и объясняется быстрое распространение огня. Здания зажигались не одно от другого, не по направлению ветра, которого, впрочем, почти и не было, а от поджогов. К одиннадцати часам все здания порта пылали. Пожарные команды и не пытались проехать в порт. Официальное описание гласит, что все команды не были пропущены толпами буйствовавших, а я так думаю, что пожарные были просто удержаны в виду невозможности противодействовать огню при весьма быстром его распространении.

Каким образом объяснить гибель шести пароходов, стоявших у пристаней? Ведь, были же спасены от пожара все пароходы Русского Общества Пароходства и Торговли и многие частные? Почему же сгорели три парохода Российского Страхового Общества «Пётр», «Платон» и «Сергей». Сгорел

пароход Кашкина «Екатерина», пароход «Вера» г. Островского (еврей-пароходовладелец), пароход «Южная Звезда» (гг. Джекобса и Ашкинази)? Гибель трёх пароходов Российского Общества тем более изумительна, что рядом с этими пароходами стояли два другие парохода того же общества — «Святогор» и «Россия». «Святогор» имел пар, оттянулся на бочку и отвёл туда же «Россию». «Пётр», «Платон» и «Сергей» стояли сзади «Святогора», но не распорядились отдать швартовых с берега и подать концы на «Святогора», который мог бы их отбуксировать. Наконец, все три погибшие пароходства имели левые якоря отданными. Сбросив швартовы с берега, пароходы могли бы отойти от пристаней движением лёгкого ветра, который поставил бы их по якорю. Я слышал, что портовые казённые катера, находившиеся под парами, не подавали помощи пароходам, подвергавшимся опасности. Пароходы же Русского Общества Пароходства и Торговли выводились из гавани при помощи собственных буксирных пароходов.

В 11 часов ночи начали раздаваться в городе отдельные выстрелы, иногда довольно частые. Выстрелы эти, как потом объяснялось, производились с крыш и с балконов домов евреями из того же анархистского кагала самообороны. Войска, бивуакировавшие на улицах, подвергались обстреливанию из револьверов. Такие обстреливания, как мне достоверно известно, производились с крыш зданий Николаевского бульвара, с Ланжероновской и Екатерининской улиц и из Карантинного переулка по войскам, стоявшим на Канатной улице.

Такой уличной стрельбой занималась еврейская самооборона, еврейская милиция, на вооружение которой собирались денежные суммы, вносимые: одесскими банкирами, в конторах коих потом найдены бомбы; коммерциями-советниками мукомольного дела, отказавшимися от звания гласных думы по назначению; членами биржевого комитета, техниками, состоящими при управлении градоначальника; либеральствующими и по сей день профессорами и приват-доцентами университета; техниками со всевозможными кантами и петлицами и т.д.

Поименовываю лишь те профессии жертвователей на еврейскую самооборону, которые, как мне доподлинно известно, устраивали заседания для обсуждения способов организации самообороны. Не могу также не упомянуть об адвокатах, присяжных поверенных и их помощниках, которым принадлежит руководящая мысль устройства еврейской милиции, яко бы для защиты евреев, вообще, и всей интеллигенции, в частности, а, в сущности — для целей анархии.

Да, господа интеллигенты, мундирные и безмундирные, пора сорвать с вас маски! Вы давали деньги на «самооборону», а устроили грабёж, пожары, убийства, смертные казни, бунты и восстания против государственной власти. Вы говорили и писали в прокламациях, что намерены защищать своё израильское племя и своих присных, ан вот, что вышло!..

Пусть узнает, наконец, русский народ, каких прав вы домогаетесь, и какие правомерные способы воздействия на общество и государство вы решаетесь применять на деле. Я не донос пишу, я пишу воззвание к русскому народу, который вас ещё совсем мало знает, которому только теперь, после злодейств, совершённых евреями в Одессе, откроются глаза.

В два часа ночи, когда пожар порта принял наибольшие размеры, со стороны Николаевского бульвара и вправо от него грянули дружные, резкие залпы. После первого залпа вой и рёв толпы, раздавшиеся с Нового мола, были ужасны. После четвёртого и пятого залпов воя уже не было, а после одиннадцатого, по моему расчёту, в порте наступила тишина. Эти одиннадцать залпов я насчитал в течение пятнадцати минут. После того залпы продолжались, но не столь резкие и с промежутками, почти до трёх с половиной часов утра. Мне казалось, что залпы давались левее бульвара, по направлению к Пересыпи.

На другой день многие говорили, что стреляли из пулемётов, но я сам не слышал звуков пулемётной стрельбы, которая имеет характерную особенность.

От трёх с половиной до шести часов утра раздавались отдельные, иногда очень частые, выстрелы по направлению в город. Я узнал потом, что в весьма многих местах города по войскам стреляли евреи из окон, с балконов и с крыш. Войска также обстреливали дома, из которых были сделаны выстрелы. В 6 часов утра в городе и в порте водворилась тишина. Лица, бывшие в порте всю ночь, а также

спасавшиеся на баржах, передавали мне, что пули летали по всем направлениям. Передали мне также, что с броненосца было сделано ночью четыре залпа по бульвару, но бывшие всю ночь на бульваре говорили мне, что с броненосца не стреляли, а с крыш домов раздавались выстрелы по цепи пехоты, расположенной по краю бульварного парапета и ската.

Так как, по моему мнению, ружейные залпы с броненосца — дело недоказанное, то дозволительно поставить вопрос: почему днём не был открыт огонь по безумствовавшему, свирепому, еврейскому, анархистскому кагалу? Почему дали время евреям-анархистам выбраться улицами из порта до 9 часов вечера, а после того переехать в другие части порта и на Пересыпь на шлюпках? Евреи и еврейки, пробравшиеся на броненосец, конечно, уже были в безопасности, но те, которые этого не сделали, не могли бы укрыться, если бы подавление бунта, восстания и грабежей было начато около 4-х часов пополудни. Говорят, ожидали распоряжения из Петербурга об установлении военного положения в городе, и что ожидаемое распоряжение пришло в два часа ночи. Не берусь утверждать, что так и было, но факт, что пожар порта мог быть предотвращён днём.

Поддерживая все мои соображения, основанные на личных наблюдениях и рассказах очевидцев, я как старожил, живущий здесь безвыездно почти сорок лет, не могу не сказать, что к еврейскому анархистскому кагалу самообороны примыкают, к стыду русского народа, лица русского же происхождения и инородцы, преимущественно из Закавказского края, учащиеся в учебных заведениях города. Ослеплённые ненавистью к правительству, эти лица продали себя евреям. Идя вместе с евреями и действуя заодно, эти презренные отребья русского племени и гнусные изменники родины и государства, их вскормивших, всеми силами низких душ своих стремятся возмутить народ против правительства, чтобы возбудить в правительстве недоверие к народу. Здесь идёт двойная игра преступных деяний: не благо народа имеют в виду эти гнусные, низкие, бесчеловечные души; они хотят сделать зло народу, но так, чтобы это зло было сделано руками власти, органами правительства. Так и в беспримерном злодействе, совершённом в Одессе, они, эти изверги человеческого рода, подняли чернь на грабеж, произвели своими руками громаднейший пожар с многочисленными жертвами, подвели, наконец, толпу безумствующих грабителей под ружейные залпы, от которых легло огромное число евреев и русских людей. И всё это сделали так, что жертвы подавления восстания погибли от карающей руки правительства.

Может ли быть что-нибудь более изуверное, фанатичное, отвратительное, чем эти злодеяния, учинённые в городе, который вмещает в себе, по меньшей мере, 40.000 еврейских семейств!

Негодуя на участие в составе анархической партии презренных русских людей и инородцев, я должен, однако, сказать, что не придаю большого значения их участию. Без анархистского кагала еврейской самообороны посторонние элементы, к этой обороне примкнувшие, не могли бы натворить таких ужасов. Это она, еврейская самооборона, дала такую массу злодеев, одолеть которую при случившихся осложнениях (появление броненосца с возмутившейся командой) было трудно и невозможно без кровавых жертв. Эта она, еврейская самооборона, объединила и натравила своим изуверным фанатизмом чернь, которая шла на грабёж, как Панургово стадо.

И чернь же пострадала больше всего. Количество пьяных людей, сгоревших на пожаре, очень велико. По всей вероятности, число погибших на пожаре больше числа убитых и раненых ружейными залпами. Я знаю от многих свидетелей-очевидцев, что залпы были делаемы с намеренными перелётами. Жестокости при подавлении мятежа не было. Поведение войск и офицеров было вполне спокойное, самоотверженное, исполненное самообладания.

Полиция была в большей степени избиваема евреями-анархистами, чем сама их истребила. Число погибших и пострадавших во время беспорядков полицейских чинов довольно велико. Несмотря на потери, понесённые казачьими разъездами, против которых анархисты действовали бомбами, я всё же не заметил озлобления в этих людях, истребляемых при исполнении долга службы самыми изуверскими и беспощадными орудиями дьявольской изобретательности. Напротив того, самую крайнюю озлобленность выказали еврейские анархисты самообороны, обстреливавшие войска и прохожих из окон, балконов, с чердаков и крыш и бросавшие бомбы в толпы невинных людей.

Я должен также высказать упрёк властям гражданским и военным в том, что они при подавлении

беспорядков действовали неправильно. Для усмирения посылались малые отряды. Часто полицейские должны были в одиночку идти против больших шаек грабителей и бунтовщиков. Толпа всё-таки — толпа, хотя бы и еврейская. Этого власти не понимают, и оттого так много убитых в одиночку полицейских и казаков. Казачьи разъезды были вообще слабы по числу людей, но действия разъездов были всегда в высшей степени смелы и решительны, чего вообще нельзя сказать о действиях полицейских чинов.

Было ли появление броненосца в Одессе явлением случайным, или же оно имело связь с беспорядками, происшедшими в городе накануне прибытия броненосца? Официальное сообщение гласит, что здесь была случайность.

Полагаю, что официальная версия неверна. [73]

Власти не проследили всех нитей заговора, не размотали клубка и говорят: «связи не было». Но я решаюсь думать, что совпадение прибытия броненосца с бунтующей командой с началом беспорядков в городе было неслучайным. Поживём — узнаем, а говорить от имени правительства наобум не следовало бы. [74]

Описывать дальнейшие происшествия, случившиеся после 16 июня, я не намерен. Горечь пережитого позора и унижения так велика, что я не в силах продолжать описание.

Но, заканчивая рассказ, я хочу прибавить выводы из всего пережитого в эти ужасные дни.

Живя долгое время в Одессе, я изучил коренные изменения в настроении мнений, в поведении и поступках еврейского населения.

Робкий, низкий, злопамятный характер израильского народа в течение последних пяти-шести лет сменился дерзостью, нахальством и чрезвычайной озлобленностью против христианского населения. Нескрываемая злость, искажающая и без того некрасивые черты семитов, подергивание мускулов огромного чувственного рта, прищуренные глазные орбиты и ушедшие вглубь зрачки делают отвратительными лица молодых евреев и особенно евреек. Последние подчеркивают злобность выражения лиц ведьмообразными начёсами волос, оттеняющими искажённые лица грубыми, падающими тенями.

Посмотрите на эти лица в шабаше, когда евреи и еврейки, расфранчённые по последним модам, толпами высыпают на улицу, галдят, толкают прохожих и флиртируют. Впрочем, разве можно, говоря о молодых евреях и еврейках, употреблять слово флирт? Слово «блуд» и «разврат» тут более уместны. В любой час дня пройдитесь по загородному Александровскому парку и увидите пары, расположившиеся в самых вульгарных положениях. Сторожа парка говорили мне, что нет возможности оградить парк и публику от еврейского наглого распутства.

«Станешь их стыдить или гнать из парка, они же тебе наговорят таких мерзостей, что рад уйти от них», — так жаловались мне старики-сторожа, которым я сам указывал на распутные толпы еврейской молодёжи, принадлежащие к учебному возрасту 15-17 лет и даже меньшему. Толпы мальчуганов и девочек 10-14-летнего возраста с гиком и свистом врываются в парк, бесчинствуют, говорят друг дружке отвратительные сквернословия и надоедают прохожим наглыми приставаниями. Удивляться ли, что торговля женщинами на рынках Ближнего Востока распространилась чрезвычайно. На Россию ложится позор развратной поставщицы живого товара, и этот позор наносят почти исключительно одесские евреи, развившие свои торговые обороты до громадных размеров.

Семейная жизнь у евреев страшно изменилась. Патриархальность семьи сменилась распущенной необузданностью молодёжи. Родительская власть рушилась, молодёжь бросилась в социализм: агитирует, устраивает заговоры, печатает и распространяет прокламации, формирует банды самообороны, делает бомбы, стреляет в полицию и войска и, наконец, дошла до открытого возмущения, с грабежами, поджогами и смертными казнями.

Уголовная преступность еврейского населения растёт чрезвычайно. Судебная статистика даёт указания на увеличение судимости евреев по всем категориям самых гнусных преступлений. Число политических преступников среди евреев так велико, что почти одни только еврейские фамилии

пестрят летописи уголовно-политической хроники прессы. Читая ежедневные газеты, просто поражаешься массами убийств, совершаемых именно евреями в разных городах и местечках, в черте и за чертой еврейской оседлости. Отчаянно изуверский характер беспрерывно следующих одно за другим покушений тем более возмутителен, что преступниками-убийцами в огромном числе случаев являются подростки и малолетние, которых еврейский анархистский кагал фанатизирует и посылает для совершения преступлений в расчете на смягчение кары при судимости по малолетству. В Одессе, например, известны случаи, когда бросание шашек пироксилина в полицейских чинов производилось 14-летними жиденятами.

Печать, газеты — всё в руках евреев. Хотя одесские газеты подцензурны, тем не менее, отвратительная зараза проповеди анархизма и нравственного разврата разливается в здешних газетах, подобно морю смердящего зла и позора. Еврейские перья уже пишут в одесских газетах статьи и заметки, умаляющие размеры злодейского погрома в Одесском порте, уже пускаются ядовитые намёки на тон и окраску официального сообщения о беспорядках, уже высказываются суждения о варварской дикости подонков черни, которую чуть не вчера те же самые перья называли своим лучшим союзником и другом и восхваляли доблестных обитателей «дна».

Подождите ещё немного, и перья одесских еврейских строчил создадут такую легенду из лжи, клеветы, извращений, в которой не разберётся и самый опытный следователь. А после этого явятся позорные лгуны адвокатской профессии и создадут тысячи инцидентов с лгунами-свидетелями, с клятвопреступниками и с бессовестными приёмами адвокатской наглости нагромоздят целые горы самых оскорбительных для чести и достоинства суда провокаций. Чуют эти коршуны, питающиеся падалью еврейской анархической самообороны, поживу и уже создают обстановочки, для распутывания которых понадобятся нечеловеческие усилия.

На фоне этой мрачной картины всеобщего распутства и злодеяний, совершённых во имя фанатического, исступлённого изуверства, стремящегося к низвержению основ русской государственной жизни, рисуется коллективная ответственность еврейского населения города Одессы за все те позорящие имя человека преступления, свидетелями которых были тысячи людей.

Установление этой коллективной ответственности было бы, по моему мнению, первым актом образумливающего воздействия на население города, в котором нарушены самые коренные основы общежития. Долг и обязанности власти — закрепить показаниями очевидцев характер коллективного участия еврейского анархического кагала самообороны во всех разительных моментах пережитой бури.

Не установления личной уголовной ответственности евреев-анархистов или фанатизированных ими босяков и грабителей желаю я, не о каре отдельных преступных личностей говорю. Об этом, я знаю, позаботится судебная власть в порядке судебного следствия. Нет, не о таком следствии идёт речь. Я настаиваю на исследовании, путём опроса очевидцев, об общем характере погрома, о всех перипетиях в развитии хода погрома, его постепенного роста и о виденном всеми нами участии еврейского населения Одессы в произведении возмущения черни, в грабежах, убийствах, в поджогах, в бунте и восстании против правительства с целью низвержения устоев государственного управления.

По выяснении объёма этого коллективного участия евреев в злодеяниях, совершённых ими в течение дней с 14 по 19 июня, должны быть предприняты меры воздействия для восстановления нарушенных прав пострадавших лиц и учреждений путём возложения коллективной же ответственности на всё еврейское население города Одессы для возмещения убытков потерпевших.

Не ожидая окончания результатов исследования, надлежит приступить немедленно к обезоруживанию еврейского населения. Ограничиваться требованием выдачи оружия, как принято делать в подобных случаях, недостаточно. Оружие должно быть отобрано, а не выдано самостоятельно. И для такой цели не следует останавливаться перед поголовным обыском еврейских квартир во всём городе.

Если эти две меры не будут приведены в исполнение, то в Одессе нельзя будет жить христианам, и завоёванный русской кровью, город Одессу придётся уступить евреям. [75]

II. «Гг. Одесситы»

Письмо к редактору «Русского Дела»

Одесса, 24 июля 1905 года

После погрома 14-19 июня «Одесские дни» протекают далеко не мирно.

Возбуждённость еврейского населения очень велика, а настроение еврейского кагала самообороны по-прежнему резко враждебно порядку.

На первых порах здешняя жалкая полиция понатужилась сделать открытие четырёх бомб, да на том и остановилась. Открытием этим, видимо, желали отличиться как проявлением энергии полицейской службы после объявления города на военном положении. Богачка-еврейка Розалия Бродская и банкир З. Ашкинази, в домах которых найдены бомбы, оштрафованы тремя тысячами рублей каждый. Назначение штрафа в таком размере показывает намерение усилить меру взыскания: до сих пор штрафы назначались до суммы не более 500 р. Но в сущности кара получилась ничтожная, потому что Розалии Бродской и банкиру Ашкинази уплатить штраф в 3.000 р. — всё равно, что мне подать нищему 3 копейки. Уж если попались в руки такие жирные птицы, то следовало ощипать их так, чтобы хватило денег на починку порта. Тогда и другим евреям стало бы ясно, что с ними шутить не будут.

Стрельба евреев по полицейским стражникам и по казачьим казармам продолжается. Не прекращаются также и сборища еврейских шаек. В этом отношении военное положение действует слишком снисходительно и когда-нибудь поплатится за свою непредусмотрительность.

Сборища евреев на улицах Преображенской, Дерибасовской и Ришельевской весьма велики. Здесь на тротуарах поставлены скамьи, у которых собираются кучки евреев, вечно сговаривающихся, вечно галдящих на своём варварском жаргоне. Тут, на небольшом пространстве, всегда в сборе тысяча и больше евреев, и случись какая-нибудь выходка безумствующих анархистов еврейской самообороны, вот вам и готовая тысячная толпа единомышленников, толпа, нафанатизированная, готовая скрыть преступника и оказать вооружённое сопротивление полиции, которая у нас отличается неповоротливостью и нераспорядительностью.

На мой взгляд, эти уличные сборища евреев следовало бы прекратить, убрав скамьи с улиц.

Такого же рода сборища образуются ежедневно около зданий биржи, куда с 10 часов утра собирается такая толпа, что на тротуарах прохода нет. Нужно вам знать, что биржевой час у нас от 12 до 1 часа пополудни. Но паразитам хлебной торговли этого мало, они не успевают наговориться, и вот, мелкие спекулянты, маклеры, приказчики и т.п. завели обычай собираться у здания биржи с 10 часов утра. В час биржевых собраний их не пускают, потому что они не хотят платить сбора за право входа. Так вот они и размещаются на улице, стесняя движение прохожих. Уж если для оборотов хлебной торговли необходимо существование второй — «вшивой» биржи, то следовало бы отвести место для этих паразитов во дворе биржевого дома, а улицу освободить от еврейской толпы.

Вообще, на мой взгляд, наша администрация при объявлении города на военном положении сразу взяла ненадлежащий тон. Я назову этот тон наблюдательным, но не распорядительным. В дни беспорядков во все частные банки были назначены военные караулы, но их скоро сняли, и охрана банков, как частных, так и Государственного, оставлена на попечение самих учреждений. В Конторе Государственного банка имеется собственный караул из 22 вольнонаёмных стражников, вооружённых шашками и револьверами. Люди эти занимают посты у касс банка, но их сонные фигуры, заплывшие жиром от безделья, не внушают доверия. Огромный штат сторожей с галунами и бесчисленные чиновники банка ничем не вооружены, и при малейшем переполохе, а его можно ожидать, произойдёт скандал: всё это растеряется и разбежится пред появлением вооружённой шайки анархистов. При посещении банка мне привелось видеть «восточного человека», слонявшегося по коридорам банка без всякого дела. Костюм и манеры этого человека явно изобличали отчаянного мошенника, пришедшего в банк для разведки. Я наблюдал за его хождениями из одного места в другое и убедился, что он пришёл в банк не имея никакого дела. Указав на него сторожам, я спросил, приказано ли им следить за подозрительными личностями, приходящими в банк без всякой надобности? «Мы не сыщики!», —

таков был ответ сторожей. Вот, судите сами, как велика бесконечность, дряблость отупевшей бюрократии, которая живёт, плодится, множится около государственного сундука и не думает о том, что на её обязанности лежит долг обезопасить государственное достояние от покушения безумствующих анархистов. Расход в 1.000 рублей на покупку 50 револьверов Браунинга для вооружения сторожей и чиновников банка не разорит казну, а между тем, охрана государственного учреждения была бы несравненно лучше обеспечена, чем теперь. Чиновники Банка мне говорили, что, при данном положении города раздача служащим в банке револьверов совершенно необходима в видах охраны банка от попыток анархистов, но начальство об этом и не думает.

Вот в этом-то отношении наблюдательная роль администрации совершенно неуместна. Военная охрана города должна бы надоумить гражданские власти принять меры для безопасности государственных учреждений. Говоря о Конторе Государственного банка, нельзя не вспомнить, как в день погрома один из высших чиновников, проезжая на дачу, потерял портфель со своими собственными процентными бумагами. Чиновник не доверял банку. Это напоминает мне случай в другом роде. Когда генерал Безак был начальником почт и телеграфов и жил на даче в Царском Селе, то всегда посылал приглашения своим знакомым с курьерами. Раз его спросили; почему он не посылает по почте? Генерал отвечал: «Почта всегда перепутает».

Помещаю в мой рассказ эти комические эпизоды не для балагурства. Подобные иллюстрации характерны как верное отражение жизни. Не имея понятия о чиновнической распущенности, о беспечности всего строя администрации в государстве, не поймёшь, каким образом могли произойти возмутительные, позорные деяния в Одессе. Вооружённый, безумствующий кагал еврейской «самообороны» образовался не в мгновение ока. Еврейское население города подготовляло давно свои гнусные, изменнические цели.

Всему городу было известно, что у евреев можно купить револьверы лучших марок — Смита-Вессона и Браунинга, по ценам весьма низким, дешевле, чем в одесских оружейных магазинах. Известно было также, что шайки евреев, преимущественно из учащейся молодёжи и приказчиков, выезжают в море на шлюпках и там учатся стрелять из револьверов. На прибрежных дачах, начиная от ближайшего к городу Ланжерона, собирались толпы евреев для стрельбы. Всё это было известно полиции, которой не раз приходилось разгонять воинствующих израильтян. Между тем, начальник коммерческого порта ничего об этом не знал, и хотя правительство дало ему паровые катера, чиновников и портовых стражников для целей охраны порта, ни разу не было случая обнаружения еврейских шаек, стрелявших со шлюпок.

И так во всём: ожирелость, отупение, беспечность и самое халатное отношение к долгу службы довели до позорных дней вооружённого восстания еврейской анархистской «самообороны», сопровождаемого грабежами, убийствами, казнями христиан и пожарами.

О полиции нашей я уже писал довольно. Сами евреи говорят, что в городах, **«где честная полиция, евреям жить нельзя»**. Только вот отыскать эти города на карте Российской Державы довольно трудно. По тому, как в Одессе живут, плодятся и множатся сыны Израиля, можно судить, какова у нас полиция.

Или взять, например, ведомство Просвещения, в котором совершено так много безумных, дерзких, вопиющих скандалов, опозоривших нашу науку. Терпеть годами открытую пропаганду безумного анархизма, эти отвратительные, химерические (выражаясь слабо) обструкции и рядом с этим провокации либеральничающих профессоров и доцентов; терпеть равнодушие коллегии, представляющей, в сущности, фабрику для переделки «восточных человеков» в кандидатов и действительных студентов естественных наук, — да разве может быть что-либо более возмутительное? Или эти позорные манифестации, выходившие из стен университета с надписями на флагах «19 февраля».

Какое, спрашивается, евреям дело до 19-го февраля? При чём тут евреи и кавказцы, припущенные к университету для целей анархистской пропаганды? И всё это допускалось, терпелось и даже поощрялось беспечным равнодушием начальства, которое и по сей день остаётся на своих тёпленьких местах.

А спросить, чем же занимаются эти беспечные люди? Да вот, видите ли головоломное дело затеяли: классы лепки и ваяния думают открыть при казённых гимназиях. Это в наше-то время, когда бездарность учительского персонала, его феноменальная тупость и озлобленность к учащимся так разительно выражались в многочисленных случаях беспорядков, бывших в течение минувшего учебного сезона. Порядочных учителей для младших классов гимназий найти не могут: все учителя или злобные, пропитанные желчью старики, губящие молодые силы, доводящие наших детей до нервного расстройства, до пляски св. Витта, до идиотизма, или — лодыри, которым всё трын-трава, кроме карт и вина. А эти классные наставники из лакейства, а это наглое, бесчестное педагогическое совместительство, при котором одно и то же лицо занимает должность учителя в трёх и даже четырёх классах гимназии, да и должность инспектора или директора в женской частной гимназии, да ещё на придачу содержит свою собственную мужскую гимназию «с правами»? А это беспредельное размножение еврейских частных гимназий и коммерческих училищ, которые открыто торгуют правами, дипломами и аттестатами зрелости?

Всё, что я пишу, не выдумка. Весь город знает, какими средствами достаются евреям медали, права, дипломы и аттестаты. Не знает этого только попечительство учебного округа, возлюбившее скульптуру в женских формах.

Прибавьте ко всему сказанному городское общественное управление в руках жадного кружка...

Набросав эти иллюстрации из жизни Одессы, я хотел показать, при какой обстановке возникла и развивалась деятельность пропаганды еврейского анархизма, который хотели подменить названием «самообороны», да сорвалось это дело у них раньше времени.

То, что мы видим теперь, всё это устраивалось давно. Первые начала положены были ещё во дни Тулонских и Кронштадтских тостов.

Дело это подготовлялось кем-то для войны «на два фронта».

Япония воспользовалась готовой, уже организацией и лишь приспособила её для своих целей.

Читайте многочисленные политические процессы о пропаганде; читайте подпольную печать, местную и швейцарскую, и вы убедитесь, что эта пропаганда питается мыслями социал-демократической литературы с берегов р. Шпрее. Имеются полные, несомненные основания утверждать, что, помимо литературного заимствования, притекают оттуда же и более существенные воспособления для целей пропаганды. Даже невинные, «романтические» шекели сионизма, которыми так занимаются «русские» (?) одесские газеты, и те (шекели) попадают в фонд самообороны одесского анархического комитета.

Приток японских субсидий довольно трудно выделить из массы трансфертов, делаемых Берлином и Веной, но, надо полагать, что этот приток немалозначителен.

Для Японии легко было наладить деловые сношения с еврейством южного края России. Задолго до занятия Порт-Артура и Манчжурии, одесское еврейство устремилось на Дальний Восток, по пути движения переселенцев в Приморскую область Восточной Сибири и засело во всех портах океанского пути от Одессы до Владивостока.

Установивший в одесских газетах свой стиль кабацких фельетонов, В. Дорошевич, отправившись в путешествие на Сахалин, уже в то время повсюду встречал «одесситов», которые спрашивали: «А кто у нас теперь городской голова?» Переселение «одесситов» в этом направлении ещё более усилилось со времени занятия Манчжурии. В Порт-Артуре сформировался настоящий кагал около любимца всемогущего Алексеева — одесского еврея Гинцбурга.

Участие г. Витте в операциях Восточно-Китайской железной дороги и горячая ревность сего государственного мужа в создании города Дальнего ещё более увеличили прилив одесских евреев на Квантунский полуостров. Крупные поставки припасов для флота, крепости и гарнизона, в свою очередь, вызвали появление Циммерманов, Серебренников и сотни других юрких жидков.

Японцы пользовались этими пронырливыми, бесстыжими гешефтмахерами и приспособили их для целей революционной пропаганды и в самой России, и вне её — в Японии и в Шанхае между

русскими пленными. По всей вероятности, дело оказалось прибыльным, потому что район операции и размеры дела сразу расширились.

Одесские союзники японцев получили средства вести крупную игру, о размере которой можете судить по беспорядкам 14-19 июля. В то время, когда Гинцбург обработал начисто Алексеева, другой русский еврей — Циммерман, бывший поставщик мяса для Порт-Артурского гарнизона, пристроился в Шанхае у г. Павлова и в сообществе с другими «одесситами» стал орудовать делом эвакуации несчастных, возвращавшихся из Порт-Артура в отечество.

Циммерман, Серебренник и англичанин Робертсон, агент добровольного флота, получили от г. Павлова заказы на зафрахтованные пароходов. В Шанхай начали стекаться в большом числе освобождённые из Порт-Артура невоенные люди. Туда же направили из Японии больных и раненых воинов, освобождённых из плена. Народу скопилось множество. Нужно было всех разместить до отправки в Россию.

У Циммермана нашлись дома для размещения русских, а там уже всё было приспособлено для обирания исстрадавшихся людей, оторванных от родины и семейств. Кабаки, лавочки, притоны игры и разврата, — всё было устроено предусмотрительным евреем. А так как пособия от русского правительства выдавались весьма щедро, то было около чего походить.

Люди проживались до последнего гроша, и всё шло в карманы жадных евреев, припущенных к этому делу г. Павловым. Но главный разврат еврейской деятельности — пропаганда анархизма и революции — и тут не был забыт. Кучи прокламаций, революционных брошюр и т.п. изданий на русском языке распространялись между русскими, попадавшими в Шанхай.

Читая письма наших пленных из Японии, ужасаешься от тех нравственных страданий, которым японцы подвергают наших людей. Но из всех мучительных пыток, которые приходится переносить русскому человеку, самая оскорбительная, самая тяжёлая, это — бессовестная, коварная пропаганда анархизма и революции, распространяемая среди русских пленных в Японии, а также между русскими, возвращающимися через Шанхай. Такой изменнической пытке подвергают русских людей одесские евреи, переселившиеся в Китай и Японию и выселившиеся из Порт-Артура и Манчжурии после отступления армии.

У меня не хватит времени передать вам рассказы лиц, возвратившихся из Порт-Артура в Одессу. Эти рассказы прямо ошеломляют, когда их выслушиваешь. Не говоря уже о колоссальных мошенничествах по покупкам различных снабжений для Порт-Артура, не дошедших до осаждённой крепости, я пропускаю и целую эпопею возмутительных деяний евреев, которым г. Павлов поручал фрахтовать пароходы (см. «Новое Время», — рассказ о плавании на пароходе «Gironde» и др.).

Дело, наконец, дошло до того, что у посланника г. Павлова евреи выкрали телеграфный шифр и продали японцам.

Японцы перехватывают с телеграфа в Шанхае депеши русского правительства посланнику, читают их свободно, а г. Павлов суетится, разыскивая пропавший шифр. И так шло довольно долго, пока, наконец, не протелеграфировали в Петербург, что шифр украден.

Я отклонился довольно далеко от нити моего рассказа, чтобы выяснить отношение одесских анархистов из «комитета самообороны» к событиям, совершающимся на театре войны. В скором времени вы услышите подробные рассказы об этой грустной, позорной стороне дела нашей войны с Японией. Теперь позвольте возвратиться к чисто одесской злобе дня — военному положению.

Около этого вопроса вращаются городские толки. Христианское население города и иностранцы относятся к военному положению здраво и рассудительно. Все понимают, что им поддерживается порядок, спокойствие и безопасность города. Меры военного положения применяются снисходительно, без раздражительности. Торговая деятельность ничем не стеснена. Фабрики, заводы, мелкие мастерские, пароходы работают правильно и спокойно. По бюллетеню гоф-маклера биржи, экспорт зерновых продуктов в июне превысил итоги минувшего мая и даже июня 1905 года, хотя эстакадная ветка после пожара 15 июня не работает. Сходки и собрания рабочих прекращены. Но что же делать, когда, при возбуждённости рабочего класса, при подстрекательстве анархистов

самообороны всякие сходки рабочих переходили в мятежи, разбои и сопровождались убийствами.

Всё это понимают и евреи, сознавая, что спокойствие города несравненно лучше обеспечено военным положением, чем до него.

Но пропаганда анархического кагала самообороны требует мятежей, убийств, сулит грабежи, пожары, рассылает угрозы, подметные письма, и запуганное комитетом еврейство вопит о тягостях военного положения, о стеснениях торговой деятельности. Попробовали через думских пустомелей возбудить ходатайство о снятии военного положения — не выгорело. Приехал генерал-адъютант граф А.П. Игнатьев и к нему нашли дорожку через Биржевой Комитет.

Прикинулись евреи казанскими сиротами и завопили, что европейские банкиры закрывают подтоварный кредит. Всё это наглая ложь. Сведущие европейские банкиры очень хорошо понимают, что военное положение поддерживает в городе спокойствие и безопасность. Они знают, что после снятия военного положения раньше времени, необходимого для обуздания анархистского кагала самообороны, можно ожидать повторения беспорядков. Приносимые на биржу телеграфные отказы в кредитах пишутся не настоящими банкирами, а заграничными корреспондентами анархистского кагала самообороны. Какой-нибудь Шмерц, Герц с берегов Шпрее телеграфирует: «кредит наш закрываю», а поди-ка поверь, банкир это или агитатор южнорусского революционного бунда?

Еврейская газета Нотовича, самый осведомлённый орган в этих делах, недавно, в номере от 3-го июля охарактеризовала очень верно отношение одесских евреев к военному положению. Вот выдержка из перепечатки, заимствованной «Новостями» из «Vossische Zeitung»: *«военное положение» окончательно связало руки «самообороне»;* заметьте — не торговле одесских евреев, не еврейскому обществу города, а — «самообороне», — признание поистине драгоценное: проязычился мудрый Мардохей.

Наибольшая агитация о снятии военного положения ведётся одесскими и иногородними адвокатами — евреями. Вот для этих бесстыдных «брехачей», этих «художников распутного слова» военное положение стало колом в горле. Помилуйте! Столько случаев судимости с самыми серьёзными последствиями, столько гешефта — и всё мимо да мимо кармана. О! Это ужасно! Это возмутительно! Языки наточили, горла смазали, речи Фердинанда Лассаля проштудировали по новому изданию, и — нет тебе ходу.

А какой Гомельский процесс можно бы повторить в Одессе с «Потёмкиным», «Прутом» и «Георгием»! Какие речи можно произнести» Какие гонорары в виду!.. Вот, где корень еврейских воплей о бедствиях Израиля в Одессе, при военном положении.

Об отношениях еврейских адвокатов к погрому также следует сказать несколько слов.

Как только совершился погром порта, чуть ли не на третий день после пожара, в одесской еврейской газете появилась статья, написанная жидовским юридическим слогом, доказывающая, что ничего существенно, важного погром не представляет, что частные интересы пострадавших лиц могут быть возмещены страховыми обществами, а потери казны от разрушения огнём портовых сооружений незначительны. С еврейской точки зрения, стоит ли жалеть казну русского государства? Да что такое бунт, убийства, казни христиан, возмущение, грабежи, пожары, раз всё это сделано евреями? Сущая безделица. Вот погром на базаре еврейской лавчонки — действительно мировое событие, а тут, в Одессе, убытки на несколько десятков миллионов, — «пхе!»...

После первой статьи, которую я снабдил комментарием, в другой газете уже прямо ставится вопрос о «юридической» ответственности за «убытки в порту» и решение даётся в том смысле, что пароходные общества ответственны за целость груза с того момента, когда груз поступил в распоряжение общества, безразлично, где бы груз ни находился: в трюме ли парохода, в пакгаузе ли или же на открытой пристани. Потом дальше привлекается к ответственности и казённая железная дорога, с которой еврейские адвокаты намерены сорвать великую мзду за истреблённые пожаром товары.

Видано ли где больше бесстыдства, чем в этом гнусном, презренном отношении евреев-адвокатов к погрому, произведённому руками евреев?!.. Ещё не погашены костры, зажжённые изуверными фанатиками безумствующего анархизма, а одесские адвокаты-евреи уже зазывают в свои лавчонки

пострадавших клиентов, заманивая обещанием содрать убытки с пароходных и страховых обществ и с казённой железной дороги. Вот каково отношение этих наглых коноводов «избранного народа» к одесскому погрому!..

Одесский анархический кагал еврейской самообороны при помощи возмущённой кагалом же черни сжёг порт, истребил имущество казённых и частных обществ на огромные суммы, а живущий в Одессе адвокат-еврей, рекламируя себя полным титулом, спешит оповестить, что берётся содрать убытки с наиболее пострадавших от грабежей и пожаров пароходных обществ и с казённой железной дороги. Что такое Шейлок с его куском мяса христианина перед этим адвокатом евреем, живущим под сенью русского законодательства?

Господа русские адвокаты, как отзовётесь вы на эту гнусную выходку вашего товарища?

Чтобы не делать рекламы этой возмутительной наглости, я не назову имени и фамилии одесского адвоката-еврея, но должен сказать, что его имя заклеймено en toutes lettres на столбцах одесских газет.

Самая последняя новость дня в Одессе — приказ военного генерал-губернатора от 13 июля. Приказ этот в высшей степени точно, ясно и правдиво очерчивает отношение евреев и их участие в погроме, а вместе с тем в этом же приказе заключается и ответ на печатаемые в иностранных газетах вопли одесских евреев о натравливании полицией народа на их избиение. Газета Нотовича уже оповестила, что одесские евреи обращаются «к общественному мнению всего мира», прося защиты от катастрофы, «перед которой они бессильны».

До сих пор катастрофы не было и, полагаю, не будет, если только сами одесские евреи её не вызовут. Вот на этот-то счёт и даёт им предостережение приказ временного генерал-губернатора.

Замечательна психологическая черта еврейского характера. Как только евреи учинят какое-нибудь злодейство, их первое побуждение направлено к вопросу о возмездии. Как тайного убийцу влечёт заглянуть в лицо жертвы, так мысли евреев, совершивших коллективно позорные, гнусные, изменнические преступления против государства, направляются с трепетом и ужасом к грядущему, стихийному разрешению еврейского вопроса в России.

Старожил.

P.S. Сейчас прочёл новые постановления генерал-губернатора от 23 июля о еврейских толпах, учинявших нападение на дворников и полицейские участки. Происшествия, описанные в постановлении, вполне подтверждают мои наблюдения о дерзком в высшей степени настроении одесских евреев по отношению к требованиям порядка и спокойствия в городе.

III. Подвиги анархистов.

(Корреспонденция «Нового Времени»).

Среди местных землевладельцев, ещё окончательно не покинувших своих насиженных гнёзд, страшный переполох произвело сенсационное известие о дерзком нападении шайки анархистов-коммунистов, как они гордо именуют себя, на имение одного из богатейших помещиков нашего уезда — г. Гаиуса «Марково-Гаиусово», находящееся верстах в 25 от Тирасполя. Это разбойничье нападение является пока только первой гастролью анархистов в нашем уезде. Их деятельность до этого времени была почти исключительно сосредоточена в Одессе. Стеснённые в своей деятельности военным положением, анархисты начали высылать «экспедиционные отряды» по ближайшим окрестностям этого гнезда южных террористов — красавицы Одессы. Сперва такие шайки ограничивались рассылкой письменных требований денег «на свои боевые надобности». Затем, когда такая «канцелярщина» не стала приносить желанных плодов, анархисты начали рассылать агентов уже с устными требованиями к состоятельным лицам Херсонской губернии. Несколько таких послов ещё в апреле месяце явилось и к г. Гаиусу, требуя солидную сумму в «боевой фонд».

Гаиус резко отказал и посланцы ушли ни с чем, пригрозив, однако, не оставить от его имения камня на камне.

Так как имение г. Гаиуса расположено в степи, верстах в четырёх от ближайшего поселения, то он принял меры к тому, чтобы основательно вооружить своих служащих, и, таким образом, не быть

застигнутым врасплох.

Грабители же не замедлили явиться в имение г. Гаиуса.

По рассказам, их было душ двадцать пять — тридцать. Если правда, что анархисты начинают разгуливать такими солидными шайками, то, пожалуй, наш благодатный Юг обещает в недалёком будущем возвратиться к славным временам героев — атаманов Подолии, Бессарабии и Новороссии, вроде Кармалюка, память о которых и доныне живёт в печальных песнях малороссов. Разница, по всем видимостям, будет заключаться лишь в том, что сподвижники Кармалюка так и называли себя разбойниками и грабителями, тогда как анархисты-коммунисты гордо именуют себя политическими деятелями. И надо думать, мы скоро уже доживём до того, что простая уголовщина канет в Лету, а останутся исключительно политические преступления, вытекающие из партийных убеждений и требований. То-то раздолье настанет: стреляй, режь, грабь, жги, швыряй бомбы, а попался, с чувством собственного достоинства заяви: я, мол, политический и действую, как мне подсказывает веление совести.

Словом, анархисты, огнём и бомбами превратили великолепную усадьбу г. Гаиуса в груды пепла и развалин.

Само поместье они атаковали ночью.

Поначалу их встретили револьверными выстрелами. Но когда «политики» пустили в ход бомбы, защитники усадьбы обратились в бегство. Анархисты их окружили, обезоружили и продержали под караулом до конца своей работы.

Часть анархистов бросилась в дом г. Гаиуса и стала грабить и уничтожать всё, что под руку попадалось, кидая предварительно в некоторые комнаты бомбы, чтобы вызвать ещё большую панику, и поджигая несколько строений. От рук «политических», от огня и бомб погибли обстановка, роскошные картины, предметы редкостей, любовно собиравшиеся в течение многих лет, ценная библиотека.

Провозившись безрезультатно несколько часов около прочного несгораемого шкафа, грабители услыхали тревожные сигналы поставленного около экономических служащих караула и обратились в бегство, в свою очередь, по-видимому, израсходовав запас бомб и не надеясь на одни револьверы.

IV. Из Белостока.

Виновник нескольких политических покушений, совершённых в разное время прошлого и нынешнего года в Белостоке, Бердичеве, Киеве и Одессе, обнаружен, но, к сожалению, поздно 9 мая на старом еврейском кладбище гор. Белостока патрулем из нижних чинов Владимирского полка убит анархист еврей Арон Елин за покушение на убийство помощника пристава Шеффера и нанесение ран двум патрульным.

Белостокская группа анархистов посвятила убитому изуверу специальную прокламацию, в которой приводятся следующие случаи, где Елин проявлял «могучую отвагу и буйный революционный дух»: 1) беспрестанно терроризировал население и полицию; 2) стрелял в казачьего офицера; 3) стрелял и дворника, задержавшего «товарищей»; 4) бросил бомбу в полицейский наряд, ранившую помощника белостокского полицмейстера, пристава, околоточного надзирателя и городового; 5) отстреливался от погони в Киеве; 6) ранил в Бердичеве «буржуа», а также убил и ранил нескольких казаков; 7) принимая участие в бросании бомб в кофейню Либмана в Одессе; 8) убил в Одессе пристава и ранил городовых и, наконец, 9) принимал участие в бросании бомб в жандармское управление гор. Белостока, где один жандарм был убит и двое ранены.

Елину было всего 18 лет.

При одной мысли, сколько этот еврей ещё отнял бы человеческих жизней, не срази его солдатская пуля, становится жутко.

Пролетарии всех наций, соединяйтесь!

V. Извещение о первом учредительном съезде Еврейской Социалистической Рабочей Партии.

Товарищи!

В нашем движении произошло событие большого исторического значения: состоялся первый учредительный съезд объединённых социал-демократических Пойалей-Ционских организаций. Пройдена первая ступень развития, — завершился процесс накопления сил, и в истории нашего движения закрыты те страницы, которые были написаны более или менее случайно. Открывается новая глава: начинается наша планомерная деятельность. Мы создаём организованную силу, выступаем как «Еврейская Социалистическая Рабочая Партия».

И до этого момента различные организации «пойалей-цион» проявляли большую революционную энергию, оказывали мощное воздействие на еврейскую жизнь и занимали видное положение в широких массах еврейского пролетариата. Но их энергия рассеивалась, каждая организация выступала порознь, каждая группа, комитет работали на свой лад; организации не находились в какой-либо определённой связи между собой, о единой, выработанной тактике, разумеется, и речи быть не могло.

Относительно теоретических воззрений «п.-ц.» на тенденции еврейской действительности, на роль пролетариата и дальнейшей социальной эволюции еврейского народа, на задачи, стоящие перед ним на его пути к социализму необходимо заметить, что, хотя «п.-ц.» всегда более или менее ощущали биение пульса объективного исторического процесса, тем не менее, у нас отсутствовала ясная теоретическая платформа, и поэтому не было единой и стройной социал-политической программы...

«П.-ц.» всегда признавали, что на еврейское рабочее движение кладёт тяжёлую печать национальный гнёт, не дающий возможности свободного развития социальным силам еврейских масс и в особенности еврейского пролетариата.

«Пойалей-цион» всегда сознавали и чувствовали, что еврейский пролетариат, стремясь к осуществлению социалистического идеала, встречается на своём пути с необходимостью полного национального освобождения, и что одним из кардинальных пунктов его социалистической программы, его минимумом, является устранение еврейской экстерриториальности.

Путь еврейского пролетариата к социализму лежит через сионизм.

«П.-ц.» всегда признавали, что сионизм есть длительный исторический процесс. Объективный же процесс истории вызывает новые общественные силы. На историческую арену выступают народные массы, происходит процесс демократизации и национализации общественной жизни.

Такой процесс влечёт и еврейское общество на новые пути социального развития и прогресса, носителем которого выступает пролетариат — единственный класс, призванный разрушить старые и создать новые общественные устои.

«Пойалей-цион» признавали, что в сионистском, как и во всяком освободительном движении, имеющем место в капиталистическом обществе, предводительство должно принадлежать пролетариату, а пролетариат, который может и должен объединиться лишь под социалистическим знаменем, имеет единственный путь к своему освобождению, путь ведущий к высшим формам социальной жизни — классовую борьбу.

Таким образом, «п.-ц.» чувствовали и сознавали, что национальное освобождение есть этап, через который еврейскому пролетариату необходимо пройти по пути к социализму. Лишь деятельность пролетариата, а отнюдь не «дипломатические» сны буржуазии, может привести к национальному освобождению, а деятельность пролетариата всегда вливается в одну и ту же форму классовой борьбы. Но связь непрерывной классовой борьбы еврейского пролетариата с национальным освобождением на основе территориальной независимости в общем не была ещё ясна.

«Пойалей-цион» чувствовали, по какому пути должен идти еврейский пролетариат, но этапные пункты этого пути всё-таки лежали как бы в тумане, тенденции еврейской действительности ещё не были строго сформулированы, теоретические воззрения не отличались стройным единством. Таким образом, отсутствовало необходимое основание для прочной социально-политической программы.

Это обстоятельство давало себя чувствовать всё более и более. И «п.-ц.»-ская мысль должна была всё глубже вникать в исторические тенденции и эволюционные факторы еврейской действительности, чтобы уяснить себе пути, ведущие еврейский пролетариат к осуществлению социализма.

Здесь, мы должны заметить, что в том же направлении работала группа социалистической интеллигенции, известной под именем «возрожденцев» (по имени их бывшего органа «Возрождение»). Не находясь ни в какой сионистской организации, не будучи членами какой-либо социалистической фракции в сионизме, не участвуя в повседневных интересах сионисткой практики, эта группа имела возможность более спокойно и ясно анализировать окружающую действительность, резче намечать исторические тенденций, ярче освещать пути, ведущие еврейский пролетариат в царство социализма.

Ко времени, следовавшему после седьмого сионистского конгресса, некоторые «возрожденцы» вступили в «п.-ц.»-ские организации, хотя в теоретических вопросах они являлись сторонниками реалистического понимания истории, а не материалистического, как «п.-ц.». Последние, как и «возрожденцы», считали возможным и законным объединение на почве социально-политической программы, базируемой на одинаковом анализе еврейской действительности, одинаковом прогнозе её дальнейшей эволюции, одной и той же, классовой, точки зрения.

На последнем сионистском конгрессе, где были многие представители [76] «п.-ц.»-ких организаций, среди большинства этих представителей происходили совещания, и было избрано бюро, на которое возлагалась задача конструирования партии и организации первого учредительного съезда «п.-ц.».

По различным причинам большинство членов бюро не могло приступить к организационной работе, а остальные, не имея ни права, ни возможности выполнить свою задачу, снова созвали конференцию, на которой были представители различных организаций. На этой конференции были также представители группы «Возрождение», и конференция выбрала Организационный Комитет вместо прежнего Организационного Бюро.

В тяжёлое время приступил Организационный Комитет к выполнению своих задач. Всеобщая политическая стачка, великие революционные дни, кровавая контрреволюция, октябрьские погромы, — вот при каких условиях пришлось работать Комитету с первых шагов его деятельности! Могучий поток революции и реки пролитой крови во время контрреволюции застали отдельных членов Комитета в различных местах. Некоторые организации приковали их к себе, к местной работе, которая шла тогда лихорадочно, бурно и напряжённо. А после этой бури надвинулись тяжёлые тучи непрекращающейся реакции, когда смерть и ужас наполняли атмосферу. В такое время, когда беспрестанно воздвигаются виселицы, тогда раздаётся дикий свист казацких нагаек, когда земля насыщена кровью и всюду проникает «недремлющее око» всероссийского жандарма, в то время Комитет должен был вести свою работу!

А работа предстояла колоссальная: в организациях должны были устанавливать теоретические принципы; в массах сызнова обсуждались все программные вопросы. С другой стороны, не могла приостановиться революционная пролетарская борьба, которая временами требовала немало сил со стороны членов Организационного Комитета. Необходимо было готовиться к съезду. При таких тяжёлых условиях Организационному Комитету всё-таки удалось провести «п.-ц.»-скую определённую программу в большинстве «п.-ц.»-ских организаций, созвать три конференции в различных районах и организовать партийный съезд.

Первый учредительный съезд нашей партии состоялся, и мы с чувством удовлетворения отмечаем, что здесь, среди представителей районов литовского, южного и юго-западного господствовало между товарищами чрезвычайное единодушие по всем программным вопросам. Это убеждает в том, что, с одной стороны, наши теоретические принципы ясно сформулированы в нашей программе, а с другой, что они единодушно приняты в широких организованных «п.-ц.»-ских массах.

Несмотря на факт, что при теперешних полицейских условиях работа съезда не могла идти нормально, она была, тем не менее, чрезвычайно плодотворна, а результаты съезда — весьма значительны. Наша программа выработана, она исходит из строго и последовательно проведённой классовой точки зрения. Ясно указывает она еврейскому пролетариату исторический путь к его конечному идеалу, и на этом длинном, но верном пути она даёт в его руки единственное, но грозное орудие — классовую борьбу.

На съезде был также принят организационный план. Принятый организационный устав построен на демократических принципах, которые гарантируют, чтобы лидеры как всей партии, так и отдельных организаций были действительными представителями пролетарских масс. С другой стороны, он в известной степени приспособлен к теперешним полицейским условиям и вообще к тому переходному времени, которое мы теперь переживаем, когда рука всероссийского жандарма ежеминутно угрожает своей разрушительной работой.

На съезде обсуждались и тактические вопросы. И по важнейшим из них были приняты определённые решения и резолюции.

Партия сорганизовалась!

Под именем «Еврейской Социалистической Рабочей Партии» (от старого имени съезд отказался, потому что слова «п.-ц.», в сущности, лишены всякого определённого содержания) мы вступаем в революционную армию еврейского пролетариата. Еврейский пролетариат выпрямляет свою спину; революционной мощью проникнут его дух; бурно проявляются его социалистические стремления; бодро и мощно ведёт он свою революционную борьбу!..

Но мощный революционный поток ещё до сих пор не вошёл в своё историческое русло. Силу и уверенность вселяет в нас убеждение, что наша программа резко и определённо указывает еврейскому пролетариату его исторический путь. Мы вступаем теперь на длинный и тяжёлый путь, но мы верим, что лишь этот путь ведёт еврейский пролетариат к полной победе.

К упорной классовой борьбе зовём мы еврейские пролетарские массы. Мы зовём еврейский пролетариат собрать свои силы под социалистическим знаменем, и смело и бодро идти к своей конечной цели — в светлое царство социализма.

Да здравствует Еврейская Социалистическая Рабочая Партия! Да здравствует Интернациональный Социализм!

Центральный Комитет Е.С.Р.П.
Типография Центрального Комитета — Апрель 1906 г.

VI. Злодейское покушение в Севастополе.

Приводим из «Нового Времени» письмо очевидца, лейтенанта Большева, о покушении на коменданта генерала Неплюева, в результате которого жертвой сделалось около ста человек. Описав, как после обхода фронта, генерал стал пропускать роты церемониальным маршем, автор продолжает:

«Когда прошёл 1-й взвод, командующий парадом полковник Кидалов, отсалютовав шашкой, подошёл и встал по правую сторону от коменданта.

Немного спустя, генерал Неплюев сделал несколько шагов вперёд.

Когда прошёл 2-й взвод, из публики, стоявшей близь технического училища, отделился молодой человек лет 18-ти и побежал по направлению к коменданту, держа над головой цилиндр, завёрнутый в газетную бумагу. Я сразу понял, что это бомба, и, схватившись за палаш, кинулся навстречу преступнику с намерением зарубить его. Одновременно со мной движение преступника заметили стоявшие рядом с генералом полковник Кидалов и начальник комендантского отделения штаба крепости капитан Оллонгрен, которые тоже бросились к преступнику, причём у первого в руке была обнажённая шашка.

В этот момент, бросив бомбу, которая упала у моих ног и покатилась в сторону коменданта, злодей кинулся назад в толпу, где и был схвачен двумя городовыми. Благодаря выпавшей из неё трубки, бомба, начинённая мелинитом, к счастью, не взорвалась.

Увидя, что преступник схвачен, я прекратил его преследовать, и обернулся назад, чтобы посмотреть, где комендант и остальное начальство.

Вдруг раздался оглушительный взрыв второй брошенной бомбы (откуда она была брошена я не видал), охвативший всё пространство густым облаком дыма...

Меня с головы до ног обдало брызгами крови, кусками мяса и мозгов. Первая мысль была, что

комендант и вся группа стоявших около него начальствующих лиц и офицеров убиты. По ту сторону дымной завесы были слышны крики ужаса и вопли страданий.

Когда дым рассеялся, я увидел, как в паническом бегстве массы людей толкали и давили друг друга. Комендант и офицеры оказались невредимыми. На площади лежало 5 обезображенных трупов — трёх женщин, девочки-гимназистки и мальчика; вся же площадь буквально сплошь забрызгана кровью и закидана оторванными руками и ногами, внутренностями, кусками мяса и мозгов. Сгустки крови и клочья тел виднелись на стенах храма и на окрестных деревьях.

Картина была настолько ужасна, что её нет возможности передать словами!

У одной женщины была сорвана с лица вся кожа, грудь и полость живота представляла сплошную зияющую общую рану с оторванными клочьями мяса и обнажившимися внутренностями, руки и ноги были искалечены, и она была ещё жива! Были растерзаны несколько детей, пришедших помолиться... Другие трупы были, хотя и не столь обезображены, но не менее страшны.

Среди жертв безумного злодейства бегало несколько женщин с полупомешанным взглядом, воплями и рыданиями. Раненых и контуженых было множество: кто убегал сам, кого уводили. Почти всю присутствовавшую вокруг публику обрызгало кровью настолько, что в первое время трудно было разобрать, кто ранен, кто невредим.

Волны разорвавшейся бомбы пошли, по-видимому, по трём направлениям: к скверу волна пошла более отлого. Здесь-то она главным образом и перебила народ. Против собора волны взрыва пошли вверх. В техническом училище выбиты почти все стёкла, а на фасаде здания, под самым карнизом прилипли большие куски человеческого мяса. Такие же куски висели на телеграфных проводах перед штабом крепости.

На месте преступления были схвачены трое злодеев, все молодые, безусые, — по типу мастеровые. У бросившего первую, неразорвавшуюся бомбу найдена в кармане ещё и другая, меньших размеров, которой он воспользоваться не успел. Кроме того, у него же оказался револьвер Браунинга с надпиленными, отравленными, пулями.

Когда преступнику показали на обезображенные трупы женщин и детей, то он, расхохотавшись, с дерзким видом ответил: «Ну что ж, жертвы везде бывают! Чего ж они сюда лезли!?..»

VII. Справка не для г. Герценштейна.

«Новое Время», №10845, 25 мая 1906 года.

Господин Герценштейн хочет быть изысканно галантным по отношению к русскому народу. Аграрная программа «кадетской» партии, которую, как всем известно, он выработал вместе с гг. Кауфманом и Кутлером, по его словам, принадлежит вовсе не его гению и не гению его названных соплеменников — коллег по работе. Она есть продукт «народного правосознания». Так он многократно заявлял и в своих думских речах, и в своих статьях в «Русских Ведомостях».

Нет ли тут, однако, недомолвки? О чьём народном сознании идёт речь?

Что касается русского народного правосознания, то г. Герценштейн мог сослаться только на майские и других сроков «иллюминации» в помещичьих усадьбах, а этого, смеем думать, недостаточно. По крайней мере, даже наша Государственная Дума, где г. Герценштейн занял столь почётное амплуа аграрного лидера «кадет», — даже она до сих пор ещё не примкнула к воззрениям гг. Аладьина, Аникина и комп. относительно аграрных поджогов и погромов, а учинение таковых ещё не провозгласила правом «сознательных» сельских обывателей.

Где же ещё проявления «народного правосознания» на счёт принудительного отчуждения земель частного владения в государственный земельный фонд для раздачи их во временное пользование этих сельских обывателей?

Думаем, что таких проявлений г. Герценштейн не мог бы указать, и, следовательно, ссылка его на «народное правосознание» в данном случае к русскому народному правосознанию отнесена быть не может.

В кулуарах Думу, правда, мы слышали, что некоторые депутаты от крестьян охотно повторяют за

натаскивающими их студентами и курсистками, что «земля — Божья». Но собственно в «народном правосознании» такого воззрения тоже не проявлялось. Крестьяне ещё в крепостное время говорили помещикам: «Мы — ваши, а земля — наша». Такая формула совсем не тождественна ни с формулой: «земля — Божья», ни с кадетской «директивой» о государственном земельном фонде, ибо «земля наша» мог говорить только глубокий и убеждённый собственник, а отнюдь не теократ и не сторонник национализации. Та жадность, с которою крестьяне покупали землю через Крестьянский банк, а ещё больше — помимо него, отнюдь не свидетельствует о соответствии русскому народу правосознание «кадетской» программы или же этой теократической формулы: «земля Божья».

Итак, русское «народное правосознание» совсем ни при чём в «кадетской» аграрной программе.

Господин Герценштейн с гораздо большим правом и с полным фактическим основанием мог бы говорить о соответствии «кадетской» аграрной программы еврейскому народному правосознанию.

Это совсем другое дело. Тут налицо доказательства бесспорные и неотразимые.

Достаточно развернуть Библию там, где отразились еврейские правовые воззрения на землю, и мы поймём, почему евреям выпала такая выдающаяся роль в составлении «аграрной программы» для русского народа. *«Землю не должно продавать навсегда,* — читаем в древнем еврейском законе о поземельной собственности (Левит, гл. XXV ст. 23 и последующие), — *ибо — Моя земля* (речь идёт от имени Иеговы); *вы пришельцы и поселенцы у Меня»*. Вот откуда эта quasi-русская народная формула: «земля — Божья». Это целиком еврейская формула, и, вне сомнения, не без еврейского содействия пущенная в оборот среди русских...

Позволим себе продолжить эту интересную справку.

Когда г. Петражицкий намекнул, что принцип принудительного отчуждения земли, введённый в практику аграрной политики, может получить распространение и на другие виды собственности, например, для удовлетворения требований городских рабочих — на городские дома и т.п., то г. Герценштейн лишь презрительно отверг это предложение, даже не снисходя до его опровержения. Почему же? Разве сила логики не обязательна в экономической и социальной политике? Притом г. Петражицкий не какой-нибудь министр, а сам кадет, да ещё с учёным именем, которого г. Герценштейну пока не удалось себе составить, несмотря на дружеские связи в учёном и газетном мире Москвы.

Но продолжим чтение той же главы из книги «Левит», и всё станет ясно.

«Дом, который в городе, имеющем стену, останется навсегда у купившего его, в роды его» (Ibid. ст. 30).

Как же можно говорить о национализации городских домов?

На этот счёт г. Герценштейн спокоен и за себя, и за своего патрона г. Лазаря Полякова, земельный банк которого оперирует теперь почти исключительно с залогами городских недвижимостей.

Таким образом, основы «кадетской» аграрной программы в точности соответствуют не русскому, а еврейскому «народному правосознанию».

И в этом их слабая сторона, ибо каждый человек, не потерявший способности рассуждать здраво, имел бы полное право обратиться к г. Герценштейну с тем же вопросом, с которым св. Владимир обратился к еврейским миссионерам, склонявшим его принять еврейский закон: *«а где же ваше процветающее земледелие, если ваши земельные законы так хороши?»*. И, конечно, г. Герценштейну пришлось бы сознаться, что хотя еврейские земельные законы очень ему милы и дороги, как завет предков, но что евреи уже почти 2.000 лет, как утратили свои земли и навсегда порвали с земледельческим трудом.

Этим в глазах здравомыслящего человека был бы вполне исчерпан вопрос о действительной цене еврейских начал в аграрном вопросе.

Но увы! Где теперь здравомыслящие люди?..

Замечательно, однако, что в истории на долю евреев не раз уже выпадало выступать «реформаторами» в земельных делах.

Припомним хотя бы земельную операцию, произведённую в Египте Иосифом Прекрасным. Об этом обстоятельно рассказано в книге Бытия (гл. XLVII). Воспользовавшись голодом, Иосиф Прекрасный заставил египтян отдать Фараону за хлеб сперва серебро, потом все стада, а, наконец, когда у народа не стало ни серебра, ни скота, он сказал Иосифу: *«Купи нас и земли наши за хлеб, чтобы нам быть живыми и не умереть, и чтобы не опустела земля»*. И купил Иосиф всю землю Египетскую для Фараона, потому что продали египтяне каждый своё поле. И досталась земля Фараону. И народ сделал он рабами от одного конца Египта до другого. И сказал Иосиф народу: *«Вот я купил теперь для Фараона вас и землю вашу; вот вам семена и засеивайте землю. Когда будет жатва давайте пятую часть Фараону, а четыре части останутся вам...»*

Таков опыт национализации земли, блестяще исполненный Иосифом Прекрасным, который был гораздо прямее и откровеннее г. Герценштейна и других современных наших аграрных реформаторов, руководящих Думой. Он не только не отрицал, как это сделал г. Герценштейн после речи г. Гурко, что национализация земли есть могучее орудие порабощения народа, а прямо и открыто говорил египтянам: «Я национализирую вашу землю, а вы будете рабами!..»

Иначе, конечно, и быть не может.

Кто будет распоряжаться государственными земельными фондами, тот будет владыкой, а кто будет пользоваться из этого фонда, тот будет рабом.

Даже не надо быть доцентом политической экономии, как г. Герценштейн, чтобы понимать эту простую и неотразимую истину.

Библиофил.

VIII. Англичане о нашей Государственной Думе.

«Московские Ведомости», — 28 мая 1906 г. , №136.

Говоря о Думе, «Times» задаёт вопрос: «Можно ли спасти Россию?»

«Требование, высказанное демократической партией в Государственной Думе, — продолжает газета, — крайне определённо, но подобные требования не могли бы быть приняты даже в самых прогрессивных и демократических странах Европы и Америки.

«Кроме всеобщего, непосредственного, тайного голосования и равноправия женщин, они требуют также немедленного решения сложного аграрного и рабочего вопросов. И тут опять, сравнивая Россию с другими государствами, самыми цивилизованными, мы видим, что, несмотря на много лет усиленного труда, вопросы эти и там ещё не решены. Дикие и бессмысленные программы не предвещают успеха.»

Эти мнения «Times» не только разделяются большинством англичан, но вызывают ещё более пессимистические взгляды на судьбу бедной нашей родины. Особенно сильно в этом смысле пишет «National Review» за май:

«Ближайшее будущее России скрыто от нас густой завесой. С 30 (17) октября, события, с различными колебаниями, привели к совершенно новой эре. Трудно предсказать будущий ход событий, так как многие явления в народной жизни сложились в высшей степени уродливо.

Как будто какое-то злое наваждение изменило временно характер всей (?) нации. Её теперешние взгляды непоследовательны, поступки бессмысленны, её цели и стремления изменчивы. Правительство и народ, Церковь и Государство, армия и флот, политики и журналисты, делегаты и избиратели, — все играют игру недоразумений, игру в вопросы и ответы. Причём любая роль может быть взята на себя первым встречным: республиканец становится абсолютистом, а монархист переходит в ряды революционеров.

Никто не знает, что сулит завтрашний день. Лишь немногие относятся здраво к событиям дня. Это какой-то маскарад, устроенный рыцарскими баронами, беспринципными негодяями, безжалостными метальщиками бомб, тщеславными ораторами и подростками, за спиной которых находится 100

миллионов крестьян. От последних вдруг ждут, чтоб они поступали как высоко развитые люди. Но как предсказать, что может сделать такой народ в минуту необузданной ярости?

Россия уже стала революционным водоворотом. Оптимисты всё ещё надеются, что Дума превратит его в хрустальный фонтан, из которого нация будет пить воду обновления и мудрости. Так ли это? Не превратится ли сама Дума в этот водоворот, разрушив все возлагаемые на неё упования?

Понять русскую революцию невозможно, так как она единственная в своём роде. Россия пока ещё не имеет строго выраженных конституционных партий в точном смысле этого слова. Самую сильную из них составляют социал-демократы. Они владеют сплочённой, дружно работающей организацией и, подобно иезуитскому ордену и итальянским масонам, образуют олигархическое учреждение, управляемое группой немногих лиц. Но, строго говоря, они не конституционалисты, это даже не мирные агитаторы. Они отличаются от своих товарищей в других странах тем, что они вдруг очутились в союзе с революционерами. Их идеал — демократическая республика, а средства — динамит, кинжал и револьвер. Цель оправдывает средства!

Следующая группа — это социалисты-революционеры, которые также проявляют свою оппозицию правительству в самой жестокой форме. Многие из них в обычное время неспособны бросить бомбу или убить кого-нибудь. Но при настоящих условиях они убедили себя, что убийство дозволяется и не считается преступлением. Это какие-то неврастеники, у которых всякое нравственное чувство извращено. Ядро социально-революционной партии состоит из мужчин и женщин, для которых свирепые и кровавые перемены в политике имеют неотразимую прелесть.

В действительности ни одна группа не есть на самом деле такая, какой она представляется, — до того у них слово и дело расходятся, средства и цели противоречат друг другу. Например, конституционно-демократическая партия вся составлена из противоречивых элементов и страдает отсутствием определённой программы.

Все эти фракции имеют между собой одно общее — ненависть к правительству. Но аграрные реформы и автономия всех национальностей, входящих в состав Российской Империи, несомненно, внесут в жизнь Государства ещё большую смуту.

Крестьяне, которых много в Думе, готовы заключить союз с самим Сатаной, в надежде получить «побольше землицы», хотя во многих других вопросах они могут оказаться консервативными, даже реакционерами.

Либералы в своём слепом рвении, подкапываясь под правительство, старались даже помешать займу, необходимому для уплаты неотложных долгов, забывая, что этим подрывались национальный кредит и промышленность. А что русский рабочий и крестьянин умирали бы с голода, и самые необходимые реформы были бы отсрочены, до этого им дела нет. Им не достаёт политического здравого смысла. К тому же кроме самой России от неуспеха займа пострадали бы немало интересы и всей Европы.

Такого рода противоречия невольно заставляют сомневаться в возможности существования конституциональных принципов в России.

Но и само правительство как будто действует впотьмах. Как курьёз укажем на положение заключённых.

Сами тюрьмы сделались центрами агитации, местом расположения пропаганды. Это явление — недопустимое в какой-либо другой стране. «Политические» отправляются в тюрьмы без всякого страха. Они могут там легко продолжать своё дело. Севастопольская тюрьма служит красноречивым примером.

В ней содержалось много политических преступников. Некоторые из них обвинялись в распространении революционных памфлетов, другие — в том, что у них найдены были тайные типографии, третьи — в заговоре против существующего государственного строя. Но в заточении эти люди без стеснения могли продолжать свою работу, издавая там беспрепятственно революционную газету и пользуясь печатными станками. Два студента (Сосновский и Князев), оба социалисты-революционеры, будучи заключены в тюрьму, в камере №21, издавали журнал с иллюстрациями под названием «Бомба».

Они там также издавали прокламации от имени военной организации социалистов-революционеров, которые они распространяли среди солдат во дворе тюрьмы, умудряясь выбрасывать из окна целые пачки своих сочинений. Эти последние, падая на землю к ногам часовых, поднимались ими, прочитывались и передавались товарищам. Но однажды верноподданный солдат, прочтя обращение к войскам, сообщил об этом своему начальству. Книгопечатный станок с копиями журнала и листками были найдены, и вся организация обнаружена.

Оба издателя «Бомбы» были наказаны лишь тем, что их посадили в отдельные камеры... на несколько дней.

Очевидно, что тюрьмы в России теперь не то, чем они были прежде. Все «политические» собираются вместе и сообща придумывают какие-нибудь меры: как, например, морить себя голодом в наказание смотрителю, который не исполнил их требований. Они настаивают на том, чтобы их комнаты оставались открытыми весь день, чтобы всем «политическим» позволено было встречаться, гулять вместе и сговариваться, о чём угодно и сколько угодно, словом, устроить свою жизнь там вполне сносно. В конце концов, эти требования удовлетворяются.

Такие отношения к заключённым совершенно непонятны англичанам. В Англии никогда нет и помину о победе арестантов, как это делается в России чуть ли не каждый день, или о введении ими своих собственных правил. В Великобритании и речи быть не может об амнистии убийцам и разбойникам, даже «политическим».

А потому и требование Государственной Думы насчёт амнистии совершенно непонятны англичанам. Враги Государства могут убивать в России властей и общественных деятелей сколько, кого и когда угодно, а им за это грозит лишь тюремный клуб, вроде Севастопольской тюрьмы. Если такие либералы достигнут исполнения своего желания, то, по мнению англичан, жизнь и собственность будут совершенно скомпрометированы и этим самым будут резко отличаться от жизни всех цивилизованных стран».

Что касается графа Витте — основателя теперешнего режима, то его никто не может разгадать. Любопытно, что автор статьи о «Государственной Думе», появившейся в «National Review» за май месяц, пишет следующее:

«Я дерзаю думать, что премьер будет смещён раньше созыва Думы. Я не имею ни малейшего сомнения относительно этого, то есть, что министерская карьера Витте окончится незадолго до открытия Думы».

Три месяца тому назад весь образованный мир смотрел на русский парламент как на мертворождённый проект премьера, подобно конституции Лориса Меликова при Императоре Александре II. Некоторые полагали, что это будет для России не более, как игрушка, учреждение, не имеющее никакого значения, нечто вроде турецкого парламента. Но теперь видно, что он представляет собой политическое учреждение, орудие добра или зла, с которым не станут шутить ни Царь, ни Его министры. Будущее России зависит от того, оправдают ли либеральные члены доверие, возложенное на них избирателями, и обнаружат ли они политическую мудрость и парламентский такт?

Англичан более всего интересует русский аграрный вопрос, который им кажется абсолютно неразрешимым уже потому, что всей российской земли не хватило бы на крестьян, пока они обрабатывают её своим неумелым способом. Так как революционеры предлагают им землю дворян и Церкви, а конституционные демократы поддерживают эти невыполнимые надежды, то опасность заключается в том, что крестьяне могут соблазниться попробовать взять силой то, в чём им откажут. National Review предвидит, кроме того, новую опасность: даже подавленное теперь восстание оставит неизгладимые следы в народе и возможность новых попыток в отдалённом будущем.

Дума, как отражение своих избирателей, хаотична. Вовсе не преувеличивая, можно сказать, что русский народ теперь психически ненормален. Просматривая русские газеты, всякий согласится с теми русскими специалистами, которые определили теперешнюю болезнь нации «политической неврастенией». Симптомы её: мания преследования, галлюцинации, иллюзии, ненормальные поступки, заключающиеся в преступлении против личности и имущества, и, наконец, самоубийства.

Такие случаи самоистребления растут с неимоверной быстротой. Жертвами является по преимуществу молодёжь, самая впечатлительная и чувствительная. Они нередко убивают и отравляют себя, оставляя записку: «я не могу больше жить», или: «я слишком слаб для этой жизни, которой необходимы сильные и смелые люди». Когда русские читают, что тот или другой покончил с собой только потому, что лейтенант Шмидт был казнён, они нисколько не удивляются этому безобразию. Даже когда Шмидт сидел в тюрьме, ещё до суда, сошли двое с ума, думая о нём.

Смелое и отважное преступление имеет особенную прелесть для русского общества, как сказка о морских разбойниках или охоте на хищных зверей — для детей. Когда Московское Кредитное Общество было ограблено на миллион рублей среди белого дня, даже некоторые образованные русские выражали своё сочувствие и одобрение этому. «Деньги, — говорили они, — будут употреблены с большей пользой, чем если бы они остались в сберегательной кассе или были бы уплачены акционерам».

Такие взгляды поражают англичан как нездоровые и ненормальные.

Революционные разрушения домов и убийства совершаются преимущественно подрастающим поколением, которое бойкотировало школу, технические институты и университеты. Шайка мошенников, захватившая, сотни тысяч рублей из Московского Банка, состояла главным образом из учеников средней школы (гимназии). Недавно подобная же банда ворвалась в дом священника в городе Рыбинске, требуя от него денег или его жизнь. При аресте оказалось, что они — ученики технической школы. Шайка разбойников ворвалась в Волжско-Камский Банк в Харькове, и с револьверами в руках им удалось навести панику на управляющего и других служащих. Если бы не ловкий маневр сторожа, которому удалось вовремя убежать и призвать на помощь, Банк пострадал бы на крупную сумму. При аресте оказалось, что это были гимназисты, технологи и один приват-доцент (untergraduate).

Мыслимо ли представить себе толпу воспитанников из Harrow School в сопровождении приват-доцента Оксфордского Университета, пытающихся ограбить Английский Банк среди белого дня!?..

Если мы примем во внимание, что это не единичные случаи, и что русское общество, забыв всякие этические начала, потворствует этому, то вполне убедимся в глубокой его ненормальности.

Демократы получили преобладающее большинство в Думе. Они представляют собой сильную и организованную оппозицию. Они сделают всё, чтобы уничтожить Правительство.

Я сомневаюсь, — продолжает автор в «National Review», — чтобы первой Русской Думе удалось совершить какую-нибудь полезную законодательную работу. Лишённые политической подготовки, они способны лишь на прекрасные речи и на прославления гуманных принципов. У русских много гуманности, но мало гражданственности; русские — более теоретики, чем практики».

Я привела вкратце статью «National Review», потому что она всего рельефнее обрисовывает большинство английских мнений и взглядов.

Увы! Их тяжёлый приговор заслужен нами. Но иностранцы не видят истинной причины теперешнего всеобщего безумства в России.

Оно вызвано потрясением всего народного духа нашим несчастным поражением на Дальнем Востоке.

Победы над нами японцев глубоко повлияли на наше патриотическое чувство и на наш ум.

Русские не привыкли преклоняться перед врагом!

6 (19) мая 1906 г.
Ольга Новикова.

IX. Погром в Белостоке.

Корреспонденция «Нового Времени».

Приехав 4 июня со скорым поездом в Белосток, я застал здесь следы погрома. Окна в домах были разбиты, выломаны двери лавок, кое-где виднелись обугленные пожаром стены. От вокзала по Институтской, Базарной и Немецкой улицам, составляющим один проспект, тянулись дома с

выбитыми стёклами. Разбито стекло и в номере гостиницы «Belle Vue», где я остановился. У подъездов всех отелей стоят часовые с ружьями. Предосторожность нелишняя. Сейчас, в два часа ночи, когда я пишу эти строки, то здесь, то там раздаются выстрелы. Поднялась целая трескотня пачками из браунингов. На неё отвечают редкие выстрелы солдатских ружей. Не ясно ли, кто здесь застрельщики? Я вышел на балкон. Ночь тёплая, светлая. На фоне неба против отеля вырисовываются стрельчатые башни костёла. Город кажется вымершим, — только лают собаки, встревоженные ночной перестрелкой.

— Где это стреляют? — окликнул я проходившего солдата. — А здесь, ваше благородие, по нашему патрулю!

— Кто же это?

— Жиды, ваше благородие!

В самом деле, на Николаевской улице и в сквере рядом с гостиницей снова поднялась перестрелка. Залпы браунингов из окон домов и сквозь проломленную черепичную кровлю были направлены в солдат и полицейских. Никого, однако, не ранили. В эту же ночь евреи обстреливали 3-й участок. Вызванные по телефону солдаты еле пробрались под выстрелами.

Днём город представлял более спокойную картину. В поезде пассажиры рассказывали все эти слухи. Так сочиняются еврейские корреспонденции вдали от Белостока. Днём на улицах я видел только патрули солдат, проходивших рассыпным строем, да кучки евреев с возбуждёнными лицами, которые толпились на всех перекрёстках, жестикулировали и шептались. Ни одного громкого возгласа. Жаргонная еврейская речь переходила из кучки в кучку.

Белосток довольно велик для уездного города. В нём 120 тысяч жителей, из которых более половины евреи. Они представляют весьма серьёзную силу, с которой нужно считаться. Здесь до 150 фабрик и заводов, вырабатывающих шерсть, дешёвое сукно и кожу. Таким образом, заводских рабочих, составляющих весьма беспокойный элемент, здесь много. Белосток давно сделался центром революционных и анархических организаций, в нём гнездо еврейского «бунда». Еврей Сикорский, покушавшийся на жизнь Плеве, вместе с его убийцей Сазоновым — жители Белостока. Сюда к нему приезжал Сазонов, здесь созрел заговор. Июньские события в Белостоке показали, что «бунд» прекрасно вооружён. Дружины еврейской «самообороны» всё время обстреливают не только толпу, но и войска.

Солдат в Белостоке достаточно. Из лагерей, в двух вёрстах от города, пришли полки: 61-й Владимирский, 64-й Казанский и 63-й Углицкий. Прибыли также Харьковские и Мариупольские драгуны, сотня Донцов и крепостная рота из Осовца. Привезены пулемёты. С введением военного положения командование принял генерал-губернатор фон-Бадер, сменивший генерала Богаевского, при котором произошёл погром. Солдаты стоят на всех улицах и во дворах домов.

Гродненский губернатор, бывший здесь вчера, опубликовал совсем странное опровержение официальных известий. По мнению губернатора, в городе всё благополучно и даже церковная процессия, в которую были брошены бомбы, разошлась совершенно спокойно. Это наша обычная бюрократическая манера замалчивать события. Вот что я узнал о погроме. После нападения на крестный ход на Институтской улице, дружины еврейской самообороны стали обстреливать войска и полицейские участки. В ночь 2 июня было два пожара. Около 7 часов вечера евреи засели на лесопильном заводе по Николаевской улице. Они сообщались с домиком, стоявшим в поле. Когда десять солдат окружили завод, где начался пожар, по ним открыли огонь из браунингов. Солдаты отвечали залпами. Здесь было убито 6 евреев и в числе их один из главарей — парикмахер Панде. Около 10 часов вечера по участку, где находились полковник и другие офицеры, был открыт огонь из смежного сада. Пули летели в открытые окна. Пристав Карницкий донёс, что дружинники заняли сад реального училища и покинутый завод рядом с отделением Государственного банка, в котором находились значительные суммы денег. Под выстрелами полковник Войцеховский с 30 солдатами бросился к заводу, но оттуда уже началась револьверная пальба и показался огонь пожара. Дружинники не подпускали пожарную команду, вызванную для тушения. После нескольких залпов

они оставили горевший завод, перешли вброд мелкую и узкую речку Белую, и с другого берега началась пальба пачками из браунингов. Евреев было до 500 человек. На Белой было настоящее сражение. В это время на горевшем заводе произошёл взрыв склада патронов, оставленного дружинниками. Эхо взрыва было так сильно, что многим показалось, будто в стороне расположения Казанского полка происходит бой.

С часу на час в городе ждали погрома христиан, так как евреи говорили открыто, что еврейская кровь и разграбленное имущество будут скоро отомщены. На самом деле католики и православные, разбивавшие дома евреев 1 июня, имущества и товаров не трогали. Грабежей было немного. Войска защищали евреев, оцепляя дома и улицы, и отвечали только на выстрелы еврейских дружинников, направленные в патрули. Тактика евреев заключается в намерении утомить солдат постоянной тревогой. Люди не спят по ночам, лошади у драгун не рассёдлываются по несколько дней. Офицеры мне рассказывали, что они отправили свои семьи в лагеря, так как на офицерские дома в Белостоке по вечерам производятся постоянные нападения дружинников из садов. С кладбища обстреливали даже дом генерал-губернатора. Ночью, среди кустов и деревьев дружинников нельзя выследить. Они искусно пользуются местностью и темнотой.

Как видите, в Белостоке — скорее еврейская революция.

«На армию возвели клевету, будто солдаты дали залп по еврейской больнице, — сказал мне поручик Попов. — Я был в числе экспертов, осматривающих следы пуль в окнах и на стенах: это пули браунинга и других револьверов более плохой системы».

Евреи нападают на христиан не только в Белостоке, а и в окрестных местечках: Фастове, Гриневичах, Старосельцах, Зелёном и др. Во ржи до сих пор находят трупы. Особенно зверски евреи расправились на Слонимской улице Белостока с восьмидесятилетним стариком Ходакевичем. Он вышел с топором из дому чинить забор. Евреи набросились на Ходакевича, отняли топор и, отрубив руку, прикончили старика выстрелом из браунинга.

Насчитывают более 30 убитых евреями христиан.

Русская окружная лечебница и еврейская больница переполнены ранеными и убитыми.

Любопытно, что член Г. Д., прибывший в Белосток, г. Якобсон осматривал только еврейскую больницу. Другой член Г. Д., профессор Щепкин, был и в русской. В этой лечебнице находятся раненые во время крестного хода 1 июня: Мария Комисарчук, Александра Беньковская и Анна Демидюк. Беременная Демидюк ранена особенно тяжело — в живот, пах и ногу, осколками бомбы. Доктор Жданов говорит, что её раны, вне всякого сомнения, причинены взрывом снаряда. Евреи отрицают, что были брошены бомбы.

По рассказам раненых, две толпы евреев, шедшие со стороны улицы Старобоярской и Институтской, напали на крестный ход. Первые выстрелы были произведены в процессию из еврейского дома Маковского, а затем брошены две бомбы, убившие наповал Николая Козубая, трёх женщин и двух детей. Среди раненых бомбой были жёны городовых. Таким образом, «полицейские-провокаторы», по мнению евреев, бросили бомбы в собственных жён. На перепуганную процессию набросилась толпа евреев, отнимала иконы, из которых одна была прострелена пулей, и бросали их на землю.

Одного богомольца ударили образом по голове.

Народ, оставив иконы и хоругви, разбежался, но тут подоспели католики от костёла и, вырывая колья из ограды, стали громить евреев. Всех, кто выбегал из дома Маковского, убивали на месте. Подоспевшие войска стали оттеснять толпу, но из окон дома евреи открыли по ним пальбу из браунингов. Солдаты стали отвечать залпами, очутившись между разъярённой толпой и еврейскими дружинниками. Толпа христиан, состоявшая из жителей Белостока и окрестных сёл, в числе нескольких тысяч человек, громила еврейские дома и лавки.

Крестные ходы 1 июня учреждены были не по поводу избавления от холеры, как говорилось в Г. Д., а в память Унии. Причём католический праздник Божьего Тела совпадал с православным. Процессия носила торжественный характер. В костёлах звонили, когда проходил крёстный ход, в православных церквах встречали колокольным звоном католическую процессию. Это был трогательный праздник

единения всех христиан, и он был возмущён 1 июня бесчинством евреев, никогда не относившихся к нему сочувственно, вопреки уверениям думского оратора.

Первые известия о нападении на крестный ход были неточны. Пострадал только одни священник из села Фастова, раненный пулей в руку. Прочие ксендзы и священники не пострадали.

Весь день 2 июня продолжался погром, но потом организованные отряды еврейской «самообороны» перешли в наступление и стали чинить расправу над христианами.

Войска одинаково защищали евреев, православных и католиков, но им приходилось стрелять по вооружённым дружинникам, до сих пор нападающим на патрули.

Евреи хотят, чтобы удалили войска.

Гродненский губернатор Кистер, приехав в Белосток, созвал еврейскую общину и пытался восстановить спокойствие, но это ему не удалось.

Надо надеяться, что военное положение и назначение генерал-губернатором фон-Бадера положит конец смуте.

Настроение в городе крайне возбуждённое. 3 июня брошена бомба в патруль Углицкого полка. На Базарной улице, вторую бомбу бросили в полицейский наряд, но она не разорвалась.

В еврейской больнице, пока зарегистрировано 72 убитых и до ста раненых, в том числе и на частных квартирах.

Завтра будут еврейские похороны, и опасаются новых демонстраций.

Ночь мы провели тревожно, прислушиваясь к выстрелам. Только под утро мягко зазвонили колокола костела, и городская жизнь пришла в обычный порядок.

Борей.
«Новое Время», 8 июня 1905 г. , №10859.

* * *

Кто знаком с нынешним еврейством или с его историей, тому не надо указывать, где правда в газетных сообщениях, например, о погроме в Белостоке. Да, погром был, но, без сомнения, евреями христиан.

Далее, погром истины учинён еврейской печатью с необыкновенными даже для сынов Иуды бесстыдством, наглостью к органам правительства и презрением ко всем гоям без различия.

Вообще же говоря, «избранный народ» показал здесь вновь, с каким дерзновением он по совету талмуда умеет извращать в своё, хотя бы мишурное, торжество такие обстоятельства, которые, по-видимому, крайне для него опасны и безвыходны.

Моментально все средства были двинуты в ход. Иудейская пресса обоих полушарий призывала земные и небесные громы на нашу голову. Печать жидо-кадетская публиковала то собственные повествования евреев, то статьи кагальных газет Запада («Francfurt Zeitung», «Independenc Belge», «Times» ect.) В Париже образовалось новоявленное кагальное бюро для огорошивания россиян воем иудейской прессы с разных концов земли... Банкиры Израиля стали грозить вмешательством иностранных держав и закрытием России кредита.

У нас дома относятся вполне беззаконно к злодеяниям крамолы, и, не выразив даже простого сожаления о гекатомбах в Севастополе, где погибло столько жертв, Государственная Дума «за Белосток» устроила кошачий концерт министерству, а в заключение «следователями» немедленно отправила армянина — «кадета» Араканцева, мужа еврейки Щепкина и чистокровного еврея Якубсона.

Они уж позаботятся обелить «чёрные рубашки самообороны»! Пусть же обеляют... Только, «депутаты народа», зачем же они потребовали конвоя?..

Из нижеследующей корреспонденции «Нового Времени» мы достаточно видим, до какой степени зазналось еврейство, особенно в центре жидовского мятежа, под влиянием своего господина в

государственной думе, и что оно в Белостоке проделало!?..

Алексей Шмаков.

X. Белостокские события.

Когда я проезжал по Белостоку с вокзала по кривым, узким улицам с множеством переулков, задворков, глухих закоулков, садов и пустырей, я не мог не подумать, что этот запутанный лабиринт улиц словно нарочно приспособлен для баррикад, борьбы из-за угла и бесследного исчезновения жертв и убийц.

На улице было уже оживлённое движение, большая часть магазинов была открыта, но население почти сплошь попадалось еврейское. С обычной жестикуляцией и крикливым разговором, шли плотные кучки евреев. Частые воинские дозоры, посты на улицах и какая-то неуловимая, разлитая всюду тревога, ежеминутно готовая обратиться в панику, говорили без слов о недавней кровавой смуте.

Выезжая из Петербурга, я знал, что предстоит нелёгкая задача разобраться среди той лжи и правды, которые перемешались в этих событиях. И я поставил себе задачей собрать сведения, не держась только одной какой-нибудь стороны, причём пользовался свидетельством исключительно очевидцев событий и тех, кто непосредственно был в курсе дела.

Погром начался 1 июня, но он действительно не был полной неожиданностью: настроение в Белостоке уже целый год было крайне напряжённое и тревожное. Не прекращавшиеся убийства полицейских чинов, частые покушения на военных, вызывающее поведение евреев-революционеров (так называемых «чёрных рубашек»), постоянные выстрелы с наступлением темноты, деятельная революционная пропаганда, усиленно распространяемая среди войск, безнаказанность убийц, легко укрывающихся среди 75-тысячного еврейского населения, слабость и неудовлетворительный состав полиции, устройство в центре города (на Суражской улице) укреплённого лагеря «боевой дружины», — всё это давно создало из Белостока гнездо террористов, в котором беспрерывно и почти беспрепятственно организуют политические убийства.

Слухи о готовящихся погромах постоянно циркулировали в городе, отчасти под влиянием напуганного воображения населения, отчасти намеренно распускавшиеся революционерами.

События первых трёх революционных дней, как я достоверно узнавал от очевидцев, руководящих охраной города в эти дни, произошло следующим образом.

За два дня до погрома были получены сведения, что революционеры собираются устроить беспорядки 1 июня. Цель этих беспорядков состояла в том, чтобы, отвлекши войска к местам погромов, захватить казначейство и отделение Государственного Банка на пополнение иссякающих средств революционных банд.

Поэтому уже с 10 ч. утра 1 июня казначейство и Банк специально охранялись войсками, а также и винный склад.

В самом городе были расположены: на Базарной площади 1 рота, при полицейском управлении 1 1/2 роты и рота у кладбища св. Роха. В резерве имелись в казармах: 2 роты Владимирского полка и 3 роты Казанского. В лагере держались наготове 2 батальона. Один их низ прибыл в город к часу дня, а также эскадрон Харьковского драг. полка, который при следовании через Сурнусский переулок был обстрелян из домов. Для обширного города, с населением свыше 100 тысяч, это очень немного. Но слухи о погромах были так обычны, что к ним относились с недоверием. К несчастью, на этот раз они оправдались.

«1 июня, около 12 часов дня, — рассказывает полковник Казанского полка Войцеховский, — я сидел у полицейского управления на Александровской улице. Мимо меня прошла православная процессия, направляясь на Институтскую. Минут через 15 я вдруг услышал револьверные выстрелы и треск разрыва. Оказалось, что как только процессия завернула за угол, в голову её посыпались выстрелы, а затем брошена бомба. Процессия заметалась в панике, кидаясь с криками во все стороны. Я бросился

на треск выстрелов и у городского управления увидел несколько человек убитыми и раненными. Духовенство металось, образа и хоругви были помяты и поломаны. Одним из образов, между прочим, подбежавший к процессии еврей ударил по голове несшего образ. На шум выстрелов из казарм Казанского полка прибежала рота и оцепила дом, [77] из которого была брошена бомба. Часть процессии направилась к собору, а большинство разбежалось по направлению к Боярам и назад — по Гимназической улице.»

Несколько ранее, по словам другого очевидца, подполковника Буковского, начальника южного района, [78] произошла паника в другом месте. Когда хвост православной процессии, вышедшей из собора, уже завернул на Николаевскую улицу, и площадь перед костёлом была полна народа, ожидавшего выхода католической процессии, какой-то неизвестный вскочил в закрытую пролётку с извозчиком-евреем и с криком «бомба!» ринулся в толпу. Произошёл страшный переполох, и все бросились в ворота домов, ища спасения. Тревога передалась и в костёл, где тоже произошло замешательство, и были пострадавшие. В это время подполковник Буковский, бывший на площади, успокаивал увещеваниями толпу, в страхе очищавшую площадь с криком «чёрные рубашки с револьверами!».

Но вот, из костёла вышла процессия и направилась к кладбищу св. Роха. Причём часть толпы, боясь нового смятения, осталась у костёла и на Немецкой улице.

К этому времени уже дошли слухи о разгроме православной процессии. Вскоре из Николаевской улицы показались хоругвеносцы с одной спущенной хоругвью, а за ними остатки процессии, которые с пением «Спаси, Господи» направились торопливо в собор. Тогда же пристав доложил, что на Институтской начался погром, и туда немедленно был выслан взвод от роты с Базарной ул. Затем на Базарной площади показалась католическая процессия, спешившая назад. С появлением её посыпались перекрёстные револьверные выстрелы из домов со стороны улицы Зелёной, 2-й Купеческой и из Суражского переулка. Сейчас же, был выслан взвод Владимерцев заслонить католическую процессию, и он стал отстреливаться на два фронта. Тогда из проходного двора Базарной улицы была брошена бомба, но никого не задела. Увидев взрыв, подполк. Буковский выслал ещё взвод, с помощью которого подавили огонь из домов. При этом был ранен револьверной пулей один нижний чин.

Между тем, при оцеплении одного из домов, обнаружилось следующее важное обстоятельство. В числе захваченных в доме оказалась одна еврейка, жительница другого дома. Из её слов выяснилось, что незадолго, в этот день, к ней пришли революционеры-евреи и велели ей удалиться из дома, заявив, что этот дом им нужен. Когда началась стрельба, жильцы разбежались, причём эта женщина укрылась в оцепленном доме, а два её брата, выбежавшие на улицу, попали в руки разъярённой толпы и были убиты. Обстоятельство это важно, так как указывает на заблаговременную подготовку революционеров.

Толпа, сначала напуганная, потом разъярённая, бросилась на еврейские магазины. Погром начался одновременно в нескольких местах. Ломали не с целью грабежа, а из мести, уничтожая имущество, разрывая ковры и бельё, разбивая вдребезги золотые вещи. Лишь железный магазин на Немецкой разграбили, запасаясь железными вещами как оружием.

Трудность прекращения погромов помимо малочисленности войск, ненадёжности полиции и обширности района беспорядков, в высшей степени осложнялась тем, что из домов войска осыпали пулями везде, где только они появлялись! Войска одновременно должны были отбиваться от революционеров и разгонять громил, разбегавшихся от войск и вновь собиравшихся в другом месте. Под огнём расставлялись посты у магазинов и лавок, и эти же посты были засыпаемы револьверными пулями. Тем не менее, часть громил успели захватить и отправить в полицейское управление.

Среди таких условий приходилось действовать войскам. Принимая же во внимание, что в обеих процессиях участвовало до 25-30 тысяч, и что православные и католики срывали давно накипевшую злобу, [79] поймём, до чего трудна была обстановка. В то же время приходилось ещё удалять из города пришлый элемент. Воинские дозоры буквально гнали перед собой толпы окрестных жителей,

пришедших на процессии, и, выпроводив их в город, оставляли посты у ворот, чтобы никого не пропускать в город.

Часам к 6 вечера, благодаря энергии начальников районов, начальника штаба полковника Тяжельникова и той удивительной самоотверженной работе, какую несли все войска при постоянной опасности, начали стихать выстрелы, а погром совершенно был прекращён.

От погрома пострадали несколько магазинов на Немецкой, Тикоцкой и Липовой улицах. Кроме того, разрушены квартиры казённого раввина и турецкая булочная. Сгоряча толпа разнесла также христианскую гомеопатическую аптеку и несколько христианских лавок на Александровской улице. Много пострадало частных еврейских квартир, причём разрушение производилось беспощадное.

Всю ночь шла, перемежаясь, стрельба, направленная на посты, отвечавшие на выстрелы, а 2 июля революционеры устроили и открытое нападение на войска.

День 2 июня начался таким случаем. Старуха-христианка хотела пройти домой, в Суражскую ул. В одном их изгибов этой глухой и опасной улицы на неё набросилась толпа евреев и начала истязать. Услышав отчаянные крики, часовой Владимирского полка, стоявший у входа на улицу, выстрелом из винтовки положил одного из нападавших. Остальные разбежались. Старуха с вырванными клочьями волос, окровавленная и избитая убежала назад.

Другое происшествие произошло поблизости, на параллельной улице. Дозор, услышав крики, увидел какого-то господина с женщиной и детьми, которых волокли евреи. Дозор успел отбить их, кроме женщины, которую евреи увлекли в проулок, и где найти её было невозможно.

Что сделали с ней — неизвестно!?..

Днем, продолжались нападения на христиан.

Верстах в двух от города есть деревня Белосточек. Толпа евреев человек в 300 подошла к этой деревне. Крестьяне, вооружившись кольями, стали у входа в деревню и в то же время послали за помощью в город, откуда отправили учебную команду Владимирского полка для защиты деревни. Команда была встречена выстрелами евреев из револьверов и только огнём рассеяла шайку.

В городе тем временем совершено было убийство: в 4 часа дня на Слонимской улице домовладелец Ходакевич, 80 лет, починял забор, сломанный накануне. Шагах в 200 позади стоял еврейский дом. Оттуда выбежал один еврей, а из сарая Ходакевича другой и зарубили старика его же топором. Старик успел крикнуть прибежала толпа христиан и, в свою очередь, убила обоих евреев. Но из еврейского дома выбежала новая кучка евреев и бросилась на христиан. В это время подошёл патруль из 3 человек, но крестьяне уже успели уложить 5 человек, а 3 бросились бежать, стреляя и грозя скоро расплатиться. Патруль выстрелами уложил из них двух. Кроме того, была смертельно ранена молодая еврейка, которая, уже лёжа на земле, дала 4 выстрела в упор.

Другая трагедия произошла на вокзале П.-В. ж. дороги. Крестьяне и железнодорожные рабочие, которых войска накануне удалили из города, толпами теснились у вокзала и путей, громко выражая своё негодование и желание посчитаться с евреями. Приметив на площади у вокзала ехавших на подводе евреев, часть толпы стремительно бросилась к ним и 4 из них убила, а пятого ранила.

На вокзале вся охрана из войск состояла только из 10 человек (обычный наряд), а толпа была огромная и нападение её было совершенно неожиданно. Тем не менее, раненых отбил подъехавший к вокзалу полк. Войцеховский, захватив одного рядового, с его помощью криками, угрозами, просьбами и увещеваниями оттеснил толпу и под конвоем жандармов отправил раненых в больницу, куда отвезли и убитых. Толпа не напирала на войска, но осыпала офицеров площадной бранью и укорами:

«Видно вы жидам продались, что против нас идёте! Довольно им над нашей верой ругаться. Что же вы не требуете от них, чтобы они отдали наших женщин, что у нас утащили? Всё равно мы ещё рассчитаемся с ними!..»

В виду страшного возбуждения толпы, бывших на вокзале евреев спрятали в уборной 1-го класса до прибытия подкреплений из города. Тем временем был убит ещё один еврей, выстреливший из вагона прибывшего поезда в толпу. Толпа окончательно обезумела и бросилась к стрелявшему. Его мигом

вытащили и убили. Другого схватили при выходе с вокзала и тут же убили. Ещё двух тяжко избили, когда они выбегали из вокзала. Оба скоро умерли. Спрятанных в уборной евреев офицеры, окружив цепью, довели до вагонов прибывшего затем поезда и стояли у окон и дверей, пока поезд не тронулся. И всё время толпа ревела, грозила и оскорбляла офицеров. Только с прибытием полуэскадрона удалось вытеснить её с вокзала. Комендант станции сам бегал по вагонам, прося евреев не показываться, но положение его самого было рискованное.

За это еврейская и еврействующая печать не останавливаясь перед подлым изветом, нарисовала гнусную картину, как офицеры с весёлым смехом и сочувствием смотрели на избиение!

Положение в этот день осложнялось ещё и тем, что евреи возбуждали христианское население, самовольно и нагло производя обыски в домах и останавливая крестьянские подводы. Но этот тревожный день завершился таким финалом, который в первые минуты всех ошеломил.

Вечером стало совсем тихо и казалось, что после вчерашнего погрома революционеры притихли.

Часов в 10 вечера, по словам полковника Войцеховского, он с офицерами сидел на скамейке, у полицейского управления. Среди тишины, неожиданно и ясно прозвучал сигнал на рожке, и в тот же момент с крыш и из сада — с обеих сторон полилось в них и в управление море револьверного огня. Лёжа за гребнем покатых крыш окружающих домов, как за бруствером, из-за деревьев и насыпи у решётки сада, еврейская «оборона» была почти неуязвима. В то же время загремела стрельба по всему городу равным образом по общему сигналу. Схватив 30 солдат, полковник бросился к саду реального училища, откуда шайка сейчас же бежала, но дальше солдат встретили ожесточённым огнём с фабрики, которая давно считалась сборным пунктом революционеров. [80] Проникнуть к ней из узкой улицы (Гимназической) не было возможности, и наши люди открыли по ней частый огонь. Так как пули пробивали деревянные стены фабрики, то революционеры (в числе до 500 чел.) зажгли её и под прикрытием бросились бежать вдоль речки к городскому саду. Вызванные пожарные не решались тушить пожар, так как стали раздаваться взрывы сложенных там патронов, а также вследствие того, что почти одновременно произошло на Николаевской улице.

Около дома, находившегося против 2-го полицейского участка, был караул. [81] Солдаты, заметив суету на дворе дома, начали наблюдать, что там делается, и, не ожидая нападения, стояли без оружия. Вдруг из этого дома (как говорят, приспособленного к обороне) открыли частый огонь по ним и по стоявшему невдалеке флигелю, где жили офицерские семьи. Солдаты мигом расхватали ружья и ответили тем же. Но из дома отстреливались ожесточённо. Неожиданно он загорелся, причём осталось невыясненной причина пожара (предполагают, что в этом доме хранились горючие вещества). Из дома выбежало до 50 человек, бросившихся врассыпную. По ним стреляли и 6 человек убили, а 7 захватили живыми (на другой день, на пожарище нашли несколько человек сгоревшими). Прибывшая на пожар команда была встречена ожесточённым огнём залёгших поблизости революционеров, и дом сгорел дотла.

Но на фабрике пожар вследствие близости Банка был опасен, а пожарных и здесь стали обстреливать из-за речки. Пришлось разгонять шайку за речкой и дать возможность отстоять Банк.

Всю ночь шла ожесточённая стрельба. Революционеры зарядов не жалели и расстреливали их тысячами. Только с рассветом прекратилась эта бомбардировка города.

День 3 июня прошёл спокойно, но в ночь с 3-го на 4-е революционеры бомбардировали вокзал. Сигнал был дан револьверным выстрелом в товарной станции. Сейчас же из сада гостиницы «Рига», из-за заборов фабрик Фрейд-киса и Коммихау и из лесного двора загремели выстрелы, направленные исключительно по 1-му классу. Бывшие там пассажиры в ужасе лежали на полу, пока огнём роты Владимирского полка не удалось подавить огонь. По городу тем временем в различных местах раздавались выстрелы.

Этим закончились три революционные дня в Белостоке, унёсшие много жизней, вызвавшие столько яростных нападок на правительство и войска, равно как внёсшие новую смуту в нынешнее тревожное время и необъятное количество злорадной и преднамеренной лжи.

«Новое Время», И июня 1906 г. , 10862.

XI. Мартиролог должностных лиц, раненных и убитых евреями в Белостоке в 1903-1906 годах.

Задавшись целью выяснить причины событий в Белостоке, «Варшавский Дневник» даёт на вопрос подробный и обстоятельный ответ. Газета, во-первых, просит местных жителей припомнить всё, что происходило в Белостоке за последние три года. За это время евреями-анархистам был ранен полицеймейстер Метленко; брошена бомба в управление 1-го полицейского участка, причём ранено несколько городовых; убит исправник Ельчин; убит 4-го Донского казачьего полка казак Лопатин; ранен того же полка казак Самофалов; ранен бомбой полицеймейстер Пеленкин и шедшие с ним рядом сын его и гимназист Марков; ранены бомбой помошник полицеймейстера Губский, пристав Жоклевич, околоточный надзиратель Савицкий и городовой Гриченча; убиты старшие городовые Мизгер и Монюшко; убит городовой Барцевич, которого предварительно облили серной кислотой (!); в пристава Сампсонава неудачно бросили бомбу, а вслед затем его ранили пулей (кстати сказать, еврей Шляхтер хотя и был пойман на месте преступления, но его до сих пор не судят. Почему?); убит помощник пристава Кульчицкий, ранен пристав Райский; брошена бомба в жандармское управление, при этом один жандарм убит, другой ранен. В 1906 году убиты: 27 мая — городовой Шейман; 28 мая — исправ. должн. полицеймейстера Деркачёв и 29 мая — рядовой 64 пехотного Казанского полка Арсеньев.

***

В издаваемой при благосклонном участи депутатов государственной думы Ковалевского и Винавера еврейской газете «Речь» было вслед за убийством евреями же популярного в Белостоке полицеймейстера Деркачёва напечатано следующее достопамятное извинение.

«Революционные организации в Белостоке заявляют, что убийство полицеймейстера Деркачёва, послужившее одной из причин белостокского погрома, было совершено по недоразумению, и выражают сожаление по поводу этого убийства».

***

Это «извинение дало», по-видимому, смелость местному кагалу послать депутацию с венками на гроб Деркачёва.

Депутация встретила приём, какого заслуживала!..

XII. Рапорт временного белостокского генерал-губернатора военному министру.

В «Русском Инвалиде» напечатан следующий рапорт военному министру временного генерал-губернатора Белостока и уезда.

«1-го июня в 12 часов дня по Александровской улице шла православная процессия. Когда она поворачивала на Институтскую улицу, то из дома Янкеля Рахитиса, находящегося на углу, неизвестные евреи бросили бомбу и начали стрелять из револьверов. Бомбой убит один христианин, ранено двое. Пулями убито 3 и ранено 3.

Сейчас же прибыла рота, которая находилась в полицейском управлении, и начала обстреливать дом. Процессия продолжала идти дальше.

Вслед за сим было брошено ещё 2 бомбы на Липовой улице, по пути следования католической процессии, и всё время евреи продолжали стрелять из окон и с балконов.

После этого христиане начали громить лавки и избивать евреев. Были вызваны ещё войска — всего долее двух полков пехоты и вся кавалерия.

Евреи стреляли по христианам, на что отвечали войска. 2 июня были только отдельные случаи погромов, но тоже целый день продолжалась стрельба.

Евреи на окраинах города и в ближайших деревнях нападали на христиан.

Ночью со 2-го на 3-е июня и особенно с 3-го на 4-е июня происходила усиленная стрельба. Злоумышленники обстреливали преимущественно правительственные учреждения, как-то: государственный банк, почту, казначейство, штаб 4-й кавалерийской дивизии, полицейское управление и полицейский участок №3.

5-е и 6-е июня прошли спокойно, благодаря тому, что сады и фабрики, откуда прежде стреляли злоумышленники, были заняты войсками.

В общем, с 4-го по 6-е июня убито: евреев 78, а ранено 84, нижних чинов ранено 4. Во время погрома, если и были случаи, что одиночные люди и мелкие команды без офицеров недостаточно противодействовали громилам, то, в общем, войска действовали правильно, и только благодаря их самоотверженной работе, а также тому, что они не допустили в город жителей окрестных селений, порядок был восстановлен сравнительно быстро.

Чтобы препятствовать наплыву крестьян и рабочих загородных фабрик, я направил кавалерийские части для занятия дорог».

Генерал-лейтенант фон-Бадер.

XIII. Несколько дополнительных фактов.

А. Как уже сказано, мы не пишем ни истории евреев вообще, ни, в частности, истории нынешнего «освободительного движения» или хотя бы вызванных самими же евреями «погромов». С другой стороны, имея некоторый опыт, вынесенный из ряда процессов, где нам приходилось стоять на защите обвиняемых христиан, мы в известной степени успели ознакомиться с вопросом, а потому решили высказать здесь и свой взгляд на погромы как явление массовой патологии, обусловливаемое безвыходным отчаянием, в существе нелепое и приводящее к отрицательным результатам.

В интересе самих же евреев стихийные причины этого явления не должны быть скрываемы, а, наоборот, подлежат изучению и устранению с тем беспристрастием, какого заслуживает глубокая серьёзность проблемы.

Тем не менее, мы этого не видим даже в белостокских событиях.

В непостижимом ослеплении еврейство как бы смеётся уже не только над нами, а и над самими собою.

Между тем, за одни последние годы имеется обширный материал, о котором забывать не следовало бы.

Если под влияние собственного отвращения к иудейской эксплуатации и талмудизму местные власти, даже военная сила, иной раз не в состоянии бывают оказать евреям решительное покровительство в урагане народного гнева, то ещё с большим основанием следует признать, что деморализуемая еврейством и ему же преданная полиция, своим усердием не по разуму иногда подливает масла в огонь, разжигая народные страсти. Таковы были действия исправника Корсака в Стародубе в 1891 году и Гомельского полицеймейстера Раевского в 1903 году.

Параллельно с этим идут в последнее время безумные деяния «свободомыслящих», которые, отрицая для других всякое проявление самостоятельности и монополизируя её лишь в свою пользу, доводили народ до таких крайностей, какие, например, совершались в Твери или в Томске.

Наконец, подчас и само старое еврейство приходит в ужас от злодеяний своих же озверелых единоплеменников-террористов, которые, например, в Одессе навлекали волны народного негодования и на неповинных евреев. Прочитайте статью Лендера «Революционные бури на Юге» (Исторический Вестник, 1906 г. , июнь), ознакомьтесь с террором устройства забастовок, даже в низших классах учебных заведений; с иудейскими залпами по войскам и с метанием бомб; с революционной стрельбой из засад по мирному христианскому населению; с издевательствами «Бунда» над полицией и казаками, равно как над предметами верования или почитания русских; с подлыми и злодейскими похождениями «кагальной самообороны», строившей баррикады и захватывавшей правительственную власть, и вы поймёте, как 19 октября 1905 года произошёл в Одессе погром.

В присутствии жены и детей и, не взирая на их мольбы, евреи выкололи полицейскому чиновнику

глаза. Еврей Брайтман оказался растерзанным собственной бомбой, которую собирался кинуть вслед за другой, только что брошенной на улице им же. Вакханалия гиканья, озорства и бесчинства, сопровождаемые поджогами, разбоями и убийствами, возмутительными насилиями и гнусными оскорблениями русского национального чувства, доходила до того, что шайки иудейских «манифестантов» осмеивали царские портреты, протыкали их метлами и возили по улицам комические фигуры, долженствующие изображать попрание Самодержавия, а в то же время эти и другие евреи массами распространяли прокламации «Кровавый Царь», выводя русский народ за пределы всякого терпения. Когда же, наконец, произошёл ужасный разгром, евреи разбежались, кто куда мо г. Затем, однако, «угнетённые» сыны Иуды принялись обвинять во всём одесского градоначальника Нейдгардта, который если что и сумел организовать, то разве охрану собственной персоны...

В настоящее время еврейство со своими присными желает исчерпать свои выгоды от предательства князя Урусова с целью обелить белостокскую «самооборону» за расстрел иконы Скорбящей Божьей Матери, за кагальные бомбы, брошенные в торжественный крестный ход, за истязания и убийства христиан.

Позорна роль Щепкина, бессмысленные похождения Якубсона. Но всего опаснее для сынов Иуды их усилия разгромить истину перед лицом русского народа, вновь тяжко оскорблённого.

Б. Напрасно пытаются иудеи колоть сахар на чужой голове. Никакое правительство не в силах добыть те результаты, которые издавна самому себе уготованы талмудизмом.

«*L'éveque Kidder a eu grandement raisone,* — говорит учёный аббат Чиарини («Theorie du judaïsme»), — *d'avancer que tous les ennemis du christianisme onttire leurs armes des arcéneaux de la synagogue*».

За примерами ходить не далеко, как мы уже показали выше (стр. 218 и 219).

Наряду с злостным шутовством по изгнанию евреями духовных конгрегации из Франции и аренде церквей масонами припомним заслуги перед кагалом бисмарковского министра еврея Фалька, который в период бессмысленного, жидам на потеху затеянного «Culturkampf», науськивал протестантов на католиков, издеваясь одинаково над теми и другими. Фальк исполнял ту же миссию, что Мейербеер и Галеви. Не свирепую усобицу между Элезаром, Иоанном из Гисхалы и Симоном во время осады Иерусалима Титом, не забывал распри саддукеев и фарисеев, не мрачные картины раздора школ Гиллеля и Шамай взял темой своей оперы Мейербеер, а религиозную борьбу христиан. Под еврейскую именно музыку католики и гугеноты режут друг другу горло. С ядовитым лукавством осмеивая в процессиях и театральных аксессуарах обряды католической религии, оперы Мейербеера, а в особенности «Гугеноты», снова пробудили и значительно усилили среди полуобразованных масс презрение и ненависть к католицизму на радость Израилю. Другой еврей, Галеви, своей «Жидовкой» ещё бесцеремоннее проводит ту же тенденцию — внушить Европе любовь к евреям. Как омерзителен у него кардинал и как прелестна еврейка!.. В опере «Агасфер» тот же Галеви уже воочию преследует талмудическую цель — показать христиан скверными, а еврейство увлекательным. Такова же и «Девора» Мозенталя.

Иллюстрированное прибавлением к лейб-органу германского еврейства «Berliner Tageblatt» «Ulk» (август 1905) даёт на первой странице, изображение православной часовни с иконами во весь рост, с лампадами и пудовыми свечами... У позолоченной баллюстрады, на бархатной подушке, в расшитом мундире и с плюмажем в руках коленопреклоненно стоит новоявленный граф (Витте). Он молится усердно. Кому?.. Приглядитесь. На первой иконе надпись: *преподобный Ротшильд*, на второй — *Мендельсон, берлинский чудотворец*.

Иудейская газета «Киевская Заря» на днях тоже поместила рисунок часовни с иконами, а возле них — контур свиньи!..

По предложению еврея Острогорского 14 мая 1906 г. , т.е. в самый день празднования Коронации, Государственная Дума постановила не заседать по субботам и, наоборот, разрешила парламентские занятия по воскресеньям. На упрёк в этом со стороны «законодателей» было заявлено, что и некоторые «присутственные» места закрыты по субботам. Но, во первых, это верно, да не совсем.

Указом Петра I разрешено присутствующим в эти дни читать законы, а канцелярским приводить дела в порядок. Во вторых, еврейство не может оспаривать, что и сам указ состоялся по совету евреев же — Ягужинского и Шафирова.

В Москве и сейчас работает известная сестра милосердия. Пригласив её ходить за больным сыном, еврей, впрочем без успеха, не только просил снять крест, пришитый у неё на груди, но вдобавок мотивировал свою наглость желанием избежать опасения соседей, тоже евреев, что в его доме зараза.

Заразившись талмудистом, один из Аладьиных или Недоносковых в Государственной Думе отказал губернаторам нынешнего правительства в доверии, впредь до сошествия на них Св. Духа.

В Минске и даже в Саратове евреи добились отмены крестных ходов «как своей гарантии от погромов»...

Само собой разумеется, что касается данного вопроса только эпизодически, мы не только не исчерпываем даже важнейших данных о ненависти и презрении иудаизма к христианству, но почти не затрагиваем сферы всемирной истории, а из событий этого рода в России упоминаются лишь немногие, новейшие.

В заключение напомним, что теперь уже еврейство так зазналось, как, быть может, никогда раньше. Вот почему, например, в учебных заведениях, особенно в «черте оседлости», признаётся для преподавателя, по меньшей мере, бестактным говорить не против еврейства, нет, от этом и думать нечего, а даже об идеализме или о величии христианства.

Наша религия нужна сынам Иуды для другой цели.

Евреи лгут, а наши недоросли им внимают, будто Христос был социалистом и сторонникам революции...

Соображая изложенное, нельзя, кажется, усомниться в том, насколько иудейские залпы из револьверам и кидание бомб — в христианские религиозные процессии могли быть в Белостоке случайными...

И, наоборот, после двадцати с лишним лет запрета еврейство именно теперь достигло торжественного открытия главной синагоги в Москве.

Ubi facta loquuntur, non opus est verbis!..

В. Взывая к амнистии для героев-бомбометателей и не находя кары, достойной «злодеяния агентов правительства», Государственная Дума не могла, разумеется, отнестись к своим вожакам иначе, как с любовью и уважением.

Солгавший всенародно еврей Иоллос пишет законы о печати для России.

После убийства в Борисоглебске казачьего офицера Абрамова, затравленного «жидо-кадетской» печатью, Ковалевский в иудейской же газете «Страна» спросил, почему до сих пор Жданов цел и невредим?.. Вскоре и Жданов оказался убитым, а Спиридонова, убийца Луженовского, поныне здравствует, даже беседует с интервьюерами и не теряет надежды поработать с «товарищами» вновь. Целый ряд запросов Ковалевскому в печати оставлен им без ответа. В Думе же его никто и не подумал привлекать к объяснениям. Напротив, именно он пришел в «благородное негодование», когда один из депутатов частным образом, назвал Думу жидовской...

На своём собрании 23 апреля этого года «кадеты» аплодировали убийству Коновницына и покушению на жизнь Дубасова. Председательствовавший же Винавер ограничился перерывом заседания. А когда, horribile dictu, нашёлся предерзостный и осмелился пробормотать упрёк за аплодисменты, то Винавер оборвал его замечанием, что это собрания не касается, так как произошло во время перерыва. Винавер — одна из первых скрипок в Думе.

Г. Надо ли удивляться тому, что Государственная Дума не только не нашла ни слова сострадания жертвам «освободительной» бомбы в Севастополе, но и не выразила пожелания прекратить «мирную организационную» работу с револьверами и бомбами на будущее время... Ведь и без этих пустяков дела по горло. Разве одно «расследование» в Белостоке не наделало массы хлопот таким подвижником за правду, каковы Араканцев, Щепкин и Якубсон?!..

Жаль вот только, что, избегая жестокого срама, Думе пришлось сделать bonne mine au mauvais jeu, а слушание «погрома» всё-таки отложить!..

Д. В заключение, — два свежих факта.

а) Благодаря столь ненавистной «освободителям» полиции обнаружены в Москве несколько шаек под девизом «руки вверх!», занимавшихся по банкам и другим кассам изучением на практике «ограбного права» в целях революции, конечно. Во время одного из обысков был пойман, хотя и отстреливался, студент университета Макаров, недавно лишь освобождённый на поруки из тюрьмы и обвиняемый в вооружённом бунте, под командой русского паладина Фидлера...

б) В ночь на 16 июня в Басманной части, в квартире Артёмовых, к счастью, была открыта хорошо организованная лаборатория бомб. При обыске полицией было арестовано несколько человек — мужчин и женщин, три вполне снаряжённые бомбы цилиндрической формы, 24 револьвера и большое количество различного вещества, необходимого для начинки взрывчатых снарядов. Принявшейся деятельно за розыски полиции удалось открыть ещё несколько квартир и захватить в них около двадцати пяти человек препараторов. Такие квартиры обнаружены в доме Смирнова на Садовой улице и в доме церкви св. Ермолая близ Триумфальных ворот. В последней один из арестуемых пытался стрелять в околоточного надзирателя, но его удалось обезоружить. Арестованные — по преимуществу еврейская молодёжь!..

XIV. Русская революция на японском содержании.

Нам было хорошо известно, что в руках А.С. Суворина находятся важные документы, доказывающие, что русская революция производится не «по желанию русского народа», как нас хотят уверить разные Петрункевичи, а по заказу японского правительства.

Мы удивлялись, что издатель Нового Времени так долго молчит об этих документах, доказывающих, что «герои» нашего «освободительного движения» предались злодейшему врагу России и служат не своему народу, а японскому микадо.

Наконец, 8 июня 1906 г. Новое Время (№10859) напечатал следующую статью под заглавием «Изнанка русской революции»:

«В русском обществе, уже давно ходили толки о том, что совпадением наших неудач на войне на Дальнем Востоке с ростом у нас дома революционного движения мы в значительной мере обязаны японцам, и что деньги на вооружённое восстание черпаются русскими революционерами из японской казны.

Народное чутьё не ошиблось.

И японцы, и русские революционеры в циничном безразличии при выборе средств борьбы оказались достойными друг друга. Одни славу своего оружия запятнали грязью подкупа, другие великое слово свободы оскверняли продажей своей родины.

У нас в руках находятся документы неоспоримой подлинности, не оставляющие никаких сомнений в том, что поднятое русскими людьми против своего правительства оружие куплено на японские деньги.

Известный Петербургу по своей службе у нас до войны в качестве военного агента японской миссии полковник японской службы Акаши после разрыва дипломатических сношений между Россией и Японией переселился в Стокгольм, который и сделался центром японского шпионства в Европе. С осени 1904 года, когда волна «освободительного» движения охватила русский народ, а недовольство войной и её неудачи укрепили успехи революционного движения. Акаши вступил в сношения с проживающими в Париже «русскими» эмигрантами-революционерами.

Сношения, начавшиеся в ноябре 1904 г. , привели к соглашению об организации в России вооружённого восстания на счёт японского правительства.

Посредниками со стороны революционеров явились грузин Георгий Деканози и известный деятель финляндской партии активного сопротивления Конни Циллиакус.

Как Циллиакус, так и Деканози получили от Акаши деньги на покупку оружия и яхты. Оружие

предназначалось для четырёх революционных партий: русских социал-революционеров, грузинской с.-р., финляндской и польской социалистических.

Всего было заказано и куплено в Швейцарии 25.000 ружей и 3 1/2 миллиона патронов. Посредником по покупке и заказу служил им некий французский гражданин. [82]

В свою очередь, Циллиакус купил в Гамбурге яхту, получившую название Джон Крафшон, на которую была нагружена часть оружия, и которая 16 июля под командой шведа — капитана Бестрема снялась с якоря и отплыла по направлению, скрытому им даже от местного портового управления.

Мы должны напомнить читателям, что 25 августа житель города Улеаборга, водолаз Юнтунек, крейсируя на яхте недалеко от г. Кеми, нашёл на отмели кладь, состоявшую из 93 ящиков, в которых оказались 659 винтовок, 658 штыков и 120.000 боевых ружейных патронов.

26 августа в 22 километрах к северу от Якобштадта в шхерах Ларемо сел на отмель направлявшийся к берегам Финляндии пароход. Через несколько часов на нём произошел взрыв. При осмотре затонувших частей парохода в нём найдено огромное количество револьверов, ружей и боевых патронов.

28 августа на острове Кольмаре обнаружены покрытые брезентами и ельником около 700 винтовок, ящик с револьверами, патронами и взрывчатым веществом, а также революционные брошюры на русском языке.

Найденные во всех этих случаях винтовки оказались изготовленными в Швейцарии.

В снаряжении названной яхты и в приёмке оружия принял, по его собственным словам, живейшее участие покойный Гапон, [83] который для этой цели конспиративно выезжал в Финляндию в сопровождении одного из членов партии социалистов-революционеров. Гапон был по этому делу в сношениях с Циллиакусом, который на его вопрос, откуда получены средства на снаряжение яхты и покупку оружия, заявил, что партия нашла материальную поддержку в лице одной богатой американки.

Вспомним, что боевые дружины в декабрьские дни в Москве были вооружены ружьями швейцарского изготовления.

Другое судно, снаряжение коего было поручено Георгу Деканози, было отправлено из Марселя в Батум, куда оно преблагополучно и прибыло.

По поводу этого таинственного судна, командиром коего был один голландский анархист, ещё недавно в заграничной печати появилось подробное описание.

Итак, японцы били нас не только в Манчжурии, но и на улицах Москвы с той разницей, что там нас били японцы же, а здесь подлые изменники, продавшиеся злейшим врагам России. Вся наша революция нужна китайцам, японцам, англичанам, кому угодно, но только не России.

Какова же наглость разных Родичевых, Муромцевых и прочих Аладьиных, кричащих о своём «святом деле», которое находится на содержании у японцев!?..»

«Московские Ведомости» — 10 июня 1906 г. , №147,

***

В дополнении к изложенному необходимо заметить, что: а) в 1904 г. под аккомпанемент первых, но уже суровых и унизительных для нас невзгод на войне с Японией, когда иудейская пресса выпустила своих «ласточек» о необходимости заключения Россией мира и начала исподтишка, правда, засевать свои страницы семенами «освободительного» движения, теперь достигнувшими такого пышного расцвета, собрался в Париже съезд революционеров с представителями Финляндии во главе. По правилу «do ut des» финляндцы обещали поддержку ввозом оружия и иными способами, а «русские» вожаки бунта обязались заварить правительству такую кашу, что убийство Бобрикова, оперетка с Оболенским и всё прочее, к нашему посрамлению, столь коварно затеянное финляндцами, пройдёт без сучка и задоринки; б) злорадство еврейской прессы по поводу финляндской революции, сплошь запятнанной изменой, может идти в сравнение разве с насмешками и лганьем той же прессы о

действиях эскадры Рождественского в Ла-Манше и в) предательский, хотя и балаганный, митинг в Териоках при благосклонном участии финской красной гвардии и пресловутых членов думы Жилкина, Заболотного и Аникина оповестил orbi et urbi, что «учредительное собрание», как и вообще дальнейшие подвиги «избранников русского народа», в случае распущения Думы будут происходить в Гельсингфорсе... Евреи же, террористы и их шабес-гои на днях устроили съезд социал-революционеров в Стокгольме, рычавший ненавистью к России и разошедшийся с угрозами новых бедствий для нас.

Алексей Шмаков.

XV. Резолюции стокгольмского съезда «русских» крамольников.

Из «Русского Дела», от 17 июня 1906 г. , №24.

Ни для кого не секрет, что в Государственной Думе значительное число «депутатов» совершенно открыто стоит за революцию и находится в теснейшей связи с заграничными руководителями мятежа. С этими элементами вынуждено считаться и кадетское большинство Думы.

Чего же добиваются революционеры?

Ответом могут служить нижеследующие резолюции, постановленные на только что окончившемся тайном съезде русских революционеров в Стокгольме и складывающиеся, как всякому очевидно, в систематическую программу:

1. В виду того, что первая цель, намеченная русской революцией, достигнута учреждением Государственной Думы и образованием народного представительства, вступившего в открытую вражду с правительством, необходимо воспользоваться этой враждой и раздуть её в громадный пожар всенародной вражды против Самодержавия.

2. Для чего необходимо, чтобы из Думы было брошено в народ воззвание, указывающее на неисполнение правительством требований Думы и призывающее народ поддержать эти требования всеми доступными ему средствами.

3. Поддержать и распространить это воззвание среди народа следует всей революционной печатью, прокламациями и устной пропагандой.

4. Вся власть, препятствующая этой печатной и устной пропаганде, должна быть объявлена врагами Думы и народа, а, следовательно, — государственными преступниками, подлежащими народной каре.

5. Для организации народного движения должны быть восстановлены революционные организации: союз союзов, железнодорожный союз, инженерный союз, почтово-телеграфный союз, крестьянский союз и другие боевые союзы, которые должны быть снабжены боевыми инструкциями, оружием и подчинены общему боевому руководству.

6. Вооружённому восстанию должна предшествовать железнодорожная и почтово-телеграфная стачки, которые должны по возможности превратиться во всеобщую стачку.

7. Вооружённому восстанию должны также предшествовать отдельные революционные сходки и митинги для того, чтобы должным образом разжечь политические страсти и вызвать кровавые столкновения.

8. Как забастовка, так и восстание должны быть поддержаны всей печатью, которая должна приписывать все ужасы и жертвы, вызванные этими народными движениями, одному лишь правительству, упорно не желающему подчиниться требованиям народа.

9. Этого будет достаточно, чтобы правительство по примерам прошлого года пошло на уступки: будет дана полная амнистия, отменена смертная казнь, будет назначено новое, парламентское министерство, которое назначит новых администраторов, а старых предаст суду. Тогда наступит большая свобода для революционного движения в России, которым нужно будет воспользоваться для достижения следующих целей, имеющих своей задачей полное упразднение монархического принципа в России.

10. Необходимо посредством устной и печатной пропаганды перевести все войска на сторону революции.
11. Необходимо сорвать будущий набор новобранцев отказом населения от воинской повинности.
12. Необходимо подорвать бюджет монархического правительства отказом населения от уплаты казённых податей и налогов.

Эта программа, говорит «Киевлянин», одобрена и принята не только собравшимися в Стокгольме революционерами, а и главными их вожаками, из коих одни заседают в Петербурге, а другие отдыхают за границей.

XVI. Сенкевич о социализме.

Известный польский писатель Генрик Сенкевич в варшавских газетах и журналах напечатал письмо, приглашая благомыслящих людей сплотиться для освобождения рабочих классов от нестерпимого насилия социалистов.

В этом призыве говорится, между прочим:

«Сотни тысяч рабочих, охотно желающих трудиться, принуждены возмутительными насилиями социалистов сидеть без дела и голодать. Благодаря преступным действиям социалистов фабриканты и хозяева предприятий вынуждены закрывать свои дела, а тысячи семейств рабочих бедствуют и голодают. Началась такая невыносимая тирания, какой до сих пор мир не видал.

В высшей степени необходимо, наконец, чтобы всё общество восстало и сплотилось для дружного отпора красному деспотизму, с которым пора раз и навсегда покончить. Было бы постыдно оставлять далее массы рабочего люда, желающего трудиться, под нестерпимым игом социалистических, праздных шаек, которые за счёт осуждаемых им же на голодную смерть рабочих и на гибель производительных сил вообще, стремятся угодить лишь своим безумным и властолюбивым вожделениям».

Чешский журнал «Власть» («Отечество»), откуда заимствованы эти строки, добавляет:

«Вот как судит умный польский писатель о происках социалистов. Следовало бы опубликовать подобное воззвание гораздо раньше. Этим писатель послужил бы делу гораздо больше, чем теперь, когда названными, опасными негодяями содеяно уже столько зла».

Призыв Сенкевича служит вразумительной антитезой другому — мятежническому и явно вредному для русского народа, а евреям на радость затеянному призыву к уничтожению тех самых чинов полиции, которые, по справедливому указанию министра внутренних дел г. Столыпина, любят свою родину и умирают за неё (во время нынешней смуты их погибло уже несколько сот).

Ни для кого не тайна как социалистические замыслы, так и тиранические вожделения «кадетской» и других, сродных ей партий Государственной Думы.

Вот почему достойно внимания следующее:

XVII. Кандидатура князя Урусова.

В Государственной Думе сидит «представитель калужской губернии» князь Сергей Дмитриевич Урусов.

Он не только дослужился до чина действительного статского советника, но и состоял два раза в губернаторах, после чего пробрался, даже на слишком продолжительное время, в Товарищи Министра Внутренних Дел.

Он уже давно мечтал о самостоятельном министерском портфеле, который был бы ему вручен нормальным путём, по свободному назначению Государя. Но так как мечты его не осуществились, то он решил достигнуть своей цели иным путём.

Выбранный в Государственную Думу, он хотя и занял в ней место, но полтора месяца упорно молчал, терпеливо выжидая нужного ему момента, а именно — появления на трибуне Министра Внутренних

Дел Столыпина.

Расчёт его, очевидно, был такой:

Министр в своей речи должен будет коснуться Департамента полиции. Это такой Департамент, в котором по существу его далеко не все дела могут быть разглашаемы. А я возьму да и предам их гласности, — благо мне как Товарищу Министра Внутренних Дел, было вполне возможно подсмотреть и подслушать многие из этих тайн и даже получить о них сведения официальным путём. Таким оглашением служебных тайн я приобрету громадную популярность среди большинства Думы, которое в благодарность за мои разоблачения и выдвинет меня своим кандидатом на пост Министра Внутренних Дел. Пусть Шипов добивается этого портфеля, как «умный организатор», Муромцев — как «тактичный руководитель», Родичев — как «буйный оратор». Я буду всего милее евреям и «кадетам» разоблачением полицейских тайн. Благо у меня их записана целая масса.

Сказано — сделано. Как только Министр Столыпин выступил перед Думой с защитой деятельности Министерства Внутренних Дел, князь Урусов тотчас же встал и с чисто аладьинской развязностью стал громить то Правительство, в составе которого он так долго находился, получая всякого рода милости, и которое всегда к нему относилось со столь полным доверием.

Злоупотребив в самом широком смысле этим доверием, князь Урусов пожал бурю рукоплесканий со стороны всех думских хулиганов, с восторгом принявших его в свои объятия как нового, достойного сочлена.

Князь Урусов «разоблачил» очень некрасивую «тайну» Департамента полиции (печатание политических воззваний). Но он этим не ограничился, а намеренно, в угоду думским и недумским революционерам, обобщил тот единичный факт, из которого и состояла вся тайна, и, до чудовищных размеров преувеличил его, добавив всевозможные канцелярские сплетни и шутки в качестве достоверных фактов.

Но вопрос не в том, красивые или некрасивые тайны разоблачил князь Урусов, а в том, красиво ли поступил он сам в качестве перебежчика в ряды злейших врагов России, передавая им новое орудие лжи и клеветы против Царя и Его Правительства?

Как бы назвали революционеры того «товарища», который в Думе стал бы разоблачать их красивые и некрасивые тайны, если они могли быть ему известны только потому, что, находясь в рядах мятежников, он, пользовался их доверием? Они назвали бы его именем, соответствующим его поступку. Но князя Урусова они, конечно, таким именем не назовут, так как его «разоблачения» могут только содействовать успеху революции. Они покроют его лаврами и, несомненно, выдвинут его кандидатуру на первостепенный государственный пост.

Мы не удивимся, если завтра или послезавтра прочтём в официальных крамольных органах среди прочих небылиц, что «князь С.Д.Урусов выезжал в Петергоф», что «Звёздная Палата чрезвычайно встревожена его кандидатурой», тем более, что князю Урусову вручён указ о его назначении, в котором он в любой момент может вставить день, число и месяц своего назначения.

Ведь ложным известием, ежедневно измышляемым революционной печатью, нет никакого предела, так что в них и подобные, явно вздорные известия вполне возможны, а потому князь Урусов может считать себя «серьёзным» кандидатом не только на «министерство», но даже и на «премьерство». [84]

У него в запасе, вероятно, много ещё служебных тайн, которыми он может торговать в Думе как гуртом, так и в розницу, добывая себе этим ремеслом всё большую популярность среди хулиганов и евреев.

Кстати, о евреях. По Талмуду еврей, выдавший какую-нибудь еврейскую тайну, карается смертью.

Как счастлив князь Урусов, что он считается христианином!..

«Московские Ведомости» — 9 июня 1906 г. , №147.

XVIII. Гибель России.

Под таким мрачным заглавием г. Z. описывает в «Слове» свою беседу с одним из представителей

дипломатического корпуса в Петербурге.

«Оглушённый несмолкаемыми аплодисментами господ членов Государственной Думы, я, — говорит г. Z, — вышел из зала заседания и в кулуарах встретился с моим старым знакомым, ныне очень высокопоставленным представителем одной из первостепенных европейских держав.

Много прошло времени с тех пор, как я с ним расстался, многое изменилось и в нашем общественном положении. Но мы по-прежнему остались искренними друзьями, хотя наши политические взгляды и прежде были диаметрально противоположны, да и до сего времени остаются такими же.

Естественно, что, обменявшись приветствиями, я обратился к моему высокопоставленному другу, представителю свободолюбивой нации, с вопросом, какого он мнения о нашем политическом положении вообще, и о том, какое влияние может оказать наша Государственная Дума на современное международное отношение России к Европе.

— Ваша Дума представляется мне, иностранцу, ещё нигде и никогда небывалым явлением. Она, если позволите так выразиться, даже неестественна...

— Позвольте!.. — перебил я моего друга.

— Мы с вами старые друзья, и вы можете поверить мне, что я вовсе не желаю оскорблять вашего национального чувства... Но выслушайте и тогда возражайте.

— Буду слушать.

— Ваша Дума — явление неожиданное и даже неестественное для нас потому, что мы считали до настоящего времени Русскую Империю сильной. Но сила не в материальной силе, а в патриотизме, в сознании опасности родины и в твёрдом, единодушном решении и желании предотвратить опасность. Ничего такого я не замечаю в вашей Думе. Кругом идёт полное разложение. Промышленность ваша убита стачками и забастовками. Казённые заводы ещё кое-как тянут, что-то работают, железные дороги кое-как действуют, но это тянуться долго не может. У вас не хватит средств. Пароходство парализовано. Все инородцы, когда-то завоёванные вами, подняли голову, требуя автономии и встречают сочувствие своих товарищей по этому дворцу.

Ваши думцы, быть может, очень умны, но они не граждане России, а граждане всего мира.

— Да, но всё это временно, всё...

— Нет, выслушайте до конца и потом возражайте.

Между тем, Азия поднимается, вооружается и не сегодня-завтра нагрянет на ваши окраины. Дума как будто этого знать не желает. По соседству со столицей уже образовалось совершенно самостоятельное государство — Финляндия. Ваше господство в Гельсингфорсе призрачно. Едва ли против этого вы можете возразить что-либо.

Россия слишком обширна, но она уже не сильное государство, а конгломерат, склеенный гуммиарабиком.

Ваши представители не отличают правительства от государства. Борясь с министрами, со старым режимом, они борются умышленно или нет, не знаю, — против государства. Знаете, чем это окончится?

— Не знаю.

— Европе нет расчёта защищать Россию от азиатов. Великороссия будет буфером между Азией и Западом; Финляндия со Швецией образуют сильную северную державу и в союзе с Данией и Германией сделают Балтийское море mare clausum. [85] Польша с Литвой, вероятно, отойдут к Германии. Об Остзейском крае я уже и не упоминаю. Он только недавно стал русифицироваться. Естественно, этот край сольётся с родственным, т.е. с той же Германией. Если не будет таможни между Польшей и Германией, промышленность первой будет убита. Славяне не в силах конкурировать с немцами, неспособны к труду, требующему трезвости, упорства, прилежания.

Кавказ и Крым, вероятно, будут колониями Европы, а может быть, отойдут и к Турции. Эта нация сильна, живуча и отлично сумела справиться с армянами.

— Что же останется от России?

— Россия будет чернорабочим поставщиком Европе хлеба, мяса, леса и т.д.

— И скоро это исполнится?

— Будьте уверенны, скоро. Иного выхода нет. Государство сильно и живёт лишь любовью к родине, сознанием долга граждан.

— Могу я напечатать всё, что вы сказали?

— Конечно, не называя только моего имени.

Буквально передаю то, что мне сказал высокопоставленный иностранец.

XIX. Граф Толстой о Думе.

Корреспондент «Нового Времени» г. Юрий Беляев посетил графа Л.Н. Толстого и передаёт свой разговор с ним (№10867):

— Вас, конечно, интересует Государственная Дума? — спросил я. Толстой поднял голову и ответил:

— Очень мало.

— Но вы всё-таки следите за отчётами думских заседаний?

— Нет. Знаю о них больше по рассказам домашних. Если же случится заглянуть в газеты, стараюсь как-нибудь обойти это место...

У меня от Думы три впечатления: комичное, возмутительное и отвратительное.

Комичное потому, что мне всё кажется, будто это дети играют «во взрослых». Ничего нового, оригинального и интересного нет в думских прениях. Всё это слышано и переслышано. Никто не выдумал и не сказал ничего своего. У депутатов нет «выдумки», о которой говорил Тургенев. Совершенно так сказал один купец, бывший у меня на днях. На то же жалуется мне в письме один умный англичанин: «Мы ждём, — пишет он, — указаний от вашей Думы нового пути, а вы рабски подражаете нам». Недавно я получил очень хорошую книгу одного немца. Его псевдоним «Ein Selbstdenker», то есть «свободомыслящий», вот этого-то нет и следа в Думе. У депутатов всё перенято с европейского, и говорят они по перенятому, вероятно, от радости, что у них есть «кулуары», «блоки» и прочее и что можно всё это выговаривать. Наша Дума напоминает мне провинциальные моды. Платья, шляпки, которые перестали носить в столице, сбываются в провинцию и там их носят, воображая, что это модно. Наша Дума — провинциальная шляпка.

Возмутительным в ней мне кажется то, что, по справедливым словам Спенсера, особенно справедливым для России, все парламентские люди стоят ниже среднего уровня своего общества и (вместе с тем) берут на себя самоуверенную задачу разрешить судьбу ста миллионов населения.

Наконец, отвратительное по грубости, несправедливости выставляемых мотивов, ужасающей самоуверенности, а главное – озлобленности...

Sapienti sat!..

V. Соображая изложенное и вдумываясь в современный ход событий, нельзя не признать настоящего исторического периода весьма для нашей родины серьёзным. Можно сказать даже, что история не запомнит ничего подобного.

Всеобщее недовольство внутри страны; упадок нравственности и самодеятельности; полная умственная нищета и разложение всех сфер государственного управления являлись грозными симптомами тяжкой болезни России уже до Японской войны, а в этом «предприятии» лишь раскрылись воочию, достигнув, пожалуй, своей кульминации.

Здесь не место входить в дальнейший анализ явлений. Не станем мы также отравлять ни себя, ни читателя картинами ужаса и позора маньчжурской эпопеи. Однако, мы не вправе не отметить опасностей, какие грозят нам со стороны Китая и Японии, быть может, в ближайшем будущем, как не должны умолчать о вмешательстве западных держав, которое с предательским цинизмом накликается

внутренними нашими врагами.

Но и указанных невзгод было бы недостаточно для того, чтобы назвать положение России беспримерным. Непригодна и параллель с Римом даже во вторую пуническую войну, так как душа римского народа пылала любовью к отечеству и гордым сознанием величия его судеб, сам же организм государства не был потрясаем такой политической и социальной революцией, которая стремится уничтожить в стране всё — до её имени включительно. Но что главным образом исключает параллель, это факт отсутствия у Рима того, что у нас теперь разумеется под «самоопределением» инородцев, и, прежде всего — евреев. Наконец, ни мужественный Рим, ни западная Европа в эпоху религиозных войн, ни раздираемая террором Первой Революции Франция, ни сама Германия под пятою Наполеона I не имели перед собой коалиции таких союзников, каковы всемирный кагал и масонство.

После всего уже нам известного нет надобности доказывать опасность коалиции и безграничность её замыслов. Но чем серьёзнее проблема, тем важнее правильный её диагноз.

Негодование или отчаяние равно бесплодны. Самообман — гибелен. Искренность совета, хотя бы и спорного, необходима. Посему, исполняя свой долг перед отечеством, мы решаемся выразить и своё глубокое убеждение. Такая решимость вызывается уверенностью, что текущие события, с нашей точки зрения, объясняются удовлетворительно.

Внимательное изучение вопроса и настойчивое, по мере сил, размышление о нём приводят, как мы полагаем, к следующему выводу: **нынешние страдания России, в значительной мере этими же врагами подготовленные, являются колоссальной спекуляцией иудаизма и масонства.**

Исследование указанного тезиса даже в его существе превышает силы одного, хотя бы и всеобъемлющего ума.

Отсюда явствует, что настоящая работа не рассчитана на какую-либо степень полноты. Будучи смелой, но слабой попыткой затронуть эту проблему, наш труд ничего в виду не имеет, кроме снисходительности читателей.

В таких пределах мы и попытаемся для большей ясности остановиться ещё на некоторых элементах вопроса.

VI. Как и повсюду, революционные движения в России теряют своё начало во мраке веков. Одним из древнейших проявлений у нас мятежного духа служит образование казачества. Наиболее же ярким примером стремления к свободе должна быть признаваема эпопея Запорожской Сечи. Неукротимая жажда воли и самобытности вдохновляла «славное лыцарство Запорожское низовое» на всём его пути. Вера в Бога и беззаветная доблесть неизгладимыми чертами занесены в летописи мечтательного и поэтического, великодушного и бесстрашного, гордого и честного малороссийского народа.

Через благодатные равнины Украины многострадальное, но несокрушимое казачество Малой России дружески подаёт руку тихому и величавому Дону, приветливому и отважному краю, — страшному для врагов орлиному гнезду. Из этой, целому свету известной Области Войска Донского на всех испытаниях Великой России по первому её зову шли охранять её те казачьи полки, которым столько обязана родина, как в Отечественную войну, так и в дни беспросветной крамолы, нами теперь переживаемой. Другие казачьи войска, а в особенности Сибирское, среди грозной и печальной войны с Японией никогда не медлили на защиту русского знамени.

Не касаясь истории северо-русских народоправств, — Новгорода, Пскова и Вятки, и не останавливаясь на иных рыцарских деяниях народа, создавших нынешнюю Россию, мы, тем не менее, обязаны указать на основную черту нашей истории. Никто не помогал нам, и никто нас не учил, как лучше быть. Что же касается, в частности, евреев, то мы их и знать не хотели.

Придворные перевороты в течение XVIII века не имели социального характера и вообще мало касались внутренних судеб русского народа. Об участии же евреев можно говорить разве лишь в связи с предательством Шмерки Липпмана, который исключительно в эгоистических интересах содействовал гибели своего благодетеля — Бирона, когда убедился, что с «регента» взятки гладки.

Лишь в конце того же XVIII столетия проникло к нам масонство и сейчас же показало себя. Не чуя

беды, либеральные крепостники-аристократы баловались, как они думали, тем же самым, за что Новиков и его кружок мартинистов были гонимы. По иронии судьбы уничтоженный папой Климентом XIV иезуитский орден нашёл убежище в Китае и... в России. За ним промелькнули в придворных сферах мальтийцы, с кавалером Литтой во главе. В конце же концов иезуитские пансионы в Петербурге и Москве, масонские ложи на севере и на юге России, мальтийские рыцари и баронесса Крюденер с её «халдейскими» таинствами перемешались, изолгались и разлетелись, как дым.

Остался только чад Французской Революции, а с ним и 1825 год. При всей нелепости их мечтаний декабристы наряду с бесправием и непроглядной тьмой крепостного люда оставили нам ряд высокопоучительных страниц в анналах русского духа, а трагической судьбой запечатлели идеализм своих упований. Едва ли жизнеописание какого-либо иного рода даст мыслителю более поразительный контраст, чем лишённая солнечного света, каторжная тюрьма, где целыми годами несли свой крест Волконский, Трубецкой, Муравьёв-Апостол и их благородные товарищи, и блистательные залы Таврического дворца, где, учиняя вопиющие злодеяния против родины, современные «товарищи» не только остаются безнаказанными, но и мнят себя излюбленными повелителями России, а вместо героических имён 1825 года слышатся клички: Френкель, Якубсон, Шефтель, Герценштейн, Мейлах, Винавер, Червоненкис... et tutti quanti!

Разгром декабристов был так ужасен, а сменившие обездоленную русскую аристократию, но даже не помнившие родства, немцы распоряжались у нас с такой жестокостью, что лишь к концу сороковых годов мог быть затеян «процесс Петрашевского». По своему ничтожеству он был бы давно забыт, если бы судьба не связала его с именем автора «Записок из Мёртвого дома». В Тобольском каторжном остроге подвергнутый телесному наказанию приобрёл Ф.М. Достоевский ту эпилепсию, которая мучила его до конца жизни и угнетала творчество.

Евреев у Петрашевского не было. Тем не менее, Достоевский отнюдь не сомневался, что если России суждено погибнуть, то, разумеется, от евреев.

Лишь ещё лет через двадцать, с освобождением крестьян, появились новые мятежные движения. За отсутствием евреев не замечалось, однако, ничего подобного тем, исполненным наглости, зверства и цинизма, событиям, которыми была запятнана Россия после 17 октября 1905 года. Наоборот, первые шаги движения шестидесятых годов отличались крайней робостью. Правда, «Колокол» и «Полярная Звезда» продолжали бичевать наше рабство, но современной иудейской свистопляски, благоухания «революционной» печатной макулатуры не могло себе тогда представить никакое воображение.

Само польское восстание 1863 года, хотя захватило немалую дозу евреев и вообще не страдало кротостью, тем не менее, отнюдь не дало таких извергов и стольких ужасов, какими облагодетельствовали Россию всемирный кагал и Мардохей Маркс хотя бы за последние два года.

Каракозов был полоумный. Поляк Березовский стрелял в Париже.

«Хождение в народ» являлось ребячеством. Нигилизм прославился через Тургенева, хотя сам же по себе внимания не заслуживал. Разочарования внизу, строго говоря, начались, когда сверху стали извращать реформы, в особенности местного самоуправления и судебную.

Введение классицизма принесло зловещие результаты. Если и сегодня просвещение в России можно сравнить с Большим Московским театром, освещённым двумя сальными огарками, то каково же оно было под эгидой Дмитрия Толстого? Ему обязана Россия постыдным недугом «книгобоязни»...

С другой стороны расцветал административный гнёт. Пресса изнывала от цензуры. Возмездие рока не замедлило. Периодическая печать начала переходить в руки евреев, а они превратили её в то, чем она оказывается ныне.

Безжалостный и бессмысленный режим в школе стал приносить ядовитые плоды.

Церковная политика К.П.Победоносцева изгоняла дух живой и деморализовала духовенство. Именно его тирании обязаны мы скорбной и нелепой картиной революционных движений нашего клира. Церковно-приходские школы и земские начальники добили всё, что ещё противостояло мятежу. Не имея возможности учиться, как следует, юношество развращалось и погибало.

Раболепное молчание и лицемерное бесправие отравляли русский народ. Бюрократия превратилась в statua in statu. Никогда не отличаясь бескорыстием, она утратила всё, что ей дали новые веяния. Продажность и неправда, низкопоклонство и произвол, хищения и безначалие, предательство и страх непроглядной тьмой покрыли страну.

Больной государственный организм взывал к врачам. Начали сбегаться самозванцы, нередко искренние. Их преследовали без пощады. Они озлобились. Пропаганда стала переходить в революцию...

«Чайковцы», анархисты, коммунисты, «народовольцы» и разные иные размножались с каждым годом. Оставляя без внимания таких «освободителей», как Нечипор, Галёрка, Куклин, Попко et caetera, мы назовём только четыре пары: Нечаева и Веру Засулич, Квятковского и Евгению Фигнер, Саблина и Гесю Гельфман, Желябова и Софью Перовскую.

Еврейских же денег всё ещё не было. Их давали Герцен, Войнаровский, Лизогуб и другие. Объявлялись уже и «самоопределяющиеся» инородцы: Зданович, Чекоидзе, Джабадари, Клеменс, Веймар и тому подобные.

Вслед за Березовским показались и многие иные поляки: Осинский, Судзиловский, Кравчинский (убийца Мезенцева), Квятковский, Колоткевич, Тарновский, а за ними, наконец, и евреи.

Но участие «избранного народа» стало замечаться, по-видимому, лишь в партии террористов. Без евреев прежде всего не удавались революционные типографии. Контрабандист Зунделович провёз одну из-за границы и наладил. Лейзер Цукерман подготовил взрыв Зимнего Дворца. Милецкий покушался на жизнь Лорис Меликова, Гольденберг убил харьковского губернатора Кропоткина, участвовал в подкопе Гартмана под Москвой, равно как и в других злодеяниях. Рейнштейн и Розенцвейг состояли шпионами, хотя как предатель, кажется, всех евреев превзошел тот же Гольденберг, пойманный в Елисаветграде с динамитом, который он вёз для взрыва Императорского поезда близ Верхне-Днепровска, и выдавший массу лиц. Геся Гельфман содержала подпольную типографию, развозила и распространяла прокламации террористов, а в заключение являлась хозяйкой той квартиры в Петербурге, где совещались убийцы Государя Александра II и откуда 1 марта 1881 года они вышли с бомбами на цареубийство.

Социалистическая программа террористов раскрывается самими названиями главных органов этой партии: «Земля и Воля» и «Чёрный Передел». Вообще же говоря, такая, действительная программа ничем в сущности не отличается от лживых и предательских «директив» партии «народной свободы», сколько бы в расчете на скорейший захват власти эта последняя партия ни уклонялась ныне от партии «автономистов» и «трудовой группы», совместно с ней заседающих в Государственной Думе и, во всяком случае, более искренних.

Plus ça change, plus ça reste la même chose!..

Никто ещё не отказывался от власти добровольно (исключения подтверждают правило), и мы, например, видим, что нет принципиальной разницы между Людовиком XIV, Робеспьером, Наполеоном I и Желябовым. Как и его сожительница — Перовская, Желябов был деспот и тиран. Мудрено ли, что именно к его взглядам примкнули террористы от колена Иудина. Между тем, раньше сам Исполнительный Комитет партии относился к евреям крайне непочтительно и даже напечатал об этом прокламацию в Москве 30 августа 1881 года.

Само же еврейство ещё в 1891 году приписывало, хотя и заведомо ложно, погром в Стародубе подстрекательству социалистов. В действительности и этот погром был вызван самими евреями, а именно — их продерзностной мстительностью за указ об удалении из Москвы таких сынов Иуды, которые занимались здесь всем, чем угодно, только не честным трудом...

Противопоставляя иудаизм социализму, евреи в то, по-видимому, столь недавнее время, отождествляли ещё свои выгоды с интересами порядка и состоятельных классов вообще.

VII. Однако, действительную цену еврейского извета на социалистов как авторов погрома в Стародубе определить нетрудно. Лассаль и Маркс — евреи. Они вели свою пропаганду и видели её плоды не после, а раньше Стародубского погрома. Еврейство же, проживающее в России, достаточно

ознаменовало своё вступление в политику не только бесконечными рядами агитаторов, заполонившими и запятнавшими революционные течения в русском народе, но и такими уголовными процессами общей подсудности, каковы Минский и Шкловский. Маскируя кадры своей «самообороны» так, что об этом никто и подозревать не мог, сыны Иуды уже на Пасхе 1897 года, т.е. почти одновременно с учреждением «Бунда», осмелились в Минске нападать на пехотные патрули из двух-трёх человек, а затем учинили и нечто дерзновеннейшее.

Полагаясь на своё численное превосходство и воспользовавшись излишней снисходительностью командира 119-го Коломенского полка Бестужева, который запретил стрелять и даже действовать штыками, местное еврейство начало избивать христианское население, а затем в количестве нескольких тысяч человек охватило патруль из 20 рядовых под командой поручика Галлашека и преследовало с таким ожесточением, что лишь мужество солдат и доблесть начальника спасли патруль от мученической смерти.

Не успел, однако, закончиться в Виленской Судебной Палате этот единственный в своём роде процесс, как нападение вооружённого кагала на солдат в Шклове явилось предметом нового дела в Киевской Судебной Палате по той же 2691 ст. Улож. о наказ. На этот раз «самооборона» представлялась уже в виде еврейской вольной пожарной дружины. С разрешения обманутой власти кагал организовал шайки злодеев, которыми и была учинена над солдатами дьявольская потеха...

VIII. Тем не менее, всемирное еврейство не чувствовало ещё себя в силах перейти в открытый бунт против русского правительства. На пути веков евреи обучались поджидать случая и действовать без ошибки при соответственных обстоятельствах. «Помогая своему счастью», сыны Иуды зорко следили за внутренними невзгодами нашего отечества и всемерно способствовали их развитию.

Наконец, роковой час приблизился.

Уже первые, ещё отдалённые раскаты японского урагана, не замедлили выразиться в том, что известно под названиями Кишинёвского и Гомельского еврейских погромов, хотя в действительности являлись погромами христиан, особенно в Гомеле. Вооружённые финскими ножами и револьверами, а также запасами серной кислоты для сжигания гоев заживо, еврейские шайки в одном 1903 году совершали ужасы и в Кишинёве, и в Гомеле — раньше, чем исстрадавшееся христианское население обратилось к возмездию.

Обстреливание войск было, насколько известно, впервые применено евреями в Кишинёве, а засим ещё предерзостнее — в Гомеле. В этом городе открылись и курсы преподавания молодым евреям револьверной стрельбы залпами.

Что же касается финских ножей, ударами которых в шею евреи отправили на тот свет нескольких христиан в Гомеле, то этот новый вид предательского убийства был за несколько недель раньше испытан, хотя и неудачно, на П.А.Крушеване как редакторе-издателе непокорных кагалу газет «Бессарабец» и «Знамя».

Среди бела дня и в самом центре Петербурга, на Невском проспекте, 5 июня 1903 года Пинхус Срулев-Дашевский вместе с другим, скрывшимся евреем замыслил убить мужественного редактора. Страшный удар финским ножом сверху вниз был нанесён Дашевским П.А.Крушевану вблизи сонной артерии.

К счастью, толстый стоячий воротник сорочки, куда пришёлся удар, спас Крушевана. Он был только ранен и потерял много крови, но остался жив.

Надо ли вспоминать об издевательстве над ним еврейской прессы и о безучастии русского общества?.. А между тем, зловещий характер события был очевиден и достаточно свидетельствовал о недалёком будущем уже не для одного Крушевана.

Впрочем, те присяжные заседатели в С.-Петербурге, которыми Пинхус Дашевский за покушение на убийство был приговорён к пяти годам арестантских рот, исполнили свой дол г. ..

Их старались обмануть «политикой», но они не сделали ошибки. О прелестях же этой «политики» кричат теперь и воробьи на крышах.

IX. Если всемирный кагал ещё лишь задумался об афере, какую в союзе с масонством он ведёт против России в настоящее время, то отсюда не следует, что ради еврейства им не было предпринимаемо серьёзных шагов. Наоборот, мы видим, что уже в первое посещение Московского университета Боголеповым как министром народного просвещения студенты дебютировали ходатайством о неограниченном приёме евреев. Не допустив Герценштейна в университет для чтения лекций, министр отказал и студентам как прозорливый государственный человек. Здесь не место развивать проблему о безрассудстве обучения христиан евреями, да и мыслящему читателю разъяснений не требуется. Увы, патриотизм Боголепова остался гласом вопиющего в пустыне.

В свою очередь студенты не понимали даже того, что нельзя допускать евреев в университет свыше известной нормы, т.е. за счёт русского народа, как нельзя привилегию высшего образования отнимать у христиан для возвеличения талмудистов. Еврейство же, хорошо сознавая, куда идёт, и тогда уже раскрывало свои замыслы тому, кто хотел видеть. Высшее образование не только доступно евреям как проживающим, обыкновенно, в городах, но является той именно почвой, где они нанесут нам тягчайший удар. Не даром с таким азартом интригует кагал и его приспешники за открытие «вольных» или «народных» университетов (новое издание «народной свободы») – этих будущих рассадников мятежа, как и специально еврейских, т.е. уже нагло предательских школ вообще.

В то же время коварные злоупотребления по захвату учебных пособий и по выдаче дипломов создадут сынам Иуды лучшие жизненные пути, — особенно в медицине и адвокатуре, равно как и по завладению правительственными должностями.

Как уже замечено выше, существует параллель между иезуитским орденом и кагалом. Быть может, следует даже признать, что и само возникновение ордена есть факт атавизма в истории христианства. Иначе говоря иезуитизм есть отрыгание еврейства. Эта проблема заслуживает глубокого внимания на пути предстоящей борьбы за освобождение еврейских народов от террора иудаизма. Ближайшее знакомство с развитием и падением ордена иезуитов должно быть рассматриваемо как необходимая подготовка самой почвы для этой борьбы. Пусть не говорят, что законы об изгнании ордена остаются мёртвой буквой или, что сам Бисмарк пошёл к Каноссу. Пусть не напоминают, что, находясь во главе баронов, представитель римской курии —архиепископ Кентерберийский Лангтон исторгнул у Иоанна Безземельного ту Великую Хартию, которую по недальновидности папа предал проклятию. Подрываемый со всех сторон католицизм идёт, несомненно, к упадку, и его склонение началось в особенности с 16 августа 1773 года буллой «Dominus ac Redemptor». Между тем, подобно евреям в наши дни, иезуиты пренебрегали распоряжениями власти, ибо также имели сторонников во всех лагерях, были предметом ужаса и надежды. Тогда всякий был убеждён и старался уверить других, что в ближайшем будущем Европе грозит теократизм, а иезуиты станут господствовать повсюду. Не только в эпоху своего расцвета, но и находясь уже под остракизмом, например, в 30-х и 40-х годах XIX столетия во Франции, иезуиты проводили свои замыслы с не меньшим дерзновением, чем сыны Иуды делают это сейчас.

Не признаваемый французским правительством и будучи лишён самого права на существование, иезуитский орден вопреки своему духу и началам своего бытия стал, однако, ратовать за свободу образования юношества, без сомнения, имея в виду захватить молодое поколение в свои руки. Изумлённое такой неожиданностью, французское общество, тем не менее, скоро поняло расставленную ему западню.

Неизменно заимствуя у других, так как ничего, в сущности, не имеет своего, иудаизм повторяет иезуитский приём. К сожалению, русское общество до сих пор не видит опасности и под предлогом свободы преподавания, особенно в «вольных университетах», бессознательно допускает ожидовление школы, т.е. порабощение своего юношества всемирным кагалом.

Но грядущая опасность этим не исчерпывается.

Разрушение нравственных устоев христианской семьи и любви к родине, пропаганда чувственности и материализма, презрение ко всему, что не даёт денег и политический разврат молодёжи — вот плоды, которые принесёт иудаизм, когда монополизирует в свою пользу наши средние и высшие учебные заведения.

В пределах же первоначального обучения задачи кагала будут направляемы на ограничение и затруднение доступа и самых слабых лучей света в нашу среду.

Не сознавало этого русское юношество поныне и, может быть, сознает только тогда, когда уже не будет спасения. Горючими слезами станут оплакивать будущие поколения русской молодёжи безумие просьбы студентов, адресованной, без сомнения, по еврейскому совету Боголепову, как и те логические последствия, которыми отравлена современная университетская жизнь. А ведь её удел мог быть, *«как неба лазурь, без туч и без бурь!..»*

Домогательства евреев проникнуть в высшие учебные заведения и упорные забастовки русского студенчества, устраиваемые теми же евреями и нигде, кроме России, небывалые да и нигде более немыслимые, —разве это не наглое противоречие талмудистов? Прикрываясь террором социальной революции, столь дерзновенная несообразность является ли отсюда менее отвратительной?!.. Наконец, беспримерность студенческих забастовок оправдывает ли диктатуру ослеплённой и недоучившейся молодёжи там, где самые зрелые и просвещённые умы теряются?!..

Хотя, как говорят, история не допускает повторений, тем не менее это справедливо лишь в смысле буквальном. Крестовый поход детей, разумеется, невозможен в наши дни. Но едва ли многим разумнее нынешнее донкихотство студентов или «освободительные» мятежи в гимназиях среди мальчуганов и девочек, у которых, что называется, молоко на губах не обсохло.

X. «Распропагандирование» городских и земских служащих обусловливалось тем, что им нечего терять и, наоборот, в дебрях революции можно выиграть. С другой стороны, жалкая партийность большинства органов нашего «самоуправления» представляла уже готовые кадры недовольных и беспринципную толпу «благодетелей народа».

Став членом новой политической партии, каждый мог считать себя вправе занять любое место по выборам, в редких только случаях отдающим должное призванию или таланту. Заманчивость радикальных идей и безответственность их носителей довершали дело. Проникая в земство и на городскую службу, евреи находили таким образом достаточно материала для эксплуатации и легко им воспользовались.

XI. Беззаветная, хотя неблагодарная и унизительная роль в угоду евреям была исполнена обманутой русской женщиной. В своём безграничном самомнении, неутолимой гордыне и рабской жестокости сыны Иуды умеют прикидываться кроткими, сирыми и обездоленными. Стремясь к свирепой и беспросветной тирании, они тем легче признаются за патентованных либералов, чем печальнее их собственная судьба. Все же прочие народы и все времена тем скорее являются виновными в бедствиях Израиля, чем меньше сведений о талмуде имеет жертва еврейской революционной пропаганды.

При таких условиях сострадание и мечтательность, присущие русской женщине, особенно девушке, уже сами по себе, независимо от обстановки, влекли этих, воистину несчастных, на защиту евреев как паладинов свободы для всех. Вот почему среди самых восторженных и бескорыстных агентов зелёной партии («народной свободы») замечалось на выборах так много девушек и даже матрон.

Вдумываясь в эту страшную картину, невольно переносишься мыслью в древнюю Литву. Там обольститель девушки был отдаваем на растерзание псам...

«Он наслаждался её смущением!..» — объясняли мудрые литовцы.

XII. Организуя, так сказать, унтер-офицерские кадры теми средствами, какие указаны выше, иудаизм не мог, разумеется, не обратиться и к рекрутированию своего генерального штаба. Иудаизация адвокатуры явилась, стало быть, логическим развитием общего плана. Опасность, угрожающая отсюда, была, правда, замечена у нас вовремя. Некоторое опоздание могло бы встретить должный противовес, если не в решительном запрете еврейству проникать в эту важную область государственной жизни, то, по крайней мере, в таком ограничении, которое определялось бы не исповеданием иудейским, а происхождением. Увы, именно этого и не было сделано. Обходя указ 8 ноября 1889 года, евреи по мере надобности крестились. Самые же надменные из них выжидали. С открытием «весны» некрещёные евреи заполнили присяжную адвокатуру целыми массами. Знаменателен факт, что ожидовление сословия присяжных поверенных началось главным образом с

Петербурга, т.е. с центра высших правительственных учреждений России, иудаизация которых в свою очередь идёт, быть может, не столь заметно, но безостановочно. Долгое и ужасное верховенство Витте тому очевидный признак. Затем, несмотря на заботы русской адвокатуры, ожидовление её начало быстро разрастаться и в Москве. Впрочем, заботы эти были недостаточны и непоследовательны. Наоборот, еврейская и «либеральная» пресса защищала иудаизацию с крайним ожесточением. С другой стороны кредитные учреждения, торговля и промышленность, пути сообщения и все другие источники питания адвокатуры неуклонно иудаизировались. Помимо чрезмерного увеличения еврейского контингента, шедшего в атаку с отчаянным дерзновением, результатом означенного хода событий оказалось и размножение русских «либералов» в адвокатуре.

Из такого новициата одни понятия не имели о еврействе и, смешивая его коварные жалобы с мрачными судьбами России, становились иудейскими воинами во имя свободы. Не скоро ещё поймут они, как жестоко были осмеяны и какую скорбь причинили родине. Другие, прикрываясь контрабандным знаменем либерализма, так или иначе питались от щедрот Израиля. Те и другие одинаково могли рассчитывать на еврейскую прессу, которая трубит им хвалу и бесцеремонной ненавистью воздаёт супостатам.

Через одно или два поколения у нас не останется, быть может, ни одного необрезанного журналиста. Но уже теперь их сила велика и в судебной области. Не даром почти вся юридическая пресса уже в руках евреев, и не в одной России. Что же касается отчётов о судебных заседаниях, то и без талмуда из них можно сделать что угодно. Надзора почти нет, во всяком случае, его нетрудно обойти. Отсюда понятно, что кроме адвокатов всякий тяжущийся или подсудимый, особенно по выдающемуся процессу, зависит от еврейских репортёров. Для них существо дела безразлично. Непокорного они затравят, как захотят. Здесь именно снимает свои «лучшие урожаи» кагальный шантаж.

Переходя в более высокие сферы данного вопроса, мы не должны забывать, что никто ещё не нажил миллиона, не задев острога хотя бы своим обшлагом. «*Кто способен*, — говорят итальянцы, — *удвоить свой капитал в течение одного года, тот заслуживает быть повешенным двенадцатью месяцами раньше*». Пока этого нигде не делается и едва ли будет впредь, как бы ни разыгрывались аппетиты биржевых удавов и акул, хотя бы рассчитанные на ограбление целых народов. Но евреям не нравится и всякое наказание по суду. Cutus amat pisces, sed non vult tingere plantas! «Художественность» отделки, «чистота работы» достаточно, казалось бы, гарантирует им безнаказанность. Увы, от гоев всего ожидать можно. Вот почему Израиль должен иметь собственную адвокатуру. Только она способна извлекать из закона то, чего в нём вовсе нет и быть не может. Она одна может подниматься до таких пределов, где монополия истины для гоев недоступной составляет палладиум «избранного народа».

Придёт, конечно, время, и даже скорее, чем кажется, когда и у нас к услугам Ротшильда и К° заведутся свои прокуроры на погибель Бонту [1] или к «оправданию» Дрейфуса, а также и свои «суды», пирующие у Эмбер либо «не усматривающие состава преступления» у приснопамятных «панамских» chequar’ов... Пока невольно приходится довольствоваться Пархенштейнами и Пейсоверами как гениями адвокатуры.

Ещё выше грезится евреям парламентская деятельность и управление страной. Не они ли — «единственные аристократы мира и его призванные повелители?!..» Что же может быть «законнее» стремления сынов Иуды к столь вожделенному призу?!..

Взять его и удержать способны, однако, лишь иудейские адвокаты. Вот почему, должно быть, обе столицы России своими представителями в Думе избрали адвокатов-евреев.

XIII. После убийства президента Карно во время конгресса в Версали три сенатора, бывшие префекты Парижа или департамента Сены, разговорились на тему «разве уж так трудно предупредить подобные злодеяния?» «Вовсе не трудно!» — отвечал одни из них. «Наполеон III-й любил пожать руку человеку из народа, а я, будучи префектом, никогда ему в этом не отказывал. Но и Наполеон, со своей стороны, не пожимал руки иначе, как у кого-нибудь из моих агентов!..»

Являясь лучшей в мире тайной полицией и никогда не отказывая себе в удовольствии презреть, а не

прирезать, конечно, сирых и обездоленных, могло ли еврейство позабыть в России о фабричном рабочем и о «несчастном» мужике?

Ужель их участь не плачевна? А кто же придёт к ним на помощь, если не милосердные евреи?..

Таким образом, иудейская армия «сознательных пролетариев» вышла из недр талмуда, как Минерва из головы Юпитера.

Распропагандирование её, руководимое «Бундом», имело, вдобавок, готовый контингент «либеральных» и, что всего важнее, «бескорыстных» слуг Израиля в густых рядах «свободомыслящей» российской интеллигенции. Само собой разумеется, что тьму народную мог рассеять лишь такой светоч, как Мардохей Маркс. Искоренить же в простых русских людях саму любовь к родине, а с иудейской точки зрения, это основная задача, — было мыслимо разве благоуханиями интернационалки.

Разрывные бомбы хороши для генерал-губернаторов Финляндии и Москвы, для «религиозных манифестаций» или же для «черносотенных шаек», но они вовсе непригодны для взрыва целой страны. Такой универсальной бомбой является социализм.

Пропаганда социал-демократии, в просторечии именуемой «чужекрадием», сама по себе достаточно заманчива, чтобы воспетые другом евреев — Максимом Горьким, «сознательные пролетарии» не заставляли себя ждать. Им одним принадлежит власть, а с ней и все прочее в этом мире. Они, и никто иной, должны требовать всего чего пожелают.

Перелицовывая и выглаживая эту «освободительную» теорию на все фасоны, пресса кагальных «штанопродавцев» [2] раскрывает перед своими читателями-простецами такие рынки, где им принадлежит всё по самому бесспорному «ограбному» праву. Вопрос не важен, сколько пролетариев откликается на зов. Служа идеям кагала, но и не забывая о собственном кармане, та же пресса на всю Россию прокричит о неимоверных спасительных успехах революции и, однако, сохранит всю дружбу к истине, которая, как всякому известно, была во все времена, присуща «избранному народу». Единственно ради «просвещения России» установленный, дешёвый телеграфный тариф и евреями же с благословения Витте переполненные телеграфные агентства донельзя упрощают задачи Израиля.

Законченность операции на точном основании талмуда достигается тем, что, стремясь к разрушению государства, она производится именно за государственный счёт.

Покрывая расходы кагала как своего единственного благодетеля, «сознательные пролетарии» имеют утешение и в том, что о каком-либо участии в командовании бунтом как монополией «Бунда» и думать не смеют. Им воспрещается даже знать, кто ими же повелевает. Поселяя револьверами и бомбами, поджогами и разбоями ужас среди полутораста миллионов людей, по отношению к которым являются ничтожной горстью, «освободители-тираны» скрываются от глаз людских. Состав исполнительных комитетов и иных «директорий» подтасовывается неведомыми главарями путём «кооптации». Это значит, что один, сам себя «избравший» еврей или христопродавец подбирает затем себе под масть, кого захочет.

Но и помимо «верховных» учреждений, заправляющих революцией и, к удивлению, до сих пор не обнаруженных, основная масса «русской» социал-демократии чужда и рабочему, и мужику. Счастливцам — «пролетариям» не только не дано лицезреть своих повелителей, но и не разрешается играть никакой роли, кроме амплуа «пушечного мяса».

«В «русской» социал-демократии нет ничего социального и ничего демократического», — как об этом резко и откровенно говорит сама «Наша Жизнь».

Социал-демократическая партия возникла у нас вскоре после разгрома в 1879 году партий «народников», «освобожденцев» и других организаций. Будучи основана представителями тогдашней революционной интеллигенции, названная партия сохраняет в тех же руках все инстанции своего управления доныне. Фабрично-заводские рабочие играют лишь подчинённую роль. Жонглируя словами «интеллигент» и «рабочий», можно сказать, что и умственно развитый пролетарий — интеллигент, и обладающий миллионами, но занятый «умственным трудом», просвещённый буржуа — всё тот же рабочий. Но это — вредное смешение понятий. Рабочий класс как класс образуется

только из пролетариата промышленного.

Следовательно, «великая российская социал-демократическая партия» не есть партия рабочих.

Она представляет сообщество интеллигентов, хотя и с одинаковыми политическими убеждениями, но из различных общественных слоев. Для проведения политической революции, это сообщество встречает необходимость опираться на пролетариат и за это обещает ему поддержку в парламенте, но и только.

Строго говоря, даже партийной организации не существует.

Ведётся ли, например, точная регистрация членов партии? Нет. Известны ли средства партии всем её членам? Нет.

Партия управляется центральным комитетом посредством комитетов местных. Вследствие конспиративности партии состав комитетов, избираемых с правом «кооптации», большинству членов неизвестен. Благодаря той же конспиративности, действия членов комитетов избегают всякого контроля.

Ясно, что, не будучи социальной, так называемая социал-демократическая партия и не демократична.

Итак, это не рабочие и не демократы. Сама же партия — только фальсификация пролетариата, а её члены — плохие актёры социализма.

Ещё меньше, конечно, могут числиться в такой партии крестьяне-земледельцы. Нет ничего общего между профессией фабричного рабочего и трудом деревенского мужика, хотя и тот и другой принадлежат к одной среде. Их социальные классы различны, а интересы противоположны.

Если в революционном азарте иудаизированное масонство охватило тех и других, то это показывает, что в действительности коноводы бунта тем и другим одинаково чужды. Для всемирного кагала и международного масонства фабричный рабочий и сельский крестьянин служат средством, а не целью.

Социализм — гусеница, из которой развивается бабочка — анархия.

Ни социализм, ни тем паче анархия, не дают свободы и не ради свободы затеваются. Диктатура и тирания, всеобщее рабство и кровавый террор, — таковы неизбежные их плоды.

Очевидность этого результата раскрывается и в другом направлении.

Не только по тем страшным злодеяниям, которыми запятнала себя революция в России, командуемая извне, но и по необъятности того адского замысла, многострадальной жертвой которого является русский народ, всякому должно быть понятно, что управлять исполнением подобного замысла можно лишь деспотизмом, а не свободой.

И пусть свирепые и коварные наши «освободители» не осмеливаются лгать вновь, будто их террор временен, и что он сменится голубиной кроткостью, как только они захватят власть. Скрывающийся в джунглях тигр, испробовав человеческого мяса, становится людоедом.

Робеспьер и его сообщники «гуманным изобретением» масона-доктора Гильётэна вырезали семнадцать тысяч человек!..

XIV. Независимо от всего нам известного и того, что повседневно происходит вновь, главенство евреев, масонов и их приспешников в тех ужасах, какие переживает Россия, обнаруживается из следующих суммарных данных:

Повальное лицемерие и раболепие безмолвия встретились с позором войны и срамом мира. Безумие народного отчаяния перешло в бешенство негодования. Маниакальный бред сокрушения всего прошлого, как заражённого и прогнившего, овладел народной душой. Вековые неправды были все разом призваны к ответу.

Но такое состояние умоисступления не вело ни к чему, кроме политической и социальной анархии. Чтобы выйти из него у нас не было ни вождей, ни средств, ни организаций. Наоборот, всё это оказалось у тех, кто, развращая всё вокруг, из русской крови добывал золото и как Сатана радовался нашему горю.

Подливая масла в огонь и растравляя наши раны, интернациональные революционеры направили на

нас всё, что им давало презрение к человечеству, опыт веков, тайна мероприятий, суровость дисциплины, безграничность ресурсов, отвратительная гордыня и неутолимое властолюбие.

Подстрекаемые кагалом и им же осмеиваемые шабес-шискели, т.е. беспримерно злодейские митинги и пресса, вопили не о спасении, а о погибели нашего отечества. Спутывая народное сознание, они старались подменить правительство Россией и ей именно принялись наносить удары отнюдь незаслуженные.

Давно утратив покаяние о родине, еврейство не терпит его у других. Объявив же всему русскому бой не на жизнь, а на смерть, иудаизм сосредоточил свою атаку прежде всего и главным образом на самой идее патриотизма. В союзе с масонством всемирный кагал не мог не понимать, что здесь именно ключ позиции, тактический и стратегический центр битвы.

Теория Маркса потому и была выдвинута с самого начала вперёд, что её канонада разрушала основную силу государства — любовь к родине. «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» — лозунг не столько социальный, сколько именно политический. Надменный иудаизм отнимает у нас то, чего сам иметь не будет. Деморализация мужика и рабочего, издевательство над армией, «самоопределение» инородцев, призыв иностранного вмешательства, осмеяние креста и царского изображения, — всё это проистекает логически из жажды последователей талмуда вытравить у нас патриотизм, чтобы затем уж, не встречая отпора, поработить истерзанную, обезумевшую Россию.

Тяжкие страдания народа нашли в соплеменниках Лейбы Шатуновского таких же, как он, врачей. Они лишали нас света, воды, лекарств, возможности уехать куда бы то ни было и даже средств оповестить о нашей судьбе. Наряду с кровавыми флагами и взывавшими к потокам крови митингами, шли «научно» организуемые повсеместно, в одно время открываемые, но равно для всех гибельные забастовки. Сама наша беспомощность показывает, что здесь заправляла не русская рука. Отсутствие малейшего сострадания и оплёвывание всего чистого, благородного, идеального убеждают в отсутствии чуждой такого холода и бессердечия славянской души. Похороны же еврея Баумана и вооружённое на японские деньги восстание в Москве должны, наконец, раскрыть глаза и самым ослеплённым.

Достаточно силён кагал, когда в самой же Москве из инородцев и евреев (например Тан, он же — Богораз) с некоторой, конечно, примесью «распропагандированных» фабричных или деревенских проходимцев он мог устроить самозваный «крестьянский съезд», кажется, именовавшийся «всероссийским». Другие самозванцы, печатно-изобличённые, входили, как известно, в состав такого же «городского и земского съезда» с двумя секретарями-евреями. Равным образом самозваный, на три четверти из евреев состоящий, «всероссийский съезд адвокатов» под председательством еврея собирался в самом Московском Кремле.

Не упоминая засим об остальной России, даже о «черте оседлости», если взглянем на Петербург, мы и там увидим «совет рабочих депутатов», наполненный евреями и «кооптированными» христопродавцами. Под вопросительным знаком стоит иудейское происхождение пресловутого Носаря, но зато уже без всякого знака можно назвать таких секретарей этого Совета, как Хацкель Киселевич и Файга Майанц...

Достаточно силён кагал, чтобы Герценштейна или Винавера избрать в депутаты, где ему угодно, хотя бы и вне черты оседлости. Но иудейское злорадство и презрение к нам таковы, что Герценштейн — депутат от Москвы, а Винавер — от Петербурга. Относясь и к этому до смешного терпеливо, русские люди, по-видимому, мало уяснили себе глубину того унижения, в которое они еврейством повергнуты!..

Наряду с изложенным и для полноты этой позорной картины остаётся припомнить, с какой бесцеремонностью меняло иудейство свои клички и программы, а также с какой беззастенчивостью на выборах оно кидало нам в глаза своё «равноправие» и предательство. В этом случае больше, чем когда-нибудь, оправдалось замечание, что евреи — точно шарики разлитой ртути, бегают и суетятся, как будто не имея отношения друг к другу, но при малейшем толчке извне они мгновенно сливаются в одну лужу этого ядовитого металла.

В начале революции еврейство шло под флагом социал-демократии. Затем этот флаг был яко бы предоставлен «Бунду», которым в числе других анархических шаек и была подписана прокламация, «рекомендующая» начать вооружённое восстание в Москве. Не упуская, разумеется, иных путей и, конечно, предводимая евреями, другая, более лукавая

партия революционеров обозвала себя конституционными демократами или, что ещё забавнее, «кадетами». В решительный же момент, похитив девиз «народной свободы», эти «кадеты» обскакали партию «17 октября».

Сейчас в Думе те же «кадеты» высмеивают диких социал-демократов с Кавказа, а, тем не менее, заигрывают пока что с Аладьиным, Жилкиным, Недоносковым, Аникиным etc. как «трудовой группой», специализировавшейся на скандалах правительству. Четырнадцать же из её членов, в том числе и подложный Миронов, напечатали новое воззвание к вооружённому бунту. Другие члены «группы» устраивают революцию в Териоках (Жилкин и К°) и иных местах с митингами, пением Марсельезы и с шествием под красными флагами (напр., Кальянов — в Камышине).

Что же касается программ, то, жонглируя ими с ловкостью заправского акробата, партия «кадетов», как заметил уже либерал Стахович, выпустила их три.

Прежде всего — на плохой бумаге просто-напросто вся земля обещалась даром. Это, очевидно, для самых тёмных масс. Затем – на бумаге получше, где стыдливо объявлялось, что хотя земля и будет передана крестьянам, но с обложением налогами. Это, конечно, для той, более сознательной массы, которая понимает, что нормальным порядком, ничего даром получить нельзя. Наконец, третья программа — уже на хорошей бумаге. Она сулила крестьянам землю не иначе, как под условием справедливого вознаграждения нынешних владельцев. Это, разумеется, уже для крестьян, совершенно сознательных.

Итак, чем хуже бумага, тем щедрее обещания. Оказалось, впрочем, что таков и должен быть coup de maitre. Все опешили, а наглый обман принёс «кадетам» отличные плоды...

Но если «победителей» не судят, то никому не воспрещается отметить изложенное как блистательный аргумент в защиту «народоправства» вообще и во славу «честных» деятелей «освободительного» движения в особенности...

XV. В настоящем исследовании невозможно да и нет надобности обращаться к тем бесчисленным фактам, которые, подтверждая изложенное, свидетельствуют, что **революция в России совершается главным образом евреями, через евреев и для евреев**. Всенародное в том убеждение непоколебимо и с каждым днём, приобретает новые точки опоры. А так как «иудейское равноправие», т.е. расселение евреев по лицу земли русской для окончательного порабощения нашей страны, проходит красной нитью через все фазы «освободительного» движения, то не может быть и спора о том, что упомянутые факты станут достигать всё большей очевидности, как бы ни замалчивала или ни извращала их захваченная еврейством пресса и до каких нелепостей ни доходили бы услуги кагала в Думе...

Ещё в Синайской пустыне «избранный народ» поклонялся золотому тельцу как символу богатства и медному змию как эмблеме хитроумия и лукавства.

Евреи с самого начала, как только они стали играть роль в истории, привлекали на себя неприязнь всех народов мира, без исключения. Это явление мотивируется не одной религией евреев, хотя она и предписывает им ненависть к остальному человечеству. У них никогда не было религиозного идеализма. По словам их собственных пророков, ещё в древнем мире евреи умели хорошо приноравливаться даже к идолопоклонству других народов. Что же касается так называемого «закоснелого» жидовства или талмудизма, то, строго говоря, оно явилось уже после разрушения Иерусалима.

Отвращение к производительному труду, равно как презираемый во все времена дух гордыни и лицемерия, обмана и ростовщичества — вот чем, прежде всего, отталкивали от себя евреи. Считая остальных людей «погаными» и неизменно обособляясь, иудаизм не вправе был рассчитывать на симпатию. Чуждое нравов, обычаев и самого образа жизни тех стран, где оно

проживало, еврейство предательством и корыстью вело с ними такую же бесчеловечную борьбу, как и в ту эпоху, когда, будучи сильнейшим, оно истребляло туземцев Ханаана оружием.

Обладая энергией теократического фанатизма в такой степени, как ни один народ на земном шаре, и усвоив для войны и мира глубоко возмутительный кодекс, иудаизм впоследствии облёк свою разрушительную силу в иные формы и успел покорить Западный мир «договорами» в такой мере, как это не удалось ему с миром Восточным посредством огня и меча.

Сколько известно, нет другого народа, который свою наклонность к обману приписывал бы и собственному Богу. Только евреи решились на это в отношении к самому Иегове, утверждая, будто лишь с его советом и помощью обобрали египтян. Вслед засим, иудейские пленники скоро надоели и вавилонянам. Порешив спровадить их на волю, сами халдеи убедились, однако, что это легче сказать, чем исполнить. Еврейская чернь была действительно удалена в Палестину, «банкиры» же и «комиссионеры» остались вопреки громовым речам ветхозаветных пророков. Центр еврейства продолжал находиться в Вавилонии и тысячу лет спустя. Именно на Тигре и Евфрате, в Пумбедидте, Соре и Негардее был составлен вавилонский талмуд.

«*Тит совершил глупейший исторический промах,* — говорит Марр, [3] — *частью потащив за собой евреев в римский Иерусалим, частью рассеяв их насильственно*».

Сам тип еврея возбуждал смех по всему римскому государству. Но чем сыны Иуды стали в особенности ненавистны римлянам – это своей исключительностью и обособленностью в связи с реалистическим, торгашеским, ростовщическим духом, который они внесли и в само римское общество. Путём же рассеяния евреев, римляне навязали Западному миру племя, которое, как гласит его собственная история, пользовалось отъявленной ненавистью у всех народов Востока. Без золота не мыслим еврей.

«Натан мудрый» Лессинга не только не состоял банкиром, а и проводил военные займы для борьбы против крестоносцев. Величайший мудрец в Израиле и герой романов Биконсфильда, Сидония был также банкиром...

«*С того же времени,* — продолжает Марр, — *как они распространились на Западе, обнаружилось, что, питая отвращение к земледелию и колонизации, евреи бросились в города. До позднейшего периода Средних веков разные страны Европы обладали массами свободных земель, представлявших непочатую новь. Ничто не мешало евреям сделаться такими же пионерами, как гонимые за веру англосаксы, которые в пустынях и лесах Америки создали нынешние С. Штаты. Но не топор и плуг служили орудиями евреям, а пронырливость и лукавство*».

Народы Запада увидели, что чувство благородства чуждо сынам Иуды, а деньги им дороже свободы. Чтобы зашибить деньгу, евреи были готовы на что угодно. Во всём еврей мог обмануть христианина, только не в том, что он — еврей желает быть евреем. Иудейские законы являлись постоянным вызовом и демонстрацией против «поганых», среди которых иудаизм, однако, проживал и размножался. Будучи типично чужд им, еврей и остался чуждым до наших дней. А после эмансипации его жидовство выступает ещё с большей яростью, чем в прежние времена.

«Лешана габоа Бирушелаим!», т.е. «до свидания на будущий год в Иерусалиме!», говорят, по прежнему, евреи друг другу, но с той разницей, что они теперь уже затеяли сионизм и на «всемирных» сионистских конгрессах объявили себя независимым от других народом.

«*Цивилизация же,* — по заявлению одного из лейб-органов кагала, «Pester Lloyd» в Венгрии, — *это синоним иезуитизма в религии и макиавеллизма в политике, торжество насилия, предательства и обмана*»...

Действительно, еврейское «исповедание» было ни чем иным, как законами народа, основавшего государство в государстве, и это побочное, но явно враждебное государство определённо требовало себе господства. «Религиозность» еврея ограничивается обрядами и приятной обязанностью истреблять всё нежидовское. Это — могущество сознательного, иудейского реализма, который пребывает неизменным в своём пафосе, как и в своей сатире. Оно устояло против нашего мировоззрения и даже прививало гоям своё. Понятие о правде и неправде евреи сделали до того

растяжимым, что в главнейшей сейчас, а для них и самой излюбленной сфере деятельности — торговле, граница дозволенного лежит там, где начинается грубое преступление, безнаказанные же мошенничества обратились в «торговые обычаи».

Единственно в качестве «маклера», т.е. почти ничем не рискуя, этот народ ещё в Средние века сделал своими данниками высшие классы и высасывал сок из низших единственно путём эластичности своего жидовского искусства. В то же время, сохраняя теократическую закоснелость, он с ярым фанатизмом преследовал собственных братьев, дерзавших мыслить гуманно.

Такое чужеземное господство захватило, наконец, диктатуру и над финансовым хозяйством государств, т.е. превратило в свою собственность сам nervus rerum gerendarum и привило ему дух семитизма.

«La nation, d'Israel ne cédait jamais rien et elle gagnait tous les jours quelque chose» (Havet).

Евреи с радостью встречали революции 1789 и 1848 годов и усердно принимали в них участие. Еврейской же по преимуществу должна быть признаваема революция 1848 г. Евреи, поляки и газетчики были её агентами, между прочим, в Германии. Надо ли говорить, что, пользуясь своей вакхической свободой, евреи кричали громче всех?!..

Достигнутое сынами Иуды раньше господство жидовского реализма над всем идеальным было не только упрочено, но и собиралось до бесконечности. Еврейству нужно было лишь равноправие, т.е. участие в законодательстве и управлении того самого государства гоев, которое со своей теократической точки зрения они отрицают и действительных граждан которого в своё собственное, жидовское государство не допускают никогда!..

Само собой разумеется, что и тогда на Западе всё сводилось к «притеснениям за веру», иначе говоря, к тому, чего не было вовсе и быть не могло. Даже в Средние века припадки фанатизма христиан являлись сравнительно редкими, неизменно обусловливаясь и другими мотивами. Это доказывается фактом, что евреи никогда не подвергались преследованиям в Риме, равно как и тем покровительством клира, которым они всегда пользовались, о чём при Наполеоне I засвидетельствовал сам созванный им синедрион. Основная же причина средневековых «погромов» заключалась в том, что бесстыдно эксплуатируемый евреями народ терял, наконец, терпение. Тогда сыны Иуды совсем изгонялись. Жажда роскоши и постоянные распри владетелей требовали, однако, денег, т.е. возврата евреев. Их призывал обратно герцог, курфюрст либо король, а члены «избранного народа» принимались опять за своё, т.е. как губка начинали снова впитывать из народа золото, пока их не выгоняли ещё раз, и т.д. Ясно, что для «владетеля» каждый еврей был драгоценностью, не смеющей себя обесценивать, т.е. не должен был креститься...

Тем не менее, в голову не приходило, что еврейский вопрос есть проблема социально-политическая и притом чрезвычайной, исключительной важности. На пути восемнадцати с половиной столетий европейские народы обманывали себя, будто дело идёт о «свободе совести», а потому и вынуждены были допустить свободное от совести социально-политическое вторжение жидовства.

— *«Toute ville, où tu auras campé la veille», sera detruite le lendemain!»...* таково проклятие над «Агасфером» у Эдгара Кинэ.

«Семитической расе принадлежит владычество над миром» — таков и узаконяемый «равноправием» лозун г.

До 1848 г. еврей в Германии был преимущественно демократом. Распадаясь затем между всеми партиями, кроме ультрамонтанской, еврейство остановилось в основном на партии национально-либеральной, так как в ней наиболее преуспел дух ожидовления, т.е. теория полезности и возможности наряду с отсутствием принципов. Что же касается консервативной или правительственной партии, то она в Германии кишит евреями уже потому, что две трети официозной литературы имеют своими представителями евреев.

На выборах с момента эмансипации еврейство предъявило немцам категорические требования. Быть евреем относительно — значит теперь приобретать еврейские голоса, ибо все партии вынуждены делать «избранному народу» непрерывные уступки.

«Как только эмансипация была добыта, — повествует Марр, —инстинкт предписывал упрочить и укрепить её. Это могло быть сделано только путём печати и митингов. В печать и в митинги жидовство нахлынуло, как бурный поток. Оно сразу показало себя свободным от всяческих предрассудков. Евреи доходили до саркастической даже и над собой иронии, но не позволяли этого гоям».

Забирая в свои руки печать, иудаизм постепенно закрепощал и людей мысли...

Ежедневная пресса не замедлила сосредоточиться в руках евреев, а они сделали из неё предмет спекуляции и промышленности. Еврейский индустриализм превратил её в самый тривиальный сорт торговли. Спекулируя на страсти толпы к сплетням и скандализму, сыны Иуды нашли многочисленную публику, уже «препарированную» к ожидовлению. Почва была подготовлена целыми веками еврейского реализма. Жидовство стало диктовать общественному мнению христиан. Никакой взгляд, отличный от жидовского, не находил места в печати.

«Над папой мы можем надругаться и острить вволю, над протестантизмом — тоже, над правительством — тоже, но одного слова «чеснок» — довольно, чтобы обвинить нас, немцев, в религиозной ненависти!..

Когда разразилась «культурная борьба», еврейство, уже с 1848 г. отрешившее немцев от печати, не только вмешалось в их конфессиональную распрю, а забрало её в плен целиком. Ушатами вываливались еврейские помои на ультрамонтан. Тем не менее, еврейство запрещало даже враждебные католикам статьи, коль скоро они затрагивали евреев.

«Германская культура растворилась в жидовстве и притом до такой степени, что коноводы германского патриотизма или империализма, главари парламентских и даже церковных споров у нас — евреи». (Марр).

Разлагая или оскверняя всё и вся, иудаизм, тем не менее, требует, чтобы с ним самим обращались, как с хрупким фарфором либо со стыдливой мимозой...

Заражение германского мира жидовским создало теорию индивидуальной свободы, которую скорее следует назвать социальной наглостью. Во всяком случае, практические её последствия невыносимы и для ожидовленного германизма. Евреи не только сами эксплуатируют нищету и убожество, но через своих «вольных маклеров» и проституированную прессу подыскивают и учат тому же других «рантьеров», которых, разумеется, грабят затем в свою очередь...

Такова в общих чертах и притом далеко не полная картина победы жидовства над неметчиной, как полагает Марр. По пути автор развивает такую же глубоко верную точку зрения и на результат эмансипации евреев в других странах Запада. «*После завоевания же иудаизмом России,* — говорит он, — *начнётся жидовско-официальное распадение европейской культуры...*».

XVI. Еврейство хвалится тем, что подстрекаемое им «освободительное» движение, т.е. невиданные по злобе и ужасу зверства «распропагандированных» бунтовщиков, напоминает французскую революцию. В действительности кроме убийства, да и то без разрывания людей в клочья бомбами, ход бунта у нас не имеет ничего общего даже с французским террором.

Не говоря о других, ещё более отчаянных шайках, и пресловутая партии «народной свободы» дерзает открыто посягать на само право собственности. Между тем, вот что постановил 18 марта 1973 года Конвент:

«La Convention nationale décrète la peine de mort contre quiconque qui proposera une loi agraire ou toute autre subversive des propriétés territoriales, commerciales et industrielles».

Удостоверяя это, историк французской революции Оллар (Aul-lard) поясняет: «Le décret fut rendu à l'unanimité, avee les acclamations enthousiastes!»...

Таким образом даже Конвент единогласно и при восторженных кликах назначил смертную казнь всякому, кто предложит аграрный или иной закон, угрожающий праву собственности на землю, равно как в области торговли и промышленности.

Жаль, что нет такого закона в России!..

Мы не видели бы тех потоков слез и крови, которые заливают нашу родину по милости «Бунда и К°».

Не слышали бы мы приказов «руки вверх!», то и дело отдаваемых злодеями во имя «социальной революции»...

Не наслаждались бы мы в самой Государственной Думе еврейским издевательством над «иллюминациями» усадеб.

Не пришлось бы выносить нам и такого позора, когда в той же Думе под аплодисменты «кадетов» и «трудовой группы» один из христопродавцев вопил о своём негодовании, изрыгал скверну о «провокаторстве» и требовал для власти уголовного наказания по поводу вызванного необходимостью, основанного на фактах и разоблачающего истину в аграрном вопросе правительственного сообщения.

Как этот христопродавец, так и его злостные клакёры не понимают даже того, что их бешеный гнев уже сам по себе служит доказательством правоты и меткости нанесённого им удара.

«Юпитер, ты сердишься, — стало быть, ты не прав»!

Никогда и нигде на долгом пути всемирной истории ни один народ и никакая страна не была повергаема столь низко и не принуждалась терпеть столь беспомощно тот презренный срам и ту неистовую ложь, какие выпали на долю России со стороны её кагальных «спасителей»!

И пошёл открытый грабёж и разбой по всему пространству матушки Руси. Громились усадьбы, увозился или уничтожался хлеб; ревел убиваемый породистый скот; в конец разорялись благоустроенные поместья, и зловещим заревом светились хмурившиеся небеса; по удивлённым полям и весям святой Руси слышались не мирные беседы соседей, а дикие вопли злодействующих, на погибель себе же самим, пьяных мужиков, треск пылающих жилищ, слезы и стенания беззащитных владельцев, дьявольский хохот возмутителей и «кроткие надежды» евреев!.. Der Jude betrugt, auch wenn er betet!..

А упоённые величием, которое подарил им Мардохей Маркс, «сознательные пролетарии» принялись кидать бомбы и стрелять из браунингов среди бела дня в городах на улицах либо в домах; стали убивать в железнодорожных поездах или на пароходах, спокойные за своё «ограбное право» и уверенные как в защите «товарищей», так и в покровительстве ораторов «народной свободы»...

Посягательство на право собственности влечёт за собой разрушение государства и общества. В данном случае это явствует не только из того, что уже сейчас в России любое злодеяние прикрывается революционным флагом, но и потому, что дело на этом не остановится. Разграбив или истребив усадьбы помещиков для завладения их землёй, крестьяне идут дальше и требуют раздела земли у тех из собственной среды, которые владеют излишним «против нормы» количеством. К чему это поведёт, предоставляется рассудить всякому. С другой стороны, если и допустить невозможное, т.е. что отчуждение земли удастся провести в действительности, то и тогда, спрашивается, кто обеспечит такое «ограбное» владение от новых «реформаторов» или же от других, «ещё более сознательных» пролетариев?.. А ведь труден лишь первый шаг.

Впрочем, «кадетам» мало об этом забот. «Реформа» — лучший путь к равноправию евреев, — neminem contradicentem; источник социального пожара, неугасимый, конечно, под условием «святости» знаков иудейского кредита; засасывающее болото обмана и обструкции — козырный туз революции против всякого супостата, будь это сама государственная власть.

Далее, начав с крестьян, как же не наделить и «товарищей» рабочих? Значит, «ограбное» право пришлось бы распространять и на городские дома... А как это сделает хотя бы «профессор» Герценштейн? Ведь и само отчуждение земли, по его же ответу Шамшаву (см. письмо Шамшева, опубликованное в печати и Герценштейном не опровергнутое), к осуществлению не предполагается, а служит лишь политической диверсией «кадетов». Надо же им было пройти в депутаты, а крестьяне требовали «политических векселей» с оплатой в первые же дни Государственной Думы, как заявил в её заседании один из «кадетских» же депутатов — Котляревский... Пришлось выдать «векселя», — et c'est la Grèce qui payera!.. Но, получив дома, «товарищи» захотят, разумеется, и обстановки, а затем — приличного платья и стола, быть может, — выезда, театра, дачи на лето... Что скажут на это гг.

«кадеты»? Или вместо разговора с «товарищами» они, по примеру «следователей» Щепкина и Якубсона, потребуют себе конвоя?.. Да, но ведь кто же, как не названные «великие» кадеты, изощряется, к сожалению безнаказанно, в оскорблении войск?..

Стало быть, кашу расхлёбывать придётся самому русскому народу за честь «избрания» его представителями Винавера, Разенбаума, Герценштейна, Мейлаха, Шрага, двух Френкелей, Шефтеля, Червоненкиса et consortes!.. Не слишком ли дорого будет, гг. «кадеты», хотя бы и за столь высокую честь?!..

Сыны же «избранного народа» займутся, очевидно, своими банками, о которых тоже надо позаботиться. За государственными делами еврейство, пожалуй, разучится и счёту процентов. В талмуде «благоуханиям» посвящён едва ли не целый трактат — «Берахот», а между тем «лучшие» евреи чуть не позабыли о таком «благоухании капитала», каким для «избранного народа» являются именно проценты?!.. Шутка ли, — вот уже два года, как началось «освободительное» движение, и, horribile dictu, не только сами «депутаты» с «профессором», «следователями по особо важным, еврейским делам» и шаббес-шискелями, но и вся кагальная пресса даже не заикнулись о банковских операциях, как и об иудейском кредите вообще.

Такая уйма забот и хлопот с переделом земли для этих «безграмотных» русских, что евреям о себе самих и вспомнить было некогда...

Банковское же дело, прежде всего, необходимо именно для гоев. Да и «для избранного народа» уже не так плохо, чтобы его следовало игнорировать.

Возьмём хотя бы «Banque de France» в ужасный год. Да, «Fannee terrible» (1870-1871) разорил всех: сельских хозяев, купцов, промышленников, народ и государство. Для Израиля же и его друзей, т.е. для акционеров банка, названный год оказался беспримерным по барышам за всё время существования Банка. Этот год принёс 150.000.000 франков прибыли или 80% на складочный капитал. Столь скандальное происшествие несчастные, в свою очередь, евреи-заправилы с Ротшильдом в главе оказались вынужденными скрыть. Десятки миллионов франков пришлось до времени расписать по «летучим» статьям баланса. Но и за этим всем было выдано в дивидендах 27%... Auri sacra fames!

Столь же патентованная иудейская, можно сказать, скромница лишила, конечно, и Герценштейна смелости поговорить о Земельных банках в Думе, где он был так мил, что по скрытому желанию «кадетов» (впрочем, равным образом скрытому в стенографическом отчёте Думы), возражая товарищу министра Гурко именно по вопросу об очуждении земли, позабавился не одним «иллюминациями» усадеб, но и Маньчжурской эпопеей, но не сумел сказать ничего, достойного внимания по существу вопроса, а, согласно талмуду, вертелся, как еврей, вокруг да около проблемы, явно невылазной и для него самого. Er die Katze nicht im Sacke kauft!..

Между тем, страшный для России — 1905 год оказался, что и следовало, разумеется, ожидать, — весьма благодатным для банковского еврейства, захватившего, как известно, приличную дозу ссуд под земли, а затем едва ли не всех «жирных коров» кредита под дома в Петербурге, Москве и других городах, «спасаемой» евреями нашей родины.

Нижеследующие данные о чистых барышах Земельных банков за 1905 год сами за себя говорят: С.-П.-Тульский — 13,8%, Киевский — 15,8%, Ярославско-Костромской — 15,9%, Московский — 21,2%, Нижегородско-Самарский — 21,3%, Донской — 23,2%, Полтавский — 26,2% и Виленский —27,9%..., т.е. даже лучше, чем в «Banque de France».

Нельзя не порадоваться за Полякова как патрона Герценштейна, ибо 21,2% барыша за «иллюминированный» бунтом «Бунда» год вовсе не дурно. Ещё лучше Лейзера торговал на Дону Янкель Поляков со своими 23,2%. Но всего отраднее за родину Зуделовича (он учился в виленском раввинском училище) и Цукермана, равно как за столицу «Бунда» — Вильну, где местный Земельный банк с 27,9% барыша создал воистину «благоухающий» рекорд.

Можно себе представить, как эти цветочки отражаются на заложенных евреями землевладельцах. Рассказывая о Дворянском и Крестьянском банках, Герценштейн мог бы повеселить слушателей и анекдотами из «операций» Московского Земельного банка, где он долго верховодил в звании

«секретаря» и откуда вышел, едва ли, беднее, чем евреи из Египта. Но каковы же будут ягодки, когда, с «аграрной реформой», иудейским Банкам поступят десятины земли, и когда с введением «равноправия» еврейство примется за свои гешефты уже на всём, без изъятия, пространстве России?..

Для примера возьмём хотя бы Венгрию. 50 лет назад во владении евреев не было ни пяди земли. В 1890 г. из 4.291 арендатора оказалось 2.697 евреев, а в 1900 году из 4.861 — 3.170. Единица венгерской земельной меры равна, приблизительно, 1/25 десятины. У 2.697 арендаторов состояло 137.255.000 таких единиц, а у 3.170 — 167.537.000. Такова аренда. Теперь посмотрим, какова собственность. В 1890 г. землевладельцев-евреев было в Венгрии 1898, с 87.362.700 единицами, т.е. в среднем по 45.000 на каждого; в 1900 г. — уже 2.788, с 130.965.000 ед., в среднем по 47.000 на каждого. Вообще говоря, земельная собственность евреев превосходит такую же собственность казны; а если прибавить земли, арендуемые евреями, то итог, равный 298.502.000, оставит за собой позади сумму владений казны, дворянства и благотворительных учреждений Венгрии.

Сходную картину мы наблюдаем и в Галиции, а в собственной Австрии одни земельные богатства местного Ротшильда далеко превышают земельные владения австрийского императора-Франция, Германия да и сама Англия могли бы сообщить интересные данные по этому предмету. Не составляет исключения, разумеется, и в Россия. Но это пустяки сравнительно с нашим «освободительным» будущим.

А ведь, кажется, ясно, что владыкой страны бывает тот, чья земля. Не менее очевидно далее, почему авторами «отчуждения» земли в пользу крестьян явились именно три еврея: Кутлер, Герценштейн и Кауфман. Правда, их «аграрная реформа» не выдерживает никакой критики, что уже достаточно разъяснено и правительством, и в печати, но она необходима «кадетам». Ею, прежде всего, разрушается поместное землевладение других классов общества и учреждений, т.е. устраняется наименее зависимая от еврейства и наиболее консервативная сила. Затем «реформой» подрывается весь государственный строй, а у правительства не только отнимается сам фундамент, но и совершается переворот в рекрутировании армии, т.е. создаётся открытая дорога к «самоопределению» инородцев, т.е. прежде всего — евреев. Наконец, той же «реформой» устанавливается захват земли еврейством, то есть политическое господство кагала.

Безразлично, как будет проведена «ограбная реформа», если по рецепту социалистов, иначе говоря, через передачу земли в собственность государства, не останутся в убытке евреи, за что порукой служит неприкосновенность «системы государственного кредита». А если на праве мелкой собственности, — тем лучше, так как Земельным банкам ничего иного и не надо.

Само собой разумеется, что после «реформы» скоропостижные благодетели мужиков — «кадеты» уже не позволят «иллюминаций» и не станут требовать ни амнистии, ни отмены смертной казни...

Поджоги, разбои и убийства «во имя свободы» были превосходно «оркестрируемы» и до 17 октября 1905 года, а вслед за этим роковым днём стали исполняться «благодарными» евреями и их шабес-шискелями, вне всякой конкуренции, под аккомпанемент почтово-телеграфной и железнодорожной «всероссийских» забастовок, с одной стороны, и вооружённого японцами бунта в Москве [4], с другой.

«Революционное движение» было даже настолько благодарно и столь патриотично, что ещё на два года раньше уже входило в расчеты японского правительства.

В журнале «L'Energie Française» известного французского писателя Андрэ Шермадама мы встречаем буквально следующее: *«Почти достоверно, что потаённая организация революции в России началась несколько лет тому назад. Во всяком случае, японцы были о ней прекрасно осведомлены. Ещё в сентябре 1903 года граф Окум сделал нам лично ясный намёк на сильные и продолжительные волнения, которые произойдут в России, если между ней и Японией вспыхнет война»!..*

Если сопоставить этот факт со всем, нам известным, а также с той подпиской, которая была устроена газетой «Courrier Européen» для образования «Fonds d'action des Comités de la Révolution Russe», равно как с крайними усилиями, которые были затрачены во Франции нарочитой депутацией «кадетов», дабы сорвать необходимый для России заём, то мы поймём и смысл учреждения «Бунда», и значение «всероссийского конгресса сионистов» в Минске в том же 1903 году, и прелесть злорадства евреев

при каждой из наших невзгод в Манчжурии, а после Цусимы в особенности и, наконец, тот общий результат «русской» революции, что именно евреи обнаглели у нас свыше всякого вероятия, а покорная им Дума не знает пределов того зла, которым можно бы ещё уязвить наше правительство, осрамить и обездолить русскую землю.

Разложение, а не созидание, месть и ненависть, а не великодушие и сострадание господствовали на митингах до созыва Думы и продолжают задавать тон ей самой. Брань и угрозы, презрение и злоба, дух гордыни и неблагодарность, невежество и террор, ложь и мелочность равно торжествовали тогда и теперь.

Таковы ближайшие последствия проникновения «избранного народа» в среду русских террористов через Зунделовича, Цукермана, Гольденберга, Гесю Гельфман et tutti quanti, им же несть числа... Только безграничные средства кагала, его свирепая дисциплина, презрение ко всему человеческому и уверенность в безнаказанности, —ибо свои, т.е. евреи, не выдадут, а для свидетелей-гоев имеются браунинги или разрывные бомбы, — могли произвести те кровавые ужасы, от которых содрогается самое мужественное сердце, и те отвратительные издевательства как над всем русским, так и над всякой доблестью, которыми терзает нас «первая» — иудейская Дума.

Да, только под дирежёрством сынов Иуды возможны «мероприятия», с невиданным цинизмом рассчитанные на сокрушение важнейших основ государственной жизни. Одни евреи в союзе с масонами способны мучить столь безжалостно и ещё глумиться над жертвой. Им одним подстать такое варварство предумышленных, изменнических ударов и столь невероятное, продерзостное самовосхваление.

Развращая народ дикими и коварными фантазиями; отказываясь от порицания хотя бы злодеям-бомбометателям и, наоборот, требуя для них амнистии; дерзая на всё и беснуясь от страха при мысли о защите властью или гражданами самого своего существования; являясь одной из главных причин той динамитной анархии, другого примера которой не знает история, и бессовестно обвиняя в этом правительство, главный революционный комитет, к стыду и горю России именуемый Государственной Думой, грозит нам в будущем страшной междоусобной войной, нашествием иноземцев и позорной гибелью нашего отечества.

Не все члены Думы одинаковы, но они терроризированы большинством. Людей же благоразумных и мужественных «товарищи» встречают шиканием...

Не всё и еврейство равно стоит за нынешние результаты «свободы», но и браунинги с бомбами существуют также не для одних гоев.

Быть может, даже иные «кадеты» сейчас не прочь были бы дать полный ход назад, но это не в их власти. Они позабыли, что имеют дело с разъярённой ими же стихией, а теперь уже поздно вспоминать... Прочитайте у Шиллера:

> Gefahrlich ist den Lowe zu wecken,
> Gefahrlich ist des Tigers Klall, —
> Doch, das gefahrlichste der Schrecken
> Das ist der Mensch in seinem Wahn!..

Развернув любой номер «освободительной» прессы, мы поймём, что «духовная пища» этого рода неизбежно и сознательно должна приводить своих читателей к нервному возбуждению, а подчас и к умственному расстройству.

В связи же с общим ходом «революции» и с самим её генезисом наблюдается потрясающая картина.

Кадры «русских» революционеров были сформированы и «освободительное» движение пошло в ход лишь с того времени, когда иудаизм и масонство внесли сюда денежные средства, дисциплину и организацию. Еврейская пресса забила в набат и на тысячу ладов повторяла одно и то же до презренных жидовских листков с иллюстрациями, как гады расползавшихся по русской земле, в особенности после 17 октября. С большим трудом будущий историк представит себе всю мерзость заразы, которая в этот период отравляла своими прокажёнными струпьями саму идею свободы. По еврейскому же обыкновению «пресса» учиняла неистовый «гвалт!», обвиняя в правительство

«порабощении мысли», тогда как его невероятное долготерпение могло бы идти в параллель только с его изумительной кротостью перед бесчестными оскорблениями его представителей бунтовщиками Государственной Думы.

Не желающая учиться, а потому и увлекаемая динамитными «теориями» молодёжь; лентяи или «распропагандированные рабочие; беспочвенный «третий элемент» — земское (а в Москве да ещё кое где — и городское) и правительственное чиновничество, иногда немалое; часть интеллигенции, живущей в городах, отрезанной от русских корней и воспитывающейся на современной прессе, т.е. на иудейском неврозе, лжи и ненависти, и, наконец, всякий, преимущественно инородческий сброд, — таковы те «сознательные пролетарии», которые, под руководством «Бунда», принялись «спасать» Россию. Стачки и забастовки, равно как дальнейшее развитие интернациональной «свободы», производились незначительным меньшинством через обман и террор; иной же раз, особенно по железным дорогам, на почте и в телеграфе, подстрекались инородческим или же высоко либеральным, но, увы, проворовавшимся начальством, а в заключение встречали содействие того «мужа еврейки», которого с таким единодушием называет своим лютым врагом и предателем весь русский народ... Революционный пожар разгорался и от успехов бунта в Финляндии, и от японских сюрпризов, но главным образом — от «благоуханий» кагальной прессы и программ социал-демократии, лгавших во всю, без стыда и совести. Однако, революция не стала русской, и народ в ней, как показали даже выборы в Думу, не участвовал.

Тем не менее, то, что мы переживаем, не может быть объяснено без введения в расчет эпидемического психоза как одного из факторов логически необходимых.

Став всемирным посмешищем, Россия, по-видимому, превратилась в грандиозный сумасшедший дом.

«Современное политическое движение, — говорит известный психиатр и профессор киевского университета П.А. Сикорский, — содержит значительную долю психопатии, как по личному составу деятелей, так и по характеру самых идей и действий, которыми потрясается истомлённая душа и напряжённые нервы великого и здравого в своих основах русского народа. Состояние действующей в настоящую минуту революционной партии и всего русского общества представляется далеко ненормальным, болезненным, и не в смысле только политическом или социальном, но именно в смысле психологическом. Здесь узел вопроса. Дело идёт о слепом душевном состоянии, напоминающем те факты самоистребления, которые наблюдались издавна в нашей истории как частные явления и пример которых обнаружился на наших глазах в трагическом событии погребения заживо двадцати пяти человек на Терновских хуторах, близ Тирасполя.

По незыблемым законам природы во всяком обществе не только встречаются недалёкие и глупые люди, но существует строго установленный процент помешанных и психопатов. Полагая, что весь мир безумен и должен быть заключён в дом умалишённых, означенные психопаты и помешанные стремятся управлять здоровыми людьми по собственным, патологическим нормам.

В среде населения при обыденных условиях помянутые болезненные субъекты дают такое же, как и сами, поколение людей — нервных, неуравновешенных, беспокойных, безумных. Это зло выступает с особой яркостью в смутные дни.

Все эти революционные эксцессы соответствуют массовой истерии, которая, как показывает история крестовых походов и так называемых психических эпидемий, нередко принимала широкие размеры, охватывая целые провинции и страны.

Улучшенные средства сообщения — железные дороги, почта и т.д. могут облегчать распространение истерических эпидемий гораздо далее того, чем они бывали в предыдущие века. Посему те, кто думает, будто все эти революционные неистовства, какие мы переживаем, суть ни более, ни менее как период борьбы народа со своим правительством за политические права, глубоко заблуждаются.

Руководителям страны и её лучшим людям необходимо подумать об освобождении себя самих и русского народа от смуты, кошмара, психопатии и тумана, которыми затянуты нравственные горизонты мысли. Это — не метафоры, не сравнения, не уподобления. Это — действительность».

Основываясь на личной практике относительно душевных страданий в связи с нынешним временем, московский профессор-психиатр Рыбаков утверждает, что лица с наследственным предрасположением к психическому расстройству или, быть может, уже заранее несколько инвалидные, оказываются и наиболее подверженными душевным заболеваниям под гнётом текущих событий.

Указания П.А. Сикорского недавно подтвердил и петербургский профессор-психиатр Н.И. Ковалевский. По поводу значительного количества психических заболеваний среди арестованных революционеров он категорически заявил, что это обусловлено не содержанием в тюрьме, так как «даже одиночное заключение не оказывает на душевную жизнь преступника особенно резкого воздействия и может только видоизменить настроение бреда, а не создать его». Действительная причина в том, что «заболевающие явились в тюрьму с подготовленной почвой»; вообще «душевные заболевания среди арестованных лишь вновь удостоверяют ставший уже научным факт, что **революция создаётся людьми ненормальными и заражёнными психозом**».

Наконец, нельзя не отметить, что и сам граф Л.Н. Толстой в творящихся у нас революционных «глупостях и гадостях», как он выражается, видит психоз на почве безнравственности, способствующий понижению общего морального уровня. «Понижение же этого уровня, в свою очередь, выгодно и удобно всем людям безнравственным, а потому — чем безнравственные люди, тем они усерднее занимаются общественным переворотом».

Соображая изложенное, мы не можем не указать и на саму обстановку «русской» революции. Мрак и уныние предшествовали в России японской войне. Нанесённый презренным и, казалось, ничтожным врагом удар нашему достоинству безмерно тягостен в материальном и невыносим в духовном отношении. События, увеличившие скорбь, развивались ещё во время войны и внутри России, а засим, истерзав её, привели на край гибели.

Издеваясь над нами, иудаизм эксплуатировал наше горе для утверждения тирании, ещё более унизительной и коварной. Столько злобы и предательства, такой насмешки не могло выдержать русское сердце. Отсюда реакция психоза. Она проявилась тем сильнее, а бред истребления тем безумнее, чем туманнее шли события, невероятнее обман и ужаснее разочарование.

Наглость клеветы и змеиная желчь бешеной стаи органов еврейской прессы рассчитаны на невежество, озлобленность и психоз её «сознательных хулиганов». Никому неведомые и ничего терять не имеющие, нередко беглые «редакторы», обыкновенно инородцы, бьют на «розницу» и скандал, разжигают звериные инстинкты толпы и кадят её властолюбию угождают алчности и, проституируя «свободу», тем бесцеремоннее превозносят злодеяние, чем оно отвратительнее, а при первой опасности скрываются безнаказанно... Читателей же своих они ради наживы, как кошек, «за хвост таскают и туда, и сюда».

Настало время, когда Шейлоки — «освободители» стали у нас «содержать меблированные комнаты для артистов без ангажемента». Весь ум евреев в том и заключается, что он всегда играл и будет спекулировать соблазнами толпы, ничем не стесняясь. «Закоптелые» в плутнях и презирающие труд, сыны Иуды считают мошенничество справедливым налогом на человеческую глупость.

«Еврейское племя неизменно в обманах и праздности упражняется» — всенародно заявляли уже польские маршалы (предводители дворянства) в 1797 году.

Сколько «славных» еврейских банкиров закончили своё грабительское поприще самоубийствами, как бы сознавая, что это — лучшая награда их алчному бездельничеству. Застрелился даже один из Ротшильдов, проиграв 80.000.000 франков при понижении русского рубля.

Как же евреям не издавать «освободительных» газет?! *«Но когда иудейские либералы торжествуют, мне всегда кажется, что кто-нибудь должен плакать!..»* — справедливо заметил венский городской голова Люгер.

И мы, русские, плачем и просвета не видим...

Говорят, будто Наполеон I пролил 800.000 вёдер человеческой крови. А сколько теперь пролито крови и слез обманутыми еврейством «товарищами»?!..

Но у Наполеона была идея сокрушить Англию. Не он один виноват в своей трагической судьбе. «Беллерофон» и остров Св. Елены знаменуют победу Альбиона и... и талмуда. Пора народам Европы уразуметь это. Без Натана Ротшильда Веллингтон увидел бы под Ватерлоо лишь солнце Аустерлица...»

Проклятие, а не идея руководить всемирным кагалом. Он не способен выносить жизнь без денег. Еврей повсюду на бирже. Его право — эксплуатация чужого права. Врач, ремесленник, газетчик, адвокат — это всё временно и случайно. Еврей — биржевик по натуре, по историческому складу и преемственности ума. Ничем иным он никогда не являлся и быть не может.

Солидная фирма или несолидная, но раз она еврейская, она психологически не в состоянии удержаться ни от денежного тщеславия и азарта, ни от мстительного направления своих операций.

Когда христианская публика бросается на еврейский гешефт, обманутая воображением, что и ей кое-что перепадёт, она забывает всю историю и всю организацию еврейства, равно как уже совершенно наглые сейчас претензии кагала на мировое владычество.

Не мудрствуя лукаво, «ознакомленный» с банкирскими сделками русский человек удивительно прямо и просто понимает суть дела: кради, тащи, рви!.. Ничего другого он не признаёт ни в двуствольной, ни в трёхствольной бухгалтерии, кроме выстрела наповал, на убой. Евреи биржевики — мерой выше, изощрённые. У них кража выходит не так плоско и тупо, а уж мошенничество — куда виртуознее, завлекательнее и загадочнее... Неподражаемо хороша у них «забавная» игра на панику публики. Если профильтровать историю торговых и промышленных, преимущественно же биржевых и ажиотажных, кризисов, особенно «Великий крах 1873 г. », то в осадке получится изумительное преобладание еврейского мошенничества. Ни одна из христианских фирм, пострадавших сотнями, не выказала ни малейшей инициативы в Венском, а затем и всемирном погроме. Обстоятельства, подтасованные евреями, были таковы, что честная биржевая деятельность стала решительно невозможной.

Печать, администрация, личные связи по вкладам, вмешательство авторитетных политических деятелей, — всё было припутано еврейством к повальному разгрому. Что же касается самой Вены, то здесь не осталось ни одной газеты, которая не была подкуплена для защиты иудейских плутней и бесстыдства.

В конце концов, одни евреи вышли сухими из воды и сделались великими, премудрыми во Израиле.

Вообще же на испытавших биржевые штормы талмид-хахамов еврейство указывает как на избранников, отмеченных свыше, видит в них цвет своих дарований и надежд, лучшее и прекраснейшее, что есть в кагале, «всемирных патриотов денежного рынка», ведущих «избранный» народ к победе над миром.

Это — действительность, но далеко не вся.

Нынешняя паника в России — лишь еврейская биржевая игра. Отличие от всего прошлого только в размерах да ещё в том, что предметом гешефта служит политический психоз. Нет надобности говорить о беспримерных, неиссякаемых барышах кагала на всевозможных биржах с русскими процентными и дивидендными бумагами всяческих наименований. Само собой разумеется также, что даже при предстоящей экспроприации сыны Иуды по дешёвым ценам скупают земли, а тем более — дома. «Ни стыда, ни жалости!» — таков иудейский девиз.

Но суть дела не в этом.

Иудейско-масонская биржевая операция сейчас направлена к захвату России и притом — как можно выгоднее, то есть с наименьшими расходами. Здесь, прежде всего, должны постараться, конечно, шабес-шискели, ибо для чего же в противном случае они и существовали бы?

Как именно этот гешефт расцветает, предоставляется соображать всякому, но факты доходят до смешного.

Не упоминая о «кадетах» вообще и даже забывая на время, что дело о белостокском погроме есть «важнейший государственный вопрос России», припомним хотя бы следующее. В Петербурге — Набоков, неразлучный спутник Винавера; «трудовой группой» командует в Думе еврей Тан, а «беспартийные» крестьяне избрали руководителем еврея же Френкеля. В Москве на первом «съезде

представителей обществ вспомоществования частному служебному труду» не только председатель, а и секретарь оказались евреями; трое же московских делегатов — Дурнов, Михайлов и Быков были изруганы и удалены «товарищами» единственно за отказ почтить вставанием память белостокских «бундистов»-бомбометателей — от колена Иудина, разумеется.

Раньше изгнания трёх названных делегатов в Москве еврейство в Белостоке через порабощённую им городскую думу устроило скандал виленской городской думе, которая провинилась в том, что, делая пожертвование белостокским евреям, осмелилась не почтить «жертв» погрома вставанием. А ещё раньше, вставая, как один человек, в честь этих «жертв», Государственная Дума украсила свою иудейскую овацию криками по направлению к министерской ложе: «убийцы не встали!.. убийцы сидят!..»

Само собой разумеется, что не только подобной, но и никакой вообще симпатии Государственная Дума не выражала кому-либо из должностных лиц, расстрелянных из револьверов либо растерзанных бомбами, ни даже целым массам христиан, пострадавших или убитых среди аграрных разбоев, равно как в Севастополе и других местах. Отсутствие тени сострадания в Думе невыносимо оскорбляет русский народ как по отношению к потокам крови, пролитой «распропагандированными» мужиками раньше севастопольской трагедии, так и в насмешку над теми ужасами, какие сейчас происходят во многих уездах Тамбовской губернии, а также в богучарском, землянском и бобровском уездах Воронежской губернии. Между тем, крестьянские зверства в одном бобровском уезде далеко превосходят все еврейские невзгоды в Белостоке.

Разгром многих десятков христианских усадеб, по мнению Думы, ничто перед разрушением нескольких жидовских лавчонок.

Коснувшись Белостока, мы вовсе не предполагаем развивать эту проблему дальше. Если всемирному кагалу удалось раздуть свой мыльный пузырь до размеров европейского события, то мы отнюдь не расположены следовать за теми, кто, вступая с еврейством в полемику, играл ему на руку. Талмуд советует «избранному народу» глумиться над гоями путём извращения в свою пользу безвыходных, по-видимому, обстоятельств. Так именно поступали евреи с Белостоком — через кагальную прессу и своих агентов на «митингах негодования», ровно как посредством запросов в парламентах. Мы сожалеем не об отсрочке визита английской эскадры, а о русском долготерпении перед издевательством евреев.

Примерного возмездия заслуживают Щепкин и Якобсон за оскорбление армии. Строжайшей кары достойны все, клеветавшие в Государственной Думе о «провокации правительства». Презренны иудейские рабы, шикавшие Стаховичу и Способному.

Отказываясь от полемики с еврейством и его слугами, т.е. от ниспровержения обмана в его подробностях, мы, тем не менее, признаём необходимым указать существо проблемы.

Женатый на еврейке ставленник одесских евреев «профессор» Щепкин, без сомнения, знает, что такое иудаизм, и отчего происходят погромы.

Стало быть, он сказал в Думе заведомую неправду, когда выдвинул следующую «аксиому»: «погромщики и патриоты тождественны; всякий погром начинается религиозной или патриотической манифестацией». Лживость подобной «аксиомы» говорит сама за себя. Посему не требуется дальнейших доказательств. Располагая, хотя бы в пределах уголовных процессов этого рода за последнее время, достаточным материалом, мы не станем, однако, утруждать внимание читателя. Для совершенного же изобличения Щепкина, ратующего за невиновность евреев, приводим только один факт. Как свидетель-очевидец И.В. Способный, депутат от Екатеринослава, удостоверил с думской трибуны, что 19 октября 1905 года в названном городе еврейская молодёжь (очевидно, «бундисты») выкрикивала: «Прежде мы вам Бога дали, теперь даём конституцию!», а затем, расхаживая по улицам и собирая деньги «на гроб Николаю II-му», прибавляла: «жертвуйте копейки —на гвозди пойдут!»...

«Чёрт несёт попа!» — воскликнул Гольденберг, подстерегая вместе с Людовигом Кобылянским в Харькове 9 февраля 1879 года местного губернатора князя Кропоткина, которого и застрелил несколько минут спустя.

18 октября 1905 года в Кишиневе во время молебна на Соборной площади внезапно из-за кустов стали раздаваться одиночные выстрелы, а потом и залпы из браунингов, осыпавшие мирную группу молящихся целым градом пуль. Безоружные христиане в ужасе разбежались. Престарелый же архиерей оставался под выстрелами до тех пор, пока кто-то не подхватил и не увёл его в церковь. Опомнившись несколько, часть молившихся бросилась с голыми руками на убийц, но те успели бесследно скрыться в нижних еврейских кварталах города.

О похождениях «Бунда» во время крестного хода 1-го июня 1906 года в Белостоке мы знаем. Теперь важно, по удостоверению самого Щепкина, констатировать, что, во-первых, истинные виновники, непосредственно вызвавшие погром, едва ли когда-либо будут обнаружены, и во-вторых, хотя он, Щепкин, прибыл на следствие в Белосток с корреспондентами-евреями, однако, встретил любезное содействие как военных, так и гражданских властей и, согласно просьбе, для себя и спутников получил военную охрану. При этих обстоятельствах небесполезно отметить, что, докладывая Государственной Думе, тот же Щепкин не затруднился сказать: «Единственное средство предотвращения погромов в будущем — это предоставление городским управлениям права иметь самооборону. Браунинги — оружие не для баррикад. Они пригодны только для бешеных собак и для самообороны от полиции министра Столыпина. Прелесть еврейского остроумия «профессора» раскрывается тем обстоятельством, что, как показывает Акимов, [5] «Бунд» имел революционную типографию и оперировал в Белостоке уже в 1898 году.

В связи с этим, памятуя о евреях, подготовлявшихся в раввины, но организовавших «Бунд», выведем на справку, что не далее, как 30 июня 1906 года в Подольской губернии, близь еврейского училища, в местечке Рашкове толпа евреев бросала камни и стреляла залпами в конвой, сопровождавший арестованных. Хорошо сознают евреи, для чего они стреляют в войска и в церковные процессии. Это подтверждается и домогательствами сынов Иуды о прекращении крестных ходов далеко за пределами «черты оседлости». Распуская слухи о якобы предстоящих погромах, названные пришельцы обзывают своих хозяев, русских людей, «черносотенцами» и в довершение наглости запрещают им молиться. Орудиями своего вероломства они избирают, excusez du peu, христианских епископов, как это было в Туле, где архиерей запретил крестный ход именно по просьбе евреев.

Из опубликованных 6 июня 1906 года официальных сведений видно, что с участием местных социал-революционеров в Твери, Херсоне, Полтаве и Николаеве за одно последнее время евреи, нередко члены «Бунда», заведомо лживыми прокламациями о погромах, угрожающих во время перенесения мощей или чудотворных икон стараются обмануть население, и даже власти с целью вызвать запрет христианских молений. В Херсоне были обнаружены дома, откуда «бундисты» собирались обстреливать икону Касперовской Божией Матери и самих богомольцев. В Николаеве газета «Вечерний Курьер» 24 июня напечатала статью, где организованным рабочим и боевым дружинам указывался образ действий против крестного хода...

Независимо от официальных извещений, мы почти то же самое видим в Кельцах и Витебске... Само собой разумеется, что ход событий не исчерпывается сказанным даже за ближайший период. Многое, конечно, не доходит до печати. Иудейской же прессой всё неблагоприятное для еврейства замалчивается. Наряду с травлей, цинически разжигаемой иудейскими газетами против всего нееврейского, одни евреи остаются недосягаемыми, чем и пользуются без церемоний, создавая себе ореол «угнетённой невинности»... И, наоборот, при невежестве и деморализации читателей, «обрабатываемых» на еврейский лад, всякая репутация может быть скомпрометирована глумлением кагала. Таким образом, многие уже ради своего доброго имени вынуждены «заигрывать» с жидовскими газетчиками, умеющими злобно мстить...

Но, ещё не достигнув политической власти, кагальная печать обнаруживает все пороки деспотизма и раболепия. «Своим» она кадит и поклоняется до отвращения, чужим «не даёт ни правой, ни левой». Захлёбываясь от восторга перед триумфами «народной свободы», эта печать желает властвовать неограниченно как над «самодержавным произволом бюрократии», так и над всяким иным супостатом. О беспристрастии или умеренности она слышать не хочет. Клевета и ненависть — вот её сфера.

Благодаря сплочённости евреев, их пронырливости, хитрости и взаимному укрывательству при мошенничествах и заговорах, они дерзают на всё, а завладев таким оружием, как пресса, уже решительно не знают границ своей тирании. Факторство и подкуп — иудейские социальные учреждения, доходящие до абсурда. «Деньги и революция» — начертано на скрижалях этого презренного народа!» — заметил ещё Веспассиан в 66 г. по Р.Х.

Наглядным примером неисполнения евреями законов, хотя бы издаваемых им на пользу, служат мемуары Пилата, проживавшего в отставке близь Неаполя. В своих воспоминаниях о времени десятилетнего управления Иудеей, Пилат восклицает, что он был мучеником среди этого непокорного, жестокосердного и вероломного народа.

Мудрено ли, что, вопреки блистательность своего положения в Литве, сыны Иуды в 1495 г. довели великого князя Александра Ягеллончика до приказа: «всю жидову выбить вон из земли!».

26 же апреля 1727 г. Екатерина I издала указ: «всех жидов как мужского, так и женского полу и всех тех, кои обретаются на Украине и других российских городах, тотчас же выслать за рубеж и впредь ни под какими образы в российские пределы не впущатъ». Подтверждая сие, императрица Елизавета на докладе сената ходатайствовавшего о дозволении иностранным евреям в собственном её величества интересе приезжать временно на украинские ярмарки, написала 16 декабря 1743г: «от врагов Христовых не желаю интересной прибыли!..

На днях, т.е. полтораста лет спустя, некий еврей, частный поверенный в Киеве, сподобившись крещения и достигнув «равноправия», решил по новому закону вернуться в лоно Авраама, сиречь в иудейство. Сказано — сделано. А местный раввин успокоил «новообращённого» и насчёт свободы местожительства... Если раввин прав, то не понятно, к чему Государственной Думе понадобилось из-за того же «равноправия» снаряжать следователей в Белостоке?..

Припоминая за сим то, что изложено на страницах 218 и 219 настоящего труда, мы выведем на справку ещё один, но знаменательный факт.

После смерти Альберта Пайка (масонское имя его — Лиммуд Энсоф) избрание нового анти-папы решено было произвести в Риме и притом именно — во дворце Боргезе, сооружённом папой Павлом V. Распорядителем работ к подготовке дворца для заседаний «верховного совета» оказался первый кандидат на патриарший престол — крещённый еврей Адриан Лемми. В своём масонском усердии, он перестарался до того, что необходимые места приказал устроить над домашней часовней, да ещё таким образом, чтобы из сточных труб отбросы падали на престол... Когда же архитектор заметил, что это неудобно в гигиеническом отношении, Лемми изобрёл другое, — он приказал поместить Распятие вверх ногами и наклеить надпись: «прежде, чем выйти отсюда плюньте на изменника. Слава Сатане!» 20 сентября 1893 года, т.е. в самую годовщину занятия Рима итальянскими войсками и, следовательно, утраты папой светской власти (20 сентября 1870 г.) еврей Адриан Лемми был избран верховным патриархом всемирного масонства. [6]

Теперь не мешает возвратиться и к Белостоку.

Мы уже знаем, что из 18.000 евреев в маньчжурской армии 12.000 сами перешли к японцам или же попали к ним в плен. Многие десятки тысяч запасных и новобранцев из евреев заблаговременно скрылись за границу... Они приехали потом назад и, между прочим, образовали в «черте оседлости» ту кагальную «самооборону», которая действовала в Одессе, Киеве, Екатеринославе, Лодзи, Варшаве, равно как в других местах, с особым же блеском — в Белостоке. Нужно понятия не иметь о еврействе и его дисциплине, чтобы допустить своеволие «самообороны» где-либо, а тем более на столь излюбленной «Бундом» территории, как Белосток, и, сверх того, при условии, что «гении» кагала уже подготавливали торжество «равноправия» в Государственной Думе. Надо вовсе не знать расчетливости иудейских мероприятий, чтобы поверить, будто убийство полицеймейстера Деркачева, а также бросание бомб и залпы браунингов «самообороны» в крестный ход могли произойти случайно... Наконец, уже совершенной нелепостью было бы предполагать, что «бундисты» выжидали прибытия в город целых масс окрестного населения единственно для своего обращения к самообороне!..

Вполне очевидно, что сущность событий была другая.

И действительно, мы видим здесь, прежде всего, повторение еврейского бенефиса, данного Францией в конце XVIII столетия. Прямым путём нельзя было узаконить «равноправия», — Национальное Собрание отказывало в нём уже тринадцать раз. Тогда купленные еврейством вожаки Собрания под предлогом ограждения конституции провели декрет, коим воспрещалось всякое посягательство на «права человека и гражданина». Этим было сделано всё. Пришли евреи, изъявили желание дать «гражданскую присягу» и... стали равноправными, вопреки тринадцати запрещениям того же Национального Собрания. Стремясь к такой же идеальной простоте сыны «избранного народа», равно как их ставленники, нашли полезным связать и у нас волю Думы заранее, для чего и заставили её высказаться за «равноправие» в принципе, а также устроили новый спектакль русскому правительству на международной сцене.

Что же могло быть для этой цели лучше «погрома»?

Но евреи в Белостоке вооружены, а христиане безоружны. Необходимо было, значить, придать гоям храбрости и довести их до крайнего негодования. Отсюда — браунинги и бомбы во время крестного хода, собирающегося лишь однажды в год, весьма многолюдного и, что для евреев всего приятнее, чрезвычайно торжественного. Над ним-то и хотелось кагалу при столь удобном случае «позабавиться».

Ясно, что провокация со стороны евреев была неизбежна, ибо только при ней молящиеся могли быть вызваны из крестного хода на защиту себя от жидовских убийц.

Но правительству было не до погромов. Явятся, стало быть, войска и остановят христиан. Поэтому надлежало помешать действиям войск, отвлечь их внимание от «погромщиков» и не в счёт абонемента перебить малую толику самих «усмирителей». Иудейская международная пресса по этим же нотам, только читаемым наоборот, разыграла чудесную, трогательную симфонию, а жиды или их агенты на «митингах сочувствия» и в парламентах довершили скандал ненавистному Петербургу. Продиктованная же «угнетёнными» Винаверами и К° резолюция Думы «иллюминировала» кагальный бенефис.

Без жертв ничего не достигнуть. Но и сами жертвы здесь — во славу Израиля. Кем можно было пожертвовать? Несколькими десятками евреев-буржуев. Да ведь это — во спасение самим богачам, чересчур уж косо посматривающим на подвиги бундистской молодёжи. «Погром» озлобит талмид-хахамов и снова подогреет их на борьбу. А если погибнет несколько десятков из «героев самообороны», то о них жалеть не стоит. Это — пушечное мясо революции. Пропадут одни — больше озвереют другие...

Таков был «рецепт». Остальное известно.

Всё прошло прекрасно, «и Дума встала, как один человек»!..

Едва ли, впрочем, Якубзон, Щепкин, Шраг и Винавер могли после этого смотреть друг на друга без смеха...

Посмеялась вволю и кагальная пресса... Но как себя чувствуют думские шаббес-шискели?!

Не они ли гласом Аладьина вопили: «Правительство — мы, одни мы?!..» Не от друга ли евреев — Петрункевича услышала Дума, что патриотизм отвратителен. Не жиды ли Шраг и Якубзон дерзали посягать на достоинство армии и угрожать власти? Наконец, разве клика «неприкосновенных» хулиганов вся целиком не была заклеймена позором, когда священник Концевич в ответном адресе на тронную речь предложил добавить: «ещё Дума желает, чтобы русский народ утратил свою самобытность, а Россия потеряла бы и само имя своё?!..»

«Как один человек», — уважила Дума вставанием «невинных» евреев, погибших в Белостоке, но решился ли кто-нибудь поднять вопрос о почтении памяти безвестных героев долга, скромно, без гвалта умирающих на своих постах?.. Нет, для этого под свирепым надзором евреев и язык не повернётся, и ноги не поднимут «русского» депутата.

«Неистовый вопль раздался со всех сторон, грянули оглушительные аплодисменты, рукоплескала чуть

ли не половина зала, увлекались невиннейшие... Да и как было не увлечься!.. Бесчестилась Россия всенародно, публично. Разве можно было не реветь от восторга?!..» («Новое Время»).

А «депутат» Шраг по поводу «ограбной реформы» с чисто еврейским нахальством осмелился сказать: «Сегодня, крестьянство разбужено мечтой о земле, завтра оно двинется, смоет и сотрёт все преграды и даже лиц, считавшихся до сих пор недосягаемыми!..».

Какой срам, какой ужас негодования терзает русское сердце!..

О, славное лыцарьство Запорожское низовое, как жаль, что нет тебя... Жидова и духу твоего боялась!.. Щирый Тарас Григорьевич, заспивай хочь ты нам:

Бьють пороги, мисяц всходе,
Як и перше сходыв...
Нема Сичи, пропав и той,
Хто всим верховодыв!
Нема Сичи!.. Очереты
У Днипра пытають:
Де ж то наши диты дилысь?
Де воны гуляют?!..

Indocti discant, et ament memenisse periti.

Поневоле скажешь с Джордано Бруно: **«Иудеи — это народ, всегда отличавшийся низостью, раболепием и предательством; всегда отстраняющий себя от других; замкнутый в себе самом; избегающий сношений с прочими народами; преследующий их с какой-то звериной злобой и по заслугам презираемый ими, в свою очередь»**.

Эпоха, которую мы переживаем в России, изумительна не столько даже по её трагизму, сколько именно по невероятному глумлению над нами судьбы.

Смертельный трепет охватывает душу перед бесконечной цепью невиданных злодеяний и совершенной беспомощностью великодушного, но обезумевшего от скорби народа.

Призывая к ответу нынешнее поколение за деяния многих предшествовавших, социальная революция сулит нам рай земной, а несёт горе и нищету. Всякий свой шаг вперёд «свобода» иллюминирует пожарами, разбоями и динамитными бомбами. Пресса разливает яд тем более опасный, чем невежественнее жертвы и безнадёжнее выздоровление. «Неприкосновенные же хулиганы» раздувают по стране свои отчаянные замыслы в намерении сокрушить всё, на чём покоится жизнь народа, и взорвать саму власть, которая их же охраняет. Требование отмены смертной казни предъявляется тогда, когда ураган смерти уносит тысячи людей, взывающих о спасении от революционных акул. Такое требование идёт рядом с отказом выразить порицание даже бомбометателям. И чем громче выкрикивается: «долой смертную казнь!», тем продерзостнее раздаётся приказ: «руки вверх!»

«Que messieurs les assassins commencent!» — приглашал ещё Альфонс Карр, и в его отечестве убийство карается смертью поныне, как и во многих других странах, — даже в Англии, родине свободы. У нас Короленко и Ковалевский, подстрекатели на убийство, остаются безнаказанными, а Ковалевский даже заседает в Государственной Думе.

Накануне законодательных выборов в Думу 25 марта 1906 года был растерзан в Твери бомбой губернатор Слепцов. В знак радости кадетов не потребовалось и красных флагов, так как фасад противоположного здания был покрыт брызгами крови и окровавленными клочьями мозга жертвы. Немного позже, всего за три дня до созыва Государственной Думы, бомбой, кинутой евреем на главной площади в Москве, тяжко ранен адмирал Дубасов, жертвовавший своей жизнью за отечество в Турецкую войну на Дунае, и был в клочья разорван граф Коновницын, раненый в Манчжурии, — внук защитника Шевардинского редута под Бородиным в 1812 году. Кадеты аплодировали, а их «хозяин», Винавер, не допустил и протеста. В бесконечном мартирологе жертв революции мы среди чинов полиции видим 388 изувеченных и 283 убитых... «Мало!» — раздаётся в Государственной Думе при этом известии. И наоборот, сколько неправды, лицемерия и жестокости в той же Думе пускалось в ход для освобождения злодеев и для издевательства над исполнителями закона. Если

«освободители» прячутся за мальчишек и девчонок, то подстрекателям на убийства следовало бы не забывать о таком позоре и помалкивать. А если нет у них стыда, то, по крайней мере, не мешало бы памятовать, что за них стыдно России. У «ограбных» мужиков и то пала печаль на сердце, смолкла деревенская песня...

Едва оправившись от тяжких ран, нанесённых еврейкой, лучший, быть может, из адмиралов нашего несчастного флота — Чухнин был вновь пронизан пулями и скончался мученической смертью. Государственная Дума не нашла ни одного слова сострадания к его семье. Столь же благородные «кадеты» оказались, увы, и в Государственном Совете...

К сожалению, пресса умолчала, находился ли в заседании ректор петербургского университета, еврей Боргман. На днях неизвестный еврей в парке Петергофа «по ошибке» застрелил генерала Козлова. По словам «бундиста», на него пал жребий убить генерала Трепова и ему всё равно грозила петля со стороны социал-революционеров. Кроме него жребий вынут ещё 19-ю «товарищами». Ясно, что необходимо поспешить с отменой смертной казни...

Давая премию даже перед собственным уставом злодеев, такая отмена развяжет им руки, обезоружит правительство и нагонит спасительный страх на всякого, кто ещё смеет восставать против «благодеяний» кагала. Среди жрецов браунинга и разрывных бомб евреи, как известно, занимают весьма почётное место. «Бундисты», разумеется, — на первом плане, но есть и добровольцы — как шаббес-шискели, так и «первые аристократы мира».

Обращаясь к талмуду, мы видим, что для изменников еврейству там положена смертная казнь. А беф-дин (еврейский национальный суд) имеет даже право казнить и по своему усмотрению. [7]

В виду изложенного, песнопения иудеев и их прислуги в Государственной Думе о неправоте смертной казни, равно как об «убийствах, совершаемых правительством», являются насмешкой над русским народом.

«Отмена смертной казни на политические убийства была бы равносильна отказу защищать государственные интересы. То, что несёт на своём хребте анархическая волна, есть угроза всему человечеству. Несомненно, что с явлениями этого рода государство должно бороться хотя бы и при помощи крайних средств. Вместе с этим трудно было бы утверждать, что анархизм не имеет корней в современном революционном движении». Такова сущность речи Министра Юстиции в Государственной Думе.

Не входя в подробное исследование вопроса и ссылаясь на пример Соединённых Штатов, где смертная казнь за анархистские покушения на государственную власть восстановлена не далее, как в 1902 и 1903 годах, мы напоминаем читателям о всеподданейших телеграммах русского народа, умоляющих о защите от озверевших убийц.

Действительные же стремления «Государственной Думы», полагаем, ясны для всякого здравомыслящего человека...

Если бы потребовалось изложить еврейский вопрос на одном примере, то едва ли возможно было бы подыскать лучший образец, чем «Государственная Дума», где первую речь произнёс Петрункевич, а последнюю — Винавер. С неимоверным цинизмом она все заботы свои отдавала только евреям, их слугам — христопродавцам и погибели России...

«Мы не оборотни! Мы — евреи! Мы были, есть и будем евреями! Тысячелетия гонений и сам гнев Божий не переделали нас, а, следовательно, ничто нас не переделает, даже наше собственное желание, если бы оно и могло проявиться». Так говорит еврей на страницах «Нового Времени», в статье «Русский вопрос».

Обучая нас, как быть русскими, еврей продолжает:

«Мы у вас, на глазах сотни лет сидим! Мы стариннейшая, как сталь сплочённая нация. Бог поднял нас превыше всех. История евреев есть история цивилизации мира. Свой закон мы носим в самой вере своей. Какому же иному закону могли бы мы подчиняться!?..

Сидели мы среди вас наглядным примером для подражания. А научились вы у нас хотя бы

национальному самосознанию, которого у евреев — хоть отбавляй?.. Увы! Чему же вы научились? Ничему... Вот ваш флаг где-то сорвали, национальную честь в грязь втоптали, война сделалась необходимой, как воздух, а между тем, у вас и у вашего обидчика премьерами состоят евреи. Разве они допустят до войны, хотя бы вашим флагом стали полы подтирать?..» Такую будущность рисует перед нами автор «Русского» вопроса, предпослав замечание: *«Кто же виноват в том, что заведомые дураки оказались вашими «народными» представителями?.. Вас передёрнуло, когда Якубзон напал на русскую армию. Вы огорчены?.. Да ведь это совсем пустяшный случай; вперёд вам и невесть что предстоит!..»*

Господь Бог изгнал нас из «святой» земли и рассеял, но это не навсегда. Он же в великой милости своей обещал возвратить нас, — мы и ждём!.. В этом и всё наше решение. А пока мы усердно молимся, чтобы Он воротил скорее. Но, как народ практически мы не забываем, что «вера без дел — мертва есть». Молиться-то мы молимся, а сионистское движение подняли, да и банчишко себе устроили и прочее такое... Что вам необходимо нас сегодня же признать иностранцами, это уже не мечта, а кричащая действительность. Не только сегодня, а и вчера мы по всему миру были иностранцами и будем ими завтра, как вы ни мудрите над нами.

По религии вы для нас поганые, а по человечеству мы вас любим и считаем лучшими людьми в свете. Но что же нам делать, когда вы политически ещё так молоды, будто лошак годовалый, — то пугаетесь, то лягаетесь, где не нужно; того и гляди, в грудь кому-нибудь саданете, либо сами же себе ногу сломите?

«Эх вы, ребята! Что вы знали о евреях? Как вы смотрели на них?!.. Сами, говорящие по-французски с нижегородским акцентом, выпускающие рубаху поверх штанов и объедающиеся щами с кашей, вы принялись учить и муштровать еврея... Он переделал фасон пейсов и спрятал лапсердак в штаны, а вы этого не заметили... Креститься он стал, «сколько угодно», но вместо христианства заразился атеизмом, анархизмом и т.п. Подрезанные пейсы еврей смазал маслом, а русский мужик как ходил, так и поныне ходит: косматый, нечёсаный, немытый. Пока еврей в гимназии штудировал классические языки, мужик в церковно-приходской школе научался из победоносцевского учебника писать: «здайоца комната мебелюй и без небеле; в хоть чирис хузяйку...»

Спохватившись, вы заиграли назад, выгнали еврея из деревни, забаррикадировали дорогу в гимназии, отняли призы за крещение и проч... Толк из редакции такой же... Хуже!.. Вышел нуль, только в смысле ваших ожиданий... А в другом отношении произошло нечто совершенно неожиданное. Выгнанный еврейский гимназист засел в редакциях газет, оттуда окликнул всех в России недовольных и преподнёс им удобоисполнимый, весьма удачный план революции чисто еврейского изделия, т.е. «без крови», а лишь в виде временного паралича.

Отчаявшись избавиться от вашего менторства и добиться положения иностранцев, что же могли мы сделать ещё? Наложив на нас обузу долга вашего гражданства, вы сами толкали нас добиваться и его прав. А так как эти права и для вас самих далеко незавидны, довольных и между вами не могло быть много, и мы подали руку недовольным, и вы знаете результаты...

Вы все решали еврейский вопрос. Надеюсь, теперь каетесь. Труд был, по меньшей мере, напрасен: еврейского вопроса вы не решили. Мало этого, — «еврейский вопрос» ещё тягостнее повис у вас на шее, а свой собственный вопрос вы запустили, и он зарос такой лебедой, что предстоит воистину геркулесовский труд по его очистке. В «русском» вопросе весь бублик оказался съеденным и осталась одна дыра.

Кабы вы с таким же рвением решали русский вопрос, то и вам стало бы ясно, что до наших пейсов и лапсердаков вам нет ровно никакого дела, а вот за невежеством деревни вам приглядеть бы следовало!..

Если бы вместо нелепого мудрствования вы взглянули бы на нас как на иностранцев, только временно поселившихся на вашей земле, вы не стали бы требовать, чтобы мы вам отбывали солдатчину, где на каждом шагу нам приходится совершать тягчайшие грехи: есть трефную пищу, носить отрефленную нитками суконную одежду, [8] *нарушать священный день субботы, подвергать своё*

здоровье и саму жизнь опасности за чужие вины или за чуждые интересы... Если бы вы сразу взглянули на дело просто и держали бы нас, как всех других иностранцев, нам и на мысль бы, конечно, не пришло ломиться в ваш парламент?.. На кой нам, Господи прости, законы для вас сочинять!? Нам это также нужно, как из-за вас на войну ходить!..

Яйца кур не учат. Посмотрите на мудрую старуху Англию. Как она чутко к нам относится, как изучает тонко!.. Англия во многом нам подражает. Зато взгляните, какая она ядрёная выросла... Теперь Англия из кожи лезет нам Сион вернуть, и кабы она других не боялась, а пуще всего вас, мы бы, пожалуй, сейчас коронацию собственного «мелеха» (короля) праздновали, да и вы революции бы избежали...

Лучше поздно, чем никогда. Спойтесь-ка вы с Англией душа в душу да на Гаагской конференции понаприте плечиком, чтобы нам Сион вернули. Это будет поумнее пейсо-обрезования!..

Ведь если оглянуться назад да взвесить всё, что произошло по сей день, очень легко прийти к заключению, что истинная миссия юной, но «широкоплечей» России, по отношению к «избранному народу» есть именно уготовление обратного для нас пути. Сами ошибки в еврейском вопросе — не что иное, как её «лавирование» в предначертанном направлении.

Впрочем, до сих пор вам, русским, жаловаться не на что, а остаётся благодарить. За зло вашего менторства еврей отплатил вам добром, величайшим благом: помог вам добиться гражданской свободы, создать новую, полную светлых надежд эпоху в истории России. Вот разве то, что затем случилось, для вас хуже всякого бюрократизма. ***Под шум революционного шабаша еврей с остальными победителями торжествующе вошёл в ваш законодательный храм. Захватив лидерские места известных партий — не во сне, не в сказке, а наяву и в действительности, еврей стал править Россией!.. Вчерашний «фактор» и «попыхач» ваш, сегодня — ваш же законодатель и министр!.. Ха, ха, ха!..»***

«Вот тебе и Ицка Шельмензон!..».

Великолепно!.. И всё это тем драгоценнее, что, передавая иудейское свидетельство, мы для полноты картины только переставили отдельные части кагальной «исповеди», но не изменяли её выражение.

Такой «исповедью» достаточно иллюстрируется и наш труд. Если кто-нибудь сомневался в том, что Государственная Дума первого созыва оказалась не русской, а еврейской, то в виду изложенного не может быть сомнений. Однако, бесстыдство и наглость автора помешали ему заметить даже факт, что, порицая муштрование евреев, их соплеменнику, по крайней мере, не следовало бы обучать нас русскому вопросу.

Первое впечатление от этой науки заставляет пожалеть, что ей дано было гостеприимство «Новым Временем». Вдумываясь же глубже, нельзя не спросить себя, кто над кем здесь позабавился?..

Во всяком случае, упомянутое гостеприимство заслуживает благодарности русских людей, ибо при всей отвратительности лекарства, оно может принести им пользу. Авось, наконец, оглянутся они и на свою осмеянную кагалом родину.

Выше мы говорили об устройстве вооружённого бунта в России при благосклонном участии финляндцев, за японский счёт. Этот беспримерный факт не мешает дополнить следующими знаменательными данными. [9]

XVII. В общем плане бунтовщиков существенная роль скрепляющего цемента придавалась Финляндии, так как эта провинция признавалась наиболее подготовленной к действию в силу её «высшей культурности». В своём стокгольмском органе — «Фриа Орд» вот как определяли сами финляндские революционеры своё значение в обще русском «освободительном» движении:

«Нам нет более оснований воздерживаться от единения с русской оппозицией, т.е. с теми, кого официально называют революционерами. Поляки, малороссы, остзейцы, евреи, кавказцы — все эти национальности наравне с либеральными элементами великороссов убеждены, что лишь отмена Самодержавия может обеспечить цивилизацию в России, а значит и их права.

Однако ни одна из названных групп не обладает способностью собрать вокруг себя остальные. В виду

этого наше содействие может стать и, без сомнения, станет весьма ценным для русской оппозиции. Мы сумеем сделаться ядром, вокруг которого соберутся остальные оп позиционные элементы. Мы должны способствовать организации сил, составлению практически выполнимой программы и общего плана политической работы. Сами же у себя мы не намерены переносить водворение произвола Самодержавия, а потому и сами становимся в ряды борцов, стремящихся к его уничтожению.

Такой период настал для народов России. Дни Самодержавия сочтены, хотя срок ещё неизвестен. Но помочь уменьшить срок мы в состоянии и обязаны это исполнить, чтобы сохранить право голоса, когда настанет делёж наследия Русского Царства».

XVIII. 2-9 апреля 1905 г., на съезде социал-революционной русской и социалистической польской партий, армянской революционной федерации, финской партии активного сопротивления, грузинской федералистико-революционно-социалистической партии, латышского социал-демократического союза и белорусской социалистической громады было решено: пользуясь двумя беспощадными войнами — внешней и внутренней, терзающими Россию, свести ныне же окончательный расчёт с умирающими силами Самодержавия, а затем, достигнув общими усилиями главной цели, уже каждой отдельной партии преследовать свои частные задачи.

В изданных съездом прокламациях за подписью упомянутых революционных партий была провозглашена необходимость через общее вооружённое восстание добиться низвержения Династии и захватить власть в руки учредительных собраний «самоопределяющихся» национальностей, скованных теперь автократией, как каторжники одной цепью.

Строй каждой отдельной нации должен быть преобразован самостоятельно, на демократически-республиканских основах.

Финляндия, Польша и Кавказ не принимают участия в учредительном собрании представителей всероссийского государства.

Сверх того, относительно Финляндии все партии условились требовать: а) отмены мероприятий, оскорбивших её конституционные права; б) введения демократического режима на почве всеобщего голосования и в) недопущения какого-либо вмешательства русского правительства в её национальное развитие.

Итак: республика в России, выделение из её состава самостоятельных республик в Польше и на Кавказе, а для Финляндской республики ещё и особые привилегии. Таковы основные задачи современной революции в России.

Твёрдо и навсегда запомните это, русские люди!..

Знайте, что предстоящие выборы в Государственную Думу будут вестись революционерами ещё с большим ожесточением, дерзостью и обманом, чем было в первый раз — весной текущего года, и что от результата выборов зависит сама жизнь России.

Только теперь становится очевидным действительный смысл того, что, по указанию еврея Острогорского, Государственная Дума с вопиющим цинизмом определила: продолжать заседания в воскресенье, а субботу праздновать.

Лишь теперь мы поймём истинное значение афоризма — **«Дума —говорящая пресса, а пресса — пишущая Дума»**.

Пресса, разумеется, еврейская. Русской почти нет. «Свобода печати» существует не для нас. Мы обречены внимать кагалу, а буде осмелимся в свою очередь обратиться к прессе, то — или попадём под ст. 1036 Улож. о Наказ., или же «распропагандированные» еврейством «сознательные пролетарии» откажутся набирать погромный текст. Да, именно так! Домогаясь иностранного вмешательства, какой-нибудь ничтожный, иудейский листок — «Новости Дня», и тот без стеснения обзывает «погромной» всю не-еврейскую печать.

Такова цензура «избранного» народа.

А если вы хотите говорить о свободе совести, то припомните, что даже презренный дикарь, еврейский лакей, социалист с Кавказа, и тот прокричал в Думе, будто православных миссионеров иначе не

аттестуют там, как «хулиганами» и «погромщиками»... С другой стороны, не дальше как 30-го июня в Полтаве крестный ход перенесения чудотворной иконы Божией Матери едва уберёгся от той же участи, какой «революционеры» подвергли молящихся христиан в Белостоке.

На два дня раньше в одной еврейской квартире казаками 16-го Донского полка была обнаружена масса прокламаций, требовавших во чтобы то ни стало добиться отмены крестного хода. Возмущённое до глубины души православное население заявило властям, что в случае отмены, оно ни пред чем не остановится. Евреи разбежались из Полтавы. Крестный ход сопровождало тысяч тридцать народа. Едва только замечен был христопродавец, как раздались возгласы: «вон, Короленко, не надо нам убийц Филонова!..» Смекнув, что лучше бежать, Короленко скрылся.

Едва крестный ход подошёл к собору, как шагах в 200 от него и шагах в 15 от шеренги казаков были замечены во рву пять бомб, — одна громадная, снаряжённая адской машиной, а четыре небольших, медных все начинённые динамитом и острыми гвоздями... Осади казаки лошадей на 15 шагов от собора, и многих людей не осталось бы следа...

Религиозно настроенный народ пал на колени. Раздались плач и стенания...

Пришлось зашевелиться и «возлюбившей жидов» полиции. Начались обыски с участием войск. И вот, не далее, как саженях в пяти от церкви Сретения, в квартире евреев Шимона Хаимова и жены его Голды Срулевой Шемшелевич были найдены: огромная, вполне снаряжённая динамитом, чугунная бомба и четыре жестянки с динамитом, а также полная лаборатория для изготовления бомб.

Чета Шемшелевичей не успела скрыться, а остальные, бывшие в квартире евреи бежали...

Члены жидовско-крамольной Думы, что скажете вы на это? Вы, Щепкины и Якубзоны — следователи белостокского погрома, вы, Иоллосы, Герценштейны и Винаверы — пираты думской шайки, что же вы замалчиваете эту «новую провокацию правительства?!..» [10]

Да, нельзя евреям не рвать в клочки (во имя свободы слова, понятно) и тех немногих изданий, которые ещё пытаются разоблачить кагал. Сыны Иуды так и «ганделюют», иначе куда же им деваться со своей запасной ложью? О еврейской прессе и толковать нечего. Злостная неправда, язвительная, предерзостная клевета — специальность кагальных газет. Не лучше обстояло дело и в Думе. Сколько раз её «неприкосновенные хулиганы» бывали изобличены во лжи печатно. Герценштейн солгал даже, будто в Дании — целая сотня сельских университетов, когда их там нет ни одного. Следуя за «хозяевами», еврейский слуга Сипягин сослался на подложное письмо матери растерзанного бомбой в Севастополе мальчика, чтобы целью доказать, что и «эта мать просит об отмене смертной казни...»

Бесчисленные шайки иудейских газет размножались под новыми и новыми кличками; открыто глумились над религией христиан и органами правительства; травили армию; заливали всякой скверни русское имя; изрыгали хулы против всего нашего прошлого и смеялись над мерами администрации и суда. Поднимая неистовый гвалт против существующего порядка, они старались внушить русскому народу безверие и космополитизм, вытравить патриотическое чувство; поощряли забастовки, «ограбное» движение и государственную измену; превозносили самые гнусные злодеяния и подстрекали к открытому мятежу. Вообще же говоря, еврейская пресса наравне с Думой старалась играть на общественном мнении, как на своих кагальных цимбалах.

Не будучи никогда нацией и на всём пути своей истории доказывая свою неспособность к самостоятельному государственному существованию и даже к общежитию с другими народами, еврейство, тем не менее, требует исключительных себе преимуществ, именно как для «избранной» нации... Народ, нация образуется прежде всего из крестьян и солдат. Евреи же никогда не хотели быть ни теми, ни другими. В древнем Риме еврейство отнюдь не преследовалось за веру и, однако, не только не стремилось войти в состав римского народа, а, наоборот, мечтало лишь о разрушении его государства. Потребовав чрезвычайного напряжения энергии лучших легионов римской армии и участия таких полководцев, как Веспассиан и Тит, сами стены Иерусалима показали, что они были выстроены со столь необыкновенной прочностью как бы в предвидении последствий той ненависти, которую сами же евреи среди окружающих народов возбуждали веками. Такую же ненависть привлекали они на себя неизменно во все времена и в этом отношении не имели конкурентов. Да и как

могло быть иначе с народом, который сам о себе не мог рассказать ничего хорошего, и сам праотец которого, воспользовавшись уступкой туземцами куска земли для погребения его жены, заявил претензию на всю их страну?!.. Не то же ли видим мы и сейчас, четыре тысячи лет спустя? Разве евреи не домогаются стать хозяевами всей нашей родины единственно потому, что мы оказали им гостеприимство? Что же касается торговли евреев, то вот как смотрели на неё шесть корпораций французского купечества, в докладной записке министру Тюрго, поданной в 1775 году и оправданной всеми последующими событиями:

«Не будет ли торговля заполнена этим опасным и отовсюду изгоняемым племенем, которое занималось ей во все века, по-видимому, только для того, чтобы её унизить? Малодоступное чувство чести и чуждое интересам отечества, которого не имеет, это роковое отродье паразитов станет ли для вашей родины почётным? Будет ли оно ей полезно?!..»

Увы, никто, кажется, не усомнится в ответе... Среди означенных условий, еврейство, тем не менее, принялось уничтожать сейчас в России всё, и притом — немедленно, уверяя, что создаст её вновь лучше и крепче прежнего. Но всякий мужик знает, что и ветхой избы нельзя разбирать целиком, пока нет никакой другой; нельзя, во всяком случае, делать это в осеннюю непогоду или в зимнюю стужу и, уж разумеется, невозможно, — в самый разгар дождей и бурь...

Сыны же Иуды обманом и террором принуждают нас помогать им в разрушении всего государственного здания России в потоках ливня и шторме революционного урагана...

Летом 1905 г. на сионистском конгрессе в Базеле русское государство было разделено на восемь еврейских генерал-губернаторств: в Ковенскую, Виленскую и Гродненскую губернии назначили Лейбу Наперина; в Минскую, Витебскую и Могилёвскую — Шмуля Рубенчика, в Харьковскую, Полтавскую и Херсонскую — Айзика Штейна и т.д. Разделив Европейскую Россию, евреи не позабыли Кавказа, Туркестана и Сибири, заведывание коими было возложено на Самуила Шпиро и Мовшу Гольдбенгера.

И Сибирь, и Туркестан быстро ожидовливаются. Не только хлопок, т.е. земля, но и недвижимость в городах, особенно после отъезжающих чиновников и офицеров, захватывается евреями. Всего четыре года назад было открыто в Самарканде отделение Русско-Китайского банка, а теперь уже весь город во власти евреев: они завладели кредитом, мануфактурной торговлей и, конечно, местной газетой.

На Кавказе еврейство монополизировало нефть — дар Божий, которого мы не сумели оценить. По одному этому рабами евреев стали пароходные общества, железные дороги, заводы и фабрики. И у нас, как во Франции, социалисты и анархисты пикнуть не смеют против евреев, так как те не дадут им денег ни на харчи, ни на газеты. Люди же состоятельные боятся еврейства, потому что трепещут перед кагалом за свой кредит, за нефть для отопления машин и, наконец, за честь своей фирмы перед шантажом иудейской прессы. Надменные деспоты — «хозяева газет», нуждаясь в бумаге и объявлениях ползают у ног Израиля. В заключение, сам русский мужик, «имея лучшего друга в евреях», идёт на разбой, между прочим, из-за той же нефти. Было время, когда у мужика горела лучина, а при ней работала крестьянская семья. Лучины не стало, явился дешёвый керосин, завелась у мужика лампа. Вдруг, устроили акциз, а затем и саму нефть предали жидам. Лампа исчезла. От безработицы в долгую зиму мужик обнищал совершенно и «пошёл в социалисты». Увы, не понимает он да едва ли и поймёт, что против биржевых удавов и акул ни какая, даже «ограбная», реформа ему не поможет...

Тем временем, когда в Прибалтийском крае забунтовали латыши, то их коноводом в Риге, оказался жид «Максим», он же — «Наполеон». Хроника всех густо населённых евреями городов: Вильны, Минска, Варшавы, Киева, Белостока, Одессы, — этих главных очагов революции, переполнена фактами иудейских злодеяний. Еврейские агитаторы из одесских студентов действовали так, что успели поднять бунт во флоте. Этим и объясняется апофеоз лейтенанта Шмидта во всей кагальной печати. Бежавший голым с «Очакова», всероссийский «герой» был, однако, пышкой в руках еврейства...

За период войны с Японией там, на нашем скорбном пути в Манчжурии, евреи старались попасть на

нестроевые должности, а при неудаче, — сказывались больными, нарочно совершали преступления, дезертировали и даже просто предавались неприятелю. В одной дивизии за тридцать месяцев бежало 256 евреев. Солдат же других национальностей — только 8. По свидетельству войсковых начальников именно евреи доставляли японцам сведения о расположении наших отрядов, батарей и укреплений. Евреи в строю дурно влияли на товарищей, были главными распространителями паники и первые производили замешательство. По удостоверению офицеров, евреи-врачи деморализировали войска.

За тот же период войны, но уже внутри России, иудейский кагал, а в особенности «Бунд», выдвинул целые полчища революционеров. Рассыпавшись по стране, они представляли организацию, доселе невиданную, сплочённую и связанную постоянным общением, живущую одной изменой, но от изменников обеспеченную карами талмуда, единодушную и действующую по заранее начертанному плану.

Проект о Государственной Думе 6-го августа 1905 года «разрабатывал» еврей Гурлянд, а сам порядок выборов инспирировал министру Булыгину еврейский фельетонист Арсений Г. Проект решения земельного вопроса был дан впервые евреем Кауфманом. Здесь, впрочем, повторялось то же, что и с золотой валютой, которую для Витте взмыливали такие «учёные» евреи, как Гурьев, Герцик, Лексис и К°.

Правда, сыны Иуды не оставляли нас и своим «юмором», — тоскливым, жестоким и зловонным, разумеется. Вдохновитель журнала «Право» и, вместе с Винавером, основатель партии «народной свободы» Гессен издавал «юмористический листок «Пламя»; Зузерович — «Забияку»; Кнорозовский — «Стрелы»; Эйзеринг — «Пули»; Гинц и Коган — «Зритель»; Котловкер — «Вампир» и т.д.

Достаточно известно, каковы были дерзость и бесстыдство названных листков.

Но в чём евреи показали себя действительно юмористами — это на «выборах» в Государственную Думу, на революционных изданиях за счёт казны (эпопея «субсидий» Гапону и К°), на гешефтах Гурьева и его «редакции» по иудаизированию за счёт той же казны «Русского Государства» и в апофеозе — на пропаганде революции «Правительственным Вестником» через печатание им депутатских «речей» в Думе.

Евреи любят иметь козырей во всякой масти, хотя это и не допускается ни в какой «игре»...

А если угодно ознакомиться с букетом «Думы», то в составе сотрудников этой газеты вы найдёте фамилии: Гессен, Винавер, Кауфман, Барац, Френкель, Шраг, Фридман, Штильман, Котловкер etc. Газета чуть не всяким словом своим норовила посеять ненависть в русской среде и натравливала общество против правительства.

Фальсификация известий, подлог телеграмм отчасти и в интересах биржи шантаж и подкуп, ярость и мщение, разбой и убийство, маузеры, браунинги и разрывные бомбы — таковы средства еврейской «бескровной» революции.

Вооружённое восстание в самой Москве устроил «Бунд». На баррикадах не было, однако, ни одного еврея — они прятались в безопасных местах. Также искренно проливаются слезы еврейством и за наделение мужика землёй. Помимо факта, что запевалой в Думе по этому вопросу являлся бывший секретарь, а впоследствии доверенный Лейзера Полякова, Герценштейн, мы видим, что евреи нередко через христопродавцев скупают земли уже сейчас. За последние же сорок лет их землевладение поднялось сперва до 1.546.000 десятин, а затем, разрастаясь с неимоверной быстротой, достигло в последние годы нескольких миллионов десятин.

Хитрые и скрытные, упрямые и мстительные, евреи легко делаются жестокими и склонными к убийству. Варварство злодеяний, совершаемых по всей России «сознательными пролетариями» — результат заражения анархизмом талмуда.

Посягая же на достоинство и величие нашей родины, еврейство по справедливости услышало от малороссов в Нежине такой приговор: *«жиды обидели нашего Царя! Не треба нам жидов...»*

Всё, что учинено, таким образом, по плану кагала, сводится к единственной задаче — иудейскому равноправию.

В №14 жидовского органа «Дума» мы читаем: «Съезд общества полноправия евреев в России (всех делегатов было 114) постановил резолюцию: «Евреи, депутаты Государственной Думы, образуют группу, которая действует солидарно по всем вопросам еврейского полноправия». В числе баллотировавших состояло 12 членов названной Думы: Винавер, Брамсон, Иоллос, Шфетель, Острогорский, Брук, Червонен-кис, Левин, Якубзон, Френкель, Розенбаум, Каценнельсон и др.

При изобилии, верховенстве и солидарности еврейских депутатов они и в «Думе» неуклонно проводят мысль, что «условием плодотворной работы Государственной Думы является немедленное удаление настоящего министерства».

Тяжким преступлением кагала был продиктованный им адрес Государственной Думы на тронную речь. Но истинный смысл иудейских намерений раскрывается в особенности из речи еврея Винавера по поводу декларации правительства.

13 мая 1906 г. в заседании Думы Винавер сказал:

«Все национальности, населяющие Россию, обагрили своей кровью пути русского освободительного движения... В данный момент речь идёт о равенстве гражданских прав. Отчего же в этом вопросе наши министры проявляют трусость? Мы имеем право пригвоздить их за это к позорному столбу!..

Мы, представители одной из самых отверженных национальностей, молчали [11] в то время, когда обсуждался адрес. Мы думали, что старое неравенство осталось далеко позади нас. Оказывается, что мы ошиблись и в таком случае имеем право громогласно заявить: **доколе в стране есть неравенство** (евреев, конечно), **не будет в стране мира!..**»

Именно это осмелился бросить русским людям в глаза иудей Винавер.

И никто не остановил его, никто не протестовал!..

В «Новом Времени» указанную выше статью «Русский вопрос» еврей не дерзнул подписать сполна, он поместил её лишь окончанием своей фамилии — «штейн». В сущности то же самое, но уже открыто заявил в Думе Винавер, очевидно, потому, что русский закон дал ему неприкосновенность.

Но мы уже знаем, как евреи относятся к нашим законам. Поэтому деяния Винавера приобретают особую, еврейскую прелесть.

Очевидно, необходимо в полной силе восстановить руководящее положение кодекса Юстиниана о евреях («De Judaeis»): *«honore tamen fruantur nullo, sed sint in turpitudine fortunae, in qua et animam esse volunt»*.

Земля горько и страшно плачет!.. Чёрные коршуны терзают её...

Невольно приходит на ум замечание Вальтура:

«Plus les principes d'humanité et de justice sont réconnus et proclames, moins ils semblent présider aux règlements des affaires humaines».

«В страшную годину революции, среди раскатов террора», — говорит Тэн, — история показывает нам мужика, руководимого адвокатом...» Что же сказал бы мыслитель, наблюдая не одного мужика, а и «сознательного пролетария», «подрезную бестию» под руководством адвоката из жидовских выжиг?!.. Что сказал бы Тэн, когда увидел бы в Государственной Думе, как настоящие мужики молчат, а адвокаты из поляков или евреев неистовствуют?..» Как бы отнёсся он к такой картине, когда среди разбоев и убийств честная работа замирает, жить в России становится невозможным, а Государственная Дума поднимает вой против смертной казни?.. При этом необходимо заметить, что «агитация» вспыхнула «неотложно», как только попался «Наполеон»-Рубинштейн (он же «Максим») со своей шайкой. Действительно, казнь столь крупного вожака была бы для революционного еврейства невознаградимой потерей. И вот — лозунг был дан, а за ним и началась потеха по всей линии. К какому выводу, наконец, следует придти вообще, когда в ответ на правительственное сообщение о земельной реформе, первым выступил «Бунд» с другими анархистскими шайками и стал рассыпать злодейские прокламации, а терроризированная еврейством Дума вторила ему, не только будучи в бегах из Выборга, но и раньше — из Таврического дворца. Петрункевич, Родичев, Винавер, Герценштейн et tutti quanti, где ваши научные трактаты? Кто из вас знаком с трудными земельными

вопросами? Где ваши цифры, материалы и программы для решения? Какой выход даёте вы из всего, что столь безумно затеяли?..

«Теперь господские щенки сосут землю под покровительством закона!» — прокричал в Думе один из бунтарей «трудовой» группы. «Кадеты» до этого, пожалуй, не договаривались, но ведь «трудовики» распропагандированы были теми же «кадетами», которые и впоследствии не посмели от них отречься. Наоборот, сами же «кадеты» плакали и над такими «жертвами правительства», которые отводили собственных жертв к железнодорожному откосу, а там их расстреливали как собак. Не останавливало бы «кадетов» и превращение одесскими евреями казака в котлеты.

«Как же, — говорили наивные «кадеты», — осуждать убийства? Это может поссорить нас с революционерами, а кроме революции у нас нет опоры!..»

Предательски взывая к власти о защите, когда не хватало собственных средств, и превращая её агентов в свои орудия, «кадеты» через одного из своих запевал — Набокова, клеветали, что выстрелы и бомбы явились сигналами той же власти для погрома евреев в Белостоке...

Почему же революционная пресса ни словом не обмолвилась о тех пулях в грудь, навылет, которые получил московский корреспондент Л.В.Геника от «чёрных рубашек» в том же Белостоке? Государственная Дума постановила бесчестное определение о Белостокском погроме, забывая, что в делах этого рода и после судебного следствия остаётся ещё une mer à boire... Почему пресса молчит, что Геника приехал именно для расследования событий, в самой Думе оболганных? Отчего, наконец, ратуя за иудейское равноправие, паладины «народной свободы» не дали ответа на вопросы: получат ли землю и «равноправные» евреи? Русский же народ так и не узнал, станет ли «полноправное» еврейство давать своих офицеров русскому войску или же сохранит их только для «самообороны»?..

Был некогда в Германии «Tugendbund». Нам судьба подарила просто «Бунд»... бессовестный!

Мудрено ли, что такова и наша «революция», хотя еврейство выдаёт её за копию французской.

Что сыны Иуды лгут, это доказывается уже двумя первыми строками той самой Марсельезы которую, для «сознательных пролетариев» столь усердно подделывает кагал.

Гимн, вдохновлявший французские войска против иноземных врагов, начинается так:

> «Allons, enfants de la Patrie,
> Le joure de gloire est arrivé!»

Где же любовь к отечеству у «Бунда» и его клевретов? Какая жажда славы двигала еврейством, когда оно устраивало стачки и забастовки в самые страшные для нас дни маньчжурской эпопеи, злорадствовало нашим поражениям, добивалось позорного прекращения войны, а pour la bonne bouche через своих банкиров в Портсмуте объявило, что мир зависит только от иудейской биржи?!..

Чем Государственная Дума выразила свой патриотизм или хотя бы заботу о будущей славе России, когда занялась Белостоком так, что о Дальнем Востоке позабыла?

«Французская резолюция, — писал Н.А. Любимов в 1880 году, —была явлением центростремительным; наша революционная политика —по существу центробежная. Революционный клич XVIII века был к единству Франции, и в самое критическое время её существования спасением была любовь к родине. Факты показали, что с такой любовью государственный корабль может выйти даже из всесокрушающего урагана. Революция без патриотизма может принести одну гибель. Именно такова обещаемая нам — «русская» революция. Она — попросту разложение России!..»

То же самое говорил и Ф.М. Достоевский. К сожалению, мы лишены возможности дать здесь его мыслям то развитие, какого они заслуживают. Заметим лишь, что Достоевский с необыкновенной прозорливостью указывал на гибельную для нас роль евреев, чего не видал Любимов. Но и Достоевскому современная действительность показалась бы невероятной...

«Кто враг твоему королю? Твой враг!» — засвидетельствовал, в приказе по эскадре адмирал Нельсон перед Трафальгаром.

А чему учат наших «революционеров» евреи?.. Чему наставляет их Мардохей Маркс?

Но, что всего презреннее, — иудаизм пропагандирует эту науку не для себя.

На одном из сионистских собраний референт утверждал, что в еврейской массе, всегда более или менее замкнутой, неизменно сказывалось действие подбора. Худшие и слабейшие элементы отбрасывались. Сначала под видом выкрестов, затем — ассимиляторов и, наконец, — в качестве социалистов или интернационалистов. Общие аплодисменты были наградой референта.

«Дайте страну для народа, народу без страны!» — поют сионисты. Между тем, один из их главарей в Германии, Мозес, в лекции о задачах сионизма заявил, что нынешнее еврейство охвачено духом «эпохи крестовых походов», и что владения в Палестине нужны отнюдь не для переселения всех евреев, а лишь как центр для объединения рассеянного повсюду еврейства...

В то же время, доказано, что крупные фабриканты-евреи на муниципальных и политических выборах во Франции готовы подавать голоса даже за антисемита, лишь бы провалить радикала или социалиста, какими бы защитниками еврейства ни заявили они себя, хотя бы и в дрейфуссаровской кампании.

Наконец, что касается «свободы печати», которая даёт право разрушать всё, а потому и является излюбленным детищем евреев, один из их же друзей — Леруа-Больё говорит так:

«Из всех несостоятельностей, которыми ознаменовалось XIX столетие, нет более печальной, как несостоятельность современной нам и чуть не повально продажной прессы. Свобода её, без всякого сомнения, повсюду обанкротилась...»

Евреи давно и много потрудились над укреплением своей национальности, держась на бурной поверхности всемирной истории в течение четырёх тысяч лет. Вот почему не мешало бы, кажется, поставить и такой вопрос: что лучше для России и выгоднее для самих евреев —быть русскими Моисеева закона или евреями православного исповедания?.. Но ведь первое — абсурд, а второе — преступный самообман...

«On dit que les Juifs sont devenus Français, et moi, je dis, que ce sont les Français qui sont devenus Juifs» — справедливо сказал арабский вождь Магомет эль-Мохрани.

Таким образом, естественно, что, пользуясь обстоятельствами, евреи устремились на завладение властью в России через презрение к нам и разложение всего русского. Обманом шли к 17 октября, обманывали на «выборах» и, в конце концов, обманули всех в Государственной Думе. А дабы не уступать места никому другому, довели народных избранников до бегства в Финляндию. Рассчитывал кагал обманывать и отсюда, но сами финляндские революционеры отреклись от подобных союзников.

Никогда еврейская революция не имела корней в русском народе. Что бы ни рассказывал еврей, у русского своё на уме: «моя правда голубиная, а твоя змеиная!..» По поводу 17 октября злорадствовали и неистовствовали евреи, а не русские. Когда еврейство рвало или обстреливало царские портреты, привязывало их к хвостам собак или же собирало копейки «на гвозди для гроба», русский народ носил изображения своего Монарха в торжественных процессиях, внимал национальному гимну и молился за своего Государя. Tu non cede malis, sed contra audaciter ito!

Народ, в огромном большинстве не участвовал на «выборах» в Государственную Думу и не двинулся за её прокламациями из Выборга. «Он изведал жизни море».

Главенствующий кагал в Петербурге не допустил ни одного рабочего в состав депутатов этой столицы, а в период думской свистопляски, как жаловались депутаты-крестьяне, их терроризировали систематически. Что же касается так называемых «выборов» в самой Думе, то о них обмолвился даже еврей Острогорский. Он заявил категорически, что всё сводилось к списыванию депутатами имён, продиктованных коноводами.

О речах в Думе толковать не приходится. Еврейство и его прислуга перешли здесь всякие границы дозволенного. Грубо и цинично устремляясь к захвату власти, революция бесновалась даже от того, что правительство ещё смеет защищаться. Произвол печати и безобразия думских депутатов разливали отраву в народе. Не только собственность, а и саму жизнь человека не стали считать ни во что. Даже больше, злодеяние превратилось в политический подвиг, т.е. в государственную заслугу...

Разумеется, это произошло не сразу и обусловливалось чрезвычайными причинами. Если, быть может, никакой другой народ в столь короткое время не переживал таких несчастий, то русским людям

суждено было встретиться и с беспримерным фактом: глава правительства благоволил революции, им же подготовленной. Смута, волнение, грабежи и убийства распространялись повсюду. Вакханалия бунта не щадила никого. Ежедневный же призыв к анархии со стороны катальной прессы заставлял верить, будто в России все — революционеры или анархисты.

Наускканные «Бундом» прощелыги, фабричный сброд и разные подонки, которым терять нечего, толпами снимали рабочих повсюду, где труд ещё продолжался. «Бастовать!» — кричали они, грозя переломать рёбра или показывая браунинги. «Бросайте работу и присоединяйтесь к нам!»... Заводы и фабрики опустели, а на городских улицах и площадях можно было видеть толпы бездельничающих и пьянствующих забастовщиков. Пошли стрельба и денной разбой праздношляющихся...

Пожар революции, особенно через еврейские газеты, перекинулся на хутора и усадьбы, в деревни и села. Началась эпидемия погромов среди крестьянского населения.

Анархия ковала цепи патриотам, а врагам России открывала простор действий... Становилось всё более очевидным, что реформы Витте направлены на погибель страны. Вынужденное двуличие его мероприятий и неслыханная дерзость евреев шли рука об руку, обезоруживая агентов правительства и деморализуя их. «Черносотенные» газеты истреблялись всячески, а революционный психоз заражал население всё шире и глубже...

В течение последнего полугодия перед созывом Думы меры правительства систематически вели к разрушению России, а революционеры открыто метали жребий о судьбе её частей. Законы были упразднены, заветы правды забыты, власти не стало, суд обессилел, а палачи продолжали казнить страну мятежом и террором. Осуществляя свой преступный план, они действовали с вероломным и святотатственным расчетом.

Палачи России всего достигли. Витте же повторял что «он и в маленькой лодочке надеется доплыть до берега», и что он один знает, как спасти Россию. К какому берегу плыл он, вероятно, не все понимали, но сам путь поблажек и уступок буйной толпе — неправый и опасный. Добрый корабль идёт наперекор буре и после борьбы находит тихую пристань. А с таким лоцманом не найти её... Государственный корабль — не лодочка Витте...

Народ не может не сознавать этого, ибо кругом торжествует предательство и разрывные бомбы.

А народ страстно ищет правды!.. Власть уклонилась от неё, и в этом разладе со страной — весь трагизм положения.

Между тем, в Думе кричали: «амнистия, национализация земли, дарование прав евреям!». И весь этот вздор в иудейской редакции правительственный телеграф за дешёвую плату разносил по всей России. В параллель с этим из Вены, Берлина и Парижа старательно извещали о падении русского курса «вследствие ухода гр. Витте». Точно также биржа поддерживала операции «Бунда и после роспуска Думы. Она вновь уронила курс, но удержаться на этом не могла. [12] Еврейство успело, впрочем, и здесь сорвать свою «провизию».

Не останавливаясь ни перед чем и впадая в дерзкие противоречия, революционное еврейство сперва высмеивало и травило армию, раздувало в своей прессе случайные беспорядки, а за отсутствием их, лгало без стыда и совести. Тем не менее, ядовитая пропаганда, в особенности, из заседаний Государственной Думы, поневоле распространяемая даже «Правительственным Вестником», делала своё дело. Беспорядки, наконец, дошли и до 1-го батальона Преображенского полка... Будучи на нашем месте, как бы поступили евреи?!..

Долго и безнаказанно измывалась Дума над молившими о спасении России, всеподданейшими телеграммами называя их «черносотенными» и «погромными». Сама оскорбляя всё и вся, Дума стала требовать сокрытия телеграмм от народа как «для неё унизительных». Получив достойный ответ, она ринулась к своему «последнему шабашу» с жидовскими пошлостью, нахальством и цинизмом...

Замечая, что чаша терпения переполняется, Дума как затравленный зверь стала проливать крокодиловы слезы о тех самых казаках, над которыми бесчестно глумилась. Думские талмудисты умыслили затушевать и клевету Седельникова с Араканцевым, и подлог казачьих жалоб на призыв полков второй и третьей очереди, и те жалкие препятствия, какие председатель Думы ставил речам

действительных избранников Войска Донского.

Но казаки вывели лукавых евреев на чистую воду...

Знаменателен и глубок факт, что именно свободолюбивое казачество стало поперёк дороги «освободительному» движению в России. Чутьё правды, истинная любовь к родине и вдохновенное разумение событий научили казаков тому, чего не понимали многие.

И что всего удивительнее, само еврейство не ошибалось заранее. Это явствует из тех домогательств об удалении казаков, которые, возникнув в «черте оседлости», перекинулись в Москву, а здесь проявились ещё в сентябре 1905 г. через одного потаённого еврея и некоего христопродавца — агента «народной свободы». Оба они ссылались на выдержки из еврейского органа «Право», т.е. творили волю главарей Думы Гессена и Винавера. Если затея не выгорела, то, между прочим, благодаря бесстыдству, которым в самоослеплении успехом евреи похоронили свои замыслы и в самой Думе.

Не ошибались и станичники. Для убеждения достаточно воскресить в памяти горькие слезы на суровых лицах казаков, сопровождавших в вооружённом строю останки своего товарища, изрубленного толпой евреев в котлеты...

Если от этого скорбного зрелища мы перенесёмся на «съезд социалистов» в Лондоне, то не найдём там ни Бебеля, ни Жореса, но зато встретим Аникина. Родом мордвин, а по званию — сын жандармского писаря, Аникин возомнил о себе как о реформаторе мира и о Немезиде России. Говоря перед англичанами скверно, да ещё по-русски, он взялся подтасовывать личный состав Думы и осрамить собственное отечество. Японец Като пригвоздил его к позорному столбу.

Таков был лондонский иудейский агент. Поневоле скажешь, что на всякой лестнице евреи могут достигнуть вершины, но нигде не прибавят ни одной новой ступени. «Des soufflets, aux soufflets, et les voila au trone du monde!» — сказал о них Мишлэ. Но и на этом «троне» они остаются евреями... Нелепость иудейской политики в России непостижима. Воистину, сам рок тяготеет над сынами Иуды. Между тем, хотя бы по отношению к сирым и обездоленным нельзя отказать талмуду в оригинальности мыслей и в своеобразии формы. Там сказано, например: *«если бедняк ест курицу, то это значит, что или он сам, или курица больны...»*

Как же объяснить, что в Государственной Думе не оказалось ни одного заметного ума ни среди евреев, ни между их клевретами? Как уразуметь иудейское поведение даже относительно армии то оскорбляемой, то заискиваемой?!..

Какими соображениями возможно мотивировать умолчание по поводу аграрной проблемы как евреями, так и шабес-шискелями в Государственной Думе о бирже, земельных банках и земледельческом кредите вообще? Как извинить противоречие восхвалений сионизма и осмеяние русских патриотов?!..

На эти и многие другие вопросы ответом служит дерзость и невежество сынов Иуды. Поручая всемирному кагалу ведение революции в России, генеральный штаб масонов предначертал магистральные пути замысла, но не мог исчерпать методов. Усматривая в еврействе главным образом международный характер и биржевое владычество, масонский директориум не имел возможности требовать государственных дарований. Их негде было взять и в силу факта, что государственный ум, определяемый прозорливостью, никогда не был присущ евреям. Что же касается шаббес-шискелей, то они в свою очередь не блистали талантами, потому что черпались из отбросов и подонков общества и были вынуждены раболепствовать перед евреями, которые презирают их. Противоречия и несообразности иудейских мероприятий обусловливались беспринципностью иудаизма, его нахальством и гордыней «освободительной» прессы. Отнимая заработок у обезумевшего населения, еврейские газеты памятовали лишь о своей розничной продаже. Само размножение революционных органов показывает, как этот гешефт выгоден. Науськивание же «сознательных пролетариев» на правительство и лицемерие перед озверелыми толпами убеждают, до какой степени гешефт прост. Вполне очевидно, что безграмотная и осатанелая масса пойдёт не за тем, кто станет склонять её к повиновению и труду, а за тем, которому нечего терять от проповеди своеволия и разбоя. На все лады переворачивая эту единственную тему, кагальная печать наживала деньги и окружала себя ореолом

служения «свободе». Ей нет дела до результатов, ибо чем ужаснее положение России, тем выше газетный тираж. Повальные банкротства в купечестве, такое вздорожание предметов первой необходимости в одежде, которое уже теперь выражается требованием для «распропагандированных» мужиков переплачивать до 75.000.000 рублей в год, и, наконец, голод, без сомнения, угрожающий стране в ближайшем будущем, — всё это не касается иудейской прессы... Зато смерть Герценштейна она возводит в национальное горе, захлёбывается от восторга перед своими же коварными демонстрациями и на похороны презренного еврея зовёт всю Москву. Памятуя, что он не более, как ставленник кагала, предводитель «кадетов» Милюков на потеху кагалу требует от правительства немедленного роспуска и закрытия всех «черносотенных организаций». Это — minimum, о maximum'е скромно умалчивает.

Всякому понятно, что земледелие немыслимо без кредита, а евреи знают это лучше нас. Тем не менее, Государственная Дума не осмелилась и заикнуться об этом вопросе. Наоборот, она аплодировала Герценштейну, негодовавшему на Государственные Дворянский и Крестьянский Банки, хотя не могла не сознавать, насколько были ограничены ими еврейские аппетиты. Дума скорбела о высоте земельной аренды, хотя должна была видеть, что этот факт является результатом: а) Чрезмерных ссуд из еврейских Земельных банков, б) факторством евреев при перепродаже имений крестьянам и в) гешефтмахерством тех же евреев по исходотайствованию льгот в Дворянском и Крестьянском Банках.

Но дабы вполне оценить поведение жидовствующей Думы, необходимо принять к сведению, что, обусловливая возрастание покупной силы золота и обесценивание продуктов земледелия, золотая валюта есть именно тот золотой крест, на котором всемирный кагал распинает современное человечество. Заведённая по подстрекательству евреев, эта валюта привела к тому, что, по сведениям «The Statesman's Year Book», уже на 1 января 1903 года итог государственных долгов в 23 государствах, где действует названная валюта, равнялся 4.546.047.110 фунтов стерлингов или 45.000.000.000 рублей золотом. Всемирный же запас золота, служащего деньгами, достигает, приблизительно, лишь 20 миллиардов рублей. Известно что посредниками при заключении государственных займов, равно как и кредиторами государств, прежде всего оказываются евреи. Отсюда явствует, что излишек государственных обязательств на несуществующее золото в 25 миллиардов рублей главным образом сосредоточен в руках «избранного народа». В частности, не мешает заметить, что при реализации последнего русского займа 1906 года в 842.750.000 рублей мы сразу потеряли свыше 120.000.000 рублей. Половина займа обращена на покрытие наших краткосрочных обязательств за границей, а другая половина — на погашение дефицита в бюджете 1906 года. Посему на поднятие народного благосостояния не осталось ни одной копейки. Между тем, платежи по займу легли новым бременем на Россию в размере 49.200.000 рублей ежегодно, т.е. суммой на восемь миллионов рублей большей, чем смета Министерства Народного Просвещения на 1906 год. Весь государственный долг России к первому января того же 1906 года достигал 7.681.395.928 рублей золотом, а ежегодные платежи наши равнялись 334.729.871 рублей золотом. Прилагая последний заём, мы получаем государственную задолженность к 1 мая 1906 года в 8.525.146.928 рублей золотом с ежегодной уплатой процентов и погашения в 383.929.871 рублей золотом. Это не всё. К 1-му января 1904 года гарантированные правительством займы частных железнодорожных обществ составляли 1.110.500.000 рублей золотом с ежегодными платежами в 46.106.000 рублей золотом. Сумма же закладных листов Дворянского и Крестьянского Поземельных Банков к 1 ноября 1905 года равнялась 1.105.800.000 рублей золотом, а платежи процентов и погашение — около 52 миллионов рублей золотом. Поэтому вся наша государственная задолженность превышает 10.741.445.928 рублей золотом с ежегодными платежами около 482.079.871 рубль золотом. Вся же смета на 1905 год (с дефицитом в 481.114.000 рублей) равняется 2.500.972.775 рублей золотом, т.е. меньше четвёртой доли нашей задолженности. В этом отношении Россия не имеет соперников — как по размерам государственного долга, так и потому, что наибольшая часть платежей причитается заграничным кредиторам. В заключение, укажем на факт, что средняя мировая ежегодная добыча золота из недр земли, обращаемого в деньги, не превышает 147.000.000 долларов или 1,63% всего запаса золота. Вся добыча золота в мире за 2,5 года уходит на уплату процентов и погашения за один год. При таких-то условиях Государственная Дума за два с лишним месяца своего существования не

обмолвилась на эту тему ни единым словом. Требуется ли лучшее доказательство её раболепия перед всемирным кагалом?!..

Впрочем, у Думы и времени не было. Кроме отмены смертной казни и амнистии для «политических» злодеев, подчас беглых каторжников, сколько забот было посвящено Белостоку и еврейскому равноправию, сколько бесплодного труда было отдано «открытию Америки», т.е. «декларации прав человека и гражданина»?.. Нелепость этой последней задачи раскрывается из пустозвонства формулы «liberé, egalité, fraternité», равно как из факта, что, например, в германской конституции нет по этому предмету никакого определения. Разум факта в том, что если проблема разрешима, то лишь в отрицательном направлении. Человек немыслим вне общества, т.е. вне порядка, устанавливающего границы личного произвола, ибо право каждого ограничивается правом другого. Значит, вопрос о разумных пределах личной свободы — единственно реальный. Издавая законы, а не прокламации, Государственная Дума должна была стать на эту, а не на иную точку зрения.

Однако ни одним словом Дума не коснулась её.

Грубо и цинично стремясь к захвату власти, издеваясь над правительством и проектируя воззвания к бунту, Дума всем своим образом действий подтверждала собственную уверенность в том, что если Россия и согласится на равноправие евреев, то не иначе, как находясь на краю гибели.

Равно презирая и «sabre», и «goupillon», Дума мечтала о том, чтобы воинов заменить адвокатами, адвокатов же — евреями.

Хорошо понимая, что пресловутая «четверохвостка» — вернейший путь к фальсификации народного голосования, сыны Иуды замышляли избирательную реформу только в этом смысле. По отношению к нынешнему закону о выборах, доказавшему свою несостоятельность, не было в Думе ни одного справедливого замечания. Решительное господство анархии как результат деспотизма озлобленных предателей являлось очевидным для всех, кроме членов Думы. Монополизировав выборы в свою пользу, «жидо-кадеты» стремились к свирепому деспотизму вожаков своей партии, равно как к такой же тирании своих клубов и свистопляске их террора, какими запятнала себя первая французская революция. По заявлению еврея Острогорского, как уже сказано выше, выборы и в самой Думе сводились к списыванию имён, указанных коноводами.

Сплошной и наглый обман во время «избирательной кампании» не помешал Думе считать себя представительницей народа и даже — единственным авторитетом в стране, а с другой стороны не остановил кассации той же Думой «черносотенных» выборов в Тамбове по незначительным в сущности нарушениям.

Мужики-хлебопашцы в Думе молчали, а за них крокодиловы слезы проливали еврейские адвокаты или кагальная челядь. Маркс и Ротшильд — два взаимно притягиваемых полюса. Однако в Думе евреи помнили только о Марксе.

Не имея понятия о свободе, думский кагал и шаббес-шискели занимались тем, что, изумляясь собственному величию, грозили всем и вся и призывали новые ужасы на русский народ.

Камилл Дюмулен сказал, что вожаки французской революции «соорудили здание свободы из ночных горшков». Заправлявший Думой кагал с не меньшим правом может требовать аттестации для себя.

Героями и мучениками публично именовал политических убийц еврейский адвокат в Киеве Маргулес. Другие евреи в Государственной Думе вопили об этом на всю Россию и принуждали кричать других.

Союзник евреев, католический епископ Рооп оболгал русских людей и покушался осмеять правительство, вопреки истине уверяя, что главное несчастье старообрядцев заключается в поддержке их властью. К сожалению, было наоборот, чем в значительной мере и объясняется успех евреев даже в Москве.

Так шло дело до «последнего шабаша». Когда участь Думы была уже решена, хулы на Россию всё ещё продолжал изрыгать Винавер, а вне думского заседания ораторствовал в автономной комиссии фанатический поляк и, конечно, ставленник евреев — Ледницкий...

Гораздо раньше и не без остроумия заметил Скальковский, что уж если давать автономию инородцам

и основывать Бердичевскую, «Рахат-Лукумскую» либо «Самоварную» республики, то Китай-город в Москве надо возвратить Китаю...

Постыдный и смешной Балаган, которым являлась Государственная Дума, закончил свой позор бегством озлобленных её членов к нашим «друзьям» в Финляндию. Лучшего «апофеоза» и придумать невозможно.

Из Выборга еврейству дана была новая забота: распространять и перепечатывать новое воззвание к бунту. Телеграммы с разных концов России показывают, что сыны Иуды не дремлют. ***«Мы жаждем власти, и нет той подлости, на которую мы не решились бы!..»*** — говорят авторы воззвания. Как же «избранному народу» не спешить на помощь?!..

Тем не менее, их песенка спета. Не были они удостоены даже скамьи подсудимых, хотя вполне её заслуживали...

Но многие признаки указывают на суровый приговор, вынесенный «освободителям» Россией.

Страшны события в Кронштадте и Свеаборге. Слезы туманят взор, а стыд сжимает сердце при чтении о том, что происходило на «Памяти Азова». Быть может, предстоят и ещё испытания. Но пусть евреи и их клевреты не надеются сокрушить Россию. Есть у неё верные сыны в войсках. Тихий Дон живёт памятью своих героев. Иловайский и Луковкин нанесли роковой удар Пугачёвщине. Доблестные станичники не дрогнут и теперь. Услышав приказ, они вихрем понесутся и развеют крамолу...

Очнётся от угара русский народ, и пусть поберегутся его недруги!..

Обманули евреи, да не всех!..

«Злые глаза», которых ищут они, — исключение у русских людей... Напрасно ищут, а если и найдут — не порадуются.

Всё, что в этой юдоли плача имело начало, должно иметь конец. Умны масоны и безжалостны евреи, но, кажется, и они уж довольно посмеялись над нами!..

Нет, не бывать евреям владыками! И хотя они чрезвычайно упорны, однако, будущие выборы в Думу, во всяком случае, не дадут того, что они потеряли в её первом составе и чем не сумели воспользоваться.

«La vie est ainsi faite, — говорит Леру, — que l'on peut quitter ses amis athées et les retrouver moines». Еврейству не надо забывать этого.

Знаменитого Вирхова называли «Колумбом мрачного континента смерти». Увы, не всякий Винавер — Колумб!

В поучение россиянам не худо припомнить, как англичане относятся даже к своим друзьям, когда они — японцы...

10-го мая настоящего года японская эскадра посетила Мельбурн и пробыла там неделю. В течение этого времени происходили общепринятые дружеские манифестации, к которым, впрочем, многие австралийцы относились далеко не сочувственно. Японцы же, наоборот, старались выказать особую любезность, с целью добиться отмены закона, преграждающего жёлтой расе доступ в Австралию.

Перед отплытием эскадры командир её дал в честь местных властей обед на адмиральском корабле.

Сенатор Дэюсон, бывший министр национальной обороны, послал такое письмо: «Приношу благодарность за приглашение, но я принужден отказаться. Было бы величайшим лицемерием с моей стороны, если бы я стал, улыбаясь, приветствовать вас, господин адмирал, сел бы за ваш стол и начал бы есть кушанья, пить вина и курить сигары, а затем если бы, признавая, что Япония — ловкая, храбрая нация, я умолчал, что не питаю к ней никакого доверия. Между тем, я убеждён, что настанет день, когда Австралия глубоко пожалеет о том внимании, какое она вам оказывала в течение этой недели. История покажет, прав я или нет».

Жаль, что в отношении наших «благодетелей» — евреев до сих пор не видно сенатора Дэюсона.

Скрывать же нечего — пора нам позаботиться не о равноправии евреев с русскими, а об уравнении русских с евреями.

Такая забота тем более уместна, что, как свидетельствует летопись Нестора, ещё Св. Владимир, после беседы с раввинами, «иудейские обычаи, всячески поплевав, отверже!..»

Д. Заключение.

I. Соображая всё изложенное, нельзя не придти к убеждению, что современная анархия в России чужда блага русского народа и противоречит его инстинкту самосохранения, который, однако, присущ всему живому на земле. Таким образом, не можем подвергать сомнению, что события, нами переживаемые, управляются извне и по обдуманному плану. Цель вражеского замысла — разложение России.

Поделят ли нашу землю другие народы, или же этому будет предшествовать хаос анархических республик с еврейско-масонскими ставленниками во главе, — безразлично.

Ни один режим не эксплуатируется сынами Иуды так ловко и столь по виду корректно (разумеется, не в России, где еврейство не считает нужным церемониться), как парламентский образ правления с его теорией «арифметического большинства». Целый ряд причин, о которых здесь не место распространяться, исключают выбор лучших людей.

Напротив, анархический психоз или подкуп ведут в «палату народных представителей», нередко, отрепье с покладистой душой. Но где безумие или подкуп, там и жид, а где их целый кагал, там поднимается такая кутерьма, что «и кошка не распознает своих котят!..»

«Принизить и ошельмовать врага, нагнать на него страха, принудить замолчать и спрятаться — такова иудейская тактика. Сама же колесница революции запряжена злобой и ненавистью и управляется ведьмой социал-демократии. Освещаемая заревом пожаров и под гром восстаний, эта ведьма скачет по трупам и крови» (А.С. Суворин).

С окончательным же торжеством нынешнего «освободительного» движения Россия перестанет существовать.

II. «Голодранци всих краёв збирайтеся до купы!» — такова малороссийская формула основного девиза Мардохея Маркса. Несостоятельность её очевидна как с философской точки зрения на свободу, так и относительно её практического применения. **Социализм есть порабощение личности государством, а золотая валюта и государственные займы наряду с прессой ведут государство в рабство кагалу.**

Не говоря о России как наиболее задолженной и наделённой огромным количеством евреев, вспомним, например, что Германская империя свой первый заём на сумму 16.300.000 марок сделала в 1876 году. К 31 марта 1877 года её долги составляли уже 198.433.500 марок, а к 1893 финансовому году возросли до 1.500 миллионов марок. С тех пор, увеличиваясь ежегодно, итог государственных долгов Германии превзошёл всякое вероятие. Это прежде всего объясняется теснотой в Европе, а потому — быстрым умножением расходов на военную и морскую силу. За период с 1872 по 1893 год войско и флот обошлись в 10.936.912.500 марок. Все же вообще государственные расходы новоявленной империи равнялись 14.961.227.000 марок. Иначе говоря, расходы на военное и морское дело представляли 73% государственной сметы.

Само собой разумеется, что «государственная оборона» если и не в той же степени, то соответственно обременяет бюджет других государств наряду с непомерным его возрастанием. Что же касается золотой валюты, то её ближайшим результатом оказывается падение цен на все продукты сельскохозяйственной промышленности, т.е. закрепощение земли золотом.

Мы видим и то, что покупная сила золота увеличивается непрерывно, так как общее количество золотых денег в мире нарастает гораздо медленнее, чем объём произведений человеческого труда. Можно сказать даже, что золото конкурирует с радием. Выделяя свою энергию, радий почти не теряет её, так что и ничтожной доли этого вещества, как говорят, достаточно, чтобы запасом его силы поднять флот Великобритании на высоту Монблана. По словам Мардохея Маркса, унция золота и двадцать часов работы человека могут быть соединены знаком равенства. Это неверно уже потому, что, оплатив любой труд, золото возвращается к еврею и, конечно, с процентами, дабы путём нового займа оплатить новые двадцать часов работы, а затем с новыми же процентами вернуться к еврею и т.

д. Отсюда следует, что унция золота является эквивалентом не двадцати часов, а бесконечной массы труда. Нелепость такого положения вещей усугубляется фактом, что для сооружения, положим, канала или железной дороги в известной стране, на собственной её земле, её же материалами и рабочими необходимо занимать у евреев золото.

Среди этих условий особенно в России, международный баланс которой пассивен, а не активен, приходится употреблять крайние усилия ради сохранения золотого обращения. Мы оказываемся вынужденными для уравновешивания баланса конкурировать с самими же собой, отправляя за границу всё большие количества произведений своей земли по ценам все более дешёвым. «Мы вывозим всё: хлеб, мясо, яйца, а вместе с тем — и частицы нашей почвы, вывозим даже собственные волосы, — как говорил Вышнеградский, — сами не доедим, а вывезем!» Далее для привлечения капиталов мы отдаём иностранцам эксплуатацию богатств и рабочих рук страны. В результате, иностранцы высасывают золото и по закону, выведенному Генри Джорджем, [13] своими крупными производствами убивают конкуренцию, пожинают благосостояние окружающей местности, а засим не в счёт абонемента дарят нам социализм. Уже к 1 января 1902 г. иностранных капиталов по предприятиям в Росси, было 1.043.977.000 рублей. Вместе же с государственными займами по означенным капиталам за 20-летний период (1882-1901 г.) в уплату процентов и погашения Россия внесла около 4.372 мил. рублей. Если добавить расход русских за границей в течение того же периода на сумму 1.370 мил. рублей, то итог уплат достигнет 5.740 миллионов рублей или около 15,5 миллиардов франков. Значит, в каждые 6,5 лет наша дань иностранцам равняется контрибуции, взятой с Франции её победительницей Германией. С возрастанием задолженности за последние пять лет (1901-1906 г.) увеличились и наши заграничные платежи. Они могут быть теперь приняты, по крайней мере, в сумме 1.000.000.000 франков ежегодно. И так без войны, без затрат, без человеческих жертв иностранцы всё более и более покоряют нас, каждые пять лет нанося России такой же финансовый разгром, какой испытала Франция в 1870 году.

Чтобы оценить это явление по достоинству, не мешает вывести на справку хотя бы некоторые статистические данные: [14] а) земледелием кормятся: в Англии — 18%, в Германии — 35%, во Франции — 46%, в России — 65% населения; б) расход чугуна на душу достигает в России лишь 44 фунтов в год, тогда как в соседней Германии мы встречаем уже 308 фунтов; в Англии — 403 фунта, а в С.-А. Штатах — 448 фунтов; ежегодное потребление угля на душу населения равняется у нас 7 пудам, во Франции — 60, в С.-А. Штатах —147, а в Англии — 237 пудов; годовое потребление сахара на одного жителя составляет в России только 9,7 фунта, в Германии — 25,7 ф., в Дании — 60,2 ф., в Англии — 90,9 ф. и т.д.; в) русский крестьянин тратит на своё пропитание в год 20 р. 44 коп., немец — 70 р. 14 коп., ирландец — 97 р., англичанин — 101 р. 25 коп., а француз-канадец — 116 р.; [15] г) вследствие хронического недоедания и тяжёлых условий жизни самый сильный некогда в Европе русский народ даёт теперь поражающую картину вырождения. Из отчётов Военного Министерства об исполнении воинской повинности видно, что в 1873 г. процент негодных едва превышал 6; затем, с 1883 по 1892 год, он держался около 7; с 1892 же года, т.е. времени, когда начал проводиться в русскую жизнь ряд новых финансово-экономических мероприятий, этот процент стал быстро повышаться и в 1901 году достиг уже 13-ти, хотя именно в этот период требования, предъявляемые к новобранцам в отношении роста и объёма груди, были понижены; д) параллельно со сказанным, как выяснено запиской генерал-адъютанта Н.М. Чихачева, сберегательные кассы наравне с учреждениями по казённой продаже питей, являются насосами, вытягивающими мелкие сбережения населения для передачи их в Государственный Банк. Мы же в свою очередь заметим, что операции этого Банка по одному учёту векселей, представляемых частными банками (в большинстве еврейскими) весьма способствуют развитию замыслов иудаизма; е) первое место в нашем вывозе за границу принадлежит хлебу; за ним идут другие естественные произведения в сыром или полуобработанном виде: лес, нефть, металлы и проч. Вывоз же мануфактурного товара не превышает 20.000.000 рублей в год. [16] Но и по отношению к хлебу и к сырью вообще нас теснят со всех сторон, благодаря значительному превосходству своей культуры, С.-А. Штаты, Аргентина, Канада и Австралия. Вынуждаемая же собственной задолженностью и благоприятствуемая нашими невзгодами в японской войне, Германия

с 17 мая 1905 г. вступила с Россией в договор, по которому таможенные пошлины против договора 1894 г. значительно возвышены на все главные предметы нашего вывоза, а именно: на пуд ржи добавлено 10 коп., на пуд пшеницы — 13 коп., на пуд овса — 18 коп. и т.д. ж) В России обучается детей школьного возраста 41,7%, а в Японии (согласно данным за 1905 г.) 93,23%. У нас имеется 84.517 школ, а требуется 371.428. До сих пор это требование не только не удовлетворилось, но одна из первых забот нашего учебного ведомства состояла, по-видимому, в скорейшем ожидовлении средних и высших учебных заведений, т.е. в лишении русского народа и того, что у него есть.

III. Указанные обстоятельства достаточно раскрывают наше экономическое и финансовое положение. Совершенно ясно, что для поддержания золотого обращения, независимо от платежей по займам, нам приходится одалживать вновь и вновь. Но задолженность кончается потерей кредита со всеми последствиями. Нельзя поэтому не удивляться, что, имея крайнюю нужду в золоте, мы, по совету Витте как министра финансов, принимали меры к ограничению добычи этого металла в России. Так, 12-го апреля 1901 года разрешена была вольная продажа золота, а вследствие этого добыча его сразу начала падать, хищническая же разработка и воровство на золотых приисках стали развиваться. Минуя правительственные лаборатории и казначейства, золото уходило за границу. Тогда как в 1903 году было представлено в казну для сплава 2.571 пуд, в 1904-м году оказалось всего 1668 пудов. Наряду с этим законами 1892, 1893 и 1896 гг. , а также и распоряжениями 1898 г. закрыта или запрещена добыча золота во многих золотоносных местностях Сибири, Уссурийского края и Камчатки. Более всего поразительно, что угнетение золотопромышленности развивалось именно с 1892 года, т.е. с началом перехода на золотую валюту. По самым же осторожным вычислениям, [17] один только Амурский бассейн может дать не менее 1.125.000 пудов золота на 20.000.000.000 рублей. Если мы относились таким образом к золотой течи в своём балансе на сумму до 300.000.000 рублей ежегодно, то, по-видимому, следовало ожидать внимания хотя бы к вопросу о биметаллизме. Однако, произошло обратное. В тот самый период, когда в германском рейхстаге две трети его членов поняли наконец Кардофа, требовавшего возврата к двойной монетной системе, т.е. к золоту и серебру; когда вся земледельческая Америка проводила на пост президента никому раньше неизвестного молодого адвоката из Небраски — Байрона за то, что он обещал спасти нацию от распятия на золотом кресте, и когда, наконец, сам его противник — Мак-Киндлей признал неизбежность возврата к биметаллизму путём международного соглашения, Витте искусственно, через тягостные внешние займы фиксировал курс нового рубля уже с 1892 года, а 29 августа 1897 года исходатайствовал указ о введении золотой валюты.

Мы не имеем возможности рассматривать эту проблему далее, но положение России достаточно показывает, куда мы идём.

Золото владеет миром, а еврей — золотом.

Революционная деятельность еврейства раскрылась воочию. Биржа навязывает нам лечение социализмом. Опьяняя пролетариат свирепыми фантазиями, деморализуя массы населения и повергая русский народ на край гибели, иудейско-масонский союз сверх золотого рабства манит нас и прелестями социал-демократии. Отвращая наше внимание от золотой валюты как своей cheval de batalle, названный потаённый союз грозит не одному имуществу, а и самой жизни каждого из нас. Выудив несколько миллиардов во Франции, всемирный кагал нажил огромные барыши как фактор и как эксплуататор России, а теперь, разоряя и Россию, и Францию, вновь собирает неимоверный «биржевой» урожай. Посему мы обязаны принимать меры к своей защите. Чем больше «освободителей» замалчивают сказанное, тем с большей энергией мы, по совету Наполеона I, должны памятовать об основном правиле стратегии — не делать угодного неприятелю.

Целые страны, как Мексика и Китай, остаются при серебряных деньгах. Их благоденствие увеличивается, и вопреки неудобству при сношениях со странами, усвоившими золотую валюту, ни Мексика, ни Китай принимать её не собираются. Пора и нам отречься от поклонения золотому тельцу. Еврейская пресса и обольщённая кагалом «наука» не спасут от банкротства, сколько бы ни окружали они нас золотым кошмаром. Поймём же, наконец, что раболепие перед нынешней монетной системой — одна из важнейших причин нашей социальной анархии. Освобождение от биржевой тирании и

подъём земледелия как главенствующего у нас промысла немыслимы без коренной реформы нашего денежного обращения. Обратный переход от золотой валюты к серебренной [18] будет, разумеется, болезненным, но при хорошо обдуманном и осторожно проведённом плане он потрясения не вызовет. Наоборот, обусловливая истощение производительных сил России и возрастание её задолженности, дальнейшее господство золотой валюты приведёт к экономической катастрофе, тем более ужасной, чем дольше она будет маскироваться. [19]

Если бы нам предстояло разрешить только один этот вопрос, то и тогда нельзя было бы допускать главенства в Думе евреев. Возражать против данных истории еврейства, даже когда оно само не заинтересовано, было бы смешным, а уверять в верноподданичестве сынов Иуды к тому или другому государству бесстыдно.

Присоединение польских владений не означало покорения России евреями. Свободная Англия не даёт прав гражданства лицу, не родившемуся в Соединённом королевстве. Индус, хотя бы и принц, не говоря о канадце или новозеландце, помыслить не дерзает о политических правах в самом Альбионе... В Японии народными депутатами являются исключительно японцы. С.А.С. Штаты не мироволят еврейству, а тамошняя полиция относится к ним весьма непочтительно. Членов «избранного народа» не пускают и в порядочные гостиницы. Обратный же факт считается признаком недалёкого банкротства хозяина. Насколько же было позорно для России, когда её собственными «хозяевами» в Государственной Думе оказались евреи под лживыми кличками «кадетов» и «трудовиков», провозглашавших разбой как идеал свободы et tutti quanti?!..

В пророческом духоведении рисуя плоды нашествия иудаизма в Россию, Ф.М. Достоевский почти дословно предсказал то, что совершается ныне. В статье же «Pro u contra» («Дневник писателя» за 1877 г.) он говорит:

«Наверное, нет в целом мире другого народа, который бы столько жаловался на судьбу свою, поминутно, за каждым словом и делом, на своё мученичество, как евреи...

Подумаешь, не они царят в Европе, не они управляют политикой, внутренними делами, нравственностью государств!..

Мне иногда в голову приходила фантазия: ну что если бы не евреев было три миллиона, а русских, евреев же — восемьдесят миллионов?!.. Во что обратились бы русские, как бы евреи третировали их?.. Дали бы сравняться с собой в правах? Позволили бы молиться свободно? Не обратили бы прямо в рабов? Хуже того, — не содрали бы кожу совсем?!.. Не выбили бы их дотла, до окончательного истребления, как делали с чужими народностями в старину, в древнюю свою историю?!..»

IV. Земледелие не может обходиться без кредита. Современное же его состояние в России выгодно одним евреям. Вот почему на революционных митингах и в самой Государственной Думе данный вопрос не затрагивался. Революционеры взамен этого перешли к явному или сокрытому отрицанию права собственности на землю, т.е. к безграничному расширению эксплуатации русского народа кагалом. Таков был первый результат еврейского равноправия и во Франции. Как самый тяжёлый вид народного порабощения тирания евреев в области кредита под землю обращала на себя внимание ещё Наполеона I. Если распоряжения, им отданные, не привели к цели, то при современной финансовой диктатуре сынов Иуды было бы по меньшей мере глупо содействовать ей. Между тем, раболепствуя перед Израилем, который их презирает, наши либералы льют крокодиловы слезы о судьбе мужика и вместе предают его на произвол невиданного еврейского хищничества.

«Ограбная» реформа уже нашла себе достаточную оценку. Поэтому, руководствуясь трудами кн. Евгения Трубецкого в «Московском Еженедельнике», мы добавим лишь несколько слов.

«Земля — Божья!» — такова первая среди излюбленных аграрными теоретиками «самоочевидных» истин. Отсюда выводится, что земля должна принадлежать всему народу, а не частным лицам. Неопределённая сама по себе, эта формула, наполняясь конкретным содержанием, превращается в требование национализации земли. Наконец, дальнейшими звеньями рассуждения обусловливается передача земли в руки тех, кто её обрабатывает, т.е. — наделение по «трудовой нормы» и т.п.

Но, в этой цепи силлогизмов разумная связь заменяется уродливыми скачками. Понимание действительности совершенно отсутствует, а общественная польза игнорируется от начала до конца.

Что указанные требования не вытекают одно из другого, в этом не трудно убедиться.

Прежде всего из положения «земля — Божья» не следует, что русский народ или его государство в пределах известной территории полновластны. Из приведённого положения нельзя вывести не только собственности, а и верховенства какого-либо одного народа. Указанная формула скорее обязывает распорядиться землёй так, чтобы она служила на пользу всему человечеству. Далее из государственного верховенства отнюдь не явствует требование национализации.

Понятия верховенства и собственности не покрывают друг друга, а если верховенство приурочено к общему благу, то народ должен сделать из земли такое потребление, какое в данный момент этому благу соответствует. На каком же основании земля должна стать предметом общей собственности, когда при тех или иных исторических данных ближе гармонирует с условиями общественной пользы собственность частная?

Ясно, что вопрос можно разрешить лишь по указаниям опыта. Для этого нужно знать страну и её историю, что, конечно, неудобно для свободных от познаний теоретиков.

Далее из обычных в «аграрной» реформе логических скачков самый грубый — тот, который заключается в переходе от национализации к требованию передачи земли в руки лиц, её обрабатывающих. Путаница понятий достигает здесь своего апогея.

Мы видим смешение одинакового права всех граждан извлекать пользу из производительных сил земли и равного для всех права её возделывать. Земля должна служить на пользу всего населения, т.е. как земледельцев, так и неземледельческой части онаго. Если дешёвый хлеб обеспечивается всему населению, производительные силы земли возрастают, и уровень народного благосостояния поднимается, реформа хороша. Наоборот, если реформа влечёт за собой истощение земли, понижение культуры и вздорожание хлеба, то затея этого рода представляется негодной и несправедливой. Забота государства должна быть направлена не на тех только, кто возделывает хлеб, но в особенности на тех неземледельческих рабочих, которые его покупают, равно как и на таких земледельцев, которым вследствие плохого качества земли своего хлеба не достаёт.

С точки зрения общественной пользы, цель законодательства может состоять не в распределении земли поровну, а в передаче её тем, кто может и хочет возделывать её к наибольшей выгоде всего населения.

Нелепость таких формул, как «передача земли только тем, кто её обрабатывает личным трудом», и «трудовая норма» раскрывается из следующего:

С первого взгляда может показаться, что исключение наёмного труда в земледелии есть благодеяние для беднейшего сельского населения. Между тем, будучи понимаемо буквально, оно представляет сугубую жестокость именно по отношению к сирым и обездоленным. Крестьянка-вдова с малыми детьми должна быть, по этому рецепту, изгнана с земли, обработанной умершим отцом семьи, а крестьянин, не имеющий инвентаря, — лишён возможности кормиться привычным для него сельским трудом, хотя бы по найму.

Независимо от этого, устроить сад, огород или виноградник часто бывает нельзя без наёмного труда. Устранение такого труда равносильно запрету улучшений в хозяйстве.

А что значит «личный труд», — умственный или только физический? Ведь никто не станет оспаривать значение умственного труда в земледелии. Посему исключать такой труд — значит вести сельское хозяйство к одичанию. Ограничение землевладения пределами, в коих достаточен свой личный труд, отвлекает умственные силы от земли, ибо человек образованный и мыслящий не поселится в деревне ради возделывания 3-х или 4-х десятин.

Но если принять во внимание и умственный труд, то понятие о «трудовой норме» испаряется, так как этот труд не поддаётся нормировке.

Впрочем, «трудовая норма» остаётся непригодной даже при устранении умственного труда, потому

что и физическая «трудовая норма» сама по себе бесконечно разнообразна, в зависимости от того, какими орудиями, техникой и капиталом располагает землевладелец. В принципе означенная форма лишена того демократического смысла, который обыкновенно с ней связывается. Истинный демократизм не имеет ничего общего с демократическими утопиями. Напротив, он мирится с теми отступлениями от поголовного равенства, которые вызываются требованиями общественной пользы.

Всё, что способствует увеличению массы сельскохозяйственных произведений, должно быть ради общего блага поддерживаемо, а не уничтожаемо. Было бы преступлением устранять неиспользованным капитал, вложенный в сельскохозяйственные строения, усовершенствованные орудия и породистый скот. Земельная реформа, которая обрекала бы страну на гибель скотоводства, плодоводства, виноделия и сельскохозяйственной промышленности, была бы верхом безумия. Оставить же Россию без шерсти, сахара, вина, мяса и дешёвого хлеба значило бы обречь на нищету именно народные массы.

Низкие сборы с крестьянских земель [20] имеют последствием факт, что чистая прибыль с крестьянской пашенной десятины ниже того заработка, который крестьяне получают при обработке частно-владельческой десятины. Повышение крестьянских урожаев до сравнения с землевладельческими в среднем давало бы крестьянам увеличение сборов на 336 миллионов пудов зерна, имеющего вывозную цену в 238 миллионов рублей. За вычетом же стоимости провоза по железным дорогам — 50 миллионов рублей, оставалось бы на руках у крестьян 180 миллионов рублей, т.е. больше, чем крестьянство платить по всем прямым налогам. Если же с уничтожением помещичьего землевладения сборы хлебов понизились бы до крестьянского уровня, то вывоз зерна за границу упал бы на 150 миллионов пудов или на 107 миллионов рублей ежегодно. Итак, при подъёме культуры государство на народном хозяйстве выиграет 238 миллионов рублей. При распределении же земли крестьянам потеряет 107 миллионов рублей. Разница 345.000.000 рублей в год. В первом случае последует прибыль в 336.000.000 пудов зерна, во втором — убыль 150.000.000 пудов. Разница 486.000.000 пудов.

V. Обращаясь к вопросу о переселении, мы из докладов на IV Хабаровском съезде 27 апреля 1904 г. видим, что в одной Приморской области имеется не менее 6.000.000 десятин, вполне годных под культуру, а по всему Амуру только для заселения в первую очередь есть свыше 24.000.000 десятин земли. По самым осторожным расчетам, при условии искусственного орошения с расходом в 30 руб. на десятину, но также и с прекрасными урожаями насчитывается в Туркестане до 5.000.000 дес., годных под колонизацию. А если ко всему поименованному добавить незаселённые кабинетские и казённые земли Западной Сибири, то образуется земельный фонд не менее 50.000.000 десятин. Этого достаточно для поселения нескольких миллионов душ. Помимо сельскохозяйственной деятельности, переселенцы найдут применение своих сил и в разработке колоссальных естественных богатств Сибири, что, конечно, послужит к увеличению и общего благосостояния России.

VI. Поэтому вместо ужаса и разбоя, которые явились результатом «ограбной» реформы жидо-кадетов и К°, существует ряд способов разрешения крестьянской нужды в нашем отечестве. Отсылая любознательного читателя к другим выводам С.С.Бехтерева, равно как и к литературе этой проблемы вообще, мы в заключение обязаны указать на следующее:

а) Безвозмездное отчуждение частновладыческих земель для раздачи крестьянам преступно, опасно и бесцельно. Разрушая право собственности даже на землю и угрожая, следовательно, всякому иному праву на имущество, в том числе и земельным угодьям самих крестьян, такая мера повлекла бы за собой деморализацию и одичание населения, выразилась бы в повальной нищете и завершилась бы вмешательством иностранных держав.

б) При массовом отчуждении частновладельческих земель за вознаграждение, фондовый рынок оказался бы заполненным ипотечными бумагами Крестьянского Банка в размерах прямо чудовищных, а это повлекло бы за собой обесценение всех процентных бумаг и отозвалось бы колоссальными потерями их владельцев. Прежде всего, разорились бы, конечно, нынешние держатели ипотечных бумаг, в том числе многие иностранцы, что не могло бы пройти бесследно как для государственного кредита, так и для внешней безопасности России. Внутри же страна подверглась бы страшному

экономическому и социальному потрясению. Не было бы счастливых, оказались бы только несчастные и потерпевшие, не исключая самих крестьян, ради мнимого обогащения которых такой всеобщий разгром был бы предпринять. Roma locuta est!..

«Жидо-кадеты» и их прислуга не могут не понимать этого. Стало быть, «ограбная» реформа была затеяна ими только как политический маневр. Терроризация правительства и народа рассматривалась, значит, революционерами как вернейший путь к захвату власти и еврейскому равноправию, т.е. к деспотизму кагала. Если, тем не менее, подобный замысел мог быть двинут в ход, то исключительно путём наглого обмана.

«Врёшь, пёс, под казаков подводишь!..» — говорят уже агитаторам и сами крестьяне...

Будем же верить, что здравый смысл крестьянства проснётся окончательно, на погибель злодеям и предателям. С умом и оглядкой станет русский народ избирать в Государственную Думу честных и добрых русских людей, а они уж рассудят по непостыдной совести!..

VII. А как и кого выбирать?

Прежде всего населению необходимо иметь возможность баллотировать не выборщиков, а самих депутатов Государственной Думы непосредственно. Затем надо, чтобы избиратели могли делать выбор не между заведомо лживыми или же ни для кого необязательными «программами» партий, а из среды живых людей. Наконец, следует сделать так, чтобы преобладающее значение на выборах принадлежало строителю русского государства — русскому народу в его благомыслящей массе.

Этим обуславливается коренной пересмотр нынешнего положения о выборах в Думу, так как оно было составлено Витте в обратном направлении и рассчитано на устранение здравых сил России в пользу евреев с их соучастниками. Между тем, Россия должна быть для русских.

Вопрос о созыве Государственной Думы или Земского Собора определяется необходимостью сохранить за русской народностью главенство в государстве Российском и замыслами врагов о порабощении нашей родины как презренного для них скопища «черносотенцев»...

Сущность вопроса заключается в ограничении хотя бы на смутное время состава депутатов русскими людьми, т.е. в настоятельности созыва Земского Собра, а не Думы — для спасения тех заветов нашей истории, которым иноверная и иноплеменная анархия, командуемая еврейско-масонским союзом, грозит полной гибелью. К сожалению, здесь нет возможности сосредоточиться на этом сложном вопросе. Veraque incessu patuit Dea!..

Тем не менее, злодействуя с невиданной наглостью, «освободительный» психоз [21] и революционный террор приковывает население к проблеме выборов. Столь запятнанная вероломством и ненавистью к России, партия «народной свободы» ещё раз поднимает голову. Рядом с ней под новыми кличками возникают другие, столь же своекорыстные, отнюдь не русские и с кагалом заигрывающие партии «обновления» разных оттенков. Дурные копии еврейского оригинала, они дерзают с ним состязаться только ради собственного эгоизма, но, разумеется, будут опять отброшены на выборах к подножию Израиля. Повредив русскому делу вновь, они едва ли успеют хотя бы отчасти подтасовать в свою пользу издевательства жидо-кадетов над измученной страной.

Вот почему не мешает приглядываться к названному иудейскому подлиннику заранее, отмечая его основные черты в подвигах его «рукоприкладчиков».

В этом направлении, заслуживает внимания благородная статья редактора газеты «Русская Земля» С. Глинки, напечатанная 2 августа 1906 г. в №124 этого мужественного органа русской прессы:

Величайшее преступление.

Всякий обман своих ближних есть мерзость и низость. Но когда обманщики прибегают к обману взрослых, образованных людей, их преступность смягчается тем обстоятельством, что образованные люди имеют все средства самозащиты. Они могут разобраться в обмане, могут ему противостоять. Когда же обманывается молодёжь, а тем более тёмные массы, то чем серьёзнее последствия обмана, тем он является более тяжким преступлением. Верх же преступности — обман голодных людей, выбивающихся из последних сил, обещаниями, которых обманщики и не думают приводить в

исполнение.

Так именно поступила партия «кадет». Чтобы заручиться на выборах сочувствием сельского населения, вырождающегося вследствие постоянного недоедания, главари партии заверяли крестьян, что добьются в Думе в их пользу всей земли и даже бесплатно. А чтобы завербовать в свои ряды землевладельцев, те же главари заверяли их, что отчуждение земель будет произведено по справедливой оценке», — понимай под этим выражением: «в обиде не будете».

Профессор Милюков всё-таки подписал две программы, из которых одна распространялась среди крестьян, и в ней было сказано, что земля отойдёт к ним без выкупа, и другая — для помещиков. А в ней значилось, что земля будет выкуплена по справедливой оценке...

Обман совершён был вполне открыто, вполне сознательно в расчёте на то, что землевладельцы не выдадут Милюкова, а крестьяне не узнают об этой гнусной проделке.

Они, конечно, и не узнали. Да и не только крестьяне, но и образованное общество поставлено было в тупик. Господин Милюков весьма искусно прятал концы обмана, и даже, когда в печати возбуждён был вопрос, — какая же из двух программ, подписанных Милюковым, должна считаться правильной, он обрушился на разоблачителей руганью и бранью. «Как, мол, смеете подозревать профессора в обмане! Если в типографии отпечатана была двойная программа, то это — типографская ошибка».

Извольте видеть, типография оказалась виноватой, что г. Милюков с шайкой обманщиков подписал две программы!..

Тем не менее, «типографская ошибка» не была исправлена, и по России агенты «кадет» убеждали крестьян, что вся земля будет отдана им... Такими же путями обманывали «кадеты» и другие слои населения. Победа оказалась блестящей. «Кадетское» большинство в Думе повелительно заговорило с Правительством. Но, разумеется, о даровом отчуждении земли никто не думал, и прежде всего об этом не думали сами же «кадеты», — ведь главари их, сами земледельцы, пробрались в Думу отстаивать свои интересы.

Крестьяне были одурачены.

Но и этим обман не кончился. Явившись в Думу, «кадеты» с пылом и треском возвестили России, что они будут отстаивать принудительное отчуждение всех земель. Раньше, чем Правительство успело высказать какое-либо мнение, думцы уже принялись громить его за предполагаемое противодействие. Когда г. Гурко от имени Правительства приводил цифровые данные и доказывал, что крестьянские нужды должны быть удовлетворены, но не по проекту, состряпанному г. Герценштейном, ибо этот проект нелеп и бессмыслен, то мнимо-учёный вместо ответа только выкрикивал угрозы, что Дума, мол, заставит Правительство считаться с требованиям народа!..

Со стороны казалось, что Дума отстаивает народ против каких-то козней Правительства. Но это именно только казалось. В действительности же, кажущаяся борьба была средством возбудить население, поднять его против власти и тем заставить министерство очистить «кадетам» министерские посты. Серьёзно же к решению земельного вопроса «кадеты» и не приступали. Весь земельный проект они благополучно сдали в комиссию, а сами занялись белостокским погромом, равноправием евреев, законом о собраниях и т.п. Но народ был уже взбаломучен, а члены Думы подогревали его нетерпение. Думская же комиссия изобретала всевозможные исключения, чтобы выгородить все имена самих обманщиков. [22]

Таким образом, тактика мнимых благодетелей сводится к означенному преступному обману. Перед выборами всем делались заманчивые обещания в полном сознании, что они никогда не будут исполнены. Обман основан был на том, что Правительство, или Государственный Совет не допустят открытого грабежа. Если же, тем не менее, проект насильственного отчуждения всех земель пройдёт, то создано будет столько исключений, что члены партии «кадет» не потерпят никакого убытка.

В Государственной Думе выставлены были самые крайние требования именно с целью вызвать протест Правительства. Когда же Правительство его и высказало, поднялся гам и крик, что Дума будет бороться за интересы крестьян, а рядом с тем члены Думы разъезжали по России с целью вызвать везде беспорядки или, как говорил покойный Герценштейн, «иллюминации». По мнению

думцев, грабежи и пожары служили выражением народного негодования на несогласие правительства принять проект Думы, хотя никакого проекта ещё и не было. Под шумок же думская комиссия стряпала проект, который не имеет ничего общего с теми речами, какие громко, на весь мир произносились в Думе.

Поддерживая в населении и в представителях от крестьян праздные надежды на думский земельный проект, партия «кадет» обрабатывала свои делишки, устремляясь всеми силами к захвату власти. С думской кафедры раздавались всё более и более наглые требования, запросы сыпались, как из рога изобилия, в населении вызывались возмущения, в среде войск велась пропаганда самими членами Думы...

Когда же всё сорвалось, когда Правительство решилось распустить Думу, обманщики пустили в ход усиленную агитацию, будто бы Дума распущена из-за своего земельного проекта. Между тем, судя по заявлениям и распоряжениям Правительства, оно идёт несравненно прямее и открытее к удовлетворению нужд земледельческого населения, нежели все гг. Милюковы...

А сколько тяжких преступлений совершено уже и ежедневно совершается! Сколько сожжено усадеб, хлеба, скота!.. Сколько перебито людей!..

Таковы последствия злодейского обмана целой политической партии. Но главари её благодушествуют, не подвергаясь никакой ответственности. Те же несчастные, полуголодные люди, которые им верили, идут под пули или ссылаются в каторгу!

Такова ещё правда на Руси! Главные злодеи никогда не несут кары. За них всегда отдувается мелкота...

* * *

Нужно ли добавлять, что «на всякий случай» некоторые из паладинов «народной свободы» поспешили заблаговременно при содействии Крестьянского Банка, разумеется, и за хорошие цены сбыть свои имения мужикам, а затем даже купить себе «замки» во Франции, где, как известно, был издан закон, которым под страхом смертной казни воспрещено посягательство на право собственности... Так, между прочим, устроился подстрекатель на убийство Жданова, и конечно, сторонник «отчуждения» земли в России «профессор» Ковалевский, а «профессор» Герценштейн своими земельными гешефтмахерствами даже весьма прославился...

Следует ли указывать, наконец, что в самой Москве не было ни одной общественной панихиды о севастопольских жертвах, о растерзанных еврейскими бомбами тверском губернаторе Слепцове, самарском губернаторе Блоке или графе Коновницыне, равно как об убитых из «освободительных» браунингов генерале Козлове, помощнике варшавского генерал-губернатора Маркграфском, адмирале Чухнине или мичмане де-Ливроне. Наоборот, такая панихида была совершена о канторе «иллюминаций» Герценштейн?!..

Трудно сказать, где здесь кончается грубое невежество, и где начинается измена. Во веком случае, те кто вопреки всему происшедшему, упорствуют в раболепии перед евреями, должны помнить, что евреями же они и будут наказаны. Если в своей безумной ненависти и в ослеплении гордыней сыны Иуды пользуются идиотизмом слепых или мстительностью предателей в настоящее время, то, одержав победу, евреи истребят их. Достаточно прозорлив всемирный кагал, чтобы к таким средствам успеха не питать ничего, кроме отвращения. Безжалостен иудаизм, и его презренные рабы должны будут понести кару уже за то, что посягнули на обман его. А между тем, пора бы, кажется, кое-чему научиться.

VIII. В Библии есть два рассказа о потопе, которые не только представляют его совершенно невероятным с естественной точки зрения, но вполне противоречат друг другу. Новейшие же изыскания в древней Вавилонии убеждают нас в том, что и общее содержание помянутых рассказов заимствовано у вавилонян. Однако, и в заимствовании сказался еврейский характер. *«В бушующей стихии, — говорит Ксисутр, — я посмотрел на обширное море и громко закричал от скорби, так как все люди погибли!»*. Эдуард Зюсс, известный австрийский геолог, признаёт, что, благодаря подобным чертам, «простой рассказ Ксисутра носит печать удивительной правдивости». О сострадании еврейского Ноя мы ничего не знаем. Вавилонский Ной обоготворяется вместе с женой. У израильтян

же по отношению к женщине мы не встречаем ничего подобного.

Вавилонские боги — это живые, всезнающие и человеколюбивые существа. Они внемлют молитвам и хотя сердятся на грехи смертных, тем не менее всегда готовы простить их. До сих пор в массовых раскопках в древней Вавилонии не было найдено ни одной неблагопристойной фигуры. Наоборот, у евреев в древности мы то и дело видим не только ритуальную проституцию, а и связанные с ней «бескровные» жертвы Молоху.

Глубоко знаменательны, к сожалению, доныне ещё не переведённые на русский язык, следующие учёные труды: а) «Die Menschenopfer der alten Herbaer», eine geschichtliche Untersuchung von D-r Professor F.D. Ghilliany, 1842, Nurenberg, 6) «Der Feuer und Molochdienst der alter Herbaer, als urvaterlicher, legaler, ortodoxer Cultus der Nation», —von D-r E. Fr. Daumer, и в) «Du molochisme juif, etudes critiques et philosophiques» par Tridon, Bruxelles, 1884.

В действительности семиты, вероятно, — единственные люди в целом мире, которые были и могли быть настоящими идолопоклонниками. Напротив, ни в одной отрасли индоевропейской семьи, ни в какую эпоху не было идолопоклонства. Из всех людей, по-видимому, только евреи умудрились фабриковать золотых тельцов и медных змиев, а затем и поклоняться им. Никогда и ни одному народу не было так трудно, как евреям, подняться до возвышенной идеи Божества и сохранить это понятие в чистоте. Наоборот, представление о Браме стало в Индии мало помалу так возвышенно, что для иного жизненного образа уже ничего не оставалось. Брама индийских мудрецов, бесспорно, — высшая религиозная идея, какая когда-либо существовала. О чистоте монотеизма персов свидетельствует даже еврей Дарместетер. Греки признавали не единство божеской личности, а единство божеской сущности — единство божества, воплощаемого во многих богах. В своём сочинении «de Civitate Dei» отец церкви блаженный Августин доказывает, что, по взглядам образованнейших римлян его времени, Юпитер есть единый бог, а все прочие боги — только воплощение его «virtutes». Апостол Павел говорит (к Римлянам, I, 21), что римляне знали, что Бог один. [23]

С другой стороны, само имя Иеговы не принадлежит евреям, а заимствовано у вавилонян, точно так же, как, по-видимому, и рассказ о грехопадении. [24]

В Ветхом Завете множество противоречащих друг другу двойных рассказов и неразрешимая путаница, возникшая во Второзаконии, благодаря разным переработкам и вставкам. В религиозном каноне есть такие произведения, как книга Иова, которая в выражениях, местами граничащих с богохульством, подвергает сомнению само существование справедливого Бога, или же такие, чисто светские произведения, как свадебные песни Соломона (так называемая «Песня Песней»). В другой песне любви (пс. XLIV, 11 и 12) мы читаем: «Слыши, дщерь и смотри и преклони ухо твое, и забудь народ твой и дом отца твоего. И возжелает царь красоты твоей, ибо Он — Господь твой, и ты поклонись Ему». [25]

О злодеяниях, «правомерно» совершённых евреями при завоевании Ханаана, а также впоследствии, равно как о беспримерной жестокости и страшной деморализации «избранного» народа и его царей на пути их истории мы помним достаточно, чтобы не стоило повторять вновь.

По крайней мере, до времён изгнания еврейские пророки (а это — самые великие) ничего не знали об ожидании Мессии. [26] В Ветхом Завете даже нет этого слова, а один из самых выдающихся теологов нашего времени, — Лагард, обращает внимание на то, что и выражение «Ma-schiach» не есть коренное еврейское, а лишь позднее заимствованное из Ассирии или Вавилона. Особенно же поразительно, как представление о Мессии беспрестанно меняло свой образ и содержание. В трактате «Санхедрин» вавилонского талмуда, мы замечаем невообразимую путаницу и вздорность различных представлений о Мессии.

Тем не менее, важное и твёрдое, как скала, убеждение, что они когда-нибудь будут владеть миром, не покидало евреев. «Преувеличенная вера в особенное Провидение, — говорит Ренан, — составляет основу еврейской религии». В прошлом — чудеса Божьи на пользу евреев, а в будущем — ожидание Мессии и владычество над миром, — таковы два, взаимно дополняемые, элемента воззрения евреев на

историю.

Их отношение к Богу, с самого начала, было политическим. Идея «Бог есть любовь» не встречается ни в одном чисто еврейском сочинении, ни в каком периоде. [27] Равным образом не известна евреям идея о бессмертии души.

Поэтому нет надобности приводить доказательства политеизма евреев: их можно найти в любом учёном сочинении и чуть ли не в каждой странице Ветхого Завета. Даже в псалмах Давида призываются «все боги» к поклонению Иегове. А если для позднейших евреев Иегова является «единым богом», то лишь в той степени, в какой сами евреи, как мы узнаем от еврея же Филона, суть единственные люди, в прямом смысле слова. Робертсон Смит, сочинение которого «Religion of the Semites» считается самым основательным в научном смысле, говорит, что монотеизм проистекал не из первоначальной религиозной склонности семитического духа, как это было у арийцев, а главным образом являлся политическим следствием. У Исайи (XLIX и LX) Иегова говорит Израилю, что язычники будут рабами евреев, а их цари и царицы падут пред евреями ниц и будут лизать прах под ногами их; далее язычникам повелевается всё золото и все сокровища свезти в Иерусалим, ибо евреи *«навеки наследуют землю»*; народы же и царства, которые не захотят служить евреям, погибнут, и такие народы совершенно истребятся!..

«Семит, — удостоверяет Ренан, — **знает обязанности только в отношении себя самого. Стремиться по пути мщения, требовать того, что, по его мнению, составляет его право, таков, в его глазах, его неизменный дол г. С другой стороны, требовать от него верности слову или беспристрастия в отправлении правосудия — значит домогаться невозможного. Кроме необузданного себялюбия, ничто не владеет страшной душой евреев. Личный интерес никогда не изгоняется из их морали... Самый святой между ними не считает за грех тягчайшие преступления, чтобы достигнуть цели»**.

«С нетерпением поджидают сыны Иуды, — говорит Роллинг, — кровавых войн, разгрома целых местностей и разрушения государств!..»

Вся их надежда — триумф, подобный одержанному Моисеем над хананеями и способный повести их во славе к возврату Иерусалима, предварительно восстановленного гоями в древнем блеске. Таковы замыслы, выражающие дух истолкования пророков раввинами. Таковы идеи, преемственно передаваемые и врезываемые в сознание этого народа. Так именно во все времена подготавливались сыны Израиля к означенному событию как верховному пределу иудейского племени.

«Мессия, — поясняет еврей Драх, — **должен быть великим завоевателем, который все народы мира обратит в еврейских рабов. Сами же Иудеи вернутся в Святую Землю как триумфаторы, обременённые богатствами, отнятыми у неверных»**.

IX. Среди всех описанных условий естественно, что не евреи растворились в современных народах, а, наоборот, эти народы растворяются в еврействе. Предполагая натурализовать сынов Иуды, французы в действительности допустили кагал к иудаизации закона, народного образования и нравов своей родины через подмен личным интересом чувства правды, а ценностью денег — человеческого достоинства.

На наших глазах космополитическое еврейство превратило газеты в могущественную артиллерию, ловко приспособленную к разрушению всех препятствий, до сих пор задерживавших конечный успех социального завоевания. Пресса в руках евреев стала неодолимым средством применения ко всем классам общества растлевающих начал иудаизма. Подделываясь к всяким политическим настроениям и к любым оттенкам общественного мнения, вероломная тактика евреев создаёт им клевретов и обманутых во всех партиях.

При содействии покорных лакеев пера, безразлично торгующих и правдой, и ложью, еврейство поддерживает или обуздывает газеты всевозможных направлений, подделывает и перекраивает общественное мнение с навыком стратега. Через газеты талмудизм изловчился проникать во всякие общественные течения, во всевозможные классы и партии. Своей универсальной пропагандой озлобленное еврейство нагнетает свой дух во все члены социального организма. Здесь еврей

гримирует себя в белый цвет, там — в голубой, ещё дальше — в розовый, и, наконец, для обольщения толпы становится красным. Высмеиваемый читатель видит искренность и простоту там, где в действительности копошатся всё те же иудейские скорпионы. Мрачное и захватывающее влияние этого рода тем более опасно и гибельно, что оно скрадывает своё имя и ползает во тьме, далеко за кулисами. Раздувая национальную ненависть и пороки, бесстыдство и корысть, сокрушая сегодня то, что созидал вчера, еврей-талмудист торгует совестью, как скотом на ярмарке. Усиливая свою артиллерию против последних убежищ социального порядка и христианской цивилизации, иудеи по самому существу своему и талмудическому воспитанию являются непримиримыми врагами арийской расы, агентами её распадения и смерти. Без сомнения, цивилизация сверкает на их одежде, в их домашней обстановке или же в их игорных домах, но исключительно там. Евреям неведома цивилизация души, а в особенности — цивилизация сердца. Они хвастаются своим реализмом. Но разве реализм должен заключаться в том, чтобы гасить в душе пламя идеала, насиловать стыдливость совести, измочаливать человеческое сердце?!..

Corrumpere et corrumpi seculum vocatur. Действуя, таким образом, в неразрывном союзе с масонством, всемирный кагал успел растворить Францию в Иерусалиме и сделался политической силой единственно для того, чтобы захватить власть. Извиваясь во мраке, эта власть, например, такова, что из 169 домов, принадлежащих Ротшильдам в Париже, ни один не был тронут коммуной. Министерство же финансов, в уничтожении которого те же Ротшильды были прямо заинтересованы, именно коммуной было сожжено. Параллельно с этим по приказу одного из главарей, жида Мейера, «сознательные пролетарии» в 1870 году свалили Валдомскую колонну — славу и гордость Франции, которой не тронули даже немцы!..

Преследуя ту же цель, иудаизм в России захватил и развратил печать — как столичную, так и провинциальную. Раньше, чем специализироваться на «революционных шимозах» и бомбах, снаряжённых кизель-гур-динамитом, еврейство обратило газеты в разрывные бомбы на погибель России. Одержимое похотью власти, всемирное кагальное сообщество старалось прежде всего запятнать и уничтожить русский патриотизм. Это тем более возмутительно, что ничего общего не имеет даже с пропагандой равноправия.

Возьмите любой социалистический листок где-нибудь на Рейне и вы увидите, что газетке дорога прежде всего родная Германия. Несмотря ни на какие теории социализма, состав редакции готов с кулаками кинуться на всякого, кто хотя бы мысленно посягнёт на клочок немецкой земли. У нас Польша, Финляндия, Армения, Остезейский край любому «освободительному» газетчику дороже всей остальной России. И евреи хорошо понимают, что делают. В одном Киеве за несколько последних лет они истратили на свою презренную прессу до 400.000 рублей...

Впрочем, мы, русские, сами же больше всего виноваты. Ещё на днях в Москве была арестована целая шайка социалистов-революционеров под командой крещёной еврейки Эфрон. Доходит до того, что срубить чужое дерево считается преступным, а срубить казённого человека, — губернатора или городового, — начинает казаться пустяками. Покушение на собаку или кошку встречает отпор со стороны общества покровительства животным, а посягательство на жизнь тысячелетней родины, тяжело израненной и заливаемой кровью, становится какой-то буффонадой.

X. Да и как не смеяться?!.. Значение гения нельзя оценить слишком высоко. Кто, например, осмелится вычислить влияние Гомера на человеческий дух?! А между тем, два еврея — Оффенбах и Галеви дерзнули выворотить «Илиаду» в оперетку. Хохот и канкан пронеслись по обоим полушариям... Оперетка надоела и лишь поэтому снята с репертуара, а вовсе не потому, чтобы какое-нибудь правительство догадалось об анархических замыслах иудейского шутовства!..

Вновь издеваясь над гоями, «освободительный» иудаизм, в Белостоке равным образом преследовал злостные политические цели во-первых, — провокаторской бомбой отравить единение поляков с русскими, а если удастся, — то перенести и само подозрение на поляков; и, во-вторых, — дать ещё раз вероломному кагалу случай разыграть «оперетку» на тему «угнетённой невинности». Мы же снова попали в просак и опять не поняли иудейского издевательства... Profanum illie omnia qui apud nos sacra!..

Естественно, что кагальное веселье повторилось ещё раз, уже в Варшаве. После уроков, данных евреями в Думе, не мы ли сами порешили, однако, сооружать ещё раз дорогу к «свободе», хотя кагал, по-видимому, достаточно вразумлял нас.

Поэтому весь ужас известий из Варшавы прежде всего относится к нашей собственной вине. Если бы мы сознавали, что такое евреи и действовали строго соответственно, не было бы, разумеется, того, что произошло 2 августа.

«Трусы, все трусы, — восклицает Менделеев, — боятся за жизнь, цена которой — грош!» Нет, это неправда: трусы, да — не все... Вот только смелым руки связаны, а между тем и они вынуждены, скрепя сердце, но оставаясь беспомощными, читать следующие телеграммы:

***

Варшава, 2 августа (Пет. А г.). Сегодня утром совершена масса нападений на полицейские посты. До 12 часов убито 26 городовых, солдат и жандармов. По-видимому, эти убийства являются местью со стороны боевых партий революционеров за произведённые в последние дни многочисленные аресты. Во Влацлавске сегодня убит полицеймейстер Миронович и ранен начальник земской стражи Петров.

Варшава, 2 августа (Пет. А г.). До настоящего времени выяснилось, что жертв дикой расправы боевой партии за сегодняшний день в Варшаве оказалось: убито 2 околоточных надзирателя, 8 городовых, 5 нижних чинов и 3 жандарма; ранены 4 городовых, 4 нижних чина и 2 жандарма. Из боевой партии убит 1, задержаны 4, из которых двое ранены. Кроме того, убиты ещё женщина и еврей из прохожих.

Варшава, 2 августа (Пет. А г.). В канцелярию Вольского участка, на Холодной улице, брошены два разрывных снаряда.

Варшава, 2 августа (Пет. А г.). Неизвестный вызвал к телефону пристава Вольского участка от имени Гроховского полка. Когда пристав стоял у телефона, в окно какой-то еврей бросил бомбу. Взрывом ранен околоточный надзиратель и 2 городовых. Другая бомба была брошена в ворота участка. Ранен солдат. На Зомбковской улице 4 еврея стреляли в околоточного надзирателя Никольского, но промахнулись. Никольский ранил одного еврея и задержал двоих.

Варшава, 2 августа (Росс. А г.). Из Лодзи сообщают, что брошена бомба в 3-й полицейский участок, который загорелся. Идёт беспрерывная стрельба. Много убитых и раненых.

Варшава, 3 августа (Росс. А г.). Вчера ружейными выстрелами ранено 150 человек и убито 16; осколками бомб в 17-м участке искалечено до 30 человек. Неизвестные бросили бомбу в дом, где помещается канцелярия пристава. Убит мальчик и ранено несколько лиц. Разрушена квартира диакона.

Варшава, 3 августа (Пет. А г.). За вчерашний день в Варшаве убито 13 городовых, 4 околоточных, 7 жандармов, 4 солдата — всего убито 28 человек и ранено 8 городовых, 2 околоточных, 2 жандарма, 6 солдат — всего 18 человек. Частных лиц убито 15 и ранено около 100.

Плоцк, 3 августа (Росс. А г.). Вчера вечером по звуку рожка одновременно раздались выстрелы в разных концах города. Три стражника убиты, два умерли от ран, два стражника и денщик легко ранены. Задержан один стрелявший. Ночью арестовано четверо.

Aere minuto qualicunque voles Judaei somnia vendunt!..

XI. «Рабочий вопрос» как иудейская трагикомедия в России предполагалась к исполнению по следующей **программе...**

«Бунд» и его «пропаганцы». Сознательный пролетариат и «песни свободы» кагальных же поэтов, — фальшивые и деланные. «Маюфес» биржевых удавов и акул. Митинги студентов, курсисток, земских писцов, акушеров и врачей [28] с участием вольной публики. Митинги затеваются и командуются сынами Иуды и прежде всего должны стремиться к закрытию высших учебных заведений, а затем уже к распропагандированию мальчишек и девчонок в низших училищах с надлежащими, конечно, последствиями. «Прививки» Лейбы Шатуновского.

Отдельные евреи превращаются во «всероссийские союзы».

Забастовка наборщиков и воспрещение ими к печати всего непочтительного к евреям.

Совет рабочих депутатов и его «гвардия боевых дружин». Забастовка водопроводов, хлебопекарен, газовых и электрических заводов, аптек и больниц.

Первые браунинги и пробные бомбы для агентов власти.

Уничтожение цензуры и «свобода» печати для бунтарских прокламаций, «сатирических» листков, «просветительных» брошюр и «передовых» газет.

Опыт запрета «свободы» и монополия «известий рабочих депутатов». Такой опыт являлся тем более необходимым, что с победой пролетариата, т.е. с окончательным торжеством истины уже не окажется надобности в частных газетах либо изданиях. По основному принципу «социализации всего производства» заготовка мыслей должна принадлежать правительству. Принимая же во внимание, что ещё в древности члены «избранного народа» были освобождены от работы египетской с предоставлением им права обобрать египтян за сам умысел дерзать иначе, справедливо избавит и сознательных русских пролетариев от их имущества на общую пользу еврейства. Но по своему неизречённому милосердию и памятуя завет своего подвижника Мардохея Маркса («да будет благословенно имя его!»), всемирный кагал не желает оставлять гоев на произвол судьбы. Поэтому самые зазвонистые талмудисты, им назначенные, образовали из себя бюро партий и центральные комитеты союзов и советов, равно как и директориум союза союзов. Не откажут они, без сомнения, в своём согласии образовать и пролетарское правительство. Стало быть, они вынуждены приобретать указания опыта заранее, что «для спасения России» и делают.

Митинги в увеселительном, без древних языков, заведении еврея Омона в Москве — «Аквариуме». Сознательные псаломщики и их митинг — там же. Общее собрание товарищей-дворников и товарок-горничных, «свободных» лакеев, пожарных солдат и бессознательных от их коварства кухарок.

Развал «освободительной прессы и революционная порнография. Букеты забастовок на фабриках и заводах, в мастерских и ремесленных заведениях. Опыты с железнодорожными забастовками. Праздношляющийся и озверелый «пролетариат» возводится еврейскими газетами в «ликующий русский народ».

По приказу «Бунда» и К° и по команде «вернувшихся из Аквариума» рыцарей свободы открывается всероссийская забастовка железных дорог, почт и телеграфов.

Дивертисмент: агитаторы прежние и нынешние. Исполнит г. Литвин в «Колоколе».

***

«Главное отличие прежнего агитатора от нынешнего заключается в том. что прежний хотя бы по-своему любил свой народ, любил Россию и все свои силы, всю свою жизнь он нередко отдавал своему народу, своей родине, будучи уверен, что приносит пользу именно своему народу и своей родине. В этом именно он видел своё призвание и к этому стремился. Это был фанатик-патриот, деятельность которого, к прискорбию, была направлена не в надлежащую сторону.

Агитатор нашего времени — совсем иного полёта птица. Родины он не признаёт.

Патриотизм для него не только пустой звук, но отсутствие такового. Он ставит себе в заслугу и нагло хвастает тем, что свободен от привязанности к вскормившей и вспоившей его родине. Он не желает быть сыном своей земли, а заявляет себя «гражданином» всемирным. На самом же деле он и не сын своей земли, и не гражданин всемирный. В своём себялюбии он всё отрицает, всё отвергает и думает только о собственном я, которое выдвигает на первый план и стремится к одному только разрушению существующего одно только зло руководит его действиями. Его натуре чужда любовь, чужды привязанности. Никакая нравственность ему неизвестна, ни о какой этике он не имеет понятия. Но вместо всего этого он обладает аппетитом хищника и во имя этого аппетита, который есть единственный двигатель всех его действий и поступков, он желает всё сокрушить, всё уничтожить и всё сожрать!..»

Характеристика эта весьма близка к истине. Русское революционное движение в первоначальном своём периоде как-никак, а было движением русским, инородцы участвовали в нём случайно, в

незначительном количестве. Нынешняя же революция чуть-ли не в полном объёме является делом рук инородцев, преимущественно евреев.

Отсюда — коренное различие между прежним агитатором и нынешним.

(«Русская Земля»).

17 октября и благодарность евреев. Похороны Баумана в Москве; «бундисты», переодетые солдатами и офицерами; «освободители» по 60 коп. за палку с красной тряпкой и засада «похоронного бюро» в университете против казаков.

Плач «бюро» о неудаче. Прокурор, городская дума и её «делегат-утешитель» Шубинский. Хохлы в Нежине.

Шабаш «кадетов». Браунинги, маузеры и бомбы за японский счёт. «Неусыпные заботы» революции о славе России на японской же войне. Заслуги «русской» прессы перед отечеством. «Сознательные пролетарии» и предательские убийства, возведённые «советом рабочих депутатов» в кагальную доблесть.

Вооружённое восстание в Москве при благосклонном участии Акаши, Циллиакуса, Шмидта-Московского, Фидлера и самых быстроногих евреев. Срочные телеграммы о ходе восстания в одесский, белостокский и другие кагалы.

«Блеск освободительного разбоя». Учредительное собрание и социальная республика.

Иудейская похоть власти и «пролетарское» правительство, из «заслуженных» талмудистов, разумеется.

Апофеоз рабочих — без хлеба, без крова и без права жаловаться. Боевые дружинники как наёмные слуги еврейства и угнетатели своих братьев.

Эпилог...

Дирекция извиняется заранее, если по независящим от неё обстоятельствам программа не будет исполнена во всём объёме...

XII. Так и оказалось в действительности. Но что же прикажете делать с еврейской ленью. Ничего толком не могут русские довести до конца. Уж как умненько всё было налажено «благодетелями». Как «чисто» проделали выборы «кадеты». Сколько потрудилась и «Государственная Дума», а всё ещё не вызвала русского медведя из берлоги!

Что ж ты, Михаил Иванович?!.. Выходи, уважь непрошеных гостей...

А то, быть может, хочешь ближайшим путём осведомиться про «Бунд», узнать ещё раз доподлинно, как и кто над тобой измывается?.. Послушай же хотя и еврейское, но вразумительное сказание. Не удивляйся, ибо помимо евреев, неоткуда здесь навести справки.

На съезде «Бунда»

I. В городе N, числящемся, если не главным, то одним из главных центров еврейства Северо-Западного края, в течение трёх дней происходили заседания Съезда Бунда.

В этом Съезде участвовали разнообразные делегаты от всех почти организаций российского революционного движения. Делегатов от всевозможных партий было так много, что Съезд по численному своему составу и разнообразию представителей партий и фракций скорее должен был быть назван Всероссийским Съездом революционеров. Тем не менее, как назван был официально, так и в действительности он был лишь Съездом Бунда.

Считая себя организаторами собственного Съезда, допустившими на свои заседания делегатов прочих революций лишь в качестве гостей, главари Бунда, не смотря на то, что программа Съезда заключала в себе и имела в виду выработку общих приёмов для дальнейших революционных действий, каковые приёмы должны были стать обязательными для всех революционных партий, несмотря на это, Бунд считал на этот Съезд, как свой личный и собственный.

Сообразно с таким взглядом главари Бунда не только разыгрывали хозяев на заседаниях Съезда, но буквально диктаторствовали на них. Они решительно не позволяли даже и пикнуть никому из

делегатов других революционных организаций. Было очевидно, что все назревшие вопросы дальнейшего хода революции были заранее решены членами Бунда, и что на заседаниях главари Съезда не вносили вопросы на обсуждение, а требовали утверждения всего обсуждённого и решённого ими заранее. Такое поведение главарей Бунда не могло не вызывать протестов. Негодовали делегаты всех партий и фракций, но никто из них не отважился открыто выступить против захватчиков власти. И только в последний день Съезда, на предпоследнем заседании разыгралась, наконец, буря.

На этом заседании, наглость его председателя — рыжего, косоглазого еврея-бундиста, настоящая фамилия которого никому из присутствовавших небундистов не была известна, перешла всякие границы: он третировал делегатов, как мальчишек, и никому не давал слова сказать.

Один из польских делегатов С.-Р. партии не выдержал лично ему нанесённого оскорбления. Он вскочил с места и крикнул: «Неужели вы, господин семит, полагаете, что мы, арийцы, позволим вам предводительствовать нами? Что мы вас, семитов, признаем нашими вождями!.. Нет!.. Сему не бывать!.. Никогда! Никогда!..»

«Молчать! — перебил гневно председатель. — Вы дерзко и нагло...»

Но ему не дали договорить. Депутаты с возбуждёнными лицами повскакивали с мест. Раздались крики и брань. Делегаты с угрожающими жестами стали наступать на бундистов.

— Жиды нас одолели!.. — раздался злобный голос.

— Всё захватили в свои руки!..

— Испакостят они революцию!..

— Долой жидов!.. Долой жидов!..

Бундисты растерялись и перетрусили. Многие из них устремились к выходу; другие с перекошенными от испуга лицами собрались в кучки и жались друг к другу. Не испугался только рыжий и косоглазый председатель Съезда. Несмотря на то, что возбуждённая толпа с угрожающими жестами наступала главным образом на него одного, он остался неподвижно на месте, со сложенными крестообразно руками на груди и с наклонённой на левый бок головой. Ни один мускул не дрогнул на усеянном веснушками, широком, с выдающимися скулами, лице его. На толстых губах его играла презрительная улыбка, а косой взгляд его серых глаз был устремлён в пространство поверх наступавших на него озлобленных людей. Ничего, решительно ничего не свидетельствовало о его волнении, по крайней мере, судя по наружности. Так стоял он в застывшей позе, словно выточенный из мрамора. Но вот большая, почти квадратная голова его, покрытая целым лесом жёстких, рыжих волос, выпрямилась на короткой, толстой шее, правая рука его захватила большой клок его же собственной огненно-рыжей бороды и с такой силой потянула этот клок, что, казалось, вот-вот он выдернет его из бороды без остатка; толстые чувственные губы его широко и криво раскрылись, и он крикнул на всю залу: «Жандармы!..»

Голос его покрыл весь шум, царствовавший в зале. Все моментально утихли и устремили свои взоры к дверям.

Ха, ха, ха... — раздалось сначала тихо, продолжаясь всё громче и перешло, наконец, в раскатистый, бешеный хохот.

За минуту перед этим возбуждённые делегаты, а теперь не то перепуганные, не то недоумевающие, повернули свои взоры обратно и молча вперли их в рыжего еврея, который стоял перед ними на широко раздвинутых толстых ногах, держась обеими руками за бока, раскачиваясь во все стороны и раскатисто, неудержимо хохотал. Хохотал дико, зло, как безумный. Казалось, конца не будет этому адскому смеху, который леденил кровь присутствовавших и нагонял на них ужас...

Но смех этот прекратился сразу и неожиданно, точно оборвался. Рыжий еврей обвёл своим косым взглядом присутствующих и насмешливо проговорил: «Простите за шутку...» И не дав никому опомниться, он продолжал гневно, властно и повелительно: «Требую от имени Бунда, от имени делегатов всех присутствующих здесь революционных организаций, чтобы делегат польской партии

с.-рев. взял назад свои слова! Он бросил нам, бундистам, в лицо тяжкое оскорбление! Если его эзоповскую, замаскированную фразу переложить на общеупотребительный язык, выйдет, что он публично обругал нас жидами! Если на то пошло, то будет ведомо вам, что мы жиды и есть и гордимся этим! **Посмеет ли кто-либо из вас утверждать, что не мы, евреи, расшатали вашу Россию!? Кто смеет сомневаться, что, когда начатая нами великая работа завершится, и великий колосс распадётся на отдельные автономные области, то народы, населяющие Россию, будут обязаны за полученные права главным образом нам, евреям!?..** Если вы всё это сознаёте и всё-таки осмеливаетесь оспаривать у нас право на дальнейшее руководство революцией только потому, что мы — семиты, то вам нет и не может быть места среди творцов революции! Вам не может быть места среди нас... Нет! нет! нет!.. Так ли я говорю, братья русские, финны, грузины, армяне?..»

— Так, так!.. — как один человек, крикнули все русские делегаты.

— Так, так!.. — поддержали рыжего бундиста, хотя и с меньшим энтузиазмом, депутаты прочих инородцев.

«А затем, — снова заговорил председатель, и косые глаза его насмешливо и зло скользнули в сторону делегатов-поляков. А затем, неужели вам всем не ведомо, что революция, как и война, нуждается в трёх вещах: эти вещи суть — деньги, деньги и деньги. А деньги ведь у нас!.. Казначеями революции состоим мы, евреи. Ведь это факт!.. **Разве может кто отрицать, что средства для борьбы главным образом добывал Бунд?!.. Что материально революцию главным образом поддерживали евреи!?.. Да, евреи, — как русские, так и всего света!..»**

II. Перед Бундом извинились, и примирение состоялось. Мало того, — Бунд добился открытого признания за ним высшего руководства всероссийской революцией. Даже делегаты-поляки не осмелились больше протестовать и молча признали всеобщее постановление Съезда о вручении Бунду власти, почти равной диктаторской, над всеми революционными организациями в России.

Приведённым эпизодом из деятельности Съезда мы и ограничимся. Подробные отчёты о резолюциях этого Съезда напечатаны. Всё это мало интересно и обычно. Таких подпольных отчётов разных Съездов существует множество, и по своему содержанию они мало отличаются друг от друга. Также считаем лишним уделять здесь место происходившим на Съезде теоретическим прениям о превосходстве одних политических программ над другими. Всё это скучно и давно всем оскомину набило.

Но зато познакомим читателя с некоторыми фактами из жизни и деятельности Бунда, которые составляют тайну не только для публики и для других революционных организаций, а и для многих членов самого Бунда.

Итак, официально созданный Бундом Съезде закончил свою деятельность и был закрыт. Многочисленные делегаты существующих в России революционных организаций все до единого разъехались. Но главные воротилы Бунда остались в N. Им нужно было интимно столковаться о некоторых секретных делах. Главари Бунда действовали в данном случае с большой осторожностью.

Многие из них в день закрытия официального Съезда уезжали из N вместе с делегатами других революционных организаций, но уже на следующий день тайно возвращались обратно в N.

Местом для секретного заседания Бунда была выбрана частная синагога [29] купца Бухбиндера, а время было назначено в два часа ночи.

К двум часам, синагога наполнилась больше, чем наполовину. Среди собравшихся царствовала какая-то зловещая тишина. При тусклом освещении единственной свечи в семисвечнике на амвоне трудно было рассмотреть лица собравшихся. Все они, закутанные в шубах и ватных пальто, с надвинутыми на лоб до самых глаз шапками, фуражками и котелками походили на шайку воров, члены которой, собравшиеся хотя и для одного общего, но рискованного и преступного дела, друг другу не доверяют. Словно тень, каждый из вновь прибывших, озираясь во все стороны в полутьме, пробирался к своему месту.

Была ли необходимость в такой таинственности, когда каждый из приходивших в синагогу знал

наперечёт всех собравшихся? Конечно, нет. Но евреи по натуре своей любят таинственность и привыкли к таинственности, в силу необходимости, ибо дела их всегда таковы, что боятся света.

Городские часы пробили два. Густые удары часов явственно раздались в ушах собравшихся. Тени в полутьме зашевелились, и в синагоге пронёсся скрипучий голос:

— Откройте заседание, г. председатель! Опять наступило молчание.

— Его ещё, вероятно, нет между нами, — ответил другой голос. — Он ещё, должно быть, не пришёл...

Среди теней в полутьме произошло движение, и послышались недовольные голоса:

— Два часа пробило, а его нет!..

— Непорядок это!..

— Непорядок!.. — Никакой аккуратности!..

— Не мальчики собрались, чтобы заставлять себя ждать!.. Движение перешло в шум; все разом заговорили.

— Из-за чего такой крик?.. Что случилось?.. — раздался громкий, всем знакомый голос рыжего председателя. — Ах, о чём я спрашиваю? Понятно: вы пожелали на досуге помолиться, а наш старый Бог немножко туговат на ухо, и вы закричали, чтоб Он услышал...

Громкий смех был ответом на плохую шутку рыжего председателя.

— А зачем этот мрак?.. Эта темнота?.. Мендель, зажигай свечи... Освети синагогу, как для праздника...

— Какой же сегодня праздник?.. — недовольным голосом произнёс «шамес» (слуга) Мендель.

— Не рассуждай, а исполняй, что приказываю!..

Мендель не стал больше возражать и исполнил приказание. Когда синагога осветилась во всю, собравшиеся увидели, что рядом с рыжим председателем стоит совершенно неизвестный им человек. Это был совсем не похожий на еврея господин. Тонкий, невысокого роста, с детскими голубыми глазами и мягкими, вьющимися, светлыми волосами, он обладал стройной фигурой балетного танцовщика. Он был чрезвычайно изящен, даже изящно изящен, что делало его немножко карикатурным и похожим на коммивояжера заграничной фирмы.

Все так и впились глазами в незнакомца.

— Мендель! — произнёс рыжий еврей, — уходи и дожидайся в сенях!.. Когда нужно будет, тебя позовут.

И лишь закрылась дверь за Менделем, он продолжал:

— Господа! Вижу, вы заинтересованы гостем, которого я привёл в наше наисекретнейшее собрание. Вы поражены, что между нами очутился чужой, и этого чужого, никого не предупредив, я привёл сюда!.. Но вы ещё больше поразитесь, если скажу вам, что этому чужому принадлежит право председательствовать здесь, что ему принадлежит первое место среди нас, что перед вами человек громадной силы!!!

— Кто он?! Назовите его! — послышались нетерпеливые голоса.

— Кто он? Вы хотите знать его имя? — продолжал рыжий председатель. —Охотно сказал бы вам, если б знал... Он сам вам скажет всё, что сочтёт нужным, а пока предлагаю вам выбрать нашего гостя председателем собрания.

Все и так были поражены появлением незнакомого господина, совершенно непохожего на еврея, но ещё больше поразились, выслушав туманные объяснения, которые давал рыжий еврей, и его требование выбрать незнакомца председателем собрания. Всеобщее молчание было ответом на его предложение.

— Значит, — ничуть не смущаясь, проговорил рыжий еврей, — вы всеобщим молчанием выражаете согласие на моё предложение!.. Хорошо!.. Господин! — он почтительно поклонился незнакомцу, — займите место на амвоне и откройте заседание.

III. Всё время незнакомец стоял рядом с рыжим евреем как совершенно безучастный к

происходившему вокруг него, посторонний наблюдатель. На лице его не отразилось никакого любопытства. Казалось даже, что вряд ли понимает он и язык, на котором говорили окружающие. Но когда рыжий еврей замолчал, незнакомец ленивым движением поднял левую руку, дважды, медленно провёл по мягким волосам своим на голове и маленькими шажками, как бы танцуя и ритмически проделывая заученные па, направился к амвону и взобрался на возвышение. Положив ладони рук на стол так, что оба указательные пальца его, опущенные вниз, уперлись в край стола, он обвёл присутствующих как бы недоумевающим взглядом своих детских, голубых глаз и заговорил ровным, тягучим, монотонным голосом, внятно отчеканивая каждое слово.

«Братья Израильтяне! — начал он. — Вы желаете знать, кто я? Отвечу вам. Я — брат ваш! Я прибыл к вам с поручением и инструкциями от великого Всемирного Союза братьев. Документы, удостоверяющие мою личность и мои полномочия, были мною предъявлены господину председателю Бунда. Нужно ли, чтобы я сказал вам моё имя? Требуете ли, чтобы я предъявил и вам свои документы? Если это нужно, я исполню...»

— Всё в порядке!.. Не надо! — громко перебил наступившее молчание рыжий еврей.

— «Вижу, — после продолжительной паузы продолжал незнакомец, — вы довольствуетесь подтверждением вашего председателя, что я уполномоченный Всемирного Союза братьев. Так слушайте, что я имею вам сказать... Всемирный Союз братьев не может одобрить то направление деятельности, которое проявляет Бунд...»

Хотя незнакомец говорил по-русски, без еврейского акцента и свободно, было очевидно, что он думает на иностранном языке, ибо речь его являлась как бы переводом с иностранного языка.

— «Бунд весьма увлекается и уходит в сторону от главной идеи, от главной цели. Его сбил с пути сионизм, и он не понял, для какой цели Всемирный Союз братьев пустил в ход идею сионизма. Неужели вы, братья мои, думаете, что израильский народ может и должен быть доволен, если ему отдадут этот маленький, выжженный солнцем и превращённый в твёрдый камень клочок земли? Такая территория годилась для Израиля во времена Моисея, когда он вывел наших предков из Египта в количестве «тишим ривес» (600 тысяч); теперь же мы не можем этим удовольствоваться. Столь ничтожная территория не может нас удовлетворить. Число наше велико, все в Палестине не уместимся. Да если бы и могли уместиться все евреи земного шара в Палестине, то и это не имело бы значения. Зачем нам весь мир менять на маленький клочёк земли? Всемирный Союз братьев преследует цель более грандиозную. Он стремится завоевать весь мир! А если он этого хочет, то и завоюет! Тогда и только тогда, когда мы завоюем весь мир, будет наша и Палестина, и сделается Сион тем центром, из которого Израиль будет править миром, и исполнять слова пророка:

«Из Сиона выйдет закон
И слово Господне из Иерусалима!..»

Незнакомец провёл левой рукой по волосам и продолжал:

— Бунд, к сожалению, недостаточно усвоил себе идею Всемирного Союза братьев. Он уклоняется от главной и единственной его цели — завоевания мира! Среди вас имеются организации даже вредные. Вы поделились на партии и фракции, выработали различные программы и стремитесь к осуществлению разнообразных целей! Всё это было бы ещё извинительно, если бы ваша работа была направлена исключительно на пользу Израиля. Но иные из вас воображают, что они призваны содействовать процветанию русского народа и устраивать его благополучие; другие совершенно искренне проповедуют «любовь и братство народов»... Все, кто так думает и так действует, — совершают великий грех и суть изменники для своего народа! Я имею поручение сказать вам, что деятельность ваша должна быть направлена единственно к тому, чтобы разрушать, разрушать и разрушать этот почти единственный теперь в мире оплот Креста, эту богатую и сильную Россию!..

Всемирный Союз братьев признаёт своими врагами все народы, но более всего ненавистны ему народы, преклоняющиеся перед Крестом!.. Всё, что до сих пор я говорил вам, относится к разъяснению главной цели Всемирного Союза братьев, которую должны преследовать и вы. А теперь я должен подвергнуть критике некоторые детали вашей деятельности.

Вы очень дёшево цените еврейскую кровь! Вы в большем, чем требуется, количестве расходуете жизнь евреев! Конечно, чтобы доказать окружающим наше бесстрашие, необходимо, чтобы исполнителями смертных приговоров и метателями бомб являлись и евреи, но совершенно не нужно, чтобы в таком большом количестве были возлагаемы на ваших братьев столь рискованные поручения. Посылайте на смерть других, а братьев наших жалейте и без крайней надобности не расходуйте еврейской крови. Еврейская кровь многоценная! Одна капля её дороже целого моря всякой другой крови!

Всемирный Союз братьев недоволен также характером деятельности Бунда и в том отношении, что преждевременно он обнаружил себя, свою деятельность и своё значение. Зачем это нужно было?.. Бунд был бы гораздо сильнее и могущественнее, если бы действовал более скрытно. Вы должны были следовать примеру Всемирного Союза братьев, который действовал столетия, разрушая Крест и подготавливая сооружение храма Соломонова, но ничем не обнаружил явно своего существования. Открытый бой допустим только при превосходстве сил, а наши силы хоть и велики, но ещё недостаточны. Надо уметь выжидать настоящего момента, и лишь тогда, выступая открыто, заявить о своей силе. Этот момент ещё не наступил, но он близок. Потерпите. Всемирный Союз братьев ждал столетия и ничем себя явно не обнаруживал, ничем не выдавал себя. А если в настоящее время мир и узнал о его существовании, то о его силе, о его могуществе и средствах всё же этот мир настоящего понятия не имеет. У Бунда нет и миллионной части той силы, того могущества, которыми обладает Всемирный Союз братьев. Как же осмелился он так рисковать, действуя так явно? Он не имел права проявлять свою силу во всеведение. Бунд не имел права открыто дать почувствовать русским революционным организациям, что он — их руководитель. Это большая ошибка и, быть может, непоправимая на долгое время. Рабы могут возмутиться и свергнуть своего господина. Тогда будет очень трудно снова подчинить их себе. Другое было бы дело, если бы они не подозревали о существовании господина, если бы господин направлял их работу, руководил ими скрытно, заставляя их воображать, что они действуют самостоятельно, без вашего приказа. Надо щадить самолюбие рабов...»

IV. Незнакомец перевёл дух и закончил:

— «Моя миссия исполнена. Я передал вам всё, что поручил мне Всемирный Союз братьев. И должен ещё прибавить: если откажетесь следовать указаниям Союза, то лишитесь его материальной поддержки; никаких сумм не будет больше отпущено Бунду, и вообще никакой поддержки Бунду не будет от Союза».

Незнакомец замолчал и собрался сойти с амвона.

— Постойте... Повремените!.. — остановил его высокий, худой, нервный еврейчик с курчавой головой. — Повремените, мы дадим вам ответ... Откроем прения и выясним, какой можем дать вам ответ.

— Откроем прения!.. Откроем прения!.. — послышались возбуждённые голоса.

Поднялся шум.

Незнакомец выждал с минуту и поднял вверх правую руку.

Воцарилась тишина.

«Бесполезно теперь открывать прения, — произнёс он своим тягучим голосом. — Мне поручили доставить ответ Бунда. Я не скоро возвращусь туда откуда послан. К вам через десять дней придёт другой уполномоченный Всемирного Союза братьев, ему и дадите ваш ответ...»

Незнакомец сделал общий поклон и сошёл с амвона.

Среди членов Бунда поднялся опять шум; послышались раздражённые голоса:

— Под опеку нас, что ли?!..

— Это насилие!..

— Нельзя подчиниться!.. Невозможно!..

— Долой Всемирный Союз!.. Не указ он нам!

— Тише, вы все!.. Тише!.. — Рыжий председатель взобрался на амвон и покрыл своим голосом весь шум. — Тише, прошу вас!.. И, когда наступила некоторая тишина, он продолжал:

— Конечно, мы поражены!.. Конечно, Всемирный Союз братьев [30] желает наложить свою руку на нашу свободную организацию!.. Он хочет нас подчинить себе!.. Должны ли мы ему подчиниться?.. Тяжёлая, мудрёная задача!.. Но вопрос: можем ли мы ему подчиниться? надо хорошенько обсудить... Нам дали десять дней сроку... Времени достаточно, и мы успеем обдумать...

— Успеем!.. Успеем!.. — послышались голоса.

— Скоро евреи начнут собираться на молитву, — раздался с порога синагоги голос Менделя. — Пора вам очистить дом Божий.

— Да, пора разойтись, — произнёс рыжий председатель. Члены Бунда стали расходиться по одиночке. Последним вышли из синагоги рыжий председатель вдвоём с незнакомцем.

(«Московские Ведомости» от 4 августа 1906 года, №192)

Для полноты картины припомним как то, что было изложено выше о деяниях «Бунда» вообще, так и, в частности, отмеченную нами статью «Штейна» по «еврейскому» вопросу. На днях он же поместил в «Новом Времени» несколько иудейско-наглых выходок под заглавием «Русский вопрос». На тему, собственно, здесь нет ничего; но, прикрываясь ею, автор-еврей бесстыдно издевается над русскими людьми, с необыкновенной развязанностью превозносит законодательное величие раввинов и, наоборот, высмеивает русские законы против кагальной организации. Это тем менее позволительно, что из всех аристократических республик, отмеченных историей, кагал представляет совершенно исключительное явление.

Другого случая такой тирании разжиревших плутов и кровопийц, какую мы встречаем в кагальной республике, мир не знает. Что же касается самого существа «русского» вопроса в иудейской редакции, то он сводится к беспросветному деспотизму евреев. По словам «Штейна», уступая требованиям шабаша, сам Эдуард VII, император Индии и король Великобритании, перенёс придворные приёмы с пятницы на четверг, дабы на них мог присутствовать и главный лондонский раввин. Впрочем, автор скромно умалчивает о многом другом. Достаточно упомянуть хотя бы о злодейской войне Англии против буров. На глазах всего мира, совершался беспримерный разбой. Если сыны Иуды и самого рая не могут себе представить без золота, да ещё хорошего (Бытие II, 12), то как бы помимо воли кагальных удавов и акул в Сити могла произойти столь золотая война?!.. Кровавые ужасы в Трансвале шли своим чередом, а правительства европейских народов полагали, что дело их не касается и убаюкивали себя мыслью, что это не отразится на социальной нравственности. Теперь, когда интернациональный анархизм доводит те же правительства до отчаяния, они пожинают лишь то, что посеяли. Пусть вашингтонские законодатели с чисто английской находчивостью и юмором включают как препятствие для переселения евреев в Америку «болезнь глазных век и сыпь на голове». Пусть в законе об иммиграции в Англию её парламент через ограничение наплыва евреев стремится избавить свою страну от превращения её в «клоаку Европы». Пусть Франция с Дрюмоном и Рошфором негодует на апофеозе Дрейфуса. Пусть юный испанский король не переживает вновь того, что испытал он в день своего брака с великобританской принцессой... Еврейские анархисты будут продолжать своё дело в Стокгольме, Женеве, Цюрихе, Монреале, Чикаго и Лондоне.

В частности, столица Великобритании даже больше, чем метрополия жидовских консервов, является генеральным штабом анархии. По собственному сознанию Scotland yard'а и даже таких еврейских защитников, как газеты «Standard», «Express» и т.п., большая часть лондонских анархистов — евреи. Именно в Лондоне печатается большинство анархистских листков, причём многие — по-еврейски. «Free Labour», «World», «Stoiker», «Worker's Friend», «Age of Reason», «New Times» издаются на идише, т.е. жаргоне всех европейских евреев. «New Times» — главный орган «Бунда», играющего столь зловещую роль в событиях, обездоливающих Россию Во всех этих листках помещались чудовищные статьи для прославления злодейства в Мадриде, а «Worker's Friend» даже посвятил целых шесть столбцов к превознесению Мораля, канонизируемого в «герои».

В течение последних лет эти дьявольские листки проповедовали покушения на жизнь иностранных

государей, аплодировали бомбам русских анархистов и встречали одобрение «респектабельной» прессы Соединённого Королевства. В начале же нынешнего лета, когда «освободительные» гранаты стали изготовляться не только для принцессы английской крови в Испании, но и для покушения на Рузвельта и даже на самого Эдуарда VII, консервативная английская пресса вдруг изменила тон. Ядовито потешаясь над ней, анархистские органы отказываются понимать, отчего похвально взорвать на воздух иноземного правителя и преступно «бомбировать» великобританского короля?..

XIII. Возвращаясь к России, мы не можем умолчать о книге Андрэ Шерадана «Вселенная и русско-японская война». Приведём несколько положений автора.

«Еврейский вопрос в России бесконечно сложне, чем думают за границей, воображая, будто русское правительство враждебно евреям по своей системе. Нанося бесконечный вред стране и убегая от воинской повинности, евреи, тем не менее, жалуются, что русские законы мешают им раскрывать свои качества. Если бы это и было справедливо, то лишь относительно мелких или бедных евреев. Что же касается больших евреев, т.е. богатых, то они всегда пользовались в России полной свободой. [31] Русское правительство не преследует евреев, а оберегает от них прочее население, крестьян же центра пытается спасти от этого бича.

Что делается в Галиции? После 1848 года когда, во имя либеральных начал евреи были уравнены в правах, они забрали здесь всё в свои руки — и деньги, и земли. Теперь каждый честный человек скажет, что в Галиции и поляки, и русские находятся в рабстве у евреев.

Все евреи из своего золота умеют извлекать всё им необходимое. В том или другом виде любой среди них изловчится «заинтересовать» господ чиновников. Посему в действительности можно признать, что и в России все достаточные евреи — отнюдь не рабы, а хозяева и господа. [32]

События последних лет были исключительно благоприятны для «значительных» русских евреев, а стало быть, — и для всемирного кагала. Никогда в минувшие времена даже в Александрии счастье в такой мере не улыбалось «избранному народу». Любой русский внешний заём давал евреям новый случай укреплять своё влияние на правящие сферы Петербурга. Не говоря уже, что от всякого займа к еврейским рукам что-нибудь да прилипало в виде куртажа, подчас же миллионы и десятки миллионов рублей. Заграничные банкиры-евреи, без которых ничего не делалось, исторгали всякий раз у правительства новые привилегии, облегчения или вольности для своих русских единоверцев. [33] Разрешить евреям свободное пребывание повсюду в России — значит во сто раз увеличить могущество тех таинственных организаций, которые известны под общим названием всемирного кагала. Такое разрешение могло бы повлечь за собой лишь новые погромы, как в ноябре 1905 года, а, в конце концов, оно обратилось бы во всеобщее противоеврейское движение.

Как элемент разлагающий и тиранический евреи не хотят, однако, заглядывать в будущее, а лишь всеми силами стараются разрушить существующий порядок. Вот почему мы их видим и во главе нынешней революции. Пролезая повсюду, они в качестве студентов вызывают университетские беспорядки; вмешиваясь в промышленность и аграрные отношения, они ведут антигосударственную пропаганду среди фабричных рабочих и сельского населения, если только не участвуют непосредственно в покушениях на жизнь представителей власти... Смотря по времени и обстоятельствам, те же евреи являются союзниками немцев, англичан или японцев против русских.

Впрочем, если одни евреи норовят сокрушить Россию, то другие, наоборот, обделывая свои гешефты с успехом, весьма довольны ею. И они, разумеется, не страдают особенно любовью к русским, но Россия для них — громадное поприще гешефтов, колоссальный источник наживы. Подумайте хотя бы о куражах при заключении внешних займов, заметьте, что здесь нет ни малейшего риска, и вы поймёте, что «крупные» жиды не только с грустью взглянули бы на исчезновение настоящего режима, но и не прочь приложить старания к сохранению столь выгодного для них порядка вещей.

Всё это не мешает, однако, еврейскому вопросу с каждым днём становиться острее. Поэтому интересно знать, какое и долго ли сохранит влияние на дела Империи друг евреев — Витте. [34]

Дело в том, что со дня убийства Плеве еврейская пресса не перестаёт мечтать о первенстве Витте. Как

известно, он начал свои «дела» через иудеев Рафаловичей и под покровительством варшавского банкира, еврея же, Блоха. Уже будучи министром, он женился на еврейке, а затем усердно окружал себя чиновниками из крещёных евреев. Как излюбленный сынами Иуды кандидат в премьеры он с упоением восхвалялся жидовской печатью обоих полушарий»...

XIV. Если вы пойдёте искать квартиру в приличной части большого города С.-А. Штатов, то в редком случае не увидите записки с надписью: «no jews wanted!» (в евреях не нуждаются). Как жаль, что не бывает такой надписи на правительственных учреждениях в России!..

Заключив Портсмутский мир и столь же доблестно «облагодетельствовав» нашу страну в качестве премьера, Витте, превознесённый и возвеличенный, с крупной, как говорят, казённой субсидией отбыл на тёплые воды за границу. Но не успел он пройти заслуженный курс в Аахене, как почти все еврейские газеты подхватили пущенный «Биржевыми Ведомостями» слух, что «граф» вновь призывается к управлению Россией.

Соскучились евреи по нему.

Ещё бы!.. С первого дня появления Витте в роли премьера Россия не переставала расшатываться по всем направлениям. То погромы, то «проблески» революции!..

Да и как могло быть иначе?!.. Не сам ли Витте исхлопотал командировку сенаторов, в результате которой оказалась полная безнаказанность евреев за всё, ими содеянное раньше и после 17 октября 1905 года. Русские же люди, оскорблённые и униженные, переполнили тюрьмы в качестве погромщиков? Не ему ли обязаны те губернаторы, которые под злорадный свист иудейской печати едва не попали на скамью подсудимых с кагальным патентом на звание зачинщиков погрома?..

Ужас одного этого факта ещё не достаточно оценен Россией. Между тем, растерявшаяся под гнётом иудейского торжества администрация опустила руки. В связи же с другими мероприятиями Витте означенный факт повлёк за собой и роковые последствия. Можно и должно было предупредить вооружённый бунт в Москве, едва не перешедший в такое же восстание «сознательных пролетариев» по всей стране. Невозможно и непозволительно было допускать столь наглое шулерство «кадетов», иначе говоря, такой состав Государственной Думы, который запятнал и обесчестил Россию в политическом отношении, разорил и развратил её — в экономическом и нравственном...

Однако, не только ничего не было сделано для своевременного истребления поджигателей и прекращения революционного пожара, а наоборот, — Витте сам всё время поддерживал замыслы революционеров, [35] расширял «свободы» печати и облегчал многотысячные сходки, где население открыто призывалось к оружию, а П.Н. Дурново заставлял хватать агитаторов и подавлять беспорядки, «ограбные» движения и вооружённые мятежи.

Витте сам оскорблял войска, поощрял измышление на них всяких небылиц, а Дурново должен был пользоваться этими же войсками...

Себя выставлял он сторонником «нравственного влияния», свободы слова и прессы, а Дурново то и дело вынуждал прибегать к насилиям и закрытию газет...

Подручные Витте, разные Кутлеры, Герценштейны, Гурлянды и Кауфманы, подстраивали крестьянские грабежи и пожары, а Дурново оказывался в необходимости производить экзекуции...

Даже материально поддерживал Витте революционеров. Не жалел на это казённых денег. Сделки с Гапоном случайно всплыли наружу, а сколько таких же сделок ещё не всплывало?!..

Достойно всяких сожалений, что мы не голландцы. «Скорее можно в чём-нибудь убедить еврея, — говорит Мицеллани, — чем заставить голландца-простолюдина уступить доводам, потому что они никому не верят. На льстивые же слова они никогда не поддаются».

Как по нотам, разыгрывается кровавая драма... Продержись Витте ещё полгода — не избежать бы в России всеобщей резни...

С удалением этого «благодетеля» на серные воды, восстановилось сравнительное спокойствие. Даже жидовско-хамская или хамско-жидовская, как её называли, Дума была не в силах вызвать той анархии, какая раздувалась еврейским божком...

XV. И вот, сыны Иуды заскучали, затрубили во все иерихонские трубы...

С разных концов печатаются известия, яко бы не от него же самого исходящие, что за границей на финансовые и придворные сферы произвела удручающее впечатление беспомощность правительства, которое не сумело предупредить и погрома в Белостоке...

Действительно, не нравится сейчас Россия иудейским банкирам. Как же снова не призвать «гениального» Витте к управлению?!..

Со своей стороны мы можем добавить, что проворовавшийся еврей Гурьев, без всякого сомнения, ещё раз осчастливил бы собой «Русское Государство»... Это тем более являлось неизбежным, что «распропагандирование» мужиков не завершено, а евреи ещё не вполне уничтожили «черносотенную» прессу.

Между тем, кто знает, — дурной пример заразителен. Уже появился русский перевод сатиры Евгения Рихтера «Социал-демократические картинки будущего по Бебелю». Есть и переделка на русский лад — «Медовый месяц диктатуры пролетариата», этюд Н. Половецкого... Лиха беда начала. Заведутся, пожалуй, и шутки много позанозистее. Выведут, horribile dictu, саму «праведную» социал-демократию в оперетке... Того и гляди высмеют Лассаля с Марксом, Либкнехта с Бебелем и Бернштейна с Каутским, да ещё под музыку, которая будет позазвонистее Оффенбаховской...

«Дело не волк, в лес не убежит!» «Не торопись, чтобы товарищ не отставал!» «Несменяемость праздношляющихся пролетариев». «Непогрешимость мудрого пролетарского правительства». «Законное» ограбление всего имущества и самих сберегательных касс представителями «свободного» народа». «Лотерея пролетарских стойл, именуемых квартирами». «Бунт жен и матерей, невест и женихов». «Неистовое размножение пролетарских чиновников и махровое оных взяточничество». «Полицейские пулемёты и бомбы. Скоропостижное разрастание полицейских же пехоты, кавалерии и артиллерии». «Международные осложнения как результат эпидемий в социал-демократических столовых, воспитательных домах и богадельнях». «Быстрое и непомерное вздорожание предметов первой необходимости. Декреты пролетарского правительства о сокращении пищевого довольствия, равно как и об увеличении рабочего дня с 8 на 12 часов». «Узаконение телесных наказаний и смертной казни». «Расстрел своих беглецов на границах». «Террор убийств и самоубийств». «Дуэт Бахуса и Венеры». «Пролетарское правительство окружает себя замаскированными опричниками». «Свободные пролетарии приходят к выводу, что «эксплуатация» их труда «буржуями» была много легче, нежели экспроприация того же труда социальным правительством и его всепожирающей бюрократией». «Окончательное упразднение правосудия, ибо ни судьи, ни прокуроры, ни адвокаты не в силах его отправлять да и не видят в нём надобности, получая свои пайки за время, а не за качество работы». «Зверские подавления мудрым социальным правительством пролетарских бунтов». «Государственное банкротство, нашествие иноплеменных армий и всеобщая междоусобная резня пролетариев». «Апофеоз Ротшильда, Равашоля и К°».

Такова, на первый случай, афиша социал-демократической оперетки.

Заслуживает глубокого размышления совет Конфуция «*проекты великих реформ писать на песке, дабы при малейшем сомнении возможно было стирать их так, чтобы и следа не оставалось*. Рекомендуя босоногому, вооружённому и «торжествующему» пролетариату учредительное собрание и социал-демократическую республику, интернациональный кагал исполнил тем временем несколько своих «погромных» комедий. Развиваясь исподтишка, еврейская «самооборона» едва ли насчитывает теперь менее ста тысяч вооружённых и дисциплинированных бундистов. Въедаясь же в тело других народов, угнетаемые за добродетель иудеи не отказывают себе и в удовольствии подарить какого-нибудь князя Урусова любому правительству. Кичливая и затаённая злоба — основной элемент иудейской политики.

XVI. Только среди указанных обстоятельств возможно уразуметь, что ныне совершается ожидовелым масонством для захвата власти над нами.

Безотлагательное разоружение шаек «Бунда» — первый, как мы убеждены, путь к обеспечению жизни

и собственности в России. Лишь уничтожив очаг заразы, можно рассчитывать на прекращение её дальнейшего распространения. Non inultus premo!..

А дабы в этом не оставалось колебаний, возьмём на справку из газеты «День» сведения о заграничных мероприятиях против «русских освободителей».

***

Иностранцы и русская революция. Давно уже в отношениях иностранцев к русской революции произошёл перелом: сочувствие сменилось сначала недоумением перед умоисступлённым и совершенно бессмысленным разрушением нашими революционерами своего же собственного отечества, а затем, когда революционеры из России стали бежать за границу, — полным разочарованием и опасениями за свою собственную безопасность. Дошло до того, что все государства стали принимать меры против русских революционеров и изгонять их как опасных политических преступников.

Сначала очень многие за границей склонны были видеть в наших революционерах каких-то «героев», на их стороне были симпатии, они находили там поддержку. Но в конце концов и за границей увидели, что это за «герои». Систематические, кровавые, а затем и грабительские «подвиги» русских революционеров заставили весь мир смотреть на них иными глазами и мерить их иной мерой. Бегство же после московского мятежа русских революционеров дало возможность иностранцам воочию познать этих «героев», в результате чего они не только не нашли в «свободных» западноевропейских странах надёжного приюта, на который рассчитывали, но почти вся западноевропейская печать, за исключением еврейской, всё общество и все правительства пришли в беспокойство и стали изыскивать меры к ограничению себя от «русской заразы».

В наших революционерах за границей увидели людей одинаково опасных как в России, так и вне её. Эти опасения не замедлили подтвердиться.

«В Германии, — говорит г. Вольтец (в «России»), — с наплывом русских революционеров значительно усилилась уголовная преступность (разбои, нападения, грабежи) во всей стране, особенно в городах. Это заставило германское правительство арестовывать и высылать русских беглецов, невзирая на их протесты и ссылки на международное право, предоставляющее-де политическим преступникам убежище в других странах. Приняты меры к недопущению их в высшие учебные заведения Германии, до сего времени не отказывавшей в образовании иностранцам. И теперь никому из иностранцев в этом не оказывается, за исключением русских беглецов. В рейхстаге было высказано по этому поводу, «что необходимо устранение от высших заведений русских, так как русские студенты требуют особой осмотрительности в виду их сомнительной политической благонадёжности».

Под именем «русских студентов» здесь разумеются евреи, бежавшие из Привислинского края и западных губерний, и против допущения которых в Германию ополчились даже сами евреи. Германский «вспомогательный комитет для приезжающих евреев» решил совершенно прекратить помощь пребывающим из России евреям-революционерам на том основании, что «содействовать таким людям — значит не что иное, как распространять повсюду чуму и создавать опасность для наших единоверцев в других странах.»

Во Франции, в мае месяце, по их почину, готовилась «социальная революция». Французское правительство приняло все меры предупреждения и устранения беспорядков. В Париже было арестовано несколько десятков руководителей, в которых более половины составляли «русские» евреи-революционеры.

Естественно, это заставляет относиться к последним подозрительно и недружелюбно. Их «чрезвычайное посольство», прибывшее в Париж для протеста против реализации во Франции последнего русского займа, как известно, не было допущено дальше передних. На французской границе поставлена специальная полицейская бригада для наблюдения за въезжающими иностранцами, дабы таким образом затруднить доступ во Францию русским революционерам-анархистам.

В Швеции, куда бегут революционеры из Финляндии и Балтийского края, также учреждён строгий

надзор за ними. Там приняты меры к ограничению их пребывания в стране возможно коротким временем, дабы «русская зараза» не могла распространиться и в Швеции.

Англия, до сего времени служившая убежищем для политических эмигрантов, тоже серьёзно озабочена ограждением себя от «русской заразы». Целые пароходы русских революционеров не только были возвращены обратно, но не допущено даже кратковременной высадки их на английской территории. В этом случае применяется новый закон о «нежелательных иностранцах».

«Свободная» Америка, опасаясь всяких выходок со стороны русских революционеров, также не допускает к себе их под предлогом их «физических недостатков и неудовлетворительного здоровья» (что, по американскому закону, лишает чужеземных эмигрантов права оседлости в Соединённых Штатах).

Даже Швейцария — это заветное убежище политических преступников, возмущённая дикостью русских революционеров, начала преследовать их. Попытка их «сорвать» пасхальное богослужение в русской церкви в Женеве, куда они нагло ворвались и устроили скандал, вызвала решительные действия швейцарской полиции, прибегнувшей даже к оружию, аресту многих «русских» революционеров и высылке их из Швейцарии. Один из них, еврей Билит, за обнаружение у него при обыске бомбы приговорён швейцарским судом к тюремному заключению, штрафу и изгнанию. У многих русских беглецов, считающихся подозрительными, произведены и производятся обыски. Подверглись обыску также русская и польская читальни в Женеве, служившие местами сборищ для политических проходимцев, разумеется и прежде всего, — евреев.

В маленькой швейцарской республике до сего времени существовала полная свобода собраний и слова. Никакой ответственности за это в швейцарских законах не существовало. Но собрания и речи русских революционеров и там признаны преступными и непозволительными; против них издан на днях закон, карающий тюрьмой лиц, говорящих на сходках и в общественных домах зажигательные, революционно-анархистские речи. По этому новому закону не только призыв, но даже восхваление кровавых политических злодеяний карается тюрьмой. Напрасно анархистские и социалистические газеты поднимали по этому поводу гвалт. На швейцарцев, разумеющих свободу не так, как наши революционеры и анархисты, это не произвело никакого впечатления. А швейцарские газеты прямо заявили, что «новый закон необходим не только для внутренней безопасности Швейцарии, но и для её международного положения, которое сильно скомпрометировано наплывом политически-порочных людей.

Словом, в отношениях цивилизованного мира к нашей революции произошла резкая перемена после того, как выяснились цели её «вожаков», и когда они вознамерились стать такими же «лучшими гражданами» других стран, какими они объявляют себя в России. И наши друзья, и наши враги встревожились, а потому всячески стараются оградить себя от «русских освободителей».

(День, «1906», VIII).

***

Чтобы составить себе понятие об исторических мотивах такого образа действий европейских правительств, не мешает припомнить, что на Западе все прелести «освободительного движения» испытаны были много раньше нашего. Английская революция тянулась с 1639 г. по 1655 г. , французская же — с 1789 г. по 1799 г. , да ещё за той и другой следовали смутные периоды «выздоровления», продолжавшиеся — каждый около 30 лет!

«Мирабо, — свидетельствует Ривароль, — был весьма похож на свою славу, он был странно отвратителен и за деньги способен на всё, даже на хорошее дело!.. Когда же он сказал о кардинале Мори — «вот величайший преступник, которого я знаю», то кардинал справедливо ответил: «вы забываете, г. Мирабо, о себе самом!..

«Ни налоги, ни lettres de cachét, ни злоупотребления правительства не взволновали бы народ. Это сделали предрассудки благородства. Люди ума и богатые находили чужое «благородство» столь невыносимым, что большинство стало покупать его. Отсюда для них возникло новое мучение. Став «облагороженными», они не сделались благородными... Пороки двора начали революцию, а пороки

народа завершили её. Вообще же говоря, французская революция есть скопление самоубийств. Король сам себя довёл до смерти. Парламент сам себя убил. Духовенство себя уничтожило само. Дворянство само же себя осудило на смерть. Etats Généraux, в свою очередь, убили себя сами, и так же, наконец, погибло само Национальное Собрание».

Быть может, лишь один Талейран обладал практической рассудительностью и пониманием того, что выполнимо и чего нельзя достигнуть.

Но и помимо его патентованного предательства, исторические труды последнего времени рисуют нам Талейрана как поклонника золотого тельца, биржевого спекулянта и фабриканта миллионов. Однако, и ему не удалось перехитрить евреев. «Не пытайте счастья на бирже, — говорил он, — я всегда играл на верные известия и, тем не менее, потерял столько миллионов!..»

В лице Маллэ дю Пана, яснее многих постигавшего значение и характер революции, за которой он следил с 1789 по 1799 год, а затем описал умно и правдиво, Тэн высоко ценит публициста, историка и государственного человека.

«Чтобы совершить революцию, — замечает Маллэ, — довольно дать разнуздаться диким порокам против пороков трусливых, а изнеженным страстям знатных — столкнуться с грубыми страстями толпы. Революция окончательно уничтожила во Франции нравственное чувство, преступность — общественное мнение, повиновение; всё в Париже продано!..»

Мир же, говорят китайцы, держится четырьмя вещами: знанием мудреца, справедливостью сильного, молитвами доброго и мужеством храброго.

XVII. Само собой разумеется, что под тиранией всемирного кагала проходит на Запад далеко не всё из того, что угнетает ежедневно всех нас. Для резюмирования же проблемы достаточно к изложенному раньше прибавить немногое о том, что ещё на днях происходило в Одессе и Варшаве.

По своему обыкновению, замыслив растерзать бомбой командующего войсками одесского округа, «Бунд» призвал на это злодеяние девушку-психопатку.

Пора, наконец, придти к убеждению, что это не случайность. «Бедное дитя», как лицемерно именовала кагальная пресса Спиридонову; еврейка, стрелявшая в адмирала Чухнина и, как змея, заползшая под диван; курсистки, поступавшие в дома терпимости с целью бунтовать посетителей-солдат в Финляндии и Кронштадте, — всё это жертвы «Бунда» как главного вожака «русской» революции. Они рекрутируются главным образом из той крамольной среды, где неврастения, дегенерация и психоз приняли эпидемический характер. Экзальтация женской натуры и слабость разумения в связи с научным невежеством дают евреям-агитаторам самых фантастических и отчаянных исполнительниц. Сатанинская злоба и вероломство иудейские находят здесь же удовлетворение и в том, что помогают новым издательствам над властью, «карающей детей», а также неистовому гвалту под этим предлогом об отмене смертной казни и всеобщей амнистии политическим убийцам... Еврейская же адвокатура целым кагалом спешит на защиту «героев освободительного движения», а к злодеям-матросам и к «публичным» движениям нежна в особенности...

Воспользовавшись знакомством с дочерьми генерала Каульбарса, своими бывшими подругами, дочь умершего ныне генерала, некогда начальника дивизии, Тамара Принц, пробралась в дом командующего войсками в Одессе.

Злоупотребляя добротой генерала, Тамара Принц не только успела проникнуть в его кабинет, но и сообразить свой умысел на месте. Она хорошо знала, что отказ от злодеяния равносилен смертному для неё приговору «Бунда», знала также, что при взрыве бомбы может погибнуть не один генерал, а и она сама. Вот почему у неё хватило зверства, чтобы пред тем же генералом плакаться на свою манию самоубийства...

По какому-то предчувствию генерал Каульбарс на её просьбу о беседе в кабинете заметил вскользь, уж не собирается ли она угостить его бомбой?.. С изумительным бессердечием Тамара Принц отклонила сомнение и дважды допускалась в его кабинет, где «осуждённый на смерть» даже имел несчастие отговаривать её от помыслов о смерти...

Провидению не угодно было испытывать этого доброго человека далее.

Почти в момент уготованной генералу мученической кончины случайно пробегавший мальчуган задел и уронил из рук Тамары Принц ридикюль с «освободительной» бомбой. В паническом страхе разбежалась находившаяся на Приморском бульваре публика. Бежала и Тамара Принц... в номер гостиницы, где и застрелилась.

Есть дикие звери и ещё более дикие палачи!..

Сила впечатления завершается, однако, лишь следующим знаменательным фактом:

В день приезда Т. Принц в Одессу командующий войсками получил по почте из Варшавы письмо. Дословно (с сохранением орфографии подлинника) оно гласит следующее:

***

«Одесса. Его превосходительству господину командующему войсками Одесского округа, Каульбарсу.

По указу нашей организации сего дня было постановлено и решено тебя... убыть которое жребие я достал если тебе неизвестно за что, то я тебе могу написать за твою чудную речь, которую ты держал пред еврейскими представителями, не думай, что я тоже еврей нет к несчастью я родился православным которым именем я стыжусь потому, что нас везде презирают.

Мы тебе предлагаем ты имеешь два выхода подать в отставку до 30 июля сего года или до этого времени быть убитым выбирай лучшее для себя.

Боевая дружина союз всей несчастной России.

(«Русская Речь»).

***

Таким образом Варшава показала себя и в замысле на жизнь генерала Каульбарса, и в предательских убийствах 2-го августа. Но «бундисты» не замедлили отличиться вновь, 5-го августа.

Для уяснения событий необходимо принять во внимание, что их причина коренится в бессмысленной, изменнической затее об автономии Польши. Одни только евреи, разумеется, могли такое безумие пустить в ход. И мы действительно видим, что нити заговора идут от иудейской прессы в Петербурге. Она именно ввела поляков в обман. Пользуясь небезызвестной интригой, еврейские газетчики писали и телеграфировали в Польшу, будто среди петербургских сфер вопрос об автономии стоит благоприятно. С другой стороны, позабыв о смутных временах междуцарствия и оскорбляя память Глинки, Москва допустила в своих стенах безнаказанно такое предательство, как растерзание России на части под контрабандной кличкой «самоопределения» инородцев.

Филиальное отделение редакции кагальной газеты «Право» в Петербурге, самозваный «съезд городских и земских деятелей» в Москве как один из первых притонов «кадетской» шайки, подтасовывали наиболее полезных, т.е. самых злостных иудейских сообщников. Отсюда логически возник замысел об «автономии» Польши как одном из главных условий «свободы» в России.

Там, где властвуют евреи, государство должно состоять из обманщиков и обманутых.

«Гоям» поэтому не следует забывать, что во всяком деле любой сын «избранного народа» бывает прежде всего евреем и после всего — евреем.

Что замысел этого рода был подсказан евреями, и что он был защищаем их союзником — поляком Ледницким, в том нет ничего удивительного. Обстановка, созданная Витте, увы, позволяла это, к вящему сраму для русских людей! Опозорить же и осмеять Россию ради целей кагала было необходимо в первую очередь и во что бы то ни стало. Но среди русских нашлись изменники, которые унизились ещё поездкой на поклон в Варшаву. Пред этим воистину нельзя не изумляться!..

И эти враги собственной родины остаются безнаказанными!.. On ne meurt plus de honte en ce temps, — on en vit!

Сопоставляя всё изложенное с нынешней яростью «чёрных рубашек» Бунда, который, видимо, теряет почву, мы поймём, наконец, и нижеследующее:

***

XVIII. С целью убить генерал-губернатора на днях в Варшаве к германскому вице-консулу барону

Лерхенфельду явился на квартиру неизвестный человек в офицерской форме и нанёс ему оскорбление.

5 августа генерал Скалон поехал к барону Лерхенфельду с визитом.

Когда он возвращался, в него было брошено 6 бомб с балкона дома №12 по Натолинской улице из квартиры, снятой недавно 3 женщинами. Одновременно из окон дома стреляли. Две бомбы разорвались около тротуара и вырыли воронки в 3 аршина диаметром. Генерал Скалон остался невредим. Ранены 3 казака-кубанца, убиты — околоточный надзиратель и девочка.

Из неразорвавшихся бомб 2 были в виде коробок с конфетами, завёрнутых в бумагу, а 2 — в форме кирпичей. Злоумышленники скрылись. Квартира в доме №12 оказалась пустой.

Первая бомба, брошенная в карету генерал-губернатора, возвращавшегося после визита к консулу, не разорвалась. Кучер ударил по лошадям, и карета понеслась. Вдогонку кареты были брошены ещё две бомбы, не долетевшие до кареты и разорвавшиеся в нескольких шагах позади неё. От взрывов этих бомб генерал-губернатор оглушён и легко контужен в области правого уха. Ранены также лошади трёх кубанцев из конвоя. Конвоируемый казаками, генерал-губернатор вместе со своим адъютантом в той же карете вернулся к себе во дворец.

На шум взрыва с разных сторон сбежались патрули и окружили дом с балконом, откуда были брошены бомбы. Солдаты хотели залпами обстрелять его, но оказалось, что почти все квартиры дома заняты офицерами и чиновниками военного ведомства, что и устранило обстрел. Тогда солдаты бросились в квартиру, с балкона которой было совершено покушение, но там никого не оказалось. При обыске этой квартиры, найдены две вполне снаряжённые бомбы. Также были произведены обыски и во всех соседних домах, причём арестовано 35 человек. Улица была оцеплена войсками, никого не пропускавшими.

Сила взрыва была очень велика. В целом ряде домов выпали оконные рамы и выбиты стёкла, на мостовой от упавших снарядов образовались две глубокие воронки...

По словам газет, проезжавший вблизи места покушения извозчик заявил полиции, что видел, как была брошена бомба из пустой квартиры первого этажа дома №12, выходящего на Натолинскую улицу. Дом этот принадлежит временному варшавскому военному генерал-губернатору Вонлярлярскому, живущему в бельэтаже.

Обыск пустующей квартиры дома не дал никаких результатов.

Лицо же, только что приехавшее из Варшавы, передаёт следующее:

«Какой-то ад стоит в Варшаве. С вокзала я поехал к знакомым, так как хотел остановиться в Варшаве на несколько дней. С первых же шагов меня охватила давящая атмосфера. На улицах прохожих мало, а если и попадается кто-нибудь, то идёт как-то стороной, беспокойно озираясь направо и налево. Движение на многих улицах прекратилось, так как извозчики боятся выезжать туда. Масса магазинов закрыта и заколочена ставнями, в жилых помещениях опущены шторы.

Несмотря на риск, я отправился бродить по городу.

На каждом шагу — патрули пешие и конные; у ворот домов в нескольких шагах друг от друга стоят солдаты, которые имеют право арестовать всякого обывателя, показавшегося им подозрительным; городовых не видно, они все сосредоточены в участках и в некоторых казённых управлениях.

Казаки едут по улице, бросив поводья и взяв в руки ружья с взведёнными курками, готовые дать залп, по первому сигналу. Слухи, один другого ужаснее, ещё более пугают воображение.

Масса жителей бежит за границу.

Впрочем, слухи эти распространяются не без основания, такого ужаса, какой теперь происходит в Варшаве, не видел ещё ни один город в России. Не проходит часа, чтобы где-нибудь не бросили бомбы или не стреляли!..»

(«День», 1906, VIII.)

***

XIX. Итак, мы видим, что на этот раз «самоопределяющиеся освободители» задумали, more judaico,

проделать своё злодейство cum grano salis... В рассчёте заставить генерала Скалона явиться мишенью для бомб именно там, где они заготовлены для него, — «офицер» наносит оскорбление иностранному дипломатическому представителю, ремонт мостовых определяет путь генерала, а женщины-бомбистки устраивают засаду в доме самого генерал-губернатора... Так «забавляется» еврейство.

Вместе с убийством адмирала Чухнина и покушением на жизнь генерала Каульбарса варшавское злодеяние обнаруживает ту же цель разложения армии, какая преследуется масонами и евреями через революционную пропаганду в войсках и устройство «военного союза».

По степени кагального издевательства «дипломатические» бомбы могут идти в сравнение разве с теми, презрительно отвергнутыми венками, которые в Белостоке и Седлеце посылались «избранным народом» на гробы полицеймейстеров Деркачёва и Гольцева, убитых евреями же: первый — из браунингов «самообороны», как известно, «по ошибке», а второй — бомбой, уже, конечно, «без умысла» оторвавшей обе ноги сразу...

Наконец, в сфере «искусства» могли бы, пожалуй, конкурировать с «вызовом Скалона» только похищение судебно-уголовных дел о севастопольском мятеже и «комический» побег Беленцова.

«Чистота» же отделки в Варшаве оказалась такой, что когда доблестные русские воины хотели войти в квартиру, из которой немного раньше были брошены бомбы, то пришлось взламывать крепко запертые двери. Когда же они, наконец, поддались, то, к счастью, упали на улицу, а не внутрь квартиры, где, как оказалось, именно на этот случай была заготовлена ещё одна пролетарская бомба!

Вполне очевидно, что без больших денег и свирепой организации такого «блеска» в исполнении не могли бы себе позволить и самые «сознательные» пролетарии. Вот почему мы действительно встречаем в Польше не одну и не две, а целых пять бунтарских шаек.

Таковы «P.P.S.», «P.P.P.» и «P.P.N.», с одной стороны, а с другой — «P.S.D.» и, разумеется, «Бунд».

Первые три, т.е. польские партии социалистов (или польская социальная партия), польская пролетарская партия и польская национальная партия (или национально-демократическая), действуют сообща — в видах отторжения Польши от России и образования самостоятельного польского государства. «P.P.S.» конечной, хотя и отдалённой, целью ставит независимость края на республиканско-социалистической основе. Пока же пропаганда сосредотачивается на достижении автономии, учреждении особого сейма и введении польского языка в обиход школы, равно как и всех официальных сношений. «P.P.P.» в основном руководствуется такой же, яко бы умеренной в задачах, национальной программой, но действует несравненно более радикальными мерами и проводит их с анархическими приёмами. Наконец, «P.P.N.» — могущественная национальная ассоциация, выставляет своим открытым лозунгом разрыв с Россией и восстановление Великой Польши, — «от моря до моря».

В свою очередь «P.S.D.» (партия социал-демократическая) и «Бунд» носят международный и космополитический характер, отвергая всякий, стало быть и польский, государственный строй, а значит и защиту польской национальности. В положительном направлении обе партии проповедуют столь возлюбленный и нашими «освободителями» пролетарско-жидовский рай со всеми его восторгами...

Следовательно, только «P.P.N.» не имеют социалистического характера, но в терроризации русской власти и русских людей вообще и она не отстаёт от четырёх указанных социалистических партий. Наряду с общностью цели борьбы каждая из сих последних имеет, впрочем, специальную программу, в соответствии с которой, принимает более или менее сильные оттенки.

Стройность техники, образцовая солидарность и железная дисциплина отличают в особенности социалистические группы — как носящие характер интернациональный, так и ограничивающиеся патриотической пропагандой.

Настоящие заправилы обеих категорий движения укрываются в безопасности за границей: польские «гранды» — в Кракове и Лемберге, руководители «P.S.D.» — в Берлине и Париже, а главы «Бунда» — в Париже и Лондоне. Сверх того каждая из шаек имеет в самой Польше по исполнительному комитету, приказы которого членами соответственной шайки исполняются беспрекословно, со

слепым послушанием.

Евреи погубили Польшу и, без сомнения, не дадут ей воскреснуть. Тем не менее, во всякой революции они подыгрывают полякам ради собственных выгод, и пока есть надежда на успех. Так бывало во времена Суворова и Наполеона I, а затем в 1831 и 1863 годах. Такая же иудейская музыка под «червонным штандарем» аккомпанирует «на-продувцам» и в настоящее время.

Отвергая за русским народом все, даже право называться иначе, как «черносотенцами», «погромщиками» и даже «чертовыми сотенцами», жиды, тем не менее, кричат о польской, т.е. в сущности — о своей автономии без всякого стыда.

Но даже в области ростовщичества сынам Иуды монополия не принадлежит. Исключительность стремления к деньгам и способность размножать их в своём кармане свойственны не одним евреям, а и всем народам-старикам. Таковы: парсы, баниане, китайцы. Разница, пожалуй, в том, что сыны Поднебесной империи много честнее в торговле, чем «избранный народ»...

В частности, золотая валюта — «слишком узкое одеяло», как заметил ещё Бисмарк.

«Следует сделать предостережение всем британским фабрикантам, — официально писал английский консул в Одессе своему правительству, как сообщает газета «Daily Chronicle», — чтобы они избегали вступать в деловые сношения с «русскими» евреями, желающими получать товары в кредит. Опыт показал, что эти евреи начинают дело с заранее составленным намерением рано или поздно, а обмануть те фирмы, которые им доверяют».

Венгерское министерство народного просвещения запретило в своих школах чтение «Натана Мудрого». Отставной же «унтер», с иконостасом орденов выглядывающий из подъезда жидовского банка на Невском, быть может, наиболее печальная из социальных картин...

***

Конституция сынов Иуды. «Русская Речь» знакомит с распространяющейся среди еврейства брошюрой, составленной некими С.И.Б.Л.П.А. Давидсон, под заглавием «Еврейское Национальное Собрание».

Автор (или авторы) этой брошюры развивают мысль о необходимости объединения еврейских национальных партий в одну общую группу для ведения еврейской политической борьбы. На этой почве еврейская буржуазия уже теперь соединяется с организованным еврейским революционным пролетариатом: первая участвует денежными средствами, а последний — своей мускульной силой — кто в чём горазд. «Это соединение, — заявляет А. Давидсон, — не случайное, а вполне сознательное, и представители пролетариата сильно агитируют за идею «самообороны» не только среди русских, но и среди заграничных буржуазных элементов еврейства, и даже берут на себя инициативу по делу денежных сборов».

Вся масса еврейства, без различия экономического положения, должна выработать для себя общую формулу и общую тактику для своего освободительного движения, причём предлагается следующий, приблизительно, план.

Наименьшие национальные требования, с которыми все согласны:

I. Отмена всех ограничительных для евреев законов.

II. Корректив в четырёхчленной формуле выборов во все общие учреждения без принудительного начала (необязательные национальные курии или пропорциональное представительство).

III. Религиозная и национально-культурная автономия еврейских общин.

IV. Отделение церкви от государства для всех народностей.

V. Свобода открытия школ всех типов, с любыми программами, на всех языках.

Наибольшие требования, против которых возражают скорее с точки зрения исполнимости, чем желательности:

а) Национально-культурная автономия евреев (обязательная).

б) Еврейский сейм.

Приводятся ещё и общие требования.

Заканчивает А. Давидсон свою брошюру следующими словами: «Организовать еврейство для своей политической борьбы, определить содержание этой борьбы, выработать общую директиву действий — вполне задача ближайшего национального собрания».

Итак, посеяв в России смуту, еврейство под шум этой смуты смело и нагло, организуется для своей еврейской, политической борьбы с русским государством. Такая иудейская тактика ещё раз доказывает, что евреи всегда, везде и во всём не могут действовать иначе, как иудо-предательским образом, преследуя только свои «еврейские» цели. Для достижения же результата сыны Иуды не задумываются в выборе средств, хотя бы таковые вели к гибели русского народа, приютившего этих пришельцев-паразитов, народа, жизненными соками которого они питаются, жиреют и богатеют.

Всё это в конце концов сводится к тому, что русскому народу надо пошире раскрыть глаза и быть настороже, ибо еврейское ярмо уже занесено над его шеей. Ещё один шаг, — и Россия может очутиться в рабстве, несравненно худшем, чем татарское иго...

***

В виду изложенного, нельзя не поражаться, что социал-демократы идут по указке еврейства, т.е. самого безжалостного олицетворения аристократического капитализма, и невозможно по здравому смыслу объяснить, как социалисты рискуют верить, что иудаизм желает им добра. С другой стороны, хотя первая сноровка любого еврея — сделаться необходимым для той сферы, куда ему удалось проникнуть, всё-таки непостижимо, как презираемые еврейством гои создают ему среди себя популярность и даже увлекаются его вероломной пропагандой!..

Впрочем, о жидовском искусстве притворяться сказано в самом талмуде: **«еврей одарён этим талантом в столь высокой мере, что он сумеет у нееврея повытаскивать все зубы изо рта и в то же время заставить думать, что он его целует...»**

Только сообразив изложенное, мы поймём весь трагизм следующей телеграммы «Нового Времени» от 10-го августа.

***

«Сообщаю о положении русского дела в кровавой Варшаве. Внимательно присматриваясь к деятельности русского общества, приходится констатировать полное отсутствие каких бы то ни было признаков протеста против действий поляков и евреев — теперешних хозяев окраины.

Существующее русское собрание не подаёт никаких признаков к защите русских интересов. Русской свободной газеты, стоящей на страже русской государственности, нет.

Войска — единственные борцы за русское дело.

Жутко становится от полного недостатка духовной связи между русским обществом и военными. До чего дошли чувства русских людей, видно по тому невниманию, с которым общество отнеслось к жертвам 2-го августа: в церкви и на погребении я был буквально один. Прочтите «Варшавский Дневник» 6 августа, описание похорон. Больно и невыносимо тяжко слышать рассказы офицеров об отсутствии какой-либо поддержки местного русского общества. Оно прячется за спины солдат, когда ему грозит опасность, но не проявляет никакой деятельности для совместной борьбы; напротив, своими космополитскими взглядами или же недостойной трусостью многие ещё подливают масла в пылающий костёр...

Положение отдельных лиц, любящих Россию, угнетённое до крайности. Одна надежда на появление человека твёрдой воли и неустрашимого, способного ответить на террор действительными мерами, восстановить русский стяг и подчинить ему население. Надо видеть ежечасно проливаемую русскую кровь и защищать её не очаровательной любезностью. Такие средства не для браунингов.

В войсках, поистине, достойное всяческой похвалы единодушие.

По словам еврейских газет, иудейские же купцы проектируют прекратить торговлю и закрыть лавки на восемь дней. Евреи же хлопочут об открытии врачебных пунктов за недостатком, по их мнению,

карет скорой помощи.

Что это такое? Ещё не просохли мостовые от потоков русской крови, пролитых 2 августа, как новый призрак смерти висит над нашим верным солдатом!

Прислушайтесь к зловещему и не закрывайте глаз!..» (sic!)

Лишь наблюдая и вглядываясь в террор, свирепствующий у нас повсюду, можно уяснить себе факт «обоготворения» передовой прессой политических злодеев и её наглое пренебрежение к их бесчисленным жертвам. Признавая все средства дозволенными, современные анархисты-коноводы нуждаются и в готовых на всё исполнителях. Однако, не всегда это возможно устроить за деньги, да и никаких денег не хватит... Правда, «революция» кормит разбой, а разбой питает «революцию» в подспорье тем суммам, которые идут в Россию от «всемирного союза братьев», интернационалки и масонства. Но есть задачи, где необходима «идея». И вот «опытными» агитаторами подростки, девушки и мальчики, увлекаются на «подвиг»; под гнётом внушения идут они на страдания и ужасы, на муки и смерть...

«Освободительные» же евреи поднимают гвалт о «варварстве» и «деспотизме» правительства, которое ещё осмеливается защищать мирное население, неистовствуют против смертной казни, поставляют «героям» защитников и канонизируют «мучеников»... От времени до времени совершая особо зверский «набег», иудейская злоба даёт шаббес-шискелям ещё и «новый рекорд»...

Но, как справедливо замечает «Новое Время», эта предательски гипнотизируемая молодёжь подобна Фаэтону, которому бог солнца дал подержать вожжи. Она готова сжечь весь мир вместо того, чтобы осветить его и согреть. Для неё Маркс стал новым Майн Ридом. Не ведает она, что **если социализм и сложится, то он так же мало будет походить на марксизм, как средневековый католицизм на проповедь апостолов.** И, наоборот, — нынешний социализм мог бы осуществить разве такую китайщину, когда страна была бы населена чуть ли не одними мандаринами.

Будущее никогда не бывает таким, каким его представляют себе люди. Никакая утопия, например, не заходила так далеко, как бессознательный прогресс знаний. Никакое человеческое воображение не могло предсказать пара, электричества, телеграфа, телефона, икс-лучей, радия и т.п.

В политической же области мы видим, что ещё при Николае I гегемония была за Россией, а Головин полагал даже, что Японию и завоевать нетрудно. Между тем, именно этот жёлтый народец явился нашим же палачём и всё свёл на нет.

Предательство и ярость тигра или удава, подстерегающего добычу, наши «революционеры» возвели в перл создания ради «светлого, идеального будущего»... Однако, мы видим, что французская революция, которую «освободители» России берут за образец, дала нынешнюю Францию, правда, зажиточную, но трусливую и униженную, само же её благополучие основано на детоубийстве и ростовщичестве...

Тем не менее, радиоактивные бомбы и выстрелы в спину, денные разбои и «ограбные» ужасы, всеобщий маразм и грядущий голод, одуряющий запах крови и очумевшая от травли «прогрессивная» печать приводят в скорбь, страх и отчаяние целую страну...

И не видно просвета... Луча надежды нет!..

Не только «строптивый» революционер, а и всякий обыватель убеждён, что ничто не спасёт его от «сознательного» революционера...

Это ли не рай, обещанный евреями?

Это ли не лучезарное счастье «свободы»?!..

***

XX. Глубоко несчастен русский народ. Горе так велико, что, как одинокий путник, застигнутый снежным ураганом в пустыне, он склоняет голову под ударами судьбы. Тем не менее,

Как ни тепло чужое море,
Как ни красна чужая даль,
Не ей поправить наше горе,

Размыкать русскую печаль!..

Но, вопреки завываниям недругов, причины этого горя заключаются не только в отрицательных явлениях нашего быта, а и в положительных его сторонах. Нет в русском сердце ни коварства, ни холодной жестокости. Наоборот, у нас, быть может, слишком много великодушия и доброты. С другой стороны как истинно великий народ мы неспособны к угнетению слабейших. Этим в значительной мере объясняются факты современной действительности. Так, например, если не бывало польских восстаний в Пруссии, то, разумеется, не потому, что немцы благоволили к полякам. Очевидно, что мы никогда не прибегали к тем суровым, а главное — последовательным, средствам обрусения, как и сейчас это ещё делается в Познани, — для её онемечения. Точно также и в Финляндии мы не только не следовали австрийскому маккиавелизму, денационализации Богемии и Моравии или же — политике Германии в Эльзасе и Лотарингии, но даже не позаботились как следует о безопасности Петербурга. Спохватившись, мы призвали генерала Бобрикова, действовавшего, впрочем, с большой умеренностью. Когда же он был изменнически убить, то вместо суровых мероприятий, которых повелительно требовало государственное безумие, мы допустили такой ход событий, который выразился в опозорении нашего имени, а затем и в соучастии, нами же разрешённой, «красной гвардии» в сокрушении русского владычества, начиная со столь важной крепости, как в Свеаборге. Не задела нас и «тачка», в которой чухонцы «вывезли» Оболенского... И вот «поляки Моисеева закона» браунингами и бомбами вразумляют нас как «освободолюбивые» союзники «Ржонда Народовего».

Равным образом поступали мы и на Кавказе. Населённый бесчисленными племенами, дикий край был с незапамятных времён ареной кровавых междоусобиц. Пользуясь смутой, турки, персы и горские племена то вырезали и разграбляли, то окончательно порабощали целые его округа. Наряду с этим, играя на Востоке такую же роль, как евреи на Западе, армяне уже при нашем владычестве бежали в наши пределы из Турции, спасая свою жизнь. Прямой противоположностью армянам и евреям не только в России, а и на Кавказе являлись татары. Никогда не создавали они, как это нередко делали армяне, дипломатических нам затруднений. Что же касается революции, то у татар её не бывало и, по-видимому, даже замечается иммунитет. Благодатная Грузия населена, увы, народом, отравленным семитической кровью, и подобно евреям отличается такой заносчивостью, которая никого к добру не приводит. Пожиная, что посеяли, грузины были бы истреблены поголовно, если бы Россия не вняла их мольбам и не взяла под свою защиту. Среди описанных условий мы, однако, вновь позабыли как о требованиях государственной безопасности, так и о тех страшных жертвах, какие принесены русским народом для завоевания Кавказа. Мы не подумали о колонизации этой богатейшей страны русскими людьми, а духоборов, этих благородных и несокрушимых пионеров России и отличных работников на принадлежавшей нам по праву земле, мы даже ухитрились выгнать за океан, в Америку.

Hominum ineptia et Dei providentia Ruthenia ducitur.

Обездоливая Великороссию налогами и повинностями всякого рода для ведения войн в течение веков, мы у доблестных малороссов отняли юг России, призвав туда немцев и евреев, Кавказ же предоставили армянам и, в заключение, евреям. Не только не расселили мы избытка в русском крестьянстве по Кавказу, а, наоборот, у русских же, главным образом, мужиков отобрали 20.000.000 рублей для возобновления евреями и армянами нефтяных вышек в Баку. Что же касается крокодиловых слез об этой субсидии, то они выразились не в благодарности нищему и безграмотному русскому крестьянству, а в новой и тяжкой невзгоде России. Вчетверо, если не впятеро, уже за ближайший год превысили субсидию новые барыши нефтепромышленников. Прикрываясь несчастьем, в действительности ничтожным и вызванным их же собственной эксплуатацией рабочих, нефтяные акулы образовали стачку и подняли цены на нефть до пределов государственного бедствия...

Но мы далеко не ограничились этим. В параллель с указанной политической «прозорливостью» мы предали армянам и гораздо более важные интересы родины. Как бы ослепнув, мы позволили им почти монополизировать гражданскую и военную власть на Кавказе. Всё это было тем более нелепо, что пан-армянская пропаганда развивалась и в самой Москве с необычайным успехом. Когда лет двадцать тому назад Эчмиадзинский католикос прибыл в первопрестольную столицу, то лицемерные восторги

«передовой» прессы и раздутые из Армянского переулка «триумфальные» возгласы «кеце, Айрик!» готовы были превратить зловещее для нас событие во всероссийское торжество!.. Такую же «радость» нам принесло лишь открытие синагоги в Петербурге.

Вместе с этим наш исконный «друг» — Англия благословила учреждение в Лондоне армянского революционного комитета. Он сумел наделать России много забот и должен быть рассматриваем как одно из важных орудий масонства, гнездо которого находится именно в Англии. Встречая её враждебную политику на всех своих дорогах к морю, наше отечество страдает от неё же и на Кавказе, и в Афганистане. Действуя ad majore Brittaniac gloriam, масоны ведут против нас искусную, но всегда предательскую игру. Как помимо масонских интриг уразуметь хотя бы вооружение графом Воронцовым-Дашковым социал-демократов в Тифлисе? Чем объяснить, что наместник почтил изысканными похвалами такого хулигана, каким является Рамишвили? «Вы честный и хороший человек!» — восклицал граф Воронцов-Дашков, пожимая руку этому гнусному, бешеному анархисту и вооружая его единомышленников. Откуда вообще найти оправдание для всего, что угрожает России на Кавказе?

Если у евреев действует Всемирный Кагал, то нечто подобное есть и у армян. «Дашнак-Цутюн», — тайная, злобная и владеющая крупными средствами, а потому опасная организация. Если «благоухающий» чесноком Кагал располагает жизнью и смертью евреев, если «Бунд» казнит и запугивает непокорных ему свидетелей-неевреев и терроризирует не только крестьянских депутатов в Государственной Думе, а и сами пути правосудия в нашей печальной стране, то уже одна казнь Джамгарова, совершённая всенародно на паперти армянской церкви в Москве, достаточно показывает, чем пахнет и «Дашнак-Цутюн».

Но дабы не сомневаться в авторитете власти, достаточно запомнить следующий пример.

Ещё с 1903 года у армян заведены боевые дружины. Могущественное, сильно организованное и жестокое сообщество «Дашнак-Цутюн» объединяет революционно-национальные силы армян и руководит их делами. У него есть агенты повсюду, даже в Петербурге, где, как говорят, ему удалось приобрести покровительство всеми средствами, какими оно вообще добывается в этом грешном мире. Мечтая о восстановлении своей государственной независимости и, надо признать, пользуясь русской халатностью без церемонии, «Дашнак-Цутюн» решил сделать «пробную мобилизацию» на Кавказе, а в урочище Делижан образовал центр своего национального управления, — гражданского и военного.

Русские «освободители» под командой евреев кидают своих жертв под маневрирующие поезда, вырывают при случае язык у семидесятилетней старухи и растерзывают бомбами детей. Отчего же не позабавиться и армянам?.. И действительно, по приказу одного из начальников дашнак-цутюнских отрядов у селения Нижний Кизил-Булах в конце декабря 1905 года два наши казака — Мартиновский и Харианов были изрублены в куски, а ещё трепещущие куски их тел были брошены собакам... Далее при разорении села Ярodуллы часть мусульман была перебита, а 17 захвачены в плен. Исполнив это, другой армянский начальник послал троих принести за остальных выкуп — пять тысяч рублей. Когда деньги были доставлены, то из 14 пленных одна половина на глазах другой была изрублена в куски, а другая была заживо зарыта в землю... Гражданское управление армян действовало не менее «энергично». Так, однажды были арестованы и заключены в тюрьму девять мусульман, из которых четверо успели бежать. Горнопромышленник Иосиф Карагозов был убит по приказанию армянского самозваного судьи...

Когда еврейские «революционеры» не имеют случая испытывать свои маузеры или бомбы на крестном ходу христиан «в черте оседлости», тогда они под Москвой, на велосипедной partie de plaisir забираются в сельскую церковь и распивают там «пейсахувку».

Не отстают и армянские священники. Бывая гражданскими начальниками, они также осуждали людей на смерть. Во главе же военных отрядов они шли с винтовкой и патронами, лично распоряжаясь избиением татарского населения. Правда, и самим татарам не очень нравилась идея Великой Армении. Они знали, что армянское царство грозит магометанам тяжким порабощением у вековых врагов. Но у татар не было «Дашнак— Цутюна», и защищались они беспорядочно. Армяне же кроме своей вооружённой милиции располагали двумя собственными эскадронами регулярной кавалерии —

около 300 человек, и двумя батальонами пехоты — около 800 человек. Татарские отряды представляли дурно и чем попало вооружённые толпы. Армяне, наоборот, были прекрасно вооружены и снабжены.

Если ещё на днях социал-революционеры в Москве были огорчены известием, что на русской границе арестованы посланные им браунинги, маузеры, патроны и пулемёты; если в ноябре прошлого года по распоряжению «Интернационального Комитета» голландский анархист Корнелиссен, пользуясь бунтом на Черноморском флоте, «благополучно» доставил из Амстердама для кавказских революционных организаций несколько тысяч штук оружия и 2.000.000 патронов, то очевидно, что татарам нечего было тягаться с армянами.

Дальше мы расскажем подробнее, а теперь заметим вкратце, что на радость Англии «сознательное» восстание матросов и «героизм» Шмидта были, вне сомнения, подарены нам ожидовелыми масонами.

События развивались широко. Как и в Москве, перед евреями на похоронах Баумана, так и на Кавказе, перед армянами законная власть стушевалась. Дотоле неведомый в летописях революции, ничтожный армянский притон стал образцом упразднения Русского Государства на Кавказе и заменой его, как выражались, «самоуправлением» населения. Само собой разумеется, что этот «зародыш Великой Армении» быстро погрузился в дикое взаимоистребление соперничающих племён.

Кавказские революционеры уже предвидели свою беду. В Александрополе был расположен один из старых боевых полков — Кабардинский. Им командовал мужественный воин, полковник Василий Николаевич Левицкий, ныне произведённый в генерал-майоры за отличие в той экспедиции. Вот почему железнодорожные «делегаты» порешили закрыть сообщение Александрополя с Тифлисом. Но полковник Левицкий — не генерал Фрезе, который у забастовочного комитета спрашивал разрешения на проезде. Не был В.Н. Левицкий и генералом Дурново, бездействием которого подготовлен московский мятеж. Одним, но вразумительным приказом по полку В.Н. Левицкий сохранил дорогу открытой, а самих «делегатов» заставил бежать.

Когда же появились известия о намерении революционеров пустить в дело террор, полковник обратился и к самым суровым мерам. Мужество — не только добродетель, но и охрана всех прочих.

Среди этих забот им отдан следующий приказ по полку:

«Сегодня я получил рапорт, из которого видно, что железнодорожные служащие при содействии граждан имеют намерение посягнуть на жизнь командира 80-го пехотного Кабардинского полка за то, что кабардинцы расстроили все планы злоумышленников.

Объявляя об этом по полку, сообщаю для руководства: если кто осмелится посягнуть не только на мою жизнь, но и каждого кабардинца, то пусть знают все, что все до последнего гражданина города Александрополя будут обезоружены и понесут жестокие наказания за малейшее сопротивление. Каждый будет без милосердия убит. Здания близь места покушения будут сравнены с землёй. Все дома, служащие для сборищ революционеров, будут уничтожены.

Пусть вовремя одумаются свободные граждане и примут меры для оберегания не только кабардинцев, но и каждого воина — верного слуги Царя и Отечества, потому что уже надоело жить среди смут и пора всех привести в законный порядок».

Этот повелительный образ действий производил тем большее впечатление, что дух Кабардинского полка был превосходный. Его начальник крепко хранил предания старой Кавказской армии. Он сам и его офицеры жили с солдатами в тесном нравственном единении. Революционная пропаганда не осмеливалась подойти к солдату, потому что малейшие попытки немедленно пресекались в корне.

Полк представлял гордую и несокрушимую силу, с которой ссориться было опасно.

Но полковник Левицкий действовал не одной силой или угрозами. Он доверял нравственному чувству своих и чужих. Так, в частности, он обратился с увещанием к железнодорожным рабочим, взывая к их патриотизму и здравому смыслу.

Получив приказ вступить в уезд, Кабардинский полк с таким командиром быстро привёл и там революционеров к покорности или бегству, восстановил законный порядок, а своей нравственной

силой уничтожил саму возможность его нарушения.

При всём этом не было пролито Кабардинским полком ни одной капли крови.

(«Московские Ведомости», 12 и 13 августа 1906 г.)

***

От великого, говорят, до смешного — один шаг.

И вот, мы видим Рамишвили с Джепаридзе в Государственной Думе.

Они уж говорят не тем тоном, каким сто лет назад их предки со слезами на глазах рабски умоляли нас о спасении... Кавказские «депутаты» бесчестно позабыли, что, лишь войдя в состав Российского государства, которое с такой безумной яростью они теперь пытаются разрушить, армяне и грузины получили право стать людьми, а не теми зайцами, которых персы, турки и кавказские горцы подстреливали на выбор. Скоро запамятовали армяне, как они тысячами бежали в русские пределы от поголовного истребления курдами, а сердобольное русское правительство широко давало им приют. Бессмысленные иудейские замыслы вышибли у нынешних «революционеров» из головы, как, владея сотней баранов, их дворяне русской властью не в пример её же собственному народу утверждались в княжеском достоинстве. Потеряли, наконец, они память и о том, что, будучи сравнены с русскими в правах и получая в России образование, они пользовались всеми преимуществами на гражданской и военной службе, сохраняя вместе с тем и свои национальные права — личные и имущественные... Между тем Рамишвили осмелился продолжать свою наглую и преступную пропаганду в самой Москве, а его братец дерзнул бунтовать питающихся за счёт города «безработных»...

К сожалению, норовящие попасть на содержание «безработные» ещё мало оценены по достоинству. Что работать они не желают, это доказано фактами, а что таким же «безработным» является всякий, кто с браунингом в руке командует «руки вверх!» — это несомненно. Стало быть, кормить наших «освободителей» повинен их хозяин — кагал, а уж не те, разумеется, кого они, по талмуду, «освобождают» от кошелька или от самой жизни... Увы, мы этого всё ещё не понимаем, а сыны Иуды не видят смысла закрывать свою «оперетку», когда она идёт с таким успехом — по «особому желанию публики».

Впрочем, после всего, нами пережитого, едва ли мыслимо чему-нибудь ещё удивляться.

Вопрос о «безработных» далеко не так прост, как хотят его извратить герои «освободительной» прессы. «Право на труд», — увы, проблема на деле неосуществимая. К настоящему же периоду в России она и в теории не относится. Сложные вообще причины безработицы у нас являются особенными.

Среди нормальных условий наряду с прогрессом техники, сокращающей число рабочих рук, приводит к тому же результату и мировая конкуренция. Обусловливаясь удешевлением производства, она стремится его концентрировать. Понижение заработной платы и рабочего контингента определяется в свою очередь и золотой валютой, т.е. вздорожанием денег. Наконец, к размножению безработных стремится и перепроизводство «социального динамита», т.е. плохо учившихся или недоучившихся, вообще излишних, но мечтающих облагодетельствовать человечество — техников, адвокатов, публицистов, врачей, курсисток, акушерок, учительниц ect. Обвинять в мировых явлениях русское правительство недобросовестно, как нелепо приписывать безработицу правительственному террору, который, наоборот, отсутствует, хотя и совершенно необходим.

Но неевреям, конечно, остаётся упрекать правительство за финансовые благодеяния, фабрично-заводскую политику и демократические эксперименты иудейского же друга Витте. Достаточно, что он открыл кагалу невиданные доселе горизонты и беспримерные «благоухания» биржевой игры, равно как и возможность по нищенским ценам завладевать всем, что сынам Иуды понравится.

Что же касается тех категорий, какие мы встречаем среди безработных, то здесь на первом плане, разумеется, стоит девиз: «руки вверх!». Уже одни его последователи, а затем их добровольные приспешники и наёмные хулиганы достаточно опасны, что государственное или общественное управление не могло решиться взять их поддержку на себя. Если «ограбные» мужики пожгли усадьбы и разогнали владельцев, то никакая земская организация их также не прокормит, да и не обязана...

Блестящим же примером другого направления «освободительной» пропаганды, созидавшей безработных, могут служить хотя бы и следующие факты:

***

а) 22 августа на приём к московскому градоначальнику явилось трое лиц в качестве представителей от безработных. Принимал их помощник градоначальника Н.А. Макаров. Безработные просили разрешения снова для них открыть помещения, закрытые администрацией. Н.А. Макаров заявил, что администрация вообще не признаёт безработных как особое сословие или как корпорацию. Помещения же, в которых находились безработные, закрыты потому, что там были найдены прокламации, а также полиции стало известно, что в этих помещениях находили приют лица, агитировавшие против правительства. В виду этого помощник градоначальника отклонил ходатайство. («Московский Листок»).

б) По поводу покушения на ограбление 52.000 рублей у кассира ростовской таможни сообщают следующие подробности. Об этом покушении удалось узнать заранее. Писец таможни Павел Константинов условился с четырьмя своими знакомыми, что, когда кассир повезёт в казначейство более или менее крупную сумму, он уведомит их, а последние его ограбят. Полученные путём грабежа деньги должны были быть разделены между всеми участниками шайки поровну. 12-го августа в таможне образовалась довольно крупная сумма денег (свыше 52.000 руб.), которую в этот день кассир не успел сдать в казначейство, и отправка её была отложена до понедельника 14-го августа. Константинов знал об этом и сообщил своим единомышленникам, которые в ожидании выхода кассира из таможни, спрятались поблизости в засаде.

В то же время вблизи таможни расположились шесть переодетых пеших городовых и трое переодетых конных. Глава заговора – Константинов находился у одного из окон и должен был указать грабителям кассира. Когда последний, выйдя с деньгами из таможни, приблизился к Казанской улице и стал огибать здание таможни, Константинов поднёс носовой платок к носу (условный знак). В тот же момент грабители окружили кассира и направили на него револьверы. Но не прошло и нескольких секунд, как раздался громкий оклик «руки вверх!». Грабители были окружены сильно вооружёнными пешими и конными городовыми. Не видя возможности сопротивляться, все четверо немедленно отдали свои браунинги. Арестованные оказались: Егором Алексеевым, Борисом Ривкиным, Карпом Карповым и Александром Каплиным. Видя неудачу, постигшую его единомышленников, Константинов пытался скрыться, но был тут же задержан наблюдавшим за ним полицейским чиновником («Русская Земля»).

в) Неисчислимы, а иногда оригинальны и бессмысленны жертвы, приносимые русскими обывателями на алтарь Молоха революции. В с.Обмачеве, по сообщению «Киевлянина», произошёл такой случай (быть может, далеко не единичный в наших захолустьях). Казак И. Гарасько, узнав из газет, что Государственная Дума будет «раздавать» чужую землю, решил заранее избавиться от своей: всё равно дадут панской, и чем меньше будет своей, тем больше прирежут! Недолго думая, Гарасько половину своей пахоты заложил, а деньги пропил, причём, в пьяном виде, столь усердно колотил свою жену, что та сошла с ума и теперь находится на излечении в психиатрическом отделении Черниговской губернской земской больницы. Затем Гарасько продал свою усадьбу, а деньги тоже пропил, оставив свою семью — двух сыновей 19-ти и 14-ти лет и дочь 20-ти лет, без крова и куска хлеба на зиму. Дети Гарасько обратились к земскому начальнику с просьбой предложить земскому сходу избрать опекуна к оставшемуся не пропитым имуществу их отца, ополоумевшего под влиянием революционной агитации первого российского парламента...

***

Понимают, видно, что делается, когда в столице России — Москве «отцы города» собираются увековечить память Герценштейна!..

За указанными сортами безработных, подчас, студентов высших учебных заведений и даже гимназистов, должны быть названы агитаторы и подстрекатели всевозможных «настоев». Далее идут увлечённые или обманутые ими забастовщики и, наконец, бесчисленные жертвы революции, ни в чём

не повинные, но с каждым днём всё безжалостнее обездоливаемые. Они воистину достойны сострадания, но как и чем им помочь, когда самая жизнь России останавливается, всякая деятельность замирает, работы становится всё меньше и меньше, а средства существования иссякаются вообще?!..

Следующая корреспонденция «Русской Земли» даёт местную картину, но она в той или иной мере, пригодна и для всей России:

***

Рига. Наблюдатель прибалтийской жизни, знающий её в течение многих лет, с грустью должен признать, что прибалтийская революция сильно изменила к худшему привычки и характер местного населения, раньше столь деятельного, энергичного, трудолюбивого и твёрдого в нравственных правилах. Не говоря о «революционерах» — грабителях, убийцах и поджигателях, которые рекрутируются отчасти из преступных элементов, а отчасти состоят из поражённых политическим недугом людей, всё здешнее население как бы пошатнулось в своих нравственных основах и здравых суждениях. Где общественная дисциплина прибалтийцев, где их организованность и солидарность, которые не раз выставлялись примером для других? Почему они не оградили населения от нервности и трусости, от постыдной слабости и растерянности, от несогласованных и разрозненных действий? Даже немцы, этот наиболее организованный элемент, и те растерялись и предались паническому страху. Люди обезумели и стали делать и спокойно допускать такие поступки, которые раньше даже немыслимы были. Например, осквернять и грабить церкви, алтари, могильные склепы, убивать духовных лиц, учителей и т.д. Какая-то дикая жажда мести и разрушения обуяла одних, а стадное чувство неуверенности и страха — других. Не забудем, что почва, на которой разыгралась прибалтийская революция, обильно напоена недоверием, завистью и злобой, вековечным антагонизмом между населяющими край народностями. По ней много раз уже проносились волны революционных вспышек и междоусобных распрей, после которых осталось население приниженное и озлобленное. Вспомним крестьянские беспорядки несколько лет назад при введении в кирках (церквах) нежелательных им пасторов. А оставшиеся неудовлетворёнными бесчисленные заявления и просьбы крестьян о необходимости пересмотреть весь строй местной сельской жизни с немедленным устранением из него самых вопиющих несообразностей и несправедливостей вроде воспрещения крестьянам-землевладельцам рыбной ловли и охоты в своих же водах и на своих же землях, воспрещения им содержания ярмарок и продажи съестных припасов и т.п. Всё это надлежащим образом не было принято во внимание — и вот плоды! Немцы во всём происшедшем винят русское управление краем и русских чиновников, оставляя в стороне свою же собственную, вековую, эгоистическую подпитку в отношении местных жителей края. Однако, месть прибалтийских революционеров до сего времени ещё ни разу не коснулась русских людей и русского общества, если не считать полицейских чинов, потерпевших от революционеров, в числе коих, вероятно, имеются и русские люди.

Теперь надо решительными мерами ограничить и тушить пожарища и устранить всё то, что содействует распространению огня. Кризис балтийской революции не только не прошёл, но он затягивается и обостряется; распространяются зловещие слухи относительно возможности повторения прошлогодних зверств и «иллюминаций», и уже снова усилились революционные преступления. Значит, нельзя дольше медлить. Надо энергично работать над немедленным проведением в крае признанных неотложных реформ и тем поднять дух мирного населения, и столь же энергично преследовать революционеров, не превращая военного положения в бесконечную, дорогостоящую, но бесполезную игрушку...

***

Что нынешняя революция совершенно чужда благу русского народа и самих же инноплеменных населений нашего государства, это явствует уже из её непосредственных результатов. Мы испытываем беспримерные невзгоды лишь для достижения нашими врагами их собственных целей. На огромной территории идёт борьба на жизнь и смерть между интернациональным капитализмом и вековыми устоями России. Так называемые «общественные деятели» противопоставляются правительству, чего нигде не бывало. Это удостоверяется фактом, что заграничная пресса даже не в

состоянии подыскать ни на одном из иностранных языков термина, который передавал бы выражение «общественный деятель», как его понимает революция. Ядовитое злорадство и массовое обеднение сопровождает варварскую диктатуру снизу. Население обширной страны заставили побить рекорд мировой злости... И, увы, даже не тигры, а гиены обесчеловечили и схоронили Россию.

В этом страшном явлении нельзя не видеть главнейшей из наших бед... А, навязав его, недруги наши вопиют теперь о «праве на труд». Кто же его признает, когда отвергается и само право на жизнь?!..

Словно из другого мира звучат проникнутые горячей любовью, задушевные строки Пушкина. Решительно не верится, что и у нас было когда-то не так, как сейчас.

«Подруга дней моих суровых,
Голубка дряхлая моя!
Одна в глуши лесов сосновых
Давно, давно ты ждёшь меня...
Ты под окном своей светлицы
Горюешь, будто на часах,
И медлят поминутно спицы
В твоих наморщенных руках...
Глядишь в забытые ворота
На чёрный отдалённый путь, —
Тоска, предчувствие, заботы
Теснят твою всечасно грудь!»

«Няня Пушкина, Арина Родионовна, принадлежала к типичнейшим и благороднейшим лицам русского мира. Соединения добродушия и ворчливости, нежного расположения к молодости с притворной строгостью оставили в сердце Пушкина неизгладимое воспоминание. Он любил её родственной, неизменной любовью, а в годы возмужалости и славы беседовал с ней по целым часам. Это объясняется и другим важным достоинством Арины Родионовны: весь сказочный русский мир был ей известен, как нельзя короче, и передавала она его чрезвычайно оригинально. Поговорки, пословицы не сходили у неё с языка...» [36]

Какую же теперь любовь к родине внушают нам «освободительные» учителя, какой сказочный мир раскрывают современные наши няньки — пресса и телеграф?

«Не думай, что я тоже еврей, — пишет автор письма генералу Каульбарсу, — нет, к несчастью, я родился православным, которым именем я стыжусь, потому что нас все презирают!..»

Не успели назначить из Москвы в Вологду необходимого теперь именно в Москве благородного патриота епископа Никона, как, вопреки усердным просьбам местных жителей, был из Ярославля отправлен на Волынь иеромонах Илиодор... Еврей же послушник, лишённый звания иеромонаха за ересь, вновь занял место секретаря Троице-Сергиевой Лавры, с которого был по заслугам уволен.

Революционеры-бомбометатели грозят взорвать святыни и убить как настоятеля Лавры в Почаеве, так и редактора «Почаевского Листка», если это издание не будет прекращено... Тем не менее, наравне с мужественной братией Лавры отец Илиодор исполняет свой долг:

***

Ярославль, 19 августа. Местным отделом «союза русского народа» получена телеграмма из Почаева, Волынской губернии, что переведённый туда из Ярославля один из главных организаторов ярославского отдела упомянутого «союза», иеромонах Илиодор, открыл там при многотысячном стечении народа почаевский отдел того же «союза».

***

Против игумена и монахов Киево-Печерской Лавры через «Российское телеграфное агентство» была по всей России разнесена клевета, что в Лавре обнаружено печатание воззваний к погромам поляков и евреев. Как видно из опровержения игумена, против клеветников возбуждено уголовное преследование...

В то же время «освободители» истребляют непокорные кагалу газеты повсюду, где и как только могут, — даже в Петербурге. Наконец чаша терпения переполнилась.

***

«Русское Знамя» печатает следующее «предупреждение»:

«В продолжении девяти месяцев контора газеты «Русское Знамя» несколько раз делала попытку установить розничную продажу своей газеты, но должна была уступать насилию со стороны хулиганов и разбойников «освободительного» движения. «Союз Русского Народа» решил бесповоротно установить продажу «Русского Знамени» через артель своих газетчиков и предупреждает, что уступок насильникам больше не будет, на насилие будет отвечаемо соответственным образом; кроме того, в случае какого бы то ни было насилия над газетчиками «Русского Знамени», «Союз Русского Народа» не допустит со своей стороны продажу всех еврейских и еврействующих, так называемых «прогрессивных» газет.

«Союз Русского Народа».

Не в одном только Петербурге «хулиганы и разбойники освободительного движения» действуют подобным образом. То же самое они проделывают и в Москве с газетами русского направления. Случалось, например, что номера нашей газеты выхватывали у разносчиков неизвестные люди «еврейского типа», уничтожали их и скрывались. Так понимают свободу слова в в тех низах, которыми сильна мниморусская революция! Угрозы «Союза Русского Народа» чрезмерны, но понять чувство, вызывавшее их, совсем нетрудно. Что прикажете делать, когда слову противопоставляется грубейшее насилие и вам уже не в переносном, а в буквальном смысле затыкают кулаком рот.

«Русская Земля».

***

В заключение призываем внимание читателя к следующему:

***

Усыпальница убитых Семёновцев. 21 августа, в девятый день по кончине убитого командира Семёновцев, генерала Мина, в Петербурге, в церкви полка (Введения во храм) была совершена торжественная панихида.

Гробница генерала на северной стороне собора, в восточной нише. Она вся скрыта под венками, все стены ниши сплошь в венках, множество их облегает и стены самой нижней церкви. Перед его гробницей — поминальный столик с Распятием, а в голове — аналой с большим подсвечником, а на аналое — икона московских святителей Петра, Алексия, Ионы и Филиппа, поднесённая в Москве Семёновскому полку.

Противоположная, западная ниша северной стороны — тоже в цветах; здесь икона стоит перед гробницей, под которой похоронены три солдата-Семёновца, убитые во время усмирения московского бунта.

Покойный генерал очень заботился о благолепии усыпальницы этих жертв долга. Месяца два назад он обратился к знаменитому В.М. Васнецову и другому художнику — О.Р. Райляну с просьбой исполнить художественные работы для усыпальницы. Оба с особой сердечностью отнеслись к предложению генерала. Васнецов взял на. себя исполнение образа Спасителя в терновом венце, а Райлян также безвозмездно — остальные работы и большую картину Воскресения Христова, которая должна украшать стену усыпальницы.

За неделю до убийства генерал Мин был здесь, осматривал работы в усыпальнице нижних чинов и в разговоре с художником, указывая на пустую тогда восточную нишу против усыпальницы, сказал: «А вот здесь меня похоронят, когда убьют...»

И как скоро сбылись эти страдальческие слова!

***

«Прогрессивная» же печать всё идёт вперёд.

Так ещё на днях «сознательные пролетарии» в одном из своих органов были польщены заманчивой и, очевидно, «нееврейской» весточкой:

***

«В Москве нарождается новая «Брачная газета», которая ставит своей целью распространение среди публики нового способа заключения браков — посредством публикаций...»

***

Что же касается, «освободительных сказок», давно перешедших пределы всякого вероятия, то, читая на выдержку, мы знакомимся и с такими перлами. [37]

***

Гамбург, 19 августа (1 сентября). По словам «Hamburger Nachrichten», сегодня утром арестован на Steinstrasse русский по имени Якубовский. При обыске найдено оружие, взрывчатые вещества и большое количество революционных брошюр на русском языке.

Ялта, 22-го августа. В один из домов явились назвавшие себя анархистами-коммунистами и потребовали денег. У хозяина денег не было, и грабители взяли чек на 500 рублей. После этого в Азовский банк с чеком явилось одно лицо, которое тут же и было арестовано. На допросе арестованный назвал себя студентом.

Митава, 22 августа. Фридрихштадтская полиция задержала известного предводителя шайки Весьяна, участвовавшего в убийствах и разбоях и издававшего приказы, которым слепо повиновалось терроризированное население. У него оказались бриллиантовые серьги, снятые с баронессы Корф, и разное серебро. Военными властями Весьян расстрелян.

Харбин, 22 августа. Около 12 часов дня. В Харбине, на людной улице, близь полицейского участка три всадника в кавказской одежде произвели дерзкое нападение на китайца, везшего на извозчике в чемодане для сдачи в банк 23 тысячи рублей. Злоумышленники отняли чемодан, вскрыли его и, похитив деньги, ускакали. Дорогой они обронили часть денег; при них осталось 6.000 рублей.

Варшава, 22 августа. В Жирардовке хоронили революционера, убитого при последнем грабеже казённой винной лавки в деревне Люца. Провожала многочисленная толпа. После выхода из посада появились люди с венками, перевязанными красными лентами. Казачий разъезд пытался отнять эти венки. Из толпы в него начали стрелять. Прибывший патруль ответил выстрелами. Из толпы убито 9 человек.

Севастопольские психопатки. По словам «Севаст. Газ.», к градоначальнику поступает множество прошений от интеллигентных обывательниц Севастополя, выражающих желание выйти замуж за осуждённых матросов. Разрешения, конечно, при возможности даются. Вскоре отправляется вторая партия осуждённых в арестантские отделения. Севастопольские психопатки в этой области не открыли, впрочем, Америки. Подобные же случаи были в Полтаве.

Витебск, 22-го августа Убийцы, зарезавшие в ночь на 21-е августа на Театральной площади, в доме Мушкатина семью в 5 человек, пойманы в Смоленске вместе с сообщницами — двумя проститутками. Они доставлены в Витебск. По-видимому, это беглые каторжники. Один — еврей, другой — русский. Оба сознались. По словам преступников, они ограбили всего 17 рублей денег и на несколько сот рублей золотых и серебряных вещей.

***

Говорят, будто русские не умеют или не знают, как защищаться от «паладинов свободы».

Нет, понемногу, а и мы начинаем предпринимать надлежащие меры. Так, в дополнение к заявлению «Русского Знамени» нельзя не указать и на «Союз русского народа» в Одессе:

Письмо графа А.И. Коновницына. В провинциальных газетах находим открытое письмо председателя одесского отдела «Союза русского народа» графа А.И. Коновницына, написанное им по случаю покушения на его, гр. Коновницына, жизнь со стороны студента-еврея Янкеля Фишмана,

имевшего место в Одессе 6 августа. Письмо приводим целиком:

***

В воскресенье, 6 августа, согласно подробным сообщениям всех местных газет и согласно оглашённому в печати полицейскому протоколу, членами «Союза русского народа» схвачен на месте, доставлен в полицию и отдан в руки правосудия негодяй, студент-еврей Янкель Фишман с револьвером (браунингом) в руке, намеревающийся убить меня в то время, когда я после обычного собрания в чайной-читальне «Союза русского народа» возвращался домой. Также задержан другой студент-еврей Янкель Горбарь, призывавший толпу освободить «сознательного товарища».

Хвала и честь доблестным членам «Союза русского народа»!

Благодаря им, не может случиться то, что беспрестанно происходит вообще в России, у нас же в Одессе в особенности, а именно: среди белого дня на улицах совершаются дерзкие убийства, грабежи, нападения и всякий почти раз оказывается, что преступник благополучно скрылся. Благодаря честности, энергии, бдительности и солидарности членов «Союза русского народа», негодяи-революционеры, раз уже попадаются в руки наших славных союзников, то из рук их не вырвутся, никто их не отобьёт и скрыться им никогда не удастся.

Объявляю всем этим мерзавцам, подлым убийцам из-за угла, а также их руководителям, которые втихомолку дают деньги на революцию и рукоплещут убийцам, объявляю мерзавцам-революционерам, их покровителям и подстрекателям, что смерти не боюсь, как человек верующий, сознаю, что жизнь и смерть человека в руках Божиих.

Если же вперёд какой-нибудь подлец из этой гнусной компании дерзнёт только напасть с целью лишить жизни на кого-либо из членов «Союза русского народа» или же на кого-либо из правительственных должностных лиц и мирных жителей, то, раз он очутится в руках членов «Союза русского народа», в силу права самозащиты тут же на месте будет уничтожен.

Что же касается меня, то, если Господу Богу угодно будет, чтобы я погиб от руки злодея, завещаю всему русскому народу тотчас же после моей смерти беспощадно уничтожать сотнями и даже тысячами революционеров, которые, пока почти безнаказанно наводят страх и ужас на всё малодушное мирное русское население под флагом освободительного движения. Нужно помнить русскую пословицу:

«Клин клином вышибают».

Председатель одесского отдела «Союза русского народа»,
граф Коновницын.

***

А тем временем 72 раввина наложили на все русское еврейство однодневный «пост»... Можно ли сомневаться, что приблизительно 2.500.000 руб., которые будут отсюда собраны «избранным народом», всецело пойдут на «бессознательных» гоев, лишенных заработка не по своей вине?!.. Ведь сыны Иуды и размножают безработных только для того, чтобы ради них же поститься!

Несколько раньше в ту же Москву просвещать россиян являлись столь преданный России избранник одесских евреев и муж еврейки Щепкин, равно как через обман и насилие виленскими евреями проведенный в Думу еврей же, конечно, Левин...

«Знаменит» сугубо в истории кагала бывший директор московского реального училища и коновод той вооружённой шайки «безработных», которая из его же «заведения» растерзала бомбой нескольких солдат и офицеров, немец Фидлер. На утешение москвичам он здравствует поныне и даже, говорят, показывается в мундире министерства народного просвещения...

Едва ли, мечтая о подобной славе, другой немец и тоже директор реального училища в Москве, Мазинг, с не меньшим, однако, благородством усердствует в «освобождении» штанопродавцев. Получив от русского правительства права государственного учебного заведения, училище Мазинга служит одним из сборных пунктов для членов партии «народной свободы». Так как они — кадеты, то и само совещание их у Мазинга, по его мнению, весьма естественно. А так как они вполне заслуженно

именуются «жидо-кадетами», то нет ничего странного и в том, что для просвещения москвичей немец Мазинг приглашает еврейских «депутатов» Щепкина и Левина именно к себе в училище!..

Крайне достопамятно служение делу «русской свободы» и «кадета» Пржевальского, по-видимому, франкиста. Перед самыми забастовками, происходившими в Москве осенью прошлого года, а вслед за этим перешедшими в вооруженное восстание, Пржевальский, с Щепкиным, тоже столпом «народной свободы», озаботились подобрать у Гессена и Винавера из еврейского органа «Право» всё, что кроткие сыны Иуды успели изобрести о казаках. С таким арсеналом названные «освободители» 20 сентября 1905 года в московской городской думе потребовали удаления из Москвы 34-го казачьего полка или, по крайней мере, лишения его приюта в русской столице да ещё с примерной откровенностью настаивали, excusez du peu, на учреждении городской милиции...

Мечтали они попасть и Государственную Думу, но, к сожалению, пока не были удостоены кагалом. В настоящее время за смертью Герценштейна засияла звезда Пржевальского. К нему в имение съезжаются гастрономы-вожаки «кадетов», разумеется, только на «обед». Лишь по своей скромности именем «партии» orbi et urbi прорицает он и о мирной борьбе забастовками, и о вновь созыве разогнанной Думы и о новом министерстве, «пользующемся доверием народа», и об отчуждении частновладельческих земель...

Такому ли «патриоту» не стать преемником «великого» Герценштейна?!..

Одним из предвозвестников столь радостного события, между прочим, служит и «предварительное», так сказать, исполнение, допущенное упомянутым франкистом в заседании московской городской думы 20 августа. Он уже произнёс жалостное похвальное слово еврею — «иллюминатору» как благодетелю Москвы и России... Действительно, почему не воздвигнуть монумента Герценштейну там, где никак не надумают поставить его Гоголю? Как не увековечить память «банковского» дельца, который среди общей паники пред забастовками, лишившими миллионное население света, хлеба и воды, рекомендует думе уплатить «сознательным» служащим выкуп за счёт города в виде крупных прибавок жалования и других льгот на сотни тысяч рублей без всякого соображения с городской сметой и платежными силами обывателей? Как же не ознаменовать «избрание» кадета-еврея депутатом Москвы?..

Трогательно плачет в своей программе и «союз 17 октября». Ему жаль России, но совсем не жаль дать равноправие евреям и нарушить право собственности на землю...

Однако, едва ли это поможет главарям «союза» на выборах в Думу. Трудно разобрать, кто собственно и от кого отказывается, — «кадеты» или «союз», как и отнюдь нельзя понять, для чего, например, выдумана партия «мирного подновления» или же «смирного приспособления»? Ни в каком случае её вожакам не перехитрить евреев. Посильнее был на первых выборах «союз 17 октября», а что вышло?!..

Несчастье как «союза 17 октября», так и «партии торгово-промышленной» заключалось, несомненно, прежде всего в том, что вопреки милым желаниям их патрона — Витте, у них не могло быть такой иудаизации, какой с забавным избытком обладали «кадеты», и не доставало искренности, чтобы, порвав всякую связь с еврейством, открыто стать москвичами, т.е. поднять русское знамя. С завистью глядя на «кадетские» триумфы, они не хотели верить, что шарлатанство не создаёт ничего, а разносит смерть повсюду, и что в глубине души человек — прирождённый враг неправды. Благородное сердце допускает в нравственной сфере так же мало компромиссов, как и верное ухо в музыке... Переживая опасный момент своей истории, русский народ, как и всякое живое существо в невзгоде, ждёт чистого сердца, жаждет истины... Добрый и великодушный строитель такого государства, как Россия, он ли пойдёт учиться к евреям-талмудистам, которые не сумели обеспечить себе ни честного имени, ни даже какой-либо политической независимости?!..

«Истине, — говорит Шопенгауэр, — *принадлежит лишь краткое и временное торжество между двумя периодами, когда она как парадокс отвергается или как тривиальность не ценится вовсе. Первая судьба выпадает обыкновенно и на долю провозвестников истины... Но жизнь коротка, а правда действует далеко и живёт долго. Будем же говорить правду!..»*

Таков и должен быть теперь девиз всякого, кто любит свою родину. Только истиной можно победить

ложь...

Как бы, впрочем, ни было, — пусть «освободители» не рассчитывают на тех же «зелёных» козырей.

Пора сообразить хотя бы следующее.

«Приём повторенный — что обед подогретый».

Бюрократия — родная дочь русской интеллигенции. Расхищение городских общественных банков сыграло на руку еврейской бирже, а совершено оно было городскими избранниками. В земстве мало кто работал серьёзно, дискредитировалось же оно и весьма пустозвонным политиканством. Безнадёжная болтовня и забастовки русского студенчества грозят будущему России. «Пафосная» политика «освободителей» противоречит естественному порядку вещей, так как природа не любит скачков. Никакое государство в мире не потерпит, чтобы недозревшая молодёжь захватывала почин в вопросах, которые посягают на саму жизнь нации. Над проблемами, сейчас поставленными к разрешению в России, ломают себе зубы и наиболее культурные народы Запада. Наконец, русская земля существует не для экспериментов еврейской тирании...

Что же касается «четыреххвостки», то она противоречит даже краеугольному принципу социал-демократии — борьбе классов. Идёт она в явный разрез и с идеей о представительстве. Если история всякого народа определяется социальной борьбой, то и выборы должны происходить по классам, то есть в зависимости от рода занятий избирателей. Своего депутата они должны знать на общем с ним деле. В противном случае любые выборы теряют смысл и превращаются в борьбу ни для кого не обязательных программ, в корыстную агитацию, в обман и подкуп. С точки же зрения интересов производительного труда, внеклассовая система голосования, а в особенности — «четырёххвостка», равным образом приводит лишь к отрицательным результатам.

Во Франции выборы происходят по самой современной системе, т.е. всеобщие, равные (за исключением, однако, покорённых провинций), прямые и тайные... Кто же избирается в парламент? Подавляющее большинство голосов принадлежит адвокатам, журналистам, докторам, нотариусам и... чиновникам... Лица, живущие за счёт производительных сил страны, захватывают около 360 голосов, между тем как земледельцы и промышленники, т.е. классы, на счёт которых содержится всё государство, располагают, приблизительно, только 110 голосами.

Совершенно иное положение в английском парламенте. Земледельцы, промышленники и торговцы имеют здесь до 380 голосов, а остальные — не более 140 голосов.

В точной гармонии с этим и борьба партий развивается во Франции на почве принципов нередко ложных или вредных, а в Англии — на реальных и жизненных интересах страны. Французский парламент есть арена раздора из-за власти, английский же служит сценой мировой политики, направленной к господству англо-саксонской расы.

Расстроив армию и поколебав престиж Франции, дело Дрейфуса временами заслоняло всю деятельность парламента и увлекало его даже к изданию новых для этого дела законов. Не успела закончиться Дрейфусиада, как под гнётом масонства началась травля духовных конгрегации, опись чиновниками-евреями католических храмов, изгнание Распятия из судов и школ, а затем и отделение церкви от государства. В результате — трепет Франции перед Англией и Германией, Фашода и Марокко. За тот же период Англия создала новую Транс-Африканскую империю, а через Японию, — надолго обезопасила себя от России.

Еврейской оказалась первая Государственная Дума у нас. Она будет хуже при сохранении той же системы выборов и вероломно приведёт Россию к гибели при «четырёххвостке».

Иудаизм — это болото, ядовитые миазмы которого грозят смертью всякому народу, который, ради собственного спасения не позаботится о дезинфекции и осушке.

Не казацкая нагайка убьёт нашу родину, а именно столь необходимая благодетелям России «четырёххвостка».

Евреи хотят её — значит, русским её не надо. Не для «всеобщей же распродажи» масонским кагалом голосов на выборах, равно как самих актов парламента и правительства, заводим мы «свободу»!..

XXI. Было бы смешно и странно говорить о беззаконности действий «неприкосновенных» думских хулиганов. Нарушая всякие границы благопристойности и дерзновения, так называемая «Государственная Дума» с особым усердием стремилась в свои последние дни разгноить тот срам ничтожества и позора, каким она пятнала себя на всём пути своего дьявольского шабаша...

И этим прежде всего она обязана сынам Иуды.

Не виноват русский солдат в результатах Маньчжурской эпопеи. Не русский солдат начал войну, не он там распоряжался, и не он был в Портсмуте. Не русские воины помогали Японии газетной свистопляской о неизбежности нашего поражения и настоятельности мира. Не они бунтовали рабочих на артиллерийских и оружейных заводах, мошенничали на подрядах и поставках и расхищали целые поезда с предметами военной необходимости. Не они устраивали стачки и забастовки на железных дорогах в самые критические моменты войны, и не из русских людей, наконец, оркестрировала шпионов Япония.

Невероятными лишениями и страданиями, беспримерными потоками крови и сотнями тысяч своих братьев, отдавших жизнь за родину, запечатлела наша армия свою верность долгу и знамени. Справедливый историк, без сомнения, оправдает её и укажет действительных, проклятия достойных, виновников.

Если наш флот в лице «Варяга» и «Корейца» не дрогнул под Чемульпо и воспрянул духом при Макарове; если офицеры и матросы сумели в «старых калошах» обогнуть земной шар для того, чтобы на заведомую гибель придти в Цусиму, то это, по меньшей мере, не доказывает их трусости...

А вот для прославления тех, кто при благосклонном участии евреев подарил нам морское Ватерлоо, не мешает запомнить хотя бы следующее:

***

Наглый замысел. Глазам своим не веришь, читая телеграмму из Петербурга о предстоящей уплате «торговому дому Гинсбург» четырёх с половиной миллионов рублей!..

Совещание, извольте видеть, закончило расчеты и признало претензию этого излюбленного поставщика морского ведомства и, в частности, адмирала Алексеева!..

Какие там совещания могут рассматривать претензии г. Гинсбурга, который в течение многих лет грабли казну, а во время войны доставлял под русским флагом уголь японцам! Тут нужно не совещание, здесь неизбежна следственная комиссия, в которой не было бы никаких морских чинов. Необходимы опытные прокуроры, которые добрались бы до поставки в Порт-Артур угля по 12 руб. за тонну, когда ей красная цена была 5 руб. 50 коп.

Нужны такие прокуроры для проверки давления на адмирала Алексеева и на управление Китайско-Восточной железной дороги, которую в свою очередь заставили сдать поставку тому же Гинсбургу и по такой же бешеной цене.

Нелишне было бы проверить и все прочие поставки на порт-артурскую эскадру. Ведь Гиндзбург был единственным поставщиком и решительно во всём обдирала казну, надо думать, не без дележа с чинами морского ведомства.

Человек прибыл на Дальний Восток, с позволения сказать, в одних штанах и в несколько лет стал миллионером. Теперь, пользуясь тем, что не доискаться концов всего грабежа, он же требует 4.500.000 рублей!..

«Совещание» же готово вновь пообчистить казну. Оно не прочь, немедленно выдать Гинсбургу полтора миллиона, «если морское министерство признает, что отпуск этой суммы не введёт казну в ущерб»...

Морское министерство, конечно, признаёт всё, что угодно. Оно слишком связано с Гинсбургом. Но хорошо и само «совещание»! Оно ходатайствует о выдаче такой огромной суммы, а между тем норовит прикрыться морским министерством!

И подобные темные делишки творятся в то время, когда Россия изнывает под бременем непосильных расходов, когда народ голодает!.. Видимо, морское министерство ничем пронять нельзя. Оно

неисправимо...

(«Русская Земля»).

***

Заключение мира было встречено в армии негодованием. На позициях под Сипенгоу (около 250 вёрст к югу от Харбина) у нас к этому времени было сосредоточено не менее 600.000 отборного войска. Это minimum, ибо, по сведениям главного интенданта армии, общий её состав превышал (с нестроевыми) 1.000.000 человек. У японцев, наоборот, лучшие войска были израсходованы, а убыль в значительной степени пополнялась стариками и недорослями. Расположение наших войск, равно как их вооружение и снабжение, были таковы, что маркиз Кодама, нарочито посланный от Микадо, вынужден был представить неблагоприятный для будущих действий маршала Ойямы доклад...

Правда, рапропагандированные еврейством, запасные безумно пытались мутить, говоря: «чем хуже будет здесь, тем больше земли у нас будет дома!..» Но это не имело решающего значения. Под Сипенгоу было много доблестной молодёжи.

Армия была тяжко оскорблена и рвалась в бой, а стратегические условия были нам благоприятны.

Доказательством этому является сама уступчивость японцев в Портсмуте, да и все предшествовавшее ранее убеждает, что дерзость врага не остановилась бы при иных обстоятельствах...

Означенные данные, разумеется, хорошо известны всемирному кагалу и масонству. Хорошо знали они и о том, сколько иен остается в кассе у Микадо... Но евреи и масоны не могли допустить нас до победы!..

Отправляясь а Портсмут, Витте уже в Германии был встречен Мендельсоном, а во Франции его сопровождал еврей Рафалович. Сыны Иуды окружали Витте в Америке, — собственным же его секретарём оказался еврей Виленкин. Если нет тайн для «пантофельной почты» где-нибудь в Шклове или Провенишках, то как могли бы не ведать всего, что им нужно, иудейские банкиры — сообщники Витте в Портсмуте, требуя «равноправия»?..

Между тем всего за две недели до подписания Портсмутского договора состоялось возобновление англо-японской союзной конвенции. Было очевидно, что неожиданное возвышение Японии задевает Британию за живое и что противно здравому смыслу предполагать, будто «коварный Альбион» станет покровительствовать требованиям контрибуции как бы для создания такого японского флота, с которым, пожалуй, не сладит. Что английская дипломатия не допустит подобного шутовства, за это ручались как всё её прошлое, так и прецедент с Россией, которая, поставив бланк на стомиллионном векселе Китая для уплаты контрибуции Японии, уготовила себе Цусиму собственными руками. При всём опьянении еврейско-американской лестью «победитель» в Портсмуте — граф «полу-сахалинский» мог бы, кажется, повременить с тем шампанским, которым он праздновал свой «триумф» над Комурой. Валить же с больной головы на здоровую он, без сомнения, успел бы и помимо того, что ещё на днях из самой Японии было сообщено в берлинскую газету «Post».

***

«В Токио рассказывают совершенно открыто, что барон Комура, нынешний посол Японии в Лондоне, отправляясь в Портсмут, получил приказание настаивать только на двух пунктах: на очищении Манчжурии и на признании главенства Японии в Корее. Ему определённо и точно было заявлено, что ничего иного не требуется для заключения мира, и когда Комура направлялся в Портсмут, у него не было ни малейшего намерения настаивать на уплате военного вознаграждения.

Прибыв в Портсмут, он выставил обширнейшие требования, чтобы тем с большей уверенностью добиться всего, что ему было приказано.

Русские уполномоченные слепо попали в японскую ловушку, и когда граф, а тогда ещё просто Витте, гордо заявлял: pas un sou! — тогда он, должно быть, не подозревал, что японцы и не имели намерения серьёзно требовать этот sou. Он сделался просто жертвой более ловких и талантливых японских уполномоченных.

То же самое произошло и с другими японскими требованиями, выставленными единственно для того,

чтобы от них можно было отказаться и ещё сильнее убедить русских, что от своих двух главных требований японцы не отступятся.

Когда Комура уезжал из Токио в Портсмут, он настоял, чтобы японские желания были разделены на две категории — на важные и второстепенные, и министерство сделало это. К первым были отнесены вышеупомянутые требования об очищении Манчжурии и Кореи, а ко вторым — все остальные.

Русские уполномоченные не могли не знать этого, и потому так радостно трубили о своей «победе». [38]

***

«Не могли знать»... Нет, Витте обязан был знать и, во всяком случае, мог бы догадаться.

Тем не менее, мир был заключён, и посрамлённая Россия готова сойти с ума от печали... Еврейство же обнаглело, как ещё никогда. По отступлении войск в Харбин стал изливать на нас всяческую скверну даже еврей Ровенский в своём «Харбинском Листке». Унизить и запятнать русское имя, «распропагандировать» и деморализовать, сколько хватит у него сил, всё, что было в армии сомнительного и неустойчивого — такова была задача Ровенского.

Здесь нечему удивляться. Как не раз указано выше, тайный и свирепый враг ищет погибели России. Всемирный иудейско-масонский союз, замыслов которого многие и не подозревают, ведёт против нас колоссальную шахматную партию. Единство командования отражается и в адской гармонии мероприятий. «Освободительная» пресса руководствуется общими по всей линии приказами. Стачки и забастовки на складах, на фабриках и заводах, на почте, телеграфе и железных дорогах по всей России одновременно; дым выстрелов, бомб и крови, застилающий русским людям глаза, и зловещий террор, от которого замирает жизнь в целой стране, — таковы ближайшие признаки сатанинского плана наших врагов.

При этих условиях интриги в Портсмуте и в Харбине должны были развиваться параллельно. Отсюда понятно, что как бы ни был ничтожен Ровенский, будучи наставляем извне, он мог принести немало зла.

Виноваты те, кто это видел и допускал.

Отсюда мы поймём действительный смысл угрозы Винавера 13 мая 1906 г. в Государственной Думе: «доколе в стране есть неравенство» (евреев, конечно), «не будет в ней мира!» Поймём и наглость Якубзона, изрыгавшего хулу на русского солдата. Поймём, наконец, и всю низость заявления одесского «депутата» Щепкина 7 июля 1906 г. в заседании Государственной Думу.

Этот «белостокский герой» дерзнул утверждать, что «введение военного положения не более, как мера подкупа и откармливания армейских генералов цветущими городами России. Когда же П.А. Столыпин был назначен министром внутренних дел, то «одесситы» хорошо знали, что военное положение в их городе ни в каком случае снято не будет, так как... Столыпин — зять одесского градоначальника Нейдгардта!..»

Своё бесчестное словоизвержение Щепкин завершил такими словами: «Министр Столыпин вступает открыто на путь борьбы со свободой, со всем освободительным движением, и мы устами полумиллионного населения Одессы шлём пожелания Столыпину в этой борьбе всяческих неудач, поражения и гибели, шлём ему народное проклятие!!..»

Иудейского агента выслушали, не сморгнув, и никто не протестовал; русский князь — председатель не остановил наглеца; никто не закричал о клевете, никто не возмутился... [39]

К счастью, мы немножко знаем «одесситов». Не позабудем мы о днях «Потёмкина» и о кагальной республике. Не заставим напоминать себе ни о тех иконках и крестах, которые «одесситы» вешали на собак, разгоняя их по улицам, ни обо многом ином, столь же отвратительном и позорном...

Укажем на факт, что повальные убийства и денной разбой не прекращались за весь период заседаний Государственной Думы. Сия же последняя, не только отказалась выразить им порицание, т.е. в сущности одобрила их, но всячески раздувала белостокский скандал, где, однако, во всём были виноваты только евреи, и, тем не менее, благословила «ограбное» движение, которым по одной реке

Битюгу в Воронежской губернии «огнём и мечом» истреблены десятки усадеб, слезами и кровью залиты сотни людей... «Благословила» и детские бомбы в Севастополе!..

«Иллюминации» Герценштейна, равно как результаты «следствия», произведённого Якубсоном и Щепкиным в Белостоке, вполне исчерпывают «государственную деятельность» Думы. Содрогается от гнева русское сердце при воспоминании о том сраме, в который повергли Россию «неравноправные» евреи. До какого же унижения они доведут её, когда станут «равноправными», т.е. когда поделят между собой её лучшие леса и нивы и когда захватят власть?!..

Если одна Дума может отобрать у нас землю, то другая вправе отнять дома, а третья — и сорочку... Мыслима ли какая-нибудь работа, когда нет собственности?! Банковый владелец и «профессор» Герцен-штейн не понимал этого?

Если права на землю приобретены облыжно, то разве всё, чем владеют евреи, досталось им лишь путём добродетели?!.. Самим «следователям! — Щепкину и Якубсону разве это вполне очевидно?

Если крестьянин беззащитен перед помещиком, то как ему сладить с талмудом, когда против еврейства бессильны и правительство, и целый народ?

Если столько забот потребовалось для одних белостокских евреев, то как же было закрывать глаза перед «ограбным» движением по всей России?

Если, наконец, масса злобы и дерзости разверзлась против министров за одно их намерение «лишить революцию ветра в парусах», то как прогрессивные «освободители» решились противоречить здравому смыслу?

Неужели все это также не понятно и «следователям», и самому «иллюминатору»?..

Разве кто-нибудь еще, кроме евреев, мог бы осмелиться на нечто подобное?!..

XXII. Логическим развитием действий Думы служит и все, что теперь приводит Россию в отчаяние. Если не существует права на землю, то нет, следовательно, и никакого другого права на имущество. Если правы политические убийцы и грабители, то столь же прав и любой вор-рецидивист или каторжник, прикрывающийся революцией. Таких «подвижников» уже более, чем достаточно, как несомненно и то, что многие из них по найму служат революционным комитетам. Эти, равно как иные, того же сорта «безработные», шантажируя городские и земские управления, чтобы попасть к ним на содержание, то и дело бунтуют или же портят намеренно работу, измываются над городскими техниками, крадут инструменты и жгут бараки, как под командою Рамишвили это, например, происходило в Москве. Рассчитываясь злом за добро, они, сверх того, лишают куска хлеба честных тружеников, потерявших работу не по своей вине.

Другие «безработные» грабят банки и почту — как в кибитках, так и в вагонах; разбойничают, даже днем останавливая целые поезда; убивают должностных и частных лиц; растерзывают обыкновенными, а то и швейцарскими или «радиоактивными» бомбами ни в чем неповинных людей, даже малых детей...

«За что организация приговорила губернатора Блока к смерти?» — спросили в Самаре у одного из пойманных убийц. «Убили его за то, что это вообще так заведено!» — отвечал «товарищ» Вадим...

Надо ли повторять, что ежедневно с разных концов России, преимущественно же из «черты оседлости», несутся все новые известия о злодействах, совершаемых «молодыми евреями»? За ними разбойничают и убивают «прилично одетые, нередко по форме, т.е. в черных блузах и мягких шляпах, просвещённые «молодые люди», и, наконец, увы, всё чаще, «освободители» в студенческой форме...

«Безработные» фармацевты легко, по-кагальному устраивают забастовки в аптеках, дабы страждущих гоев лишать лекарств... Фармацевты же, как известно, занимаются химией, а эта наука сейчас в исключительной моде — для изготовления бомб...

Наряду с недавно пойманным в Пермской губернии фармацевтом-евреем Эпштейном, фабриковавшим бомбы для вооружённого восстания в Остзейском крае, где было сразу основано 17 республик, примером «освободительного подвижничества» сынов Иуды на этом пути может служить и такой факт из ужасного события на даче министра иностранных дел:

***

Бомба или снаряд, или адская машина была 12 августа привезена на дачу в портфеле. Ночью на 13 августа отправлен в тюремную больницу молодой человек лет 22-х, шатен, с небольшими усиками, который раньше подвергся допросу. На вопрос о звании, он сообщил, что зовут его Вейдеманом, 21 года, по профессии аптекарский помощник. Далее он рассказал, что прибыл в Петербург с юга России недели две тому назад. Ему надо было подать прошение и предложено было явиться 12 августа. Вот он будто бы и пришёл в качестве просителя и, между прочим, видел, как к подъезду подъехало ландо. Видел он, как соскочивший с ландо молодой человек направился в первую приёмную, держа в руках объёмистый портфель. Проникнув в вестибюль, молодой человек ринулся вперёд и с возгласом: «Да здравствует русская революция, да здравствует Россия!» бросил портфель. Показался огненный столб. Одновременно грохнуло, рухнуло и засыпало всех обломками. Тогда же, по собранным сведениям, выяснилось, что назвавшийся Вейдеманом, действительно фармацевт и раньше занимался изготовлением взрывчатых веществ. *(«Пет. Газ.»)*

***

Этот еврей, очевидно, лишь с научной целью хотел узнать, как действует «портфель». Если он был ранен, то, без сомнения, потому, что не рассчитывал силы «освободительного» снаряда. Нельзя же, в самом деле, от «бедного еврея» требовать, чтобы он был и химиком, и математиком в то же время...

Всё это уже даёт, кажется, понятие о действительном характере дикой трагедии, разыгравшейся в С.-Петербурге 12 августа.

Однако, для её совершенного уразумения необходимо предпослать ещё некоторые данные.

Запомним, что близ той же «Аллеи роз», где едва не погиб командующий войсками варшавского округа Скалон, был вскоре предательскими выстрелами из браунинга убит временный варшавский губернатор Вонлярлярский. За ним отошёл в вечность и ряд других лиц... Молодые евреи осмеливаются расстреливать даже патрули, а на дома и дачи нападают уже целыми вооружёнными шайками.

В Остзейском крае по-прежнему тиранствуют бунтари, издавая обязательные для местных жителей постановления и совершая зверские злодеяния.

Население в полном отчаянии. Оно умоляет о спасении своей жизни.

Корреспонденты «Нового Времени» дают такую картину:

Митава. 10 августа. Умножившиеся за последние дни в Прибалтийском крае до неслыханных размеров разбойничество, вопиющие к небу убийства и возмутительнейшие насилия всякого рода повелительно указывают на необходимость безотлагательно изменить всю систему борьбы с этим злом, совершенно устранив бумажно-судебное преследование, представляющее все удобства для красных бандитов. Начинается обширная, по всем правилам искусства, переписка со всякими утончёнными формальностями, совсем для иного времени установленными, с допросами обезумевших от страха свидетелей, упорно ничего не видевших и не слыхавших, причём бумаги пересылаются туда-сюда для доследования, для переследования, для сличения, для предъявления, пока арестант, плюнув на эту волокиту, не умудряется бежать. Бывшее, например, десять месяцев назад ограбление среди бела дня банка, причём стрелявшие грабители пойманы с поличным, не рассмотрено судом по сей час, хотя дело совершенно ясно и разобрать его можно было через день-два. Все данные указывают, что контингент разбойников с каждым днём увеличивается, ибо промысел этот ведёт к быстрому обогащению при ничтожном риске. Никогда того не заработать, сколько можно награбить в несколько дней при общей панике ограбляемых и при бумажном параличе властей. Если бы каждый бандит знал, что с ним церемониться не станут, что за преступлением немедленно последует суд и наказание, то не так уж много нашлось бы охотников кидаться на опасный промысел. Других средств подавить принявшее ужасающие размеры разбойничество нет, а над ними не задумывались бы нигде для ограждения общества от беспощадного врага!..

Варшава. Тяжело теперь в Варшаве русскому человеку, совершенно независимо от его политических убеждений.

Боевики польской социалистической партии (P.P.S.) убивают нижних чинов и полицейских, а публика не столько из-за террора, сколько из-за сочувствия, а в лучшем случае – индиферентизма, скрывает преступников. Ведь бьют-то презираемых москалей! Недавно орган партии P.P.S., «Robotnik», даже счёл своим долгом благодарить публику за столь корректное отношение.

Но крикам и воплям публики нет конца, когда убивают поляка. В отличие от других социалистических партий в России, P.P.S. признаёт массовый террор, потому что жертвами этого террора являются одни москали, при убийстве которых сердцу нечего содрогаться.

Интересно, что даже при последнем покушении на генерал-лейтенанта Скалона партия P.P.S. действовала в высшей степени последовательно. Как партия польская она получила полное удовлетворение в виду оскорбления, нанесённого переодетым в офицерскую форму членом партии вице-консулу ненавистной Германии, а как партия социалистическая она произвела покушение на жизнь командующего войсками в то время, когда, исполнив служебный долг, он отъезжал от германского вице-консула.

Последние события вызвали сильную реакцию со стороны нижних чинов, которые зачастую бьют и стреляют при малейшем подозрении. Нижние чины страшно озлоблены, особенно в л.-гв. Волынском полку, больше всех пострадавшем. Чуть не каждому безусому еврею (главный контингент боевиков P. P.S. состоит из них) грозит быть побитым или пристреленным. Тревожное настроение усиливается слухами о готовящемся избиении офицеров.

Тяжёлую картину представляют городовые города Варшавы, несущие постовую службу и рискующие каждую минуту быть убитыми. Вот они-то настоящие герои, во всяком случае, гораздо больше, чем господа боевики, убивающие сзади и удирающие во все лопатки. Восторгаются смелостью своих боевиков интеллигентные поляки, с удовольствием изображая в своих журналах всякие более или менее «грандиозные» убийства. Например, «бой между казаками и революционерами под Александровом», «нападение на поезд» и т.д. Причём революционеры всегда изображены героями, перед которыми пасуют москали.

Служат эти иллюстрации, очевидно, для возвышения духа польского народа.

Ещё маленькая подробность. Во время последнего массового убийства полицейских и нижних чинов боевики проявляли поразительное однообразие тактических приёмов: 1) действие тройками или пятёрками (см. «Бесы» Достоевского); 2) приближение к намеченной жертве в расстёгнутом пиджаке, помахивая, возможно непринуждённо, тросточкой в левой руке; 3) с подходом к намеченному вплотную обыкновенно сзади, моментальное вытаскивание из бокового кармана пиджака браунинга и выпускание нескольких пуль; 4) немедленное вкладывание браунинга в боковой карман и удирание зигзагами во все лопатки до следующего угла, а там — закуривание папироски и непринуждённое продолжение пути.

Варшава, 12 августа. Проверенное во многих случаях, положение торговцев тяжелее всякого отчаяния: они держат наготове деньги на случай появления грабителей; всякое сопротивление наказуется немедленной смертью. Прислуга в ресторанах, извозчики, мастеровые, мелкие рабочие и ремесленники остаются вовсе без работы или работают два-три дня в неделю, остальное же время уступают голодным товарищам. Улицы переполнены нищими, стон этих тёмных жертв революции покрывает всю Варшаву. Богатые автономисты и главные виновники положения, так называемые умеренные, которым необходим сейм и наместник польской королевской крови, теперь отдыхают за границей, бросив население в руки анархии. Самые строгие меры правительства не могут ухудшить жизни. Напротив, изучение положения на месте даёт право удостоверить, что при первых решительных шагах власти измученное и доведённое до крайности население само бросит своих вожаков и отделится от анархистов. Неслыханные грабежи и разбои прямо толкают поляков в сторону правительства за солдатские спины. Это нужно понять и использовать в государственных целях. Прежде всего необходимо отказаться, хотя бы временно, от политики надежд на братскую любовь поляков к нам. Нужно понять, что настоящее есть результат полувековой, настойчивой политической борьбы этих «братьев», воспитавших народ свой на ненависти, а не на любви к нам. Пора бросить

осуждение русификаторской политики и посчитаться с живым настоящим. Глубокие корни партии «народувцев» — самые страшные враги русской государственности на этой окраине. Слепые и глухие этого не замечают.

Севастополь. Трагическая кончина адмирала Чухнина положила начало новому курсу в севастопольском военном мире и в местной жизни. После ряда бунтов, закончившихся феерией, устроенной покойным Шмидтом, наступило некоторое успокоение среди главной массы мятежников-матросов.

Следствие о мятеже с достаточной ясностью установило, во-первых, пренебрежение самыми элементарными правилами дисциплины; во-вторых, отсутствие какого бы то ни было связующего элемента между офицерами и матросами. Выходило так: матросы сами по себе, — офицеры сами по себе. Матрос устраивал свою жизнь так, как взбрело на ум. Он входил в тесное общение с любыми «освободителями» и начинял свой мозг разными прокламациями. «Освободители» же не только на воле, а и в самих казармах беспрепятственно агитировали, подстрекали, организовывали группы «сознательных», поручая им привлекать возможно большее число единомышленников.

Таким оригинальным режимом в особенности воспользовались члены «Бунда». Уже на первых порах после Шмидтовской эпопеи этот факт был настолько ясен, что генерал Меллер-Закомельский признавал необходимым как единственное средство предупреждения кровавых историй выселение евреев из пределов крепости.

Теперь вышло совсем наоборот. Евреев здесь становится всё больше и больше. Покойный адмирал Чухнин вопреки политике, не так давно у нас культивируемой: «laisser faire, laisser passer», начал действовать в духе неуклонных требований исполнения воинского долга и дисциплины. Порядок начал восстанавливаться. Местные жители легче вздохнули. А то житья не было. Что ни день, то пьяная орда матросов где-нибудь бушевала, скандалила, наводила страх на мирного обывателя. Переменили значительно состав офицеров. На судах стали жить и действовать иначе. Дисциплина начала завоёвывать подобающее ей положение. Но предательская рука убийцы безжалостно расправилась со строгим исполнением долга перед Родиной.

Неспокойно было в порте. Рабочие всегда представляли быстро воспламеняющийся элемент, а в дни смуты эта группа местного населения поставляла с особым усердием манифестантов с красными флагами, с выкриками разных «долой!». Общей неурядице беспрестанно весьма содействовали неразумения и следующие за ними столкновения административной, крепостной и военной властей.

В такое-то время главным командиром Черноморского флота и портов Чёрного моря был назначен адмирал Скрыдлов. Я приехал сюда в начале августа и совсем не узнал Севастополя после моего пребывания здесь в апреле этого же года. По городу, шатаясь во все стороны, бродят группы пьяных матросов... Женщины жалуются на невозможность безопасно ходить по улицам. Заискивающие любезности нового начальника и разные сверхгуманные выводы все же не содействуют серьезному успокоению «братцев». Суда во время стоянки все разоружены. На практические занятия ходят только в ближайшие бухты, чтобы не снабжать экипажей большим количеством снарядов. Везде другого разговора нет, как о том, что матросы в короткий срок вновь страшно распущены. Сухопутные войска, оставшиеся верными долгу и присяге, враждебно относятся к матросам, а в особенности к тому привилегированному их положению, которое должно быть без преувеличения названо «ндраву моему не препятствуй!». Рабочие порта, разумеется, приветствуют такой режим, открывающий свободные горизонты для смуты и пропаганды.

В общем же наблюдается какой-то кавардак, создающий в это, и без того тяжелое, время излишние поводы к различным недоразумениям, историям и всяким болезненным эксцессам.

Вся власть над Севастополем соединена в лице адмирала Скрыдлова на правах временного генерала-губернатора. Одно комендантское управление крепости выделено. Пока от этой меры ничего, в смысле порядка и спокойствия, не чувствуется. По ночам стреляют. В ночь под 6 августа на железнодорожном спуске высадившиеся морские пираты стреляли в офицера, проезжавшего к вокзалу, и в содержателя буфета на Приморском бульваре. К счастью, безрезультатно. Грабежи,

кражи идут вовсю. От всех слышишь одно: «ничего нельзя поделать!». Такие реплики посылают все власти. (Новое Время», 16 августа 1906 г. , №10928).

Берлин, 12 августа. «Русский Проводник» при своём основании был только листком объявления и справок, но когда еженедельник «За Рубежом» прекратился, эта газета стала проводить политику демократически-революционного характера. В вышедшем сегодня вечером номере помещено на первом месте воззвание к рабочим всех стран, заканчивающееся словами: «Долой самодержавие! Да здравствует международный социализм!» В том же номере Гиршман по поводу своей высылки указывает, что «Проводник» является газетой, ведущей борьбу за освободительное движение в России, причём и впредь она будет стоять за свободу, равенство и братство.

В предыдущем номере «Проводника» отпечатан манифест к крестьянству.

В сегодняшнем номере еще говорится: «Интересно знать, вступится ли за Гиршмана как русского подданного посольство в Берлине?»

На вопрос корреспондента С.-Петербургского Агентства, почему выслан Гиршман, дан был ответ: «В Германии достаточно своих агитаторов; иностранных ей незачем терпеть у себя!..»

***

Телеграмма от 17 августа извещает о дерзновенном «манифесте» социал-демократов в Лондоне, призывающем английское население помогать русским революционерам. Этот «манифест» написан в очень резких выражениях.

В Брюсселе открыто вспомогательное учреждение и члену парламента Гендерсону поручено руководить суммами, которые будут собраны в Англии. Лондонская телеграмма говорит также, что браунинги идут в Россию из Бельгии, где в большом количестве распространены наставления, как изготовлять бомбы и адские машины...

Ещё телеграмма, из Тянь-Цзиня, сообщает, что евреем Левинским убит тамошний русский консул Лаптев. Повод — вздорная претензия Левинского...

***

Гамбург, 14 августа. Здесь арестован недавно приехавший из России молодой человек. На лице и на руках у него тяжёлые ожоги. Арестованный отказался дать сведения о своей личности. При обыске у него найдено множество револьвером и взрывчатых веществ, главным образом пикриновой кислоты. Также нашли приготовленные заказные посылки и письма, из которых ясно, что в Россию должны быть отосланы оружие, взрывчатые вещества и проч. Посылки направлялись в русские гавани Балтийского моря.

***

Дальнейшими телеграммами установлено, что фамилия арестованного Фавар, родом из Женевы, и что кроме него задержаны ещё три соучастника. Получая оружие, бомбы и материалы для бомб из Бельгии, где свободно продаются руководства по изготовлению адских снарядов, названные злоумышленники отправили разного «освободительного» материала в Россию через Финляндию уже более, чем на 100.000 марок...

К несчастью, главные злодеи успели бежать. Обнаружено, что у них денег вволю, и что за упомянутые снадобья они платили наличными, не стесняясь в расходах... «Руки вверх!» не даром разносится по России.

В то же время письмом от 12 августа, адресованным А.А. Рейнботом финляндскому генерал-губернатору Герарду («Новое Время», 16 августа) удостоверяется, что: а) 25 января текущего года, бывший тогда выборгским губернатором, барон Медем издал за №97140 обязательное постановление, которым всякого рода строевые учения и военные упражнения «красной гвардии» в крепостном районе запрещались, но генерал-губернатор Герард, вопреки закону, отменил это постановление, что и было с радостью подхвачено финляндскими газетами «Hels. Sannomat», в №28, «Karjala», №29, «Hufvudstadtsbladet» и другими, и б) история не позабудьте отметить г. Герарда, как единственного в мире генерал-губернатора, из подчинённой ему Финляндии изгонявшего лиц той же русской

национальности, к которой он и сам принадлежит. С названными русскими были выброшены и их семьи. Насилия же учинённые над упомянутыми лицами остаются без расследования, а г. Герард к этому совершенно безучастен.

«Кого же гонят в России?» — спрашивает А.А. Рейнбот и с глубокой печалью отвечает: «не финнов, не евреев, — только русских!»...

Сюда остаётся добавить, что, как видно из помещённого несколько раньше в том же «Новом Времени» письма одного из офицеров миноносной флотилии, лейтенанта Штера, названным миноносцам было приказано только следить за судами, доставляющими оружие в Финляндию из-за границы, но... не задерживать... А когда, выследив такой пароход, лейтенант Штерн указал на него финляндской таможне, то кроме неприятностей себе же самому, не достиг ничего!

Всё это вполне естественно. Уже несколько лет тому назад, в Загребе (Аграме) происходило избиение православных сербов католиками-хорватами, которых натравливал редактор местной радикальной газеты «великий хорват» — еврей Франк, не замедливший, конечно, объявить себя главой местных сионистов...

Зная ещё кое-что иное и будучи выведено из терпения русскими агитаторами-студентами, германское студенчество решительно отказывается иметь с ними какие бы то ни было сношения; проклиная их революционные замыслы поколебать в немцах любовь к родине и государю, оно решительно требует изгнания этих «проклятых анархистов».

На днях в Карлсруэ на празднике в память Бисмарка германские студенты произносили на улицах и площадях в этом направлении суровые речи, встречая единодушные аплодисменты народа.

Даже в Швейцарии, например, в Базеле «русских» студентов не пускают и на квартиру...

Стоит ли объяснять, какие это «русские»?!.. В огромном большинстве, разумеется, — всё те же евреи. Погубив забастовками массы действительно русского юношества, в русских университетах и других высших учебных заведениях, где многие прекращали учение только под дерзким гнётом евреев и их соучастников, названные «русские» поспешили, однако, пристроиться к учению за границей, но и там попытались верховодить, да дело не выгорело... Приходится бежать и им, и тем, кто из России обстоятельствами был вынужден уйти в Германию или в Швейцарию для продолжения курса, но и там не мог спастись от сынов Иуды с их прелестями «освободительного» движения.

XXIII. Возвращаясь к событиям по эту сторону границы, мы вновь ужасаемся перед бесконечными известиями с разных концов страны о всё более многочисленных и невыразимых, предерзостных злодеяниях. Главная же и предательская роль остаётся, без сомнения, опять за евреями...

«Россия» сообщает, что при подавлении беспорядков в Варшаве 2 августа и преследовании войсками злоумышленников убито 14 и ранено 9 евреев, в том числе и совершавших вооружённые нападения. В Варшаве же два неизвестных лица стреляли в патруль, который ранил одного из них. В Слониме арестован еврей, у которого найдены печатный станок, бомбы и много взрывчатых веществ. В Киеве из 139 нелегальных евреев у троих найдены револьверы и патроны, а у двух — отточенный кинжал и оболочки для трёх бомб. «Молодые евреи» с прокламациями, фабриками бомб и складами динамита были пойманы, наконец, в самой Москве... И т.д., и т.д...

***

Письмо в редакцию газеты «Русская Земля». Милостивый государь, господин редактор! В №134-м вашей уважаемой газеты, говоря о направлении некоторых русских газет, вы задаёте вопрос: «кого они поддерживают?» По отношению к «Русским Ведомостям», на которые у вас указывалось, не может быть сомнения, кому они в настоящее время служат.

В №201-м «Русских Ведомостей», как и в других газетах, помещена телеграмма из Варшавы о нападении грабителей на дачную местность Отвоцк. Но так как телеграмма касалась евреев, то и подвергалась искажению.

Появилась она в «Русских Ведомостях» в таком виде:

«20 вооружённых, частью замаскированных обстреливали вокзал и, принудив начальника открыть

кассу, похитили 660 руб., убили кондуктора и исчезли».

Здесь с весьма понятной целью пропущено слово «еврей». В телеграмме, помещённой в других газетах, было сказано: «20 вооружённых, частью замаскированных евреев обстреливали вокзал» и т.д.

Итак, «Русские Ведомости», которые попали под руководство еврея Иоло-са, выбрасывают даже из депеш изобличающие евреев факты...

Интересно, что, сообщая несколько времени тому назад переданное по телеграфу содержание речи Крамаржа, та же газета передала лишь первую часть, а следующую, невыгодную для евреев, так же выпустила. При очевидном стремлении отстаивать интересы русских и России, предоставляя защиту их тем органам печати, которые еврейской же печатью клеймятся именем «рептилий». Но в таком случае не пора ли перестать глумиться и лицемерить? Не пора ли заменить название «Русские Ведомости» более подходящим — «Жидовские Ведомости»?

Бывший подписчик «Русских Ведомостей».

***

Невзирая на всё изложенное, мы что-то не слышим об «откармливании армейских генералов», но знаем, что их убивают «генеральские дочки» (еврейка Самойлович, предательски изранившая адмирала Чухнина; Кельнер, готовившая бомбы для адмирала Дубасова; Т.Принц, собиравшаяся бомбой растерзать генерала Каульбарса; «дама под вуалью», застрелившая в спину генерала Мина, и т. д.).

Мы видим также что «рыцари свободы», спутники этих «героинь», самым подлым образом прячутся за их спину и не менее позорно скрываются, убегая подчас в студенческой форме (убийство генерала Мина)...

Все эти «рыцари» и «героини» живы и здравы, как равно и те «братцы», которых этим «товарищеским» именем чествовали Витте и Скрыдлов. Здравствуют также многие иные, в свою очередь должные, казалось бы, испытать на самих себе каково быть разорванным бомбой. Не для них, по-видимому, существует и смертная казнь вообще.

***

«Не так, — говорит редактор «русской Земли», — распоряжалось республиканское правительство во Франции, которую нам постоянно тычат в нос разные «передовые» писаки из жидов. Там анархистов не рассаживали по тюрьмам, не кормили за казённый счёт, не караулили, не ухаживали за ними, как у нас за Беленцовым и за другими грабителями или бомбоизготовителями. Там действовали иначе: «Коммунар? — к столбу!». И моментально бывал конец...

Там не боялись числа жертв. Правительство не успокаивало публику нелепыми телеграммами: «чтобы восстановить порядок, пришлось прибегнуть к оружию, но, к счастью, убитых нет, а ранено только трое...» Во Франции расстреливали сотнями и тысячами. В несколько дней уложено было 30.000 анархистов, которые величали себя коммунарами, и анархия была вырвана с корнем.

А что предполагается предпринять в Америке — этой стране свободы? Вот меры, рекомендуемые морским министром:

«Анархистов-убийц и пособников их немедленно предавать смертной казни... Менее важных преступников анархизма наказывать кнутом... Заподозренных в пропаганде анархизма немедленно выслать из пределов Штатов».

Извольте видеть, там и заподозренным быть нельзя!..

***

А если ещё требуется авторитетная справка о евреях, то в дополнение ко всему сказанному в настоящем исследовании обратимся к Ренану. В своём «Антихристе» он говорит:

«До наших дней еврей вкрадывался повсюду, требуя равноправия, но в действительности он этого равноправия не хотел. Сохраняя свои особые уставы, он требовал таких же гарантий, какими пользуются все, да ещё, сверх того, исключительных для себя одного законов. Он хотел пользоваться всеми преимуществами нации, не будучи таковой и не принимая участия в исполнении национального

долга. Но пойти на это никогда не мог никакой народ».

Наши представляют собой военные учреждения, мечом основанные и мечом живущие; они представляют собой крестьян и солдат.

Евреи ничем не содействовали их устранению. Здесь именно и кроется крупное недоразумение, лежащее в основании всех еврейских притязаний. Иностранец, которого терпят, может быть полезен стране, но при том условии, чтобы он не завладевал ею!

Несправедливо требовать себе одинаковых прав с членами семьи, дом которой не вами выстроен, подобно птицам, устраивающимся в чужом гнезде, или же тем улиткам, которые забираются в раковину другой породы.

XXIV. Переходя к двум, хотя и далеко неодинаковой важности, но в общей панораме «революции» весьма знаменательным событиям, мы просим читателя ещё раз вдуматься в прочитанное и лишь затем продолжать.

Только затем мы вправе снова обратиться к Якубсону. Exoriare aliquis nostris ex ossibus ultor!..

Поручик артиллерии Смирнский признал себя вынужденным снизойти до вызова этого еврея на дуэль. К сожалению, прошло довольно времени, пока в порядке подчинённости военным начальством было дано разрешение.

Тем временем Якубсон бежал заграницу.

Секундантам пришлось опубликовать вызов через «Новое Время». Разумеется, поднялся неистовый гвалт «прогрессивной» печати с целью как-нибудь выгородить и спасти нахального еврея. В пресловутой «Стране» некий Старцев даже принялся защищать и всех вообще сынов Иуды от самого подозрения в «прикосновенности» к революции...

Но истинный chef d'oeuvre за подписью какого-то, несомненно, еврея «Бодраго» поместила 10 августа хамско-хулиганская «Вечерняя Почта».

Этот, ещё не виданный, жидовский перл мы считаем себя обязанными сохранить для потомства. Вот он (курсив везде наш):

Травля депутатов: «Некий поручик вызвал на дуэль... *народного представителя! Г. Якубсона*, который произвёл расследование о белостокском погроме и о роли войск в этом чёрном деле.

Лавры Герострата не дают спать поручику.

За поручиком стоит секундант — капитан.

За капитаном в порядке субординации и артикулов — корпусной командир, он разрешил вызов.

Это уж не геростратирующий поручик. Здесь пахнет *военным ведомством*.

Но о чём военное ведомство думало, когда функционировала Дума?

Почему военный министр в Думе, публично, на весь мир не изобличил г-на Якубсона в клевете?

Но если он не сделал этого потому, что специализировался говорить лишь на *языке ружейных залпов и пулемётов*, то почему он не послал в Думу своего присяжного оратора прокурора Павлова?

Этот уж умеет обличать.

Однако, они молчали или лепетали что-то бессвязное.

Но, допускаю, что начальству в Думе было не до обличений.

Допускаю также, что белостокские чины не читали у себя в своё время думских отчётов и узнали о «клевете» г. Якубсона только теперь, по слухам.

Но в таком случае *идите в суд*, докажите, что вас оклеветали... Тогда ваши вызовы будут менее странны.

Вы избегаете света, суда. У вас один аргумент — *пуля*, направленная в сердце *народного представителя*.

Кто дал право артиллерийским поручикам посягать на *священную неприкосновенность* народного представителя.

Такие посягательства недопустимы!

Они в корне подрывают основной принцип парламентской деятельности: свободу слова и бесконтрольное право критики существующего строя и порядков.

Хороша свобода слова под дулом пистолета!

Такие посягательства недопустимы!..

Они дают власть безусым юнцам, едва покинувшим юнкерскую школу, вторгаться в деятельность *народных представителей*, вносить в парламент *запах пороха казармы*.

Если правительство желает показать, что оно против таких приёмов политической борьбы, пусть оно немедленно сделает внушение *зарвавшемуся поручику* и заставит его *извиниться перед г. Якубсоном* и взять свой вызов обратно.

Надо пресекать зло в корне, иначе оно перейдёт всякие пределы.

Чем иначе гарантирован кн. Урусов, что ему не пошлёт вызова любой из околоточных надзирателей хотя бы г. Белостока за то, что народный представитель изобличил погромных дел мастеров во главе с департаментом полиции и его типографией?!

Почему тогда *камердинеру* прокурора Павлова, быть может, обидевшемуся за барина, не урвать свободного от камердинерских занятий времени, чтобы послать вызов всем депутатам поочерёдно за их *«палача»* и *«убийцу»*.

Почему коллежскому регистратору или младшему сверхштатному писцу из ведомства земледелия, пламенеющему за поруганную честь Гурко, не послать вызова?

Но он уже убит подкупленной, предательской рукой подло, из-за угла...

Уже успели убить Герценштейна!..

И его страдальческая, окровавленная тень встаёт перед глазами и пугает, когда читаешь, как артиллерийский поручик *грозит Якубсону* «всеми последствиями для лица, уклонившегося от дуэли»...

А г. Якубсон *не должен драться!* Ведь если он уберёт с поля сражения одного Герострата, кто поручится, что ему не придётся принять вызова от десятка других?

Это будет не дуэль, а убийство. Так можно перебить весь парламент. Господин Якубсон не должен, не имеет права принимать вызова и по другой, ещё боле важной причине.

Он не только господин Якубсон. Он — *народный представитель*.

Пусть он этого не забывает!

За ним не корпусной командир.

За ним — весь великий всероссийский народ, которому нужны Якубсоны.

Не забывайте этого, гг. артиллерийские поручики!!..»

— Ubi facta loquuntur, non opus est verbis.

Поневоле скажешь с малороссами: вирмену та жыду немае встыду... или же повторишь с французами: le régime parlementaire, c’est le régime par le mensonge!

Для полноты впечатления приведём, однако, отзыв даже не о нашей, разогнанной за явно презренное поведение, Думе, а о «парламентах» вообще такого искусившегося в «свободе» знатока, каким давно признан князь П.А. Кропоткин.

***

«Недостатки представительных собраний покажутся нам вполне естественными, если мы вспомним, как набираются их члены, и приглядимся к их деятельности.

Не стану воспроизводить ужасной и омерзительной картины выборов в буржуазной Англии и демократической Швейцарии, во Франции и Соединённых Штатах, в Германии и Аргентинской республике, — везде повторяется одна и та же гнусная комедия. Не стану рассказывать, как агенты и избирательные комитеты проводят своих кандидатов, как они раздают направо и налево обещания: в собраниях сулят политические реформы, частным же лицам —места и деньги; как они проникают в

семьи избирателей и там льстят матери, хвалят ребёнка, ласкают собачку, страдающую астмой, или любимого котёнка. Как они рассыпаются по ресторанам, заводят между собой вымышленные споры, завязывают с избирателями разговоры, старясь поймать их на слове, подобно шулерам, стремящимся завлечь вас в азартную игру.

Не стану перечислять лживых программ, одинаково лживых, будь они оппортунистическими или социал-революционными; программ, которым не верит ни одни из кандидатов, защищающих их с жаром, с дрожью в голосе, с пафосом, достойным ярмарочного актера или сумасшедшего... Не даром народ в своих комедиях стал теперь изображать наряду с мошенниками, Тартюфами и банковскими плутнями народных представителей, бегающих за избирателями и выманивающих у них голоса.

Не стану приводить здесь сметы расходов по выборам, газеты нас достаточно хорошо знакомят с этим вопросом. Не стану воспроизводить тех описей расходов избирательных агентов, в которые занесены телячьи окорока, фланелевые жилеты и разные сладости, купленные кандидатом для «дорогих детей» избирателей. Не стану упоминать о таких расходах на мочёные яблоки и тухлые яйца, предназначенные «для смущения противника», которыми отягощается сам бюджет Соединённых Штатов, равно как и об издержках на разные объявления и «маневры в последний час перед выборами», которые играют столь видную роль среди «избирательных кампаний» во всех государствах Европы.

Но довольно, оставим эту грязь! **Есть ли хоть одна страсть, самая подлая, самая гнусная, которая не появилась бы на сцене в день «голосования»? Обман, клевета, лицемерие, ложь, самые низкие проявления человека-зверя — вот картина страны во время выборов...**

Представительный режим отжил свой век. Его исчезновение также неизбежно, как некогда бью неустранимо его возникновение. Этот режим — владычество буржуазии.

Что же касается усовершенствования означенного «представительного» режима, то ни какое обновление не вдохнёт в него жизни.

Он пришёл в упадок и близок к смерти...

Во времена Людовика-Филиппа уже говорили о разложении парламента.

Теперь это смрадное болото вызывает отвращение у всех, близко стоящих к нему». [40]

Дальше мы обратимся к дополнительным указаниям о парламентаризме на Западе, но уже здесь признаём необходимым указать на то обстоятельство, что нигде в мире, особенно в первом же опыте народного представительства, евреи не позволяли себе столь бесчестного дерзновения, как у нас, и никогда не осмеливались на такое оскорбление армии, как посягнул Якубсон.

Всякий, кто знает сынов Иуды, согласится, что и в русской Государственной Думе это отнюдь не могла быть случайностью. Для того, чтобы решиться на столь отчаянное нахальство, требовалась уже готовая почва.

И мы действительно видим, что ни одним словом не заикнулась эта презренная Дума об армии и флоте, об основных причинах испытанного нами позора, равно как о безопасности страны на будущее время. Проливая крокодиловы слезы о нескольких евреях, убитых в Белостоке, Дума не проявила искры сострадания к 150.000 убитым и умершим от ран, лишений и болезней из состава наших войск в Манчжурии. Участь их вдов и сирот равным образом не тронула русские сердца «народных представителей».

Лишь пред такой аудиторией мог безнаказанно изрыгать свои хулы Якубсон...

С другой стороны, не может подлежать сомнению, что в том кагальном оркестре, который заправлял Думой, ни одна нота не могла быть взята без команды. Возможно ли поверить, чтобы все, чем запятнал себя гнусный еврей, могло явиться как lapsus linguae? Небесспорно ли также, что когда Герценштейну «посчастливилось» увековечить себя «иллюминациями», то его лавры ослепили Якубсона?..

Как безнравственный и зазнавшийся жид, утратив последние капли стыда, он решил «обессмертить» себя. Вот почему всю наглость ничтожества и весь яд мстительности «избранного народа» Вулэф

Якубсон внёс в козырную часть своей клеветы на войска.

Судите сами. 23 июня в Г. Д. шли прения о белостокском погроме. Начались они «докладами» Щепкина и Якубсона. Этот последний осмелился солгать так: «Только при участии полиции и при содействии войск чинились убийства, которые были в Белостоке. На тех же улицах, где войск и полиции не было, не было и погрома. Вспомните Суражскую улицу, Купеческую улицу, которые имели сплошное еврейское население, и которые имели возможность, если бы туда двинулась полиция или войско, выставить против них людей и прогнать их, но ведь ни полиции, ни войск не было. Я смело могу сказать, что русско-японская война оказала скверную услугу нашим войскам. Она научила их бояться выстрелов. Где была возможна стрельба, где ожидались нападения, там наши войска и полиция почтительно отступали!..

Случайное ли здесь «lapsus linguae» или преднамеренное оскорбление, «смело сказанное» и подкреплённое клеветническими доводами?

Поставив этот вопрос, несомненно, лишь как тактическую диверсию, а не потому, конечно, чтобы он допускал сомнения, «Новое Время» беспощадными аргументами разрешает его в смысле предумышленности Якубсона.

К сожалению, 23 и 29 июня депутаты Федоровский, Способный и Стахович отвечали бесстыдному еврею не так, как он заслуживал. В волнении и гневе Способный растерялся до того, что свою мысль выразил крайне неудачно: «Якубсон дал пощечину всей русской армии пред лицом всей России и, можно сказать, перед всем миром!»...

Это было ужасно и, разумеется доставило новое торжество думскому кагалу. Якубсон же упорно молчал...

1-го июля он получил первое вразумление, а именно — вызов на дуэль от поручика 23 Восточно-Сибирского стрелкового полка Холмского. К сожалению, поручик, должно быть, не знаком с формальными изворотами талмуда. Вызов был возвращён председателем Думы как сделанный через него и без разрешения военного начальства... Таким «шаббесгоем» иудеи могут по праву гордиться.

Принимая засим во внимание, что у Якубсона была возможность извиниться как в Думе, так и в печати немедленно, а между тем он только 7-го июля при участии того же председателя стал выворачиваться ещё раз по-еврейски, нельзя не признать, что такой образ действий лишь усугубляет вину клеветника. Ясно, что ухищрения 7 июля обусловливались не раскаянием, а трусостью Якубсона пред надвигающейся на него карой.

Издеваясь над нами, еврейство, между прочим, рискнуло присвоить одной из «прогрессивных» газет название «Военный Голос». Как «друг армии» Якубсон поместил именно здесь своё рабское, извинительное письмо в ответ на вызов, сделанный поручиком Смирнским. Среди приёмов иудейского лукавства Якубсон в конечном выводе хотя и отказывается от свое клеветы, однако же, норовит, в сущности, к тому, чтобы как-нибудь да отделаться от грозного для себя инцидента.

Он, впрочем, осмеливается взывать и к суду чести!

Со своей стороны еврейская пресса подняла, конечно, неистовый гвалт. Не осталось, кажется, ни одной подворотни, куда бы она ни старалась укрыть своего «героя».

Вся эта грязь не заслуживает ничего, кроме презрения.

Можно остановиться разве на двух кагальных уловках. Первая состоит в том, что поручику Смирнскому дуэль разрешена законом, а Якубсону как невоенному самое участие в ней инкриминируется. Эта уловка отстраняется тем вызовом Якубсона на поединок, который послан ему студентом Покровским, но однако, сынами Иуды замалчивается.

Вторая уловка мотивируется парламентской неприкосновенностью названного еврея. Но никакой закон не запрещает оскорблённому требовать удовлетворения от клеветника. На практике же и в образцовой для евреев Франции поединкам с депутатами нет числа.

А что касается депутатского величия, которым в свою очередь пытаются снабдить Якубсона, то уже нам известен отзыв такого авторитета, как П.А.Кропоткин. Для устранения же сомнений мы

обращаемся к характеристике современного парламентаризма вообще.

XXV. Справедливость мнения П.А. Кропоткина удостоверяется бесконечным рядом фактов и целой литературой по данному предмету. Но мы не имеем возможности отвлекаться в эту необъятную сферу. Ограничимся лишь краткими указаниями. «Лучше быть хвостом льва, чем головой лисицы».

а). Если скажут Кропоткин был анархистом, то мы назовём таких авторов, как Брейс и Острогорский. Их капитальные труды — «Американская республика» и «La Démocratie» могут образумить всякого.

Ещё в древности, оберегая собственное достоинство и честь своей семьи, человек, себя уважающий, уходил от общественных дел. «Хлеба и зрелищ!» — вопили массы. «Entre la politique et la justice toute intelligence est corruption tout contact est pestilentiel!», — сказал Гизо. Равным образом, не взирая на свои песни свободе, апологист Шейлока — еврей Гейне дал такой отзыв: «Бернэ выражался, быть может, метафорически, что если бы сильный мира сего пожал ему руку, то он немедленно сунул бы её в огонь, чтобы очистить. Я же говорю отнюдь не аллегорически, а совершенно буквально, что если народ пожмёт мою руку, то я её вымою. Революции хороши только в книгах!» Будучи «кумиром юношества» и вожаком «молодой Германии», Гейне то и дело проигрывался на бирже, стремясь, повидимому, «надуться» до Ротшильда...

Это вполне естественно. Ещё известный арабский географ Ибн-Хордадбе, занимавший во второй половине IX века должность начальника почт в Джебалле, в древней Мидии и Парфии, рассказывает про еврейских купцов: «они говорят по-персидски, по-гречески, по-арабски, по-французски, по-испански, по-славянски... Они путешествуют с запада на восток и с востока на запад, морем и сушей»... О какой же привязанности к той или иной стране или к её «свободе» могло бы помышлять еврейство?.. В ваши дни разница, пожалуй, в том, что сын Иуды бросается и на любую правительственную должность, как вор в первую попавшуюся калитку.

«Талмуд — реакция; она произошла тогда, — говорит «Восход» (апрель 1883 г.), — когда иудаизм почувствовал опасность смешаться и разрешиться в христианстве. С этого момента иудаизм замыкается в самом себе, а прозелитизм исчезает. Он рассматривается как бич и как проказа Израиля». С другой стороны, мы знаем, каким образом Ротшильды и их соплеменники служили даже столь важному для них делу, как французская революция.

Евреям всё чуждо, кроме ненависти к другим народам. Но у них нет ничего своего. Даже те четырёхугольные письмена, которыми пользуются они доныне, введены под влиянием Ассирии Эздрой. Самим еврейством эти письмена называются ассирийскими или «ашуриф». Удостоверяя это, Иосиф Флавий относительно священных манускриптов, представленных Птоломею Филадельфу в 273 г. до Р.Х., свидетельствует также о чрезвычайном сходстве иудейских и ассирийских, т.е. арамейских письмен. Такова же и вся еврейская космогония. Она целиком заимствована у вавилонян. Таков и вообще дух семитов. С утверждением ислама на полях древней Греции исчезло изобилие урожаев и померкла красота земли. В великолепных городах её не осталось и следов прежних наук или искусств; их заменили дикость, уныние и нищета. Пастухи стали жить там, где поучали Платоны и Сократы, там же с криком закружились дервиши и забесновались юродивые..., но их почитали святыми...

б). Ничем не различаются и сами результаты участия евреев в служении «свободе». Через сто лет после «великой революции» в Европе было больше королевств, чем когда-либо. «Освобождённой же Германии» следует опасаться сильнее, чем Священного Союза со всеми его кроатами и казаками.

Свободы нет и внутри парламентов, как нет и доблестей, а трусость подчас забавна. «Быть может, я единственный человек, — говорил Бисмарк, — который в продолжение целого года ещё смеет перечить депутату Виндгорсту!» Не оставался перед ним в долгу один только Виндгорст. «По отношению к Болгарии, — заявил он, — имперский канцлер прочёл нам ряд газетных статей от сентября. Это мне очень приятно, так как я находился в путешествии и не читал тогдашних газет... Но если он думает, что всё, написанное в газетах, внушается нами, то это обусловливается фактом, что сам он располагает прессой, которая отлично попадает ему в тон... В нашем распоряжением никакого «фонда пресмыкающихся». Ответ Бисмарка: «Вся фракция Виндгорста идёт сомкнутой колонной. Политика, которую преследует благочестивый предводитель, такова, что любые социалисты могут её

поддерживать с удовольствием, — она вполне годится для того, чтобы поколебать существующее, делать в нём бреши и ставить всё под сомнение!..»

Так идут события теперь, — не лучше бывало и прежде.

в). В конце XVI и в начале XVII века храбрая Польша была самым большим и самым могущественным государством в Европе, а в 1612 году, когда пленный царь московский, Василий Шуйский, был привезён в Варшаву, Польша едва не стала нынешней Россией. Во что же обратили её «свобода» и евреи?..

На пути своей истории еврейство пользовалось в Европе всеми результатами христианской цивилизации, увы, не поступаясь ни одной, даже самой бессмысленной, мелочью талмудического фанатизма. Мудрено ли, что к германским государям перешло право собственности римских императоров на евреев как придворных рабов. До самого конца XVIII века не было ни одной страны, где бы евреи были уравнены законом, хотя бы в чём-нибудь с её коренным населением. В частности, германские законодательства даже частично не допускали ни малейшего приближения жида к гражданским правам. В феодальную эпоху евреи, строго говоря, не считались пригодными даже в рабство, так как и оно обязывало владеть оружием. Их массами крестили, но массами же истребляли крестоносцы.

Император Оттон I всех своих евреев уступил магдебургскому собору. Император Венцеслав Люксембургский в один прекрасный день объявил всех еврейских должников свободными от уплаты. Интересны мотивы Людовика V, продавшего евреев своим кредиторам. «Так как имущество и жизнь евреев принадлежит государству, то император властен поступать с ними по своей воле. Он может торговать ими, удручать их налогами, предавать их сожжению или умерщвлять другими способами, оставляя их в живых лишь в самом ничтожном числе, дабы только не исчезала память об их имени. Сами же евреи должны быть довольны тем, что он, император, облегчает их таким образом от тяжести земных благ...» Бедность преследует бедного, а богатство — богатого.

Всё это было печально. Но не следует забывать, что в те времена у евреев ещё не было нынешней прессы. Тогдашние люди видели, что благодаря софизмам талмуда евреи ускользают от собственной совести, и что ничьих более законов они знать не хотят.

Как губку, впитывающую золото со слезами и кровью христиан, евреев то и дело выбрасывали вон. Не перечесть, сколько раз они были изгоняемы из всех европейских стран. Однако, это отнюдь не мешало еврейству проникать повсюду. «Жиды хозарстии приидоша», — говорит летописец, начиная рассказ о попытке сынов Иуды обмануть Св. Владимира. Действительно, они поспешили. Пришлось несколько пообождать... Зато сейчас в «освободительном» движении они вознаграждают себя сторицей.

Monstrum horrendum, informe, ingens, cui lumen ademptum!..

г). Честь признания за евреями гражданских прав выпала впервые на долю русской императрицы Екатерины Великой под смутным влиянием французских энциклопедистов. Истинную цену такой «энциклопедии» не замедлила постигнуть вскоре и сама Екатерина.

Тем не менее, в качестве сильной державы Россия уже в 1813 году через своё регентство в Саксонии отменила все исключительные подати с евреев и возвела их в такое же неожиданное право, в каком они столь внезапно очутились по эту сторону границы. Великодушие героическое!.. Среди разгара французской революции, не сами ли евреи в лице байонского, тулузского и бордосского кагалов отказывались от «равноправия»?! И это вовсе не так смешно, как кажется. Памятуя завет отцов, они хотели остаться евреями, а потому избегали всякого «рассиропливания». Разве Натаниель Ротшильд не отрёкся в свою очередь от титула короля евреев, предпочитая оставаться евреем королей? Разве «свет Запада и звезда Востока», премудрый д'Израэли, не объявил с высоты парламентской трибуны Великобритании, что евреи суть единственные аристократы мира и его призванные повелители?..

Согласно с этим, разве какие-нибудь Винавер и Якубсон уже не мнят себя владыками России?..

д). Правда, и в наши дни евреи всё ещё играют в жертвы государственного порядка и христианской нетерпимости к их закалённому изуверству. Завладев прессой, они готовы монополизировать и само

право христианской проповеди.

В отношении себя, рекомендуя нам чуждые иудаизму заветы Христа, еврейство оставляет целиком себе же и ветхозаветное право, увенчанное талмудическими ненавистниками христианства и пустомелями политического космополитизма.

В чаду самодовольства и самоуверенности, среди подтасованных успехов «рыцари кагала» разрывают нас бомбами, но всё ещё стонут за несчастия и принижения «народа Божия»...

А между тем, все комиссии по еврейскому вопросу оканчивались бессловесным измором. Они рылись в старых архивах, собирали сведения, обсуждали и рассматривали, их проедали целую уйму казённых денег и с жалким недоумением расходились, не зная, что собственно они делали и для чего?.. Доверяя князю Мещерскому в его беседе с членами одной из последних комиссий, можно в лучшем случае придти к такому заключению: сюда набирались люди столь непостижимой наивности, что её образцы надо бы возить по белу свету и показывать за деньги. Между тем, не очевидно ли, что крупные, многомиллионные состояния еврейских «домов» составлены лишь беспардонным казнокрадством, подкупом, всегда мошенническими, а нередко и разбойническими притеснениями иудейских рабов — христиан. Разгнездившись и распоряжаясь среди патриархальных народностей, иудаизм всегда избирал профессии, эксплуатирующие тьму, неисчислимые страсти и соблазны. Шинок, непристойный дом, неисчислимые виды плутней в торговле, всевозможные подделки и наглый обход законов — это еврей!.. Страшное племя, с которым невозможна борьба, ни логики, ни по закону, ни по совести... Чем и как взять этого ежа, свернувшегося клубком и обороняемого своей дикой щетиной?..

Евреи-железнодорожники, поставщики и банкиры заявили о себе позорными и безнаказанными преступлениями по праву концессионного подкупа на совершение их. Гинцбурги, Поляковы, Варшавские, Коганы, Грегеры, Горвицы и т.д. и т.п. не могут быть забыты. А эта торжественная процессия похорон, сопровождаемая целой армией жидов, не имеющих права жить в столице, на которую ещё до появления нынешних «товарищей» весь Петербург глядел с немотным изумлением перед балаганной демонстрацией еврейского нахальства?!..

Если под маской либерализма евреи проводят себе дорогу к власти над презираемыми гоями и из жалких рабов становятся господами, то, с их точки зрения, это великий подвиг. Но по каким мстительным побуждениям такое же презрение к собственной народности выражают на радость кагалу русские либералы, — это уже дело их политической тупости или проявление нарочитых способностей к пользованию вексельным правом по милости надменных евреев. «Сами кобели, да ещё собак завели...».

В том, что сейчас изложено, мы невольно увлеклись помещённой несколько лет тому назад в «Новом Времени» статьёй «Евреи в прошлом и теперь». Эта поучительная статья свидетельствует о глубине и силе предупреждений. Если бы те, кому следовало задумывались над ними вовремя, мы не краснели бы от срама, учинённого Якубсоном... Qui vult decipi, — decipiatur.

Глубоко право было старое московское правительство, когда, утверждая что евреи разносят душевную и телесную отраву, безусловно не допускало их в Россию, сколько на этом ни настаивали вероломные польские послы.

е). Возвращаясь к парламентам, нельзя не указать, что законодательные «выборы» производятся политиками. Решил обойтись без них сравнительно в пустяках — при «избрании» сенаторов от штата Нью-Йорк, миллиардер Вандербильдт и... был забаллотирован. Приведя к тирании трестов и гибели правосудия, республиканское правление в Америке украсилось и специальными маклерами в Вашингтоне для подкупа «народных представителей».

В эпоху «Панамы» «New-Jork Herald» (парижское издание) напечатал саму таксу их совести. «Абонируя» палату депутатов во Франции, известная еврейская фирма «Рейнак, Артон и Герц» завела даже чековые книжки... Жак Рейнак отравился, Аарон (он же Артон) долго состоял в бегах, был, наконец, осуждён и помилован как Дрейфус, но, в конце концов, застрелился. «Прохворав» в Бурнемуте, «доктор панамских наук» Корнелий Герц поспешил навсегда скрыться от глаз людских... Тем не менее, Ротшильды и К° по прежнему царствуют и управляют во Франции, да и не в одной

Франции! Увы, как ни досадно, а невозможно рассказать об этом подробно. Нескольких томов не хватило бы. Заметим разве, что наряду с «отделением церкви от государства» французы осчастливлены и организованным шпионством — к «увенчанию» деморализации армии. Дрейфусаровское правительство через военного министра Андрэ и путём так называемых «fiches» открыло масонам carte-blanche для травли офицеров, которые ещё осмеливаются ходить в церковь или скорбеть об ожидовлении родины. Палата же и сенат не задумались реабилитировать Дрейфуса...

Между тем «оправдание» его состоялось не только вопреки обстоятельствам дела, но и при следующих условиях. В кассационном суде весь процесс шёл при закрытых дверях. Председатель и прокурор —рабы Ротшильдов. Под их руководством уголовный департамент производил следствие облыжно, а затем участвовал и в разрешении дела по существу. Он же, без сомнения, преобладал над гражданским департаментом и комиссией прошений (chambre des requêtes), так как знал дело лучше обоих. В то же время судебному следователю, хоть бы коллегиальному, нельзя быть судьёй по тому же делу, так как, удаляя всё прочее заранее, он имел бы возможность подгонять к своему мнению весь материал следствия. Все законодательства Европы и, разумеется, французское признают запрет такого совместительства основным требованием правосудия.

Если, тем не менее, столь вопиющее нарушение не затруднило кассационного суда даже по такому «всемирному» делу, как полное уничтожение двух обвинительных приговоров о Дрейфусе, то чего же следует ожидать от французских судей вообще? Но еврейская «забава» этим далеко не ограничилась. Свидетели обвинения исключались, как только переходили к уликам против невинного Дрейфуса. Его адвокат, Морнар, заявил и кассационный суд согласился признать, что так как само производство о пересмотре обусловливается презумпцией невиновности, а новые улики могли бы лишь устранить его, то они и допускаемы быть не могут. Иначе говоря, от свидетелей требовалось, чтобы они сами рабски защищали «пересмотр». Наконец, в самом решении из 46 членов суда, подавших голос за Дрейфуса, 18 признавали, однако, необходимым ещё раз передать дело военному суду для нового рассмотрения по существу. 29 же членов из упомянутых 46 оказались назначенными в кассационный суд уже после 1894 года, т.е. позже первого приговора над Дрейфусом. Это значит, как подробно разъяснено Дрюмоном в «Libre Parole», что все они попали на свои места под гнётом иудаизма и масонства. Таково «оправдание» Дрейфуса, знаменательное и почётное событие, в котором мы ещё разъясним кое-что дальше. Теперь запомним сказанное, как «иллюминацию» правосудия в «свободной» Франции...

Потомственная, удивительно живучая ненависть евреев к туземцам, равно как и международная солидарность, всех их связывающая, очевидно, не позволяет доверять им безнаказанно и без опасений за чужую национальную независимость, какие-либо государственные должности по народному образованию, в администрации или же в судебном ведомстве, а тем паче в армии. Между тем мы, к несчастью, видим, что даже во французском войске евреи занимают многие серьёзные и ответственные места. В центральном управлении любого министерства можно встретить «на службе проклятым гоям» от 25 до 30 евреев. Чуть не большинство префектов — евреи. Вообще же, самые питательные должности во Франции заняты евреями или франкмасонами. С другой стороны, здесь повсюду замечается избыток чиновников. Тогда как в 1869 году их было около 200.000, уже к концу XIX столетия их оказалось 763.000. И это невзирая на утрату двух провинций (Эльзаса и Лотарингии). Сверх того, нигде, быть может, иудаизированная бюрократия не своевольна в той мере, как именно «в свободной» Франции. Размножив чиновничество почти втрое, оппортунистская, а затем и радикальная республика вместо обещанной дешевизны управления привела к тому, что средний размер налогов на одного плательщика возвысился с 40 до 150 франков в год. [41]

И всё это — в демократической республике.

Для полноты картины запомним, что на родине «свободы, равенства и братства» нет, в сущности, ни того, ни другого, ни третьего, как нет доныне и отвратительного для сынов Иуды, — подоходного налога.

ж). Обращаясь к аристократическому Альбиону, мы встречаем озлобленных евреев-«демократов» нередко уже баронетами и лордами, каковы, например, сын известного нам Натана — Натаинэль

Ротшильд, небезызвестный и весьма породистый венецианский еврей д'Израэли или же «достопочтенный» Мошка Блюмберг, превратившийся в сэра Мозеса Монтефиоре. Впрочем, нечему удивляться. Деньги, эль и джин дали Англии много больше лордов, чем все открытия её учёных и завоевания полководцев. Буфетчики, трактирщики, рестораторы, равно как и другие классы либеральных служителей кабака, велики и неприкосновенны для всех парламентов уже потому, что как хозяева культурных «обществ трезвости» и «народных домов» они являются лучшими политиканами, т.е. сами же создают «народных представителей».

Не дурно живётся евреям в Англии, но это не помешало еврею Гейне сказал, что *«океан давно проглотил бы этот отвратительный остров, если бы не боялся, что его стошнит!»*. Замечая, в свою очередь, что «история Америки есть история преступлений Европы», вдумчивый летописец С.-А. Соединённых Штатов — Банкрофт, без сомнения, должен был на первом плане иметь в виду Англию. Это тем более справедливо, что величайший из её первых министров, Питт, не затруднился объявить orbi et urbi: *«Великобритания не просуществовала бы и трёх недель, если бы она две недели захотела быть справедливой!»*.

Tout prendre, rien jamais rendre et encore prétendre, — такова неизменная её политика. Благодеяниями такого рода Альбион никогда не забывает награждать и Россию. По этому поводу заметим, что во славу Израиля существует даже особая литература о племенном родстве англичан с евреями, а в 1895 году в Париже появилась ещё новая и замечательная книга Луи Мартэна «L'Anglais est il un juif?» Обратив на себя внимание европейской печати, автор заслуживал бы вдумчивого ознакомления с ним, но это увлекло бы здесь нас слишком далеко. Посему необходимо ограничиться краткими ссылками. Указывая на величайшего из британских историков, Луи Мартэн говорит: «Thomas Carlyle appelle John Bull: l'être le plus sage, le plus plat et le plus stupide du monde». Переходя же к параллели между евреями и англичанами, автор продолжает: «C'est le Juif, qui suinte à travers les pores de l'Anglais... La nature les a faits insinuants; le Juif l'est avec platitude et arrogance, — l'Anglais l'Anglais l'est avec des façons dintinguées et arrogantes». Наконец, обращаясь к повадке самовозвеличивания и самопоклонения, автор даёт такой знаменательный отзыв:

«Entre autres caracteres communs, le Chinois se dit un Céleste, le Juif se prétend le peuple de Dieu et l'Anglais affirme volontiers qu'il est à tu et à toi avec le Père Eternel...

Ces races ont le même orgueil, la même fausseté, la même lâcheté. Les Anglais — de même, que les Juif, sont nomades et se dirigent partout où il y a de l'argent a gagner».

В гармонии с указаниями Мартэна знаменательно и мнение Шопенгауэра:

«Нет более светобоязненного духовенства, чем англиканское, потому что ни одно не рискует такими денежными интересами, как оно.

Ежегодный его доход — 5.000.000 фунтов стерлингов, т.е. больше, нежели получают все остальные христианские церкви на обоих полушариях. С другой стороны, нет нации более нечувствительной к методическому отуплению путём унизительных суеверий, чем английская, хотя интеллигентностью она и превосходит все прочие. Поэтому долг гуманности каждого — провозить в Англию контрабандным путём и всеми возможными средствами знание и просвещение, дабы положить, наконец, предел ремеслу самых отъевшихся из всех жрецов. Никогда, хотя бы и в обыденной жизни, не следует допускать ни малейшей уступки английскому мракобесию, а, наоборот, где только оно подаёт голос, тотчас же обрывать его самым беспощадным образом. Дерзость англиканских жрецов и их приспешников вплоть до наших дней совершенно невероятна, почему и должна оставаться изгнанной на своём острове, а если рискует появляться на материке, то должна немедленно играть роль совы, при дневном свете».

Для того же, чтобы отзыв Шопенгауэра не показался чрезмерным, отметим и следующее:

Пуританский Лондон строго сохраняет за собой монополию торговли идолами, с глубоким знанием дела и по самым умеренным ценам доставляя как их самих, так и всё, что относится к их культу, в разные концы света. Les affaires, c'est l'argent des autres...

Почтенные члены весьма достопочтенного «London's Missionnary Society» расходятся в свою очередь

по всем странам земли, увы, нередко поселяясь среди какого-нибудь дикого или полуцивилизованного народца. Больше всего они занимаются торговлей, затем, и весьма немало, — политикой, а когда ещё остаётся время, — проповедью. Сплошь и рядом такое «миссионерство», как ещё недавно на Мадагаскаре, оказывается чересчур усердным в ущерб местной власти и туземным интересам. Бывает и так, что, при неосторожном снятии кожи с «покупателя»-туземца он вдруг начинает лягаться... Тогда достопочтенные отцы кричат о покушении на них жизнь, и какой-нибудь Сесиль Роддс, как снег на голову, падает на супротивников протестантской бранди или англиканского коленкора. Если возникшие отсюда «дипломатические недоразумения» не заканчиваются иначе, т.е. простой уплатой, по требованию английского адмирала, приличной сумму убытков, то весьма корректный английский резидент поселяется в столице местного королька вплоть до того дня, когда при малейшем предлоге вся страна будет объявлена британской колонией.

Само собой разумеется, что английские миссионеры действуют при благосклонном участии сынов Израиля вообще, а Ротшильдов — в особенности. Кто глубже интересуется данным вопросом, как и другими «освободительными» подвигами еврейства, тому не мешает прочитать хотя бы три следующие сочинения: Friedrich Edeln von Scherb, — «Geschichte des Hauses Rotschild», Edouard Demachy «Les Rotschild, une famille des financiers juifs au XIX siècle» и John Reeves «The Rot-schids, the financial rulers of nations».

Тир, Сидон и Карфаген, Генуя, Венеция и Англия — государства, построенные по одним и тем же принципам.

Все они как мореплаватели — жестокие и суеверные, а как торговцы — лукавы и ненасытны. Иезуитские принципы свирепого и великолепного Альбиона не перестанут возбуждать гнева и отвращения в сердечном и скромном русском человеке.

Континентальные же державы Европы должны понять когда-нибудь, что, принося лишь злорадство Новому Вавилону, их бесплодные войны чрезмерно обогащают только его одного. Они поймут также, что Англия — гнездо всяких революций. Тогда, наконец, иссякнет поклонение английской «свободе» и будут приняты действительные меры к уничтожению британских трофеев.

Cumque superba foret Babylon spolianda trophaeis,

Bella geri placuit nullos nabitura triumphos!..

з). Парламентаризм Англии, Франции и Северной Америки представляет достаточные интонации одной и той же «освободительной» гаммы для того, чтобы не требовалось варьировать их дальше. Разумеется, для полноты картины можно было бы пройти через Италию с её карбонариями, мафией и т.п., а также с объединяющим их масонством, всемирным главой которого, вслед за евреем Лемми стал в Риме другой еврей — Натан. Равно не мешало бы указать на зловещую роль иудейского друга и врага Франции — Криспи, обокравшего Римский банк (припомним скандальный процесс Бернардо Танлонго), в конец исплутовавшегося с министром финансов, евреем же Луццати, и во славу Англии приведшего итальянские войска к разгрому под Аддуей... Далее, быть может, следовало бы написать политический очерк современной Австрии — этой средневековой жемчужины в кагальной оправе, и напомнить о тяжкой борьбе против еврейства, которую ведут здесь Лихтенштейн, Шёнерер и Люгер с их соратниками за спасение отечества.

Наконец, поучительно было бы остановиться и на той свистопляске учредительского мошенничества в Германии, которая была первым результатом ограбления Франции на пять миллиардов золотом; перейти к речам еврея Ласкера в рейхстаге, под лицемерные вопли которого о железнодорожных плутнях его соплеменники обделывали здесь свои лучшие гешефты; упомянуть об Имперском Банке (Reichs Bank) как учреждении, созданном евреями, через евреев и для евреев, а в заключение просмотреть брошюры «Bismark und Bleichroeder» и «Bismark und Rotschild». Но мы и этого сделать не можем, потому что не задаёмся мыслью об энциклопедии еврейского вопроса даже в одной — парламентской сфере. Любознательного же читателя приглашаем обратиться к той библиографии, какая помещена в нашем исследовании «Еврейские Речи». Отметим разве следующий факт: в германском рейхстаге один из министров Бисмарка при общем хохоте заявил, что он действительно

слышал, будто в других странах попадаются плохие жиды, своих же он считает, безусловно, хорошими...

Таково парламентское величие, долженствующее придать Якубсону иммунитет против дуэли с поручиком Смирнским.

Что же касается «русской» ликвидации этого инцидента, то она едва не сделалась новой забавой для сынов Иуды.

По еврейскому обыкновению, вопросы предполагалось, разумеется, перевести на «другие рельсы». Устраняя все, на что посягнул Якубсон в Государственной Думе, комедия «сула чести» должна была ограничиться его последующими изворотами в печати. На этот же талмудический путь через еврейскую газету «Око» послали и «бывшего пажа»...

Разбираясь в еврейской тактике, один из сотрудников «Голоса Правды» извлекает из истории Германии поучительный рассказ о гремевшей некогда там еврейской разбойничьей шайке Левенталя. Блюдя Моисеев закон, шайка по субботам отдыхала и нанимала на грабеж «шаббесгоев». [42]

«Шаббесгоев» евреи имеют теперь и в революции, и в публицистике, и во всех областях общественной жизни, где только замешаны еврейские интересы.

Нашёлся такой «шаббесгой» и в деле поручика Смирнского с Якубсоном. Некий «паж выпуска 1906 г.» (ныне офицер) через газету «Око» предлагает себя в «заместители» г. Якубсона, принимая на себя вызов, обращённый поручиком Смирнским. Анонимный автор письма заявляет, что он руководствуется «данными принципиального характера» и «правотой б. чл. Думы Якубсона — во всех его действиях, имевших место после вызова», однако, не открывает своей фамилии, «не желая окружать себя ореолом громкой известности, которую, вероятно, помимо его воли, заслужило имя поручика Смирнского». О таковой, равно как о его адресе, он просит поручика Смирнского узнать в редакции газеты «Око». Semel insanavimus omnes.

Бедный юный «шаббесгой»! Неужели же г. Якубсон согласится на такую «замену крови».

«Новое Время».

***

Скрыв своё имя, он взялся подтвердить дуэлью, что объяснения Якубсона достаточны. Это было просто смешно и, пожалуй, не заслуживало ответа, которым его, шаббесгоя, увы, печатно заклеймили сто двадцать пажей разных выпусков и, наконец, старый паж 1853 года. Достойным для еврейского слуги возмездием явилось в «Военном Голосе» второе письмо Якубсона. На этот раз он признал себя обязанным уже совершенно отречься от своей клеветы на русские войска.

Как еврей он, однако, не предупредил своего «защитника, чем и поставил его наивных секундантов впросак. От имени барона С.А. Штакельбергера, «бывшего пажа», штабс-капитан Лопатин и поручик Глинский обратились к секундантам поручика Смирнского с вопросом, признаются ли первые заявления названного еврея достаточными?

Будучи военным, Кузьмин-Короваев не только оставил Якубсона без наказания, но и не возражал ему в Думе. Его лавры, очевидно, не дают покоя Глинскому и Лопатину. Но, как ни пассивно наше общество, Кузьмину-Короваеву уже дано предостережение: в Бежецке его забаллотировали и в уездные гласные... Подвиг Штакельберга, Глинского и Лопатина ещё остаётся без награды...

Но ведь они, явно, не ведают, что творят.

Очевидно, что и само «Око» сомневается в «сознательности» пажа «выпуска 1906 года», а потому выдвигает нового «шаббесгоя». Это уже — «отставной подполковник, присяжный поверенный», который, хотя и не сторонник дуэли, но готов «смалодушествовать» и посчитаться с г. Покровским.

«Полагаю, однако, — говорит он, — что поединок этот докажет лишь нашу с г. Покровским готовность драться на дуэли и ничего ничьей чести не принесёт».

Совершенно верно, а потому позволительно спросить, для чего анонимному подполковнику и выступать с таким юмористическим предложением? Разве только для того, чтобы Якубсон ещё раз

посмеялся: вот сколько умных людей за меня драться желают!

(«Новое Время»).

***

Не вполне ли нелепо называть делом Смирнского с Якубзоном вопрос, касающийся всей русской армии, и не безумно ли ставить эти два имени рядом?..

Полтора года провёл поручик А.А. Смирнский на ужасной войне, в Манчжурии. Он пошёл туда с родным братом и тремя двоюродными. Из двоюродных братьев один был ранен пулей в ногу, другой —шимозой в бок, а третий — десятью пулями. Родной же брат был убит. Если в кровавых боях даже под Ляояном и Мукденом утолённая на время судьба пощадила самого А.А. Смирнского, то он не щадит себя сам, когда снисходит до поединка с Якубсоном и даже без всякого основания соглашается на дуэль с «бывшим пажом».

Народный же представитель Якубсон как раньше, так и во время войны содержал лишь питейное заведение в Вильне, а в Слониме занимался иудейской адвокатурой. За ведение дел тех несчастных, кто изувечен на железных дорогах, он брал 50%, а вообще поступал с гоями так, что ещё до «избрания» в Государственную Думу был исключён из присяжных поверенных...

Тем не менее, потешаясь и глумясь, злой рок привёл Смирнского именно к встрече с Якубсоном.

И это несчастье тем ужаснее, чем заносчивее и ядовитее жидовская клевета, которой не мог позволить Смирнский — очевидец бесчисленных жертв, принесённых русскими войсками за родину.

Наравне с осмеянием чужого патриотизма, с требованиями амнистии и отмены смертной казни, равно как с аграрными «иллюминациями», клевета Якубсона принадлежит к области тех усилий иудаизированного масонства, которые имеют в виду, с одной стороны, затруднить и обезоружить власть в её борьбе с мятежом, а с другой стороны, довершить унижение русского имени через отказ в признании за нами не только способности быть победителями, но и без трусости умирать!..

Якубсон лгал без стыда, потому что это было необходимо кагалу. Действуя злонамеренно, этот еврей извращал белостокские события с целью повредить правительству и умалить сами средства, которыми оно располагает против иудейской революции в России. Таков именно замысел еврейства, раскрытый в оскорблении войск, как и по всем другим направлениям, теперь для всякого очевидным. Посему нынешний отказ Якубсона от своих слов — лишь новое издевательство. Нет, ему нельзя позволить отречения, клевета должна остаться при нём и запятнать его навсегда. Якубсон не смеет умолять ни о чём, кроме презрения. Но и для того, чтобы поручик Смирнский ограничился этим, Якубсон обязан прямо сознаться в своей тяжкой вине и покаяться всенародно, через ряд газет, наиболее распространённых. В противном случае он, без сомнения, должен испытать все последствия своего злодеяния.

***

Как замечено в «Новом Времени», один из офицеров пишет: «Со свойственным молодости задором, пылкостью и самоотвержением, принимают на себя удар провинциальные поручики, одинаково далеко стоявшие как от Государственной Думы, в которой произнесены были инкриминируемые слова Якубсона, так и от закономерного представительства армии, а её действительный представитель безмолвствует столь упорно, что, право, можно усомниться в его существовании...

***

Сохраняя олимпийское спокойствие, военный министр не сделал даже попытки через своего представителя сказать хотя бы одно слово в Государственной Думе в ответ на оскорбительные издевательства над русскими войсками.

Если бы паче чаяния заступничество его и вызвало со стороны некоторых представителей обидные замечания, то это новое оскорбление разделила бы с ним вся армия. Она почувствовала бы тогда, что между нею и её представителем действительно существует живая связь.

Но в том-то и беда, что между «закономерным представителем армии и самой армией вместо близкой, живой связи, глухой стеной стоит формализм и канцелярщина как на войне, так и дома. Войска и

министр, увы, чужды друг другу.

(«Новое Время»).

***

Наше глубокое убеждение таково, что если за инцидентом 23-го июня не было принято надлежащих мер высшим военным начальством, необходимо разоблачить и покарать иудейский замысел теперь. Это тем более настоятельно, что наряду с защитой Якубсона идёт возвеличивание Герценштейна. Правда, «освободительная» пресса о лукавом «иллюминаторе» вдруг смолкла, как бы по команде, но один из её органов — «Русские Ведомости» — ещё долго не переставал кадить ему фимиам, истощая своей хамской бесцеремонностью всякое терпение.

и). Под фальшивый тон этих наглых дифирамбов франкист Пржевальский даже затеял апофеоз «поляковского секретаря» в московской городской думе.

Мученической смертью погибают от злодеев массы русских людей в том свирепом обмане, который терзает Россию ради целей всемирного кагала, но в Москве не помнят о них, а, к вящему нашему посрамлению, хотят «увековечить» память иудея Герценштейна...

Между тем, неизвестно даже того, кто его убил и за что собственно?.. Газета же «Маяк», оповестившая об этом убийстве заранее, никак не принадлежала к «черносотенным». Да и глупо было бы с их стороны готовить себе первый же блин комом!..

Независимо от столь бесподобного пророчества, в печать проникли сведения, что за убийство адмирала Чухнина «освободители» должны были через Герценштейна уплатить 30.000 рублей и... обманули.

Иная, ещё более талмудическая, версия заключается в том, что «иллюминатора» убили сами же евреи. Став, вопреки всякому вероятию, депутатом от Москвы и даже сделав вид, что идёт спасать Россию лишь по усиленным просьбам русских, Герценштейн провалился в Государственной Думе скандальнейшим образом. Уже это было для кагала невыносимо, — ведь на «будущего министра финансов» возлагалось столько надежд!.. Но беда не приходит одна, а с детками. Как ни алчен деспотизм «освободительной» прессы, одним лапсердаком нельзя покрыть всего печатного станка. То там, то здесь, а стали выныривать деяния Герценштейна из его прошлого. Незавидные слухи пошли о его отношениях к крестьянам как землевладельца... Запахло и разоблачениями о его гешефтах в поляковском банке. Еврейство начало понимать опасность. Столь блистательно проводимый колоссальный замысел начинал смердеть и там, где, казалось, было достаточно «бальзамирован»... Если и мы кое о чём догадываемся, то сыны Иуды отлично знают, куда они ведут Россию. Сокрушить последний оплот арийского мира в Европе — значит, наконец, достигнут многовековой цели. Оборваться, всё потерять. Никакой риск здесь немыслим. Раздувая славу Герценштейна перед гоями, всемирный кагал видел все его ничтожество. Такого финансиста и для княжества Монако не надо. Оставить же его на сцене — всё равно, что играть в рулетку... Inde ira!.. Между тем, Герценштейн мёртвый стал кагалу вдвое полезнее, чем живой, а за убиение «великого» нанесено «чёртовым сотенцам» сугубое посрамление.

Насколько вероятна та или иная версия, мы судить не берёмся, потому что в еврейских делах всё темно, коварно и безжалостно.

Такой авторитет, как Эдуард Дрюмон говорит:

«Pour aujourd’hui, contentons-nous de leuer Dieu, que les juifs se disputent quelque fois entre eux...

Ils sont nos maitres absolus; ils dirigent tout; ils savent tout et nous ne savons rien. S’ils ne daignaient pas, de temps en temps, nous faire part de leurs affaires, qui sont les notres, nous vivrons dans l’ignorans la plus complete. Clio, la Muse de l’historie, n’aurait qu’a bliser ses tablettes pour les remplacer par les tablettes de chocolat empoisonné, que von Rei-nach tenait, à toute force, à faire avaler à nos soldats».

XXVI. а). 13 мая, в заседании Государственной Думы Винавер сказал: «В данный момент речь идёт о равенстве гражданских прав. Отчего же в этом вопросе наши министры проявляют трусость? Мы имеем право пригвоздить их за это к позорному столбу!.. Доколе в стране есть неравенство (евреев,

конечно), — не будет в стране мира!».

7 июня в той же Думе еврейский Щепкин равным образом позволил себе такие слова:

«Министр Столыпин вступает открыто на путь борьбы с свободой, со всем освободительным движением, и мы устами полумиллионного населения Одессы шлём пожелание Столыпину в этой борьбе всяческих неудач, поражения и гибели, шлём ему народное проклятие!!»

Наступает 12 августа... «Что это, сон?!» — несколько очнувшись, спрашивает девочка, дочь П.А. Столыпина, которую с раздробленными ногами выносят из только что разрушенной взрывом дачи министра. «Нет, барышня, это не сон!» — отвечает ей один из солдат, оклеветанных Якубсоном. Вместе с дочерью был изувечен 3-х летний сын П.А. Столыпина. Сверх того, здесь же изранено или истерзано более тридцати человек, из которых шесть вскоре умерли; судьба же остальных неизвестна и, во всяком случае, печальна...; наконец, 24 человека убиты на месте, а клочья их тел были разбросаны на значительном расстоянии, частью же повисли на деревьях. Сила взрыва была столь ужасна, что отразилась и на другом берегу реки. Солидное здание дачи на Аптекарском острове, в Петербурге, разрушено так, как это могла сделать только вновь усовершенствованная радиоактивная бомба... Сам министр остался невредим, и, стало быть, говорят, цель злодеяния не достигнута. Но как ещё этот ужас отзовётся на душе отца семьи и невольного виновника стольких жертв, об этом судить трудно...

Sunt lacrymae rerum et mentem mortalia tangunt!

Бомба, которой был растерзан Плеве, привезена из Белостока, а «портфель», взорвавший несколько десятков человек на роковом приёме у Столыпина, был, по-видимому, доставлен из Москвы. Первопрестольная столица России теперь является как бы главным притоном еврейской революции. Один из бешенных зверей, принесших бомбу 12 августа и, в свою очередь, убитый, оказался, по медицинскому освидетельствованию, также евреем...

Располагая большими деньгами, эти звери занимали лучшее помещение, катались в роскошных ландо и бывали в опере даже накануне злодейства.

Меблированные комнаты, где они удобно скрывались, носят польский характер, как поляком же оказался и сам кучер ландо, в котором «портфель» был доставлен на дачу министра. Никто не обратил внимания на факт, что, прибыв бедно одетыми, злодеи без всякой надобности уплатили за квартиру 250 рублей, как никому в тех же комнатах не показалось странным, что они из статских внезапно превратились в военных...

Рассказывают, будто за несколько времени до взрыва «портфеля» мимо дачи Столыпина проехал красный автомобиль, который видели и перед убийством Плеве...

Судьбе угодно было, чтобы в числе других скончались мученической смертью и старик швейцар, прослуживший 40 с лишком лет при 16-ти министрах, и такой патриот, как князь Н.В. Шаховской, а председатель центрального комитета партии «народной свободы» остался жив... Neque semper arcum tendit Apollo.

Скорбь и страх охватили бесконечные массы людей и у нас, и за границей. Единодушный стон сострадания, ужаса и протеста послышался отовсюду, за исключением «освободительной» прессы, разумеется.

Отмечая это характерное явление, «Русское Знамя» справедливо говорит:

***

Вот листок экстренного прибавления к вечернему выпуску Биржевых Ведомостей: «Покушение на П. А. Столыпина». На листке подпись: редактор Владимир Бонди, издатель С. Проппер.

И эти самые люди, которые несколько дней тому назад возмущались единичным убийством Герценштейна, не находят теперь ни единого слова негодования перед вопиющими известиями о покушении на Столыпина.

Что-то злорадное, предательское чувствуется в самой форме, в какой излагаются этим вечерним прибавлением события и обстоятельства, сопровождавшие страшный взрыв.

По пути на Аптекарский остров по Каменно-Островскому проспекту «не было заметно никакого волнения»...

Ещё бы, ведь пострадали не сполна сто человек! Ведь это уже всё больше русские чиновники, русские генералы... Правда, убиты швейцар, кучер, почтальон, это уже не генералы, а простой народ; правда, убиты и разорваны на части женщины; в страшных мучениях корчатся маленький пятилетний сын и пятнадцатилетняя дочь министра... Но разве у Бонди и Проппера может шевельнуться чувство жалости к этим жертвам революционного террора? Ведь это к Небу несётся вопль страдания русского народа... Ведь эти страдания, эти стоны и вопли причинены не Правительством, не войском, а революционными бомбистами.

А жертвы революционного террора даже на словах не заслуживают сочувствия. Как всё это, однако, мерзко, низко и подло!

***

«Новое Время» также клеймит бесчестное поведение еврейкой газеты «Речь».

***

«Ничего не случилось, пятнистая гиена, — ничего нового: все старые, враждебные вкусы ночного трусливого зверя, который бродит около могил, обнюхивает алчно трупы мёртвых, боится света дня и вида живого человека.

Конечно, эти «Социологи», «Изгоевы» и «Азовы» (великие писатели земли русской и «Речи») не ходили на Аптекарский остров с бомбой, но они полизали крови на трупах тамошних жертв и сказали: «Вкусно, нашим пахнет!..»

Вот великий писатель земли русской, Влад. Азов (не жид ли), написал же на виду полусотни убитых и искалеченных лишь вчера такое шутовство:

«Надо в первую голову закрыть все заведения, отдающие экипажи на прокат; надо обязать портных записывать все принимаемые ими заказы в особую шнурованную книгу с обозначением фамилии, звания и адреса заказчика: надо организовать особую инспекцию по надзору за портняжными заведениями, вроде инспекции, наблюдающей за типографиями; надо всех швейцаров заменить военными караулами и всех приезжих, откуда бы то ни было, подвергать обыску и содержанию в особых карательных тюрьмах».

Остановись, шут, над кровью шутишь! Над раздробленными ногами неживых и полуживых, над стариками и несовершеннолетними.

Это, видите ли, газетка, инспирируемая профессором русской истории Милюковым, шутит в речах своего выходного клоуна над горем Росси о жертвах 12-го августа, над её растерянностью и гневом. Он уськает и хихикает около мёртвых, он пересмеивает возможные меры строгости. И хотя никаких ещё не принято, он бежит вперед как истая рептилия и уже пародирует и даёт около всякой меры, какая может быть принята.

«У революционеров превосходные паспорта и блестящие формы», — не устыдился он написать десятью строками выше приведённого места. Да, «наши удирают, — кричит рептилия, — не изловишь!» И бегут эти гиены. Скверные тени, ночные тени их перебегают повсюду. Попали в печать, имеют вид литераторов. Якубсоны и Азовы стали на месте Щедрина и Успенского, как те стали на место Тургенева и Гоголя. Со ступеньки на ступеньку идём мы в гнилой погреб...

И копают могилу эти гиены. И лижут запекшуюся кровь её жертв...

Славное время...»

***

Заграничное же еврейство в своих органах ещё пыталось и оболгать «черносотенцев». Они, видите ли, сами смастерили, чтобы свалить на революционеров... Клевета бессмысленная и жалкая!

Однако, спутанность идей и галлюцинации впечатлений в России таковы, что именно в день события 12 августа родной брат министра написал следующие незабвенные строки, появившиеся в «Новом Времени» 13 августа.

«Со страниц газет не сходят рассуждения о смерти Герценштейна, и, на мой взгляд, в этих рассуждениях слишком много страстности. Смерть — это величавый покой, и размышлениям о смерти приличествует бесстрастная работа мысли и нежная память сердца...»

б). Между тем, уже 14-го августа несколькими пулями в спину был убит командир Семёновского полка генерал-майор Мин.

Редакция «С.-Пет. Вед.» отмечает надпись на венке генералу Мину от Союза русского народа:

«И мы за тобой готовы!..»

***

Какая бездна религиозного смирения и в то же время отчаяния в этих несложных выражениях! До чего необъятная скорбь, если кроме смерти ничего не сулит грядущий день!

Параллельно известно, что Семёновский полк подвергался и подвергается глумлению со стороны всех слоев общества и населения, примыкающих к революции. И вот наступил момент, когда необходимо разобраться в психологии солдата, который видит своего Государя, со страшной опасностью для жизни приезжающего на вынос тела убитого полкового командира и несущего его гроб, и на ряду с этим слышит угрозы революционеров прибегнуть к дальнейшим кровавым расправам... Может ли быть предел ожесточению, накипающему при этом в сердце способных ещё любить родину, верить в неё, молиться за Царя?..

Приказ по Гвардейскому корпусу.
19-го августа 1906 года. С.-Петербург.

«Сейчас похоронил дорогого сослуживца, командира л-гв.Семёновского, славного Петровского полка, свиты Его Величества генерал-майора Мина.

Его убили с конечной целью устрашения тех, кто не боится, в настоящее смутное время свято исполняет свой дол г. Но в расчете ошиблись. Смерть произвела обратное действие. Вся гвардия отозвалась, как один человек! Венки и депутации — без исключения от всех гвардейских частей. Честь сторожить дорогой гроб вместе с Семёновцами взяли на себя офицеры гвардии всех родов оружия. Гроб несли наш Августейший Главнокомандующий с другими Великими Князьями.

От имени Гвардейского корпуса — вечная тебе память отныне вдвойне родной наш, Георгий Александрович Мин,

Своей смертью ты удесятерил наши силы.

Клянусь и призываю всю старую Императорскую гвардию поклясться со мной так же, как и ты, храбро и безбоязненно соблюсти верность нашему природному Государю-Родине. А если бы кому и пришлось пережить минуты случайного колебания, пусть придёт в храм лейб-гвардии Семёновского полка, помолится у твоего праха и почерпнёт новые, несокрушимые силы для исполнения своего долга.

Семёновская церковь приобрела для нас особое значение исцеления от самого ужасного недуга — колебания».

Командир корпуса,
генерал-адъютант Данилов.

***

Между тем, еврейская революция идёт своим чередом.

Анархическая печать благоденствует в Севастополе. Местный листок «Труд» без всяких «эзоповских» фраз, совершенно открыто славословит убийство Мина.

***

«Если правительство, как бы издеваясь над лучшими народными чувствами, поспешило этих, обагрённых кровью, убийц одарить земными благами, то народ (?!) в лице своих лучших представителей (?!) не мог перенести этого оскорбления и ответил на него самосудом. Там, где правосудие существует лишь для того, чтобы служить послушным орудием правительству палачей,

там народ берёт на себя карательные функции суда и жестоко мстит за попранные свои верховные права!..

Два имени приобрели себе бессмертную славу в московской трагедии, два имени — Мина и Римана вечно останутся в народной памяти. И одного из них неумолимый поток революции уже смыл с карты жизни.

Революция творит героев! Это старо, но теперь это яснее, чем когда-либо».

***

Герои, по нравственному кодексу террористского листка, — не только убийцы, а и грабители.

***

«Укажем теперь на другой поразительный факт, свидетелями которого мы имели счастье быть: революционная отвага, героизм, бодрость, сила, мощь людей, которые в мирной жизни ничем бы не выделялись.

Возьмите хотя бы побег Беленцова. Ведь это шедевр отваги, героизма, молодой энергии, сознания своих сил и решимости биться до могилы. Кто выдумает романы нелепее и романтичнее русской жизни?

А побег молодого сподвижника Шмидта, студента Пятина? А тысячи других, чисто рокамболевских побегов, набегов, нападений?.. Вот новое поколение сильных, могучих, ничего не боящихся людей!..»

***

Извольте после этого проводить параллель между словом и делом революции, между «идейными борцами» и бомбометателями. Кто красивее: убийцы Мина или публицисты «Труда»?

По мнению всех законодательств о печати, восхвалять преступление — это подлость. Но в Севастополе, очевидно, газету издают «братцы» адм. Скрыдлова, для которых закон еще не написан.

в). Не успели в Петербурге похоронить ещё одного из верных сынов родины, как в Швейцарии уже решено было убийство другого. «По ошибке», которая столь часто и так легко допускаются нашими «освободителями», жертвой пал совсем неповинный старик...

***

Интерлакен, 21-го августа (3 сентября). В гостинице «Юнгфрау» вчера в полдень за общим столом русская дама лет 22-х смертельно ранила несколькими выстрелами из револьвера Шарля Мюллера — парижского капиталиста 73-х лет. Раненый скончался через час. Дама тотчас же была арестована. На следствии она показала, что ей было поручено убить бывшего министра Дурново и отказалась от всяких дальнейших показаний. Дама прибыла сюда 4 дня тому назад в сопровождении пожилого господина. Они записаны в гостинице под фамилией господина и госпожи Стаффард. Первый, под предлогом горной прогулки, третьего дня оставил гостиницу.

Интрелакен, 21-го августа. У убийцы Мюллера найдена газета «Tribune Russe» с портретом П.Н. Дурново. Очевидно, убийца по этому портрету искала П.Н. Дурново, так как теперь установлено, что П.Н. Дурново действительно жил в гостинице «Виктория» в Интерлакене с 6-го августа и выехал только несколько дней тому назад. Ещё сегодня убийца была твёрдо убеждена в том, что от её руки пал П.Н. Дурново. Когда ей сказали правду, она выразила сожаление по поводу того, что пал невинный человек, но заметила, что «в нынешнее тяжёлое время не беда, что одним человеком станет меньше». Во всяком случае, она исполнила свой дол г. До сих пор никаких иных сведений не удалось раздобыть. Убийца не назвала своей настоящей фамилии. Сообщник её не разыскан.

***

Но Швейцария — не Россия. Там ведь республика, а потому с анархистами расправились живо. Полиция и кавалерия быстро окружали целые кварталы, производили строгие повальные обыски, ловили и «одевали» русских «освободителей» в кандалы, сажали их по тюрьмам, а затем выгоняли вон, за границу, не обращая внимания на самый отчаянный жидовский гвалт... Там не задумались, как известно, украсить и Беленцова «браслетами». Лишь на русской границе их сняли, очевидно, для того, чтобы легче было выпустить его совсем... *Хватились Насти, когда ворота настежь!..*

Не даром теперь даже из Швейцарии революционеры убегают именно в Россию как самую «свободную» страну. Quidquid delirant reges, plectuntur Achivi...

г). Результаты нашей «свободы» таковы, что при всём желании не глядеть на них, трудно просмотреть хотя бы следующие факты.

С неистовой дерзостью сыны Иуды замыкали уста министрам в Государственной Думе. Позволяя себе всё и повсюду, «освободители» хамски гнетут чужое слово и мысль, всеми способами истребляют патриотические газеты, легко убивают политических противников, свидетелей и судей даже в больницах, учиняют презренные и бесстыдные злодеяния, а будучи пойманы, стреляются сами, очевидно, сознавая что им, как диким зверям, не может быть пощады... Вот некоторые из последних известий.

***

Тула, 20-го августа. Вчера в 9 часов вечера на даче близь Тулы убит 6-ю револьверными выстрелами председатель тульского окружного суда, Ремизов. Мотив убийства — отместка за «ограбные» приговоры. Преступники не задержаны.

Митава, 22 августа. Шайка неизвестных злоумышленников, вооружённых ружьями, некоторые в масках, напала вечером в Донданиейской волости на усадьбу Спицберга. 75-летнего старика на глазах жены вытащили на дорогу и расстреляли шестью пулями. Шайка разыскивала также сына, чтобы убить и его, но не застала дома. Причина злодеяния — антиреволюционное настроение семьи Спицбергов. Убийцы успели скрыться.

Тамбов, 22 августа. 19 августа в 8 часов вечера в центре города совершено возмутительное преступление. В городском сквере, против дома губернатора, двумя неизвестными молодыми людьми изнасилована семилетняя девочка. Потерпевшая отправлена в больницу, жизнь её в опасности.

Вильна, 23 августа. В 5-ти верстах от города на проезжавшего на паре лошадей сборщика казённых винных лавок Табартовского напали пятнадцать вооружённых револьверами молодых евреев. Грабители связали сборщика и кучера, а затем под угрозой лишить жизни похитили 3.000 рублей казённых денег, равно как более 200 рублей, принадлежащих самому сборщику. Грабители скрылись на его же лошадях.

Жирардов, 29-го августа. Вчера в 6 часов вечера в стоявших восемь земских стражников брошена бомба. Двое ранены тяжело, остальные легко. Один злоумышленник ранен в живот пулей.

Лодзь, 29-го августа. Неизвестные злоумышленники обстреливали вчера вечером трамвай электрического подъездного пути Лодзь — Пабияницы. Машинист ранен двумя пулями, пассажиры не пострадали.

Одесса, 29-го августа. Шайка вооружённых револьверами вошла вчера в зал, где праздновалась свадьба, с требованием у новобрачных и гостей денег. Явилась полиция и задержала 18 человек. Некоторым грабителям удалось скрыться.

Разврат убийств растёт. Кому-то нужно было и в Юзовке бросить бомбу в дом на свадебном вечере. 16 человек изувечено, ранен и бросивший бомбу.

Киев, 29 августа. Подробности ограбления в Белой Церкви. Накануне ограбления, в воскресенье, около запретного помещения банка встречались неизвестные лица. Войдя в контору и заняв выход, злоумышленники забрали 43.563 рубля, обыскав все кассы и убив из револьвера случайного посетителя Длугача. Когда грабители удалились, поднялась тревога, снарядили погоню. Настигаемый грабитель, еврей Левенсон, застрелился. Во время преследования убит городовой. Участвовало в ограблении 12-14 человек, из которых, кроме двух, все были в масках. На улице найдены 2.490 рублей. Задержанные по подозрению Смолянский и Пашковский сознались в соучастии.

Васильков, 30 августа. Полицией задержаны двое участников нападения на отделение Учётно-ссудного банка в Белой Церкви. Один оказался бывшим воспитанником белоцерковской гимназии Антоном Смолянским, другой назвался Иваном Вашковским. Застрелившийся грабитель оказался иркутским купеческим сыном Гдалием Левинсоном. Во время бегства он уронил мешок с золотом на

2.490 рублей. Смолянский и Пашковский повешены.

Варшава, 29-го августа. Вчера в военно-окружном суде разбиралось дело о мещанах Шае Губергрице, Абраме Шпальберге и Шае Рудницком. Признавая их виновными в покушении 2 августа в сообществе с другими не обнаруженными лицами на убийство околоточного надзирателя Никольского, суд приговорил Рудницкого к смертной казни через повешенье, Губергрица — к бессрочной каторге, а Шпальберга — к 20-ти годам каторги.

Рига, 26 августа. В центре города пристав Гордеев заметил группу из лиц, показавшихся ему подозрительными. Он приказал им поднять руки вверх, они пытались стрелять; тогда Гордеев убил выстрелом одного, ранил другого, задержано двое. У всех оказались браунинги.

Митава, 22 августа. Вооружённая берданками банда, явившаяся ночью к волостному старшине Вирцевской волости Митавского уезда, заставила его выдать ключи от денежного шкафа. Забрав 150 рублей и разбив царские портреты и икону, она удалилась. Задержаны три виновника: Якобсон, Зекке и Штрауман, в возрасте 21-24 года. Все они были преданы военному суду, который приговорил их к повешенью. Приговор будет приведён в исполнение на месте преступления в присутствии всей волости.

Керчь, 27 августа. На чердаке главной синагоги взорвалась бомба. Из находившихся на чердаке евреев — один убит, другой ранен. Обыском обнаружены ещё две бомбы, много пуль, браунинги и предметы снаряжения бомб.

Юзовка, 28 августа. В рудниках французской компании задержан бывший конторщик, случайно выронивший в шахте №1 бомбу, которая разорвалась.

Кострома, 30 августа. Забастовали рабочие — ткачи и белильщики Золотовской фабрики. Поводом послужили строгости по поводу чрезвычайных краж. Совершаемые на фабрике хищения постоянны. Например, сразу похищено полотна на 3.000 рублей. Хозяином обещано 200 рублей указчику виновного в краже. На других фабриках воровство также приняло небывалые размеры.

Режица, 30 августа. На днях возле имения Зосна Розентальской волости крестьянам стали раздавать прокламации. Местные крестьяне дали знать полиции, которая вместе со стражниками задержала агитатора. Последний при допросе показал, что прокламации дал ему молодой еврей, обещавший за это вознаградить его. Еврей жил на квартире у казённого лесничего и служил у него. При обыске квартиры найдено много револьверов, прокламаций и нелегальной литературы, а также печати различных социалистических организаций. Крестьянин и еврей арестованы.

Вильна, 30 августа. Вчера вечером на углу улиц Завальной и Жмудской из толпы евреев произведён выстрел в городового Станкевича. Последний ранен в спину; положение раненого серьёзно. Никто не задержан.

Павлоград, 30 августа. На днях на станции, «Панютино» грабитель пытался проникнуть в товарный вагон. В часового, пытавшегося его задержать, грабитель выстрелил из револьвера, но промахнулся; часовой заколол его штыком.

Белосток, 30 августа. Арестован анархист Ханкель Сандлер, подозреваемый в убийстве в Соколке урядника и в нападении в Крынках на почтово-телеграфную контору. Наравне с другими, ему подобными, Сандлер должен быть предан военно-полевому суду.

Варшава, 30 августа. Вчера вечером на Черняновской улице проходил прибывший из Пултуска подпоручик Огурцов; к нему подошли злоумышленники и застрелили его. Когда бывшая с ним дама стала кричать, нападавшие застрелили и её и скрылись.

Петербург, 30 августа. Сообщают, что осуждённая на смерть через повешенье, убийца генерала Мина, Коноплянникова, в ночь на 29 августа привезена была в Шлиссельбург, где приговор приведён в исполнение.

«Мирные» пропагандисты. I. Такими «мирными» пособниками нашей разбойной революции на юге России являются торговцы-евреи, плутующие на местах, в местечках и городах и промышляющие по деревенским ярмаркам и базарам. Как известно, не одна крупная, а и мелкая торговля на юге России

почти вся в руках евреев. Лучших пособников в деле распространения революционных прокламаций и брошюр среди народа активные деятели и вдохновители еврейской революции не могли и подыскать. Какой-нибудь гнусный Ицка или Сруль торгует ваксой, спичками и завёртывает покупки своим покупателям в прокламации. Кто может заподозрить «бедного еврея», зарабатывающего свой кусок хлеба «честною» торговлей? Особенно же стараются приказчики-евреи по скупке хлеба. Не брезгуют этой мирной пропагандой и более крупные торговцы-евреи на местах.

Житель деревни Константиновки Елизаветградского уезда рассказывает в «Никол. Газете», что одного знакомого ему крестьянина еврей-торговец в г. Вознесенске снабдил брошюркой и прокламацией с самой возмутительной ложью и против Царя, и против правительства. Мужичок, приехав домой, сжёг и брошюрку, и прокламацию.

Вот язва, с которой трудно бороться. Ведь «цестные» евреи под видом мирного заработка торговлей и промыслом могут в самое короткое время завалить жидовско-революционными прокламациями и брошюрами любую область!..

II. Для успеха нового «восстания» евреи рассчитывают на содействие крестьян и солдат. Так, например, в некоторых уездах Новгородской губернии замечается новая подготовка крестьянского движения.

Вместе с тем замечается усиленное вооружение крестьян революьверами. По словам самих крестьян, редко встречается изба, в которой не было бы револьвера. Это вооружение совершается главным образом старым «учёным» евреем, проживающим в Любани, бывшим агентом одной фабрики швейных машин. При покупке револьвера, он даром даёт 50 патронов. Его имя всем известно, однако, он ещё не арестован, а у крестьян не отобрано оружие.

Известны и вожаки этого революционного движения, между которыми находятся один арендатор и несколько студентов (один из последних застрелился в сумасшествии из-за бессилия «отомстить» за роспуск Думы). Конечно, и эти вожаки мирно проживают и действуют под охраной власти.

Либава, 25 августа. 18 августа по городу разнёсся слух, что вечером будут отправлены в Митаву в заседающий там военный суд революционеры, задержанные на Медвежьей улице. Ко времени отхода этапа на улицах около тюрьмы стала собираться толпа, принимавшая всё более угрожающее положение. Полицией были приняты особые меры предосторожности и вместо обыкновенного конвоя в тюрьму был командирован усиленный отряд городовых и воинская часть. Когда конвой остановился около тюрьмы, из толпы около дома Вольфберга на углу Садовой и Францевской улиц, а также из дома Цуглевского на Францевской улице, последовали выстрелы, но, к счастью, безрезультатные. Услышав выстрелы, караул забил тревогу и в самом скором времени на место выстрелов прибыли воинские части Венденского, Устьдвинского и Крепостного полков, которые оцепили окрестные дома и открыли усиленный огонь по тем из них, откуда послышались первые выстрелы. На выстрелы к тюрьме поспешил полицеймейстер барон Бер в сопровождении помощники пристава 3-го участка Бродницкого, околоточного надзирателя и патруля. На Господской улице в наряд полиции сделано было несколько выстрелов, коими ранен помощник пристава Бродницкий (пуля пролетела около головы, задев щёку и нос). Нападение было произведено около дома Ульмана, но места засады революционеров установить не удалось. Пальба продолжалась около полутора часа. Кроме настоящего сражения около тюрьмы и оживлённой перестрелки на Господской улице, единичные выстрелы производились также в разных местах старой Либавы. Пули летали около старой и новой гауптвахты, вблизи полицейского правления, на Старой Береговой и т.д. Хотя дознание ещё далеко не окончено, но можно предполагать, что эти отдельные выстрелы были произведены с целью отвлечения внимания полиции и войск от места настоящего сражения. При перестрелке около тюрьмы из полиции и войск никто не пострадал. Из частных лиц убито 4 и от ран умерло двое. Арестовано всего 32 мужчины и 29 женщин. В числе раненых — 3 мужчины и 1 женщина. Затем в городскую полицию доставлена уже из тюрьмы 18-летняя Цецилия Мачуляйтис с глубокой головной раной. При сборе воинских частей нечаянно ранен штыком один солдат, но жизни его опасность не угрожает. Около 12 час. ночи городовой, бляха №281, остановил проходивших мимо резерва 3 женщин и 2 молодых людей и стал их обыскивать. В это время один из мужчин выстрелил в городового, но пуля

пробила лишь фуражку, не ранив его. Дознанием установлено, что остановленные были: Исаак Эдельштейн и Иосиф Либерман, приезжие, причём оба они скрылись. Женщины же — Роза Гурвич, Клара и Анна Эдельштейн полицией задержаны. При них найдены разные брошюры и газеты. От залпов пострадали главным образом вышеуказанные дома Вольфберга, затем дом Цуглевского на Францевской улице, дом Девиднера на Пастбищной улице и дом Онгерского на Гороховой улице. Следы пуль видны в разных местах на Господской улице, в домах №22 и №25; в казначействе прострелена дверь.

19 августа, арестован малолетний рабочий завода Феникс, подозреваемый в производстве первого, сигнального, выстрела.

В еврейской засаде. Евреи в смысле массовых нападений свирепствуют, оказывается, не только в городах черты еврейской оседлости, где это «избранное племя» чувствует себя всевластным, но и в городах остальной части России, в том числе и городах далёкой Сибири.

Томский корреспондент «Голоса Самары» передаёт о таком случае, показывающем, до чего и в Томске еврейское племя зазналось.

Дело происходило на конских бегах на окраине города. Бега кончились. Казаки и полиция были распущены. На месте задержался дежурный пристав Чекстер. Какой-то силач-еврей Вениамин Дистлер стал приставать к публике. Он повредил некоторым лицам физиономии, у одного сорвал часы и вообще поднял такой кавардак, что публика просила пристава арестовать буяна. За отсутствием полицейских нижних чинов, Чекстер принужден был произвести арест единолично. Он велел подать тележку, в которой приехал, посадил в неё Дистлера и сел с ним рядом. В это время от ипподрома показалась толпа евреев в 3-4 десятка человек, крича «не выдавай своего, бей пристава!» Видя, что толпа готова исполнить намерение, пристав вынул револьвер и сказал, что, если толпа приблизится, он будет стрелять, но, очевидно, не имел духа привести намерение в исполнение и за это жестоко поплатился. Брат Вениамина, Исайя Дистлер, схватил Чекстера сзади за локти, кто-то сорвал у него шашку, и в тот же момент Вениамин Д. выхватил из его руки револьвер и направил дуло к нему. Чекстер, сделав усилие, вырвал левую руку, успел отклонить ствол в сторону и поплатился только частью пальца, оторванного пулей при выстреле. Обливаясь брызнувшей кровью, пристав выскочил из тележки и успел пробиться сквозь шайку евреев. Большинство оставшейся ещё интеллигентной публики уже в начале этой истории благоразумно ретировалось, кто куда мо г. У ворот ипподрома стояла лишь одна тележка с тремя лицами. Они с ужасом смотрели на происходившее и также помощи не оказывали.

Увидев, что пристав, наконец, выбился из круга, они закричали: «Идите, пристав, сюда, там вас убьют!» Пристав вскочил в тележку. Толпа евреев продолжала преследование. Вдогонку был сделан ещё выстрел. Вениамин Дистлер во время преследования встретил на дороге сторожа ипподрома и двумя ударами браунинга разбил ему лицо и опрокинул на землю. Лошадь с четырьмя седоками шла не бойко. Видя, что толпа нагоняет, и что спасителям придётся, пожалуй, разделить с ним горькую участь, пристав соскочил с тележки. По счастью, мимо ехал извозчик, который и увёз его от преследователей.

С отъездом пристава картина изменилась. На выстрелы и шум из ближайших улиц стал собираться народ. Слух о нападении на пристава быстро распространился через очевидцев происшествия. Народ бежал к ипподрому. Толпа евреев из преследователей обратилась в преследуемых и быстро рассеялась. Тем не менее, Дистлер, братья Энкины и ещё несколько евреев были схвачены и задержаны. Дистлер был бы, наверное, избит до полусмерти разгневанным народом, но в это самое время подъехал известный многим полковник Цевговский и уговорил не чинить самосуда. Дистлер же на коленях упрашивал не убивать его. Цевговский успокоил народ и заявил, что он сам отвезёт Дистлера в участок. Раздались протесты. Потребовали, чтоб Дистлер шёл пешком и конвоировали его до тех пор, пока вытребованный наряд полиции не встретил и не принял арестованного.

В этой картинке — вся гнусность еврейской натуры налицо. Пока их сила — готовы живьём растерзать человека, не принадлежащего к их воровскому кагалу, а как только приходится столкнуться с опасностью, на сцену появляется вся их рабская трусость и низкие мольбы о пощаде...

Варшава, 29 августа. На углу Белой и Огородной улице ранены из револьвера два постовых солдата тяжело и городовой легко. Злоумышленники скрылись.

Варшава, 28 августа. В Творковской лечебнице для душевнобольных, толпа вооружённых освободила политических Кожуховского и Сокульского.

Варшава, 29 августа. Ночью производились обыски во многих домах и на нескольких улицах. Утром обыски продолжались. Во многих пунктах города арестованы сотни беспаспортных и не имеющих определённых занятий. Большинство арестованных — евреи.

Седлец, 28 августа. 25 августа с 9 часов вечера революционеры на разных улицах начали стрелять в войсковую охрану. Те дома, из которых производились выстрелы, обстреливались войсками.

Варшава, 29 августа. Погром в Седлеце начался 26 августа. Говорят, что неизвестные выстрелили в часового и на извозчике умчались. Подоспевший солдат кинулся искать бежавших. Из домов послышались «революционные» выстрелы. В ответ раздалась ружейная пальба. Были вытребованы пушки, и 3 дома подверглись бомбардировке.

Седлец, 29 августа. 26 августа вечером в разных частях города началась по сигналу стрельба революционеров по патрулям и часовым. Войска обстреливали дома, в которых засели революционеры. Стрельба продолжалась до 28 августа. Убиты: солдат, лошадь и до 40 революционеров. Арестовано с оружием в руках 54 человека и подозреваемых до 500. Во время беспорядков в разных частях города возникли пожары. Спокойствие восстановлено. Пока насчитывают 100 убитых. Вчера вечером прекратилась стрельба, в город не пускают. Чувствуется недостаток в пище и воде.

Седлец, 28 августа. К полудню обстрел домов, в которых засели революционеры, прекратился. Некоторые дома на Пенкиной и Аллейной улицах были обстреляны из орудий. Начальник военной охраны города потребовал от представителей еврейства выдачи всех стрелявших бундистов. Масса арестованных. Число убитых и раненых определить невозможно. Торговля в городе совершенно прекратилась. Сейчас вновь обстреляли дом. Дерзость и предательство евреев превосходят всякое вероятие.

Брест-Литовск, 28 августа. В Седлеце убито около ста евреев. Множество магазинов на Варшавской улице разгромлено. С разрешения временного генерал-губернатора некоторых выпускают из города.

Расправа с бундистами. Судя по газетным известиям, в Седлеце войска принялись вплотную за бундистов. 26-го августа была открыта стрельба неизвестными в проходивший по Варшавской улице патруль. Войска тотчас открыли стрельбу залпами по всем домам этой улицы. Дружинники самообороны отстреливались.

Когда перестрелка кончилась, войска приступили к повальным обыскам всех еврейских кварталов.

К ночи пришли из Белы две батареи.

27-го августа с утра перестрелка возобновилась. Город был оцеплен, евреи не выпускались. Но около 200 семейств успели бежать. Вокзал был разобщён с городом, и в город никто не впускался.

К 11-ти часам ночи вспыхнули пожары, которые вскоре приняли стихийные размеры.

К вечеру выяснилось, что убито 40 евреев, много ранено, но точная цифра не установлена.

28-го августа подошли ещё два батальона пехоты.

Депутация от евреев с раввином во главе просила губернатора прекратить стрельбу. Губернатор согласился, если к пяти часам утра будут выданы революционеры. Но так как к назначенному сроку приказание исполнено не было, то войскам был отдан приказ стрелять из пушек, надо полагать, по тем домам, в которых укрывались бундисты. Три дома разрушены, многие пострадали. По определению частных корреспондентов, убито и ранено около пятисот человек.

В войсках, к счастью, потерь почти нет.

Разумеется, все наши крайние газеты поднимут крик, что войска так сурово расправлялись с бундистами. Но всякому терпению есть мера. Жаль, если в числе убитых и раненых окажутся

невинные жертвы, но чтобы их не было, евреи сами должны позаботиться о прекращении постоянных убийств солдат и полицейских агентов. Раввинам в первую голову следовало бы хорошо об этом подумать. Пора же и евреям понять, что русские люди, несмотря на всё своё благодушие, могут да и обязаны, наконец, вступиться за своих братьев.

«Русская Земля».

***

д). В некоторых случаях необходимость оправдывает и жестокие меры. Американцы в Сан-Франциско при несравненно менее серьёзных условиях, когда опасность грозила одному только имуществу граждан, расстреливали грабителей без суда.

***

«У вас, кажется, такой образ мыслей называется «чёрная сотня»? — заметил корреспонденту «Русской Земли» один выдающийся германец, — а у нас так смотрит на дело весь народ и вся армия, и вся печать, за ничтожными, может быть, исключениями. Не дай Бог, у нас возникло бы подобное. Ведь правительство, которое в тревоге не приняло бы самых крутых мер с самого начала и не перевешало бы первых же изменников в первые же 24 часа, как бы ни было велико их число, разумеется, было бы заклеймено всей печатью именем явно изменнического и никуда негодного».

Боже милостивый, кто бы ещё два года назад поверил, что в России можно будет безнаказанно говорить и писать такие вещи, за которые пришлось бы нести суровую ответственность в самых либеральных странах! А ведь теперь смешно сказать: В Россию спасаются революционеры из Швейцарии. Это — факт. Я сам видел письмо, адресованное из Цюриха одним русским революционером нашему с ним приятелю. Вот что пишет он с беспредельным негодованием:

«Швейцария, которая прикидывалась до сих пор свободной, не выдержала первого же испытания и ответила неслыханными и возмутительнейшими репрессиями на первую же попытку организовать здесь всеобщую забастовку. Полиция не только производила сплошные обыски и аресты, но жестоко избила несколько десятков «передовых» деятелей, а в Альбифиндене, когда наши изрядно потрепали полицию, ей на помощь вызвана была кавалерия, а затем и пехота. Раненых и изувеченных — целые сотни... Завтра выезжаю с Б. в Петербург или, по крайней мере, в Финляндию...»

Не смешно это? Не кажется сказкой? Единственное безопасное убежище революционера — Россия! Ха, ха, ха!..

Положим, это писано ещё до роспуска Думы, т.е. в те времена, когда революция в России имела ещё, так сказать, своё официальное представительство в защиту в лице учреждения, решительно и упорно препятствовавшего правительству бороться с крайними элементами.

И этот революционер из Цюриха, вероятно, ещё не знал, как Аладьин, осведомившись у своих приспешников, что роспуск Думы встречен в России спокойно, торжественно заявил в Лондоне, что он примет все меры против революции!..

«Русская Земля».

***

Невольно приходят на память исторические слова Герцена: «*Нельзя людей освобождать в наружной жизни больше, чем они освобождены внутри. Как ни странно, но опыт показывает, что народ легче выносит насильственное бремя рабства, чем дар излишней свободы*».

По-видимому, у нас это подтвердилось, как нигде.

е). Князь Кропоткин о конституции. Вот отзыв анархиста Кропоткина о конституции, в которой наши радикалы хотят видеть средство от всех зол и бедствий, терзающих наше отечество:

«Теперь начинают замечать, что конституция, от которой так много ждали, стала повсюду орудием интриги и личного обогащения, орудием противонародных стремлений. Подобно всем деспотам, народное представительство, пусть оно называется парламентом, конвентом или как-нибудь иначе, всё равно будет ли оно назначаться префектом Бонапарта или избираться с любой свободой каким-нибудь восставшим городом, оно всегда будет пытаться расширить пределы своей

власти, постоянно будет стремиться путём всякого рода вмешательства усилить свою власть и посредством законов вытеснить деятельность личности и общества.

Только благодаря почти сорокалетнему революционному движению, английский парламент обеспечил арендатору ценность сделанных им улучшений.

Но когда дело идёт о том, чтобы защитить интересы капиталистов, когда любое «народное представительство» — тут как тут, — тогда оно действует беспощаднее и трусливее любого деспота. Безымянный шестисотголовый зверь превзошёл Людовика XI и Иоанна IV. Конституция отвратительна для всякого, кто наблюдал её близко».

Необходимо заметить, что князь Кропоткин написал это гораздо раньше созыва «Государственной Думы» в России. Что же сказал бы он, если бы знал обо всем, что она содеяла?!.. А дабы не оставлять в тени того, что было скрыто «освободительной» печатью, но что бросает особенно яркий свет на достохвальные «подвиги» Думы, следует вернуться ещё раз к Белостоку. Для полного же уразумения факта надлежит предпослать мнение учёного, которого никто не заподозрит в «черносотенстве».

Как справедливо указал профессор В.И. Герье в своём открытом письме А.И. Гучкову, самому скользкому из вожаков «союза 17 октября», господствующей целью Думы был противный основным законам и самой идее законодательного учреждения, т.е. революционный захват правительственной власти.

Эту главную свою мысль профессор развивает следующим образом:

***

«Первая в России попытка применить к делу новую конституцию оказалась неудачной; это налагает на избирателей обязанность глубже вникнуть в вопрос, какими условиями это было вызвано, и разобраться в причинах, повлекших за собой столь печальный результат.

Главная причина неудачи несомненна. Она заключается в том, что Государственная Дума не захотела держаться в рамках, отведённых ей основными законами, а протянула руку к власти. Враждуя с министерством, господствовавшие в Государственной Думе партии настаивала на удалении его и на замене его министрами из среды членов Государственной Думы или угодных ей лиц, т.е. стремились соединить в своих руках законодательную и правительственную власть. Вспомним, например, слова одного из ораторов в заседании Государственной Думы 13 мая, обращённые к министрам: «Мы желаем быть хозяевами, распорядителями страны и требуем ответственного народного министерства, министерства из среды народных представителей; никакое другое министерство не может быть терпимо; или мы, или они!.. (Аплодисменты).

Можно сказать, что все требования Государственной Думы и все её законопроекты не столько имели в виду удовлетворение насущных интересов страны, сколько были тактическими средствами для достижения главного желания — устранить министерство и овладеть государственной властью.

Это стремление исходило у одних из революционного принципа народовластия, в силу которого верховная власть всецело принадлежит избранникам народа, принципа, неминуемо ведущего к республике. У других, более умеренных членов Государственной Думы, это стремление вытекало из теории, что в парламентских странах разногласия между министрами и господствующей в палатах партией должны непременно разрешаться отставкой министров. На самом деле это основание также ложно фактически, как и теоретически. Не во всех государствах с парламентами министерство обязано уходить при разногласии с папой; с другой стороны не все теории конституционного права признают указанные требования аксиомой. К тому же разве существует абсолютное конституционное право, обязательное для всех стран и времён? Разве политика в смысле управления государством есть отвлеченная теория, а не живое искусство, которое, как всякое искусство, должно исходить из действительности и сообразоваться с ней?

Но помимо теоретических и юридических оснований, стремления Государственной Думы захватить через посредство министерских портфелей правительственную власть должно быть признано роковой ошибкой по следующим практическим соображениям: наиболее многочисленная думская партия могла считать себя представительницей большинства Государственной Думы только при условии

поддержки её группами, решительно враждебными всякой конституционной монархии. Сама же она не обладала абсолютным большинством в Государственной Думе, то обнаружилось явно и весьма скоро, когда по важнейшему для себя вопросу она оказалась не в состоянии собрать в пользу предложенной меры абсолютного большинства.

Поэтому, даже со своей точки зрения, она не имела права на захват правительственной власти, не говоря уже о том, что ей удалось выйти из избирательной борьбы со значительным количеством голосов лишь благодаря выставленным в её программе обещаниям избирателям, которых на самом деле она не в состоянии была бы осуществить.

Но недостаточно указывать в прошлом ошибочность партийной политики, стремившейся к присвоению власти и притом в таких необычных, несовместимых с парламентской жизнью формах. Важнее иметь в виду эту ошибку для избежания подобных ошибок в будущем. **Насколько Россия представляет собой самобытные, отличающие её от Западной Европы, формы, настолько она должна избегать в своих политических учреждениях рабского подражания какому-либо из сложившихся на Западе, по местным условиям, политических типов. Россия по своей исторической формации и преданиям, по своей географической обширности и по своему этнографическому составу, включая в себе народности ей враждебные и народности мало культурные, нуждается в последовательной, твёрдой внутренней политике, независимой от речей случайных ораторов, от сделок в «кулуарах», от случайного блока партий; тем более в настоящее время, когда страна глубоко взволнована не столько политическими идеями, сколько социальными интересами, когда сотни тысяч людей пользуются нравственным расслаблением общества для дикого разбоя, когда сотни интеллигентных людей одержимы эпидемической манией, напоминающей самые тёмные изуверства религиозного сектантства, манией, проявляющейся в человеческих жертвоприношениях перед кумиром и в диком, мученическом самоистреблении.**

При таких условиях всякое партийное правительство только ухудшило бы дело; в руках крайних партий оно повело бы даже невольно к поощрению иллюзии, к ещё большему разгару страстей и содействовало бы всеобщему разложению. В руках же искренних либералов оно оказалось бы бессильным или впало бы в противоречие со своими принципами.

Это не значит, что правительство не должно призывать в свой совет и в управление либеральных людей, облечённых доверием общества; это не значит, что такие лица должны отказываться от участия в управлении страной и посильного на него влияния, но это значит, что надо отделаться от заблуждения, будто Россия заживёт только тогда конституционной жизнью, когда портфели министерств будут распределяться в кулуарах Государственной Думы и во главе самой многочисленной армии на свете может оказаться, как во Французской республике, думский оратор. Поэтому нельзя не сочувствовать тому, что в прекрасном воззвании, разосланном вами, на видном месте поставлено единение Монарха с народом. Но это выражение не должно быть лишь украшением речи, нет, оно должно иметь определённый и реальный смысл и служит основанием для избирательной компании. Оно должно быть на самом деле отличительной чертой союза 17-го октября, межой, отграничивающей его от партий, ещё не сбросивших с себя своей революционной скорлупы. Союз 17 октября не должен смущаться, если его ещё раз захлестнёт избирательная волна, если он не будет обладать в новой Думе большинством голосов. Но каково бы ни было число его членов в новой Думе, они должны сильнее и яснее поддерживать в ней либеральный принцип, в основании которого лежит умение различать свободу от своевластия, они должны воздерживаться от всякой сделки, последствием которой может быть замена старого порядка самодержавием и тиранией властолюбивой партии.

Для политического воспитания русского народа было сделано очень мало при старом порядке; при новом же порядке, напротив, сделано много, чтобы сбить его с толку...»

***

Вдумавшись в изложенное, припомним, что центром тяжести всего, чем опозорила Россию Дума, является невероятный по дерзости и бесстыдству скандал, который она устроила правительственной

власти и армии по поводу того, что иудейские её коноводы называли «белостокским погромом евреев».

И они хорошо понимали, что делали!..

Доказательств не занимать стать. Но есть одно, против которого сам кагал ровно ничего возразить не может. Мы говорим о покушении на убийство корреспондента «Московских Ведомостей» Л.В. Геника, только благодаря случайности не окончившееся его убийством. Сыны Иуды заранее приняли меры к тому, чтобы и судебная власть не могла раскрыть всей истины в Белостоке. Из закоренелой среды евреев никаких сведений и ни одного правдивого свидетеля добыть, разумеется, невозможно. Что же касается местного христианского, особенно православного, населения, то оно терроризировано кагалом в такой степени, что не решается и на самозащиту, свидетели же и очевидцы, рискнувшие показывать о злодеяниях «бундистов», уже получили смертные приговоры... Стоит кому-нибудь подтвердить своё показание на суде, и его дни сочтены... Да и что, в самом деле, могли бы предпринять каких-нибудь 8.000 русских, почти исключительно пришлого из разных мест рабочего люда, против 20.000 поляков и 85.000 обнаглевших евреев, располагающих не менее, чем 5.000 «чёрных рубашек», вооружённых револьверами и бомбами?.. Ведь Белосток — один из опаснейших притонов «Бунда».

Остаётся печать. Но разве она в свою очередь не принадлежит еврейству и не служит ему цитаделью?!.. Не на революционной ли прессе воспитываются в Белостоке сознательные пролетарии, даже из русских. Ведь «черносотенные» газеты изгнаны оттуда совершенно, а разносчики не смеют продавать и «Новое Время», которое, если можно бывает найти, то лишь на вокзале.

Но вот приезжает Л.В. Геника. Если кое-кто из доведённых до отчаяния христиан и соглашался давать сведения, то ради спасения своей жизни умолял не называть его. Тем не менее, Геника собрал достаточные данные и вслед за докладами Щепкина и Якубсона, равно как и за «речью» Аранцева, отправил следующую телеграмму: «Петербург. Государственная Дума. Председателю Муромцеву. Доклад думской комиссии по белостокскому делу неверен. Умолчание о несомненных вооружённых действиях революционеров не служит к чести комиссии и бросает ложный свет на всё дело. Лишь другое, беспристрастное и всестороннее расследование на месте даст верную картину и правильное мерило для оценки событий. Дворянин Леонид Владимирович Геника».

Нужно ли говорить, что эта телеграмма не была доложена в Думе? И, наоборот, возможно ли усомниться, что кагал иначе известил автора о её получении?..

Действительно, не прошло и 3-4 дней, как «чёрные рубашки» уже дали своим единоплеменникам спектакль, который мог бы, пожалуй, удостоиться Коллизея, если бы в нём было искариотства поменьше.

Развиваемый наследственно и подстрекаемый систематически, особенно в Пуриме, иудейский фанатизм выражается не только в том, что, как доказано фактами, среди бомбометателей и убийц браунингами из-за угла нередко, встречаются евреи-подростки, но и вообще дети евреев участвуют в мятеже, выслеживая кагальные жертвы и помогая старшим другими способами по мере сил. Una salus victis nullam spe-rare salutem!

В данном случае евреи обоих полов и всех возрастов собрались на одной стороне Тикоцкой улицы, у Немецкой гостиницы, в которой остановился Геника, дожидаясь его выхода; затем, как только чуждый мысли о таком предательстве, он перешёл на противоположную сторону, где не было никого, девочка-еврейка лет 10-12 замоталась впереди и вынудила его замедлить шаг... В этот же момент сведущей в анатомии и опытной в стрельбе рукой были сделаны, конечно сзади, одни за другим три выстрела из браунинга в верхнюю часть левой руки, в подключичную и в сонную артерию. Но второй выстрел попал не в артерию, а в рядом идущую вену, третий же только задел челюсть, потому что Геника успел увернуться.

Если бы не два конвойных, случайно оказавшихся поблизости и не четыре конных казака с ружьями, внезапно показавшихся из-за угла и заставивших бундистов поостеречься, то Геника был бы, несомненно, убит. Это явствует из неоднократных попыток бундистов вновь посягнуть на его жизнь,

как в саду, так и во дворе за время его двухмесячного лечения в больнице. Лишь постоянное дежурство двух городовых с ружьями, поставленных на его защиту, а затем меры, принятые военным начальством при его отъезде из Белостока, спасли Геника от смерти по приказу кагала.

Для чего бы это нужно было, если Щепкин, Якубсон, Арканцев et tutti quanti говорили в Думе правду?!..

А если сыны Иуды признали убийство Геника необходимым, то как смотреть на «белостокский» скандал, проделанный Думой со столь «благородным» негодованием? Как назвать клевету Якубсона?

Как, наконец, понимать в беседе А.И. Гучкова с корреспондентом «Нового Времени» такую фразу: «нельзя, ведь, отрицать, что роспуск Государственной Думы был вызовом не только революционным элементам, но и обществу вообще?» Nec Deus intersit, nisi dignus vindice nodus.

Грабежи, разбои и убийства всё увеличивались, а Дума не смела, да и не желала выразить им хотя бы платоническое порицание. Наоборот, требуя освобождения всех уже пойманных преступников, она этим сознательно ободряла их и подстрекала на новые злодеяния.

Куски человеческого мяса, которыми были наполнены целые бочки в Севастополе и кровавое зарево усадеб, разграбленных по реке Битюгу Воронежской губернии — монументы, себе самим воздвигнутые «народными избранниками». Среди этих «лучших людей» были и члены «союза 17 октября». Протестовали ли они?

Нет, никогда!..

ж). Что характер событий в Белостоке, память которых Дума почтила вставанием, «как один человек», не было случайностью, это удостоверяется повальным предательством «русской» революции, равно как и всем, что нам известно о самом её происхождении, а в частности, тем, что было учинено «избранным народом» в г. Седлеце. Solemque suum sua sidera norunt.

Хотя это положение достаточно иллюминировано предыдущим, однако, беспримерность переживаемых Россией испытаний и вероломства её врагов требуют такого освещения, при котором никакой спор был бы уже немыслим.

Посему не мешает вновь перейти к действительности.

Infandum, regina, jubes renovare dolorem!

***

Виттевские любимцы. Страшной болью в сердце отзываются жалобы одного рабочего, который повествует о невыносимом положении русских людей в русской Сибири. Личное горе и неудача, конечно, могли вызвать его и на преувеличения, но, в общем, жалоба справедлива.

«Будучи в Сибири, я думал найти там хорошую службу. Оказалось, что Сибирь по названию русская, а в сущности — вторая Польша. Русскому там нет хода! Все главные должности, начиная от дорожного мастера, ещё по мерам, принятым Витте, замещены поляками; вся сибирская железная дорога в руках поляков и жидов! Русских на службу не принимают.

В осень 1905 года, когда сбитые рабочие ходили в Петербурге и Москве по улицам и выражали не свои, а чужие вздоры подстрекателей по поводу военного положения в Польше, в то самое время в Сибири везде и всюду гнали русских рабочих, а взамен их везли вагонами рабочих из Варшавы — поляков и заставляли нас давать деньги в пользу безработных поляков же в Варшаве, а когда я и несколько наших получили разрешение от губернатора собрать что-нибудь в пользу нуждающихся русских рабочих, то польское железнодорожное начальство выгнало нас со службы. Защиты искать было негде.

В России этого не знали и не знают. Сибирская железная дорога сейчас заполнена поляками и жидами, не знают и того, что на Китайской Восточной железной дороге самый плохой слесарь из поляков получает 3 руб. 50 коп. — 4 руб. 50 коп. в день, а русский, хотя бы он звезды с неба хватал, не получает там никакого места.

Велика Россия, а заработать кусок хлеба нельзя в иных местах, потому что русскому нет хода. В Сибири заедают поляки, в России жиды и свои подстрекатели, а про Польшу, Кавказ и Финляндию и

говорить не стоит.

Между тем русские рабочие в угоду угнетающим их жидам и мерзавцам-бунтарям разрушают вековые устои страны, голодают сами и заставляют голодать свои семьи. Неужели ещё долго продлится ослепление? Неужели ещё не открылись у них глаза?..»

Гродна. Кассир брестской городской управы Гржегоржевский, заменив по подложным документам бывший в казначействе денежный ящик управы, в котором было до 135.000 рублей наличными деньгами и процентными бумагами, скрылся.

Варшава. На Товарной улице при проезде сотни казаков неизвестный стрелял в них из револьвера из дома №28. Казаки ответили залпом и задержали стрелявшего во дворе дома.

За три месяца во славу революции убито в Варшаве 45 городовых, жандармов и солдат и ранено 55. Винных лавок ограблено 98.

Киев, 1-го сентября. Вечером в подъезде дома на Малой Васильковской улице за отказ одного из квартирантов дать деньги анархистам брошена бомба. Никто не пострадал. Бросившие бомбу скрылись.

Ещё кровь. Господа террористы не брезгают никакой жертвой. Для них в смерти все равны. По словам «Крым. Вестн.», 21 августа пятью выстрелами из револьвера убит среди семьи кондуктор флота Филиппов. Покойный отличился при усмирении мятежа на крейсере «Память Меркурия», а матрос из «сознательных» поспешил его убить. Убийца, как и следовало ожидать, скрылся.

Личность убийцы Мюллера. Лозанна, 1-го (14-го) сентября. Полиция установила личность женщины, убившей в Интерлакене г. Мюллера, предъявив её фотографию некоторым здешним коммерсантам, которые узнали в ней бывшую здешнюю студентку Татьяну Леонтьеву, уроженку Петербурга. Летом 1903 г. и зимой 1903 и 1904 гг. она числилась студенткой медицинского факультета Лозаннского университета. Сообщают, что Леонтьева уже год тому назад была замешена в одном политическом деле. Она разносила бомбы злодеям.

Владивосток, 2 сентября. Несколько человек, войдя в отделение Сибирского банка, с криком «руки вверх!» забрали кассу и скрылись.

Владивосток, 2 сентября. В Сибирский банк с целью ограбления явились 4 злоумышленника, все грузины. Операции банка приближались к концу, и в 2 часа дня из публики была только одна дама; двое направились к кассе, взяли 31 тысячу и ушли. В 4 часа на улице задержан грузин, доставлен в банк. Он опознан служащими, хотя отрицает своё участие.

Женева, 2 сентября. Полиция арестовала трёх лиц: Георгия Иллионовича, Кересолидзе и Нестера Магалова, выдачи которых требует русское посольство в Берне. Своё требование посольство мотивирует тем, что названные лица произвели совершенную в Душете 30 марта кражу на сумму 315.000 рублей.

Иркутск, 1-го сентября. Вчера в 2 часа дня в помещение Общества взаимного кредита в центре города вошли 4 вооружённых кавказца с целью захвата денег. Служащие оказали сопротивление. Один злоумышленник задержан в помещении, другой на улице. Остальные скрылись.

Ростов-на-Дону. Задержаны студенты технического училища Рагозич и мещанин Ветлугин, стрелявшие в полицию при задержании их с браунингами, патронами и прокламациями. Они участвовали в нападении на городовых в Варшаве, в ограблении Московского взаимного кредита и ограблении на 200 тысяч чиновника ростовского казначейства. Задержано 27 революционеров-максималистов.

Вести из Костромы. «Костромской Вестник» передаёт о том, что 18 августа в тюрьму под усиленным эскортом стражников доставлены четверо молодых людей; трое — бывшие реалисты: Тальберг, Юнгмейстер и Крылов. Арестованы они в квартире Тальберга, жившего у г-жи Г. Говорят, что арестованные подозреваются в ограблении и убийстве кассира в Наволоках. Фамилия четвёртого неизвестна.

Орёл. (Оффиц. кор.). Из 14 лиц, арестованных прошлой ночью, 9 подростков в возрасте до 17 лет по

установлении личности выпущены. Задержаны студент-еврей, 2 акушерки-еврейки, чиновники банка и один мещанин без определённых занятий. На квартире этих лиц отобраны прокламации, предназначенные для распространения.

Развратители. На этих днях полиция открыла две тайных фабрики печатающие картины, альбомы и открытые письма с голыми женскими изображениями. При обыске забрана масса этого подлого «товара», клише, рисунки и проч. Дело направлено в суд. С.-Петербургский градоначальник наложил на развратителей денежные штрафы в 1.500 и 500 руб. Но вред, который они приносят, учесть деньгами невозможно.

Триумфальный въезд разбойника в Елизаветополь. Газета «Правда» описывает официальное чествование в Елизаветополе только что амнистированного разбойника Дали-Али. Разбойник находился несколько лет в бегах и обвинялся во множестве преступлений. По словам газеты, за малейшее из них он подлежал каторжным работам.

Дали-Али въехал в город утром в фаэтоне вместе с кн. Голицыным (брать бывш. главноначальствующего на Кавказе). Экипаж, окружённый эскортом из местных мусульман, направился к квартире генерал-губернатора, где к этому времени собрались беки, горожане, именитое купечество и свободные от занятий чиновники. После приёма у генерал-губернатора Дали-Али чествовали на улице, где князь Голицын говорил речь народу, в которой назвал Дали-Али честным и хорошим человеком и народным героем. Затем — завтрак в гостинице с шампанским, после которого Дали-Али снова посетил генерал-губернатора.

Судя по столь пышному приёму, Дали-Али, вероятно, принц крови, путешествующий инкогнито, под именем страшного разбойника.

Митава. Сегодня захвачена рижской полицией революционная канцелярия и шесть бывших там членов федеративного комитета. Среди бумаг найдено адресованное лифляндскому губернатору подлинное секретное отношение самарского губернатора об одном революционере, недавно застреленном во время ограбления банка. Нахождение здесь этого документа может быть объяснено лишь нарушением служебного долга почтовыми чиновниками, во время забастовки передававшими официальные бумаги революционерам. Найдены также 150 бланков студенческих билетов на жительство, выдаваемых университетами, много паспортных бланков, прошения разных лиц о приёме их в члены боевой организации, списки кличек «работающих» в разных местах края революционеров и прочие бумаги, дающие в руки сыскной власти важные нити. В Либаве обнаружено гнездо, изготовляющее угрожающие письма с требованиями именем революции денег по тысяче и более рублей, вероятно, и уплачивавшихся, ибо установлено, что мошенники вели широкую жизнь, не отказывая себе в удовольствиях за счёт одураченных толстосумов.

Социал-демократ — псалмопевец. Некоторые духовные органы защищают идею участия духовенства в политической жизни страны. Недурную иллюстрацию к этому приводит «Колокол».

В 1903 г. псаломщик соборной церкви в городе Херсоне Б. Гусаренко за участие в социал-демократической рабочей партии был устранён от должности. В 1905 г. он получил место псаломщика в селе Ново-Владимировке Херсонского уезда. По прибытии на место он принялся вновь за пропаганду и вскоре основал местный отдел всероссийского крестьянского союза, вербуя в члены его 18-летних крестьянских парней. От такой деятельности Гусаренко тихое село Ново-Владимировка скоро превратилось в гнездо беспорядков. Брожение усилилось после 17 октября, когда в село прибыл еврей. О деятельности Гусаренко местный священник о. Н.К. донёс начальству, и тот был арестован. После этого жизнь для священника в Ново-Владимировке стала невыносимой. Созданный Гусаренко кружок хотел устроить церковную забастовку, а когда это не удалось, стал досаждать священнику письмами и ругательствами. Наконец, решено было в честь отъезжающего в ссылку Гусаренко убить священника. И вот 20 июля, в день свадьбы дочери священника, ночью тремя крестьянами в его дом была брошена бомба. Бомба не разорвалась и вреда никому не причинила.

Елисаветополь. 2 сентября. В типографии Исакова из запертого помещения похищены две скоропечатные машины со всеми принадлежностями.

Ашхабад, 2 сентября. На станции «Мерв» по прибытии почтового поезда у двух армян обнаружено в мешках 1.500 боевых патронов. Один задержан, другой скрылся.

Трусость выдала. В Екатеринославле, по словам «Русской Речи», произошёл на днях курьёз на почве «освободительного» движения. Многие из евреев и юдофильствующих русских в конце прошлого месяца получили угрожающие письма от какого-то комитета народной расправы. Один из получивших, присяжный поверенный А-ов, обратился к властям с просьбой о принятии мер к защите его личности, на что получил ответ, что администрация одинаково преследует красных и чёрных террористов. Спустя некоторое время, г. А-ов получает по почте из Петербурга посылку весом пуд с 1/4 и, подозревая в этой посылке бомбу, посылаемую черносотенниками, обратился к полиции с просьбой получить посылку и вскрыть её. Полицейские власти обратились к военному ведомству, которое вскрыло в присутствии полиции посылку, но там оказалась не адская машина, а тюк выборгского манифеста распущенной Думы и письма петербургского врача, приятеля г. А-ва. В письме этот автор просит распространять в публике посылаемый манифест. Против врача возбуждается преследование по ст. 129 за распространение нелегальной литературы.

Изобличение. «Речь» в №148 отрицает, чтобы покушения революционеров простирались на выразителей идей, мысли и слова, а в частности, сомневается в достоверности убийства пастора Циммермана и его жены за обличение первым революционеров в проповедях. Пусть «Речь» прочтёт обязательное постановление центрального комитета латышской социал-демократической рабочей партии, где в пункте четвёртом говориться следующее: «Пасторы, по приказу консистории порицавшие павших борцов, должны быть застрелены». Постановление это распространено в крае и оглашено местной печатью. Возражений никаких не последовало. Угрозу убийства получил уже заместивший Циммермана пастор Марниц. Независимо от этого, в каждом номере латышской подпольной газеты публикуются длинные списки лиц, не стоящих ни у какой власти, но подлежащих умерщвлению лишь за их враждебный революции образ мыслей. Таких лиц убито в Лифляндии и Курляндии за последний год, по непреложно установленным данным, более двухсот, и палачество это продолжается и по сей день.

«Русская Земля».

Поимка евреев с бомбами. По словам кишинёвской газеты «Друг», заведующему розыскной частью Бессарабского губернского жандармского управления стало известным, что в Кишинёв выехали члены «московской летучей террористической организации» с бомбами. Установлен был бдительный надзор, в результате которого удалось определить, что злодеи прибывают с утренним поездом 24-го августа. Последние, однако, опасаясь прибыть прямым путём, проследовали далее в Калараш, но, по распоряжению заведующего розыскной частью штаб-офицера, переодетые агенты жандармской полиции последовали в поезде вместе с ними в Калараш и там арестовали злодеев, оказавшихся евреями. При них найдены адские машины и бомбы большой разрушительной силы.

Кадетские желания в переводе на простой язык. «Чего добиваются бомбометатели? — задаются вопросом «Рижские Вести», — истребляющие первых попавшихся прохожих или проезжих? Что хотят доказать палачи, убивающие служителей алтаря за слова правды, сказанные с церковной кафедры?». И приняв в расчет всё то, что пишется в радикальной левой печати, газета приходит к выводу, что мудрые советчики из кадетского или социал-демократического лагеря полагают, будто террористы укажут (или скорее прикажут) избирателям послать в Государственную Думу тех же господ Родичева, Винавера, Аладьина, Рамишвили и т.п.

Но великолепные тогда у нас будут законодатели! От них можно будет ожидать не более двух лаконичных законов: 1) социально-экономическая часть: «Всё твоё — моё, а моё — тоже моё»; 2) общеполитическая: «Делай то, чего моя левая нога хочет»...

«Думу, скорее Думу, во имя безмерной благодати неба и дьявольской злобы ада, сию минуту собирайте Думу» — раздаются с их страниц ежедневно истеричные вопли; — иначе — гибель всей России, конец всему миру, ибо пожар из России перекинется на материки всего света!»...

Рижская газета переводит, далее, эти взвизгивания на общепонятный, простой язык, и действительный

смысл воплей получается такой:

«Мы попали в Государственную Думу из-за обещаний устроить в России пролетарско-коммунистическую республику. Ни власти, ни народ нас не поддержали. Теперь одна надежда — на террористов. Но им становится трудно работать под угрозой штыков и пулемётов. Будьте поэтому любезны и снимите все усиленные охраны. Террористы натешатся над беззащитным обществом, уничтожат тень власти, закона и порядка, а тогда позовут нас создавать на развалинах России и над грудой человеческих костей новое царство по принципам социально-коммунистического равенства. Но мы околпачим или укротим народной милицией своих чернорабочих друзей, подтолкнувших нас на вершину власти, а затем устроим обыкновенную мещанскую конституции».

Naturam expelles furca, lamen usque reccurret!..

Крестьянин — член Государственной Думы о выборгском воззвании. Как относятся к выборгскому воззванию серьёзные и вдумчивые крестьяне видно из письма бывшего члена Думы, крестьянина Г.Ф. Филиппова, в ответ члену Думы Волковичу, сказавшему сотруднику «Витебского Голоса», что, сочувствуя выборгскому воззванию, Филиппов не подписал его из-за боязни последствий. Письмо г. Филиппова напечатано в «Крым. Слове».

«Я, — пишет Г.Ф. Филиппов, — выборгскому воззванию не сочувствовал и нахожу его незаконным, а потому его не подписал. Г. Волкович настаивал, чтобы я подписал. Я считал себя уполномоченным от народа работать на пользу своих соотечественников, лишь пока я был членом Думы, а не проявлять действий к возмущению народа, к чему ведёт выборгское воззвание. Я вполне это сознавал и отклонил предложение Волковича. Советую однообщественникам отнестись к новым выборам спокойнее, серьёзнее и сознательнее и употребить все усилия, чтобы в новый состав Думы попали люди, действительно любящие своё отечество и способные разумно трудиться на благо родины.

Москва, 1-го сентября, в 8 ч. веч. в помещении реального училища Мазинга состоялось учредительное собрание клуба конституционно-демократической партии, на котором, между прочим, Левин сделал доклад относительно его возникновения и тех целей, которые он будет преследовать — содействовать сближению членов «к.-д.» партии на почве обсуждения политических вопросов, тем бесед, чтений, рефератов и т.д.

Царское спасибо. В приказе войскам варшавского военного округа от 19-го августа 1906 года объявлено:

«2-го августа в караульное помещение при 3-ем полицейском участке города Лодзи, занимаемое караулом от 40-го пехотного Колыванского полка, неизвестными злоумышленниками были брошены три бомбы, осколками которых были ранены 5 человек нижних чинов упомянутого полка, причём старший унтер-офицер Везовецкий и рядовой Рябов, несмотря на полученные поранения головы, остались в строю, продолжая совместно с остальными чинами караула нести караульную службу.

На всеподданнейшем рапорте временно командующего 40 пехотным Колыванским полком об этом поступке унтер-офицера Везовецкого и рядового Рябова Государь Император Собственноручно изволил начертать:

«Молодцы, спасибо».

Объявляя войскам вверенного мне округа о таковой Всемилостивейшей резолюции, выражаю искреннюю признательность начальствующим лицам, сумевшим воспитать в духе преданности долгу, службы и присяге молодцов Везовецкого и Рябова.

Приказ этот предписываю прочесть во всех ротах, эскадронах, сотнях, батареях и командах».

Подписал: командующий войсками генерал-адъютант Скалон.

Памяти Г.А. Мина. В декабре прошлого года, когда в сердце России, Москве, вспыхнули серьёзные уличные беспорядки, а малочисленный гарнизон едва успевал охранять некоторые главнейшие пункты города, кажущаяся безнаказанность революционеров, захвативших к тому же головной участок Казанской железной дороги, угрожала опасностью всему отечеству. Тогда в подкрепление гарнизона было двинуто два полка, в том числе — Семёновский.

Необходимо было действовать решительно, как на войне, и главная задача подавления мятежа на Пресне была возложена на командира Семёновского полка Г.А. Мина.

В те дни общей растерянности, трусости и предательства нужен был именно такой человек — твёрдый и мужественный, который бы показал растерявшемуся населению, что правительство ещё обладает огромным запасом власти и силы.

В один день пресненская революция обратилась в мыльный пузырь, огромное большинство московского населения, находившееся в страхе и ужасе, вздохнуло спокойно и смотрело на Мина с его семёновцами, как на избавителей от баррикадных героев.

Но не так смотрели на них революционеры. Решительные действия семёновцев совершенно расстроили грандиозный план общего восстания, так хорошо, казалось, начавшегося в Москве, и повторить которое уже не было возможности. Кроме того, разгром Пресни ясно показал, что регулярные войска, предводительствуемые смелым и мужественным начальником, легко справляются с мятежом, и что баррикады не служат надёжным укреплением. Затем надежда, что войска поднимут приклады вверх, не оправдалась; они повсюду, за ничтожными исключениями, остались верны долгу и присяге и, по приказу Москвы, мятеж был подавлен повсюду в России.

Этого примера революционеры не могли простить Мину. Не погибшие на Пресне дружинники были причиной их мести (они не обладали для этого надлежащей чувствительностью), а именно указанные обстоятельства.

Ещё задолго до убийства Г.А. Мин подвергся жестокой травле дрянных листков с красными картинками, которые продавались на всех улицах во время «либерального» управления нашего первого премьера. После же московского бунта травля на Мина усилилась и была поддержана некоторыми большими революционными газетами, которые старались доказать, что никакого мятежа, в сущности говоря, не было, и что войска стреляли в беззащитных людей, при этом Мин обрисовался кровожадным злодеем, позволявшим бить и убивать невинных людей.

Между тем, все, кто знал Мина, памятуют, что это был честный служака, такой же образцовый командир, как и семьянин, очень религиозный человек и беспрекословный, неуклонный исполнитель своего долга. Вся жизнь его и интересы были в полку, в котором он сам начал службу вольноопределяющимся, т.е. нижним чином. Он искренно любил солдат и отечески заботился не только о материальной их обстановке, но и об их нравственном воспитании, входил во все их нужды и за это солдаты его обожали и готовы были идти с ним в огонь и в воду.

Отправляясь в Москву, Г. А. Мин твёрдо верил и сумел внушить это подчинённым, что семёновцы вызваны туда не для того, чтобы гладить по головкам, а для того, чтобы остановить опасный мятеж. Это было тяжёлое поручение, но по долгу службы и присяги он обязан был его исполнить, не рассуждая, и в точности исполнил, не боясь ответственности перед революционерами.

Храбрые люди опасны для революции, в особенности, когда судьба толкает их на открытую борьбу с ними, поэтому революционеры и приговорили его к смерти.

Продолжительная газетная травля, ведённая на Мина, должна была выставить его в глазах общества не тем, чем он был, и подготовить общественное мнение к его убийству.

Но революционеры ошиблись. Предательское убийство не только глубоко опечалило, но и возмутило всю армию. Огромное число телеграмм, полученных вдовой покойного и Семёновским полком от разных войсковых частей, ярко свидетельствует о впечатлении, произведённом на весь военный мир убийством этого мужественного и твёрдого человека.

«Новое Время».

К погрому в Седлеце. Одному из специальных корреспондентов, командированных редакциями польских газет в Седлеце, сотруднику газеты «Золотой Рог», удалось получить некоторые сведения от местного помощника полицеймейстера. «Варш. Дн.» приводит выдержки из этой беседы.

«Седлец, — заявил помощнику полицеймейстера, — является одним из опаснейших революционных гнёзд. Менее, чем в год, здесь убили двух полицеймейстеров, президента города, несколько

стражников и жандармов. Ещё недавно, 8 августа, взрывом бомбы убит полицеймейстер Гольцов. В прошлую субботу вечером революционеры произвели одновременно три покушения на часовых: на Пивной улице, у главной гауптвахты и у ратуши. В виду этого управление городом было передано гражданской властью начальнику воинской охраны полковнику драгунского полка Тихановскому, который приказал драгунам оцепить город кордоном, а затем выслал пехотные части для борьбы с революционерами; последние стреляли сверху, через слуховые окна. Стрельба продолжалась непрерывно до 8 часов утра. После ружейного обстреливания производились осмотры и обыски домов. В виду того, что в некоторых случаях стрелявшие прятались в лавки, последние открывались. Революционеры предполагали, что такой тактикой они доведут войска до изнеможения. Действительно, приближалась минута, когда план их удался бы, так как солдаты были на ногах уже почти 20 часов. Но пришло подкрепление с гор. Белы, и вновь прибывшие заменили обессиленных товарищей».

Подавление мятежа «Бунда». «Правительственный Вестник» сообщает, что в гор. Седлеце 26-го августа вечером революционеры открыли стрельбу по гауптвахте, по караулу при полицейском управлении и в разных частях города по патрулям. Начальник охраны Седлеца вызвал по тревоге войска, окружив ими город, рассыпал по городу разъезды и приступил к обыску в тех домах, из которых стреляли. В это время на нескольких улицах еврейского квартала был открыт по разъездам огонь из многих домов, которые тотчас же были подвергнуты обстрелу залпами, и такая перестрелка продолжалась 26-го августа беспрерывно. Вследствие этого и в виду отказа населения выдать виновных, по домам, из которых не прекращалась стрельба, был открыт артиллерийский огонь, причём орудийными выстрелами пробито семь домов. Со стороны революционеров убито около 40 человек; число раненых пока не установлено. Арестовано около 200 евреев. С 5 часов дня 28-го августа в гор. Седлеце наступило спокойствие.

К событиям в Седлеце. «Специальные» корреспонденты еврейских и еврействующих газет, излагая события в Седлеце, берут исключительно одну сторону — действия и распоряжения местных представителей власти. Из всех их извращённых и лживых писаний получается такой вывод: губернатор по какому-то капризному, дурному настроению, без всякой видимой причины вдруг отдал приказ громить и расстреливать дома «мирных» граждан, а их самих убивать и грабить. Получается, словом, какая-то дикая, кровожадная нероновщина. Настоящие же причины событий совершенно замалчиваются.

Между тем, точно так же, как и в Белостоке, и здесь мы имеем причиной поведение самих евреев, подло и гнусно расстреливающих русских людей и представителей власти. Бундисты съехались из разных мест.

8-го августа в Седлеце бомбой, брошенной евреем, убит местный полицеймейстер капитан Гольцов. С ним вместе убито ещё 10 душ и много пострадало ранеными. Одновременно со взрывом бомбы началась револьверная стрельба из 4-х еврейских домов. Пришлось тогда же прибегнуть к помощи войск, чтобы остановить стрельбу евреев. Причём несколько десятков из них было арестовано. Теперь, по сообщению корреспондента «Варшав. Дн.», выясняется, что о готовившемся убийстве полицеймейстера всему местному еврейскому обществу было известно заблаговременно, во всех мельчайших подробностях, и со стороны этого общества приняты были все меры, чтобы при взрыве никто не пострадал из своих или из еврействующих русских.

Понятно, что подобного рода открытие не могло расположить мирное русское население, как равно администрацию и войска, в пользу евреев. И злоба накипала.

К этому вдруг еврейские нападения на войска и полицию снова возобновились. Притом по кагальному уговору, разом в нескольких частях города. Начиная с 6-ти часов вечера 26-го августа в течение более, чем суток, ни патрульным войскам, ни полиции нельзя было показаться на улице без того, чтобы в них еврейские дружины из засад не стреляли, как по воробьям...

Эти гнусные нападения из-за угла и вызвали тот взрыв, о котором теперь так красноречиво, с такими надсаживающими воплями пишут еврейские корреспонденты, замалчивая, повторяем, настоящие причины совершившегося.

Всякому терпению бывает конец. А нахальству евреев конца, видимо, не дождаться... Но в таком случае нечего вопить на весь мир, что по временам и с ними расправляются.

«Русская Земля».

«В Берлине образуется союз английских, бельгийских и французских капиталистов-евреев с целью скупать в Царстве Польском все предприятия, вынужденные постоянными забастовками прекратить свою деятельность. Мы неоднократно указывали, что вся революция у нас затеяна на средства иностранцев, преимущественно евреев. Их цель — разорить Россию, а потом за ничтожную сумму скупить все разорившиеся предприятия. То же и земля. Разорённые помещики бегут из своих имений и готовы продать землю за бесценок. Этим, конечно, воспользуются иностранные евреи».

«День».

«Есть, — говорит «Новое Время», — один пример, где либеральная печать в Берлине разошлась и сама с собою. Когда наши русские революционеры бомбами и браунингами пошаливали только в самой России, берлинские либеральные публицисты писали: «это — герои русского освободительного движения, заслуживающие полного уважения во всём цивилизованном мире!»

Германский император, имперский канцлер и президент берлинской полиции придерживались несколько другого мнения относительно этого: так свидетельствовали официозы. Но либеральная печать возражала всем им, что они — мракобесы, заскорузлые бюрократы и только поэтому не сочувствуют русским освободителям и бомбоносцам.

По некоторым событиям, однако, выходило, что «герои русского освободительного движения», распространив свою деятельность и на заграницу, как будто придвинулись сюда, поближе к Берлину: того и гляди, появятся внезапно да по ошибке и укокошат какого-нибудь редактора Левиссона...»

Эти русские элементы нарушают безопасность в Западной Европе, — объявила тогда либеральная немецкая печать, вслед за швейцарской.

Нужно против них принять энергичные меры: прежде всего, следует очистить наши германские университеты от наплыва русских и усилить полицейский надзор над приезжающими русскими, а революционеров даже и совсем не пускать сюда, чтобы они себе свили здесь какого-нибудь гнезда, — заговорила та же самая печать немецких либералов.

Вообще наши русские бомбоносцы, «освободители и герои» сразу же оказались нежелательными элементами, как только заикнулись о нарушении безопасности в самой Германии, и та же самая печать потребовала против них, столь уважаемых «бомбачей», целого ряда энергичных административных мероприятий и драконовских законов. Так проходит земная слава!..

«Повитав в заоблачных эмпиреях», германская либеральная печать, в конце концов, принужденная событиями, возвратилась «в лоно отче», т.е. разделила мнение германского императора, канцлера, президента полиции и официозов...

А мнение германского императора о наших русских бомбоносцах таково:

«Восхищаться или злорадствовать по поводу смут и бедствий в соседнем государстве означает то же самое, как если бы какой-нибудь город начал радоваться тому, что в соседнем городе разразилась чума или холера, которая может перескочить и к нему самому оттуда... Эта чума и холера — зараза общая!» — говорил германский император своим приближенным однажды, прошлой зимой. Германский император — человек большого ума и великой души: несмотря ни на какие подстрекательства пангерманистов, он во время русских бедствий не предпримет никогда ничего против России.

Настаивая на самых энергичных мерах против русских бомбоносцев за границей, германская либеральная печать под влиянием шкурного вопроса последовала в сущности тому же самому определению: заразительная чума и холера. А если так, то зачем же чернить и марать недавнюю программу русского правительства, которая по отношению к России является, без сомнения, только дезинфекцией против распространения заразы?..

Казнь Мазурина. Москва, 1 сентября, в 4 часа 30 минут утра во внутреннем дворе губернской

тюрьмы в Каменщиках совершена казнь осуждённого накануне военно-полевым судом за вооружённое сопротивление В.В. Мазурина. После суда Мазурин был доставлен в губернскую тюрьму в 11 часов ночи. Мазурин всё время сохранял полное присутствие духа, представляя в этом отношении противоположность Андрееву, который до того был потрясён пережитыми волнениями, что у него отнялась нижняя челюсть. В час ночи на тюремном дворе стали сооружать эшафот. Обязанности палача взял на себя один из уголовных арестантов. До отбытия из здания суда Мазурину было дано последнее свидание с его отцом и матерью. Родители Мазурина потрясены тем ужаснее, что на днях были арестованы ещё два их сына по обвинению в принадлежности к революционной организации. Кстати будет сказать, что Мазурин кроме разных других деяний обвинялся в общении с Каляевым, которому он давал приют в период приготовлений к убийству великого князя Сергея Александровича. Ему же приписывалось участие в ограблении кассы общества взаимного кредита, в убийстве начальника сыскной полиции Войлошникова, в расстреле агентов охранного отделения в Сокольниках и в целом ряде насильственных экспроприации. По прибытии в тюрьму Мазурин был помещен в отдельную камеру. Он отказался принять священника и причаститься. При самой процедуре смертной казни присутствовали только чины тюремной администрации, местный полицейский пристав, доктор и священник. На эшафоте Мазурин отказался и от последнего целования Св. Креста. Всё кончилось в несколько секунд. Тело положено в простой гроб и перевезено на Ваганьковское кладбище, где и погребено.

Что касается Андреева, соучастника по процессу Мазурина, то он, хотя и оправдан судом, но оставлен под стражей, так как за хранение револьвера без разрешения он будет подвергнут аресту до двух месяцев. Кроме того, в виду данных им показаний при задержании он будет привлечён к следствию о принадлежности к боевой организации социал-революционной партии.

Ещё опасный злодей. Сегодня в 2 часа дня наряд полиции, посланный по делам службы в район 2 уч. Басманной части, проходя по Костомаровской улице, заметил среди праздношатающихся некоторых участников боевой дружины, «работавших» во время декабрьского вооружённого восстания. Один из городовых схватил за руку преступника Зверева, ближайшего помощника казнённого сегодня Мазурина, но тот вырвался и побежал по направлению к одному из проходных дворов. Путь преступнику был преграждён городовым. Тогда Зверев стал стрелять в преграждавшего ему путь городового. Одна из пуль, пробив мундир городового, попала в товарища Зверева, грабителя Черноусова, и опасно ранила его. Здесь собралась большая толпа народа, при помощи которого все преступники были задержаны. Они назвались: Зверевым, Черноусовым (отправлен в тюремную больницу), Чистовым и Толкуновым, за которыми, по сведениям полиции, числится целый ряд уголовных и политических преступлений. Зверев, по слухам, будет предан военному суду.

Фабрика бомб. Коммерции советник Аким Миронович Эльяшберг сидел за громадным письменным столом в своём роскошном кабинете и был углублён в разбор различных документов. Предварительно пробегая глазами каждую бумажку, он некоторые из них откладывал в сторону; другие клал в рядом стоящий открытый настежь железный шкаф. Старик работал медленно, не спеша.

Раздался чуть слышный стук в двери. Старик с заметным неудовольствием повернул голову и крикливым голосом произнёс:

— Ну, кто там?..

На пороге кабинета появился благообразный лакей.

— Ну, — раздражённо проговорил коммерции советник. — Я же сказал, чтобы мне не мешали... Ну, разве я не сказал?..

— Я так и докладывал им, ваше превосходительство, — почтительно склоняя голову и сделав несколько шагов вперёд, ответил лакей. — Говорил я им, что заняты и приказали никого не принимать...

— Ну, кому это «им»? — Голос старика прозвучал совсем уже сердито.

— Да господину, который пришёл...

— Какой там господин?.. Ну, я спрашиваю, какой там господин?..

— Не знаю, ваше превосходительство... Карточки не дали и имени своего не назвали... Приказали сказать, что приезжий... Из-за границы...

— Из-за границы?.. — Старик погладил свою бороду, чтобы не обнаружить перед лакеем лёгкого волнения, которое, — он чувствовал это, — отразилось на его лице при известии, что к нему явился гость из-за границы. Из-за границы? — переспросил он. — Так он и сказал: «из-за границы»?

— Так и сказали.

— Ну, проси его сюда, в кабинет...

Когда лакей повернул к двери, старик остановил его вопросом:

— Ну, скажи, господин этот русский?

— Не разобрал, ваше превосходительство, а только полагаю, что еврей, потому — наружность...

— Ну, хорошо... — он махнул рукой.

Лакей ушёл, а Эльяшберг прикрыл массивным пресс-папье документы, повернулся лицом к двери, с очевидной тревогой ожидая появления приезжего из-за границы. Последний не заставил себя долго ждать. В кабинет вошёл степенный молодой человек, изящно одетый, лет 25-27. Его можно было бы назвать красавцем, если бы не острый взгляд его больших чёрных глаз, недоверчиво и жестко перебегавший с предмета на предмет и ни на чём долго не останавливающийся. Он подошёл к столу и проговорил:

— У меня письмо к вам от Розалии Акимовны.

— От моей Розочки?

— Ну, да: от вашей дочери, Розалии Акимовны.

Старик впился глазами в гостя, но не мог поймать его взгляда.

— Ну, — произнёс он с некоторой тревогой. — Дайте письмо.

— А к вам сюда никто не войдёт? — спросил гость.

— Ну, кто же может войти...

— А все же лучше будет, если дверь запереть. — Гость подошёл к двери, запер её на ключ и, возвратившись к столу, спросил: — перочинный ножик у вас, вероятно, найдётся? — Когда старик подал ему ножик, он прибавил с улыбкой: — уж вы меня, пожалуйста, извините.

Гость снял с себя сюртук, сделал в шёлковой подкладке прорез на спине, достал тоненький заклеенный конверт и показал хозяину.

Эльяшберг торопливо и нервно надорвал край конверта и вынул из него большой лист тонкой-претонкой бумаги, весь исписанный мелким почерком. Старик жадно углубился в чтение, а гость, спокойно усевшись против него в кресло, быстро и умело стал зашивать надрез в подкладке сюртука. Окончив это занятие, он закурил папиросу и устремил свой острый взгляд на старика. Не без злорадства следил он за Эльяшбергом и ему, по-видимому, доставляло большое удовольствие, когда он подмечал, как волнует старика чтение письма, как слегка дрожат его руки, как всё гуще и гуще морщины покрывают его лоб...

— Всё ещё первую страничку читаете, — произнёс гость насмешливо. —Давайте сюда письмо... Я быстро прочту вам вслух... и он протянул руку, чтобы взять письмо.

— Что вы?.. Что вы?.. — Эльяшберг посмотрел на гостя недоумевающим взглядом и прижал письмо к груди.

— О, не беспокойтесь, — усмехнулся гость, — насильно не возьму у вас письма... Но вы ведь будете долго читать, а я адски пить хочу... Не можете ли приказать, чтобы мне подали чаю.

Эльяшберг молча позвонил, распорядился и снова принялся за прерванное чтение.

Прошло более получаса, Эльяшберг читал и перечитывал письмо дочери. Гость попивал свой чай, курил папиросу за папиросой и не мешал ему. Но вот старик глубоко вздохнул, поднялся с места, подошёл к камину, добыл огня и медленно сжёг письмо. — Хвалю за осторожность, — одобрительно

произнёс приезжий.

— Ну, а вы сами кто будете? — спросил старик.

— Я тот, о ком вам написала Розалия Акимовна... Тот самый, без всякой фальши и в пути не подменённый...

— Ну, а всё таки, кто же вы?

— Мы с вами — старые знакомые.

— Старые знакомые? — Старик впился глазами в гостя. — Я вас совершенно не знаю.

— Не признаёте?.. И то: вы меня знали совсем маленьким... Делать нечего, коли не признаете, то будем представляться... Доктор химии Вейсберг к вашим услугам, г. коммерции советник...

Гость комически поклонился.

— Вейсберг?.. Вейсберг?.. Значит вы сын покойного Мотеля Вейсберга? —Старик опять впился глазами в гостя. — Теперь вижу, вы очень, очень похожи на вашего покойного отца...

— Говорят, что похож.

— Прекрасный был человек ваш покойный отец... Очень, очень прекрасный... Хороший был еврей, добрый, умный, умный... Только большой он фантазёр и совсем непрактичный...

— Вам же лучше, что он был таким, — зло перебил его гость. — Это дало вам возможность ограбить его и пустить по миру!..

— Ай, ай, ай!.. И что вы говорите г. доктор: я ограбил вашего отца?..

— Его, как и многих других!.. Но, успокойтесь, я явился к вам не за тем, чтобы подводить старые счёты. Что с воза упало, то пропало. Мой отец был непрактичен, вы этим воспользовались, ваше, значит, счастье... Сильные должны поглощать слабых, это закон!.. Бросим старые счёты и поговорим о деле.

— Ну, я вас слушаю со всем моим вниманием.

Гость придвинул своё кресло к хозяину, усмехнулся и говорит:

— А что вы скажете, если б я предложил вам вступить со мной в компанию по одному весьма выгодному делу?..

— Выгодному?

— И очень!.. Дело такое, что может приносить 200-300 процентов барыша!

— Ну, это уж много... Таких выгодных дел теперь нет...

— Представьте себе, одно такое дело есть.

— Не могу себе представить.

— И напрасно... Что бы вы, например, сказали, если б я предложил вам открыть фабрику для выделки бомб?..

— Что?.. Что вы сказали?.. — Эльяшберг привскочил с места и глаза его расширились от испуга.

— По нынешним временам самое прибыльное занятие, — продолжал, видимо, потешаясь испугом хозяина, гость. — Повторяю вам, дело прибыльное... Наступило довольно продолжительное молчание.

— Ну, что за плохая шутка, — произнёс, наконец, Эльяшберг.

— Какая шутка? Я вам делаю серьёзное предложение.

— Ну, вздор!.. Ну, совсем, совсем вздор!.. Вы, молодой человек, говорите вздор...

Эльяшберг ещё больше заволновался и обеими руками отмахивался от гостя.

— Вы так думаете? — Вейсберг улыбнулся. — А вот я вам докажу, что это не вздор... Конечно, — продолжал он, — насчёт выгодности предприятия я пошутил... Оно не только не прибыльное, но и довольно рискованное, а всё же мы осуществим его...

— Я на такое дело не пойду! — решительно перебил Эльяшберг.

— Нет. Пойдёте!

— Не пойду!

— В таком случае вы ставите на карту голову вашей единственной дочери!.. Голос молодого человека был спокоен и твёрд. Эльяшберг схватился обеими руками за голову, и из груди его вырвался болезненный стон.

— Если вам нужны деньги? — простонал он, — то скажите сколько?.. Я дам...

— Деньги?.. Разумеется, нужны и деньги, и я не сомневаюсь, что вы их дадите... Но в данном случае кроме денег нужно и ваше личное участие...

— Ну, разве я умею делать бомбы?.. Это даже смешно... Это даже смешно...

— Вам и не надо уметь их делать. Этим займусь я. От вас же требуется, чтобы предоставили в моё распоряжение химическую лабораторию на вашем заводе и отвели для выделки бомб один из маленьких корпусов Хотя бы этот...

Молодой человек разложил перед стариком план завода и указал ему, какой корпус требуется.

— Не могу на это согласиться: вы взорвёте мне на воздух завод...

— Нет не взорву! Никакой опасности завод не подвергнется. Я вам в этом ручаюсь. Моему слову можете поверить, я один из лучших специалистов по выделке бомб.

Эльяшберг поднялся с кресла, прошёлся несколько раз взад и вперёд по кабинету и, по-видимому, совершенно успокоился. Он подошёл к гостю, положил свою правую руку на его плечо и, стараясь поймать его взгляд, заискивающе заговорил:

— Дело ваше я совершенно одобряю. Если мы вступаем на путь террора, то необходимо, чтобы не было недостатка в бомбах. Но надо устроить завод хорошо оборудованный. Но зачем это непременно у меня? Я так думаю, что именно у меня его устраивать не следует. Ну, я вижу, вы думаете, что ваше предложение меня испугало, что я боюсь риска? Ну, это не совсем верно. Тут многое другое ещё есть: я не имею права рисковать: у всякого свои обязанности к революции: у вас свои, а у меня — свои... Ну, и пускай всякий делает своё дело! Зачем же мешаться не в своё дело?..

— Я вас не понимаю, — перебил Вейсберг.

— Ну, разумеется, не понимаете, потому что я ещё не вполне высказался.

— Вы обо мне совсем плохого мнения, доктор Вейсберг. И это оттого, что совсем меня не знаете. Вы думаете, пред вами злой делец, который только для того и живёт, чтобы копить богатство. Вы думаете, что я очень люблю это богатство. Ошибаетесь. Лично для себя мне никакого богатства не нужно, потребности мои невелики. Если я всю жизнь копил и теперь владею многими миллионами, то не для своих потребностей я это накопил. У меня княжеская квартира, а мне нужна одна только маленькая комнатка... Вот мой главный повар получает две тысячи рублей в год, а обеды, которые он изготовляет, мне совсем не по вкусу, они мне даже противны... В молодости я питался всю неделю селёдкой с хлебом и только по субботам едал фаршированную щуку и немножко мяса... Охотно довольствовался бы и теперь той же пищей... Ну зачем же я копил богатство? Зачем же я грабил людей?.. Вы на меня сердитесь за вашего отца... Это верно, и его грабил?.. Хороший человек был ваш отец, и многие, которых я пустил по миру, были хорошие люди!.. Зачем же я с ними так поступил? Почему? На это вот какой ответ? Если бы пустил их по миру не я, их пустили бы другие. Ваш отец и остальные не были деловыми людьми, они всё равно не удержали бы своего состояния... А в моих руках их капиталы росли, множились и давали хороший барыш!.. Еврейские деньги должны всегда оставаться в руках евреев... Деньги — это наша единственная сила, единственное наше орудие борьбы!.. Весь мир — наше достояние! Мы должны завоевать его целиком, без остатка! Наши упования должны осуществиться, и осуществятся, ибо Владыка неба и земли нас одних возлюбил и предназначил нас быть князьями земли и управлять её!.. Нас он выбрал из всех народов, нам Он дал Себя познать и наименовал нас царственным народом!..

Старик весь выпрямился, большие серые глаза его засверкали, голос его охрип, и он продолжал:

— Да, мы — народ царственный! Так наименовал нас Господь!.. За грехи наши, за измену Ему растеряли мы наследие наше, лишились царства своего и из народа-владыки превратились в народ-

раба!.. Но нашему угнетению, нашему позору скоро настанет конец!.. Ибо внял Господь мольбам нашим и в милосердии Своём простил нас! Сила креста уже надломлена, и близок час, когда будет она уничтожена в конец! Тогда настанет Его царство, Он возвратит нам наше наследие и пришлёт нам избавителя!.. Наша обязанность заключается теперь в том, чтобы выровнять путь грядущему избавлению!.. Но какими средствами мы располагаем, чтобы содействовать нашему избавлению и приблизить его? Нас мало: не больше 22 миллионов, а врагов наших на земном шаре более миллиарда!.. Как же нам победить такое великое полчище? Не физической же силой! И вот Господь надоумил нас: посевая между племенами раздор, разбивать их верования и разъединять их! Работа наша шла успешно, и мы почти у цели! Но чем же мы достигли таких блестящих результатов? Какое орудие мы употребляли, чтобы уничтожить врага? Мы собрали в свои руки всё золото мира, и с этим золотом шаг за шагом двигались вперёд по пути завоеваний!.. Наше золото вносило повсюду гибель и разрушение!.. Мы поднимали народ на народ и присутствовали при том, как они взаимно уничтожали друг друга! Результаты налицо! Что представляют собой в настоящее время христианские государства? Развалины! Нет у них Бога, нет у них патриотизма, нет единения; повсюду раздоры, повсюду ненависть; брат поднимается на брата, сын на отца и повсюду разврат и стремление к излишествам!.. Все это плоды наших рук, это мы нашим золотом внесли повсюду разложение и гибель! Но до сих пор мы действовали тайно, а теперь близок момент открытой борьбы!.. И как во времена Иисуса Навина Иерихон пал без выстрела, устрашённый звуками трубы из лагеря Израиля, так теперь весь христианский мир очутится в наших руках, порабощённый нашим золотом!..

Эльяшберг вторично поднялся с кресла, опять прошёлся несколько раз назад и вперёд по кабинету и, сосредоточенно поглаживая свою бороду, деловито продолжал:

— Знаю, что ничего не сообщил вам. Вы, доктор Вейсберг, из тех, кому известны затаённые упования Израиля. Но мне нужно было, чтобы вы узнали, что Хаим Эльяшберг тоже принадлежит к вождям своего народа, и что нельзя навязывать ему действия, не соответствующие его положению. Я уже вам говорил: всякому своё. Генералы не исполняют обязанностей солдат. У меня моя арена деятельности. Ну, скажем, мирная, но она не менее, если не более, необходима, чем ваша боевая! Предстоят новые выборы в Государственную Думу. Кто будет стоять во главе агитации, если я скомпрометирую себя и погибну? Или вы думаете, что содействовать, чтобы будущая Дума была более революционной и чтобы в неё попало больше купленных нами членов и, наконец, чтобы в ней было выбрано наших же в двойном количестве против прежнего, неужели, вы думаете, что это менее важно, чем устройство фабрики бомб?..

— Но как же быть? — уже далеко не прежним тоном спросил Вейсберг.

— Об этом надо подумать... Надо подумать...

На широком лбу Эльяшберга образовались складки.

— Скажите мне откровенно, почему вы непременно захотели притянуть меня к вашему предприятию? Неужели только, чтобы причинить мне зло?

— Какое зло?

— Ну, если попадётесь, чтобы и я попался и погиб вместе с вами... Вы хотели отомстить мне за то, что я неделикатно поступил с вашим отцом...

— Да, — совершенно спокойно ответил Вейсберг, — отчасти мной руководила месть, но не это было для меня главным... Если бы я смог устроится на вашем заводе, то пересылка бомб в город наладилась бы чрезвычайно удобно и практически безопасно... Мы бы их транспортировали под видом продукции вашего завода... Кому бы пришло в голову, что ваши артельщики развозят бомбы?..

— Это вы не глупо придумали: кому бы пришло в голову подозревать моих артельщиков? Это вы совершенно правильно... Всё же я на это согласиться не могу... Мне это не подходит, хе, хе, хе...

И после некоторого молчания Эльяшберг прибавил:

— Ваше дело всё-таки устроить можно...

Вейсберг весь превратился в слух, и Эльяшберг продолжал:

— Есть тут маленький фабрикант. Дела его плохи, очень плохи. Надо купить его фабричку с тем, чтобы фирма осталась его... Он капсюли выделывает... Вы будете выделывать бомбы и рассылать по городам под видом капсюлей... Денег, разумеется, я дам...

— Идёт — обардовался Вейсберг.

— Если идёт, так пойдёмте завтракать...

Эльяшберг взял под руку гостя и направился к двери, но у порога остановился и дружески проговорил:

— Я дам вам маленький совет. Оборудуйте фабрику, пустите её в ход, всё наладьте, предоставьте дальнейшее другим, только не евреям, а сами езжайте за границу... Берегите вашу голову, она вам ещё пригодится... У вас голова умная... Хорошая еврейская голова!.. — С.Л. [43]

Изложенный рассказ достаточно согласен с повседневными указаниями жизни. Debemer morti nos nostraque!

з). С другой стороны имеются и такие судебные данные, против которых спорить нечего.

Немножко статистики. В «Журнале Министерства Юстиции» опубликована «статистика государственных преступлений», конечно, тщательно замолчанная нашей «освободительной» прессой, но долженствующая быть известной русским людям, именем которых прикрывается гнусная, изменническая крамола, третий год терзающая нашу родину.

Эта статистика, обнимающая трехлетний период, раскрывает кулисы совершающихся событий и, освещая настоящим светом «русскую» революцию, устанавливает неоспоримыми цифровыми данными тот факт, что в этой «русской» революции именно русские люди менее всего повинны.

Вот что свидетельствуют данные официальной статистики, которые можно замолчать, то есть скрыть, но которых нельзя опровергнуть, против которых даже нельзя возражать, почему их и остаётся только замалчивать тем, кто хочет прикрыть свое злодеяние чужим именем.

В составе населения Империи евреев — 4,2 проц.; в числе же привлечённых за последний период по политическим делам евреи составляют 29,1 процентов, то есть в семь раз больше их процента в населении.

Православные (русские) составляют 73,2 проц. населения Империи, в числе же привлеченных за трехлетний период по политическим делам они составляют 51,2 проц., то есть, почти в полтора раза меньше своего процента в населении. Остальные 19,7 проц. падают на прочих инородцев, главным образом — поляков и литовцев (14,4 проц.).

Составляя едва двадцать пятую часть населения Империи, евреи заняли без малого третью часть всех политических преступников. На 100.000 русского населения приходится 4,4 привлеченных к судебной ответственности по политическим делам, а на 100.000 еврейского населения один политический преступник приходится на 2.600 человек.

Таким образом, евреев-революционеров в девять раз больше, чем русских.

Это относится одинаково ко всей России, то есть не только к «черте оседлости», но и ко всем остальным местностям Империи, как показывает нижеследующая таблица:

Судебные округа	% евреев в населении	% их в числе привлеченных по политическим делам
Виленский	15	64,9
Варшавский	14	26
Одесский	13,5	55
Киевский	12	48,2

Петербургский	3,5	0,9
Харьковский	1,4	8,8
Иркутский	0,6	15,5
Тифлисский	0,6	1,4
Московский	0,4	7,5
Казанский	0,1	4,7
Саратовский	0,1	1,5

Эти данные относятся к трёхлетию 1901-1904гг., то есть к периоду подготовки и создания «русской» революции. Данные за два последние года, когда они будут сведены, конечно, представят ещё более разительную картину, хотя в них нет такой надобности — события последних двух лет совершались открыто, протекли у всех на глазах.

Сами евреи теперь объявляют, что наша революция есть проявление «великого гения еврейского духа». В Государственной Думе они прямо похвалялись своей ролью в «русской» революции. А на чьи деньги ведётся эта революция?

Вот что говорит берлинский профессор Теодор Шиман в своей недавно вышедшей книге «Deutschland und die grosse Politik», где целый отдел посвящён нашим событиям:

«В русской смуте огромную роль сыграл еврейский Бунд, состоящий преимущественно из еврейской интеллигентной и полуинтеллигентной молодёжи. Современное русское революционной движение окажется совершенно необъяснимым и невразумительным, если замалчивать роль, сыгранную в нём русским еврейством. В кружках русской радикальной и революционной интеллигенции еврейские деятели давно заручились весом. Среди двух-трёх тысяч интеллигентов, предавшихся в Швейцарии революционно-социалистическим проискам, большинство были еврейского происхождения, и они же завладели руководящим влиянием в революционных партиях. Еврейские интеллигенты и полуинтеллигенты выступают деятельнейшими соучастниками почти во всех политических покушениях. Они же сумели провести во все русские программы преобразований и во все резолюции бесчисленных митингов полное уравнение евреев в правах с коренным населением. Точно также и тот факт, что русское студенчество находилось и находится под еврейским влиянием, неоспорим».

Исходя из всего этого, профессор Шиман заявляет, что «русскую революцию» с одинаковым правом можно назвать и «еврейской».

«Не подлежит сомнению, — говорит далее профессор Шиман, — что ненависть к евреям, сказывающаяся со стороны коренного населения, объясняется злоупотреблениями и посягательствами, в которые еврейство неизменно впадает, как только сознает себя достаточно сильным для агрессивных действий. При нынешних условиях ничем нельзя оправдать непримиримого озлобления и ненависти, а между тем еврейский Бунд и его единомышленники остаются при своём лозунге: борьба, во что бы то ни стало, для ниспровержения монархии и создания федеративной социалистической республики».

Любопытно отметить также, что девизом нашей революции является: *«все за одного и один за всех»*. Этот девиз открыто провозглашается и строго блюдется, он красуется даже на красных знамёнах наших революционеров. Во имя его же думские революционеры дружно добивались амнистии. Откуда же взялся этот девиз «русской» революции? Это именно тот девиз, под которым в 1860 году всё еврейство объединилось во «Всемирный еврейский кагал» («Alliance Israelite Universelle») и

который красуется на знамени этого кагала!

Не значит ли это грубой фальсификации, именуя эту революцию «русской»? Если она является проявлением «великого гения еврейского духа», то зачем же отнимать у евреев этот «великий гений» их духа? Русский народ в своей массе ни телом, ни душой не причастен к этой революции, направленной против Царя, России и русского народа, и наименование «русская» менее всего к ней приложимо. *(«Харьк. Вед.»)*.

***

Что же касается статистики за самое последнее время, то в период полутора месяца, с 1 июля по 15 августа 1906 г. , её цифры таковы:

***

В «Голосе Правды» приводится сравнительная таблица об успехах террора: а) покушений на жизнь: с 1 по 15 июля было — 143, из них неудачных — 12; при этом убито 65 и ранено 66 челов.; с 1 по 15 августа — 470, из них неудачных 26; при этом убито 179 и ранено 265 челов.; б) грабежей было: с 1 по 15 июля — 115; неудачных: 8, а удачных — тридцать, на сумму 151.319 руб. и 77 — на неизвестную сумму; с 1 по 15 августа — 164, неудачных — 23, а удачных — девяносто, на сумму 340.893 руб., и 51 — на неизвестную сумму.

***

Все указанные обстоятельства, равно как единодушные отзывы патриотической печати, а также всеподданнейшие адресы и телеграммы, преисполненные глубокой печали о судьбах России, выразились в принятии, по Высочайшему повелению, надлежащих мер против ужасов революционного, анархического террора. В частности, было признано необходимым применять к наиболее опасным злодеяниям действия военно-полевых судов.

Такие заботы правительства встречены исстрадавшимся русским народом с чувством глубокой благодарности и полного, искреннего одобрения.

и). Одновременно с этим провозглашён с высоты Престола ряд важных мероприятий к облегчению на справедливых основаниях крестьянского малоземелья и к усовершенствованию государственного строя вообще.

Как верно замечает «Русская Земля», это не значит, что реформы будут проводимы в жизнь только, когда наступит успокоение, в чём, однако, хотят убедить нас газеты известного лагеря. «Сначала-де успокоение, а потом реформы. Ничего подобного. Реформы станут проводиться искренно и без замедления. Борьба же с анархией будет идти, конечно, параллельно, потому что нельзя последовать и совету либеральных партий, облыжно уверяющих, будто одни реформы способны внести успокоение. В этом отношении министерство П.А. Столыпина не заблуждается, когда говорит, что «революция борется не из-за реформ, проведение которых считает своей обязанностью и правительство, а из-за разрушения самой государственности, крушения монархии и введения социалистического строя»...

Издевательствам же бомбометателей само общество готовится положить конец. Уже на погребении князя Н.В. Шаховского, среди многих других истерзанного бомбой 12 августа на Аптекарском острове, был венок с надписью «Мстители живы!»... Тысячи народа в Москве сопровождают похороны убиваемых «бундистами» чинов полиции. Ещё недавно могила околоточного Щукина, прослужившего в этой должности 30 лет и застреленного злодеями— «освободителями», была украшена венком с трогательными, но вразумительными словами: «и тебя, старик, не пощадили!»...

Да, не щадит иудейская революция ни стариков, ни детей наших. Гимназистов посылает она на митинги и учит «забастовкам», а уличных ребятишек зовёт строить баррикады, как в период вооружённого восстания это бывало в Москве. Девушкам советует «для пропаганды» поступать в публичные дома или снабжает если не всегда бомбами, то браунингами, что, помимо всего уже известного, мы видим и на племяннице генерала Трепова, предательски убившей старика Миллера в Интерлакене.

Стремясь унизить православное духовенство, революция кагала даже на днях то пытается оклеветать

священника в соучастии с убийцами Герценштейна, то в самой же Москве устраивает отвратительный скандал другому священнику через ученика коммерческого училища — Гольдендаха.

Дерзновенно поставляет иудаизм депутатами в Думу и своими представителями лишь крайних евреев, как вожаков гибельного для России мятежа, а выдает их за «избранников русского народа!..».

Скрываясь от воинской повинности и убегая от выстрелов либо переходя к неприятелю на войне, еврейство в лице «депутата» Якубсона умалчивает о себе самом, но безумно посягает на доблесть русского солдата...

Обманув и обездолив массы академической молодёжи, т.е. саму надежду нашего отечества, им ненавидимого, молодое еврейство перебралось в иностранные университеты и политехникумы, когда достигло закрытия учебных заведений в России. Будучи же изгоняемо Западом, оно не затруднилось нанести нам ещё больший срам и тягчайший вред, присвоив звонкие результаты горя, перенесённого Россией, а в частности, заполнив училища до того, что русским юношам и уже деваться некуда. Прав был Лютер, когда говорил: «если бы на ярмарке продавался стыд, я отдал бы все свои деньги евреям, чтобы хоть сколько-нибудь они приобрели себе этого продукта...»

Turpe est sanctum dare capellis!

В бесконечной массе телеграмм сострадания П.А. Столыпину, выражающих полное доверие к его мужеству, нельзя не указать и на следующую, посланную Обществом Русских Патриотов из Москвы, в связи с ответом Председателя Совета Министров:

«Общество Русских Патриотов глубоко потрясено зверским злодеянием. Молим Бога сохранить и исцелить ваших детей, пострадавших за родину. Да вразумит вас Господь прекратить пагубное и преступное непротивление злу. Пора приступить к подавлению разбоя и анархии «освободителей».

«Только широкое применение смертной казни, полевого суда и истребление злодеев может спасти Россию. Глумление над православием, волокита и явное потворство изменникам в судебном ведомстве усугубляют наглость евреев и русских интеллигентов.

Тысячи злодеев должны быть казнены!».

Товарищем председателя Л.Л. Кисловским был получен следующий ответ:

«Прошу вас передать Обществу Русских Патриотов выражение моей глубочайшей благодарности за их добрые чувства. Господь Бог укрепит мои силы на пользу порученного мне дела. *Столыпин*».

к). Вдумываясь в ход «русской» революции, нельзя не удивляться с одной стороны поразительной наглости обмана, выражающегося для достижения цели в самых зверских злодеяниях, а с другой стороны — невероятному легковерию, на которое этот обман рассчитан и которым, однако, столь бессмысленно оправдывается.

Талмудизм, иезуитизм, наставления Маккиавелли, Бекона и Вейсгаупта, всё имеет здесь применение и с тем большим успехом, чем дерзость бесстыднее, а толпа невежественнее или развратнее.

Одна из наиболее замечательных характеристик комбинированной бесчестности революционеров сделана «Новым Временем»:

***

«Что касается тёмных масс, то помрачение совести их слишком объясняется «властью тьмы». С величайшей снисходительностью, как в отношении детей, мы должны ставить народ в условия здоровой и разумной жизни. Но никакого снисхождения не заслуживает тот слой интеллигенции, который народную преступность делает орудием своих партийных, вероломных целей, и который разжигает черные инстинкты масс, чтобы путём разбоя овладеть властью. Пожар — великое бедствие, но вся низость зла принадлежит не огню, а поджигателям.

Простой народ, невежественный до жалости, не знает, что творит, но отлично знают, что делают, те бессовестные вожди движения, что бросают лозунг: «всё позволено!». Если и на этот раз наша политическая свобода потонет в преступлениях, то история обвинит отнюдь не народ. Простонародье громит усадьбы Рюриковичей с той же яростью, как и лавчонки евреев. Народ, поверивший агитаторам, идёт в разбой, воровство, убийство. Но кто нашептал народу эту ярость? Кто внушил

прямо гипнозом каким-то, что отныне преступление — добродетель, а предательское насилие — героизм? Кто разбудил неутолимую зависть у бедняков, чувство мщения и гнева за обиды, давно забытые или чисто мнимые? Кто старался оклеветать одну часть нации перед другой, кто под предлогом «раскрыть глаза» народу вылил в народное воображение целые потоки грязи?

Есть преступные люди и преступные партии. Самой тонкой преступностью отличаются не те, что с диким отчаянием идут на грех, а те, что, сохраняя высокую корректность, посылают подставных убийц. Длинный ряд молодых людей, подростков с неустановившимся мышлением, длинный ряд экзальтированных девушек с револьверами и бомбами — это лишь актёры бунта, редко опытные, чаще бездарные. За кулисами скрываются более тонкие режиссёры; они не скрывают рукоплесканий райка, зато загребают кассу. В случае победы партии, кости Зинаиды Коноплянниковой будут гнить в Шлиссельбурге, а в министры попадёт, пожалуй, г. Набоков. Он корректен, он, кажется, даже ест в перчатках,

> Живя согласно со строгой моралью,
> Он никому не сделал в жизни зла...

Он, видите ли, только режиссирует «освободительное движение», не больше.

История революционной антрепризы едва ли будет когда-нибудь написана. Люди, сведущие по этой части, налгут, конечно, с три короба и не скажут настоящей правды. Но даже то, чего они не скрывают, подчас характерно для них в высшей степени.

Прочтите, например, разоблачения в «Былом» о прикосновенности покойного Николая Михайловского к группе цареубийц 1 марта. В либеральных кругах, среди писателей, эта прикосновенность не была секретом, как и моральное участие некоторых других литераторов, собиравшихся у Желябова. Удивительно, конечно, не это, а то, что в самый разгар реакции, когда не только прикосновенность к 1 марта, но какая-нибудь мелкая статья против земских начальников влекла за собой суровые кары, Михайловский смог войти в исключительное доверие цензуры. Он и Короленко, недавний политический ссыльный, сумели убедить таких диктаторов, как Сипягин и Плеве, что они, писатели, — совершенно неопасные для правительства люди. В результате оба были утверждены хозяевами социал-демократического журнала.

Надо вспомнить тогдашний цензурный террор. Господину Стасюлевичу, бывшему профессору, издателю корректнейшего либерального журнала, за тридцать лет почти не имевшего взысканий, г. Стасюлевичу, «штатскому генералу» и преподавателю одного из государей, — никакие усилия не помогли выхлопотать право на новое издание. А радикалы тогдашние получили это право! За г. Стасюлевичем не числилось не только прикосновенности к 1 марта, но вообще никаких «грехов», кроме приверженности к правому порядку. Михайловский же поддержал открыто свою репутацию вождя бунтующей молодёжи, кумира акушерок и гимназистов. Правда, дальше этого в глазах правительства он не шёл. Чрезвычайно осторожно, исключительно для радикального формулятора Михайловский компрометировал себя не более, чем было нужно для ссылки... в Любан на некоторое время. В действительности он был одним из деятельнейших революционеров, вёл в печати радикальный сыск, становился во главе, хотя и оставаясь в тени, всевозможных демонстраций, петиций, политических банкетов, агитаций среди рабочих и молодёжи. Но, как и множество радикалов, он умел так обращать лицо в сторону правительства, что его терпели, ему почти благоволили. Его в шутку называли «радикалом Высочайше утверждённого образца», В конце концов, ему давали политическое право, имевшее тогда характер монополии, право издания противоправительственного органа. Конечно, «Русское Богатство» издавалось под цензурой, но под усиленной цензурой здесь постоянно печатались вещи, появление которых, например, в «Вестнике Европы» убило бы журнал навсегда.

Покойный князь Н.В. Шаховской, тогдашний начальник главного управления по делам печати, убеждённо говорил: «За «Русское Богатство» мы спокойны. Мы знаем, что это социал-демократы. Знаем, чего можно ждать от них и чего нельзя». Благодушный славянофил, увы, отстоял Михайловского и Короленко, очевидно не имея даже приблизительного представления о том, что это за люди. В его глазах они были чуть ли не кадеты-социалисты, присутствие которых в печати

признавалось полезным для правительства. Прошло немного лет и бедному князю пришлось на себе испытать действие мысли, переродившейся в гремучий студень. Сколько с тех пор перебили диктаторов и министров! Режиссёры реакции погибают растерзанные бомбами, а режиссёры революции умирают «на славном посту», т.е. в собственных постелях, пресыщенные триумфами, вознесённые над трупами доверившихся им подростков...

Цель оправдывает средства. После чёрных иезуитов, никто не использовал этого девиза в большей степени, чем заправилы красной партии. Для захвата власти в стране они прибегают не только к открытому террору, но и к преступлению во всех его разнообразных видах. Убийство — последний, но лишь заключительный приём. Ему предшествуют обман, клевета, подлог, самая беззастенчивая ложь и мороченье не только правительства и общества, а и всего народа. С той же ловкостью, с каковой Михайловский и Короленко внушили доверие к себе Сивягину, активные революционеры, вроде Дегаева и Гапона, входили в доверие к Судейкину и Плеве.

Если писатели-радикалисты не считали ниже своей чести надувать правительство, то множество борцов освобождения не считают постыдным надувать народ. Не только идут в народ, переодеваясь мужиками, солдатами, священниками, генералами, не только подделывают паспорта и Царские манифесты, но один революционер, г. Матюшенский, пробовал подделать даже антихриста на казенный счёт. Подтасовать под дозволенную цензурой обложку запрещённый текст было невинной шуткой. Потом дошли до подтасовки парламента, до грандиозного подлога на выборах, где под флагом умеренной партии прошли явные революционеры. Та же партия для одного круга публики выпускала программу с чёрным переделом, для другого — без него.

Что касается радикальной печати, то она ударилась в сплошной подло г. Пользуясь недомолвками закона, объявился рад фальшивых изданий. Путём обмана правительства приобретается право на издание и обращается в право цинического издевательства над законом. Останавливается одна газета, и не далее, как назавтра, она уже выходит под другим названием. Через неделю, если нужно, — с третьим. Прекращается газета «Ухо», появляется «Нос» или «Зубы». Подлог редакторов и издателей не возбуждает и тени каких-нибудь сомнений со стороны порядочности. Подлог литературных имён! — о нём и говорить нечего. Не довольствуются постоянной маской — привычным для публики псевдонимом, поминутно меняют свои личины, прячутся за угол, нанося разбойничьи удары из засады. Правда, постыдный обычай менять имя давно сложился, но замечательно, с какой жадностью освободительная печать набросилась именно на дурное наследие прошлого.

Никогда реакционная печать не доходила до такой оргии злословия, до такой смрадной клеветы, какой отличилась левая печать. Оплошность закона, не выработавшего средств, чтобы ограждать приличие в печати, была использована с комической поспешностью. Друг перед другом, как бы боясь не побить рекорда, революционные листки начали обливать грязью всё, доступное им подножие власти, всё мирное, презирающее их общество, закон, религию, наконец, культуру, основанную на «буржуазной», т.е. закономерной свободе. С чрезвычайной быстротой печать этого сорта сделалась заразной болезнью. Чернила превратились в гной психопатической злобы, работа мысли — в травлю своих врагов всеми гнусными способами подполья. В какие-нибудь полгода освобождённой печатью затравлено до мученической смерти немало людей, и одна из смертей (Филонова), по-видимому, остаётся на совести корректнейшего г. Короленко.

Печать в России — сила исключительная, до сих пор единственная. Она несла функции парламента, она была предтечей последнего. Но то обстоятельство, что столь значительная часть печати очутилась не только в революционных, а и в явно преступных руках, даёт для парламента самое тревожное предсказание. Кто поручится, что Г. Д. не собьётся на путь анархии? Первая сессия быстро клонила к этому. Как бы для того, чтобы не оставить ни малейшего сомнения в своей законопреступности, думское большинство выступило с выборгским манифестом. В нём нет призыва ни к убийству, ни к воровству, ни к обману, ни к клевете. В нём есть один лишь призыв — к неповиновению той власти, которая защищает закон.

И после столь корректного бунтовского акта кадетская партия имела ещё наивность ожидать разрешения императорского съезда!

Японский дипломат характеризовал положение теперешнего момента в России, как «бессильную революцию при бездарном правительстве». Характеристика осталась бы верной и, наоборот, если бы правительство было названо бессильным, а революция — бездарной.

Что, как не плоская бездарность (помимо бесчестности) это якшание с разбоем, эта постоянная практика клеветы, этот газетный обман, эта зверская травля противных партий, эта гнусная игра на кровожадных инстинктах?

Что такое, как не глупость левых, их бесстыдный подлог корректности и лояльности, которых на самом деле нет и тени?

***

л). Но что всего поучительнее, это сами результаты колоссальных революционных плутней.

I. Первым и важнейшим вопросом в России оказывается, в конце концов, еврейский. Главные же заботы сводятся теперь к тому, чтобы, как можно скорее и шире, удовлетворить те самые домогательства «избранного народа», из-за которых он и осчастливил нас столь бесполезной «русской» революцией.

Несомненно, проблема в «равноправии» хотя, вследствие «варварства» русского народа, её нельзя разрешить иначе, как постепенно, т.е. согласно рецепту, данному Витте в Портсмуте, но это надо проводить так, чтобы возврат к прежнему стал всё равно невозможным.

Опаснейшим, конечно, является допущение евреев офицерами в войска. На деле же выходит, что нет ничего проще. Стоит по-иезуитски дать разрешение условно, когда будет «согласие воинской части на приём» евреев. Очевидно, что одним этим еврейский вопрос ликвидируется в принципе, невзирая на отсутствие обязательства сынов Иуды оставаться в тех же частях, без перевода в другие, и вопреки тому, что никакая часть армии не вправе разрешать подобного вопроса за всю армию.

Небольшая, но сильная, хотя, как оказалось, и преждевременная, заметка напечатана по этому поводу в газете «День».

***

Жид пробивается в армию! Из разных мест получаются известия, что жиды совершенно уверены в том, будто, завоевав училища, они завоюют и русскую армию.

Генерал Батьянов, бывший командир 3-й маньчжурской армии, председательствует в комиссии о преобразовании войск и о допущении евреев в число офицеров.

Жиды уверяют, что большинство членов комиссии на их стороне.

Нахальство жидов доходит до того, что они открыто говорят, как они сумели устроить, что даже сам председатель высказался, будто бы, за допущение евреев в ряды русских офицеров. Мы имеем честь лично знать почтенного генерала и прямо не верим этой гнусной еврейской лжи.

Во Франции жиды в армию не допускались вовсе, но после Наполеона республика, подпав под их влияние, стала принимать их, если они заручатся согласием офицеров той части, где хотят служить. В 1821 году во французской армии было 5 офицеров-евреев, в 1883 году — уже 5 генералов, 5 полковников, 9 майоров, 25 батальонных командиров, 90 капитанов, 89 поручиков и 104 субалтерна. Итого — 327 евреев. Сейчас их много больше и все на лучших местах.

Имея уши слышать — да слышит!..

***

II. Наряду с этим, идёт захват еврейством учебных заведений и в качестве учеников, и в роли учителей. Уже разрешено иудеям открывать всякие училища наравне с христианами. Студентами же они на первый раз допущены в 25% и даже в 35%, хотя кое-где пришлось и христиан принимать по жребию и даже устранять вовсе, за недостатком вакансий.

Ясно, что и «забастовки студентов» кончились. Но к чему это приведет в самом ближайшем будущем, это всякому должно быть понятно.

В газете «Русская Земля» читаем:

***

«Радоваться, оказывается, нечему. В нынешнем учебном году процентное ограничение по приёму евреев в высшие учебные заведения отменено, и они ринулись в университеты и институты густой толпой. Высшие учебные заведения буквально переполнены евреями.

И вот, когда «великое торжество совершилось», когда двери наших «храмов науки» широко раскрылись перед сынами Израиля, трёхгодичная забастовка прекратилась, точно по мановению волшебного жезла. Давно ли студенты и профессора вместе с ними утверждали, что нельзя учиться и учить, коль скоро Россия переживает великое и тяжёлое время революции? И теперь Россия переживает тяжелое время революции: рвутся бомбы, трещат браунинги, действуют военно-полевые суды... Однако, занятия в высших учебных заведения возобновляются...

И учить, и учиться стало можно. Почему? Да очень просто почему. Евреями начатая, руководимая и вдохновляемая революция одержала первую победу: евреев без ограничений допустили в высшие учебные заведения. Евреи заняли места, которых так долго добивались. Простодушная русская молодёжь грудью отстаивала «революцию», не училась и тупела, дабы евреи начали учиться, её же выживая из учебных заведений!..

Наводнив университеты и институты, евреи, конечно, не уступят завоёванных позиций и не допустят «посторонней публики» на митинги и сходки, что дало бы повод администрации применить к политиканствующей молодёжи соответствующие меры. Не беспокойтесь, в университетах и институтах, где так удобно рассеялась еврейская молодёжь, всё будет тихо и «корректно». Это русские слуги революции не хотят учиться. А просвещённое еврейское юношество вот как засядет за лекции...

Жалкий и глупый конец «учебной забастовки»! Явились евреи, добились своего и смяли её, как паутинку».

***

Если опасность захвата евреями высшего образования в России очевидна, то и долгом совести людей, скорбящих о своей родине, является следующая всеподданнейшая просьба.

***

Кишинёв, 3-го сентября. Кишинёвский отдел союза русского народа послал сегодня Государю следующую телеграмму:

«Великий Государь!

Распоряжение министра народного просвещения об отмене процентной нормы при приёме евреев в учебные заведения застало верноподданное русское население врасплох; многие русские не нашли себе места в учебные заведения, так как они были заняты евреями.

Удручённый этим обстоятельством, совет кишиневского отдела союза русского народа дерзает умолять Тебя, Государь, судить министра, дерзнувшего нарушить Твою волю, выраженную в законе, и тем давшего населению преступный пример неуважительного отношения к закону».

***

Телеграфным путём, через газеты была сделана попытка оправдать образ действий министерства ссылками на данные, к сему отнюдь непригодные даже по отношению к внезапности распоряжения.

***

В виду телеграммы отдела русского собрания из Кишинева, обвиняющей министра народного просвещения в нарушении закона о приёме евреев в высшие учебные заведения, разъясняется: положение комитета министров от 5 декабря 1886 г. и 26 июня 1887 г. установление ограничительных норм для приёма евреев в учебные заведения предоставлено по усмотрению министров, а посему, в виду продолжительного бездействия высшей школы, министр признал справедливым на текущий год сообразовать приём евреев в высшие учебные заведения с усиленным наплывом желающих получить высшее образование и с единогласными заключениями совещаний выборных профессорских коллегий о допущении в высшие учебные заведения молодых людей без различия вероисповеданий.

***

Не требовалось в течение двадцати лет ожидать разгара иудейской революции, чтобы ради её торжества представитель власти мог якобы законно применить такие положения комитета министров, которые состоялись не для этой цели и, во всяком случае, без предвидения современных условий. По меньшей мере странно указание на проведённое ad hoc «единогласие» выборных коллегий, когда именно за свою вредоносность и самозванство была только что распущена выборная Государственная Дума, почтившая, «как один человек», память «жертв правительства» в Белостоке, равно как единогласно же отказавшаяся выразить порицание разбоям и убийствам... Помянутое указание приобретает особый смысл, закрывая глаза перед фактом, что «продолжительное бездействие высшей школы» создано революционным террором, которым обусловливался как состав «выборных» профессорских коллегий, так ещё в большей степени их «заключения». Игнорируя очевидность, указание несомненно клонится к тому, чтобы противоправительственной и антирусской демонстрацией названных «коллегий» мотивировать распоряжение, вредное и унизительное для русского народа. Chorda semper oberrat eadem!

Наконец, усиленный наплыв желающих получить высшее образование должен был, рассуждая логически, выразиться в ограничении доступна евреям как заведомым агитаторам, уже приведшим школы к бездействию, а не к такому неожиданному и безграничному расширению им доступа, при котором таковой ограничивается уже для русских.

Таким образом, все данные министерского «разъяснения» опровергают его, а не оправдывают. Кто его автор и даже от кого собственно происходит оно, из газетных сообщений не видно. Судя же по тому, что общий характер «разъяснения» не только противоречит своим основаниям и закону, но в сущности иронизирует их, как и важнейшие задачи русского просвещения, необходимо придти к выводу, что здесь участвовал еврейский замысел, обработанный по лукавым изветам талмуда...

В свою очередь «День» пишет:

***

Новый преступный замысел. «Министр народного просвещения фон-Кауфман неожиданно переехал с дачи на Аптекарском острове в свою городскую квартиру, ещё не вполне оконченную ремонтом. Причиной переезда, как сообщают революционные газеты (правда ли?), послужило, будто бы, готовившееся покушение на взрыв дачи со стороны революционной шайки, поручившей это какой-то женщине, у которой, однако, не хватило духа привести в исполнение выпавший на её долю ужасный план.

Подлое укрывательство за женскими юбками!

Покушением хотели мстить за то, что министерство, путаясь бессознательно в революционных мерах, решило принять меры и против революционных шаек среди университетской молодёжи, т.е. и «налево», и «направо»... Так всегда кончается, когда колеблются».

Торжество евреев. Совершенно так же, как в прошлом году русские люди, читая газеты, следили изо дня в день за развитием нашей несчастной войны, переживая Ляоян, Мудкен, Порт-Артур и, наконец, Цусиму, чтобы закончить Портсмутом и получить то, что затем началось в России, в нынешнем году русским людям приходится следить за такой же кампанией и получать такого же рода известия.

Но тогда если ли было так стыдно Русским людям, как сейчас. Перед нами была военная и морская сила, которую по халатности своей мы только не умели ни предвидеть, ни определить. Но хотя война застала нас врасплох, велась за десять тысяч вёрст и была безумно тяжела и несчастна, к моменту начала переговоров о мире, Россия только ещё прозревала опасность и просыпалась. При ином отношении Петербурга можно было бы сказать, что настоящая, народная война только ещё начинается. Портсмутское предательство положило конец зарождавшемуся национальному движению. Одолела трусость, сдавила Россию за горло её денежная система. И вот, Россия как великая военная держава была гнусно и грязно похоронена...

Теперь идёт другая война. И здесь — поражение за поражением! Но его наносит не безумно храбрый, одушевлённый и могущественный враг, а жалкое, трусливое, паразитное среди человечества племя,

словно язва всё время разъедавшее Россию с тех самых пор, как мы совершили историческое и культурное преступление — убили и разделили с немцами славянскую нашу сестру Польшу. С великим, сто с лишком миллионным русским народом ведут с тех пор беспощадную войну шесть миллионов евреев. На наших глазах борьба всё обостряется, и победа клонится явно на сторону неприятеля.

Но эта победа совсем иного характера, чем японская.

За что боролась Япония? За своё более или менее законное преобладание в Азии. За то, чтобы назад отодвинуть нас, забравшихся чересчур далеко, захвативших слишком много чужого, не соразмерив сил с аппетитами. Победа Японии была страшным ударом по нашему самолюбию, по нашему престижу на Востоке и в Азии, но Россия всё так же независима и велика, а завтра, став только на свои национальные основы, может быть снова и могущественна, и грозна.

Совсем другое дело еврейская война и еврейские победы.

Шесть миллионов чужеродцев идут на нас не во имя равноправия (это только маска), а во имя господства над русским народом. Ограниченные в правах, запертые в черте оседлости и всеми презираемые, евреи сумели фактически стать почти хозяевами России. Они захватили главные экономические центры страны; при помощи земельных и коммерческих банков, наложили страшную руку на все производственные силы; захватили главные либеральные профессии: медицину, адвокатуру, печать; не имея права жительства, просочились повсюду и везде постарались забрать или закабалить себе главные народные промыслы. Опираясь на свою международную организацию, евреи захватили русский государственный кредит и в любую минуту берут наше правительство за горло.

Это бесправные и угнетённые! Что же будет при равноправии, т.е. при праве свободного повсеместного жительства, свободной скупки земель, свободного, без нормировки, обучения в казённых школах?

И вот, идёт война, и правительство великой державы терпит поражение за поражением. «Сдавайтесь, — кричит Израиль, — дальнейшее сопротивление невозможно. Мы разорим вас материально, мы изведём вас нравственно, мы создадим такую междоусобную борьбу в России, что перережутся все между собой и от России не останется камня на камне. Мы закидаем вас бомбами, мы поставим в невозможное положение ваше правительство, так как будем истреблять руками революционеров одного государственного деятеля за другим. Сдавайтесь!»

И ослабевшее правительство выкидывает белый флаг. Согласно пресловутой конституции, без Думы ни новое законодательство, ни перемены в старом невозможны. Только не в еврейском вопросе! Здесь бюрократия никаких стеснений не признаёт. Начинается ряд, по-видимому, незначительных распоряжений, каждое из которых, однако, равняется страшной бреши.

Вот уже евреи, окрестившиеся и возвращающиеся в иудейство, сохраняют личные и имущественные права. Вот уже воспитанники частных коммерческих училищ, специально еврейских, получают все права и преимущества воспитанников однородных правительственных школ. Вот уже евреям предоставляется право открытия частных учебных заведений всех трёх разрядов.

А затем, наконец, сдаётся и Порт-Артур.

Прочтите нижеследующее коротенькое, но многозначительное сообщение, взятое из «Правительственного Вестника»:

«Впредь до разрешения общего еврейского вопроса в законодательном порядке, министерство народного просвещения решило в нынешнем учебном году допускать в число студентов и вольнослушателей евреев, удовлетворяющих по своему образованию вновь изданным правилам, сверх ограничительной нормы».

Нет, это не Порт-Артур, а нечто, гораздо более страшное!

Сдана сама цитадель, сам ключ ко всей войне. В наши высшие учебные заведения, представляющие мозг страны, евреи впущены без всяких ограничений, и сразу же их вскочило туда чуть не третья часть всего состава учащихся. Дальше их наплыв будет ещё больше, и, наконец, русские юноши

очутятся в меньшинстве.

Наша высшая и средняя казённая наука, чиновничья, рабская, сухая и формальная, как нельзя лучше соответствует формальному мышлению семита, и, посмотрите, еврей не преминет высадить хозяина страны. Пройдёт несколько лет, и при еврейской ловкости, цепкости и настойчивости, все либеральные профессии окажутся всецело в их руках. До науки им дела не будет, но высшее образование, дающее у нас всю власть и все права, окажется почти исключительно за евреями.

И как скоро? Оглянуться не успеете!

О, теперь, разумеется, наши высшие школы откроются! Русским глупым мальчикам можно заниматься политикой и бастовать, евреям надо учиться и серьёзно учиться. Чему — всё равно, лишь бы был диплом. Уж не учли ли этого обстоятельства наши либеральные губошлёпы, начальники высших автономных школ, только что заседавшие в Петербурге и глубокомысленно обсуждавшие вопрос, как сделать, чтобы университеты и высшие школы, наконец, доставили им удовольствие и открылись?

Как сделать? Да очень просто. Прекратите нормировку, уничтожьте процентное ограничение для евреев, дайте им свободный доступ, и всякие забастовки, митинги и пр. как рукой снимет.

И вот, ограничение сняли. Теперь посмотрите, как закипит жизнь в русской высшей школе!.. Радуйтесь, господа правящие!

Это ли не великая победа?! Какое ещё нужно евреям равноправие, когда самая главная наша твердыня сдана? Чуть не весь вопрос для интеллигентного еврейства был в этом. Остальное всё приложится шутя, придёт само собой.

Руки опускаются перед той святой простотой, с которой сдан Порт-Артур нашего просвещения, и перед наивностью редакции приведённого выше правительственного сообщения. Для такого крупнейшего исторического шага не понадобилось ни Высочайшего повеления, ни даже постановления совета министров. «Министерство народного просвещения решило». Коротко и ясно.

Великий покровитель еврейства, его ставленник и супруг обворожительной Эсфири не посмел этого сделать даже ради её прекрасных глаз. Другой граф, прославившийся ненормальным, как бы это выразиться, легкомыслием, что ли, дозволявшим громко говорить, что русское правительство упало до гр. И.И. Толстого, министр, с чистым сердцем проделавший истинные чудеса в области просвещения, не посмел этого сделать. Государственная Дума, шедшая целиком на поводу у евреев, Дума, допустившая такой позор, как прения по белостокской истории и оскорбление жидом Якубсоном русской армии, не посмела этого сделать. Её еврейские и еврействующие главари, по мотивам вполне понятного благоразумия, сняли с очереди еврейский вопрос. Они не доверяли ни кадетам, ни даже тому одураченному мужику, которого выловили наши «урны». А вот министерство народного просвещения, руководимое безупречным джентльменом-министром Кауфманом и патриотом-москвичом Герасимовым, взяло да и сделало! О, оно отнюдь не решало еврейского вопроса во всём его объёме, [44] не предрешало даже вопроса о правах евреев на высшее образование! Оно только «в нынешнем учебном году» допустило евреев сверх нормы. Стоит ли говорить о таких пустяках? В будущем году будет совсем другое, не правда ли? Ведь это только на нынешний год... Ха-ха-ха!

Ведь это — так себе, пустое канцелярское, маленькое распоряжение, которому разве одни мы, как фанатики и ненавистники евреев, придаём столь неподобающее значение! Публика, может быть, даже и не прочтёт казённого entre-filet в восемь строк, как не прочла маленького же, мелким шрифтом напечатанного в 1898 году, сообщения о том, что, по нашей ренте, выпущенной в кредитных рублях, мы обязались иностранцам на веки вечные платить по золотому паритету.

Вот он, тот либерализм, от которого не отклонит правительство никакое бешенство террористов. Пусть летают бомбы и свищут пули, наши министры будут шествовать по пути прогресса и в реакцию не ударятся. В них будут палить, а они будут все освобождать. Их будут наталкивать на реакцию и террор, а они мужественно будут насаждать конституционный строй, будут беречь свободу... Чью, господа?

А не называется ли этот ваш либерализм как-нибудь иначе? Не есть ли это, наоборот, наш старый знакомец — чиновничий деспотизм, надевший только либеральную личину и ставший ещё злее, ещё беспощаднее?..

Мы не верим, чтобы министерство просвещения было наивно до такой святости и не понимало, что оно делает. Оно очень хорошо знает, что это маленькое распоряжение «на нынешний учебный год» равносильно полному и окончательному разрешению еврейского вопроса. Назад подобных вещей не берут.

А если так, то мы вправе спросить: задавало ли себе учебное ведомство вопрос, как на это взглянет... не еврейство, конечно, не еврейская печать и сбитое с толку, пустое и глупое, так называемое наше либеральное общество со своими главарями, пресловутыми «общественными деятелями», а вся толща мирного и спокойного обывательского слоя? Уверено ли министерство народного просвещения, что эту его меру Россия, подлинная, а не газетная, будет приветствовать? Полагает ли оно, что если бы этот вопрос был предложен на трёхстах шестидесяти уездных земских собраниях нынешней осени, десять, только десять из них решат его в министерском смысле?

Мы не поручимся и за эти десять, не поручимся ни за одно из тверских земств. Смотрите, уже и те высаживают своих либералов, одно за другим. Забаллотируются самые «лучшие», самые «передовые» деятели «освободительного» движения...

Этого опыта министерство сделать не пожелало. В своём новеньком либерализме оно не пожелало ни обсудить этого вопроса гласно, ни узнать, что об этом думает Россия, а обманным образом протащило его под полой. Отсюда наше право как публициста, надеемся, более знающего нашу Родину, чем господа министры и их товарищи, поставить такое определение разбираемому распоряжению.

Его мотивом была самая обыкновенная трусость.

Его орудием — бесстыдный деспотизм чиновника.

Её результатом — предательство своего народа и своей Родины.

«Русское Дело».

***

III. Наконец, помимо удовлетворения аграрного «движения», распропагандированного теми же евреями в их собственных политических интересах, а отнюдь не потому, чтобы нужна в земле была действительно такова, как её сочинила революция, предполагается, если верить печатным известиям, разрешить залог крестьянских наделов... Это уже всё, чего задумали достигнуть евреи в России поучениями Мардохея Маркса.

Да, можно поздравить сынов Иуды, они на практике осуществили то, к чему и сам Маккиавели успел дойти только в теории.

Что же, в сущности, такое маккиавелизм? Натравливание людей друг на друга для завоевания ими же самими собственного рабства. А что, risum teneatis, проделывает с нами «избранный народ»?!..

***

Политика социал-революционеров. Наши крайние революционные партии объявляют и серьёзно мнят себя «передовыми». Все они стоят на почве «чистого», как принято у них выражаться, демократизма, т.е. социализма, являющегося «последним словом» прогресса человеческой жизни.

Это «последнее слово», однако, изобретено не ими. Нашими социал-демократами и социал-революционерами оно, как и все, заимствовано с Запада, где идеи социализма давно получили право гражданства, но где, тем не менее, социалисты составляют только партию и притом партию, отнюдь не доминирующую.

Социалистическое учение, не признающее Бога и отечества, отрицающее национальность и собственность и стремящееся обратить людей в скотское состояние, представляется далеко не увлекательным для культурных народов Запада. Оно нашло себе почву только в среде рабочего пролетариата, да и то не везде благодарную.

В Англии смеются над Марксом, тем самым Марксом, перед которым благоговеют наши политические недоноски, старающиеся навязать его русскому рабочему, как некий «светоч», а в самой наиболее промышленной стране, социализм менее всего может похвалиться успехом. *Очевидно, прогресс и социализм вовсе не синонимы*.

Более благодатную почву нашёл себе социализм на западноевропейском континенте, особенно в Германии Франции и Италии. В Германии, с её широко развитой промышленностью одно время увлечение социализмом приняло весьма значительные, угрожающие размеры. Правительству довелось принимать серьёзные меры против разрушительной язвы социализма. Но увлечение это продолжалось недолго. Наступила реакция, и в последнее десятилетие социализм в Германии быстро пошёл на убыль. Ближе ознакомившись с социалистическим учением, поняв его фанатичность и преступность, немцы стали сторониться его, желая быть немцами, а не какими-то «общечеловеками», стремящимися разрушить Германскую империю, созданную немецким гением.

Вот любопытная таблица, показывающая число голосов, полученных социалистами на предпоследних и последних парламентских выборах в Германии, и ярко рисующая упадок социализма на родине Маркса:

Округа	Число голосов, полученных социалистами:	
	предпоследних	последних
Ашерслебен	20.261	19.013
Рохлиц	19.270	16.039
Ауэрбах	19.107	15.772
Мариенбург	13.616	10.277
Гамельн	10.198	8.703
Каттовиц	10.044	4.778
Страсбург	3.079	1.479

На последних выборах социалисты не выиграли в Германии ни одного нового места, на добавочных же — потеряли три места, до того принадлежавших им (Мариенбург, Саксен-Альтенбург и Франкфурт-на-Одере). Даже в таких социалистических центрах, как Эссен, Дессау, Шверин и Фурт, социалисты оказались в меньшинстве.

Ещё худший для социалистов результат дали недавние парламентские выборы в Швейцарии: из семи мест в национальном совете, которых добивались швейцарские социалисты, им досталось всего одно, причём они потеряли самых видных своих представителей. В настоящее время в швейцарском парламенте социалисты имеют всего двух представителей. Прорвались социалисты и на выборах в кантонах и сельских общинах. На выборах в генеральный совет Женевы не прошёл ни один социалист. В Берне и Биенне социалисты понесли полную неудачу. Адвокат Нен, давно стоящий во главе социалистов, удалён выборщиками из генерального совета.

Таким образом, «золотая пора» социализма прошла даже на родине самого Маркса. А у нас «марксисты» считают себя наипередовыми людьми, вестниками и носителями «последнего слова прогресса»!

Это, как нельзя лучше, характеризует наших «передовых» борцов революции, дурачащих тёмный народ, навязывая ему западноевропейскую залежь за самый свежий и доброкачественный товар...

Социальная революция стремится к водворению всяческих свобод и «рая» на земле, — поучают революционные агитаторы. «Гегемония пролетариата», «рабочий рай», «свобода труда», экспроприация в пользу пролетариата собственности и капиталов, обращение всех классов населения

на службу одному классу — «пролетариату», точнее — рабочим. Какие, в самом деле, заманчивые перспективы!

Но всё это только на словах, пока социалисты ещё не достигли господства. Когда же социалисты становятся у власти, картина получается совсем другая. На языке одно, а на деле иное. Мы знаем, по горькому опыту последних двух лет, что такое социалистические «свободы». Но это только прелюдия. К чему же в результате сводится господство проповедников социализма, глашатаев «земного рая»?

Ответом на этот вопрос может служить современная Франция, уже целый ряд лет управляемая социалистами, захватившими в свои руки большинство в парламенте и по-своему вершащими судьбы страны. Так как правительство во Франции всецело зависит от парламента, на «доверии» которого основано его существование, то естественно, что при социалистическом парламенте и правительство может быть лишь социалистическим. Ныне же и во главе республики поставлен социалист.

Что же изменилось во Франции за годы социалистического режима, водворённого Комбом и Жоресом?

Изменилось и изменяется многое, но... только не по программе социалистическо-революционных агитаторов.

Рабочие составляют в парламенте ничтожную группу, сельский же пролетариат (рабочие, арендаторы, мелкие сельские хозяева и крестьяне) вовсе не имеет в нём представительства. Судьбы страны вершат: крупные сельские, хозяева-собственники (120), адвокаты (119), врачи (46), литераторы (40), промышленники (30), отставные военные и гражданские чиновники (72), конечно, не помышляющие об экспроприациях в пользу «пролетариата» собственности и капиталов, обладателями которых сами же являются.

О «рабочем рае» и помина нет, о чём свидетельствуют участившиеся стачки как в частных, так и в правительственных предприятиях (арсеналы и т.п.). Что же до «свободы стачек», то о таковой можно судить по тому, что социалистическое правительство борется с ними вооружённой силой, не церемонясь с рабочими при малейшем нарушении ими порядка. Припомним кровавые расправы с забастовщиками в Льеже, Бресте и др. местах.

Но этого мало. В настоящее время, во Франции, мобилизуется специальный подвижной жандармский корпус для борьбы с рабочими стачками при нарушении ими порядка. Корпус этот будет состоять из трёх тысяч конных, вооружённых огнестрельным и холодным оружием, жандармов, содержание которых обойдётся в 5 миллионов франков в год. Подвижной жандармский корпус будет расположен отрядами в местностях более подверженных рабочим забастовкам, и при возникновении таковых будет тотчас же сосредотачиваться в пунктах забастовок.

Вот социалистическая «свобода стачек» на деле!

То же оказывается в действительности и с остальными «свободами», сулимыми на словах глашатаями социализма.

В числе этих «свобод» одно из первых мест занимает полная и абсолютная «свобода совести», для чего должна быть порвана всякая связь между Церковью и государством: государство не должно поддерживать ни материально, ни нравственно никакого религиозного культа. Церковь не должна опираться на государство. Что же оказывается на деле?

На деле католическая Церковь и все верное ей население во Франции подвергается жестоким преследованиям со стороны социалистических правителей: церкви берутся штурмом и подвергаются разгромам, защитники их, прихожане, не исповедующие социалистического безбожия, рассеиваются вооружённой силой и расстреливаются. И всё это есть, по объяснению социалистических изуверов, полная и абсолютная свобода совести», «невмешательство государства в церковные дела»!

Законом об отделении Церкви от государства, состряпанным социалистами яко бы от имени французского народа, не только прекращён отпуск из государственной казны средств на

содержание Церкви (48 миллионов франков в год), но постановлено отобрать храмы и их имущество из ведения духовной власти. Прекращение отпуска средств на содержание Церкви не встретило протеста, хотя, казалось бы, французский народ вправе требовать, чтобы на деньги, собираемые с него же, государство содержало для него церкви.

Но когда по исполнении социалистической «свободы совести» было приступлено к описи церквей и их имущества, для «экспроприации», прихожане выступили на защиту своей совести от социалистической «свободы», так что каждую церковь пришлось брать штурмом.

Достойно отметить, что эта социалистическая «свобода совести» обрушилась во Франции только на католическую Церковь и верный ей французский народ, как у нас она обрушилась бы и уже обрушивается на православную Церковь и верный ей русский народ. Ни к евреям, ни к другим инородцам социалистические революционеры своей «свободы совести» не думают применять. Зачем? Ведь вся суть Франции во французском народе, как вся суть России в русском народе. А так как цель социал-иудаизма, сочинённого и осуществляемого евреями (Маркс, Бебель, Либкнехт, Бернштейн и т.д.), — разрушение государства, то, естественно, и «свободы» его направляются во Франции против французского народа, в России — против русского.

Кому же и для чего нужен социалистический «рай» в России?

Очевидно, тому же и для того же, кому и для чего это нужно во Франции, живой пример которой, без сомнения, красноречивее и убедительнее всяких брошюр, прокламаций и агитаторских речей, стремящихся местью и обманом заманивать незрелых и легковерных людей в предательскую ловушку.

Наша одурманенная революционерами — агитаторами «социал-демократия» в простоте душевной и не подозревает, что в действительности она просто-напросто социал-демократия... *«Московские Ведомости»*.

Социализм и революция. Наши революционеры стараются прикрыться социализмом, оправдывая свои злодеяния тем, что это необходимо для торжества «высокоблагородной идеи» социал-демократизма.

Можно было бы порекомендовать им ознакомиться с книгой известного вождя французских социалистов Жореса «Histoire Socialiste». В этой книге они прочли бы, что ***«революция есть варварская форма прогресса»***, и что даже поднимаемая во имя благородных идей ***«революция всегда является низшей и полускотской эпохой в жизни человечества»***.

Но для наших революционеров социализм служит только фиговым листком, которым они стараются покрыть свою умственную и нравственную наготу и политическое убожество. Они способны только на «варварскую форму прогресса», они не только не прекратят никогда добровольно «полускотской эпохи», водворяемой огнём и мечем в России, но стремятся навязать нам совсем скотскую эпоху, которая и водворится, несомненно, в случае дальнейшего сентиментализма Правительства.

Неудачи московского мятежа и думской революции не обескуражили сумасбродных голов, именующих себя социал-революционерами. Приспособившись к нашему правительственному курсу, наступившему со второй половины 1904 года, и зная, что за каждым шагом Правительства вперёд неизменно следуют несколько шагов назад, **они выражают на своих съездах и собраниях полную уверенность в победе «пролетариата», то есть в разрушении России при содействии (сознательном или бессознательном, это, конечно, всё равно) правящей бюрократии, хотя и понимают, что этой победы «можно добиться лишь путём неисчислимых жертв».**

Эти «неисчислимые жертвы» нисколько, однако, не путают дирижёров революции, торжественно поклявшихся на Лондонском и Стокгольмском съездах «бороться до последней капли крови».

Чьей крови? Да в том-то и дело, что не своей: эти господа только наблюдают, как проливается кровь сбитых ими с толка и толкаемых на борьбу рабочих и других легковерных «пролетариев», одураченных и одурманенных «высоким благородством» социалистической идеи.

Во имя чего же это «Панургово стадо», призывается на «неисчислимые жертвы»?

Лучшим ответом служит недавняя речь в парижском суде присяжных одного их столпов социализма, профессора Эрве. В своей защитительной речи профессор-социалист Эрве, обвинявшийся в подписании воззвания, призвавшего солдат к неповиновению начальству, и присуждённый за это к четырёхлетнему тюремному заключению (не так, как у нас!), сказал:

«Из всех войн только одна продуктивна, а именно — война междоусобная. Нас, социалистов, на удочку патриотизма не поймаешь; нам нет решительно никакого дела до национального достоинства и народной чести; мы не станем жертвовать жизнью из-за так называемой родины. На приказ о мобилизации мы ответим вооружённым восстанием!..»

В дальнейшем своём разъяснении «высокоблагородной идеи» социализма профессор Эрве сказал:

«Если бы Германия отвоевала у Франции часть её территории, для нас (социалистов) это было бы совершенно безразлично: политические права в Германии приблизительно те же, что и во Франции, немецкие чиновники относятся не строже к нашей пропаганде, чем французские, следовательно — мы ничего не имеем против того, чтобы перейти под власть Германии».

Вот во имя чего творится наша революция: во имя попрания патриотизма, во имя упразднения национального достоинства и народной чести, во имя забвения «так называемой родины», во имя того, чтобы русским людям было «совершенно безразлично», если бы часть русской территории или даже вся Россия была завоёвана Германией, Англией, Японией и т.д., чтобы русские люди «ничего не имели против того», что их отдадут во власть Германии, Англией, Японией, а тем более — жидовского кагала!

Это уже не «полускотское», а прямо скотское состояние.

Могут, конечно, указать, что эта уродливейшая форма социализма исповедуется не всеми социалистами. Известно заявление Бебеля в рейхстаге, что *«мы — прежде всего немцы, а потом социалисты»*: Известна также недавняя горячая полемика между «старыми» (Бебеле-Жоресовского толка) и новыми (толка профессора Эрве) социалистами, полемика, обнаруживающая не полное согласие, только принципиальное «старых» социалистов со скотскими тенденциями социалистов новой марки — так называемых «антимилитаристов».

Но как всякое явление у нас воспринимается в уродливой форме, так и социализм привился (при помощи евреев) и получил право гражданства у нас в самом худшем виде, в уродливейшей и преступнейшей форме, в той именно форме, выразителем которой является профессор Эрве.

Разве наши социалисты не требуют уничтожения армии («депутат» Ульянов состряпал даже законопроект об этом для Думы)? Разве наши социал-революционеры и просто революционеры не старались о нашем поражении на Дальнем Востоке? А что такое вся наша революция, как не сплошное поругание «так называемой родины», как не систематическое упразднение национального достоинства и народной чести?

Если ещё принять во внимание, что рядом со всем этим упраздняется всякое понятие о Боге и совести, о семье и собственности, то сам собой является вопрос: чем же отличались бы такие люди от скотов?

«Кто не любит своей родины беззаветно, слепо, безумно, тот только наполовину человек», — говорит Эдмонд Абу.

Наши же революционеры, глашатаи и насадители социализма беззаветно, слепо, безумно ненавидят свою Родину.

И.С. Тургенева, конечно, никто «в черносотенстве» не заподозрит, а вот что он говорит:

«Космополитизм — чепуха, космополитизм — нуль, хуже нуля. Вне народности ни художества, ни истины, ни жизни, — ничего нет».

Мы и видим, что в нашей вненародной и антинародной социальной революции действительно «ничего нет», кроме бессмыслия, предательства, и психопатического умоисступления.

По заявлению социалистов, их «на удочку патриотизма не поймаешь». Но и русский народ не поймать им на удочку социализма. Нужно только, чтобы он понял и знал, во имя чего призывают его к бунту,

мятежу и грабежу.

Уже приходится слышать разочарование революционных дел мастеров в русском народе. «Русские Ведомости» писали недавно (17 июля):

«В том самом вопросе, который сделался главным боевым кличем (революционной) агитации, в земельном, мечты и желания крестьян коренным образом расходятся с тем, что проповедует социал-революционная партия. Предполагали в крестьянине социалиста, между тем как мужик (оказался) заправским буржуа».

Не такие ещё разочарования и огорчения ждут революционеров в их самообольстительном социал-революционном «скотстве»...

«Проповедь социальной революции среди русского народа может иметь успеха ещё меньше, чем среди других народов. А до сего времени она успеха не имеет и среди других народов». *(«Московские Ведомости»).*

Два слова о «Гонимых». Опять кровавые, полные ужаса дни в Седлеце, опять предсказания того же в Варшаве и опять крикливые толки об участии в этих погромах и предсказаниях о них правительственной власти в лице её местных представителей.

Далее этих поверхностных объяснений и обвинений не идут. Тем более, что обвинять всегда легче, и теперь особенно лестно обвинить именно правительство как корень всех зол на Руси.

Но если мы всмотримся глубже, то увидим, что обвинять войско, полицию, правительство в погромах — это то же, что обвинять их в какой-нибудь эпидемии... Взгляд, конечно, весьма близорукий, ибо еврейские погромы — явления исторические, вековые, и причины их очень глубоки.

Разбираясь в этих причинах и отыскивая способы избавления евреев от погромов, социалистический писатель Каутский, которого в ненависти к евреям нельзя заподозрить, советует им, прежде всего, отказаться от ветхозаветной религии, а потом уже дожидаться наступления социалистического строя, когда погромы будут невозможны.

Еврейство представляет собой вполне изолированную, замкнутую в себе самой массу в каком бы то ни было государстве. Душа еврейства — его ветхозаветная религия: она пополняет, устраивает всю его жизнь.

Эта ветхозаветная религия создала непоколебимое верование всего еврейского народа в свою богоизбранность среди всех людей на земле, в эту привилегию на особенную и единственную любовь Бога к одному только еврейскому народу.

Все люди — враги Бога евреев, а потому и враги евреев, а так как на этом взгляде построено учение Моисея — «око за око, зуб за зуб», то каждый еврей должен быть врагом всех людей как врагов его Бога.

Таков вполне противосоциальный, развращающий догмат евреев, вытекающий из их ветхозаветной истории, догмат, оправдывающий глубокую, бесчеловечную эксплуатацию евреями всех христиан вообще, а в особенности простецкого русского народа. Бесчеловечная же эксплуатация возбуждает в народе негодование и озлобление, которые, переходя через границы терпения, вызывают, наконец, и расплату с евреями в виде погромов. Стало быть, если евреи желают жить в мире с народом, они должны прежде всего отказаться от взгляда, что народ — их враг и должны прекратить свою эксплуатацию. *(«Русская Земля»).*

***

м). Для завершения картины уже достаточно засвидетельствовать фактами, изобилующими на всём пространстве нашего несчастного отечества, но и в самом разнообразии своём внушающими лишь омерзение и ужас, но мы не в силах отказаться от некоторых ещё, новейших данных и на них закончим.

В Думе, как известно, было два «депутата» Френкеля — от Киева и от Костромы. Эти два еврея дополняли собою «депутата» от Москвы, еврея же, разумеется, Герценштейна. Таким образом три важнейшие в русской истории города образовали своими «избранниками» целый чесночно-кагальный

букет...

Вот свежие данные о киевском Френкеле:

***

Уманский корреспондент «Киевлянина» сообщает подробности ареста бывшего «депутата» Френкеля и обстоятельства, при которых он произошёл. Последние заслуживают того, чтобы на них остановиться, так как рисуют во всей красоте фигуру одного из наших «лучших» людей, с крамольной деятельностью которых в Государственной Думе России невольно приходится теперь считаться.

Возвратясь после разгона Думы из Петербурга, Френкель никоим образом не мог примириться с тем, что революция уже не считается для России нормальным времяпрепровождением, и что Правительство серьёзно начало подумывать о порядке. Вместе с тем бывший депутат не желал расстаться и с уверенностью в своей «неприкосновенности», а потому немедленно же по возвращении в отчий дом принялся за усиленную революционную пропаганду среди крестьян.

«Работал» он настолько откровенно, что даже местная, полусонная полиция не могла не обратить на него внимания. Под влиянием этой пропаганды в Уманском уезде и в соседних волостях Липовецкого уезда среди крестьян начало обнаруживаться явно приподнятое настроение. Крестьяне говорили, что, если Френкель, бывший член Государственной Думы, имеет возможность открыто заявлять, что «вся земля — крестьянская», что «не нужно платить налогов и давать рекрутов», и никто ему за это ничего не делает, значит — он говорит правду.

Не довольствуясь пропагандой в Уманском уезде, Френкель захватил, как сказано выше, и Липовецкий уезд. Причём для пропаганды здесь пользовался железной дорогой от Казатина до Умани. В вагон к нему подручные еврейчики на каждой станции приводили крестьян, которых бывший «депутат» и насыщал азбукой революции, раздавая им собственные печатные произведения.

И вот однажды, когда Френкель вышел из вагона на уманском вокзале, после своей революционной «экскурсии», его пригласили в контору начальника станции «для некоторых объяснений». В результате этих объяснений Френкелю предложен был «для сведения и руководства» приказ о его аресте.

Френкель был поражён. Он заявил лицу, арестовавшему его, что «здесь», несомненно, «недоразумение» и что ему, Френкелю, стоит только послать кому-то телеграмму, как «через два часа, не позже, дело разъяснится, и он, Френкель, будет освобождён». Магическую телеграмму послать ему разрешили, а пока получится ответ, пригласили пожаловать в уманский острог. Конечно, никакой «освободительной» телеграммы «через 2 часа» получено не было и Френкелю пришлось переночевать в остроге. На другой день этот «лучший» выразил резкое недовольство своим помещением и настоятельно требовал, чтобы его отпустили домой, где у него «масса дел». Воздух острога он признал отвратительным, острожная пища не могла идти в сравнение с продуктами буфета Государственной Думы. Вообще, Френкель не находил слов осуждения порядкам уманского острога и заявил, что ни за что на свете не согласится остаться в нём дольше одного дня.

Увы! Очевидно, у лиц, подвергших аресту этого недавнего «лучшего», были солидные аргументы, и потому Френкель до сих пор не покидает острожных стен.

А сколько этих «лучших» ещё остаётся на свободе и мутит народ!

Они подумают. Социал-демократы и «бундисты» выступили, как известно, с заявлением, осуждающим деятельность «экспроприаторов». Социалисты и «бундисты» отрекаются от солидарности с грабителями и разбойниками, которых, однако, сами же создали. В свою очередь социал-революционеры не хотят принять на себя ответственности за злодеяния, подобные покушению на П.А. Столыпина, и сваливают вину на «максималистов». [45] Теперь газеты передают слух, что и «максималисты» решили прекратить зверские «выступления» и присоединиться, в смысле «тактики», к более умеренным товарищам. На сколько верен этот слух, мы не знаем, но внимания он заслуживает во всяком случае.

Революция, видимо, сдает. Её силы если не надорваны, то надрываются. И именно с того момента,

когда правительство обнаружило известную твёрдость и громко заявило, что будет не расшаркиваться перед революцией, а бороться с ней, различные революционные организации вдруг заговорили в умеренном тоне.

Это знаменательное явление следует рассматривать с двух точек зрения. Во-первых, не подлежит сомнению, что революционеры ослаблены энергичной деятельностью правительства, во-вторых, неожиданное «благоразумное» заявление «бунда» об «экспроприациях» и «конфискациях» указывает на некоторое охлаждение революционного пыла в еврейской среде. Последнее обстоятельство весьма важно. Русской революцией распоряжались евреи. В этом деле они были полными хозяевами. Собственно русские революционеры ещё ничего не достигли из намеченной ими программы, а евреи достигли уже очень многого. Оставаясь на бумаге неполноправными, они заседали, шутка сказать, в высшем законодательном учреждении — в Государственной Думе, именуясь представителями не еврейского, а русского народа и претендуя на соответственный авторитет. Для еврейской молодежи широко раскрыты двери всех учебных заведений. Пресловутая черта оседлости — не больше, как воронье пугало, которого умные израильтяне, конечно, не боятся.

Короче говоря, обстоятельства складываются для евреев чрезвычайно счастливо, и русское еврейство в лице своей интеллигенции и заграничных вожаков не может не задаться вопросом: скоро ли настанет время более благоприятное и настанет ли вообще?

Этот вопрос, над которым простодушные «передовые» русаки и не думают ломать головы, сильно занимает евреев. Ведь у них теперь синица в руках; очень им нужен журавль в небе!

Еврейское движение, строго национальное, лишь временно катилось в русле русского освободительного движения. Для непредубежденных людей было ясно, что в известный момент эти течения разъединяются, и каждое направится в свою сторону.

Как далеко разойдутся они? Предсказать, пожалуй, нетрудно. В то время, как русские «освобождении» задаются фантастическими, явно неосуществимыми планами и сами себе готовят новый продел, евреи твёрдо и неуклонно идут к тому, что им сейчас нужно и полезно, и что обеспечит им успех в близком будущем.

Русские революционеры лезут на стену. Евреи на стену не полезут. С какой стати? При помощи русских революционеров и сочувствующего им интеллигентного общества они пробили в этой стене такую широкую брешь, что могут войти в неё с полным удобством.

Мы ни мало не удивимся, если революционные «выступления» приостановятся, т.е. будут приостановлены евреями. Евреям нужно в данный момент внимательно осмотреться, подвести итоги и точно рассчитать, на что они могут надеяться в дальнейшем. Действовать, очертя голову, — не в их правилах и не в их интересах, особенно, когда правительство проявляет известную твёрдость. Они подумают и примут то решение, которое им выгодно, а не то, которого могут потребовать безрассудные русские революционеры. *(«Русская Земля»).*

Польша. Пока мы колеблемся и растерянно топчемся на одном месте, враги России не дремлют. О деятельности социалистической польской боевой партии («П.П.С.»), проявляющей неутомимую энергию в Варшаве, чрезвычайно любопытные сведения сообщает «Киевлянин».

Партия «П.П.С.», оказывается, объявила себя на военном положении относительно Русского Правительства, и потому считает себя вправе «конфисковать» имущество неприятеля. Всему, что ей удаётся отнять у Правительства, ведётся подробный счёт в органе партии «Работник», из отчётов которого явствует, что за последние 12 месяцев было «конфисковано», ни более, ни менее, как 800.000 рублей. Эти деньги предназначаются на покупку оружия, которое хранится в тайных складах в ожидании открытого восстания.

Партия получает финансовую поддержку из Франции, Англии, Голландии, Бельгии, Италии и Америки. Денежные сборы германской социал-демократии на русские революционные организации не пошли на пользу польской социалистической партии, преследующей главным образом национальные цели (отделение Польши). Тем не менее, доходы партии с каждым годом возрастают и в текущем году достигли солидной цифры — 1.000.000 рублей.

Местные боевые организации партии «П.П.С.» за последнее время слились в один центральный орган, члены которого постоянно упражняются в стрельбе, постройке баррикад, производстве бомб. Все они вооружены браунингами и ружьями Маузера. Кроме этого, партия располагает несколькими пулемётами, которые пока составляют резерв.

Боевая организация партии преследовала сначала следующие цели: 1) защищать партию от полиции и войск; 2) сделать невозможным русское управление Польшей при помощи войск (эта цель считается уже достигнутой); 3) поднять мужество населения и подготовить его к восстанию; 4) образовать кадры будущей армии, которая предпримет восстание в пользу независимой польской демократической республики, а в случае, если это окажется невозможным, — в пользу возможно широкой автономии.

Русские террористы согласны даровать Польше независимость, польские социал-демократы предпочитают ограничиться автономией.

Партия «П.П.С.» ведёт энергичную пропаганду среди народа и солдат и утверждает даже, что ей удалось во многих гарнизонах склонить большинство на свою сторону.

И вся эта подготовка к новому восстанию совершается не где-нибудь в захолустье, а в самой Варшаве, при военном положении, на глазах русской администрации, которую социалистическая польская партия считает уже фактически упразднённой.

Иначе, как же могла эта администрация допустить тайные склады оружия, военные упражнения боевой организации и похвальбу о «конфискованных» у Русского Правительства деньгах в органе партии «П.П.С.»?!..

Митава, 3 сентября. На днях, узнав, что в одном из сараев вдоль Перново-Феллинской железной дороги скрываются четыре подозрительные личности, несколько эстонских крестьян с помощником волостного старшины, без оружия отправились задержать их. Бандиты, оказав отчаянное сопротивление, убили выстрелами помощника старшины, двоих крестьян ранили и бежали без всяких потерь. Теперь удалось поймать двоих из них — Линденберга и Кента. Они показали, что принимали участие в свеаборгском бунте и недавно вернулись из Гельсингфорса. При них найдены браунинги и членские карточки финской красной гвардии. Они утверждали, что для совершения террористических актов их наняли, и работа оплачивается понедельно, но кто их «хозяин» — о том знают де только скрывшиеся товарищи. Распоряжением военных властей оба отведены на то самое место, где они совершали последнее убийство, и тут были расстреляны. От духовного напутствия они отказались.

Любопытно, что такой же факт всплыл наружу в Курляндии, где задержанный парень, приводивший в исполнение разбойничий мандат, объяснил, что выполнял поручение некоего лица, которое в свою очередь получает веления, но от кого — не знает. Вознаграждение выдаётся недельное. Очевидно, тут целая иерархия.

Обиделись. «Каспию» прислано следующее курьёзное объявление бакинской партии анархистов-коммунистов.

В последнее время в Баку появилась масса шантажистов, действующих иногда, прикрываясь флагом анархистов-коммунистов.

Это самая низкая узурпация нашего имени, наших идеалов, совершенно непонятных разным шантажистам. Поэтому мы заявляем: всякий шантажист, действующий от нашего имени анархистов-коммунистов, будет нами безжалостно убит.

И сегодня рабочими анархистами уже убиты двое из шайки таких шантажистов: Григор Тер-Аванесьянц и Артем Товмасьянц.

Пусть это знают все интернациональные шайки шантажистов и оставят нас в покое.

Одновременно, во избежание всяких недоразумений, заявляем: здесь работают только следующие группы анархистов-коммунистов — «Анархия», «Борьба» и «Бунд». (Бакинская группа анархистов-коммунистов «Анархия» (красная печать группы). Баку, 30 августа 1906 года.

***

н). Для иллюстрации того, к чему ведёт уже сама пропаганда социализма как отрицание права собственности, труда и всякой правды мы берём из современных событий ещё некоторый букет «освободительных» подвигов.

***

Границы нахальства. На днях в Москве совершено при необычных условиях нападение на контору склада стёкол «Франк», в своём доме, в Большом Кисельном переулке. В этом же доме помещается участок и управление пристава 1-го участка Мясницкой части, где дежурят 50 городовых. Причём между окнами конторы и окнами участка — несколько аршин, а в воротах этого дома — полицейский пост. Все эти «неудобства» не помешали, однако, пятерым юнцам наметить эту контору именно для «экспроприации».

В обеденное время, когда в конторе, кроме управляющего и кассира, находились только пять человек служащих, в контору вошли двое молодых людей, которых, в виду желания купить зеркало, провели в розничное отделение. Через несколько минут явились ещё трое посетителей, к которым вышел уже сам управляющий.

На вопрос «что угодно» раздалось «руки вверх!», грабители заняли наблюдательные пункты, а один спросил у кассира ключи от денежного шкафа. Не справившись с ключами, он потребовал, чтобы кассир сам отпер шкаф, что тот и сделал. Характерен факт, что у юнца, который наблюдал за управляющим, так дрожали руки, что управляющий попросил отвести от него дуло револьвера из предосторожности. Просьба была выполнена. Когда деньги были вынуты (около 400 рублей), «товарищи» приказали всем находившимся забраться в кассу, предупредив, что за дверью лежит бомба, и выбежали на улицу.

Вслед за ними не растерявшийся управляющий перелез через барьер кассы, увидел, что бомбы нет, выпустил остальных, и все бросились вдогонку за грабителями, стараясь хотя бы не упустить их из виду. К ним примкнули дворники и некоторые из публики.

Двое грабителей были задержаны на Трубной площади, одного конторщик поймал у Сретенских Ворот, а остальных двоих, по указанию проходившей дамы, полиция отыскала впоследствии в сарае соседнего дома Эрлангера, забравшимися под сваленный хлам, причём один из последних, 18-тилетний Морозов, сын чиновника и домовладельца на Пресне, во время борьбы при аресте был ранен в ногу навылет околоточным. Все они не старше 23-х лет, один оказался учеником духовного училища Смирновым. Заряженные браунинги были только у троих, у двоих же найдены незаряженные «Наганы» офицерского образца. Они, между прочим, объяснили, что перед совершением нападения имели свидание на Чистых прудах с каким-то «Соколом», который, обещая по 100 рублей награды за нападение, объяснял, что ограбленные деньги пойдут на помощь бедным людям — жертвам правительственного террора.

Дополнительные сведения: из остальных двое назвались мещ. Н.И. Семёновым и Ф.Н. Киндяковым, третий же отказался дать о себе сведения.

В Белостоке. После погрома евреи-«освободители» несколько присмирели и в городе остальным жителям чуточку легче вздохнулось. Теперь снова в городе тревожно. На этих днях, как уже сообщил телеграф, здесь предательски убит жандармский подполковник Грибоедов.

Белостокский корреспондент «Варшавского Дневника» по этому поводу сообщает следующие подробности.

Около 4-х часов дня, 20 августа к проходившему Парадной площадью в г. Гродно подполковнику Грибоедову подошёл какой-то господин, очевидно, соучастник преступления и стал с ним о чём-то разговаривать. В это время, один из шедших следом за ними молодых людей вынул из кармана револьвер и почти в упор выстрелил Грибоедову в затылок. Пуля пробила сонную артерию и прошла около левого глаза. Смерть последовала моментально. Преступники смешались с толпой и безнаказанно скрылись.

Уже выясняются виновники убийства и причины его. Автору сообщения довелось видеть гектографированное «заявление», подписанное «боевым летучим отрядом социалистов-

революционеров-максималистов». В «заявлении» говорится, что Грибоедова убил один из членов летучего отряда по приговору организации за «долголетнюю провокаторскую (так сказано в «заявлении») деятельность в Белостоке» и за «деятельное участие в недавнем еврейском погроме». Покойный оставил после себя жену. Детей у него не было. Имущество своё Грибоедов отправил из Белостока в Царицын, куда он недавно получил назначение после брошенной в его квартиру бомбы...

Белосток. Опубликовано следующее объявление временного генерал-губернатора Богаевского: «8 сентября будет православный крестный ход. Объявляю населению, что для предупреждения беспорядков мною будут приняты самые строгие меры. Виновные в покушении произвести беспорядок будут преданы военно-полевому суду. Дома, из которых будут произведены покушения, будут подвергнуты секвестру, жители из них будут выселены».

Евреи в Чернигове. Очень влиятельный, если только не самый влиятельный, круг общества в Чернигове — евреи. Разумеется, что там они такие же, как и везде. Странно, несмотря на постоянные разговоры и целые груды писанного о евреях, можно с уверенностью сказать, что об их внутренней жизни ничего ровно не знают. Они умеют скрывать свои интриги. По внешности, они здесь благоденствуют и размножаются, точно кролики.

Лет сорок назад евреев в Чернигове имелось не больше десяти процентов, и существовали они мелкими делишками. Теперь число их доходит до пятидесяти процентов (!!); весь город пестрит громадными вывесками еврейских магазинов и «аптечных складов», неизвестно для кого и для чего открытых. Русских торговцев осталось здесь очень немного, да и те шага не могут ступить без евреев. Что касается торговавших прежде на базаре мещан и мещанок, столь чудесно описанных Гоголем, то при наступлении евреев они исчезли, а если остались ещё, то, разумеется, не нуждаются ни в каких внушениях для своего возмущения против них. Но влияние евреев простирается на все городские учреждения и ведомства без изъятия. Ни одна сделка не обходится без их участия даже тогда, когда участие, казалось бы, совершенно излишним. Так, например, при продаже помещичьих земель через крестьянский банк крестьянам евреи принимали очень большое участие и заработали громадные суммы!

До последнего времени городской банк ещё не был в их руках, и они стали усиленно хлопотать об открытии здесь отделения специально еврейского банка. В городе кроме местного банка, есть ещё и отделение государственного. Горожане сильно старались противодействовать такому открытию и подавали прошения, куда следует, но власти, как везде, решили по желанию евреев, и их банк — теперь в Чернигове. Как всегда, везёт у нашего начальства евреям!

Гельсингфорс, 4 сентября. Вчера доставлены в Гельсингфорс на пароходе из Бьернеборга под грузом кирпичей около 500 ружей швейцарской системы Ветерлин, той же системы, что и привезённые в прошлом году на пароходе «Джон Графтон». Ружья задержаны местной полицией частью при выгрузке, частью — на дворе одного торговца, которому они доставлялись.

Москва, 6 сентября. Воспитанник Александровского коммерческого училища Гельдендах, бывший главным виновником инцидента в день акта, постановлением училищного совета исключён из числа воспитанников без права поступления в какое-либо другое учебное заведение.

Седлец, 6 сентября. Ограблены вооружёнными злоумышленниками казённые винные лавки в посадках Лысобыках и Мацеевицах Луговского и Гарволинского уездов. В последней похищено 477 рублей, причём разбойниками, как и в предыдущем случае, сделана в контрольной книге подпись: «деньги получила партия польских социалистов». Грабители скрылись в соседнем лесу, где, по словам жителей, их поджидала многочисленная шайка.

Варшава, 6 сентября. Была произведена облава на берегу в лесу Саксонского острова, где находится убежище хулиганов. Одновременно была обнаружена сходка в деревне Секерки под Варшавой, причём задержана большая толпа.

Екатеринослав, 6 сентября. При обыске в гостинице «Европа» в номере произошла перестрелка между двумя молодыми людьми и полицией, причём ранены пристав и околоточный, а сыщик убит. Молодые люди, тяжело раненые, скончались. При них найдены браунинги и много пуль. Их паспорта

подложны.

Вильна, 6 сентября. Задержанные 2 сентября в Снопишках, 9 человек обвиняются в принадлежности к комитету социал-демократической рабочей партии. При обыске найдены бумаги и документы, указывающие на связь комитета с железнодорожным союзом. Среди арестованных трое студентов.

Одесса, 7 сентября. Военно-полевым судом приговорён к смертной казни через расстреливание Леон Тарле, убивший при задержании городового и дворника и ранивший другого городового. Сегодня, в полдень в здании тюрьмы приговор приведён был в исполнение.

Варшава, 6 сентября. В ночь с воскресенья на понедельник в доме №8 на улице Лешно при обыске обнаружены в одной из подвальных квартир готовые бомбы, множество взрывчатых материалов, браунинги, маузеровские револьверы, патроны и большое количество прокламаций. Хозяева квартиры, сын которых был в числе уведённых злоумышленниками из следственной тюрьмы, арестованы.

Ессентуки, 6 сентября. В Кисловодске в 7 часов вечера в квартиру кондитера Колодяжного явилось пять грабителей-туземцев, по профессии каменьщиков, и под угрозой убить его отняли 3.000 рублей, приготовленные для расчёта с рабочими. Грабители скрылись.

Елизаветград, 7 сентября. Вчера, около 10 часов вечера, более 20 вооружённых грабителей ворвались в дом и потребовали у помещика Луцкого денег. Получив ключи от кассы и открыв последнюю, грабители пятью выстрелами убили его, забрали около 30.000 рублей, а затем, приказав служащим подать лошадей, скрылись.

Варшава, 7 сентября. Задержанный, стрелявший ночью в околоточного надзирателя, Косинский, состоял в боевой революционной организации и совершил множество убийств и грабежей. Косинский недавно вышел из творковской лечебницы для умалишённых, где был на испытании. Задержан и сообщник Косинского.

Варшава, 7 сентября. Ночью полиция явилась с обыском в квартиру Рыбицкого. Рыбицкий 8-ю выстрелами ранил околоточного Сиповича и пытался было скрыться, но был задержан солдатом и ранен.

Из-под Москвы. К проживающему в Клину 80-тилетнему аптекарю Э.Я. Маттисену явился молодой человек, вооружённый револьвером и железной палкой, с требованием денег. Маттисен хотел скрыть от него пачку в 5.000 рублей и выбросил её из денежного ящика под диван, но молодой человек заметил это и, ударив Маттисена палкой по голове, выхватил пачку и скрылся.

Харьков, 7 сентября. Вблизи города совершено нападение на свадебный поезд крестьян, ехавших на 5 подводах. Грабители хотели стащить с телеги сундуки с приданым. Шаферы и поезжане с трудом отбили нападение грабителей.

Петербург, 6 сентября. С 4 на 5 сентября, во втором часу утра, близь станции «Сапёрной» произошло крушение поезда Вологодской дороги, вышедшего из Петербурга в 12 часов 30 минут ночи. Путь был разворочен на 10 саженей, два вагона опрокинулись, третий накренился. Крушение произведено злоумышленниками, т.к. в поезде ехал артельщик с 25.000 рублей; тяжело пострадавших нет; ушиблено 15 пассажиров; злоумышленники не найдены.

Арест грабителей Душетского казначейства. Тифлис, 5 сентября. По сведениям тифлисского следователя по важнейшим делам, арестованные в Женеве братья Кереселидзе и Магалов как главные виновники похищения в Душетском казначействе 315.000 рублей — молодые люди, недоучки.Они проживали в Тифлисе по подложным паспортам. Арестованы также в Тифлисе лица, снабдившие их паспортами. Всего привлечено по делу 20 человек.

Саратов, 4 сентября. В селе Завьялове Балашевского уезда крестьянин Михайлов бросил через окно в квартиру урядника Рыжкова бомбу. Рыжков остался невредим, преступнику оторвало кисть руки.

Шпион при министерстве. На этих днях арестован один из курьеров министерства внутренних дел, оказавшийся шпионом, передававшим все сведения революционным комитетам. При обыске у него найден фотографический аппарат с сильно действующим объективом; этот аппарат помещался в петле

сюртука, куда была продета часовая цепочка. Этот курьер служил при министерстве внутренних дел около 7 лет и ранее не был ни в чём замешан. Это открытие возмутило администрацию и усилило надзор за всеми низшими служащими в министерстве. Недаром, значит, писал Короленко такие сочувственные повести о курьерах.

Аткарск. За разграбление имения князя Куткина учитель школы Лобачёв (каков учитель!) приговорён к годичному тюремному заключению, 5 крестьян — к восьмимесячному заключению и 5 — оправданы.

Одесса, 7 сентября. Военный суд признал Шабата, Хутадзе и Водчкадзе виновными по предварительному соглашению в нападении на ресторан в загородном саду Арманд, сопровождавшемся похищением 3.000 рублей. Шабат приговорён к каторге без срока, Хутадзе — сроком на 20 лет и Водачкадзе — на 15 лет.

Петербург, 4-го сентября. Особым присутствием палаты с сословными представителями присяжный поверенный Маргулиес (защитник Онипки), редактор «Радикала», на основании первого, второго и пятого пунктов 129-й ст. Уложения и пункта "В" статей пятой и шестой отдела восьмого временных правил о печати, приговорён к заключению в крепость на один год с запрещением редакторской и издательской деятельности в течение пяти лет. Газета «Радикал» закрыта навсегда.

Максим Ковалевский знакомит читателей «Страны» с отношением «европейской мысли» к мерам борьбы с анархией, принимаемым русским правительством. Так пишет венская «Zeit». А вот что говорит «Nene Freie Presse»... Если бы с таким материалом оперировал кто-нибудь из «товарищей» или рядовых сотрудников «Страны», мы бы не подивились. Но г. Ковалевскому стыдно выдавать отрывки двух еврейских газет, всегда отличавшихся ненавистью к России, за образец «европейской мысли». *(«Новое Время»).*

***

Со своей стороны мы даём Ковалевскому снисхождение потому, что, за редкими изъятиями, все газеты так или иначе принадлежат «избранному народу», а также и потому, что, в виду малограмотности большинства читателей, равно как вследствие непререкаемости иудейских талантов, подобные, кошерные, ссылки на еврейскую прессу являются теперь признаком хорошего тона и даже патентом на добродетель. В удостоверение сего можно указать хотя бы на такие, уж совершенно «нежидовские» газеты, как «Русские Ведомости» и «Русское Слово», где, однако, вовсе нетрудно встретить ссылки, как на представителей европейской, а не еврейской прессы, на лейб-орган кагала в Германи «Berliner Tagblatt» и на лучший цветок Израиля — «Francfurter Zeitung».

***

Васильков, 4-го сентября. Корреспонденты «Русского Слова» Мошка Заяц и Хацкель Кошман за заочное оскорбление Величества и революционную пропаганду среди солдат преданы суду киевской судебной палаты по 51, 103, и 131 ст. у г. ул. и ст. 1032 уст. у г. судопр.

Кишинёв, 3-го сентября. Общеепархиальный съезд депутатов духовенства кишинёвской епархии в заседании 1-го сентября обсуждал вредное направление местной газеты «Бессарабская Жизнь», выразившееся в унижении православной веры и церкви, в систематическом оскорблении пастырей церкви распространением многих ложных, клеветнических сведение и в явно революционной пропаганде. Съезд постановил объявить «Бессарабской Жизни» негодование за вредное направление, священникам же — сотрудникам — полное порицание. Решено пропагандировать среди населения не выписывать этой газеты и разъяснять её зловредность.

К задержанию революционеров. Теперь арестуют революционеров из т.н. «максималистов». Производят это слово от двух Максимов — Ковалевского и Горького. Объяснились некоторые из последних уличных событий. Выяснено, что революционеры рассчитывали поднять в Москве восстание 10 сентября, надеясь, что в разных концах России вспыхнут крестьянские волнения. Но ничего такого не вышло. Тогда они изменили свои подлые намерения и решились на отдельные злодейства и грабежи. («День»).

К слухам о Беленцове. Упорно и умышленно революционеры распространяют слухи об убийстве,

будто бы Беленцов в пребывании за границей. Революционеры опасаются, как бы Беленцов не попал в руки властей. Теперь начали лгать о его сумасшествии, чтобы он не выдал сообщников. В виду де расстройства его умственных способностей, его надо помиловать!

Рига, 7 сентября. За последние дни здесь произведено много арестов и обысков. Задержано 45 человек комитета латышского союза организаторов боевых дружин. У дружинников найдены бомбы, взрывчатые препараты, 115 паспортных бланков, печать волостного правления, много рукописей и 6 возов нелегальной литературы.

Варшава, 5-го сентября. В представителя военного суда Дорошевского произведено шесть выстрелов неизвестными. Генерал легко ранен в бедро. Везший генерала извозчик арестован.

Ташкент, 6-го сентября. Прокурор местной судебной палаты Шарыгин убит студентом 18 лет Бодрицким, который недавно тем же прокурором был освобождён из тюрьмы под зало г. Добившись свидания с Шарыгиным в его кабинете, Бодрицкий застрелил его, выбил окно и выскочил на улицу, но был схвачен прохожими.

Ограбление пороховых складов в Баку. «Каспий» рассказывает об ограблении морских пороховых складов в Баку, причём в деле участвовали сами же часовые-матросы, охранявшие погреб.

28-го августа из морских пороховых складов, расположенных за городом, были пущены три сигнальные ракеты, на которые были высланы казаки и солдаты. По прибытии на место солдаты узнали, что в 8 часов ночи неизвестные злоумышленники, войдя в соглашение с частью караула матросов флотского экипажа, обезоружили всех часовых и караул, состоящий из 14-ти матросов, забрали все их ружья, патроны и, взломав дверь в бомбовом отделении, взяли большое количество разных патронов и взрывчатого вещества, но что именно — подробно не установлено. Все злоумышленники, в том числе и три часовых матроса (последние переодевшись в штатскую одежду и оставив свою форменную в караульном помещении) скрылись, неизвестно куда. Как устанавливается некоторыми негласными сведениями, а также и следами, злоумышленники направились к Биби-Эйбату. Со злоумышленниками ушли также три собаки, находившиеся при караульном помещении. Все оставшиеся караульные арестованы.

Москва. В университете. 3 и 4 сентября совет студентов университета подготовлял материал для сходки. Сходке будет предложено составить список профессоров, нежелательных студентам, и решить вопрос о форме сношений студентов с профессорами. Профессора обиделись, что «совет» при обращении к совету профессоров употребляет слово «предлагает», а не «просит»! Рассмотрев вопрос об уплате за право слушания лекций, решили отказаться от уплаты, потому что фактически занятий не было. Но ведь это по их же вине!

Рига, 5-го сентября. На Туккумской ветке, недалеко от станции «Торенсбург», железнодорожным служащим обнаружен лежавший на рельсах свёрток. По вскрытии в свёртке оказалось 6 пачек динамита и бикфордов шнур.

Митава, 7 сентября. Вчера вечером в квартиру домохозяина Вилкса, бывшего в отсутствии, явились неизвестные и потребовали выдачи оружия. Они застрелили в присутствии матери 20-летнего сына Вилкса и скрылись.

Либава, 7 сентября. Сегодня в 2 часа утра тяжело ранен в спину часовой, стоявший у депо вокзала. Ранен был также часовой, стоявший у 7-й батареи. В обоих случаях преступники скрылись.

Рига, 4 сентября. В Икскюле Рижского уезда убит 4-мя неизвестными бывший волостной писарь Миккельсон, который был противником революционного движения.

Митава, 6 сентября. В Феллинском уезде при поимке террориста, убившего и ранившего нескольких крестьян, население настойчиво требовало выдать его на растерзание. Арестованный препровождён в тюрьму.

Рига, 5-го сентября. Вчера вечером на окраине выстрелом из-за забора ранены два городовых, из них одни тяжело.

Митава, 6-го сентября. Задержан бежавший из тюрьмы террорист Вац-вет, убийца графа Ламадорфа и

участник многих других преступлений. Он предан полевому суду.

Тверь, 7-го сентября. Новоторжским земством закрыты 5 больниц и 56 школ, вследствие непоступления сборов.

Сосница, 6-го сентября. Шайка злоумышленников напала на хутор землевладельца Кваска и убила его; другой землевладелец притворился мёртвым. Чтобы удостовериться в смерти, злоумышленники скальпировали его; он выдержал испытание и остался в живых.

Удар общеземской организации. Состоявшееся в Петербурге совещание по продовольственному делу высказалось против того, чтобы казённые деньги выдавались общеземской организации для оказания пособий пострадавшему от неурожая населению. Совещание признало более целесообразным, миновав эту посредническую инстанцию, предоставлять средства самим земствам неурожайных местностей. Это решение наносит громадный ущерб делу общеземской организации, агенты которой в большинстве случаев сеяли только одну смуту среди сельского населения. Вредная деятельность общеземской организации получила, надо думать, должную оценку в петербургском совещании.

В общеземской управе, состоящей из «кадет», замечается большое недовольство новым распорядком. Созывается экстренное совещание для обсуждения вопроса «что делать дальше?».

Москва. Общеземская организация помощи голодающим получила от английских жертвователей 1.822 рубля на помощь голодающим и решила опубликовать об этом пожертвовании в лондонском «Тайме». Общая сумма пожертвований достигла 298.000 рублей. [46]

Петербург, 4 сентября. Особое городское по делам об Обществах Присутствие не зарегистрировало партии «народной свободы» по следующим основаниям. В уставе содержатся лишь общие указания на политические цели Общества, настолько неопределённые, что нет возможности установить точный характер его деятельности. Так, весьма неопределённо понятие «демократические начала», ибо под это понятие подходит, например, социально-демократическая партия, посягающая на существующий общественный строй и воспрещённая уголовным законом. Понятие «конституционные начала» не устанавливает, соответствует ли оно учреждениям Государственной Думы и Совета, согласно закону 20 февраля 1906 года. Далее. Проект устава предполагает порядок образования центрального комитета, зависящий не от устава, а от усмотрения каждого общего собрания делегатов. Время созыва общего собрания в проекте совсем не определяется, а общие собрания заменяются собраниями делегатов. Не удовлетворяет требованиям закона 4 марта 1906 года также и отсутствие ответственного центрального органа. В проекте районные отделы образуются самостоятельно, а не от центрального комитета.

Седлец. Между убитыми и ранеными, а также и задержанными находится много приезжих евреев.

Берлин. 17 (4) сентября. По словам «Norddeutche Allg. Zeitung», грустные события в Седлеце доказывают, до чего доходит дело, если бунтовщики беспрерывно посягают на жизнь представителей государственной власти при исполнении ими трудных служебных обязанностей. Газета говорит, что никто не может сомневаться в искренности намерений Русского Правительства, но для осуществления проводимых Правительством реформ необходимо содействие элементов, желающих оздоровления России. Русскому народу необходимо послать в новую Думу людей, способных отличить утопию от действительности и исполнить поистине плодотворную работу.

Еврейская награда. Во время пребывания в начале июля нескольких членов нашей крамольной Думы в Лондоне на международной конференции о мире в некоторых британских политических и анархических кругах, преимущественно еврейских, возникла мысль преподнести бывшему председателю Муромцеву приветственный адрес.

Подбивали к подписанию этого адреса евреи с особенной энергией, и он «скреплен», как говорят (правда ли?), довольно значительным количеством подписей. Такого рода адресы подписываются большей частью, просто по просьбе их составителей; это не требует особенного труда, да и ни к чему ровно не обязывает. Придавать таким выражениям сочувствия какого-либо значение, конечно, нечего. В самой английской печати об адресе упоминалось лишь вскользь.

Но теперь весь этот эпизод принимает несколько иной оборот. Некоторые британскоподданые (должно быть, исключительно евреи), подписавшиеся под адресом, намерены лично прибыть в Петербург, чтобы вручить здесь свой адрес бывшему председателю распущенной русской Верховной Государственной Властью Думы.

Что сказали бы в Англии, если бы туда прибыла наша депутация, хотя бы из евреев, воспользоваться гостеприимством английского правительства и народа, но и с целью позволить себе какую-нибудь неуместную выходку против того или иного решения британской государственной власти, касающегося интересов английского народа, который не допускает и мысли о чьём бы то ни было иноземном вмешательстве. Да никогда этого и быть не может! («День»).

Иностранные евреи и седлецкий погром. По полученным в Петербурге сведениям, вчера, 6 сентября, в Милане, по настоянию тамошних евреев, назначено было собрание группы членов итальянского парламента для обсуждения вопроса о присоединении к поднесению адреса бывшему председателю Думы Муромцеву и вопроса о форме протеста по поводу еврейского погрома в Седлеце. Какое дело итальянцам до седлецкого погрома? Пусть пробуют протестовать.

В Лондоне жиды тоже зашевелились. Гардинг, секретарь министерства иностранных дел, принял еврейскую депутацию, просившую английское правительство заступиться за судьбу арестованных в Седлеце евреев (бундистов), преданных военно-полевому суду. Гардинг заявил депутации, что английский посол в Петербурге немедленно получит указания, чтобы сделать соответствующее представление русскому правительству.

Депутат австрийского рейхстага, еврей Брейтер, внёс, очевидно, по приказу кагала записку по поводу русских дел. Брейтер предлагает, чтобы министр иностранных дел Глуховский обратил внимание русского правительства на недопустимость еврейских погромов, подобно седлецкому. Далее Брейтер предлагает, чтобы австрийское правительство взяло на себя почин составления международного процесса по поводу седлецкого погрома и немедленно обратилось к государствам всего мира с соответствующим предложением. Если же австрийскому правительству не удастся добиться согласия на этот счёт, то Брейтер требует, чтобы оно самостоятельно прервало дипломатические сношения с Россией. Брейтер указывает на срочность своего заявления. Против этой наглости жида восстали все. Жиды всё не унимаются: они по своей глупости уверены, что весь мир только и должен заботиться, что о благополучии «бундистов». *(«День»).*

Петербург, 6 сентября. По поводу непрекращающихся нападок на Правительство в оппозиционной печати за не разрешение общеимперского съезда партии «народной свободы» и отказа в легализации партии газета Россия в передовой статье указывает, что задуманный съезд по форме и назначению являлся не съездом в собственном смысле, а последовательным рядом политических митингов, устройство которых не нуждается в исходатайствовании особого разрешения. Партия понимала, что задуманный съезд, в случае, если бы министр разрешил его, менее всего достиг бы цели, если бы в своих суждениях и действиях подчинился существующим законам. Сам съезд задуман именно в виде протеста против существующих законов. Партия желала вынудить согласие Правительства на организацию явно революционной агитации в духе выборгского воззвания. Правительство искренно и твёрдо заявило и заявляет о своём неустанном стремлении считаться со свободно выраженным общественным мнением, но последнее нигде и никогда не отождествляется с революционной печатью.

Москва. Раввину Мазе градоначальник объявил, что ничего не имеет против того, чтобы московские евреи в праздник Кущей строили на дворах домов молельни-шалаши на весь этот праздник. До сих пор этого в Москве не разрешалось. («Русская Земля»).

Евреи в учебных заведениях. Из вполне достоверного источника передают, что процентное ограничение для поступления евреев в учебные заведения — опять будет восстановлено в прежнем порядке. «День».

Надо взяться за ум. Из последних сведений об арестованных и привлечённых к ответственности за политические преступления вырисовывается хотя и не новая, но достаточно яркая картина «русской» революции. Пятьдесят семь процентов обвиняемых, т.е. немного больше половины, — православного

исповедания. Двадцать шесть процентов, т.е. более четверти общего числа, — евреи. Если припомнить, что евреи составляют едва одну двадцатую всего населения Российской империи, станет ясно, какую громадную, преобладающую роль они играют в «разбойно-освободительном» движении. Следует вспомнить также, что евреи гораздо увёртливее русских, и во множестве случаев, когда русские попадаются, евреи ускользают от преследования.

Приведённые цифровые данные должны убедить и всех жидовствующих, что так называемое «русское освободительное движение» есть движение инородческое, по преимуществу еврейское. И замирать оно станет по мере того, как евреи будут добиваться желаемого.

Пример — на лицо. Евреи хотели проникнуть в неограниченном числе в высшие учебные заведения. Для достижения этой цели они организовали забастовку. В нынешнем году процентное ограничение отменено, и забастовки прекратились. Удивляться нечему. В один лишь петербургский университет принято свыше 450-ти евреев. На одни только петербургские высшие женские курсы поступило из 599 принятых — 135 евреев! Разумеется, ни университет, ни курсы бастовать не станут. Это «гоям», христианской молодёжи, доступна роскошь бездельничества. Евреи желают учиться и не пропустят ни одного месяца.

Одержав первую победу, евреи имеют все основания надеяться, что и дальше их дела пойдут столь же успешно. Ну, а когда они своего добьются, то и от русской революции временно отстанут.

Нет слов, которыми можно было бы выразить сожаление и негодование по поводу сказочной близорукости русского «передового» общества! Оно воображает, что евреи борются рука об руку с нами за «свободу» России! Очень им нужна свобода России! Лукавые и практичные, они ставят перед собой ближайшие, чисто национальные, задачи. («Русская Земля»).

Игра словами. С.-Петербургская Судебная Палата вынесла приговор, который нельзя назвать иначе, как игрой словами. Подсудимый Неверов обвинялся ни более, ни менее как в том, что хранил разрывные снаряды!.. Факт хранения смертоносных снарядов — несомненен. «При обыске у Неверова найдены разрывные снаряды, спрятанные под обшивкой крыльца», — такова дословно телеграмма.

К чему же приговорён Неверов?

К трём месяцам ареста при полиции за хранение взрывчатых веществ. Обвинение в принадлежности к сообществу отвергнуто.

Выходит, по мнению Палаты, можно хранить и прятать взрывчатые снаряды и не принадлежать к революционным сообществам. От избытка добрых чувств, должно быть, приберегал г. Неверов бомбы, которыми можно уложить десятки людей!.. Или, быть может, по чувству дружбы к революционерам он предоставил в их распоряжение пространство между обшивками своего крыльца...

На чём же могла Судебная Палата отыграться в данном случае?

На словах «заведомо» и «сообщество». В законе, по которому обвинялся Неверов (статья 126), говорится, что виновные в сообществе, заведомо поставившем себе целью ниспровержение государственного строя или убийство посредством взрывчатых веществ, наказываются ссылкой на поселение. Если же такое сообщество заведомо имело в своём распоряжении средства для взрыва, то наказываются каторгой.

Значит, Неверов может быть осуждён по этой статье, если он принадлежит к сообществу, и если это сообщество заведомо поставило себе целью свержение правительства или учинение убийств. Но Неверов отрицает принадлежность свою к сообществу, свидетелей же быть не может. Члены тайных сообществ отрекаются друг от друга, а, следовательно, нет и заведомой цели сообщества совершать убийства!.. С благотворительной целью, надо полагать, хранились бомбы...

Вот вам образчик сочинительства законов тем самым г. Таганцевым, который недавно ратовал в Государственном Совете за убийц, и характерного применения этих законов Судебной Палатой!.. Вот вам охранение судом государства и всего общества от самых лютых злодеев!..

Казалось бы, в первую голову нужно было приняться за изготовителей и хранителей бомб, а суды их выгораживают. Приговор, арест при полиции, —это поощрение к дальнейшим преступлениям.

Правильно поступило правительство, что подобные дела оно передаёт теперь военным судам. Ведь гражданские суды за долголетнее царствование в юстиции Н.В. Муравьёва превратились в палочников по отношению населения и в «кадет» по отношению к правительству.

Я не говорю, конечно, обо всех судьях. Невзирая на режим Н.В. Муравьёва, в судебном ведомстве уцелело много стойких и честных людей; но общий пошиб — полный произвол, распущенность и крайняя недобросовестность. Этого сорта люди более всех способствовали разрушению понятия о законности. Они правду изгоняли из судов. Они же теперь пополняют ряды «кадет» и ратуют против произвола правительства...

На себя бы эти «охранители правды» посмотрели в зеркало!.. («Русская Земля»).

Мысли крестьянина о выборах. «Почаевские Известия» делают небезынтересные выдержки из письма, полученного редакцией от одного из крестьян села Усолусс. «Пока время есть, — пишет крестьянин, — пусть Сам Государь установит правила, лучшие прежних, для выборов в Государственную Думу. Я знаю все крестьянские намерения: крестьяне готовы положить свою жизнь за Самодержавного, Православного Царя. Только таким образом нужно сделать, чтобы каждая волость подала свой приговор о том, чего крестьяне желают; тогда выборных из крестьян никто не уклонит от волостного приговора, тогда евреи и другие бунтовщики не подговорят их; так все будут знать, чего требует мир. Вот таким образом можно найти правду. Это я знаю, потому что я сам крестьянин, вырос и живу между крестьянами. Крестьяне готовы, повторяю, умереть за Царя. Они желают земли, но только не насилием думают получить её, а по правде, по согласию. Наиболее же всего они желают прекратить смуту в России и самым строгим образом наказывать преступников и бунтовщиков».

Земство. В настоящее время умеренные политические партии Москвы хотят вести усиленную агитацию на предстоящих выборах земских гласных по Московскому уезду, чтобы нанести окончательный удар «кадетам», которые уже потерпели поражение почти во всех уездах Москвы, и таким образом создать умеренное губернское земское собрание. («Русская Земля»).

Бегство из «Союза 17 октября». Нам сообщают, что из Союза 17 октября, высказавшегося за равноправие евреев, замечается усиленное бегство членов. («День»).

Рига, 6 сентября. В немецкой газете на первом месте напечатано воззвание из Курляндии к немецкой молодёжи края, приглашающее её, молодёжь, принять участие в защите родных очагов Курляндии от нападения революционных шаек, направляемых международной социал-демократией. В воззвании, между прочим, говорится: «Прекрасно вооружённые шайки грабителей жгут, убивают и грабят, намереваясь уничтожить нас или, по крайней мере, лишить нас крова. Защита родного очага есть священная и благороднейшая обязанность. Дело идёт о том — быть или не быть. Всё приготовлено для самообороны. Мы ждём только вас. Необходимо организовать самооборону, хотя бы только для Курляндии. Заявление о желании вступить в ряды самообороны принимаются в редакции немецкой газеты».

Постановление офицеров бакинского гарнизона. Бакинская газета «Каспий» печатает постановление общего собрания офицеров бакинского гарнизона, касающееся той тактики, которой намерены держаться офицеры по отношению к революционерам, покушающимся на их жизнь.

В общем собрании офицеров бакинского гарнизона, состоявшемся 25-го августа, в виду циркулирующих слухов о предлагающихся покушениях на офицеров, постановленно довести до всеобщего сведения, что в случае совершения убийства хотя бы одного офицера или нижнего чина бакинского гарнизона, прежде всего явятся ответственными, кроме преступников, руководители и агитаторы революционных организаций.

Независимо от сего, замечено неоднократно, что преступники по совершении убийств скрываются в толпу, которая не только не задерживает злоумышленников, но даже помогает им скрываться от преследования. В виду этого, мирным жителям советуется или способствовать поимке злоумышленников или же немедленно удаляться с места преступления, дабы не попасть под выстрелы. Преступники же пусть знают, что отныне их будут не ловить, а убивать.

Призванные волей Государя Императора для восстановления и поддержания порядка, мы, не останавливаясь ни перед чем, исполним долг службы и присяги, и, естественно, должны ожидать сочувствия и помощи общества, терроризированного убийствами из-за угла.

К сожалению, не всё населения идёт навстречу нашим стремлениям к водворению спокойствия и порядка в городе, а, наоборот, некоторая часть даже сочувствует гнусным убийцам, и мы, ограждая себя, предупреждаем, что будем считаться со всеми элементами населения, прямо или косвенно относящимися к нам враждебно.

С подлинным верно: Адъютант начальника гарнизона,
штабс-капитан Наворщкий. [47]

Est modus in rebus; sunt certi denique fines,
Quos ultra citraque nequit consistere rectum!..

С.-Петербург. По делу о взрыве на даче министра внутренних дел 12 августа задержано 12 человек. Все звания и фамилии установлены. Установлены также фамилии главных виновников взрыва. Организацией взрыва занималась одна еврейка. Она давала поручения и от неё исходили указания образа действий. Она также задержана и, хотя отрицала свою виновность, была уличена на перекрёстных допросах.

Петербург, 8 сентября. Ночью на 7-е сентября в Кронштадте арестовано 14 членов местной военной организации партии социал-революционеров, проживающих по подложным паспортам. При аресте найдена обширная переписка партии.

Вчера в центре и на окраинах произведено много арестов. На Офицерской улице арестована Ольга Петрова. При обыске у неё найдена важная переписка, открывшая сеть боевой организации революционеров.

Варшава, 9-го сентября. Задержано несколько членов боевых организаций и грабителей казённых винных лавок и частных квартир. Обнаружена тайная типография на Огородной и склад оружия на Товарной. Трое вооружённых напали на Волчьей улице на полицейского агента, намереваясь его убить. Патруль задержал одного из них с браунингом. Он оказался печником Чернявским. На артельщика фабрики шёлковых изделий напали 8 злоумышленников, отобрали 600 рублей и скрылись.

Новоминск, 9-го сентября. Ночью обыском здесь обнаружены взрывчатые вещества, несколько браунингов и 15 фунтов патронов. Один злоумышленник убит, три задержаны, и один бежал.

Баку, 9-го сентября. В газетах напечатано письмо бакинской группы террористов, объявляющее группу распущенной, а требования, предъявляемые от её имени, — делом шантажистов. Задержан прохожими главарь анархистов-коммунистов Абрам Штерн, участник ряда ограблений. Переданный полиции Штерн пытался убежать, но был убит казаками.

Херсон, 9-го сентября. Ночью произведён арест двух учеников мореходного училища — Черенкова и Шрамченко. При обыске найдено шесть бомб. Шрамченко назвал себя членом крестьянского союза.

Взрыв. Тифлис, 9-го сентября. В доме Ахелова при обыске найден деревянный ящик, в котором рассыпан типографский шрифт. Как только дотронулись до ящика, последовал сильный взрыв, которым присутствовавшие были выброшены в соседние комнаты. Убиты надзиратели охранного отделения Подгорный и Овсянников и помощник пристава Хрущев. Ранены тяжело околоточный Болчунас, один нижний — чин легко, офицер Шерстянников ушиблен. От взрыва провалился пол в нижнем этаже, где задавлен грудной ребёнок, мать которого ранена. После взрыва найдены две не начиненные бомбы. Задержано четверо, из них две женщины, квартирант коих скрылся.

Вятка, 9-го сентября. (Официальная корресп.). При проверке запасных в Мултанах Малмыжского уезда убиты урядник и шесть стражников и смертельно ранен помощник исправника. Причина возмущения — недовольство крестьян полицией за арест агитатора, по-видимому, еврея.

Сосновицы, 7-го сентября. Вчера в Сыромежицах на фабрике клея сделана была неудавшаяся попытка ограбления кассы. Рабочие задержали одного грабителя — еврея. Один из задержавших

рабочих убит грабителем.

Беспорядки. Самара, 7-го сентября. (Офиц. корр.). Сегодня ночью сожжён хутор Чарыкова. В Красном Ключе Самарского уезда убит и сожжён арендатор Сафронов. Злоумышленники стреляли из винтовок. К месту происшествия выехали власти и высланы войска. Следствие производится.

Задержанный с бомбами. Около 2-х часов ночи на 3-е сентября в м. Фастове Васильковского уезда, как сообщает «Киевлянин», полицейский урядник во время ночного обхода задержал неизвестного человека, нёсшего на плечах по пути к вокзалу железной дороги тяжёлый ящик. На вопрос урядника, что находится в ящике, неизвестный ответил: «Вещи». Урядник поинтересовался посмотреть вещи, и оказалось, что в ящике пять чугунных, цилиндрической формы снаряжённых бомб. Задержанный объяснил, что ящик он похитил в местечке на базаре у неизвестного лица, думая, что в нём какие-либо вещи. Неизвестный назвался крестьянином, а затем стал менять свои показания и в конце концов заявил, что он ничего полиции не скажет, а даст объяснение жандармскому офицеру. Судя по наружности, задержанный — еврей. В момент задержания человека с бомбами близь него находились ещё какие-то два лица, успевшие, как говорят, скрыться. Неизвестный содержится под строгим караулом.

Стокгольм, 9-го (22-го) сентября. Вчера при обыске квартиры двух социалистов обнаружено пять килограммов динамита, принадлежавшего, как полагают, финским беглецам, жившим в этой квартире. Вечером арестованы оба социалиста, много финнов; затем один социалист освобождён.

о). Так как, все благодеяния и восторги «освободительного движения» ведут своё начало главным образом от японских «войны и мира», то не мешает в заключение ещё раз порадоваться лучшим деянием нашего первого, скромного, премьера и «освободителя»...

По поводу XI статьи Портсмутского договора. Нам прислан с Дальнего Востока листок, распространяемый там в виде прокламации и всецело заслуживающий особого внимания. Он озаглавлен: «Как граф Витте барона Комуру перехитрил?» и весьма ярко освещает последствия «гениального творения» в Портсмуте «русского Кавура».

Если даже предположить, что экономическая часть этого листка, где говориться, между прочим, что Япония получила «сумму, по сравнению с которой сумма, уплаченная Францией Пруссии, будет ничтожной», [48] — отчасти преувеличение, отчасти же отвод глаз «почтеннейшей публике», то всё-таки остаётся часть стратегическая, которая может заставить призадуматься всякого человека, не считающего патриотизм «чем-то отвратительным». Если, не имея никаких законных прав на Азиатском материке, японцы, однако, успели его исследовать для целей войны, то что же сделают они в этом направлении, располагая официальным pied à terre по всему нашему побережью — от Владивостока [49] до Берингова пролива?

Если морем удавалось провозить оружие в Финляндию под носом у Балтийского флота, то какие запасы можно выгрузить на Тихоокеанском побережье, для надлежащей охраны которого не хватит никакого флота?

Если через год-два в войне, имеющей разразиться на Дальнем Востоке, окажется, что японские войска даже не нуждаются в подвозе припасов со своих островов, пусть никто этому не удивляется, так как это положение создано вами же или, вернее, нашим попустительством.

Много ещё неожиданных для нас последствий может иметь это пресловутое «Портсмутское действо», столь позорно закончившее отчаянную Дальневосточную авантюру!

Присланный нам листок представляет речь графа Катцуры, сказанную вожакам японских партий. Он помечен 6-19 октября прошлого года и гласит:

Как граф Витте барона Комуру перехитрил? «Славные сыны Великой страны Восходящего Солнца, поздравляю вас с большой победой! Сегодня мирный договор Русским правительством санкционирован. Что мы одержали в Портсмуте победу, вы поймёте, когда я кончу, а пока воздержитесь от выражения своих мнений. Я очень хорошо знаю, что даже у нас, в Японии, есть много людей, думающих, что в Портсмуте мы потерпели поражение, что мир этот для нас невыгоден,

даже позорен. Народ японский протестует против заключения мира и притом столь серьёзно, что я вынужден объяснить действия правительства, несмотря на то, что подобное разъяснение может принести тяжёлый вред нации, открывая планы и виды правительства на будущее.

То, что я вам скажу сейчас, никто посторонний слышать не должен, да и вы узнаете только потому, что молчать больше нельзя, ибо народное недовольство возросло до громадных размеров и грозит революцией. Отечество в опасности. Поэтому, усвоив из всего, что я скажу, насколько благодетелен для нас этот «постыдный» мир, вы, вожаки партий, должны помочь правительству и, пользуясь своим влиянием, убедить народ, что этот мир победил мир, и что в нём победа не над одной только Россией, а и над всей Европой, как и над Америкой, признавшими наше право на участие в решении мировых вопросов.

Этот мир дал нам Азию, дал возможность торжества идеи панмонголизма...

Вы от лица народа спрашиваете, почему мирные переговоры в Портсмуте велись втайне? Да потому, что это давало нам неизмеримый перевес над русскими. Война лишь средство, цель — мир. Ещё пять лет тому назад был составлен проект мирного договора с Россией. Проект этот обсуждался выдающимися умами Японии и был ими разработан до мельчайших деталей, предусматривающих все возможные случайности при переговорах. Наши уполномоченные хорошо знали те цели, которых они должны были достигнуть, знали и то, каким путём это сделать легче. Они были основательно подготовлены и явились на переговоры во всеоружии, тогда как ни Россия, ни русские уполномоченные вовсе не были готовы к миру. Противниками барона Комуры выступали люди, нами намеченные, изученные и подготовленные, он же был для них трудной загадкой, а потому борьба ему не была особенно тяжела. Её заранее облегчили, замаскировав главную цель мира и войны так тщательно, что только посвящённый мог бы её заметить. Сами условия дипломатической борьбы были созданы нами и были наивыгоднейшими для Японии. Отсюда являлось необходимым во что бы то ни стало сохранить такие преимущества и устранить возможность вмешательства дружественных России неизвестных сил, способных раскрыть наш план или же помешать его исполнению. Именно для этого требовалась изоляция уполномоченных, и она была применена. Она явилась залогом нашей победы и принесла её; дала нам желанный мир и гораздо больше, чем мы ожидали.

Строго говоря, нам нужно было лишь то, что мы получили по XI статье договора, а всё остальное только прибавка к основной цели войны — миру. Статья XI даёт нам всё: и баснословную контрибуцию, и громадную территорию на материке... По этой статье, мы вправе участвовать в эксплуатации богатейших звериных и рыбных промыслов по всему побережью Тихого океана — от Владивостока до Берингова пролива. Доходность же промыслов так велика, что в течении пяти лет она может покрыть все наши внутренние и внешние займы. Под обеспечение этими промыслами наши кредиторы уже открывают колоссальный кредит и на очень выгодных условиях.

Следовательно, всё то, что нам могла бы дать какая угодно контрибуция, мы получим по этой статье и получим при условиях, наиболее благоприятных для нас. Право участия в ловле бессрочное, и, таким образом, принося нам громадный доход, упомянутая статья делает этот доход постоянным, что для государственного бюджета имеет значение несравненно высшее, чем единовременная контрибуция, тем более, что последняя может выразиться совсем не в том, что нужно. Франко-прусская контрибуция вместо ослабления Франции вызвала возрождение и усиление, потому что она чувствовалась каждым французом как «дурацкая пошлина», платимая за былой антипатриотизм. Мы этой прусской ошибки не повторяем: постепенно, не раздражая народного самолюбия России, почти незаметно для неё, мы получим такую сумму, в сравнении с которой сумма, уплаченная Францией Пруссии, окажется ничтожной...

Неразграниченное право участия в ловле даёт возможность более сильному участнику захватить в свои руки большую часть промыслов на самом законном основании, но ведь именно мы явимся сильнейшим участником, благодаря обилию предпринимателей и капиталов с нашей стороны и особым поощрительным мерам, спроектированным для привлечения рыбопромышленников, тогда как русских предпринимателей почти совсем нет, а обращающиеся там русские капиталы так ничтожны, что серьезно считаться с ними не придётся, и заставить их работать на нас же будет очень легко.

Означенным путём все рыбные и звериные промыслы русского Тихоокеанского побережья, являющиеся баснословным, неисчерпаемым источником дохода, фактически окажутся в наших руках, а доход этот откроет нам возможность вести внешнюю политику в самых широких размерах и обеспечить за нами право решающего голоса в азиатских вопросах.

Независимо от этого, по русским законам, право промысла в прибрежном водном пространстве связано с правом пользования прилегающей береговой полосой. Захват нами всех промыслов влечёт за собой захват и всей береговой полосы на самом законном основании.

Таким образом, Россия окажется вовсе оттеснённой от Тихого океана.

Право ловли бессрочно, — значит, и само право пользования береговой полосой также будет бессрочно, а следовательно, считаясь русской территорией, береговая полоса фактически станет нашей собственностью, где мы можем заниматься исследованием и подготовкой почвы для дальнейшего поступательного движения вглубь азиатского материка, наводнив и эту полосу под видом рыбаков всякого рода специалистами. Помешать переходу их за межу береговой полосы Россия не будет иметь возможности; стало быть, у нас явится возможность обстоятельно исследовать всю восточную Сибирь, которая отныне должна явиться объектом нашей внешней политики.

Мир, заключённый в момент наивысшего возбуждения народных масс, будет иметь гибельное влияние на внутреннюю жизнь России. Силы, вызванные к жизни войной и не израсходованные на неё, станут искать выхода внутрь. Сильное народное раздражение, неразумно остановленное и отклонённое от естественного пути, вызовет внутренние беспорядки чисто стихийного характера. Беспорядки эти, в связи с борьбой партий, тянущихся к власти в созываемой Государственной Думе, свяжут Россию и по рукам, и по ногам. Всё её внимание будет сосредоточено в центре, и мешать нашим операциям на окраине никто не будет... Достаточно подготовив почву для новой войны с Россией за её восточную окраину, мы можем под видом рыбаков заблаговременно высадить солидный десант, и, найдя какое-либо нарушение наших прав, что сделать будет очень легко, благодаря неразграниченности права участия в промыслах Тихоокеанского побережья, мы скоро подберём случай объявить России новую войну.

Очевидно, что, принеся нам чрезвычайные выгоды, дав всё, чего мы искали в этой войне, и, наоборот, учинив России неисчислимый вред и ослабив её, Портсмутский мир подготовил и её поражение в будущей войне. Для нас он является лишь перемирием, которое создаёт возможность укрепиться за счёт России же и набраться сил для новой войны...

А потому все, кто хочет своей родине добра, должны заботиться об увеличении этих сил путём объединения, а не ослаблять их внутренними раздорами и междоусобицами... Россия побеждена исключительно потому, что она разделялась на части, а мы победили только потому, что все были заодно, что все мы шли к одной цели, хотя и разными дорогами...

Так будем же все одно и заодно, и нашим девизом да будет клич: «Банзай, Ниппон!»...

Если это и апокриф, т.е., если Катцура такой речи и не держал, надо всё-таки признаться, что основная мысль японских политиков выражена здесь близко к подлиннику.

Для нас не представляет больших сомнений, что все эти предсказания сбудутся, Революция и политиканство в Думе так отвлекут наше внимание от Дальнего Востока, что японцы действительно заберут Восточную Сибирь голыми руками... *(«Русское Дело»)*.

XXVII. а). Только установив всё изложенное в настоящем предисловии, можно было бы перейти к решительному суммированию фактов и к синтезу явлений, а затем обратиться и к резолютивным выводам.

Однако и при этих условиях многое оставалось бы неясным или недоказанным как за отсутствием или неполнотой материала, так и за невозможностью ещё касаться некоторых сторон проблемы в их истинном свете. Но и оставаясь в пределах известного, потребовалось бы много страниц для того рационализирования данных, которое совпадает с величием проблемы.

К сожалению, время не терпит, а ход событий пока недостаточно развился для того, чтобы согласные

с ним мысли были вправе рассчитывать на доверие уже теперь. В речи на защиту христиан по Кишинёвскому процессу, который, согласно нашему глубокому убеждению, является издевательством международного кагала над Россией и вероломной подготовкой нынешних событий, мы утверждали, что иудейская петиция к американскому статс-секретарю Гэю расцвела на маньчжурской почве. Заявляя об этом в ноябре 1903 года, т.е. за два месяца до объявления России войны Японией, мы знали, что упомянутое предостережение будет гласом вопиющего в пустыне, но не могли не исполнить своего долга. По мере сил, мы и в настоящее время стремимся исполнить всё, нам доступное.

Увы, всему есть мера. Чрезвычайная трудность, даже необъятность проблемы, выразилась как в целом ряде пробелов, так и в разных иных недостатках этого труда. Мы их видим и относимся к ним беспощаднее, чем могла бы сделать это самая враждебная критика, но, тем не менее, начинать сызнова некогда. С другой стороны, лучше исполнить что-нибудь, чем ничего. Пусть другие поработают лучше.

Сейчас нам ничего не остётся, как сжать последние строки в надежде, что со временем откроется и для нас возможность рассмотреть тему с большей глубиной.

Посему, например, в отношении масонства мы ограничиваемся только некоторыми дополнительными указаниями, приглашая любознательного читателя ознакомиться с литературой предмета, которая, хотя и растёт с каждым днём, но в известной доле поименована здесь же:

F.Bacon Atlantida Nova. — **O.Havard** Les premiers troubles de la Révolution dans les ports militaires. см. "Le Correspondan" 22 janvier et 25 février 1905. — **Lefranc.** Les masques arrachées de 1788. Его же Le Voile levé pour les curieux, on le sécrét des révolutions révélés à l’aide de la franc-maçonnerie, 1792. — **J. Robison** Preuves d’une conspiration contre les religions et les gouvernements de l’Europe, 1793. — **Velschinger** La mission secrete de Mirabeau à Berlin. Paris, 1900. — **Proyrd** Louis XVI détroné avant d’être roi. — **Copin-Albancelli** La Franc-maçonnerie et la question religieuse. — **Louis Blanc** Histoire de dix ans. — **Maurice Talmeyr** La Franc-maçonnerie et la Révolucion française. Его же Comment on fabriquent l’oppinion. — **Fr.Func-Sentano** L’Affaire du Collier. — **Lehmann** L’Entrée des Israélites dans la société française.— **G.Goyou** La Franc-maçàonnerie en France. — De la Rive Les précurseurs de l’antichrist. La femme et l’enfant dans la Franc-maçonnerie universelle. — **Ragon** Cours philosophique des initiations anciennes et modernes. Его же Orthodoxie maçonnique. — **Benoit** La franc-maçonnerie. — **Victor de Steney** Le diable-apolre, par la possession d’Antoine Gay de Lyon (1821-1871). — **D-r Bataille** Le diable an XIX-e siècle ou le mystères du spiritisme, magnétisme occulte, Cabbale moderne, Franc-maçonnerie luciferiènne, Anarchie et Nihilisme, Palladium RN., Magie des Roses-Croix, pratiques sataniques etc. Récit d’un témoin. — Giesué Ciesuéce L’hymne à Satan. Le récueil des Instructions secretes aux Supremes Conseils, Grandes Loges et Grands Orients. Charleslon, 1890. — **Claval** Histoire pittoresque de la Franc-maçonnerie. **Matter** Swedenborg. — **Rebold** Histoire du Grand Orient. — **Paul Nourriscon** Etude sur la franc-maçonnerie contemporaine. Его же Le Club des Jacobins sous la III-teme République. Le Jacobins au pouvoir. — **Joan Bidegain** Masques et visages maçonniques. — **G.Hanetaux** Histoire de la France contemporaine. — **Bazet** Tableau historique, philosophique et morale de la franc-maçonnerie. The Manuscripts of J.B.Fortescue esc., preserved at Dropmore. Londres, 1894. — **Domenice Margiotta** «Adriano Lemmi, chef supréme des franc-maçons». Souvenir d’un trente troisième. Его же Le Satanisme dans la Haute Maçonnerie. — **Max Doumie** Le Secret de la Franc-maçonnerie, и его же La Franc-maçonnerie est-elle Juive ou Anglaise? — **Tourmentin** La Gironette maçonnique. — A.Tilloy Le péril judeo-maçonnique.

***

Равным образом мы не станем приводить из всемирной истории ничего, кроме общих данных, а относительно еврейства прибавим, разве, самое необходимое.

а). Вглядываясь в текущие события, нельзя прежде всего не вспомнить хотя бы о следующей картине:

На острове Борнео есть султан. Он непочтителен к «просвещённым мореплавателям». Не желая их видеть вовсе, он объявил: «Потрудитесь не являться, иначе я стану приносить вас в жертву удавам».

Удавы же султана породистые...

«Мореплаватели» не послушались, и трое снова проникли в запретную страну.

Тогда султан исполнил угрозу.

И вот, перед нами дремучий, тропический лес. На каждом из трёх гигантских деревьев туземцы высоко и крепко привязали по одному англичанину.

К первому удав только спускается. Тяжело, говорят, умирать, но каково же ожидание смерти от змия?!..

Вникнем в это и поймём ужас, леденящий первого англичанина!..

Второго из них колоссальный удав уже охватил и, сжав своими кольцами, приближает зловонную пасть к его лицу. Мускулы, сами кости жертвы трещат. Напрягая последние искры силы, несчастный пытается замедлить свою роковую участь. Обеими руками едва удерживает он разверстую змеиную пасть. Но и эти ужасные мгновения отравлены необходимостью смотреть удаву прямо в глаза!..

Третьему страшнейший из всех удавов уже раздирает шею, из которой ключом бьёт кровь, но вы ещё видите, как трепещут фибры молодого организма, за минуту перед тем ещё полного жизни и отваги...

Перенося эту картину в область истории кагала, трудно отказаться от мысли, что перед первым из удавов как бы содрогается Австрия, жертвой второго служит Франция, а третий пожирает Россию.

Вдобавок удавы двухголовые, и обе головы с невиданной яростью растерзывают наше отечество. Таковы: франкмасонство и всемирный кагал. Они не тождественны, но проистекают из одного корня и соединены неразрывно...

б). Первоисходная и господствующая идея еврейского племени, идея, осуществление которой оно преследует с несокрушимым упорством, причём никакие невзгоды не могли поколебать или разочаровать его, это всемирное завоевание и господство во славу Израиля.

Несмотря на разрушение храма и на рассеяние по всем концам земли, невзирая на своё количественное ничтожество и на исключительность законов, которым он подвергался на пути веков, еврейский народ, тем не менее, пребывал во власти этой идеи и с неодолимым верованием, что евреи — народ избранный, а богатства мира представляют его неотъемлемое наследство; что иудаизм должен некогда царствовать над всеми народами, установив своё владычество на развалинах всякой национальности и всякого отечества. Основатель всемирного кагала, Адольф Кремьё, провозгласил: «Мессианизм новых дней воспрянет и разовьётся... Обновлённый Иерусалим и новоявленный строй заменят двоякое могущество императоров и пап!» Верховный раввин Франции Исидор открыто присоединился к этим дерзновенным вожделениям, когда объявил, что «столицей возрождённого евреями мира будет не Рим, не Лондон и не Париж, а воздвигнутый из праха Иерусалим, Иерусалим, обновлённый и призванный к великим судьбам. Он будет в то же время городом прошлого и будущего».

Мы действительно видим, как под тираническим воздействием иудео-масонства все элементы социальной жизни европейских народов компрометируются и разлагаются один за другим. Скрываясь в разных потаённых сообществах, являвшихся подготовительными формами масонства, евреи, со времён своего рассеяния во тьме и грязи домогались порабощения христианских народов. Взрывая и минируя почву, они последовательно и коварно созидали нынешний Juden Glanz как «ограбной» триумф Израиля.

Налагая руку на грозное могущество денег, евреи оставались терпимыми, хотя и малонадёжными, гостями народов. Шаг за шагом они успели обездолить своих благодетелей, стать на их место, присвоить себе их вольности и обосноваться повсюду, где есть нажива или влияние. На развалинах древней аристократии, которая, по крайней мере, была национальной, они создали феодализм железной кассы. Но аристократия этого последнего рода, не имея за собой, как прежняя, ни блеска и заслуг, ни пролитой за отечество крови, отметила себя лишь финансовым пиратством, «набегами конкурсов» и художественными плутнями биржи.

Такой феодализм противообществен и антинационален, ибо во всякой среде, где он царствует, он развивает семена самой жалкой испорченности. Узаконивая лёгкость развода, он губит единство

семьи; удаляя из общественного воспитания религию, — ниспровергает главную основу нравственности; благоприятствуя порнографии в литературе, — покровительствует разврату; наконец, заводя повсюду деспотизм ростовщичества, ажиотаж и узаконенное воровство, он прокладывает пути социализму.

С точки зрения национальной безопасности, властно поддерживаемый масонством, иудейский феодализм превратился в страшную опасность нынешнего времени. Параллельно этому он с каждым днём всё более просачивается в высшие сферы администрации, гнетёт судебное ведомство, завладевает народным просвещением и государственным кредитом, равно как всеми областями производства и промышленности. Выдавая себя номинально за французов, немцев или русских, евреи по своей природе и в действительности остаются только евреями, т.е. неисцелимыми врагами нашей расы, готовыми предать своё приёмное отечество, когда это им выгодно. Все они скованы вместе — для сокрушения чьей бы то ни было родины, дабы на её развалинах воздвигнуть свирепое царство Израиля.

Наконец, в области религиозной сыны Иуды являются непримиримыми врагами христианства, устремляясь на него, что называется, с ножом к горлу, как через подкупленные ими органы прессы, так равно и путём деспотических законов или приказов, которые из масонских лож диктуются ими правительствам.

Давая повсюду чувствовать наглость своего господства, на той самой почве, которая омыта слезами и кровью наших предков, евреи, быв сто лет тому назад полным ничтожеством, сегодня превратили коренных христиан в своих рабов и ровно ничего им не дали, кроме своего беспросветного, предательского ига.

Иудейский же разбой в мыслях и нравах, очевидно, ведёт нас, арийцев, к позору и гибели. Если эти общие замечания справедливы для всех европейских народов, да и в самой Америке сыны Иуды не заслужили ничего, кроме ненависти и презрения, то каково должно быть положение России, где этих «освободителей» больше, чем на всём остальном пространстве земного шара?!..

в). Независимо от всего нам известного, ответом могут служить указания «Русского Знамени» в статьях «Зловещие слухи» и «Иудейский ультиматум русскому правительству», а также статья «С.-Петербургских Ведомостей», озаглавленная: «Еврейский вопрос как причина причин».

В интересах полноты исследования и для вдумчивого разыскания истины мы считаем необходимым привести эти статьи в их существе:

***

I. «Зловещие слухи». Официальные газеты уверяют, что Столыпин бодр и полон силы. Но зловещие слухи о том, что столыпинское министерство считает необходимым удовлетворить все требования евреев, вселяют сомнение в бодрости духа первого министра.

Евреи объявили, что не прекратят революцию, пока не получат равноправия...

Если правительство уступит евреям, то всему миру будет ясно, что Россией управляют трусы, а успокоение всё равно не наступит. Правда, евреи прекратят на время свою революцию, но тогда же начнётся русская революция, и ещё большой вопрос, которая из революций будет ужасней. Если робкое еврейское племя при помощи бомб достигнет своих целей, то что же произойдёт, когда храброе и более многочисленное племя, русское, тоже возьмётся за бомбы, чтобы достигнуть восстановления своих попранных прав? Пример соблазнителен. Не нужно быть пророком, чтобы предсказать, что те, которые продадут русский народ, не избегнут смерти, хотя бы вся еврейская печать восхваляла их до небес.

Горе тому правительству, которое в сознании народных масс укрепляет уверенность, что при помощи бомб можно всего достигнуть. Такое правительство само себе подписывает смертный приговор.

Сегодня вы уступите пяти тысячам евреев, вооружённых браунингами и бомбами, а послезавтра что вы будете делать, когда явится сто тысяч русских и скажут:

«Вы испугались еврейских бомб и уступили, теперь пришли мы, тоже с бомбами, и хотим, чтобы вы

сделали по-нашему, а не по-ихнему. В хорошем положении тогда очутится законная власть! На кого она обопрётся, кто её защитит своей грудью? Уж не те ли трусливые сановники-октябристы, которых евреи успели подкупить своими деньгами?!

«Автор ставит свой вопрос правильно, но нужна маленькая поправка, —говорит С.Ф. Шарапов в «Русском Деле». — Почему орудием русской революции будут бомбы? Русская революция разыграется гораздо проще. Бомбы — оружие подполья, оружие слабого. Оружие сильного есть сила... Посмотрите, что делается в нашей армии, какое идёт в ней нравственное обновление в национальном и патриотическом смысле...»

II. Иудейский ультиматум русскому правительству. В обществе упорно держится слух, будто берлинский банкир, иудей Мендельсон, большой приятель либерального Витте, поставил недавно русскому правительству ультиматум: удовлетворить все требования иудеев, по известной программе, тогда смуты и политические убийства прекратятся; в противном случае — усилятся. Правительство будто бы отказалось принять ультиматум, а потому для вящего его вразумления последовали: покушение на Скалона в Варшаве, убийство Вонлярлярского, покушение на Столыпина, убийство Мина; о менее именитых жертвах террора не говорим — их же имена Ты, Господи, веси...

«С.-Петербургские Ведомости», до недавнего времени стоявшие на страже иудейских интересов, подтверждают, хотя, быть может, и без намерения, приведённый слух опубликованием сенсационной статьи:

III. Еврейский вопрос как причина причин. «Чем грознее стучит во все двери революция, говорится в этой статье, тем настойчивее вопрос: кто же её заряжает и направляет, откуда её неисчерпаемые средства, возрастающая энергия, широко разветвлённый план разрушения Империи? Одними дефектами старого режима нельзя объяснить взрыва бешеных страстей, воплотившихся в мятеже. При пассивности русского человека, нужны были могучие толчки извне, чтобы пробудить в нём ожесточённость и злобу, чтобы привести его в состояние разнузданности и озверелости, при котором мы теперь столь часто присутствуем...

Хождение в народ, игра в народный гнев, инсценирование всех ужасов смуты давно входили в политическую программу нашей болезненно-экзальтированной интеллигенции, молившейся «неведомым богам», Но от этого протеста, нередко обличённого в боевую, террористическую форму, до страшной картины распада государственных начал, перед которой мы стоим, целая пропасть, дающая повод теряться в самых неразрешимых догадках, откуда вдруг вспыхнуло испепеляющее нас пламя?

Сами по себе русские революционеры в большинстве — идеалисты, являющиеся орудием в чужих руках. Ничего грандиозно задуманного они не выполняли, да, по-видимому, и выполнить не могут. «Русский бунт бессмысленный и беспощадный, по определению великого поэта, остаётся в начале XX века тем же, чем был при Тушинском «воре» и Заруцком, при Разине и Пугачёве. Даже декабристы при всей их талантливости, а отчасти и уме, не вдохнули в доставившее им славу движение ничего нового, животворящего. Унылая, безбрежная равнина нашей действительности всё та же. Мы — вечно обманывающаяся в своём фактически призрачном величии, глубоко несчастная нация.

«На Западе это раньше других поняли не менее нас суетные и безмерно испытанные историческими несчастиями поляки, рядом поколений накопляющие огромный запас культурных сил для возрождения отчизны. На Востоке нас раньше всех разглядели, оценили и покорили демонически одаренные японцы. Но был ещё некто, близко соприкасающийся с нашей ржавой государственностью, беспечностью масс и преждевременной дряхлостью строя, это был иудей, нашедший в пределах ширившегося Русского царства много соблазна для прочной оседлости, работы и наживы, но стесненный в правах, фанатически ищущий простора для кипучей деятельности среди вялого, ленивого, неустойчивого населения. Поставив нам ультиматум в такой исторический момент, когда мы политически одиноки и унижены войной, когда граждане истребляют друг друга, общество равнодушно или злорадно, печать же служит смертоносным тараном для всех устоев старорусской жизни, — со стороны иудейства то, что называется мастерский удар.

Нам только что пришлось встретиться и долго говорить с одним американцем (неиудеем), прекрасно осведомлённым о том, что думают финансисты за океаном и в Западной Европе. По его мнению, для России сейчас исход один: «смириться перед блеском иудейского капитала, призвать иудеев на место варягов, т.е. дать евреям равноправность и ждать, что тогда немедленно, по мановению таинственного жезла, русская революция стихнет, уползёт в высылающие её логовища».

Доводы американца, весьма непосредственно взирающего на положение вещей, не представляют ничего неожиданного, но наводят на очень простые вопросы: жизнеспособно ли окажется государство, которому искусственно разжигаемой смутой и политическими убийствами за материальные блага навяжут при помощи угроз извне осуществление еврейского равноправия?..

Сейчас евреи говорят открыто:

«Жалкий народ! Революция — это мы, это наше детище, наше создание... Мы тебя просветили анархической пропагандой, мы в твоих скудоумных учебных заведениях убили дисциплину и знание, мы подняли твою чернь на забастовки и «иллюминации», мы ей дали оружие и бомбы, чтобы смести всякие преграды на путях к нашему торжеству... Дело за малым. Убедившись в нашем победном могуществе и в области предприимчивости на всех поприщах, и в области революционных успехов, твои вожди теперь должны сказать иудеям: «придите и володейте нами, сделайте из нас первоклассную и богатейшую державу, верните нам развенчанное значение в мире, одним словом, пощадите и спасите нас!»

При такой постановке вопроса правительству надо придти к окончательным решениям, всё взвесив и уяснив себе вполне, примут ли их те миллионы, пока ещё апатичных, скорее всего нейтральных при нынешнем террористическом поединке подданных, которые считаются ядром государства: встанут ли они ураганом против власти, дающей равноправие иудеям, или нет? Способно ли еврейство само сейчас совладать с революцией, в которой оно считает себя авангардом? Не поздно ли от стремительного решения еврейского вопроса ждать конца ужасам и смутам?..

Вот какими указаниями даже мудрейшие из мудрых могли бы отвечать, но едва ли, в данную минуту осветили бы истинное положение, переживаемое Россией. Революционная гангрена грозит ей гибелью, принятие ультиматума тех, кто финансирует и направляет смуту, — тоже горшее из зол... Неужели нет возможности узнать, что же в общем думает и как собственно настроена русская народная масса?

Нам же сдаётся, что правительство, которое своим «либеральным» попустительством довело дело до возможности такого позорного ультиматума или хотя бы только до возможности возникновения слуха о таковом унизительном предложении, как о чём то правдоподобном, никогда не будет иметь мужества обратиться за разрешением этого вопроса к настоящему Русскому Народу, который, без сомнения, скажет, что сама постановка вопроса есть уже оскорбление народной гордости. Поэтому народный голос должен грозно раздаться и предупредить правительство, что Русский Народ не согласен идти в иудейскую кабалу и требует, чтобы правительство уважало само и других заставляло уважать русскую народную гордость».

***

г). Еврейство само по себе не могло бы, однако, создать того положения, в котором находится Россия. Оно не имело бы возможности достигнуть таких результатов даже при условии, что Нессельроде и Гирс успели в значительной степени заразить иудаизмом и само министерство иностранных дел.

Источники японской войны ближе всего определяются походом в Китай. Но для него совсем не было надобности, а если не удалось избежать его, то главным образом, кажется, благодаря нашему же посланнику, еврею Гирсу — одному из сыновей министра. Живя добрыми соседями издавна, мы, в глазах китайцев, не относились к тем «рыжим варварам», которые ограбили Поднебесную Империю в 1859 году, навязали ей опиум и эксплуатировали всячески, а в заключение, извели её назойливостью, интригами и торговой недобросовестностью своих миссионеров. Заправляемое китайской императрицей, восстание «Больших Кулаков» могло быть отклонено от нападения на русскую миссию, но это, разумеется, не входило в комбинацию международного еврейства, масонов и Англии,

которыми, по-видимому, заранее изготовлялось то, что мы переживаем ныне. А если припомнить, что «Большие Кулаки» — своего рода масоны, то вопрос становится ещё яснее.

В то же время очень темно и всё, что касается роли бывшего русским послом в Париже, еврея Моренгейма, — как среди панамской эпопеи, так и на пути столь важного для Англии дела, каким является пересмотр процесса Дрейфуса. Тем не менее, достаточно поверхностного знакомства с иудаизмом и дальновидностью Альбиона, чтобы не сомневаться в симпатиях нашего посла. Настанет, быть может, время, и раскроются тайны, пред которыми померкнет дутая «слава» того же Моренгейма по «заключению франко-русского союза».

Так или иначе, но, будучи логическим развитием инцидента с Фашодой, бурская война строго подсказала Англии неотложность договора с Японией, а война в Манчжурии принесла жатву, посеянную нами же самими в Китае. Верховный мастер английских масонов, став Эдуардом VII, не изменился. Политика Великобритании в психологический момент была представлена в Париже племянницей Чамберлена, вслед за прибытием которой заварилась та каша и поднялась та кутерьма, которые известны под именем пересмотра Дрейфуса. Довольно упомянуть о лихорадочном бреде обоих полушарий под влиянием еврейско-масонских телеграмм, чтобы составить себе понятие о горе Франции, растерзываемой наёмными сторонниками «невинного страдальца».

Весьма поучительно, но долго было бы говорить о метаморфозе того предательства, которое, невзирая на подвиги её сынов — Монтеля, Мореса и Маршана, привело Францию к унижению пред Англией в Фашоде... И кто знает, возникла ли бы ещё японская война, если бы дипломатия наша была поменьше иудаизированна и своевременно поддержала бы Францию?!.. Во всяком случае несомненно, что лишь дешёвое торжество в Фашоде придало Англии смелость начать и трансвальский разбой. Победа же над бурами, добытая безнаказанно среди весьма опасных условий, и общее негодование, вызванное «просвещёнными мореплавателями», особенно в России, в связи с невежеством русской дипломатии, оттолкнувшей руку дружбы, протянутую Японией, достаточно мотивируют всё дальнейшее.

Тем не менее, и раньше маньчжурского позора никакие жертвы не могли быть велики для избежания нами войны. Это было вполне очевидно и совершенно возможно, ибо никакое воображение не могло пообещать империи «Восходящего Солнца» столь невероятных результатов, и, наоборот, мудрость её государственных людей убеждает в их совершенной неспособности зря поставить родину на карту. Между тем, лишь благоволение Англии, как проговорился барон Суематцу, и непостижимая близорукость, чтобы не сказать более, нашего министерства иностранных дел могли привести Россию к триумфам Оайамы и Того.

Утверждая это, не следует, разумеется, закрывать глаз и на другие причины беспримерного срама, нас запятнавшего. Не говоря уже ни о чём другом, если бы половина кредита на департамент полиции была даже в 1903 году переведена в Японию, то мы поняли бы, что нам здесь готовится, и не доводили бы дело разрыва. Впрочем, не выходя за пределы означенного департамента, можно объяснить, почему он не ведал и того, что, казалось, был обязан знать. Клеточкины, Зубатовы и Гапоны уже довольно примелькались, а вот поляки, евреи и масоны остаются в тени, хотя их «благосклонное участие» в заботах департамента, едва ли, составляет государственную тайну...

Унизительно и печально растравлять те ужасы, которыми терзается русское сердце и гнетётся дух русского человека, когда он вглядывается в причины, которыми обусловилось портсмутское торжество Великобритании — нашего лютого врага.

В области явлений внутренней жизни России мы, как и раньше, не станем себя мучить. Избегая бередить раны, покаемся просто, что мы же сами и только мы одни во всём виноваты. Даже такие социальные микробы, как иудаизм и масонство, не привели бы наше отечество на край гибели, если бы для них не было заготовленной почвы.

Sapienti sat!..

д). С другой стороны нельзя не отдать справедливости и государственным людям Англии. Величие своей родины они созидали бесчестно, но с необыкновенным талантом. Владычество на морях и 350.000.000 подданных его британского величества явились не в один день, а сохранять и расширять

этот единственный истории государственный организм не только без всеобщей, но и без какой-либо воинской повинности совсем не так просто, как может показаться. Консерватизм и патриотизм — таковы два устоя великобританской гордыни. Истребление и того, и другого у остальных народов — основной принцип её политики, проводимой через евреев и масонов в той непроглядной тьме, сама идея которой как бы подсказана природой туманного Альбиона...

1. Ещё в XVI столетии англичане уразумели то, чего мы не сознаём доныне, а именно, что военный флот немыслим без коммерческого, и что торговое мореплавание — вернейшая гарантия благоденствия и самой будущности страны. Португалец Себастьян Каббот стал первым адмиралом Британии, но и последним иностранцем на этом посту. Навигационные же акты королев Марии и Елизаветы положили действительное основание гегемонии Англии в океанах.

С тех пор началось то мировое величие гордого и коварного Альбиона, которому равного не знает история.

Если оно превратилось в колоссальный и безнаказанный морской разбой, то, без сомнения, его виновницей является международная иудео-масонская «свобода».

Два флота были одинаково грозны для английского: голландский и французский, а счастливые очертания берегов древней Батании и прекрасной Галлии вместе с доблестным населением природных моряков навсегда, казалось, обеспечивали им, по крайней мере, то, что уже было приобретено в колониях. Но англичане верили в свою звезду и для сокрушения голландского флота не задумались отдать собственный престол штатгальтеру Вильгельму Оранскому, французский же флот развратили революцией, а затем уничтожили под Абукиром и Трафальгаром.

«С 1676 по 1782 год, — свидетельствует Оскар Гавард, [50] — английский флот имел 21 морское сражение, из которых проиграл только 3. Накануне революции у Франции было: 82 корабля первого ранга, 74 фрегата и бесчисленное количество судов 3-го ранга. Арсеналы, порты, доки, экипажи, главный морской штаб, словом всё, находилось в превосходном состоянии. Ни одна страна в мире не обладала таким же составом морских офицеров. Это были представители лучших фамилий, потомки целых поколений моряков, преданные своему делу, несравненные в подготовке, любившие больше всего родину и её славу».

И всё это рухнуло! Как же это случилось?..

Объяснением являются письма графа Мальмесбюри, английского посланника в Голландии, к Питту. В них он излагает образ действий, какого следует держаться, — «в тени и с наибольшими предосторожностями», чтобы низвести Голландию «до состояния полного ничтожества». Вильяму Питту не надо было повторять; Голландия нередко являлась союзницей Франции, а в отношении этой последней страны, пародируя Катона, сам Питт никогда не забывал провозглашать в палате общин: «Delenda est Carthago!..»

Не мешает также отметить и письмо лорда Гранвиля к графу Стадиону, где значиться: «для устройства полезных отвлечений у британского правительства в обычае подстрекать и поддерживать на французской территории внутренние беспорядки». Наконец, разве не лорд Мансфильд с чисто английской бесцеремонностью заявил в парламенте, что «деньги, затраченные на то, чтобы подогревать мятежи во Франции, израсходованы прекрасно!..»

Согласно с этим рисует и Гавард картину падения своего родного флота в конце XVIII века. Начавшееся с 1787 года, «освободительное движение» имело гибельное влияние на судьбу французских эскадр. Уже с 1789 года смута проникает в военные порты. Под влиянием агитации темных элементов, опиравшихся, однако, на идеи «равенства и братства», дисциплина среди моряков ослабевает, чувство долга теряется; вместо матроса, охотно подчиняющегося начальству, с которым он разделял славу былых побед, на сцену выступает гражданин, заявляющий о своих правах; возникают протесты, неудовольствия, отказы от работы и повиновения; обиды наносятся когда-то любимым начальникам. Дело доходит, наконец, до открытых мятежей и вооружённых бунтов.

В августе 1793 года французскому флоту предстояла битва с равносильным английским. Вдруг, матросы взбунтовались. С криками «в Брест, в Брест, нас предали!» они заставили своих корабельных

командиров и адмирала Моррара де Галля бежать от английской эскадры.

И этих позорных беглецов, этих то негодяев «нация» при каждом удобном случае брала под своё покровительство. Якобинцы возбуждали народ против представителей армии и флота. Начались бессмысленные, зверские убийства офицеров и адмиралов.

Лучшие элементы стали уходить из флота. Якобинцы же радовались и вопили: «Франция очищается!» Но она не очищалась, а погибала.

Среди таких «освободительных» условий разложение флота шло быстро и завершилось полным его уничтожением... Результатом был Трафальгар, а конечными выводами — Москва и Ватерлоо!

2. Какое поразительное сходство с тем, что происходит у нас.

Вспомните ещё недавние факты. Надо, как можно, скорее отправлять эскадры на Дальний Восток, а на судостроительных заводах самые нелепые, самые дикие и предательские стачки рабочих сменяют одна другую. Стадные «политические» забастовки, разорившие потом Россию, обрушиваются прежде всего на флот. Затем в угоду нашим врагам поднимаются железнодорожные забастовки и прекращают как доставку войск, так и военных грузов на маньчжурский театр войны.

А когда русские эскадры, наконец, двинулись в Тихий океан, то каких только невзгод и препятствий не создавалось им на пути!.. К какому ядовитому унижению привела свирепая английская комедия суда над Россией в Париже?.. Издеваясь над правдой, не нас ли заставили «вознаградить» английских «рыбаков»-предателей за злостное укрывательство ими на «Собачьей отмели» японских «змей-миноносцев»!?..

В то же время разгорались новые бунты и опять главным образом во флоте, после балтийского — в черноморском, едва пронёсся слух, что броненосцы с юга могут быть направлены к Порт-Артуру.

В апофеозе проделывается «феерия» Шмидта, а сам он «освободительной» прессой возводится в «герои и мученики»...

А чтобы мы поняли, наконец, до какой степени евреи безжалостны, уже после заключения мира всё ещё совершаются зверские убийства офицеров на балтийском флоте, а затем и вооружённые бунты, даже с участием артиллерии, в крепостях Свеаборге и Кронштадте...

В столь осквернительном движении начинают исчезать последние остатки флота и сама надежда, что он когда-либо может возродиться.

Пятьдесят лет тому назад, главным образом через французов англичане достигли уничтожения наших эскадр под Севастополем, а в 1905 году истребили их вновь через японцев.

Какими же средствами добываются подобные результаты?.. Прежде всего подкупом.

Знаменитый Баррэр слышит звон английского золота в карманах Камилла Дюмулена и у членов якобинских клубов. Известный писатель того же злодейского времени Ривароль утверждает, что пресловутые дни первой революции, память о которых ещё недавно так льстила «национальному самолюбию» французов, взятие Бастилии, клятва в зале для игры в мяч, восстание 6 октября и проч. стоили Англии двадцать четыре миллиона!..

Точно также и в сундуках у наших мятежных матросов находили крупные суммы денег. Недаром пели гимны еврейской свободе и восторгались её маузерами и бомбами целые шайки «освободительных» газет.

Не бесплатно же, в самом деле, «передовая» пресса с таким неподражаемым цинизмом добивались и скорейшего заключения мира...

3. Если Англии удалось сокрушить голландский и французский флоты, и если сама французская революция была делом английской политики, то не следует предполагать, что счёты Альбиона с Галлией были этим ликвидированы или же, что у них не было предисловия. Даже не уходя в глубь веков, мы в Ост-Индии нашли бы достаточные для сего указания хотя бы в юридическом убийстве французского генерал-губернатора Лолли Толендаля и в речах Борка, Фокса и Шеридана по единственному в своём роде процессу английского генерал-губернатора Уаррена-Гастингса, а с другой стороны — в биографии Лафайета и анналах северо-американской войны за независимость.

Наполеон I видел ясно, что действительными угрозами французскому гению, а с ним и будущему Европы, являются не русские казаки, а талмудизм и масонство как орудия великобританской тирании. На всём пути истории только три монарха не изменяли своего взгляда на евреев и принимали против них меры неуклонно: Навуходоноссор, Антиох-Епифан и Ричард Львиное Сердце. Но не им суждено было оставить глубокие следы в мировой борьбе арийцев с семитами. Здесь мы встречаемся лишь с двумя воистину государственными умами. Таковы — Катон Древний и Наполеон I. Но вот что поразительно, у Катона не было ни одного солдата; Наполеон же повелевал армиями. Тем не менее, по указанию Катона, исчез Карфаген, а Наполеон, всю жизнь стремившийся уничтожить Карфаген — Англию, сам умер её пленником на острове св. Елены...

Причиной служит факт, что Катона поняли и послушали, а с Наполеоном на английские же деньги воевала, увы, и сама Россия. Классический же образец блистательной победы, Аустерлиц, не оберёг ни Европы, ни России от Ватерлоо, да ещё триумфу Веллингтона должен был у нас предшествовать 1812 год!

От Наполеона Великого лучший переход к Наполеону Маленькому. Совершив кровавый переворот и став императором французов на еврейские деньги, Наполеон III был верным слугой масонов, т.е. Англии, а когда посмел забыться, то бомба Орсини не замедлила вернуть его к «исполнению долга».

Крымская война и единство Италии явились засим теми ходами в мировой шахматной игре коварного Альбиона, которыми подготовлялись одновременно шах и мат России и папскому престолу, но опять ничего, кроме вреда, не приносили Франции. Столь забавно воспетые Иоганном Шерром эпоха 1848 года и мексиканская экспедиция представляются новыми гамбитами английской шахматной партии. Страсбург, Мец, Седан и Париж в войну 1670-1671 годов, а за ними Франкфуртский мир с участием Альфонса и Натаниэля Ротшильдов, равно как и их бывшего приказчика Блейхрёдера, ещё раз свидетельствуют об искусстве британских шахматистов. Это станет ещё яснее, когда мы вспомним, что уже в 1757 году французские масоны праздновали разгром армии герцога Субиза под Росбахом, и сопоставим это с таинственной эпопеей измены Баззна. Фридрих Великий был масон и агент британской политики. Странная судьба спасла его в ту минуту, когда столь своевременно для интересов Англии умерла в России императрица Елизавета, да ещё при условии, что заменить её должен Пётр III, принимавший за особую для себя честь стоять на часах у портрета того же Фридриха.

Подготовляя германскую империю как противовес католической Австрии и как memento mori нам, Англия не оставляла без своего покровительства его преемников, а самого Фридриха поставила во главе континентальных масонов, которыми он и управлял пожизненно. Лишь после его смерти звание гроссмейстера было передано его родственнику — герцогу Брауншвейгскому при благосклонном участии знаменитого виртуоза иллюминатов Адама Вейсгаупта, давшего новую теорию дрессировки человеческих стад по принципу perinde ac cadaver!..

«В коварстве и шайтанстве — несравненный, в искушениях и морочении людей — второй дьявол, король Пруссии умер», — говорит о Фридрихе В. турецкий историограф Васыфэффенди.

Если именно со времён Фридриха ведёт своё начало величие нынешней Германии, то с этого же периода открывается и денационализация русской политики. За исключением, быть может, условным, царствования Николая I, при котором, впрочем, Нессельроде подарил нам крымскую войну, дипломатия России, говорят, вдохновляется масонами. Доказать или хотя бы разъяснить это нельзя уже потому, что масонство не было бы грозным и тайным сообществом, если бы его влияние могло быть воочию раскрыто или даже подозреваемо. Тем не менее, условия в которых теперь заключена Россия, заставляют призадуматься...

е). «Я видел Вашингтона и Наполеона, — сказал Шатобриан, — никакое лицо не увидит меня!» Однако, в Северо-Американских Соединённых Штатах масонство появилось почти тогда же, как и в Европе, т.е. в 30-х годах XVIII столетия и, разумеется, точно также — из Англии.

Уже спустя короткое время, оно разделилось на две системы — английскую, во главе которой стала бостонская ложа, и так называемую «систему высоких степеней», с главным управлением в Чарльстоуне. Основателями последней системы были евреи Морин, Гэй, Франкен д’Акоста и Коген,

но самым видным деятелем явился великий мастер чарльстоунской ложи, тоже еврей — Исаак Лон г.

Так как за время английского управления масонство представляло своего рода «храм без божества», то Лонг в 1795 году отправился в Европу, где после шестилетнего странствия добыл и в 1801 году привёз в Чарльстоун идола «Бафомета», которому, по преданию, поклонялись и «рыцари Храма», писанный устав их религиозного культа и череп казнённого при Филиппе Красивом Бургиньона да Моллэ. Эти «священные останки» были получены Лонгом в Шотландии, причём «сам Бог, клянясь в их подлинности», обещал ему сделать их залогом победы над католичеством. Отсюда и новый религиозный обряд, усвоенный чарльстоунскими масонами, получил наименование «шотландского старинного и воспринятого» (rite eccossais ancien et adopte), а сама чарльстоунская ложа стала называться «верховным советом». Постепенно из Чарльстоуна такие «верховные советы» начали распространяться и в других местах: с 1804 года — во Франции, с 1805 года — в Италии, с 1811 года — в Испании, с 1817 года — в Бельгии, с 1826 года — в Ирландии, с 1846 года — в Шотландии и Англии и так далее.

Но не следует забывать, что франкмасонство ведёт себя, как нам известно, из весьма разнообразных источников. Мы здесь встречаем: гимнософистов Индии, жрецов Мемфиса и Гелиополиса, таинства Элевзиса и Самофракии, сооружение храма Соломонова, культ Доброй Богини у сирийцев и римлян, коллегию строителей, учреждённую в 715 году до Р.Х. Нумой Помпилием и проникшую с Юлием Цезарем в Британию; религию друидов, рыцарские мечты крестоносцев, учреждения тайных судилищ Германии в XIII и XIV столетиях, квакерский мистицизм Кромвеля и его партизан, «надеявшихся на Бога, но державших свой порох сухим»; заговор английских роялистов — врагов великого протектора, и, наконец, — тамплиеров, раньше и после уничтожения их ордена.

Начинаясь с 3-х символических степеней в культе «древних и свободных масонов» разных наименований (1717-1783 гг.), практикуемой 0,9 мирового масонства, переходя в 7 степеней «Великого Востока» Франции (1786 г.) и в 10 степеней ложи «Трёх Глобусов» (1798 г.), масонство «Верховных Советов» поднимается до 33 степеней (1804 г.) и заканчивается 92 степенями в толке «Мемфиса» (1839 г.).

«Одно масонство, — говорил учёный член «Великого Востока» Риш Гардон в 1859 году, — обладает тем духовным и всемирным единством, которое образуется внутренней гармонией прикладных и философских наук, растворённых в лоне естественной и положительной религии. Люди всех исповеданий приходят наслаждаться этим верховным благодеянием. Только здесь они могут достигнуть просветления и полноты земной жизни, восхваления Бога и счастья всех в предсознании жизни вечной».

«Не станем забывать никогда, — поучал другой выдающийся масон Бальйоль ещё в 1847 году, — что наши таинства должны быть вверяемы только избранным умам, и что даже самыми возвышенными дарованиями они могут быть постигаемы и применяемы не иначе, как путём неустанного изучения и практики... Станем же достойными преемниками того почтенного учреждения, которое было испытываемо в целом ряде веков от дней таинственного посланничества нашего божественного Платона».

Увы, как мало всё это имеет сходства с действительностью масонских ложь — эротическим и своекорыстным винегретом из обрывков, взятых у Архимеда, Эпикура и Меркурия?.. Haeret lateri lethalis arundo!..

1. Еврей Элия Ашмоль наставлял уже Бекона Веруламского в «Новой Атлантиде», а Мартинец Пасквалис, основатель в 1646 г. первой ложи в Англии, еврей, в свою очередь положил начало той иудизации масонства, которая достаточно обнаруживается хотя бы фактом, что и кафедра талмуда в Кэмбридже существует на капитал, внесённый Монтефиорэ и Ротшильдами. Правда, ещё в начале XIX столетия евреев во многие ложи не допускали вовсе, как правда и то, что лишь в 1816 году внимание императора Александра I было обращено на пользование масонами еврейством. Но это не исключает такого положения вещей, при котором иудаизм должен быть непременным ингредиентом масонских ложь. Рассеяние евреев по лицу земли и очевидность выгод для них через масонские ложи по революционным и торговым гешефтам уже достаточно мотивируют проникновение еврейства в

среду масонов. Таким образом каббала, иллюминизм и гильотина резюмируют все течения в масонстве.

Но если иудаизация масонских толков представляется неизбежной, то отсюда не следует, что еврейство растворяется или изменяет себе в масонской среде. Наоборот, в самой Англии и, как мы знаем, в Гамбурге, да и в Берлине, а теперь, конечно, и в Париже существуют исключительно еврейские ложи, куда все прочие масоны не допускаются, безусловно. И именно в этих еврейских ложах и таятся верховные судьбы масонства, т.е. анархии.

Вот что 6 марта 1848 года значилось в адресе временному французскому правительству:

«Распределяясь почти в 500 мастерских и представляя лишь одно сердце и одни разум, 40.000 «свободных каменщиков» обещают вам единодушную поддержку в деле возрождения, с такой славой предпринятом...».

Ответ же временного правительства через еврея Адольфа Кремье был таков:

«Республика заключается в франкмасонстве. Вот почему во все времена как в счастье, так и в невзгодах братья каменщики встречали соратников на всем пространстве земного шара!..».

Что, распространяясь из Англии как гнезда революции по другим странам Европы для разложения их государственного бытия и обращения в шахматные фигуры британской политики, масонство не может оставаться лишь в мистических областях каббалы и оккультизма — это очевидно. Но история даёт и другие факты, против которых спорить нельзя. Перед большим собранием 16 марта 1898 года в Вене известный иезуит Абель сделал следующее разоблачение:

«В 1784 году на чрезвычайном собрании «Великой Эклектической Ложи» во Франкфурте-на-Майне, по предложению одного из членов, были подвергнуты голосованию и постановлены смертные приговоры Людовику XVI, королю Франции, и Густаву III, королю Швеции. Предложивший голосование этих приговоров назывался Абель. Он был мой родной дед».

Людовик ещё оставался в живых, когда в 1792 году Густав III уже был убит на маскарадном балу, в момент, когда он должен был принять командование над армией союзников против революции во Франции. С другой стороны, кому же неизвестно, что Франкфурт — немецкий Бердичев...

Революции 1830 и 1848 годов были подготовлены масонами. И та, и другая возникли, когда префектами полиции в Париже были также масоны. Но только в 1848 году масонские обманы и предательство дали, наконец, большинство временного правительства из состава лож. Лишь три члена этого правительства — Соль, Дюпон де-Лор и Ламартин не были масонами, остальные же десять оказались именно таковыми: Араго, Ледрю Роллэн, Марри, Гарнье Пажес, Кремье, Луи Блан, Флокон, Арман, Марраст и Альберт.

2. Устроив японскую войну, Англия, как и следовало ожидать, подарила нас и революцией. Этого мало. Именно в самый разгар неистовств Думы открылись в Лондоне социалистические конгрессы, куда были приглашены и такие «избранники» русского народа, как Аладьин и Аникин. На днях же мы сподобились и следующей телеграммы:

***

Лондон, 16-го (29-го) сентября. «Дэйли Телеграф» сообщает, что два молодых человека, русские подданные, евреи, Зингер и Зоненман, были задержаны в Гринсби чиновником эмиграционного бюро, в виду отсутствия у них средств. Оказалось, что они бросили в Варшаве бомбу в казарму и убили несколько солдат; тогда им как политическим преступникам был разрешён свободный въезд в Англию.

***

Тоже самое мы видим и в грозный год (année terrlible), когда при благосклонном участии Англии Германия повыточила из Франции, сколько хотела, и крови, и сукровицы, и не в счёт абонемента разыгралась в Париже и коммуна.

Что в злодеяниях коммуны участвовали евреи и даже пользовались её великими и богатыми милостями, об этом мы хорошо знаем. А вот как обстояло дело с масонством?

Почти все члены коммунарного правительства были масонами или стали ими впоследствии.

29-го апреля 1871 года в одной из статей «Officiel», объявив себя врагом порядка и законного правительства, масонство свои симпатии выразило анархии. На следующий день, 30-го апреля, в том же органе правительства коммунаров было напечатано:

«Вчера, 29-го, Париж представлял такое воодушевление, какого уже не замечалось давно. Стало известным, что, водрузив свои хоругви на валах Парижа, франкмасоны должны сделать последнюю примирительную попытку, а если и она не удастся, то масонство всеми своими силами восстанет против Версаля.

В 9 часов утра депутация членов правительства вышла из городской думы, с музыкой во главе, и отправилась к Лувру, навстречу масонской депутации. В 11 часов депутация коммуны вернулась, а масоны вступили в почётный двор думы, приготовленный к их приёму заранее.

Национальная гвардия стояла шпалерами.

Правительство в полном составе поместилось вверху почётной лестницы, на балконе, перед статуей Республики, опоясанной красной перевязью и окружённой знамёнами.

Масонские хоругви были последовательно расставлены на ступенях лестницы, раскрывая перед глазами народа свои человеколюбивые девизы, служащие основами франкмасонства и проводимые в действительную жизнь коммуной.

«Братья» — Феликс Пиа, Беслэй и Лео Меллье, члены правительства коммуны, произносят горячие речи от её имени. Первый из них приветствует масонов так: «братья, граждане великого, всемирного отечества!..» Передавая им знамя, Лео Меллье, в свою очередь, говорит: «Вот красное знамя, которое вверяется парижской коммуной масонским депутациям, это знамя должно сопутствовать вашим хоругвям как прообразу всеобщего мира, и т.д.».

Принимая это красное знамя из рук Лео Меллье, «брат Фирифокк» заявляет в своей речи, что, если франкмасоны не будут услышаны, то они призовут к себе на помощь всякие роды мщения, и все вместе присоединятся к вооружённым отрядам коммуны, дабы, приняв участие в битве, собственным примером поддержать мужество «храбрых и славных бойцов — защитников этого города».

Изложенным достаточно иллюстрируется роль масонов во время коммуны 1871 года.

Что же касается дальнейших деяний франкмасонства во Франции, то они слишком сложны и важны, чтобы нельзя было ограничиться лишь кратким упоминанием. Необходимо внимательное исследование, на которое, как это ни досадно, у нас теперь нет времени.

Довольно будет заметить, что масоны царствуют и управляют во Франции, а их тирания тем ужаснее и беспросветнее, чем она неуловимее и вероломнее.

С другой стороны, укажем на дело Дрейфуса.

Разумеется, Дрейфус — еврей, и кагалу нужно было сделать его мучеником, а над правительством восторжествовать. Тем не менее, Дрейфусиада принадлежит отнюдь не одному еврейству. Доказательствами этого являются: безучастие кагала в реабилитации столь видного панамского героя, как Жак Рейнак, и трёхлетняя, с еврейской точки зрения, необъяснимая отсрочка пересмотра приговора о Дрейфусе в Ренне. Наоборот, помимо других, весьма знаменательных обстоятельств, о которых мы, к сожалению, не можем распространяться, уже совпадение всем известных условий пересмотра именно с фашодским инцидентом и его результатами показывает, что здесь была рука Англии, а стало быть, и масонства.

Равным образом без могучего содействия масонов как нынешних правителей Франции еврейство не могло бы достигнуть всего того, что, в конце концов, учинил кассационный суд...

3. Из двух небольших островов с 6.000.000 жителей, раздираемых междоусобицами, Англия превратилась в колоссальную мировую державу с населением в 35.000.000. Удержать всё это можно, лишь сохраняя владычество в океанах. Драгоценнейшей же жемчужиной в великобританской короне является Ост-Индия. Обосновавшись здесь, как, впрочем, и повсюду на предательстве и разбое, английское господство трепещет за свою роковую судьбу ещё и перед опасностью нападения с суши. Отсюда — Непримиримая вражда Англии к России.

Что на восточной равнине Европы должна быть единая и великая держава, это предусматривал ещё Геродот. Поэтому нет ничего удивительного в том, что могущество России было предвидено и Англией. Логические отсюда выводы определяют британскую политику. Не допускать нас к морю, истощать бесплодными войнами, уничтожать наши флоты, бунтовать наших инородцев и «пролетариев», завладевать нашей торговлей и не давать нам денег — таков естественный рецепт Англии для России.

Нет надобности вновь иллюстрировать его фактами, всем известными. Но не мешает указать на берлинский конгресс. Он произошёл в момент, когда во Франции верховодил еврей Гамбетта, а другой еврей, д'Израэли, под именем лорда Биконсфильда достиг неимоверной силы в Англии. Рядом с ними на конгрессе, действовали против нас англинизированный французский посол Ваддингтон и, стушевавшийся перед лордом Биконсфильдом, Салисбери. Оба они вдобавок были масонами. Таким образом в Берлине при содействии «честного маклера», подружившегося с евреями через Ицку Блейхредера, который ещё в 1866 году, вопреки воле народных представителей, за счёт всемирного кагала и по воле Англии снабдил его 40.000.000 талеров на войну с Австрией, мы уже получили суровый урок от еврейско-масонского союза.

Между тем, у России не было недостатка в предостережениях. Совпадение английской и прусской дипломатий в целом ряде предшествовавших событий не могло не обращать на себя внимания. Буквы A.E.I.O.U. (Austriae est imperare orbi universo) отнюдь не могли доставлять удовольствия Англии, раз она должна была во имя собственной безопасности стремиться к разрушению не только чужих флотов, а и папского престола. Параллельно с этим усиление Пруссии как естественного врага России прямо обусловливалось в целях той же безопасности. О таком положении вещей, кажется, вовсе нетрудно было догадаться, и не вина Англии, конечно, что мы же сами играли ей в руку, спасая Пруссию от Наполеона I, а затем допустив её и до такого разгрома Франции при Наполеоне III, который уже оказался постоянной угрозой нам самим.

Гроссмейстер масонов и великобританский премьер, лорд Пальмер-стон, разгромив нас, по обыкновению, чужими руками в Севастополе, дал тогда же возможность убедиться и в том, что Пруссия — друг Англии, а не наш. Не требовалось дипломатических поучений 1863 года, когда всемирное масонство едва не вызвало против нас коалиции держав, чтобы уразуметь, с кем мы имеем дело. Ведь ещё в 1849 году Англия через масонов затеяла нам сюрприз, сочинив проект нового, польско-венгерского королевства. Много войска потеряли мы, усмиряя Венгрию как бы для того, чтобы, по интригам же Англии, в роковой для нас период крымской войны Австрия удивила мир неблагодарностью.

Орудием Пальмерстона был молодой венгерский адвокат Кошут, успевший стать любовником годившейся ему в бабки графини Сапари, а затем обокрасть её и, наконец, её же любовными письмами шантажировать само австрийское правительство. Кошут действовал в союзе с Мадзини, т.е. с интернациональными революционерами и убийцами-карбонариями, а в частности, и с неким Адриано Лемми.

Этот Лемми сам сделался впоследствии гроссмейстером европейских масонов и даже успел переманить из Чарльстоуна в Рим Верховный Совет Палладистов. Через самый наглый обман он был «избран» и главой Палладизма (Palladismum Novum Reformatum) вскоре после смерти Альберта Пайка при его неспособном преемнике Георге Маккэе. Но в конце 40-х годов Лемми ещё лишь готовился к тому бесконечному ряду предательств и политических убийств, где, согласно планам Мадзини, являлся подстрекателем, дабы заслужить рекомендацию перед Пайком на звание гроссмейстера «Великого Востока», по завещанию того же Мадзини.

Когда он познакомился с Кошутом в Константинополе, где оба они скрывались от уголовного преследования, Лемми на управление мировою политикой имел только один патент, а именно — приговор марсельского суда исправительной полиции, которым за кражи (между прочим, у доктора Гранд-Бубаня) и мошенничества он, Лемми, 22 марта 1844 года был осуждён на один год и один день в смирительный дом. Впоследствии для обуздания еврейской наглости Лемми означенный приговор был добыт Кавуром от имени Карла Альберта через правительство Наполеона III-го в

засвидетельствованной марсельским же судом копии. Значительно позже, снисходя к передрягам своего друга Лемми, уже гроссмейстера, итальянский премьер Криспи хотел утешить его подарком через похищение этой копии из государственного архива. Но, оскорблённая пролазничеством жида в гроссмейстеры, богатая американка и видная палладистка Диана Воган за 30.000 франков купила помянутую копию у итальянских чиновников, а фотограмму её передала Доминику Марджиотте. Отряхнув наравне с Воган прах с ног своих после «избрания» Лемми, масон 33-й степени Марджиотта отпечатал фотограмму в своём сильно документированном и весьма поучительном «житии» гроссмейстера Лемми. Таким образом явилась общим достоянием новая, масонская Марсельеза...

Надо ли засим говорить, что с «воцарением» Лемми ближайшими его сподвижниками и верховными инспекторами масонства на обоих полушариях стали евреи. Окончательное же и бесповоротное ожидовление «свободных каменщиков» не замедлило выразиться и в том, что после смерти иудея Лемми верховным главой масонов снова оказался жид Натан. Как жид и масон он одним из первых поздравил жену Дрейфуса с оправдательным решением французского кассационного суда.

Зная близкие, крайне подозрительные отношения Великобритании к всемирному кагалу, трудно усомниться и в факте, что успех Лемми не мог быть достигнут одними его силами.

Способствуя конечному ожидовлению масонства, английская дипломатия, уже не раз выступавшая за чужих политических преступников из этого сообщества, имела, конечно, в виду обратить в своё орудие, миллионы евреев, проживающих ныне в России, а с другой стороны укрепляла в самом Риме свои позиции для атаки папства и пресечения всякой попытки к миру между двумя престолами, ещё пока находившимися в Вечном городе. Решительное уединение Франции и полный захват Средиземного моря Англией обусловливаются, разумеется, ослаблением Италии, т.е. обращением её в республику. И мы действительно видим, что при первых же симптомах сближения итальянского правительства с папой стала развиваться в Италии революционная пропаганда, и устроен был визит республиканского президента Лубэ королю Виктору-Эммануилу II для того, чтобы подлить масла в огонь. Когда же через сынов Иуды в масонстве королевский престол рухнет, а папа вынужден будет искать убежище, Англия отдаст ему Мальту, но заставит служить британским интересам. При благосклонном же участии ожидовленных масонов революционное движение разгорается и в Пруссии с того времени, когда Вильгельм II на расширении морского и торгово-промышленного могущества Германии стал показывать Англии, что земной шар принадлежит не одной ей. Iniva virtuti nulla est via!

Всё это тем более отрадно, что ещё в 1859 году на место умершего Исаака Лонга председателем Верховного Совета в Чарльстоуне был избран Альберт Пайк, пред умом которого неизменно преклонялся и сам Адриано Лемми. Убеждённый оккультист, человек с чисто американским воображением и размахом, Пайк решил, что, если при помощи масонства ещё нельзя будет соединить весь мир в такую же духовную державу, о какой мечтали римские папы, то во всяком случае, это сообщество может обратиться в такой рычаг, от умелого нажатия на который станет переворачиваться мировая политика. При жизни Пальмерстона Пайк терпел неудачи, но затем вожаки масонства всех стран и даже наиболее талантливый из них — глава карбонариев Мадзини, пошли навстречу Альберту Пайку. Переговоры тянулись с 1866 года по 1870. Наконец, 22-го января этого года Мадзини из Лондона пишет Пайку:

«Оставим все федерации, как они есть; сохраним обряды в центрах управления и способы переписки, принятые между высшими степенями каждого обряда. Но создадим высший культ, который должен быть сугубо тайным. Мы посвятим в него лишь масонов по нашему выбору и обяжем их самой строгой тайной, даже по отношению к их братьям прочих обрядов. Через этот высший культ мы будет управлять всем масонством. Здесь мы обоснуем центр вселенной, и чем менее наш культ будет известен, тем он станет могущественнее».

Письмо, как уже сказано, было отправлено 22-го января 1870 года, когда пьемонтский король Карл-Альберт заранее считался монархом объединённой Италии, и когда вожаки масонства, стало быть, за 6 месяцев до начала франко-прусской войны, уже знали, что главная защитница пап, Франция, не в состоянии будет рукой двинуть в сторону Рима. Затем, 20-го сентября 1870 года, т.е. в самый день вступления в Вечный город итальянских войск под предводительством масона Кадорна, Альбертом

Пайком и Мадзини был подписан тайный протокол, согласно которому, в видах объединения масонства всех стран учреждался высший культ под именем Палладизма; верховным патриархом и догматическим главой назначался Пайк, а его помощником и главой политическим — Мадзини. Другими словами, как раз в день светского падения папского престола в Риме был воздвигнут в Чарльстоуне престол антипапы, т.е. нового духовного владыки мира.

Одарённый необычным механическим гением, американский народ выделил из своей среды в лице Пайка и необыкновенного гения духовной механики. За двадцать лет неутомимой деятельности первый антипапа действительно сплотил масонов обоих полушарий в один несокрушимый союз союзов. Могущество союза безгранично уже потому, что ни пред какими средствами он не останавливается, и что его участие сплошь и рядом не предполагается. Альберт же Пайк обладал воистину гениальным вероломством.

Наружно уступая самообману, Пайк сообразил, как легко набросить узду на тех невежд, которые хотят демократизировать масонство, а потому действительные заправилы редко фигурируют в официальных анналах всемирного союза союзов. Слепые же последователи рабски повинуются неведомым главарям.

О глубоких связях Палладизма с азиатскими масонами мы уже знаем из того, что было изложено в настоящем труде раньше.

А если вглядимся в события, которые происходят в подвергаемой атаками масонства Франции, начиная хотя бы с процесса об измене простого капитана армии, но высокого сановника масонской державы (Дрейфус — масон 32-й степени), тогда нам несколько более станет ясным, почему, например, русские солдаты одновременно в Москве и в Иркутске, в осаждённом Порт-Артуре и в японском плену получали прокламации, напечатанные одним и тем же шрифтом и на одной и той же бумаге; почему весь свой гигантский путь эскадра Рождественского совершала точно в фонаре, освещаемом со всех концов мира, тогда как о японской не знали ровно ничего даже в портах Китая; наконец, почему, выйдя из Порт-Смута и захлёбываясь в волнах никому непонятной революции, наш государственный корабль никак не может придти в гавань с доками «17 октября». [51]

Вдумываясь в ход событий далее, мы стали бы, вероятно, понимать, откуда идет злодейский и строго систематический план мятежа; чем обусловливаются покушения именно на главные устои нашего отечества — православие, самодержавие и русскую народность; где причины столь бесцеремонного дерзновения японцев на войне и их союзников-бунтовщиков внутри России — как на митингах и в печати, так в Государственной Думе и Выборге, так, наконец, в последующих проявлениях бунта; чем определяется такая нелепость, как втягивание детей в революцию или закрытие учебных заведений, когда образование есть первое условие свободы, и когда революционеры — евреи стремятся для себя самих завладеть им прежде всего; каким образом мог явиться замысел поставить всё на карту сразу — чрез одновременность политической и социальной катастрофы, когда государственные долги России уже столь тяжелы, и когда сами же кредиторы — евреи и даже их шеббес-гои являются главарями «осквернительного» движения?..

Не мешает, с другой стороны, заметим, что по секретному акту, подписанному Альбертом Пайком 19 сентября 1874 г. , были организованы в масонстве исключительно еврейские союзы. По сведениям Марджиотты, они насчитывали уже в 90-х годах около полумиллиона членов, причём одни только евреи платили в верховную кассу масонов 18.000.000 франков ежегодно.

4. Как ни силён «всемирный еврейский кагал», но одним его участием нельзя объяснить хотя бы и японской войны, как невозможно мотивировать даже той XI статьи портсмутского договора, которой Японии предоставлены неисчислимые богатства рыбных и тюленьих промыслов вдоль наших берегов — от Владивостока до Берингова пролива, с юридическими и политическими от этого последствиями. С другой стороны, неуловимость и даже неизвестность, кто именно заправляет нашей революцией, и откуда берутся её огромные средства, заставляют предполагать, что бунтовщики командуются извне могущественной и тайной силой... Отсюда явствует, что известная роль должна быть отведена масонству как важнейшему орудию великобританской политики. Если предшествовавшие события

всемирной истории в общем совершенно оправдывали комбинации английской дипломатии, то Цусима и Мукден наряду с вооружённым восстаниям в самой Москве и повальными торжествами «жидо-кадет» в России, без сомнения, являются ещё невиданным триумфом англичан в их коварной игре с нами.

Был ли этот триумф согласен с расчетами наших врагов или же превзошёл их собственные ожидания?.. Имели ли мы возможность предотвратить совершившееся, или же это — неизбежный результат нашей империалистической политики, не соразмеренной с духовными и материальными ресурсами России?.. Действительно ли на великом историческом пути мы встретили столь роковые невзгоды лишь по воле масонства и еврейства, и которому из них принадлежит первенство?.. Каким курском нам идти ныне, хотя бы в силу факта, что все могущество доминиканского ордена, 600 лет боровшегося с кагалом, даже путём инквизиции, не привело к победе, равно как в виду тех зловещих картин, которые рисует пред нами английская пресса или же такие брошюры, как написанная Рудольфом Мартином под заглавием «Будущность России»?.. [52] Если Германия находила возможным не только противостоять на два фронта, но даже импонировать и Франции, и России одновременно, то при каких условиях мыслима политика для нас, равным образом на два фронта — против алчности Великобритании и панмонголизма Японии?..

Таковы суровые и опасные вопросы, естественно привлекающие внимания современного русского человека.

От всего сердца желаем тщательной их разработки и без промедления...

5. Между тем, с новым чувством глубокого беспокойства встречаем мы брошюру — воззвание, озаглавленную так: «Открытие в С.-Петербурге Великой Всемирной Лиги». Воззвание начинается словами: «По повелению Верховного Совета Великой Лиги, Организационный Комитет, открытый 27 августа 1906 г. в С.-Петербурге в видах расширения агентуры и ознакомления Русского Народа с целями, деятельностью и организацией Лиги издал ряд брошюр, один из экземпляров которых перед Вами».

Рассматривая воззвание [53] на основании буквальных его выражений, Г.В. Бутми приходит в выводу, что это не что иное, как прокламации всемирного масонства с целью завладеть управлением Россией. Приглашая читателя обратиться к подлинной статье Г.В. Бутми, мы сейчас останавливаем внимание лишь на двух знаменательных фактах, идущих параллельно с воззванием «Великой Всемирной Лиги». Во-первых, уже более года, как русский обыватель встречает в печати рассуждения о желательности передать наш Государственный Банк международному иудейскому синдикату, с Мендельсоном во главе; и, во-вторых, самый серьёзный из американских ежемесячных журналов, «Nort American Review», недавно под заглавием «Гаагская конференция и Палестина» напечатал отнюдь не юмористический проект иудейского раввина, учёного доктора Перейра Мендеса, требующий ни более, ни менее как учреждения в Гааге международного третейского суда из евреев. Этот верховный иудейский суд над всеми государствами и народами должен заседать в Иерусалиме, и без его позволения не только ни одно государство не вправе начать войны, но и ни один солдат не смеет принести воинской присяги!..

В эпоху первой французской революции, двигаясь, где ничком, а где ползком, масонство ухитрилось так замаскироваться, что вербовало в свой состав преимущественно аристократов, членов царствующей династии и даже монархов, а с другой стороны привлекало прежде всего гвардейских офицеров, наполеоновскую же армию превратило в орган своей пропаганды. Окрепнув и усилившись, коноводы масонства не замедлили, однако, высмеять то, чему яко бы поклонялись, предали своих близоруких друзей «сознательным пролетариям», натравленным теми же масонами, и из жестоко обманутых ими орудий сделали этих «друзей» своими жертвами.

Отделение Церкви от государства раскрыло, наконец, глаза и тем духовным, которые заискивали участия в «ложах», а преднамеренное сокращение сроков службы в войсках, разлагая воинское обучение и подрывая дисциплину, неумолимо ведёт к уничтожению армии, т.е. всякой и повсюду власти и порядка. Если похождения национальной гвардии в революциях Франции сопоставив с

назойливыми требованиями наших мятежников о народной милиции, то замыслы иудаизированного масонства достигнут очевидности.

Соображая же всё, сейчас изложенное, мы не станем колебаться и на том, куда старается заманить русский народ невероятно дерзкое повторение масонского бенефиса, вновь затеваемое «Великой Всемирной Лигой»:

При заключении Утрехтского мира в 1713 году Англия обеспечила за собой монополию торговли с Америкой рабами-неграми. В трактате трудно разобрать даже, о людях или о скоте здесь идёт речь. Между прочим, для ввоза в американские владения Испании был лет на 30 определён minimum ежегодного ввоза в 4.800 негров обоего пола. В барышах этой монопольной торговли участвовал испанский король, а также королева Великобритании и Ирландии.

В конце того же XVIII столетия через родоначальника династии Ротшильдов рабби Меера Амшеля та же Великобритания скупала, как мы знаем, для отправки в Америку, но уже на убой, из Гессен-Касселя и других немецких государств неограниченное количество белых рабов.

В настоящее время, по-видимому, и для ограждения самой себя от нашествия «избранного народа», кроткая Великобритания ещё раз предполагает, кажется, совершить подобного рода операцию, но уже в оптовом размере, и хотя не прямо для убоя, однако, на манер торговли неграми, т.е. вновь без конкуренции продать нас, русских, в работу иудейскому кагалу. По чём установлено ими с головы, — этого контрагенты не объявляют, но что сделка не безвозмездна — само собой разумеется. Способом же порабощения является каторжный рай сынов иуды — Мардохея Маркса, Каутского, Зингера и К°.

ж). Правда, девиз «руки вверх!» ещё не приобрёл у ограбляемых того успеха, на который социал-демократы, по-видимому, рассчитывают. Но они вовсе не теряют надежды одурачить нас.

1. Сознавая, что столь благородная мера утрачивает популярность, некоторые «экспроприаторы» готовы были бы, под видом собственного воздержания, поручить её исключительно «шаббес-шискелям»...

К сожалению, и такое «самоотвержение» не изменяет вопроса, как это разъясняется в нижеследующей статье «Киевлянина» с замечаниями «Московских Ведомостей».

Убий и ограбь! Останавливаясь на несочувствии, высказанном некоторыми революционными группами к «принудительной экспроприации» казённой и частной собственности, «Киевлянин» замечает:

***

«Одни думают, что всеобщий грабёж ещё не подготовлен и нужно продолжать его подготовку, а другие убеждены, что грабёж уже подготовлен и нужно действовать. Одни полагают, что для успеха «свободы» нужен всеобщий грабёж, а другие утверждают, что можно и должно грабить враздроб и по частям, причём вовсе не требуется откладывать на завтра то, что можно сделать сегодня. Если можно и должно ограбить всех «буржуев», то почему же не ограбить пока некоторых, несколько тысяч или десятков тысяч; если нельзя ограбить буржуев догола, то почему не ограбить, насколько удастся?

А так как заповедь социализма «ограбь!» нельзя произвести без сопротивления, то за этим следует и вторая заповедь: «убий!». И эта заповедь под именем «революции» воспитывается, внедряется в умы и сердца, возводится в подвиг, воспевается в прозе и стихах.

Предназначенные к убийству называются разными кличками: убей тирана, убей буржуя, убей эксплуататора, убей лендлорда, убей бюрократа, убей «барбоса», убей манчжурца, убей черносотенца, убей хулигана!.. Но всё это означает: убей Царя, убей властителей, убей солдата, убей сограждан, убей отца, мать и брата, убей днём, убей в ночной тьме, убей внезапным нападом и из-за угла!..

Социалисты-революционеры и анархисты-коммунисты приводят эту заповедь в исполнение последовательно и открыто; социал-демократы и бундисты также её исповедуют и исполняют по мере «тактики», а другие «демократы» её проповедуют, славословят и дирижируют «бойцами».

Спрашивается, какой же смысл имеет отречение социал-демократов и бундистов от товарищей-«экспроприаторов» и «конфискаторов», которые выполняют обе их заповеди — грабят и

убивают?

Это напрасное отречение, и оно не воздействует на членов партии, потому что у «социалиста» и «революционера», т.е. у принципиального грабителя и убийцы, нет и не может быть никаких «принципиальных» возражений и ровно никаких «убеждений» против грабежа и убийства».

***

Совершенно верно. Никакой кажущийся отказ революционных групп от грабежей не может и не должен примирять нас с деятельностью врагов порядка уже по одному тому, что, если в данный момент они и искренно отрицают частичные грабежи, то всё же, в конце концов, универсальной панацеей они признают грабёж всеобщий.

Справедливость этого вывода доказывается и собственным утверждением Мардохея Маркса, что ***«оружие критики не может заменить критики оружия»***.

Логическим и неизбежным результатом такого учения может быть лишь организованный разбой сбесившихся и озверелых «пролетариев», что мы видим в действительности. Очевидно, что, по собственному разумению «Государственной Думы», без всякого противоречия с самой же собой ей нельзя было выразить порицание ни «ограбному», движению, ни политическим убийствам.

Понятны, стало быть, и уверения некоторых из «лучших людей», оставшиеся, впрочем, без чьего-либо возражения, в том, что лишь простая случайность привела их в Думу, а не в острог, единомышленников же их поставила в обратное положение...

Наряду с этим, полезно иметь в виду и следующее:

***

Веймар, 19-го сентября (2-го октября). На открывшемся здесь съезде христианско-социалистической партии Штекер, обсуждая нынешнее положение России, между прочим, сказал, что никаких условий быта народов нельзя улучшить путём убийств, поджогов, нападений и расстрелов невинных жертв. Революция в России уже не революция, а зверское истребление всего священного для людей. К такой революции иметь симпатии невозможно.

Доигрались!.. В своём хулиганском всеотрицании наши «освободители» дошли до того, что стали нетерпимы даже в самых свободных странах, где против них и начали принимать самые крутые меры.

Так, например, цюрихский корреспондент немецкой газеты «Post» пишет:

«Русские революционеры, наводняющие Швейцарию, представляют воистину общественное бедствие для республики; теперь вполне удостоверено, что они являются сюда, чтобы фабриковать бомбы.

Преждевременные взрывы, происшедшие в Женеве и Цюрихе, вполне разоблачили преступную деятельность незваных гостей. В Женеве виновные были преданы суду и наказаны по всей строгости законов. Точно так же будет поступлено и с иностранцами, принимавшими хотя бы косвенное участие в преступных деяниях своих товарищей. В настоящее время находится под судом русский эмигрант Блажек. Предварительное следствие против Блажека окончено, и он будет судим на основании закона 1894 г. , который гласит, что лицо, изготовляющее с преступной целью взрывчатые вещества или принимающее участие в их изготовлении, подлежит тюремному заключению на пятилетний срок. В Швейцарии же тюремное заключение необыкновенно сурово. Процесс Блажека произойдёт без участия присяжных и при закрытых дверях. Республика, по словам названной газеты, приняла серьёзное решение истребить в своих пределах все анархистские гнёзда, которых развелось очень много».

Очевидно, и в самой свободной стране для разбойных гнусностей, под каким бы соусом они не предлагались, не может быть места.

Конечно, наше «передовое» общество и еврейская печать готовы причислить Швейцарскую республику к странам «черносотенным», но сама Швейцария не придаёт, надо полагать, этому ровно никакого значения. С завываниями психопатов она отнюдь не желает считаться. («Русская Земля»).

***

2. С другой стороны, для оценки будущих «кадетских» надежд не мешает ознакомиться и с такими

узаконениями «Русской Земли»:

***

Узаконение «кадетской» партии. «Кадетская» партия домогается легализации, т.е. требует, чтобы её существование было узаконено. На каком же, однако, основании? Политические партии, не носящие явно революционного характера, действуют беспрепятственно и пользуются свободой собраний. Если бы «кадетская» партия хотя бы отдалённо принадлежала к ним, правительство, разумеется, ничего не имело бы против её легализации. Но «кадеты» являются мирной партией только по внешности, когда о чём-либо хлопочут перед властями предержащими. Не говоря уже о той роли, которую они играли в Государственной Думе, соединившись с открытыми революционерами. Достаточно вспомнить пресловутое выборгское воззвание. Где, в какой стране, при каких обстоятельствах станут терпеть политическую организацию, приглашающую население к революционным действиям? Называя себя строго конституционной партией и кичась своей «корректностью», «кадеты» только морочили правительство и общество. К счастью, ни правительства, ни общества они, в конце концов, не обманули, а настоящая их физиогномия вырисовалась с ослепительной яркостью.

И беспристрастно говоря, на редкость неприглядна эта физиогномия. Упитанные, довольные, во всех отношениях благополучные «кадеты» так же далеки в существе дела от подлинных революционеров, как и те, которых они хотят заменить, — «бюрократы». Революционеры для них — мавр, который должен сделать своё дело, а затем может убираться.

Удивительно верно и хорошо охарактеризовал «кадетскую тактику» студент — социал-революционер на сходке в московском университете. Признавая «кадетскую партию» безусловно революционной, молодой оратор указал на то, что разница между «кадетами» и настоящими революционерами заключается в «пустяке», а именно: тогда как революционеры проливают кровь на баррикадах и схватках с полицией и войсками, «кадеты», всему этому сочувствующие и ко всему этому молодёжь подстрекающие, сидят по своим домам, в безопасности.

«Кадеты» — истинные провокаторы, провокаторы на оба фронта: и в отношении правительства, и в отношении революции. Цель у них весьма определённая: захват власти. Дайте им власть, — они покажут себя и правительству, и революционерам.

Как будет обороняться от «кадет» революция — её дело. Что же касается правительства, то оно обязано помнить, что за ним стоит вся Россия и что малейшая уступка «кадетам» равносильна предательству родины. Партия, до такой степени неискренняя, до такой степени иезуитски-изворотливая, не брезгающая никакими средствами, не может быть признаваема законно существующей.

Революционеры — открытые враги.

«Кадеты» — враги, всегда готовые и умеющие надеть личину «легальности».

Вот эта-то личина и страшна. Боже сохрани, правительство обольститься мнимой «корректностью» «кадет»! Пускай они кричат, сколько угодно, о «насилии» и «беззаконии». Их партия не имеет права на признание со стороны действующей в государстве власти. Это партия разрушительна, и борьба, которую она ведёт, сводится к одному — разрушить нынешнюю русскую Россию (хороша ли, худа ли она) и на её развалинах создать новое царство еврейской буржуазии и плутократии».

***

3. Что же касается результатов «государственной» деятельности «кадет», даже в отношении тех «сознательных пролетариев, которых они хвалились облагодетельствовать, а на деле приводят лишь к безработице, т.е. к голодовке со всеми её ужасами, то за примерами ходить недалеко. Возьмём хотя бы фабричный Привислянский край.

***

Немцы в Западном крае. «Польская Газета» обращает внимание на тот факт, что не только социалисты присылают из Германии деньги для поддержки польских социалистов, но то же самое делают и немцы, вовсе не принадлежащие к революционному лагерю. По словам газеты, существует

даже специальная организация среди немецких промышленников для поддержания брожения в крае.

Организация охватывает широкие круги во всех местностях Германии. Её члены уже больше года платят постоянные взносы сообразно размеру обложения. Кто имеет большую фабрику — платит больше, кто меньшую — меньше. Из этих взносов образовались суммы, которые шли и, вероятно, идут ещё на поддержание забастовок в разных отраслях промышленности Царства Польского.

Цель этой организации довольно ясна. Участники её имели в виду конкуренцию. Убить нашу промышленность — это значит расширить рынок сбыта для немецких изделий. Всё было «практично» обдумано и принесло уже ожидаемые плоды. Сбыт немецких изделий во многих отраслях возрос до небывалых размеров.

Если широкая публика не шла дальше практических идей, то этого нельзя сказать об организаторах. Последние стремились ещё к продлению у нас смуты из политических соображений. Чем глубже наш край погружался в анархию, тем лучше для немецкого дела вообще, а не для одной промышленности. Отсюда это движение имело в Германии не только примыкающих из корыстных целей, но и скромно скрывающихся, влиятельных протекторов, без согласия которых подобная затея и не могла бы осуществиться.

Германская промышленность в Западном крае получила за последнее время сильный толчок. Постепенно вся промышленность переходит в руки немцев. Экономический кризис, постигший местных фабрикантов, только облегчает им работу.

Старая истина, которая всё-таки никого не убедит. Что нам за дело до промышленности, когда надо «делать историю»!..

***

Таким образом, вполне очевидно, что Германия систематически эксплуатирует невзгоды России. Воспользовавшись маньчжурскими ужасами, она принудила нас к заключению на 12 лет такого торгового договора, который «боевыми» пошлинами добивает наше, без того еле дышащее, сельское хозяйство и, стало быть, заранее разрушает все усилия, направляемые к разрешению у нас аграрного вопроса. Но и не только союзы купцов и фабрикантов, но и рабочие круги деньгами пропагандируют у нас всякого рода «идеи свободы» для захвата нашего имущества и отнятия у нас средств пропитания в свою пользу.

4. Но что всего отраднее, это — дирижерство нашим «освободительным» движением, между прочим, со стороны жида Зингера, который пьёт кровь из своих работниц (фабрики дамских платьев) и, однако, считает себя чуть ли не их благодетелем, ибо, по его собственным словам, отпускает своих рабынь так рано, «когда на улицах ещё довольно мужчин»!..

***

Иностранные революционеры и наши крамольники. Германская социалистическая партия, о которой все либеральные партии, заискивающие с ней, говорят как о партии эволюционной, противнице всяких насильственных мер, устраивает в чисто-агитационных целях от времени до времени съезды.

Общество, падкое до всяких разоблачений, с большим любопытством ожидает этих собраний, так как на них действительно проявляется истинный характер партии, и в то же время получает возможность знакомиться с интимной жизнью партии.

Эта сторона может быть охарактеризована одним словом — грязь. Но то, что повредило бы каждой другой партии, очень мало вредит социалистам среди тех слоев, в которых они ищут своих приверженцев, и Бебель мог с гордостью указать в Дрездене на то, что ни одна партия не может последовать примеру социалистов и столь же публично перемывать своё грязное бельё. Нынешний съезд партии происходит в Мангейме, и главным предметом, подлежащим его обсуждению, является вопрос о всеобщей стачке. Задача сильно волнует социалистов —коноводов партии, потому что здесь произошёл раскол между социалистами и профессиональными союзами — Gewerkschaften, стоящими на более практичной почве и не видящими главной цели стремлений в революции.

Но кто внимательно следил за тем движением в России, которое именуется «освободительным», тот давно знает, насколько это движение искусственно и лишено корней в народе. Движение раздувается профессорами, совсем не знакомыми с научной работой, земцами, недоучившимся юношеством и невежественной массой четвёртого сословия — сельских учителей, повивальных бабок, фельдшеров и волостных писарей. Сверх того, движение начато и поддерживается из-за границы. Главными же вдохновителями наших политических деятелей являются именно германские социалисты.

Еврейский бунд и польская социал-революционная партия, латышские и эстонские революционеры — прямые выученики германских социал-демократов, как и наши социал-демократы и революционеры. В своей наивности они полагают, правда, что они двигают революцию; в действительности их самих двигают.

Немецкие социалисты давно говорили, что главной помехой для всемирной революции является России как твёрдая опора всех монастырских государств; что стоит только подорвать могущество России, и тогда революционная волна свободно прокатится по всей Европе. Они не скрывали своих целей, а Бебель даже неоднократно заявлял об этом в Рейхстаге. В этом же духе и действовали немецкие социалисты, устроившие и поддерживающие в России революционные организации.

Главную роль играли, конечно, евреи, и многие из них, как Пеус, Парвус (Гельфант), Роза Люксембург, являются столько же немецкими, сколько русскими революционерами. Когда началась русская революция, многие из них пробрались в Россию (правда, с фальшивыми паспортами) и попали в руки властей. Роза Люксембург, по прозванию «Кровавая Роза», была освобождена по внесении залога и не замедлила скрыться за границу, тогда как некоторым другим пришлось проехаться в Сибирь.

Но материальная помощь, оказанная заграничными вдохновителями наших революционеров, была значительнее личной. «Vorwärts» сообщила недавно отчёт, из которого видно, что германские рабочие-социалисты принесли в жертву нашей революции около 400.000 марок. Такие же суммы поступали из Бельгии, Франции, Голландии и Англии. Если уже это должно было раскрыть глаза русским на главных виновников «русской» революции, то заседания съезда германских социалистов могут просветить, конечно, и самого предубедительного человека, разоблачая всю ложь наших так называемых умеренных партий, вроде кадетов, которые идут на плечах революционеров к той же цели, что и последние.

Каковы эти цели, выяснилось уже на первом заседании, в котором председательствовал бессменный председатель, упитанный миллионер и сластолюбец Зингер, некогда осуждённый судом за эксплуатацию своих работниц. Высказав Розе Люксембург приветствие и благодарность за энергию, с которой она пыталась придти на помощь русскому движению, и надежду, что здоровье позволить ей снова оказывать «храбрую и верную поддержку» германской партии, председатель дал слово делегату от русской социал-демократии — некоей Балабановой.

Балабанова выразила особую благодарность немецкой партии за духовную, нравственную и материальную помощь русской революции.

«Русские товарищи охотно принимают это содействие не как подачку, а как услугу товарищей, заявила Балабанова. Ведь Германия так тесно связана с судьбами русской борьбы. Подробности борьбы знакомы немецким товарищам, и описание страданий её пионеров было бы только профанацией. Но они со стоическим героизмом ведут борьбу дальше, с энергией и сознанием цели, как никогда ещё не вели классовой борьбы. Правда, русские рабочие знают, что их задача ещё далеко не закончена.

Путём конституционализма мы хотим лишь подготовить классовую борьбу и довести её до конца. Во время прежних революций, массы давали себя уничтожать, ради национальных идей и за господствующие классы. Если массы гибнут в России в настоящее время, то борьба за конституционализм — только средство для достижения более великой цели».

Эта цель — пролетарская республика, создание автономных Польши, Финляндии, Кавказа и т.д. и полное уничтожение России, подчинение русских инородцам.

Только глупый ребёнок не поймёт, что осуществление революционных затей означает именно гибель России и уничтожение всякого значения не только России как единой монархии, но и самих автономных её частей. Это выгодно лишь врагам России, а потому революция находит такую поддержку как среди революционеров всех стран, так и у враждебных России правительств.

Но ни один народ, не желающий отказаться от самого себя и сделаться рабом инородцев, не примирится с таким положением, и наши крамольники, работающие в интересах заграничных недругов России, глубоко ошибаются, если думают, что им удастся превратить русский народ в раба евреев, англичан и немцев.

Великий народ может быть только самостоятельным народом и стряхнёт с себя рабство, коль скоро поймёт, куда ведут его крамольники!.. («Московские Ведомости»).

***

Итак, перед нами единственная в своём роде картина: Рейза Люксембург делает революцию в России, а жид Зингер от имени немецких социалистов благодарит её как свою кагальную единоплеменницу...

з). «Русский» характер нашей революции достаточно «иллюминируется» как всеми другими фактами, нам известными, так и новейшими данными. На утешение «кадетам», съехавшимся для «освобождения России» в Гельсингфорс, одобряющим общую «директиву своей «парламентской фракции», принципиальную корректность «выборгского воззвания», равно как законность «пассивного сопротивления» правительству и скорбящим только о «невозможности» такого сопротивления в этот момент, ещё на днях охранной флотилией поймано близь Нарвы парусное судно с шестью злодеями-препоганцами и двадцатью ящиками винтовок... Одновременно со столь отрадной вестью идут новости о «дружеских» нам услугах поляков из Кракова, а также о скромных упованиях на благодарность русского народа еврейским депутациям, переряженным в итальянскую и английскую депутации, да и о многом ином, ещё раз убеждающем не только в благородстве расчетов Запада, что наш пожар его минует, но и такой прозорливости «избранного народа», которая вновь показывает, что сыны Иуды задались, по-видимому, целью истощить окончательно терпенье гоев повсюду.

***

Польское открытие. Любопытное сообщение поместил на своих страницах краковский журнал «Nowiny», утверждая, что «Краков является одним из главных органов контрабанды оружия в Россию».

Оказывается, что в Россию постоянно перевозят оружие через следующие пункты: Финляндию, Краков, Подволочиск и Одессу.

«В Кракове, — утверждают Nowiny, — хотя около года тихо, но энергично действует отряд боевой организации. Из Кракова отправляются через русскую границу не только револьверы и брошюры, но также и бомбы. В Кракове находится лаборатория бомб, высылающая свои фабрикаты в Царство Польское обыкновенно в карманах прилично одетых, не возбуждающих подозрения и с законным паспортом путешествующих юношей».

Это сообщение польского журнала вызвало яркую полемику между ним и социалистическим органом «Naprzod», который назвал редактора Nowiny, господина Л. Щепанского, доносчиком, шпионом и газетной сволочью. В свою очередь и г. Щепанский не остаётся в долгу у господ «подлой газетной тряпки, называемой «Naprzod'ом»: «Пейсатые и трусливые псюки отважились в своём мерзостном безличии лаfive в своей паршивой газете о доносе. Но на подобные атаки никто, уважающий себя, не обращает внимания, с борцами подобного рода порядочному человеку не стоит вести борьбу. Всякая полемика с негодяями исключена, их можно только ударить ногой, но спорить с ними нельзя», и т.п.

***

Москва. Дорошевич занимает настолько влиятельное положение в сытинском «Русском Слове», что ему разрешается не только третировать деятелей революции en canaille, но даже шутливо прохаживаться насчёт «Кишинёва», на столбцах той самой газеты, где все сотрудники — почти «товарищи» и наполовину, если не «из Кишинёва», то из ближайших окрестностей. Свой фельетон

Дорошевич посвящает смерти «революционного генерала» — еврея М.Р. Гоца, которого называет «мрачной, зловещей и злобной фигурой».

***

«Служил он революции своими крупными средствами и был одним из членов исполнительного комитета.

Это был один из тех Наполеонов революции, которые, сидя в Латинском квартале в Париже или на берегу Женевского озера, дают сражения правительству, кидая в бой тысячи людей в Москве, Свеаборге, Кронштадте, Севастополе.

При удаче, они скажут:

— Это мы!

При неудаче, говорят:

— Это не мы! И Гоца спросили:

— Как же это вы, господа, рискнули на московское вооружённое восстание? Разве нельзя было заранее предвидеть результат? Вспышки, погашенной рекою крови, реакции, расстрелов, казней? С револьвером пошли на пулемёты?

Гоц только пожал плечами.

— Разве это мы? Это не мы. Рабочие сами. Мы уже не могли их удержать! Позволительно спросить:

— За каким же дьяволом вы нахлёстываете лошадь, сдержать которую вы не в силах?..

Но количество жертв не пугает Наполеонов, решающих судьбы народа за стаканом чая в Латинском квартале и на берегу Женевского озера.

Кто-то воскликнул при Гоце:

— Сколько жертв! Сколько жертв! Гоц тоже пожал плечами.

— А вы хотели бы, чтобы революция обошлась даже без битья посуды!

***

Гоц обвинялся, между прочим, в соучастии в убийстве министра Сипягина, и Н.В. Муравьёв ещё в 1903 году добивался выдачи его Италией. Итальянское правительство продержало Гоца два месяца в Santa Lucia, но России всё-таки не выдало. («Новое Время»).

***

Германия. (О русских бунтарях). Лейпцигский еженедельный журнал «Grenzboten» в интересной статье раскрывает тайные планы русской революции, выяснившиеся из хода событий:

«В противоположность революциям в других странах, русской не удалось ещё получить в свои руки господства в столице; она двигалась некоторым образом по периферии, не будучи в состоянии подчинить себе средоточие государства. По мысли русской революционной партии, Дума являлась не средством, благодаря которому в России должен был установиться новый разумный правопорядок, а центром революции, её главой...

Теперь уже можно с уверенностью сказать, Дума революционерами была предназначена на то, чтобы стать во главе восстаний, которые были проектированы и подготовлены для различных пунктов страны с тем, чтобы тогда уже, насколько это возможно, поднять мятеж и в самом Петербурге.

Распущение Думы расстроило эти, находившиеся на пути к осуществлению, планы. Мятежи в Свеаборге, Кронштадте и т.д. — не последствия роспуска Думы. Контрабандный ввоз оружия давно уже направлен в Финляндию. Свеаборг был отчасти запоздалым, отчасти преждевременным взрывом. Предполагалось ошеломить правительство тщательно устроенными в одно и то же время, в различных пунктах бунтами войск. Революционным восстанием в Петербурге предполагалось увенчать дело, а Дума должна была руководить торжествующей революцией.

До сих пор, однако, правительство всё ещё является победителем. Оно, быть может, имеет полные основания полагать, что те элементы населения, которые давно уже устали от революции и от

связанного с ней нарушения экономической жизни, постоянно будут возрастать и скоро будут достаточно сильны, чтобы отнять почву у революционных восстаний. Уверенность, что во главе государства неослабно стоит решительная и энергичная власть, может этому много способствовать».

Наша «революция». Много революций видел мир, но он не видел ещё ни одной, столь неразборчивой в средствах, как наша. В интересах «народного блага» наши освободители добиваются государственного банкротства, разорения страны, мечтают даже путём преступления против иностранных консулов вызвать иноземное вмешательство.

Отмечая эту грязь «русской революции», Русский Народ справедливо замечает:

«Экономический характер нашей революции, зависящий от расовых наклонностей её руководителей, приводит к попытке получения правительственной субсидии на борьбу с этим самым Правительством. Честности, ума и логики — хоть отбавляй!

Если бы в числе героев бомбы и браунинга не было ни одного жида, то и тогда коммерческий характер нашей революции достаточно ясно указывал бы на её семитическое происхождение. Мысль свергать Правительство на казённые субсидии, возведение простого грабежа и воровства в ранг политических преступлений, пользование во время войны с Японией японскими же деньгами для русских революционных целей, все эти хитроумные и честные способы борьбы могли народиться только в жидовских головах, лишенных понимания таких арийских слов, как честь, право, совесть и прочие «предрассудки». Но та лёгкость, с какой российские бараны стали перенимать жидовскую подлость, прямо ужасна.

Если наше ожидовление будет идти и дальше такими же шагами, как шло в последние годы, то, пожалуй, русский национализм действительно станет отвратительным, ибо ожидовевший народ достоин только мора, меча и огня...

Польша страшно отомстила нам за наши победы. Как мавританский вождь Альманзор своими предсмертными поцелуями передал чуму победителям-испанцам, так и разгромленная Польша, умирая, заразила русского великана своим жидовским ядом. Но мы ещё слишком молоды, мы хотим и должны жить, а потому каково бы ни было лекарство, оно должно быть принято.

К сожалению, не в одной только области революции сказалось влияние евреев. Мы замечаем его с неразрывным его спутником — понижением нравственного уровня решительно во всей нашей жизни. Найти лекарство против того зла действительно необходимо». (*«Московские Ведомости»*).

***

Петербург. «Новое Время» стремится установить правильное понятие о русском человеке в национальном смысле этого слова.

«Входят ли, — спрашивает газета, — в понятие русского народа инородцы поляки, евреи, грузины, армяне, латыши, татары, и пр., и пр.? Нет!

Можно желать и добиваться, чтобы эти, покорённые нами, народности слились с нами в одно тело и в одну душу, но ведь этого нет. В печальнейшей, трагической степени этого нет. И зачем же лгать, делая вид, будто это есть? Природа не терпит лжи, за ложь наказывает жестоко. Мы солгали перед своим здравым смыслом, который говорил: инородцы — чужие нам, они — нерусские.

Мы назвали их русскими, но в парламент они явились с ненавистью ко всему русскому, неизмеримо более острой, чем та, которую чувствовали бы приглашённые в наш парламент американцы или австралийцы. Те оказались бы дружественнее, родственнее к нам, чем не только евреи, но даже некоторые отщепенцы-русские, вообразившие себя какой-то южной нацией. Если действительно и нелицемерно инородцы явились чуждыми России и враждебными ей, зачем же лгать, зачем включать их в царственную формулу: «Русский народ»?

Внесите в любую школьную задачу столь фальшивое задание и полюбуйтесь, какая получится чепуха!..»

На этом основании, газета приходит к весьма основательному выводу.

«Народу русскому пора отгородить себя от внутренних чужаков с той же честной определённостью, с какой он отгородил себя от внешних соседей. «Это — я, а это — ты. Это — моё, а это — твоё».

Если ты считаешь честью и наслаждением считать себя Русским, то я считаю бесчестьем и несчастьем покрывать тебя этим священным именем.

Будьте тем, чем вы называетесь, господа поляки, евреи, латыши, армяне, грузины. Но в таком случае, вам не должно быть места в политическом храме русской нации, внутри его. Вам нельзя идти в наш парламент, к нашей власти. Вы должны остаться вне, снаружи. Мы будем русскими, а вы будьте тем, что вы есть, т.е. покорёнными Россией племенами, которых мы согласны считать гражданами русскими, но не раньше, чем они сделаются ими.

Вы пока — русские подданные, но «подданный» и «гражданин» — не одно и то же. «Гражданин» есть подданство духа, единство любви к общей родине, единство гордости за неё и печали. Вы же чувствуете себя чужими, и действительно, чужды нам, как никто на свете. Пока не пройдёт этот психоз вражды, агония народностей, теряющих свою отдельность, вам не должно быть места в центральном учреждении власти!..»

***

и). «Как семь смертных грехов, отвратительная внешность. Голова — старого жида с резко иудейским обличием, хотя и он родился в католической семье. Бегающие исподлобья, волчьи глаза. Землистый, трупный цвет кожи, а вместо улыбки — смердящее искривление губ... Всё тело — извивающееся, как паук, готовый броситься на свою жертву. Безжизненные, потные руки, от которых несёт холодом пресмыкающегося... Мошенническое, гнусное выражение лица как зеркало искариотской души, ненавистного, осатанелого сердца, корыстью, предательством и злодеяниями отравленного мозга...». Таков портрет главы масонов Лемми, нарисованный Домиником Марджиоттой.

Другой, не менее завидный, портрет, но уже в стихах, дан Дианой Воган:

«Monseur Lemmi»

De Livourne ou Stamboul, à qui revient la honte
D’avoir produit Simon, Têtre à jamais flétri
Qui, vivant de la boue, est fier quant son flot monte?
Livourne l’a vu nâitre et Stamboul l’a pétri!..
Il débute en volant le docteur Grand-Boubagne;
Puis il apprend des juifs, l’art d’esquiver le bagne, —
Son âme est un égout qui corromprait un saint.
Lache, avare et fripon, plus vit et plat qu’un pître,
L’affront glisse sur lui, comme l’eau sur la vitre;
On peut lui dire tout: juif, voleur, assassin!

Orléans, 13 aout, 93.
Diana Vaughan.

Но ведь, кроме притона гроссмейстера масонов — Италии, русская «свобода» идёт прежде всего из Англии — нашей «благодетельницы». Там главное гнездо мятежа, кагала и масонства.

Как же сынам Иуды не попытать счастья и не осрамить нас вновь перед целым миром? Как не разыграть в России злостного водевиля с триумфами «английской» депутации, прибывшей чествовать разогнанную масонско-еврейскую думу? Как друзьям «народной свободы» не позабавиться ещё раз над горем и слезами русского народа? И вот мы видим, что в Петербурге комитет по приёму и чествованию депутации из английских и итальянских жидов или их шаббес-гоев начинается, в свою очередь, с шаббес-гоя Милюкова, идёт через евреев Гессенов и заканчивается их соплеменником Беркой Соскисом.

В Москве — такой же, разумеется, строго кагальный ассортимент:

***

«Кадеты» готовятся к приёму английской депутации. Прославившиеся своим предательством, они

снова братаются с евреями и другими инородцами, чтобы чествовать заклятых врагов России — английских депутатов, прибывающих с адресом государственному изменнику Муромцеву и другим «кадетам», подписывающим выборгское воззвание. С этой целью уже избран особый комитет, в который вошли: графиня Бобринская (среди социал-демократов именуемая «товарищ Варвара»); бывший городской голова князь Голицын, ныне числящийся в прислужниках революции; перелёты — князь Трубецкой и Шипов; Пржевальский (из польских евреев); евреи Г.Б. Иоллос и Т.И. Полвер, а также другие «освободители» — врачи Баженов, Кишкин и Жданов. Просим москвичей запомнить эти имена. Задуманы банкет и торжественное заседание с речами. Привлекают к торжеству всевозможные революционные организации. («Московские Ведомости»).

***

к). Тем временем, в аккомпанемент столь умилительному событию, как триумф английской депутации в Москве, с разных концов нашей родины получаются одна за другой трогательные весточки. Общая их картина воистину достойна наших «освободителей».

***

За неделю с 11 по 17 сентября получены следующие официальные сведения о проявлениях революционного движения.

В гор. **Екатеринославле** в первых числах сентября двое приезжих, остановившихся в одной из местных гостиниц, обратили на себя внимание своей праздной и роскошной жизнью, причём было установлено, что один из них проживал по подложному паспорту. 5 сентября при производстве у этих лиц обыска они открыли в полицейский наряд стрельбу из револьверов, сделав всего 17 выстрелов. Один из чиновников наряда был при этом убит, один ранен, и, кроме того, ранен служащий в гостинице мальчик.

Затем обыскиваемые застрелились.

При обыске у них обнаружено три револьвера системы Браунинг с шестью заряженными обоймами.

В том же городе 12 числа двумя рабочими выстрелами из револьвера убит директор брянского рельсопрокатного завода, инженер Иванов, и ранен его помощник.

В посаде **Азов** области Войска Донского 12 сентября убит директор местной прогимназии Стефановский. Преступник задержан.

В гор. **Риге** 12 сентября арестованы проживавшие по подложным паспортам два лица, состоявшие членами комитета «Латышского союза». По обыску обнаружены: четыре паспортных бланка, разные приспособления для изготовления фальшивых паспортов и мастерская для изготовления фальшивых кредитных билетов трёхрублёвого достоинства.

В гор. **Борисоглебске** Тамбовской губернии 11 сентября три вооружённых злоумышленника произвели на улице в первом часу ночи нападение на чинов полиции, ранив пристава, городового и стражника.

В гор. **Херсоне** в ночь на 9-е сентября отобраны по обыскам шесть снаряжённых бомб. Арестовано шесть лиц.

Москва, 20 сентября. Сегодня в 8 час. 10 мин. утра на Новинском бульваре, близ дома Самуйловыча убит тремя выстрелами из револьвера капитан 3-го гренадёрского Перновского полка Владимир Иосифович Дзянковский, только недавно вернувшийся с Дальнего Востока в полк, в котором он служил до отъезда в действующую армию. Капитан Дзянковский вышел из дома Самуиловича, отправляясь на службу. У ворот с ним поравнялся молодой человек лет 17, довольно прилично одетый. Когда Дзянковский отошёл несколько шагов, молодой человек выстрелил ему в спину. Дзянковский обернулся к стрелявшему, тогда последний сделал ещё два выстрела, причём одна пуля попала офицеру в рот и раздробила челюсть, а другая засела в груди.

Дзянковский упал замертво.

Стоявшие на посту городовой и ночной сторож, услыхав стрельбу, бросились к капитану и стали стрелять по убегавшему убийце, но безуспешно. Злодей вскочил на двор дома, где жил Дзянковский и

через забор перелез во двор соседнего дома, выходившего в другой переулок, где и скрылся.

Тело капитана было увезено в часовню при Пречистенском полицейском доме. После покойного остались мать и жена. Дзянковский по возвращении с Дальнего Востока получил в Перновском полку роту, с которой был в карауле в пересыльной тюрьме именно в то время, когда там происходили волнения, и когда полурота Перновского полка была вынуждена стрелять в политических арестованных, причём двое были убиты. Этот факт приводят в связи с убийством, которое считают результатом политической мести.

Случай этот произвёл тяжёлое впечатление среди офицеров гарнизона и в особенности среди офицеров Перновского полка, которые тотчас же собрались на совещание и обсуждали, как почтить память убитого товарища.

Говорят, что убийца имел соучастника, который тоже успел скрыться.

К убийству капитана Дзянковского. Народная Газета сообщает следующее: «Убийство капитана Дзянковского вызвало среди московского офицерства взрыв негодования. Экстренно состоялось заседание офицеров Перновского полка, обсуждавшее вопрос о том, как отозваться войскам на террор революционеров. Собрание было бурное. Было внесено несколько предложений. Одни предполагали немедленно на убийство ответить рядом убийств, направив месть преимущественно против вожаков революционных партий. Были названы имена Маклакова, Петрункевича, Пржевальского и других. Предложение это, вызванное гневом над свежей могилой товарища, разумеется, не прошло.

Тогда группа лиц внесла предложение такого рода: на убийство каждого офицера отвечать убийством пятерых политических из числа заключённых в тюрьмах. Ораторы, защищавшие этот род самосуда, предложили даже бросить жребий, кому исполнять приговор за смерть Дзянковского. Но и это предложение тоже не прошло.

Громадным большинством было постановлено воздержаться пока от мстительных шагов и ограничиться внушительной демонстрацией в день похорон убитого капитана. Похороны его полк принял на свой счёт».

Вильно. 21-го сентября. В ночь на 19-ое сентября в Ковне, на квартиру одного из чинов виленского охранного отделения было сделано вооружённое нападение. Последним было оказано сопротивление, во время которого убит член боевой дружины Вернатайдис.

Петербург. 21-го сентября в 6 часов утра на Финляндском вокзале задержан скрывавшийся до сих пор редактор газеты «Народ» — Дучинский.

Петербург. В приказе по полиции петербургским градоначальником оштрафован на 3.000 руб. или, при несостоятельности, арестован на три месяца студент петербургского университета Верецкий за найденные у него при обыске десять револьверов.

Тифлис. В проезжающего в фаэтоне поручика Тифлисского полка Имнадзе брошена бомба (с панели). В это время шёл адъютант комендантского правления Темников. Бомба взорвалась со страшной силой. Имнадзе убит наповал, Темников тяжело ранен, но сам поднялся и приказал извозчику ехать в больницу. Взрыв произошёл в центре города, но в это время народу на улице было мало. Откуда брошена бомба, пока не выяснено.

Екатеринославль, 23 сентября. Подозреваемые в экспроприациях Оболенский и Луцкий, задержанные в ночь на 19 сентября и оказавшие полиции сопротивление оружием, вчера ночью бежали, вынув решётку камеры.

Казань, 23 сентября. Совет 1-й гимназии постановил уволить всех воспитанников старших классов, вследствие взрыва в одном из классов, бывшего 20 сентября. Обратный приём зависит от подачи прошений с обязательством не принимать участия в сходках.

Рига, 23 сентября. Вечером за Двиной, на углу Митавского шоссе и Гимнастической улицы, патруль, состоявший из околоточного, двух городовых и солдат, поравнялся с несколькими подозрительными. При оклике злоумышленники открыли стрельбу, убили городового и ранили городового и солдата.

На границе Феллинского и Юрьевского уездов шесть разбойников напали на почту, убили почтальона

и тяжело ранили ямщика; почта цела.

Тамбов, 23 сентября. 22 сентября около 8 часов вечера в 3 верстах от Моршанска в овраге Умоловка на почту, ехавшую в Алгасово, было произведено нападение 10 неизвестными злоумышленниками, сделавшими около 50 выстрелов. Сопровождавшие почту два полицейских стражника отстреливались. Никто из провожатых не ранен. Почта прибыла в целости.

Рига, 23 сентября. Вчера днём близь Лайсгольма Рижского уезда неизвестным злоумышленником убит почтальон, ранен ямщик и похищена почтовая сумка. Злоумышленник скрылся.

Ковель, 23 сентября. Между станциями «Ковель» и «Мещаны» подготавливалось крушение почтового поезда с целью грабежа: разобраны рельсы, убит сторож. Несчастье случайно предупреждено железнодорожным мастером.

Варшава, 23 сентября. По словам «Курьера Варшавского», выехавший из Ковеля в Дрезден дорожный мастер нашёл на перегоне Ковель-Мациев вынутый рельс и неподалёку — труп линейного сторожа.

Саратов, 23 сентября. На Михайловской улице неизвестный прохожий произвёл несколько выстрелов в городового, но промахнулся и бросился бежать. Его преследовал другой городовой, в которого он произвёл два выстрела, но также промахнулся. Злоумышленник пойман; он оказался недавно выпущенным из тюрьмы крестьянином Фурсаевым, 21 года.

Петербург, 23 сентября. Бывший редактор «Товарища» — Владимир Гордон привлекается к ответственности за возмущение армии и стремление к ниспровержению существующего строя, выразившееся в статье о роспуске Думы.

Одесса, 23 сентября. Военный суд приговорил к ссылке в каторжные работы без срока младшего писаря полевого жандармского эскадрона Ушкурского, обвинявшегося в нанесении оскорбления прапорщику Федоренко, ехавшему на трамвае.

Кишинёв, 23 сентября. Открылся съезд дворян для обсуждения вопроса о бывших депутатах, местных дворянах Сицинском и Яновском, подписавших выборгское воззвание.

Варшава, 22-го сентября. На Долгой улице двое прохожих стреляли в околоточного надзирателя, проходившего с двумя солдатами Алексопольского полка, и ранили одного. Солдаты в ответ стреляли, убили одного из нападавших и ранили другого, который задержан.

Вильна, 22-го сентября. В ночь на 22-е сентября на Шопеновской улице, в доме №4 чины охранного отделения арестовали еврея Нейет, у которого конфисковали большое количество воззваний преступного содержания, предположенных к распространению среди войск местного гарнизона.

Кострома, 22-го сентября. Вчера задержаны два приехавших из Москвы террориста. В чемоданах найдены 12 браунингов, много патронов и более 2.000 рублей.

Уфа, 22 сентября. (Оффиц. кор.). 21 сентября в 8 часов вечера 40 вооружённых напали на почтовый поезд около моста через речку Белую. Остановив поезд, злоумышленники убили солдата, ранили троих, похитили у железнодорожных артельщиков около 250.000 рублей и скрылись на приготовленных подводах.

Тверь, 22-го сентября. Сегодня в 9 часов утра на почту, шедшую из Борисовки в Тургиново, напали 7 вооружённых злоумышленников. Связав кучера и почтальона, они отняли у последнего сумку с 5.111 рублями и скрылись.

Тула, 22-го сентября. Местный «Союз русского народа» проявляет усиленную деятельность.

Петербург. В ночь на двадцатое сентября в доме №3 по 3-й роте Измайловского полка чинами охранной полиции обнаружен склад взрывчатых веществ. Неожиданное появление чинов полиции в глухой час застало врасплох обитателей квартиры. Задержано 5 человек за производством работы по выделке снарядов. При обыске, кроме различных приспособлений, обнаружено готовых 13 бомб. Обыск продолжался в течение нескольких часов. Арестованные препровождены в охранное отделение.

Минск, 22-го сентября. В Пинском и Речицком уездах было несколько случаев задержания крестьянами и передачи полиции явившихся в деревню агитаторов крайних партий.

Вильна, 22-го сентября. (Оффиц. кор.). По городской почте за подписью виленской организации учащихся партии социалистов-революционеров попечителю учебного округа предъявлено под угрозой массовых волнений в случае неудовлетворения требование о принятии в первую гимназию всех уволенных в следствии ареста.

Варшава, 22-го сентября. Двое злоумышленников стреляли в разъезд конной полиции и спрятались в доме №35 по Погожовской улице. Завязалась перестрелка, один злоумышленник убит, другой, убегая, убил агента сыскного отделения, но задержан.

С.-Петербург, 20-го сентября. Чинами наружной и охранной полиции произведён обыск в библиотеке Института инженеров путей сообщения, причём в одной из комнат библиотеки найден куль, в котором находилось 16 оболочек от бомб швейцарского типа, четыре электрических запала с проводами и несколько динамитных и пироксилиновых шашек. Кроме того обнаружено в одном ящике около 2,5 пудов оболочек для бомб. Полицией увезён с большими предосторожностями другой ящик, также найденный в библиотеке и содержащий, как полагают взрывчатые вещества, кислоты и яды. Вслед за тем была осмотрена квартира заведующего техническим отделом библиотеки Института студ. Финка в д. 9 по 3-й роте Измайловского полка. В его комнате найдено 29 оболочек бомб того же типа, как и найденные в институте. Финк арестован, арестованы также сын швейцара Института Михаил Богданов 18-ти лет, только что окончивший уездное училище, и сын служащего в механическом отделении Борис Рымша, служащий рабочим на одной из фабрик. Вечером того же дня арестован швейцар Богданов, у которого найдена масса нелегальной литературы. Вместе с евреем Финком заведовал библиотекой и другой еврей — Файерман, но он успел скрыться.

Петербург, 21-го сентября. Общее количество оболочек для бомб и необходимого для них снаряжения, обнаруженное при обыске у Финка и в Институте путей сообщения, достигает 80 штук. По своим размерам бомбы не более крупного яблока, оболочка сделана из стали. Судя по некоторым признакам, все бомбы —заграничного происхождения. В виду того, что количество обнаруженного снаряжения рассчитано на значительно большее число, охранной полицией произведено вновь, в ночь на 22-е сентября, несколько обысков с целью обнаружения запасав взрывчатых снарядов. Произведённые обыски привели к аресту ценной переписки революционеров, но взрывчатых снарядов обнаружено не было.

Москва, 21 сентября. Вчера близь станции «Бородино» Московско-Брестской железной дороги, в деревне Зельня шайка грабителей из 5-ти человек ограбила казённую винную лавку, похитив оттуда 80 рублей. После грабежа разбойники начали отстреливаться и убили Павлова, а также тяжко ранили кондуктора Андрея Труханского. Один из стрелявших задержан, остальные же четверо скрылись. Задержанный отправлен в Москву.

К убийству жандарма Павлова. Вчера в 5 часов дня с курьерским поездом Московско-Брестской железной дороги доставлен под сильной охраной из Можайской тюрьмы в Москву мещ. гор. Ефремова Тульской губернии Николай Семёнов Пирогов, 23 лет.

Пирогов обвиняется в убийстве состоявшего при станции «Бородино» названной железной дороги жандармского унтер-офицера Тимофея Павлова 32 лет, после которого осталась вдова с тремя малолетними детьми.

Убийство совершено 21 сентября в 8 часов вечера в следовавшем из Вязьмы в Москву пассажирском поезде, при приближении его к полустанку «Шаликово». Прослуживший 35 лет обер-кондуктором, Труханский умер от ран.

В сопровождении конвоя Пирогова доставили со станции в Пресненский полицейский дом. Согласно приговору военно-полевого суда Пирогов казнён через повешение.

Ревель, 23 сентября. На перегоне Орроиевэ выброшен из вагона крестьянин, ограбленный на 109 рублей. Злоумышленники задержаны.

Гродно, 23 сентября. В Слонимском уезде двое молодых евреев ограбили сидельницу казённой лавки Дружаловскую, выхватив у неё ридикюль с 335 рублями. Сиделица несла деньги в казначейство. Производятся энергичные розыски виновных.

Петербург, 23 сентября. Временным центральным бюро всероссийского академического союза выпущен проект устава союза, объединяющего студентов на почве признания единственной целью высших учебных заведений — служение чистой науке. Членами могут быть все студенты без различия партий. Политическая борьба в высших заведениях признаётся недопустимой. Студенчество как корпорация не может постановлять политических резолюций. Безусловно отрицается политическая забастовка и не допускаются бойкот и политические собрания в учебных заведениях. Цель союза — проведение этих принципов в жизни путём борьбы на сходках и в печати.

Кронштадт. Приговор над матросами, присуждёнными к смертной казни, приведён в исполнение 21 сентября в 6 часов утра за городом, близь батареи Литке. Исполнителями приговора были матросы. Брожения в войсках гарнизона нет, в городе спокойно.

Петербург, 23 сентября. Бывший депутат Рамишвили высылается на 3 года в Тобольскую губ.

Феодосия, 23 сентября. Выездной сессией одесской судебной палаты редактор «Жизни Крыма», бывший член Думы, князь Оболенский, за напечатание статьи по поводу казни Шмидта, приговорён к трёхмесячному заключению в арестном доме.

Симферополь, 23 сентября. Явившиеся в некоторые сёла Мелитопольского уезда агитаторы, призывавшие к образованию вооружённых союзов, прогнаны крестьянами.

Саратов, 23 сентября. Ночью в Аткарском имении помещика Николая Павлова произведён в него выстрел из ружья картечью в окно. Картечь пролетела близь головы, не задев Павлова. Стрелявший скрылся.

Бахмут, 23 сентября. В Четвериковском переулке в доме Дмитриевской произошёл взрыв бомбы; часть дома разрушена.

Варшава, 23 сентября. Около конторы Государственного банка околоточным надзирателем задержаны трое подозрительных лиц; при обыске у двоих из них найдены браунинги.

Покушение на симбирского губернатора. Симбирск, 21-го сентября. Губернатор генерал Старынкевич ранен бомбой, разорвавшейся вблизи губернского присутствия, куда он шёл на задание. Немедленно была подана помощь. Врачи ампутировали два пальца руки; кроме того у него много мелких ран на ноге. Около дома губернатора собралась тысячная толпа народа, выражающая сочувствие пострадавшему и негодование против преступников.

Дворец губернатора и присутственные места оцеплены войсками. По всему городу расставлена усиленная конная стража. Местные резервные батальоны в полном вооружении прошли с музыкой по городу.

Для выражения сочувствия губернатору и глубокого негодования злодеям, совершившим покушение, созывается экстренное собрание городской думы.

Симбирск, 22-го сентября. Прибывший из Казани хирург Разумовский нашёл у Старынкевича до 400 ран. Из нескольких крупных извлечены куски одежды. Надежда на благополучный исход не уменьшается. Генерал в сознании и мужественно переносит страдания.

Кончина симбирского губернатора. Симбирск, 23 сентября. В 9 часов утра от паралича сердца на почве заражения крови после повреждений, полученных от взрыва бомбы, скончался губернатор генерал-майор Старынкевич.

Симбирск, 23 сентября. Первая панихида у гроба генерала Старынкевича совершена епископом в присутствии представителей ведомств и учреждений. Возложены венки от учебных заведений. Семья получила много соболезнующих телеграмм.

Митава, 23 сентября. Чины губернской администрации с губернатором молились на панихиде по симбирском губернаторе Старынкевиче, бывшем курляндским вице-губернатором, где он оставил наилучшие воспоминания.

Петербург, 23 сентября. Продолжается заседание по делу совета рабочих депутатов. Оглашён обвинительный акт; никто из подсудимых не признал себя виновным; объяснили, что все принадлежат к социал-демократической партии и в деятельности совета преступного не видят. Носарь заявил

протест против обвинительного акта и добавил, что никаких показаний на предварительном следствии не давал, лишь писал жалобу на действия жандармского генерала Иванова, каковая жалоба переделана обвинением в показание. Начался допрос первой группы свидетелей.

Сосновицы, 23 сентября. В Домброве застрелен директор Франко-Русского общества Станкевич. Стрелявшие скрылись.

Умань, 21-го сентября. Арестован один из шайки грабителей-анархистов; он оказался бывшим гимназистом, сыном городского головы.

Петербург, 21-го сентября. Из Москвы доставлены два важных политических преступника. В тот же день со станции «Гатчина» Балтийской железной дороги доставлен в Петербург один из участников вооружённого нападения на пассажирский поезд близь станции «Вожковицы». Все трое препровождены в губернское жандармское управление.

Петербург. Охранной полицией несколько времени назад был учреждён надзор над поселившимся в конце августа в одной из квартир дома №19 по Надеждинской улице молодым человеком, прописавшимся без предъявления вида на жительство, Николаем II. 32-х лет, по профессии писцом. Вчера в 10-м часу утра II. был арестован агентами охранной полиции. Как выясняется, арестованный — организатор грабежа 18.000 рублей у казначея Политехнического института г. Папкова.

Петербург, 21-го сентября. Несколько человек заняли входы химико-технического училища на Смольной улице, четверо проникли в кабинет директора Юрьева и стали душить его, требуя денег. Директор вырвался и успел добежать до Полицейского моста. Грабители угрозами заставили делопроизводителя Краменко провести их в квартиру Юрьева. Заслышав приближение полиции, грабители скрылись.

Рига, 20-го сентября. Обнаружение в Риге анархистского гнезда произошло случайно, благодаря происшедшему взрыву. Полиция никого не нашла в квартире, состоящей из 3 комнат и занятой со 2 сентября супругами Шейнард, к которым вскоре присоединился некто Пургун. Конечно, все жили по фальшивым паспортам. От взрыва обстановка квартиры разрушена, но уцелели недоконченная сооружением адская машина с 2 фунтами динамита и часовым механизмом, совершенно готовая бомба и, кроме того, фосфор, сера, селитра, разные кислоты и материалы для изготовления пироксилина; затем — неизбежные прокламации и записная книжка с перечислением произведённых грабежей и добытых сумм.

Стокгольм, 3 октября (20 сентября). Правительство распорядилось о высылке из Швеции, в качестве бродяг, опасных для общества личностей, финляндцев Нюмана Лусто и четырёх других.

Гельсингфорс, 21-го сентября. Высланные из Швеции за приготовления к ограблению банков в Стокгольме 6 финнов, в том числе Лусто Нюман, выданы финляндским властям; все привезены на пароходе, в ручных кандалах.

Стокгольм, 18 сентября. В письме на имя редакции «Стокгольмской Газеты», подписанном Владимиром Ренблинским, автор энергично протестует против утверждения одного из арестованных финляндских террористов, Нюмана, что от центрального комитета русской социал-революционной партии террористы получили приказание ограбить стокгольмские банки. В письме говориться, что ограбление каких-либо иностранных банков противоречит основным принципам всех русских революционных партий. Русские революционеры никогда не решились бы оказать такой чёрной неблагодарности за гостеприимство иностранным государствам, в которых они часто вынуждены искать убежища. По мнению автора письма, террористические действия русских революционеров в чужеземных странах нанесли бы непоправимый вред русской революции.

Кременчуг, 21-го сентября. В квартире еврея Гринберга обнаружена политическая сходка и найдена нелегальная литература. Приказом генерал-губернатора Гринберг и другой еврей, Цыхновицер, инициаторы сходки, сосланы в отдалённые места Архангельской губернии. Участники сходки высланы в места их приписки.

Митава. Следующий эпизод, относящийся к слушаемому теперь в военном суде делу о виндавском бунте, заслуживает внимания. Из обвинительного акта, получаемого каждым обвиняемым, видно, что

показали на предварительном следствии свидетели со стороны обвинения.

Несколько времени назад к свидетелю Вальцу зашёл некто Швейцер и в разговоре пытался разузнать, что тот будет показывать на суде. Вальц высказался, что должен на суде говорить правду. После ухода Швейцера Вальц стал волноваться и выразил жене, что Швейцер, вероятно, был подослан, и что ему теперь не миновать насильственной смерти.

Вечером в тот же день, возвращаясь с женой с прогулки, Вальц был убит неизвестным подосланным убийцей, успевшим скрыться. Швейцер —личность подозрительная, без определённых занятий, усматривался всегда среди сопровождавших на вокзал политических арестованных и угрозами понуждал торговцев закрывать магазины в празднуемые революционерами дни; не имея занятий, он всегда при деньгах, франтовски одет. Вдова Вальца, бедного ремесленника, осталась без средств.

Одесса, 23 сентября. Ходатайство военного суда о смягчении участи приговорённого к смертной казни через повешение Покатилова, убившего директора Южно-Русского общества печатного дела, оставлено без последствий. Сегодня утром приговор над Покатиловым приведён в исполнение в Александровском парке, вблизи крепости.

Варшава, 23 сентября. На Скерневицкой улице трое неизвестных напали на владельца кожевенного завода Горна и, забрав 2.000 рублей, скрылись.

Военно-полевой суд приговорил профессионального вора Ферекса и беглого солдата Вдовиненко к повешению за ряд грабежей и нападение на двух околоточных.

Рига, 23 сентября. В Перновском уезде расстреляны по приговору военно-полевого суда Дегель и Адамсон, напавшие с целью ограбления на землевладельца Тохва и тяжело ранившие его.

Лодзь, 23 сентября. Партуль, услышав выстрелы и подозревая, что стреляют из ближайшего ресторана, вошёл туда и приказал поднять руки вверх. Двое отказались и были убиты патрулём.

Кельцы, 23 сентября. В Андреевском уезде на немую женщину напали в поле трое грабителей. Не получив ответа на требование денег, избили и отрезали язык. Прибежавшие крестьяне задержали злоумышленников; все трое арестованы.

Ченстохов, 23 сентября. Вчера в 10 часов утра расстреляны по приговору суда 10 человек за участие в грабежах и насилиях.

Седлец, 23 сентября. В городе Гарволине по приговору военно-полевого суда расстреляны двое за вооружённый грабеж в Ласкражевском гмине. Третий подсудимый оправдан.

Ашхабад, 19 сентября. Вчера на заседании военно-окружного суда убит из револьвера прокурор суда генерал-майор Ренкевич. Убийца — техник Морозов. В борьбе при задержании он был смертельно ранен. Преступник успел выстрелить также и в председателя суда генерала Уссаковского, но промахнулся.

Харьков, 18-го сентября. Ночью полицией обнаружена в отдалённой местности города фабрика для изготовления бомб. Захвачены две снаряженные бомбы, свыше 60 металлических оболочек для бомб, 12 коробок со взрывчатыми веществами. Арестованы двое рабочих. Дальнейшие розыски привели к открытию ещё 4 бомб, из которых две совершенно снаряжены.

Один из арестованных оказался беглым матросом из числа приговоренных к заключению в тюрьму. Разряжена с надлежащими предосторожностями бомба, найденная несколько времени тому назад. Бомба взорвалась с большой силой.

Познань, 3 октября (20 сентября). Полиция конфисковала у польского фабриканта Везжинского 10.000 экземпляров польских воззваний, призывающих к всеобщей школьной забастовке в Познаньской провинции.

Одесса, 21-го сентября. Агент сыскной полиции Григорас ранен на Алексеевской площади пулей в руку. Недавно, во время вооружённого нападения рабочих фабрики Жако, названный агент одного рабочего убил, а другого ранил.

Сочи, 20 сентября. Трое вооруженных студентов ограбили управляющего барона Фиркса в деревне Волковке. Захватив два ружья, браунинг и 460 патронов, золотые, серебряные и прочие домашние

вещи, всего на 1.600 рублей, грабители скрылись.

Нижний Новгород. Господину губернатору, барону Фредериксу.

Просим не теснить наши монархические организации в Нижнем Новгороде. Будем жаловаться Государю Императору.

Председатель астраханской «народной монархической партии»
Тиханович-Савицкий.

Петербург, 20 сентября. Вчера совершено поражающее своей дерзостью покушение на разбой в самом центре столицы и в разгар её наиболее оживлённой деятельности. По обыкновению, около 1 часа дня закончилось официальное биржевое собрание. Публика, от 150 до 200 человек, вышла из залы, которая в этот момент закрывается, и разложилась на площадках биржи, где продолжались и заканчивались неофициальные сделки. Артельщик с портфелем, в котором находились деньги и деловые бумаги, спустился с лестницы и направился к площади Зимнего дворца. Но не успел он отойти немного, как подлетела карета, из которой выпрыгнул молодой человек и произвёл в артельщика несколько выстрелов из револьвера. На первый же раздавшийся выстрел мгновенно подоспели конные и пешие полицейские и биржевые агенты охраны, а также агенты охраны Зимнего дворца. Началась перестрелка со стороны полицейских и охраны и со стороны злоумышленников. Покушавшийся на грабеж был тяжело ранен. Карета была окружена со всех сторон не только полицейскими, а и огромной толпой, быстро собравшейся в этой, наиболее оживлённой в такой час, местности. Всего арестовано 9 человек, которые под усиленным конвоем доставлены в заключение. Главарь же шайки был арестован ещё накануне.

Петербург. Грабители, арестованные при попытке ограбить биржевого артельщика — два крестьянина смоленской и самарской губернии, третий —швейцарский гражданин Лебгардт. В перестрелке случайно ранен проходивший чиновник министерства торговли, Конопасевич.

Предание суду. В приказе по войскам московского округа напечатано: «Военный прокурор московского военно-окружного суда представил заключение по делу о командире 2 гренадёрского Ростовского полка полковнике Симанском. Из заключения этого видно, что полковник Симанский обвиняется в противозаконном бездействии власти и непринятии надлежащих мер к усмирению неповинующихся и к прекращению возмущения.

За совершение упомянутых преступных деяний предаю командира 2 гренадёрского Ростовского полка полковника Симанского московскому военно-окружному Суду с удалением от должности и прикомандированием до окончания дела к московскому комендантскому управлению».

л). Севастополь, 22-го сентября. Начал функционировать новый союз Покровского братства в Севастополе. Председатель его — отставной контр-адмирал Афанасьев. Многие из членов местного отдела «Союза 17-го октября» перешли в братство. Последнее ведет переговоры о слиянии с одесским отделом «Союза русского народа» и с кишиневским отделом «Союза Белого знамени».

Петербург. В газете «Страна» сообщалось, что в министерстве внутренних дел окончательно решён вопрос о привлечении к суду бывших членов Государственной Думы, подписавших выборгское воззвание, и что решено привлечь по 129 ст. только тех 180 человек, которые лично присутствовали на совещании в Выборге.

В действительности министерство внутренних дел указанного вопроса не решало и не могло решать, так как разрешение его зависит исключительно от судебной власти.

Главное управление по делам местного хозяйства лишь уведомило начальников губернии и областей и градоначальников о состоявшемся 22 августа сего года постановлении судебного следователя петербургского окружного суда по важнейшим делам, согласно которому привлекаются к следствию по делу о составлении в городе Выборге воззвания, получившего распространение и озаглавленного: «К народу — от народных представителей», 180 бывших членов Государственной Думы в качестве обвиняемых в преступлениях, предусмотренных ст. 51. п. 5 III ч. и ст. 129 Угол. Улож.

Крамола в Орловской губернии. «Мы, чины и чиновники кромской уездной полиции, единодушно, как один, громко, во всеуслышание, свидетельствуем перед лицом всевидящего Бога и всеми людьми,

что ни тайные, ни явные расстрелы наших товарищей — полицейских чинов, ни растерзание бомбами, никакие угрозы революционеров не погасят в нас огонь любви к Верховному Хозяину земли Русской, не поколеблют в нас преданности своему долгу на защиту закона и общества и не заставят нас склонить голову или поднять руки вверх».

Белосток, 21-го сентября. Помещённая в «Новом Времени» корреспонденция из Белостока о запрещении временным генерал-губернатором православного крестного хода 8-го сентября и о разрешении католического противоречит истине. Генерал-губернатором был разрешён именно православный крестный ход и были приняты меры к его охране. Но священник сам отказался от своего намерения, опасаясь беспорядков. Другой православный крестный ход и католическая процессия были запрещены, так как ходатайство о них поступило слишком поздно, когда нельзя было уже принять меры к обеспечению их безопасности. Настроение еврейских революционных кружков и теперь ещё таково, что заставляет опасаться повторения событий 1-го июня. Православный крестный ход 14 сентября был разрешён генерал-губернатором и прошёл под охраной благополучно. Такой же крестный ход будет разрешён и 1-го октября.

Союз старообрядцев. Возникает Союз старообрядцев за Веру, Царя, и Святую Русь, который ставит своей целью соединение всех согласий российского старообрядчества на политической и гражданской почве, не касаясь канонических разногласий.

Уже выработан проект краткой программы Союза, которая по национальному вопросу говорит, что русский народ должен быть хозяином в своей земле, и ему одному должны быть присущи права господствующего народа в сравнении с другими национальностями, входящими в состав русского государства. Всякий закон, все мероприятия Правительства должны иметь в виду благоразвитие и усиление коренного русского народа.

Евреи, в виду доказанного безмерно вредного их влияния на государственное дело, а также их стремления к уничтожению исконных начал русского народа, не должны иметь возможности влиять на политическую и экономическую жизнь страны и должны быть объявлены иностранцами.

Евреи ни в каком случае не должны выбираться ни в Государственную Думу, ни в Государственный Совет, а равно не должны занимать должностей на государственной службе, в земских и городских учреждениях.

С момента объявления евреев иностранцами, они лишаются права перехода в подданные Российской Империи.

Союз старообрядцев признаёт, что Государственная Дума должна быть сословной и совещательным органом при Самодержавном Царе.

Кострома, 19 сентября. Собрание учредителей Монархической партии образовало комитет. Председателем состоит костромич Бросин. Выяснена программа, отделяющая Монархическую партию от Союза Русских Людей. Бывшие в собрании крайние элементы старались криками сорвать заседание, но бежали под грозными протестами собрания.

Томск, 21-го сентября. Здесь, открылось русское народное общество «за веру, Царя и отечество».

К приезду иностранных депутаций. Московский градоначальник, генерал-майор А.А. Рейнбот, сделал следующее представление генерал-губернатору о приезде в Москву двух иностранных депутаций:

«До сведения моего дошло, что в скором времени предполагается прибытие в Москву английской и итальянской депутации с целью выражения сочувствия и даже открытого чествования некоторых бывших членов распущенной Государственной Думы из числа подписавшихся под так называемым «Выборгским воззванием» и ныне привлечённых к уголовной ответственности по 126 статье Уголовного Уложения.

«Признавая, что открытое чествование лиц, обвиняемых в государственном преступлении, не может быть допускаемо и является опасным для общественного спокойствия, ходатайствую перед вашим

высокопревосходительством об оказании содействия к воспрепятствованию прибытия в Москву вышеозначенных депутаций, прося о последующих распоряжениях ваших почтить уведомлением для своевременного оповещения подлежащих консульств».

***

Телеграммы Русского Собрания и П.А. Столыпин. В пятницу, 15 сентября, в Русском Собрании в Петербурге были прочитаны следующие телеграммы Русского Собрания П.А. Столыпину и ответ господина Председателя Совета Министров.

***

1). Председателю Совета Министров П.А. Столыпину.

«Члены Русского Собрания, старейшего Монархического Общества, сегодня, молясь, благодарили Бога, чудесно сохранившего столь нужную Царю и России жизнь Вашу и просили Жизнедавца вскоре восстановить здоровье страдальцев-детей Ваших, Натальи и Аркадия».

2). «Выражая ненависть и отвращение революционным палачам, ужасно адскими снарядами убивающими верных слуг Родины, члены Русского Собрания считают нравственным долгом сказать Вам, что никакие послабления и уступки Правительства революционным партиям не остановят их кровавой деятельности разрушения России, никакие самые либеральные законопроекты не удовлетворят анархистов, социалистов, демократов и сепаратистов. Единственное средство и единственная в данную минуту обязанность Правительства — немедленно всей Государственной мощью властно обуздать крамольников и рассеять их преступные организации и сообщества. Но карать должно не одних только рядовых и слуг революции, слепых фанатиков и безумных юнцов, должно извести сам корень измены, найти и покарать руководителей и вдохновителей революции».

3). «Члены Русского Собрания доводят до сведения Вашего, что из всех охваченных смутой городских центров Империи, от руководителей местных Монархических Союзов, лиц безусловно уважаемых и облечённых доверием тысяч русских людей всех сословий, поступают заявления, что первыми потакателями революции часто являются непостижимом образом лица из администрации, нередко весьма высоких степеней. О всех таких лицах должно быть начато дознание, они должны быть смещены и подвергнуты заслуженной каре».

4). «Русское Собрание указывает, что длящийся по всей России открытый террор, грабежи, убийства, поджоги лишают возможности мирное население не только воспользоваться новыми правами, которыми оно щедро одарено Самодержцем, но и старые, самые первоначальные гарантии порядка, личной и имущественной безопасности граждан фактически отменены. Ради сохранения жизни и своих домов обыватели принуждены молить о сохранении военного и чрезвычайного положения, хотя это лишает их свободы и обременяет бесчисленными тягостями».

5). «Не горькой ли насмешкой являются либеральные замыслы преобразований, когда нет суда и защиты от воров и убийц, и население, платящее огромные налоги, может воспользоваться правом союзов и собраний с единственной целью — самозащиты, так как восстановить порядок и безопасность Государство не умеет или не хочет?»

6). «Как может население выбрать и прислать в Государственную Думу тех людей, которых хотело бы, когда выборщики устрашены и напуганы революционерами? Кандидат Иркутского Отдела Русского Собрания Тронин, имевший все шансы на избрание в Думу, был зверски убит».

7). «Во всех кровавых событиях последних лет и подстрекателями, и организаторами, и исполнителями сплошь и рядом являются евреи.

Русское Собрание указывает, что **повсеместно, где только евреи проживают, они сделались ненавистными христианам, оскорбили самые святые чувства и всячески истязали мирное население.**

Поэтому озлобление против евреев повсеместно возросло до крайней степени напряжения. Допущение беспроцентного приёма евреев в учебные заведения является возмутительным послаблением. Отдавая наших детей на нравственное растление и мучительные издевательства

влившейся в их среду наглой и преступной еврейской молодёжи. Дарование же евреям полного равноправия, несомненно, вызовет ужасающий взрыв народного гнева и мести по всей Империи».

И. об. Председателя Русского Собрания Н.А. Энгельгардт.

Председателю Русского Собрания Николаю Александровичу Энгельгардту.

8). «Благодарю Русское Собрание за молитвы и за сочувствие моему горю. Надеюсь, что Русские люди помогут на местах Правительству восстановить порядок и спокойствие и властно пресечь всякое беззаконие».

9). «Россия найдёт в себе мощь выйти из бедствий и укрепиться, но не для того, чтобы, как указывают враги Правительства, вернуться к старым непорядкам, осуждённым Царём, а чтобы сплотиться вокруг Него и дружными усилиями создать лучшие условия жизни для всех Его подданных и, как всегда бывало на Руси, победоносно, под водительством Царя пройти новый исторический перелом. Для этого нужна вера в Правительство, в его решимость и силу». *(Столыпин).*

XXVIII. а). Гении рас не соизмеримы и прежде всего отражаются в характере языка каждой расы. С особой силой это явствует из сопоставлений арийских и семитических наречий, в которых сами корни слов, наравне с принципами их построения, различны. Отсюда понятно, что родство племён определяется языками, на которых они говорят, если, конечно, под влиянием исторических условий язык племени или народа не стал заимствованным. Но и чужой язык, претворяясь в горниле той или иной расы, приобретает до некоторой степени её отпечаток.

К сожалению, подобно англичанам, евреи не имеют собственного языка. Как уже было сказано выше, язык талмуда представляет вавилонское смешение языков тех народов, у которых сыны Иуды жили в рабстве. В особенности ярко запечатлелось влияние халдеев. Вообще же говоря, развивавшиеся на пути многих столетий, тексты талмуда представляют в филологическом отношении необыкновенную картину. На древнейших следах доисторической Вавилонии, в свою очередь слагаемых из остатков первобытного семитического и шумеро-аккадского (т.е. урало-алтайского) языков, постепенно идут наслоения: арамейское, сирийское, ново-халдейское, персидское, греческое, парфянское и латинское. В свою очередь Тора или Пятикнижие, как утверждают евреи, познаётся только из талмуда. Научные же изыскания убеждают, что и в самой Торе есть не менее четырёх независимых и разновременных редакций. А если допустить, что у них был общий пересмотр, то и его автором является, во всяком случае, не Моисей.

К талмудическому языку нет надлежащего лексикона, а за отсутствием в письменах семитов начертания гласных букв не существует и точного произношения. Само имя Божие читается различно: Иао, Ягу, Ягве, Яу, Иегова и т.д. Впрочем, тетраграмма божественного имени — «HWH», строго говоря, и должна быть произносима. По одному этому вопросу, как в области талмуда, так и в сфере масонства, существуют целые трактаты.

Но если, таким образом, важный критериум языка не пригоден для характеристики евреев, то, казалось бы, его не трудно заменить духом иудейской религии. Представляя редкое исключение, евреи находят свою религию в законе своей гражданственности и, наоборот, —свои законодательные нормы они встречают в своей религии.

Гений религии и наука о сравнительном богопознании — та возвышенная область, в которой с наибольшей яркостью отражается субстанция рас. Однако, невзирая на приписываемую здесь евреям оригинальность, новейшие изыскания успели значительно поколебать общепринятые взгляды.

Тем не менее, есть у сынов Иуды одна черта, указываемая даже евреем Каутским. Ветхозаветное учение, развиваемое талмудом до своих последних выводов, резюмируется не только убеждением евреев, что они — народ, избранный Богом для владычества над миром, но то и людьми являются лишь одни евреи, все же прочее человечество — не более, как человекообразные животные, созданные в честь евреев. Так как первая обязанность иудейского Бога — любить свой народ и ненавидеть остальной мир, то и сами идеи талмуда могут быть лишь строго с этим согласованы. Руководящим же его принципом является сознание, что евреи de jure не способны ни обмануть, ни ограбить иноплеменника.

Иными словами, **не еврей нарушает право гоя, когда посягает на его личность или имущество, а сам гой учиняет оскорбление иудейского величества, когда дерзает помышлять о защите. Гою, как животному, ничто принадлежать не может, а потому все, что считает своим, есть в действительности добро, никому не принадлежащее, и, значит, делается собственностью первого еврея, который захочет его присвоить.**

Сравнительно с гоем, каждый еврей — принц крови и первосвященник. Несообразно было бы гоям как его рабам носить образ звериный. Вот почему единственно ради величия сынов Иуды Иегова создал и гоев похожими на людей.

Эта главенствующая мысль у еврея неискоренима.

Ему не надо изучать талмуда, чтобы словом и делом её исповедовать. Поэтому крайне унизителен для гоя спор с любым членом «избранного народа», который себе же на потеху он уверяет, будто не изучал талмуда. В таком изучении нет надобности. Основания талмуда начертаны в еврейском сердце. **Не талмуд создал евреев, а евреи дали талмуд. Эту простую истину необходимо усвоить раз и навсегда. Уничтожьте все экземпляры талмуда, и евреи напишут его вновь. В этом — гвоздь всей проблемы и его надо вколачивать в сознание гоев до тех пор, пока уже нельзя будет выдернуть обратно**.

В виду означенных условий талмудического языка, как и по самой обширности талмуда, равно как вследствие исключительных его особенностей большинство евреев не может читать его в подлиннике. Таким образом естественно возникновение популярных руководств. Но написать талмудический катехизис — дело чрезвычайной трудности. Вот почему мы видим, что не только после рассеяния евреев при Васпассиане и Тите, а ещё больше при императоре Адриане, но и вслед за изгнанием их из Вавилонии персами в VII веке по Р.Х. опыты популяризации талмуда не удавались. С распространением же еврейства, кроме юга Европы и по северному берегу Африки, равно как с заменой древних иешиботов в Суре, Пумбедитте и Негардее, на Тигре и Ефрате, в Севилье и Кордове, а затем и в Монпелье и, наконец, в Кракове, Люблине и Вильне, труды иудейских популяризаторов стали размножаться. Первым требованием являлось сохранение духа подлинника, т.е. устранение греческой и арабской философии. За нарушение сего был признан еретиком и сам рабби Моше бен Маймонид (Рамбам), «светоч Запада и звезда Востока», а его главный труд «Мишна Тойрэ» был сожжён в Монпелье рукой палача.

Между тем, по талмуду, сам Иегова изучает его ежедневно и даже в затруднительных случаях приглашает талмид-хахамов с земли. Как же еврею оставаться амгаарецом, т.е. невеждой в талмуде? И мы видим, что в XVI столетии эта первоклассная задача была, наконец, разрешена. Раввин из Палестины, Иосиф Каро, дал иудейскому миру точный катехизис или конспект талмуда. Результат многолетнего труда рабби и гаона Каро — «Шулхан-Арух», т.е. «Накрытый стол» или «Скатерть самобраная», заключает все, что необходимо для сохранения и утверждения духа «избранного народа».

Когда умирает учёный еврей, то сами ангелы у божественного престола радуются и веселятся, восклицая: «Вот идёт рабби Нухим или рабби Ицхак со своим талмудом!..» Поэтому и «Шулхан-Арух» разделён на 30 частей, дабы каждый израильтянин мог повторить его в течение тридцати дней.

б). Уже в недавнее время, крещёный еврей Бриман под псевдонимом Юстус, взяв главным образом из Шулхан-Аруха и лишь отчасти из подлинного талмуда сто наиболее характерных законов, напечатал их под заглавием «Der Juden-Schpiegel» («Еврейское Зерцало» [54]). Хотя Юстус не исчерпал проблемы, т.е. о некоторых важных узаконениях умолчал, тем не менее, еврейство всё-таки вознегодовало.

По своему обыкновению, назвав «Juden-Schpiegel» сплошным подлогом, сыны Иуды подавали жалобу, но были сами же изобличены в неправде. Главный эксперт, профессор Эккер, научно обработав своё заключение, издал его в Германии под заглавием «Der Judenschpiegel» im Lichte der Warheit, eine wissenschaftliche Untersuchung». Буквальными цитатами из талмуда удостоверяя подлинность законов Шулхан-Аруха и доказывая, что катехизис Иосифа Каро всеми евреями принять

и является действующим поныне бесспорно обязательным сводом законов, профессор Эккер излагает свой труд так, что всякий может его проверить.

Для ознакомления русских читателей мы перевели этот труд на русский язык ещё в 1897 году и поместили в своём исследовании «Еврейские речи». Отчасти исправив перевод, мы печатаем его ныне вновь.

в). Что же касается настоящего предисловия, то его разборы превзошли и наши собственные ожидания. Причинами служат глубина проблемы и быстрое развитие современных событий в Росси. Игнорировать их мы не считали себя в праве.

Дополняя друг друга, обе части работы могут способствовать взаимному разъяснению, а следовательно, и раскрытию еврейского вопроса.

В заключение остаётся сделать, разве, несколько замечаний.

Профессор И.А. Сикорский [55] говорит следующее.

***

«Евреи распадаются на две обособленные группы, разнствующие как по внешним признакам, так и по самому происхождению своему. Русско-немецкие евреи или ашкиназы (аскназим) малым ростом, относительной частотой у них рыжих волос, серых глаз и брахицефалией сильно удаляются от сефардов (сефардим), т.е. евреев трёх южных полуостровов Европы, африканского побережья Средиземного моря, а отчасти — Голландии и Англии; сефардам свойственны чёрные волосы, чёрные глаза и долихоцефалия. Ашкназим говорят на испорченном немецком, а сефарды — на испорченном испанском языках.

По новейшим исследованиям, сплочение этих двух антропологичесих типов произошло чрезвычайно давно, ещё в передней Азии, на родине евреев, где к первоначальному семитическому корню присоединились брахи-блондины амориты. Что же касается позднейших примесей арийцев в Европе, то они были сравнительно незначительны, почему еврейский народ и сохраняет первобытную типичность.

К антропологическим особенностям евреев, резко отличающим их от других народов, относятся прежде всего их приспособляемость к всевозможным климатам и размножение, несмотря на противные этому условия.

Физической устойчивости еврейской расы соответствует незыблемость основных черт её душевного строя. Объяснение психического типа евреев событиями из истории за два последние тысячелетия неверно. В вопросах этого рода такой срок слишком незначителен и не может оказать сколько-нибудь заметного влияния, за исключением случаев крупных антропологических скрещиваний, чего для еврейства не усматривается. Каким изображен еврей на стенах древних египетских гробниц, таким физически он представляется в настоящее время, и совершенно то же замечается в духовном отношении.

Формальной или внешней, иногда выдающейся стороне еврейского ума далеко не соответствует внутренняя сторона. Созданием Библии как бы исчерпывается продуктивная производительность Израиля. За этим следует двухтысячелетняя пауза. Убеждённый сионист, профессор Геман, признаёт, что свою долю участия евреи вносили во все культуры, но ни одна не создана и не проникнута их духом. Ренан утверждает, что у евреев как у расы вообще нет призвания ни к философии, ни к науке, ни к искусству, за исключением музыки. Ренан и еврей Хвольсон сходятся далее в том, что основной чертой еврейской души является страстность.

Главный же отпечаток, замечает профессор Сикорский, которым отличаются чувства еврейской расы, является нравственный симплицизм. Чувство еврея обыкновенно наблюдается в упрощённой форме, т. е. в обособленности и без осложнения одних чувств другими. Так, стыд принимает форму уничижения; страх выражается растерянностью, печаль — слезами и экспансивной эмоцией, самодовольство — тщеславием, кичливостью, надменностью и заносчивостью; самоуверенность — самомнением и т.п. Сущность подобных фактов состоит в замене многих чувств одним из сильнейших

или одним из элементарнейших. Чувствуя себя униженным, презираемым, как это бывает с евреем, человек может не поддаться одному этому чувству, лишь когда он хранит в себе нравственное достоинство; подобным же образом человек гордый не впадает в заносчивость или кичливость, если будет уважать чужую нравственную личность.

Неполнота или недостаточность дифференциации чувства в еврейской расе уже в отдалённые времена сделала необходимым существование особенного нравственного корректива в лице пророков, которые оказываются замечательным, специально-еврейским институтом. Этимология слова пророк в русском и греческом языках указывает на прорицание, предсказание будущего как на основную функцию пророка; но семитическое слово наби, применяемое к наименованию пророка, обозначает человека зрячего, т.е. нравственно видящего, проницательного, различающего и распознающего своим чувством те нравственные тонкости и детали, которых не различают другие. Поэтому для нравственной жизни расы понадобился особый институт нравственно-ясновидящих людей, способных быть руководителями в делах совести, в делах нравственного такта, которого часто не доставало не только обыкновенным евреям, а и духовным их представителям — священникам и первосвященникам, как видно из писем пророков. По мнению Ренана, пророки представляют собой явление, не имеющее аналогии в истории других народов. Пророки старались будить чувства, очищать их, содействовать их развитию и росту; пророки одинаково обращались к народу, его царям и первосвященникам как вестники Бога, как голос идеальной совести и тонкого чувства.

Что касается воли, то еврейская раса отличается настойчивостью и неутомимостью.

Основные психические свойства еврейской расы, 1) острый, но неглубокий ум, 2) настойчивая воля и 3) недифференцированное чувство, положили специфическую печать на весь духовный образ, жизненную деятельность и исторические судьбы евреев.

Относительная элементарность или недифференцированность чувства решительнее всего выражаются в еврейской расе отсутствием тоски по родине и лёгкостью в утрате родной речи. Отсюда становится понятной склонность к переселениям в отдаленные страны и симбиоз с чуждыми расами, свойственный еврейскому народу с отдалённых моментов его истории. Быть может, стремление евреев к рассеянию и расселению и само отвращение к оседлости вытекают не из одной нужды в куске хлеба, а, скорее, из потребности искать духовную жизнь, бьющую более полным ключом, нежели жизнь еврейской расы. Поэтому расселение евреев по лицу земли являлось не только вынужденным, но отчасти и естественным психологическим явлением, зависящим от свойства еврейского национального духа.

Рассеяние по лицу земли и продолжительная жизнь среди чуждых рас выяснили некоторые отличительные черты еврейства, в особенности — легкости, с какой еврей воспринимает чуждую культуру. Странствуя по земле, еврей не только утратил свою историческую территорию, но и свой язык, литературу, поэзию, искусство, а в известной степени — и сам нравственный облик, одним словом — всё самое ценное в жизни. Быть может, это единственный пример для столь развитой в умственном отношении расы!

Душа современного еврейства уже не согревается и не возбуждается самобытным национальным гением. Расовый тип, правда, ещё остаётся, но это скорее касается формы, чем содержания духа с его историческим преемством идей, стремлений и чаяний. Евреи вносят свою долю участия в современные культуры разных народов, как справедливо говорит Гемен, но они руководятся вдохновением не иудейского, а чуждого им народного гения, откуда и черпают содержание и формы своего творчества. По-видимому, главной причиной такого направления духовной жизни «избранного народа» является перевес умственного развития над эмоциональным. Тонкое чувство, идеализм, поэтические и художественные эмоции уступили у евреев своё законное первенство практицизму в ущерб естественному развитию высшей жизни.

Симплицизм и неполнота развития чувства привели талантливую в умственном отношении еврейскую расу к монотонности умственных аспирации, к сужению круга действий, к замкнутию себя в рамки немногих специальностей и профессий, где её ум находит желаемую пищу. Но все важнейшее, на что человек подвигается тонким чувством, стремление к развитию чисто духовных интересов — языка,

поэзии, литературы, искусства и проч., осталось в еврейской расе без надлежащего преуспевания.

Еврейство осудило само себя на узкую служебную роль в человечестве, утратило руководящую идейную силу, о которой говорили его пророки, и спустилось до положения простого исполнителя поручений различных наций, среди которых оно живёт, идеями которых вдохновляется. В окончательном выводе это привело расу к более узкой жизни, чем та, которая требуется интересами духа, и в этом — великая угроза духовному преуспеванию еврейской расы в будущем.

Такого пути еврейство чуждается. Оно замыкается в себе, избегая как антропологической ассимиляции, так и национальной пропаганды, хотя вековой опыт человечества указывает расам иной биологический идеал. Время покажет, лучше или хуже других народов поступают евреи?..

В противоположность многим культурным народам, евреи обнаруживают мало склонности к национальному объединению; их расовая сплочённость по своему характеру скорее напоминает факт расового, чем культурного единства. Евреи мало стремятся к территориальной концентрации и столь же мало склонны к созданию национального духа с самобытным языком, поэзией, литературой, искусством. При таких наклонностях еврейской расы, жизнь в рассеянии вовсе не является для неё фактом чисто внешним или только насильственным, но глубоко коренится в самих особенностях этого народа. Брока усматривает в евреях свойства антропологического космополитизма как в их физической организации, так и в их физиологической приспособляемости. Но, очевидно, и в психическом отношении еврейству свойственна такая же приспособляемость, равно как вытекающий из неё нравственный космополитизм. Евреи охотно передвигаются с места на место, побуждаемые материальными и духовными потребностями, и это стремление возникло у них не только со времени утраты ими своей территории в Палестине, а проявлялось и гораздо раньше.

Этим подтверждается как проницательность пророков, так и верность сделанной ими психологической характеристики своего народа. Хотя пророки усматривают в рассеянии наказание Божие, а современные сионисты пытаются создать из евреев нацию в том смысле, в каком она создалась у других народов, но сам вопрос стоит глубже. Евреям, как расе, едва ли свойственен национальный уклад душевной жизни; у них гораздо больше сказывается склонность к антропологической всеобщности, чем к национальным рамкам.

Быть может, именно в этом скрывается антропологическое призвание этой, во всяком случае прочной, устойчивой, резко отмеченной расы».

г). Возвращаясь от научных данных о свойствах иудейской расы к нынешним событиям, нельзя не признать, что, быть может, нигде и никогда нравственный симплицизм и духовная слепота евреев ещё не раскрывались с такой поразительной силой, как теперь у нас...

Ни по данным своей рабской истории, ни по ограниченности и бессодержательности политического кругозора евреи не имеют права помышлять о верховенстве в такой великой стране, как Россия. Но если этого права нет у них с точки зрения рациональной, то, вероятно, уже ни при каких условиях не повторится современное течение обстоятельств, которым открывалась для евреев возможность оправдать свои замыслы в сфере нравственной.

Неисповедимое горе, постигшее русский народ без всякой его вины, должно бы, казалось, внушить сострадание и самому чёрствому сердцу. Живя в России целыми миллионами, богатея и размножаясь за счёт своих хозяев, пришельцы-евреи встретили единственный в своём роде случай показать истинное благородство, если бы оно было им свойственно, и тем обеспечить своё будущее в стране, судьбы которой, вопреки роковому для них заблуждению, ещё далеко не завершены. Протянув нам руку дружбы, масса еврейского народа, проживающая в России, обнаружила бы государственную прозорливость в свою же собственную пользу, равно как и в защиту той гегемонии, о которой мечтает. Не быть нашими врагами в эту минуту повелевала евреям прежде всего любовь к самим себе...

Между тем, что же мы встретили?!..

Евреи содеяли всё наоборот. Вместо облегчения страданий, они варварски растравляли наши раны и пытались довести государственный организм России до разложения заживо.

***

Польские дела. Варшава. Я не знаю, как чувствуют себя теперь русские люди, постоянно живущие в Царстве Польском, но свежему человеку здесь на каждом шагу бросается в глаза, что вы приехали во враждебную сторону.

Начну с мелочей. Как только вы сели в курьерский поезд из Киева на Варшаву, вы уже обязаны говорить и понимать по-польски. Ваш сосед в вагоне отвечает на ваш вопрос по-польски, вы продолжаете говорить по-русски и получаете ответ опять по-польски! Проходите в вагон-ресторан — та же история с лакеем. Я не говорю по-польски и потому приходилось иногда объясняться даже знаками. Чувствуешь себя в положении иностранца, путешествующего по незнакомой стране.

Но чем ближе подъезжаете вы к Варшаве, тем рельефнее сознаёте, что здесь вы — прямо за границей. От Седлеца уже совершенно не слышно русского говора.

Варшава теперь производит самое странное впечатление. На всех перекрёстках стоят солдаты по двое; стоят они плотно, прижавшись спиной к стене, иные даже совсем в углах, и держат ружья на изготовке. Ежедневно на дежурстве стоит 9.000 нижних чинов в три смены, по три тысячи каждая. Полиция страшно растерянна, городовые на перекрёстках стоят с испуганными глазами; видно, что человек ежеминутно ждёт нападения. Пришлось заехать в главный почтамт; у ворот — околоточный; спрашиваю, как пройти в такое-то отделение?

— Извините... Я ничего здесь не знаю... Недавно прислан из России, сам стою, как в тёмном лесу...

Генерал-губернатор Скалон почти не покидает Бельведера, после известного взрыва. Говорят, что у генерала постоянные головные боли и сильное расстройство нервной системы. Можно было бы поступить так: выгнать вон всех трусов из высшего полицейского начальства и заместить их храбрыми людьми.

Думается, что среди нашего офицерства есть тысячи смелых людей, прозябающих на нищенских окладах в гарнизонах того же Царства Польского.

А то прямо совестно даже как-то. Польские революционеры прямо издеваются над русскими властями. Их последнее постановление гласит: *все грабежи винных лавок и нападения на русских производить днём, чтобы воочию доказать, что никакого военного положения не существует.*

И действительно. В Варшаве по сигналу было ограблено 56 винных лавок средь белого дня, и не были ограблены все лишь потому, что не хватило людей на эту «экспедицию». А между тем в одной только Варшаве стоит под ружьём 86.000 солдат, а в крае находится до 400.000 войск!..

Недавно напали среди белого дня на артиллериста-солдата пять человек с браунингами. Солдат не растерялся и умудрился отобрать браунинги, после чего всю компанию самолично повёл в полицию. Этот случай так сильно повлиял на революционеров, что после этого целых три дня не было нападений в Варшаве, но затем опять началась стрельба.

Всего интереснее, что обучение стрельбе из браунингов идёт в окрестностях совершенно открыто, на глазах у всех. Революционные «инструкторы» учат стрелять так: убийца становится в полуоборота, кладёт правой рукой браунинг на левый локоть, чтобы иметь больше упора, и так стреляет. У революционеров, видимо, опытные «инструкторы». Стрельба чрезвычайно меткая. На днях был убит начальник охраны капитан Яковлев наповал, в затылок, на расстоянии сорока шагов, именно этим, последним, способом, т.е. боковой стрельбой.

Все стреляющие немедленно скрываются, их заслоняет толпа. Раненного же русского не пускают ни в один дом: все ворота перед ним захлопываются немедленно.

В войсках растёт сильнейшее раздражение, могущее невольно прорваться наружу. Сама обстановка приучает солдат постоянно чувствовать себя во враждебной стороне; в этом отношении та революционная группа, которая стреляет в солдат, приносит очень плохую услугу общереволюционному делу, если даже стать на точку зрения революционера. Здесь объявлена война уже не русскому правительству, а русскому народу, завоевавшему этот край кровью своих сынов...

У нас почти никто не читает польских газет, и настоящая жизнь Царства Польского в данный момент — это tabula rasa для громадного большинства русского интеллигентного общества.

Самые умеренные поляки партии национал-демократов, т.е. клерикалы и аграрии, имевшие своих представителей в Государственной Думе в виде «польского кола», своим лозунгом поставили следующее: *надо, прежде всего, выжить из края всех русских и всё русское, а затем уже думать об автономии.* Следовательно, в глазах самых умеренных поляков, русские суть враги злейшие, чем самые опасные анархисты. Что же говорить об остальных партиях — польских «кадетов», прогрессивных демократов, реалистов, спуйня, польской социалистической, социал-демократов Польши и Литвы и т.д. Для них автономия — это лишь первая ступень на бесконечной лестнице. Это, впрочем, они соответственно открыто заявляют в своих изданиях.

Недавно один польский лектор публично излагал заветную программу поляков. Схема её следующая: русские — это монголы и к славянской расе причислены быть не могут; поляки же должны стать во главе всеславянского движения и отбросить русских к их первоначальной базе — царству Московскому. Как видите, мечты «довольно скромные»!..

Между прочим, не особенно давно польский «демократический союз» опубликовал в «Варшавском Курьере» проект польской автономии, который по внешнему виду являет собой как бы все признаки умеренности. Белые нитки выглядывают лишь в нескольких местах; например, ст. 6, пункт «в» гласит, что «жители Царства будут отбывать повинность только на месте, т.е. в полках, квартирующих в пределах Царства Польского. Полки эти могут быть выводимы только в случае внешней войны».

Короче говоря, поляки хотят уже теперь иметь своё войско. *(«Новое Время»).*

Финляндия. Гельсингфорс, 20 сентября. По поводу конфискованных норвежской полицией в Вардэ (у Варангер фиорда) русских революционных брошюр газеты сообщают из Трондхейма, что за несколько месяцев перед тем прибыл в Вардэ русский студент под фамилией Лисичкина и привёз с собой русский шрифт, которым, на станках типографии газеты «Финнмаркен» печатал брошюры. Последние водворялись в Россию на русских судах, которые осенью, по окончании торговых оборотов, во множестве возвращаются к Мурманскому берегу и в Белое море. Лисичкин принадлежал к партии социал-демократов.

Одесса. Военный суд приговорил 19-летнего Вруля Бернштейна к ссылке на поселение за принадлежность к тайному сообществу, поставившему себе целью ниспровержение существующего в России государственного строя. Бернштейн составлял прокламации, призывающие к бойкоту фабрикантов, не удовлетворивших требований рабочих. Установлено, что Бернштейн имел сношения с казнённым 1 сентября анархистом и тоже евреем Тарло.

Швейцария. За последнее время в Швейцарии усиленно говорят о наших революционерах, среди которых большинство — евреи, выбравшие Швейцарию «отделением своей лаборатории взрывчатых веществ и бомб». Каждый день приносит тревожные известия о гнусном злоупотреблении швейцарским гостеприимством русскими революционерами. То появляются слухи о прокламациях, напечатанных в Швейцарии и обещающих громадную денежную награду за убийство русского высокопоставленного лица, то открывается революционная шайка в Лозанне, то арестовывается опасный русский анархист. Все эти слухи, эти постоянные соседства с бомбами возмущают мирных швейцарцев. Возмущение же перед наглостью русских анархистов и революционеров влечёт за собой недоверие и к русским не-революционерам.

Естественно недовольство в Швейцарии фактом, что вследствие наплыва русской революционной мрази в её высшие школы, и что сами швейцарцы должны воспитывать свою молодёжь бок о бок с этой дрянью. Если прибавить к этому, что всякий «русский» чемодан может содержать бомбы, предназначенные какому-нибудь врагу революционного движения и могущий взорвать совершенно непричастных лиц, то станет понятным, до какой степени подозрительности и отвращения могут дойти швейцарцы по отношению к русским. Они совершенно справедливо требуют, чтобы эта безумная орава перестала пользоваться Швейцарией как лабораторией для производства бомб и заговоров и не пятнала бы русского имени.

Но почему же швейцарское правительство не выгонит их? Теперь заговорили об этом, когда присутствие этой дряни грозит уже благополучию государства, которое, как известно, живёт исключительно приезжими путешественниками. Если так будет продолжаться, то в Швейцарию перестанут заглядывать иностранцы из опасения за свою жизнь.

«День».

Петербург. Главный военный прокурор опротестовал приговор по делу бывшего члена Думы Онипко, который, как известно, за явное подстрекательство к бунту среди солдат в Кронштадте приговорён к ссылке на поселение. Даже либеральные иностранные газеты высказывают удивление по поводу того, что зачинщик кронштадтского мятежа, бывший депутат Думы, Онипко, приговорён не к смертной казни, а лишь к ссылке на поселение.

Петербург. Решение русского правительства о расширении гражданских прав евреев – отрицательное. Верховная власть и первый министр пришли к тому заключению, что для того, чтобы дать евреям равноправие, надо чтобы еврейская молодёжь перестала руководить революцией (50 процентов убийств и покушений совершены лицами еврейской национальности).

«День».

«Товарищи». 22 сентября близь Нарвы с поездом №117 ехали три безбилетных пассажира. Вдруг один из них был окружён своими товарищами, которые его ограбили на 109 рублей, а затем выбросили из окна вагона. Пострадавший получил сильные повреждения.

Гельсингфорс, 24 сентября. Прибыло около двухсот делегатов партии «кадетов». В 2 часа началось предварительное собрание. Все собрания закрытые, и сведения будут выдаваться особым бюро.

К убийству К.С. Старынкевича. Симбирск, 24 сентября. Вскрытием тела губернатора К.С. Старынкевича установлено, что поражения были, безусловно, смертельны; на местах поранений найдено в теле множество мелких металлических осколков и кусков одежды; локтевая кость правой руки переломлена.

Петербург, 24 сентября. При вторичном обыске квартиры арестованного студента-путейца Финка обнаружено ещё несколько бомб и 60 фунтов динамита.

Петербург, 24 сентября. Поезд, шедший из Ораниенбаума в Петербург, был обстреливаем револьверными выстрелами. Пострадавших нет.

Кострома. Вчера днём из шедших по улице двух неизвестных один застрелился из револьвера, а у другого, схваченного, отобран 12 зарядный револьвер. Звание обоих не обнаружено. Подозревают, что они принадлежали к шайке, двое соучастников которой арестованы на днях в гостинице «Старый Двор».

Москва, 24 сентября. В числе задержанных накануне 35 человек, принадлежащих к мятежным организациям, оказались преимущественно руководители революционных дружин, почему этим арестам и придаётся очень большое значение.

Петербург. Корреспондент Бирж. Вед. сообщает следующие подробности о съезде конституционно-демократической партии в Гельсингфорсе. В числе делегатов находится два члена Государственного Совета — князь Кугушев и профессор Вернадский и 25 членов Государственной Думы. Всего избрано в России на этот съезд 520 делегатов, но в виду того, что в настоящее время в очень многих местах происходят уездные земские сессии, многие делегаты не могли оставить своих мест. Так, из многих губерний, где избрано 6 депутатов, приехали по 2-3. В начале заседания князь Долгоруков в качестве председательствующего произнёс небольшую вступительную речь. И.И. Петрункевич сказал несколько слов в память М.Я. Герценштейна. Князь Долгоруков напомнил, что Герценштейн «не желал идти в Думу и очутился там по воле партии». И.И. Петрункевич вносит предложение перевести прах М.Я. Герценштейна, когда окажется возможным, из Териок в Москву и похоронить его там на счёт партии. Предложение принимается единогласно.

Съезд решает избрать 4 комиссии: 1) организационную — для обсуждения вопроса о лучшей партийной организации, 2) финансовую — об изыскании средств, 3) профессиональную — для

разработки вопроса о широкой организации профессиональных союзов и 4) аграрную.

В.Д. Набоков читает пространный доклад о деятельности партии «народной свободы» в Государственной Думе.

Затем слово к профессору Гредескулу, который говорит: «Выборгское воззвание было исторической и политической необходимостью. Огромного исторического значения выборгского акта не может поколебать его относительная практическая неудача. Заключение доклада: признать действия парламентской фракции в Выборге вполне законным». После доклада Гредескула, в 5 часов назначен перерыв до 8 часов.

Перед закрытием заседания П.Н. Милюков читает свой доклад о партийной практике.

Гельсингфорс, 24 сентября. Около двух часов в шведской школе открылся четвёртый кадетский съезд. Собралось более двухсот делегатов из разных губерний: от Петербургской — 21, от Московской — 15, Тверской — 7. Все гостиницы переполнены. Многие устроились на частных квартирах. Прибывают новые депутаты. Поезда, отходившие накануне вечером, все переполнены. У новгородского представителя Колюбакина пропал портфель с важными бумагами.

Хотя, по соглашению с местными властями, съезд закрытый, приехали многие русские и иностранные корреспонденты.

Открыл съезд кн. Павел Долгоруков, выразивший сожаление, что не пришлось собраться в России, так что съезд вынужден пользоваться гостеприимством страны, сумевшей добиться свободы. Восторженно встречено приветствие финляндских граждан, приславших цветы. Иван Петрункевич посвящает речь памяти Герценштейна, предлагая перевести его прах в Москву.

Председателем съезда избирается Павел Долгорукий, товарищ Тесленко, Хижняков и кн. Шаховской.

Следуют доклады: Набокова — о тактике в Думе, Гредескула — о действиях членов партии после Думы, Милюкова — о дальнейшей тактике.

Главный интерес сосредотачивается на обсуждении следующего проекта резолюции о партийной тактике: I. «Съезд выражает одобрение деятельности парламентской фракции в Государственной Думе, признавая, что деятельность эта соответствовала общей тактической директиве, данной третьим съездом. II. Признавая политическое значение выборгского воззвания и выражая принципиальное согласие с его содержанием, съезд одобряет действия парламентской фракции, взявшей на себя почин составления воззвания. III. Съезд считает идею пассивного сопротивления, при условии его широко организованного применения, согласной с общими принципами тактики партии народной свободы, полагает, что широкое распространение, обоснование и ускорение этой идеи в народном сознании должно составлять одну из задач партии, признаёт, что пассивное сопротивление может быть применяемо как наиболее действительная форма противодействия тем актам, которые, по существу являются посягательством на права народного представительства. IV. Съезд находит, что в настоящий момент не имеется конкретных данных для достаточно широкого, организованного осуществления пассивного сопротивления как вообще, так и в частности, в форме отказа от отбывания воинской повинности в призыв 1906 г. На этом основании съезд не считает возможным рекомендовать немедленное применение пассивного сопротивления. V. При условиях данного момента, съезд признаёт ближайшей задачей деятельности партии подготовку избирательной кампании. Избирательной платформой партии при предстоящей кампании съезд считает необходимым сделать ответный адрес Государственной Думы на тронную речь с теми дополнениями, которые вытекают из программы партии, и с обращением особого внимания на необходимость расширения законодательных и бюджетных прав Государственной Думы». («Н.В.»).

Гельсингфорс. В связи с выборгским воззванием, возникает вопрос, очень важный для всех наших политических партий. Призыв населения к неплатежу податей и не отбыванию воинской повинности, т.е. к действиям революционным, исходил, между прочим, от кадетов, заседавших в Думе и составлявших лишь отдел, фракцию конституционно-демократической партии, члены которой имеют комитеты почти во всех губерниях. В целом же своём составе партия не обсуждала вопроса о неуплате податей и не отбывания воинской повинности; не было и речи о подобном революционном

выступлении ни в программе, на основе которой формировалась партия, ни во время выборов. Выборгское воззвание появилось экспромтом, а поэтому оно необязательно для конституционно-демократической партии. Оно навязывается ей насильственно её парламентской фракцией, на плечах которой повисло. Вопрос именно в том, имеет ли парламентская фракция любой партии нравственное право без широкого уведомления всех членов партии и не дожидаясь их решения, предпринять капитальной важности шаг, чтобы, как в данном случае, неожиданно, по своему произволу направить всю партию с легального пути на путь революционный или, например, с конституционного пути к абсолютизму. Подобный произвол подрывает в корне сознательную партийную дисциплину и уничтожает всякое доверие к партийным программам. Бесцеремонное надругательство над совестью членов партии вносит разлагающую сумятицу в жизнь государства. Если даже в новых общественных организациях абсолютистские приёмы по-прежнему будут пользоваться успехом, то кто же привьёт широким кругам публики вкус и любовь к конституционным формам? Дурные примеры и в политике очень заразительны.

Митава, 26 сентября. В редактируемой общественным деятелем Германом эстонской газете «Валгус» появилась следующая возмутительная по гнусности тона заметка: «На барона такого-то (указаны имя и адрес) напали террористы, набросили ему на голову мешок и оскопили сего молодого молодчика, не смотря на все его мольбы. По уверениям врачей, оскопление произведено с полным знанием дела, причём здоровью барона не угрожает опасность. Население немало потешается над этой удивительной историей» и так далее. Сообщение это, касавшееся уважаемого лица, оказалось с начала до конца ложью, вследствие чего автор заметки, эстонец Арро, подвергнут военной властью двухмесячному тюремному заключению. («Н.В»).

Петербург, 25 сентября. Очень высокопарная передовая в «Речи» по поводу открытия съезда в Гельсингфорсе. «Могучая партия», партия «могучей силы», «счастливое исключение их всех наших остальных партий как тайных, так и явных, которые всегда страдали от внутренних раздоров»; партия, отличающаяся «ясностью, определённостью и цельностью программы», призывается к единению. Сведения о «расколе» в партии признаются вздором. Что касается отказа партии от выборгского воззвания, то на этот счёт не ясно:

«Нам уже неоднократно приходилось указывать на невозможность обсуждения этого вопроса полностью, касаться же его экивоками и намёками мы считаем более вредным, нежели полезным...».

А теперь будет ли он обсуждаем «полностью»? Остаётся неизвестным, но выражается полная уверенность, что «в настоящий трагический момент, когда каждую минуту может разразиться страшная катастрофа, партия останется верна себе и пойдёт испытанной дорогой».

Неизвестно, о какой «страшной катастрофе» говорится. «Речь», впрочем, никогда не покидает атмосферы страшных предсказаний и пользуется ими при всяком случае.

Г. Гредескуль в той же газете уверяет, что «выборгское воззвание нас не разделит. Напротив, не столько вероятно, что кто-нибудь из нас перейдёт в чужие лагеря, сколько вероятно то, что «разочарованные из других лагерей (не только правых, но и левых) перейдут к нам».

Вот каковы «освободительные» виды на будущее.

«Товарищ» предсказывает то же самое. Съезд будет закрытый. За его работами можно будет следить только по тем извлечениям из отчёта, которое будут признаны подлежащими публикованию». («Н. В.»).

Жиды-музыканты. В 55-м драгунском полку в Вильманстраде полковниками Ивковым и Ревва, корнетом Бутлеровым и поручиком Болтенко был произведён обыск в полковой музыкантской команде, в которой много вольнонаёмных, и у капельмейстера, еврея Стрейха. В чердачном помещении музыкантской команды, находящемся в отдельном здании, обнаружены прокламации социалистов-революционеров, выборгское воззвание и орган социал-демократов — «Пролетарий». Спустя два дня, приказом по полку без объяснения причин капельмейстер Стрейхер и вольнонаёмный музыкант, курляндский еврей Кардовер уволены. («Р.З.»).

Москва. Студенты 5-го курса медицинского факультета объявили бойкот профессору Синицину. К

этому бойкоту присоединились студенты, которые держат государственные экзамены в медицинской испытательной комиссии. Они решили прочитать свой протест против Синицина в комиссии, в которой он председательствует, и потребовать удаления Синицина из профессоров московского университета. Причинами выставляется то, что Синицин вотировал в хирургическом обществе за смертную казнь, и то, что он состоит в «Союзе русских людей». («Р.З.»).

Петербург, 25-го сентября. В ночь на 24-е сентября в одной из квартир в доме №14 по Кузнечному переулку, где жила под видом портнихи молодая девушка, оказавшаяся курсисткой, при обыске найдено около 10 фунтов динамита, 5 бомб и много оружия. Курсистка, её сестра и другие лица, посещавшие квартиру, арестованы. По слухам, главарь группы успел скрыться. Фамилия «портнихи» — Королёва. Она находилась в связи со студентом, который в одно из последних посещений положил ей под подушку две бомбы. Это сделалось известным в квартире, и вслед за тем в комнате Королёвой был сделан обыск, при котором найдены ещё и другие бомбы и динамит. По словам Королёвой, она не знала об этом, так как студент, принёсший к ней пакеты с бомбами, не сообщил её об этом. Студент успел скрыться. («Н.В.»).

Митава, 25 сентября. Здесь в последнее время было несколько случаев ареста учеников средних учебных заведений и городских училищ в возрасте от 15 до 18 лет вследствие участия их в революционном движении, в которое они втягиваются и подготавливаются к преступлениям лицами, спекулирующими на слабом сознании малолетних. Генерал-губернатор Бекман в подобных случаях вызывал к себе юношей для увещания в частной беседе, и по степени достигнутых результатов юноши выпускались из под ареста на честное слово.

Либава, 25 сентября. Двое злоумышленников убили из револьвера начальника мастерских Либаво-Роменской железной дороги Ковалевского и скрылись.

Москва. К убийству Моносзон. Много нашумела иудейская пресса об убийстве Моносзон и её шестилетнего сына грабителями, которые теперь сыскной полицией задержаны. Сам Моносзон обратился к московскому градоначальнику с прошением о предании убийц его жены и сына военному суду.

Варшава, 25 сентября. На вокзале убит жандарм. Пятеро вооружённых похитили у заводчика Борна 2.500 рублей и скрылись.

Лодзь, 25 сентября. Вчера на станции «Видзево» Обводной линии Лодзинской фабричной железной дороги, неизвестными убит выстрелом из револьвера на платформе жандармский унтер-офицер Чанков.

Севастополь, 2 сентября. Произведено покушение на жизнь командира Брестского полка генерала Думбадзе, ехавшего в сопровождении двух ординарцев в казармы полка. На повороте была брошена бомба. Думбадзе, легко раненый, выстрелил в направлении преступника. Между убегавшим и находившимся вблизи солдатами завязалась перестрелка; преступник скрылся; ранены: ординарец — тяжело и кучер — легко. Местность, прилегающая к казармам, оцеплена войсками. Производятся обыски в домах с целью поимки.

Севастопольский корреспондент «Нового Времени» передаёт следующие подробности покушения на генерала Думбадзе. «Обыск в оцепленной Татарской слободке дал благоприятные результаты. Злодей, бросивший бомбу в генерала Думбадзе, задержан и оказался только что рассчитавшимся портовым рабочим. На правой руке его обнаружен свежий ожог и следы порохового дыма. Против него имеются более веские улики. Обыватели слободки видели его после взрыва бегущим с револьверов в руках и менявшим на ходу шляпу на шапку. Есть основание считать его наёмным исполнителем решения революционеров. Как выясняется, злоумышленник засел в необитаемом доме, откуда бросил бомбу. Последняя упала и разорвалась впереди экипажа, под лошадьми. Передок экипажа разбит вдребезги. Положение кучера и двух ординарцев весьма опасно. Генерал Думбадзе после перевязки оправился домой. Сидевший рядом с ним офицер остался невредимым. Взрыв был настолько силён, что в 4-х домах выбиты все стёкла. Звук походил на выстрел из орудия большого калибра. Генерал Думбадзе, прибыв в казармы своего полка, был восторженно приветствовать по случаю избавления от грозившей

опасности. Руководила злодеянием еврейка Венгрова».

Покушение на жизнь казанского губернатора. Казань, 25 сентября. В исполняющего обязанности губернатора, Кобеко, при проезде его во дворец, где должен был состояться приём просителей, из здания городской Думы были брошены две бомбы, перелетевшие через экипаж. Последняя бомба разорвалась. Вице-губернатор получил лёгкие поранения в щёку и руку. Кучер легко ранен в ногу. В здании Думы силой взрыва выбиты стёкла. Осколками был ранен случайно проходивший крестьянин Софронов. Он отправлен в больницу. От взрыва выбиты многие стёкла, кроме Думы, в городском музее и двух ближайших домах. Раны вице-губернатора признаны неопасными. Задержано три подозрительных лица. Говорят, вице-губернатор запомнил лиц, бросивших бомбу. На месте происшествия перебывали толпы народа, судебные и жандармские власти. Ведётся расследование. Неразорвавшаяся бомба доставлена в лабораторию порохового завода. В Думе дежурит наряд полиции.

Петербург. Секретарь «союза рабочих печатного дела», революционер, жид Шарек получил от градоначальника предписание в 3-х-дневный срок выехать из Петербурга. («День»).

К приезду английских жидов. Комитет для подготовления приёма еврейской депутации из Англии поставлен в затруднительное положение: нет адресов бывших членов Думы. Жидам очень желательно участие в предстоящем приёме своих соплеменников всего состава первой Думы. Но это немыслимо, и жиды удручены. Вслед за роспуском Думы многие депутаты разъехались по домам, не оставив адресов.

80 бомб. Общее количество оболочек для бомб и необходимого для них снаряжения при обыске в Институте путей сообщения — 80 штук. По размерам бомбы не крупнее яблока, оболочка сделана из стали. Все бомбы заграничного происхождения. Произведено вновь, 22 сентября, несколько обысков. Обыски привели к аресту целой переписки революционеров. («День»).

Тифлис, 29 сентября. По распоряжению елисаветпольского генерал-губернатора, в Шуше в двух армянских церквях были произведены обыски в алтарях: в Акулинской церкви обнаружено 29 снаряженных бомб, 2 ружья со 150 патронами и 7 кинжалов, а также принадлежности обучения стрельбе и наполненные стружками и облитые керосином мешки для поджога церкви в критический момент. В другой церкви, Мингиринской, найдено 17 снаряжённых бомбовых оболочек. По этому поводу генерал-губернатором задержаны 3 священника и сторожа. Следствие производится.

«Революция» между делом. Из Радомысльского уезда сообщают «Киевлянину», что в д. Ровов, около м. Горностайполя проживает еврей Арон Капшицер, служивший в качестве приказчика у одного из лесопромышленников при эксплуатации леса. В свободное от занятий время, которого у Капшицера было порядочно, он просвещал крестьян разными «освободительными идеями», а несколько времени тому назад составил компанию из крестьян дер. Ровов Андрея Рубанова и Якима Тыщенка и проживающего возле Ровов немца-колониста Эдуарда Коберштейна.

Под руководством Капшицера компания эта приступила к осуществлению «освободительной» программы и сделала ночью, когда все спали, вооружённое нападение на находившуюся в лесу, при хуторе Сухой, усадьбу землевладельца И.И. Лукомского. Причём усадьбу подвергли обстрелу, самого г. Лукомского ранили и подожгли его клуню.

Вся эта «освободительная компания», благодаря деятельности волостных должностных лиц и полиции, была уличена, и трое из компании — Капшицер, Коберштейн и Рубанов — местным судебным следователем арестованы и заключены под стражу, а Тыщенко бежал и до настоящего времени не разыскан.

Мирное крестьянское население волости возмущено означенным нападением, причём крестьяне д. Ровов высказали желание о выселении навсегда из общества Тыщенка и Рубанова. Все же остальные жители волости ожидают и надеются, что виновные в нападении будут преданы военно-полевому суду.

Москва. «Я действительно вынужден рассматривать правительство и крайние партии как равноправные воюющие стороны, — пишет, в своём письме Гучкову профессор московского

университета кн. Трубецкой. — Я никогда не позволил бы себе сказать, что они равноправны, если бы правительство стояло на почве закона. Но мы уже видели, что оно опирается не на закон, а на захватное право. В чём же разница между ним и революционерами? И где тут право, которое попирается обеими сторонами?!..».

Не может быть, конечно, спора, что революционеры, совершающие бесчисленные зверства, опираются не на право. Но откуда следует вывод, что правительство не стоит «на почве закона»? Откуда следует, что оно «опирается не на закон», а на «захватное право»? Почему правительство «само стоит на революционной почве»?

Князь Е. Трубецкой отвечает на это так: «Роспуск Думы без соблюдения указанных в Основных законах условий, без всякого сомнения, — революционный акт».

Это такой вздор, под которым было бы прискорбно увидеть подпись студента, а не то что профессора юридического факультета. Кн. Е. Трубецкой не даёт себе даже труда объяснить, какие именно из «указанных в Основных законах условий» нарушены были правительством при роспуске Думы. («Русская Земля»).

Энциклопедисты XX века. Отнюдь не подражая Даламберу, Гельвецию и их товарищам по изданию энциклопедического словаря, евреи ведут собственную «энциклопедию» в том кагально-масонском гешефте, который называется «русским освободительным движением».

Будучи «идеальными» представителями «капитализма», они же поставили на всемирную сцену тот дьявольский фарс, который, именуясь социал-демократией, отрицает в сущности и демократию, т.е. народоправство, и социализм, т.е. общежитие, а под видом «свободы» исключает проявление всякой самодеятельности человека. Через фальсификацию реальных ценностей на бирже, а идеальных — в прессе они монополизировали террор. Дерзновенно посягая на существование России, они не только разрушают её как политическое целое, но и не останавливаясь ни перед чем, стремятся превратить нашу родину в необитаемую страну.

Пользуясь ограбными иллюминациями, они путём наглого обмана отвращают своих главных конкурентов — крестьян от покупки земли, которую тем же крестьянам можно будто бы взять даром, и скупают её сами действительно за бесценок.

Стачками и забастовками, а в особенности «препоганцами» размножая безработных, они посылают наёмных рабов своих на разбой и убийства, и, однако, выдают себя за их же единственных «благодетелей».

Через прессу и «общественных деятелей» принуждая мирных граждан давать средства на содержание и дальнейшую деморализацию «безработных», евреи принимают на себя и бунтарское руководство теми же безработными. Направляя свои усилия к финансовому банкротству русского государства, евреи норовят вести революцию не за свой, а за его счёт. Добиваясь и банкротства нравственного, они не ограничиваются анархией, разжигаемой в учебных заведениях, на «митингах», и в «осквернительной» печати, а среди беспримерных злодеяний требуют амнистии для своих «героев», уже пойманных, и безнаказанности через отмену смертной казни для будущих злодеев своих, которым и с каторги помогут бежать. Приведя население России в страх и ужас, кагал и масонство поддерживают и прославляют «кадет» и на выборах, и в Думе, и в Гельсингфорсе. «Кадеты» в свою очередь на всероссийском съезде в Финляндии одобряют и адрес Государственной Думы на тронную речь, и образ действий своей парламентской фракции вообще, и выборгское воззвание, и «пассивное сопротивление», а для полноты картины — и новый обман трудящегося люда через захват профессиональных союзов под предлогом обращения их в «беспартийные».

Дух «великого премьера», очевидно, витает над сынами Иуды поныне. Справедливо, должно быть, о его телеграмме сказал на суде и председатель совета рабочих депутатов Носар, заявив, что «она проникнута лакейским панибратством!..»

Не без прецедентов, по-видимому, обращался к московскому городскому управлению сам «секретарь безработных» Яков Федулов, за своей единственной подписью требуя денег на «революцию» в такой, например, форме — «предлагается думе...»

А какова великая русская «революция», это не замедлило обнаружиться. Купно с надзирателем за бутырской столовой для «безработных» Карпом Исаевым и двумя почтенными израильтянами, — заведовавшим городской столовой для тех же «безработных» Янкелем Абрамовым Мустаковым и студентом московского университета Лейзером Эфроимовым Переплётчиковым, Федулов под председательством сего последнего явился одним из учредителей разбойничьей шайки в Москве под девизом «руки вверх!». Существуя за городской счёт, «товарищи» грабили обывателей Первопрестольной столицы в течение долгого времени...

Что же касается многих других сынов «избранного народа», то не мешает припомнить факты, опубликованные хотя бы на днях.

Режица. В конце прошлого года, после распространения воззвания революционеров требовать обратно деньги из сберегательных касс, местные ростовщики-евреи через агентов собирали вынутые деньги в свои руки, соблазняя большими процентами и верностью обесценения. Одному из них, жиду Салитану, удалось вынудить таким образом более 30.000 рублей. Захватив деньги и переведя имущество на имя сына, он бежал в Америку. Потерпевшие, в большинстве бедный народ, в отчаянии. («День»).

Германия. Указывая, какую огромную роль играют евреи в нашей революции, мюнхенский журнал «Historisch. Politische Blatter», между прочим, говорит:

«В настоящее время евреи стараются использовать панику помещиков, вызванную аграрными волнениями и деятельностью руководимого евреями крестьянского союза, и скупают их мнения по дешёвым ценам.

В Базеле возникло с этой целью новое общество, в управление которого вступили выдающиеся еврейские банкиры и деятели не только России, но и Германии, Англии и Америки.

Разведки о подлежащей приобретению территории возложены на 7 уполномоченных: д-р Айзик Штейн — в Херсонской, Полтавской, Харьковской губерниях и в области Войска Донского, д-р Дорфман — в Подольской, Бессарабской и Таврической губерниях, Самуель Спиро — на Кавказе, в Закавказье и Туркестане, Лейба Гальперин — в Гродненской, Виленской и Ковенской губерниях, Шмуль Рубенчик — в губерниях Минской, Могилевской и Витебской, Мендель Мандельштам — в губерниях Киевской, Волынской и Черниговской, Мовша Гольденберг — в Петербургской губернии и для всей Сибири. Бюро международного общества находится в Варшаве.

Из этого можно видеть, что от русской революции наживутся одни евреи».

Евреи-министры. Вот список еврейских министров различных стран, особенно интересный в виду постоянных жалоб евреев на несправедливое отношение к ним.

Египет — министр финансов барон фон Манассе; Аргентинская республика — министр финансов Норберто Пинера, министр юстиции — Фредерико Пинедо; Австралия — министр внутренних дел Исаак Исааке; Бразилия — министр земледелия Жуан Переира; Канада — военный министр Луи де Торрес; Китай — министр таможен Леви Гарт; Дания — министр таможен и податей Леви; Франция — помощник министра внутренних дел Герберт Самуэль; Голландия — министр юстиции Г. ван-дер-Раальте, морской министр Т.Коген, министр без портфеля Товий Ассер; Италия — министр юстиции Галло, канцлер казначейства Майоран, министр финансов Массимпини, министр народного просвещения Рава, министр почт и телеграфов Карло Шандер; Перу — министр вероисповеданий (в католической стране) д-р Голлендер; Парагвай — министр народной обороны Грациа-дио-Эслиа; Турция — морской министр Ибрагим Нула-Паша; Сиам — министр церемоний Хуан-ли-шли, и в Либерии — президент республики Аква Регис (принятое имя)...

***

Обыкновенно принято называть «освободителей» героями, а «бюрократию» — источником наших несчастий. Но справедливый историк раскроет тот сатанинский замысел, жертвами которого мы стали, и покажет, какова была роль польско-еврейской интриги в столь роковом для России падении Порт-Артура, выяснить связь между масонством и Гапоном в событиях «9-го января», равно как их отношение к преждевременному бою 12 января под Сандепу, когда мы не только загубили без цели

12.000 человек, но и обнаружили японцам всё, что требовалось для Мукденской катастрофы, которая на радость внешним врагам уже привела нас прямо в Портсмут.

Историк не умолчит, однако, о том, как, разлагая наши силы, послужили тем же врагам изменники и предатели внутренние. Он пригвоздит их к позорному столбу за период войны и за последующее время, он сорвёт маску «свободы» и покажет их не только с японским оружием в руках и под командой еврея «Седого» среди московского мятежа, но и заклеймит как убийц родины тем более презренных, чем коварнее прикрываются они своей «либеральной» деятельностью на земской и городской службе, даже в Петербурге и Москве.

Пока остановимся на следующем беспримерно печальном зрелище.

***

Земство — очаг революции. В телеграфных сообщениях передавалось, что последнее очередное собрание полтавского уездного земства носило бурный характер. Однако, авторы сообщений предусмотрительно умолчали о причинах этой бурности. Причины же эти, судя по отчёту «Полтавского Вестника», заслуживают сугубого внимания.

Гласный К.А. Невиандт сделал в собрании разоблачения прямо-таки удивительные.

В конце прошлого года и в начале текущего в нескольких густонаселённых сёлах и местечках Полтавской губернии революционное движение среди крестьянской массы проявилось в самых диких, бесчеловечных формах. Таковы, например, знаменитые события в Сорочинцах, где крестьяне объявили нечто вроде «республики», посадили в заклинную станового пристава и самым бесчеловечным образом зарезали приехавшего их увещевать помощника исправника. Сорочинская трагедия знаменита ещё главным образом по тому обстоятельству, что в неё затесался известный писатель Короленко, накликавший этим предательское убийство советника губернского правления Филонова. Нечто в роде сорочинской «республики» происходило ещё в м. Байраках, в с. Диканьке, Жуках и других селениях Полтавского уезда.

По документальным разоблачениям Невиандта, оказывается, что во всём этом разрушительном движении, стоившем нескольких человеческих жизней, приведшем само население к целому ряду несчастий, а земство к полному краху, самое выдающееся, руководящее участие проявили так называемые «агрономические организации» земства и сама земская управа.

Из «агрономов» особенно отличился некий Петлюра, лицо, не получившее даже законченного специального образования. Это обстоятельство не мешало ему, однако, служить в управе агрономом, разъезжать на земские денежки, получать суточные и т.п. и под видом просвещения крестьян об улучшении землепользования вместе с другими сослуживцами и сообщниками поднимать тёмных людей на открытый мятеж и разбой. Благодаря темноте и распущенности современной крестьянской массы, успехи оказывались самыми потрясающими. Пылали усадьбы помещиков, истребляли племенной скот, жгли хлеб в скирдах и амбарах...

Знала ли об этом земская управа? Да, знала.

Петлюра не скрывал своей гнусной деятельности и обязательнейшим образом доносил о ней управе. Революционный цинизм доходил, словом, до «грации».

А в управе в это время составлялись, печатались и рассылались по земской почте запечатанными в конвертах, вместе с деловыми бумагами, готовые приговоры с изложением всяких требований от правительства, большей частью явно преступных и ничего общего с народными желаниями и нуждами не имеющих.

Чтобы не быть голословным, гласный Невиандт тут же сослался на присутствовавшего в собрании гласного от крестьян Цыбулю, который в качестве волостного старшины получил при одном предписании земской управы около 20-ти печатных приговоров с обозначением на них тех сельских обществ, которым эти приговоры надлежало передать для подписания.

Столь дерзкий подлог уже в качестве крестьянских приговоров гласный полтавского же земства Головня печатал в своей газете. Отсюда их подхватывали столичные революционные газеты и листки,

и тёмное, невежественное население, сбитое с толку, шло на разбой, на поджоги...

Присутствовавшие на собрании Головня и некоторые другие гласные, лакействующие пред революцией и «третьим элементом», начали было говорить Невиандту в том смысле, что нельзя де обвинять так земских служащих по вольному найму, раз они могут в собрании возвратить и рассеять обвинение...

На это гл. Невиандт возразил, что он основывается на документальных данных. Это — раз. А во-вторых, говоря о революционной деятельности управы, он отнюдь не имеет в виду один «третий элемент». Напротив, выборный управский элемент не отставал от «третьего элемента», но и являлся самым рачительным и угодливым исполнителем воли последнего. В доказательство гласный Невиандт указал на присутствовавшего здесь же выборного члена управы Русанова, который усерднейшим образом развозил по крестьянским обществам заготовленные в управе приговоры для подписывания...

Эффект получился неотразимый... Больших доказательств и не надо!

Бесконечно гнусная, предательская роль земской управы в разбойном развращении тёмной, невежественной крестьянской массы налицо. Пресмыкающиеся пред революцией и «третьим элементом» гласные должны были прикусить языки пред этой мерзостной очевидностью...

Понятно, названная управа не является исключением из числа многих других «передовых» земских управ, и, таким образом, набросанная здесь картинка может служить общей характеристикой той роли, какую наши «передовые» земства сыграли во всём «освободительном» разбое.

Роль, как видите, не из тех, за которую родина может благодарить «освободителей» — земцев. Кроме народного проклятия, эти гнусные выродки земской среды ничего не заслуживают. («Русская Земля»).

Москва. 24-го сентября в собрании комиссии по приёму английской депутации избраны в комитет для составления ответного адреса и организации приёма депутации: князь Е.Н. Трубецкой, князь В.М. Голицын, графиня В.Н. Бобринская, Д.Н. Шипов, Н.М. Кишкин, В.В. Пржевальский, Н.М. Жданов, Н. Н. Баженов, Г.Б. Иоллос и Т.И. Полнер.

Встретить английскую депутацию решено на Николаевском вокзале. Затем будет торжественное заседание в большой зале консерватории или в зале одного из московских театров. Будет сперва прочитан английский адрес Государственной Думе, а затем ответный адрес на русском и английском языках. Текст этого адреса на русском языке будет вручен английской депутации в изящной и ценной папке на память. Одним из членов комитета будет произнесена речь о всемирном значении торжества. («Р.З.»).

***

Однако, невзирая на столь поразительные удачи, еврейско-масонскому гешефту по вероломному оскорблению Москвы триумфами итальянской и английской «депутации», кажется, не суждено осуществиться...

Негодование русского народа слишком очевидно, чтобы его возможно было испытывать без конца. В «Новом Времени» напечатано следующее письмо:

***

«Суд общества офицеров 35-й артиллерийской бригады рассмотрел вызов лица, предложившего собой заметить Якубсона на дуэли с поручиком Смирнским и назвавшегося в газете «Око» пажем 1906 года, и постановил считать дуэль поручика Смирнского с пажем выпуска 1906 года недопустимой и дело это оконченным. Сентября, 22-го дня, 1906 года, город Рязань. Председатель суда полковник Кублицкий, члены: подполковник Миров, капитан Сушков, штабс-капитан Солодовников и штабс-капитан Драшусов».

Петербург. Говоря о всеобщем избирательном праве, которого добивался Гамбетта, Бакунин восклицает: «Что такое это всеобщее избирательное право? Гамбетта лучше всякого знает, как мало в нём ручательства для народа и как много, напротив, для эксплуатирующих его лиц и классов. Он знает, что никогда правительственный деспотизм не бывает так силён и страшен, как когда опирается на мнимое представительство мнимой народной воли». («Н.В.»).

Знаменательное патриотическое торжество. Киев. Настоянием правых партий в городском театре 20-го сентября была дана опера Глинки «Жизнь за Царя».

Ожидался скандал, так как было известно, что левые партии постараются отравить удовольствие правым. Спектакль прошёл с громадным подъёмом.

Трещали даже стены театра от рукоплесканий. Народный гимн был повторен девять раз.

Не обошлось без инцидентов. Когда в антракте после первого действия публика единодушно потребовала исполнения гимна, то дирижёр оркестра, еврей, сбежал. В виду того, что группа Бородая играет в городском театре, часть публики потребовала, чтобы городской голова г. Дьяков воздействовал на красного дирижёра. Голова отклонил это требование. Тогда публика насела на главу муниципалитета, и тот сбежал в свою очередь.

Все высшие чины генерал-губернаторства посетили спектакль, как бы подчеркнув этим особое значение оперы.

Я в Киеве сравнительно недавно и потому не мог приглядеться основательно к жизни города, но и то, что я узнал, признаться, меня поразило. Прежде всего — это единственный в России город, который категорически не желает, чтобы было снято военное положение. Сначала меня это несколько удивило. Но ларчик просто открывался: отношения между евреями и русским населением здесь обострились донельзя. Достаточно одной искры, чтобы произошло грандиозное побоище, какого ещё не видывали в России. И следует заметить ещё, что против еврейства стоит не тёмная масса, а интеллигенция. Она дробится на кружки, имеет различные взгляды по многим вопросам жизни, но в общем, наболевшем для России вопросе, т.е. о влиянии еврейства с самой худшей стороны на народ, она сходится вполне.

Переход Киевской губернии из военного положения на обычное вызвал бы такое столкновение, о котором и помыслить страшно.

Кто создавал это положение? Ведь вся Малороссия ещё не забыла владычества панов, оскорбления жидами христианских святынь. Искра таится в душе каждого хохла. Его трудно разжечь, но уж если он разгорится, то тушение обойдётся дорого. («Р.З.»).

Протест старообрядцев. К московскому градоначальнику поступило от группы старообрядцев следующее прошение:

«В виду крайне растлевающего, революционного направления газеты, издаваемой в Москве некоторыми лицами, к стыду нашему, принадлежащими к древне-православной вере, под названием «Народная Газета» и «Голос Старообрядца», мы покорнейше просим ваше превосходительство прекратить эти издания и воспретить этим лицам заниматься газетным издательством. Сказанные лица пользуются своим званием старообрядцев, чтобы под личиной «коренных русских людей» действовать заодно с врагами Царя и святой Руси и, располагая покровительством одного из высших сановников, в настоящее время находящегося за границей, сеять злое семя в старообрядческом народе. Исполните, ваше превосходительство, нашу покорнейшую просьбу верных слуг Царю и избавьте нас от горькой необходимости преступить закон и расправиться самоуправно с заправилами революционной пропаганды среди старообрядческой массы не признающими ни Бога, ни Царя».

«День».

***

д). Простейшее благоразумие должно было подсказать нашим «освободителям», что единство России создалось естественным путём, во имя собственной же безопасности населяющих её племён, и, что vice versa местные автономии, т.е. споры за первенство выразились бы в смутах и кровопролитии, которые, разумеется, продолжались бы впредь до неизбежного возврата к единству. Если для масонов всё это безразлично, то еврейскому населению России оно принесло бы лишь грозные испытания. Тем не менее, сыны Иуды стремятся по этому пути с непостижимым безумием.

Сказанное не помешало, впрочем, иудейскому же агенту кн. Урусову лицемерить пред «народными представителями» утверждением, будто Государственная Дума «старается бережно поднять царскую корону!..»

Не только великий народ с тысячелетней историей, а и отдельный человек среди таких обстоятельств не допустил бы, конечно, поработить себя недругу.

С другой стороны материальные, эгоистические, злостные побуждения масонства и еврейства неспособны обеспечить за ними власть и потому, что противоречат требованиям общежития, которое не может существовать ненавистью и бомбами. Являясь причиной деморализации и озверения, материализм влечёт за собой анархию, разложение и смерть.

Среди злоупотреблений разного рода спортами и всяких нелепостей мании быстроты (велосипеды, автомобили и т.п.) крайности материализма увлекают людей в неврозы и сумасшествие. Благоприятствуя алкоголизму и свободе заражения сифилисом, отсутствие духовных интересов влечёт за собой физическое и духовное вырождение. Пропаганда свирепых и кровавых инстинктов, разрушение семьи, духовное и телесное переутомление в добывании средств к жизни под гнётом обстановки, которая, иудаизируясь с каждым днём, становится всё безжалостнее, возрастание числа самоубийств и молодых преступников — всё это является смертным приговором материалистическому учению социализма.

Независимо от сего, как анархисты в философии адепты материализма дают теорию, которая не только отнимает у людей страх перед сверхъестественной оценкой их действий, но и стремится к уничтожению веры в закон, карающий проступки и злодеяния. Приписывая человеческие действия влиянию обстоятельств, а не личной воле, так называемый «детерминизм» имеет своим естественным результатом безнаказанность преступлений. И, что всего ужаснее, эта теория в кругу наших еврействующих интеллигентов делает поразительные успехи.

Но всякий, кто способен рассуждать, даже среди масонов, начинает беспокоиться пред столь опасными симптомами и пугаться той будущности, которую готовят нынешние «учёные» прожектёры счастья человеческого.

Между тем, яко бы реальное, материалистическое учение ниспровергается и наукой.

Открытие Виллиамом Круксом четвёртого — лучистого состояния материи, явления икс-лучей и радиоактивность вещества убеждают в том, что предполагавшаяся неразрушимой, материя, напротив, исчезает, хотя и медленно, но постоянно, через рассеивание атомов, её составляющих. Продукты дематериализации атомов образуют промежуточные по их свойствам субстанции, занимающие середину между телами весомыми и невесомым эфиром, стало быть, в промежутке двух миров, до ныне почитавшихся глубоко разъединёнными.

Признававшаяся до сих пор инертной, т.е. способной лишь восстанавливать ту энергию, какая была ей сообщена посторонней силой, материя оказывается, наоборот, колоссальным резервуаром собственной, междуатомной энергии, которую она и может расходовать, ничего не заимствуя извне. Из этой именно, через рассеивание проявляемой, междуатомной энергии проистекает большинство сил природы: например, электричество и солнечная теплота.

Вообще же говоря, новейшие открытия направляются, по-видимому, к доказательству того, что вселенная образована исключительно из энергии, и что лишь её проявлений нам суждено быть свидетелями...

И, что всего поразительнее, указанная теория относится к глубокой древности, но до нынешнего дня она только не могла быть удостоверена научными опытами.

Таким образом, чем дальше человек идёт вперёд и разрабатывает среду, где и сам совершенствуется, тем с большей силой он раскрывает вокруг себя непостижимое, т.е. Божественное. Лишь через сознание бесконечного укрепляемое и расширяемое с каждым днём откровение Божие достигает нашего сердца.

Истинная наука — пионер религиозного чувства.

Никогда человек не мог обходиться в своём младенчестве без ласк матери, а впоследствии — без забот отечества и твёрдых нравственных правил, т.е. без религии. Лишь озаряемый её светом, он может направлять свой путь среди непроглядных туманностей жизни.

Прогрессируя в знаниях, народы не только продолжали верить, а укрепляли и уясняли веру в своей смятенной душе.

История показывает, что сильные народы были верующими.

«На рубеже точных знаний, — рассуждает в свою очередь Александр Гумбольдт, — как с высоты гористого берега, наш взор любит обращаться к странам далёким и неведомым... Образы, воскресающие тогда перед ним, могут быть простыми видениями; но, как и обманчивые картины, которые, по-видимому, гораздо раньше Колумба являлись взорам жителей Канарских или Азорских островов, точно также и эти видения могут повлечь за собой открытие нового мира...»

«Душой чист и любит море!» — говорил Лазарев о Нахимове.

«Больше всего старайтесь развивать в детях, — советовал Белинский, — чувство бесконечного; научите любить Бога, который является им и в ясной лазури, и в ослепительном блеске солнца, и в торжественном великолепии дня, и в грустном величии наступающей ночи, и в рёве бури, и в раскатах грома, и в цветах радуги, и в зелени цветов, во всём, что есть в природе живого, так безмолвно и столь красноречиво говорящего душе юной и свежей, и, наконец, во всяком движении их младенческого сердца».

«Ты был один в минуту рождения, ты будешь один в минуту смерти... Ты один должен отвечать пред неумолимым Судьёй!» — учит мудрость наших праотцев-индусов.

Но всё это не имеет ничего общего с талмудизмом, масонством и социал-демократией, построенными единственно на животной стороне человека. Являясь «сообществом взаимного возвышения» (société d'avancement mutuel), масонство ради своего материального преуспевания предписывает: *«сокрушайте всякого, кого не успеете покорить!..»* Купно с евреями завладев социализмом, масоны пользуются этим страшным орудием как средством невиданной тирании — к оскотинению человечества.

Иудаизировав «свободных каменщиков», еврейство привило им свою основную черту — отрицание бессмертия души. Таким образом, стал неизбежным тот страшный факт, что на Западе душа убывает...

По неисповедимым велениям судьбы теперь мы, русские, оказываемся главными жертвами этого безотрадного факта.

Между тем, сердечная доброта и героизм присущи именно русскому человеку как верховные качества его характера. У России есть, что поведать миру. Не погасла в ней ни жизнь духа, ни любовь к родине.

Прислушайтесь к трогательным знамениям в Петербурге, Киеве и Москве, среди народных масс, под обаянием бессмертной музыки Глинки внимающих героизму Сусанина:

«Страха не страшусь, смерти не боюсь, — лягу за Царя, за Русь!..»

Будем же и мы уповать на милосердие Божие.

Станем верить в тихую скорбь русской души. Мягкая и благородная, воскреснет она в горниле суровых испытаний и вновь спасёт многострадальное отечество!..

Не вражеская злоба и ненависть, а сострадание и любовь друзей русского народа поднимут его сокрушённый дух для новых подвигов и великих деяний в заветах родной земли!..

---

[1] См., например, у Золя «L'Argent» — взрыв евреями католического банка «Union général».

[2] «Hosenhandler» — в Германии, будущий банкир, т.е. генерал от талмуда, обыкновенно начинающий свою карьеру как негоциант старыми штанами.

[3] W.Marr. — «Der Sieg des Judenthums uber das Germanenthum» — Bern, 1879.

[4] См. документированное издание А.С.Суворина «Изнанка революции», — вооружённое восстание на японские средства, С.П.Б., 1906. Роли финляндского анархиста Циллиакуса, голландского бунтовщика Корнеллиссена и японского обер-шпиона Акиши, израсходовавших 260.000 рублей в один приём на доставку оружия и патронов «освободителям» России, открываются здесь во всём

позоре и бесстыдстве.

[5] «Очерк развития социал-демократии в России», стр. 62.

[6] «Le Satanisme dans la Haute Maçonnerie, contession d'un trente troisième» —Par D. Margiotta.

[7] См. во II ч. настоящего труда «Еврейское Зерцало» — 100 законов Талмуда (Шулхан-Аруха), действующих во Израиле и сегодня; законы 19, 45 и 46.

[8] Не останавливаясь на всём оставленном из этого жидовского нахальства, заметим, что: а) не вечно же сыны Иуды должны иметь право одним гоям сбывать мясо больного скота, т.е. заражённое, например, жемчужной болезнью или рассадником чахотки — туберкулёзом, как, тем не менее, делает «избранный народ» особенно в «черте оседлости», где он является монополистом поставки мяса для войск, равно как и мясной торговли вообще, и б) во-первых, поставщиками сукна на армию и флот, как, впрочем, и почти всего иного, являются исключительно евреи; здесь именно главный источник разврата нашей бюрократии; это не мешает, однако, еврейству не только клеймить ту же бюрократию позором, но и подделывать отсюда весь материал революции, скрывая, разумеется, что перед кагальной бюрократией, которую нам готовит «свобода», всякая другая заслуживает Монтионовской премии за добродетель; и, во-вторых, евреи-поставщики сбывают в казну даже сукно, отрефлённое нитками, а нитки, заражённые «кнопом», т.е. бумажную ткань, присыпанную мелко изрубленными старыми штанами. Не отсюда ли и само звание Hosenhändler'ов, которым члены «избранного» народа удостоены в Германии?..

[9] См. «Русский Вестник», 1905 г. , декабрь.

[10] Газета «День», корреспонденция из Полтавы.

[11] Да, евреи молчали, потому что говорили христопродавцы. Действовать в опасные минуты, через шаббес-шискелей — обыденная повадка сынов Иуды. И на баррикадах, и в Думе евреи не изменяли себе.

[12] Само собой разумеется, что картина только набросана. Помимо всего предыдущего, источником служила напечатанная в «Историческом Вестнике» за июль 1906 г. повесть из смутных дней под заглавием: «Чёрный Передел», где из сказания о Куликовской битве удачно подобран эпиграф: «На русской стороне была тишина великая, только от множества огней как будто заря занималась...»

[13] См. его «Прогресс и бедность».

[14] См. А. Нечволодова «От разорения к достатку». — СПБ., 1906.

[15] См. статью академика князя Тарханова «Нужды народного питания» в «Литературно-Медицинском Журнале» за март 1906 года.

[16] The Statesman's Year-Book, 1904, p. 1069.

[17] См. статью г. М-е, в №10746 «Нового Времени» за 1906 г.

[18] См. Сергея Шарапова «Ураган», — статью «Главные разногласия между сторонниками единой золотой валюты и защитниками серебра».]

[19] См. Исследования о золотой валюте Г.В. Бутми, равно как и указываемые им другие научные источники.

[20] См. С.С.Бехтеева — «Хозяйственные итоги истекшего сорокалетия».

[21] См. вдумчивую и остроумную брошюру «Амнистия! Полную амнистию! Долой смертную казнь!» — труд философской мысли, приводящий к печальным, но и просветительным выводам по социальной профилактике.

[22] В аграрной (земельной) комиссии, бывшей при Думе, выяснилось, что «кадеты» приберегли ещё и третью программу, которая, видимо, предназначалась для своих членов: гг. Петрункевичей, князей Долгоруковых, Родичевых и других. Земли этих господ не подлежали вовсе отчуждению...

[23] См. Гаустона Стюарта Чемберлена — «Явление Христа», — С.П.Б., 1906 г.

[24] «Библия и Вавилон», стр. 39 и 31.

[25] «Библия и Вавилон» — 56, 57.

[26] См. Paul Volz «Die vorexiliche Jahveprophetie und der Messias», 1897.

[27] См. правоверного еврея Монтефьоре — «Religion of the ancient Hebrews» 1893.

[28] Нелишне отметить, например, что на женских медицинских курсах в Петербурге большинство земских стипендий занято еврейками; это один из лучших питомников революционной пропаганды среди русских крестьян на их же счёт, по точному рецепту талмуда.

[29] Молитвенные дома (школы) и вообще такие центры, куда стекается еврейство для своих национальных дел, то есть для целей революции. Здесь именно надо искать ближайших корней того, что происходит в России. Алексей Шмаков.

[30] Так называется здесь «Всемирный Еврейский Союз» (Кагал Кагалов), «Хабура Коль Изроэль Хаберим» — международное правительство евреев. Сила его в деньгах, тайне, интригах и беспощадной жестокости к своим и чужим. Цель — владычество евреев над миром.

[31] Это признаётся и самим еврейством, чему доказательством служит, например, факт, что хранение «освободительных» бомб вверяется кагалом именно богатым евреям. Припомним о штрафах в 3.000 рублей, которым за это благородное занятие были на потеху кагала подвергнуты в Одессе такие богачи, как Бродская и Ашкинази.

[32] Для иллюстрации. Андрэ Шерадан приводит забавные, им самим виденные, случаи «заинтересования».

[33] Здесь автор, между прочим, сообщает, как американские евреи Шифф, Кун, Лох и К° в августе 1905 года ставили условия Витте, и что он им обещал.

[34] Книга Шерадана появилась, когда Витте был председателем совета министров.

[35] См. «Русскую Землю» от 10 июня 1906 года.

[36] «А.С. Пушкин как национальный поэт» — Бориса Назаревского, Москва, 1906.

[37] См. «Новое Время» и «Русскую Землю».

[38] «Московские Ведомости», 13 августа 1906 г. , №200.

[39] «Московские Ведомости», 12 июля 1906 г. , №174.

[40] П.А. Кропоткин. «Речи бунтовщика». (Paroles d'un revolte).

[41] См. «Le péril judeo-maçonnique», — par Tilloy, lauréat et membre correspondant de L'Académie de Maçon et de la Société académique de Chalons. — Paris, 1897.

[42] Шаббесгой — христианин, прислужник при синагоге, который по субботам выполняет работы, запрещённые Моисеевым законом (шаббес — отдых, гой — презрительное название христианина). Так вот, по субботам евреи, подобрав в шаббесгой профессиональных жуликов и грабителей, орудовали, как и во все дни недели. В настоящее время евреи грабят во все дни недели сами, но и шаббесгоев держат при себе постоянно. Там, где полегче, они орудовали лично, а где дело посложнее — туда направляют шаббесгоев.

[43] Эта «картинка с натуры» принадлежит известному знатоку еврейства и талантливому беллетристу. Жаль, что здесь нет много, о чём мог бы поразмыслить автор в это ужасное время...

[44] Появившееся 25 августа правительственное сообщение, словно в насмешку, называет еврейский вопрос вопросом народной совести, это после сдачи евреям высших учебных заведений!!!

[45] «Максималисты» — люди крайних анархических требований и самых зверских средств.

[46] В этом известии трудно не заподозрить новой выходки заправляющих «организацией» кадет против русского правительства в отместку за его решение идти с пособием прямо к земствам нуждающихся местностей без никому ненужного посредничества «организации», вполне, однако, способной превратиться в новое гнездо мятежной пропаганды. Когда вместо требовавшихся

министерством 50.000.000 рублей Государственная Дума ради скандала ассигновала только 15.000.000 рублей, тогда лондонские евреи не являлись с пожертвованиями. Они поспешили рекламировать себя и своих теперь, накануне новых выборов в Думу. Когда же, наконец, несчастный русский мужик, перестанут «Иуды-освободители» глумиться над твоей судьбой!.. Алексей Шмаков.

[47] Такие же, безусловно необходимые, постановления состоялись и в других гарнизонах России. Им суждено, по-видимому, стать всеобщими. Ещё недавно на Кашиковой улице в Варшаве среди бела дня двумя подкравшимися евреями предательски, выстрелами в затылок, был убит весьма талантливый и ещё молодой артиллерийский полковник Николаев. Совершив злодеяние, убийцы скрылись в ближайшие ворота, а дворник-поляк запер их немедленно, так что, прибыв через несколько минут, патруль Литовского полка нашёл только бездыханную жертву.

[48] Выгоды от права рыбной ловли на русском берегу.

[49] Исследуемого и ныне с завидной, чисто японской настойчивостью.

[50] См. более подробно указания выше, среди литературы масонства.

[51] См. В. Энкар — «Равноправие евреев». Одесса, 1906.

[52] Перевод с немецкого И. Новика. Москва, 1906 г.

[53] См. «Русское Знамя», 13 сентября 1906 г. №228.

[54] Или «Еврейский взгляд» — прим. ред.

[55] «Всеобщая психология с физиогномикой». Киев, 1904.

---

[1] См. вышедшую ещё в 1792 г. , т.е. до убийства короля Людовика XVI, книгу Lefranc'a, озаглавленную — La Voile retiree ou le secret de la Revolucion explique par la Franc-Maconnerie; на эту книгу ссылается Джон Робинзон, профессор Эдинбургского университета уже в 1798 году, — см. Le secret de la Franc-Maconnerie. Paris 1905 г. par M. Talmeyr, равно как и многие другие сочинения в европейской литературе на эту же тему

[2] См. его введение в брошюру «Франкмасонство и государственная измена»

[3] «The world is governed by very different personnages to what is imagined by those who are not behind the scene». Д'Израэли, в «Конингсби», книге, где с особенной яркостью показано могущество евреев.

[4] Местная народная поговорка. Дело в том, что хайлендеры, горцы Шотландии, носят, как известно, юбки... Но и в переносном смысле эта задача не менее для еврея затруднительна по суровости и выдержке шотландского характера.

[5] Помимо безжалостной эксплуатации и «распропагандирования» евреями местного населения, они изувечили, между прочим, варварски, серной кислотой свыше 60 и убили 11 христиан в Кишенёве прежде, чем христиане принялись вразумлять их.]

[6] Грабеж большой скорости — «магер-шелал-хаш-баз» — дело священное для Израиля. См. толкование талмуда на главу VIII, 1 пророка Исайи.

[7] Отметим громоносные филиппики еврея Ласкера в германском рейхе против злоупотреблений железнодорожного учредительства и наряду с этим укажем, что, именно в данный момент германское еврейство переживало золотой век благодати, только что перед тем излившейся на него в виде 5.000.000.000 фр. французской контрибуции.

[8] Припомним хотя бы недавние изумительные и беспримерные похороны в Москве курляндского еврея-коновала Баумана (он же Грач), представлявшие злоумышленное и наглое издевательство над всем, что для русского народа велико и свято. Этот непостижимый и ужасный факт стадного психоза ещё ожидает своего историка, который, без сомнения, должен будет описывать позор нашей родины кровью и слезами.

[9] Таковы, например, апофеозы Гамбетты и д'Израэли.

[10] См. «Journal Officiel», 25 мая 1895 г. №142, произнесённую в палате депутатов речь Дэни об ожидовливании французского правительства, а равно и в «Libre Parole» — статьи Эдуарда Дрюмона, маркиза Мореса и графа де Ламаза о захвате евреями лучших мест в администрации, судебном ведомстве и войске.

[11] Polyb. Historia 1, VI.

[12] Припомним бешенство кагала в Вене по поводу антисемитов на городских выборах и избрания Люгера первым бургомистром столицы. Евреи не только требовали осадного положения, но в виду аудиенции, данной Люгеру австрийским императором, дерзнули в «Neue Freie Presse», номер которого по этому случаю даже был конфискован, посягнуть на злостную критику действий самого монарха.

[13] Нужно ли вновь называть здесь хотя бы оппортунизм и «Панаму»?..

[14] Не дурной иллюстрацией этого могут служить умопомрачительные гешефты израильтян во Франции с тунисскими, сиамскими и мадагаскарскими процентными бумагами.

[15] «Beilum maxime memorabile» — называет её Тит Левий.

[16] Министра юстиции.

[17] Историк Мишдэ о евреях.

[18] Пытались доказать, что среди дружинников могли быть и евреи. Это, без сомнения, вздор. Да и Аньбал держал в своих руках княжеские ключи, а не меч. Впрочем, если и допустить, что он был также дружинником, то и тогда это может показать лишь, какова бывает еврейская дружба.

[19] «Ныне и роща с священным ключом, и храм отдаются в наймы жидам, у которых корзина и сено — вся рухлядь».

[20] Сюда, как и ко многим иным местам Пятикнижия, относятся вопросы из жизни евреев о ритуальной проституции и о человеческих жертвоприношениях. Даже краткий очерк завлек бы нас слишком далеко. Поэтому желающим следует обратиться к специальным учёным трудам: а) «Die Menschenopfer (jer alten Hebraer» — von Professor Dr. F. W. Chillanij, Nurberg, 1842; b) «Der Feu er und Molochdienst der alten Hebraer», als urvetaerhcher, legaler, oithodoxer Cultus der Nation, — historisch-kritisch nachgewiesen, von G. Fr. Daumer, Braunschweig, 1842, и другим.

[21] История упадка и разрушения Римской Империи.

[22] Одна из эмблем ритуальной проституции. См. также: Иезек VIII; Прем. Сол. XII и XIV и мн. др.

[23] Древние считали евреев выходцами с островов Крита.

[24] Иосиф Флавий, «Древности» XVIII, 12.

[25] Gans, «Tsemach David», 107; Capetigue, «Histoire philosophique des juifs», 250.

[26] Gans, Chronic, lib. 1, 18; Gemara, tr. Sanchedrin, c. XI, §§ 5-7.

[27] См. Диона Кассия и Иеронима.

[28] «Варшавские Университетские Известия» 1896 г. №6. — Речь профессора Зенгера: «Еврейский вопрос в Риме».

[29] Общее правило у сынов Иуды как для подкупа низших и высших властей, так и для иных целей всего Израиля. Не может быть сомнения, что вооружённое восстание в Москве, как и метание бомб наравне с ведением революции по всей России, требуя больших денег, оплачивается, между прочим, такими же именно раскладочными сборами.

[30] Выражение Ф.М. Достоевского.

[31] Геродот, кн. II, главы CXIII-CXX. Гомер, Илиада, VI, стихи 280-292; Одиссея, IV, 227-230; V, 351-353.

[32] См. Louis Benloew — «Les semites a Ilion, ou la verite sur la guerre de Troie».

[33] См. «Comment dans deux situations historiques les semites entrerent en competition avec les aryens pour l'hegemonie du monde et comment ils y faillirent», — par E. Littre, de l'academie francaise.

[34] «Le diable au XIX siecle. Mysteres de spiritisme et de la francmaconnerie luciferienne devoilees, Le satanisme moderne. Les precurseurs de l'ante-christ». Par docteur Bataille. Paris et Lyon. (I,387-391).

[35] См. «L'Assassinat maconnique», «Le Crimerituel», «La Trahison juive». — Paris. 1905. «La Franc-maconnerie demasquee», — Mai 1897 et Mars 1898 — «Echo de Paris» — 5 avril 1899 — «Intransigeant», 20 septembre 1904, и японский журнал «Теййо», за декабрь 1904 года. См. также «Une Societe Secrete en Indo-Chine» 1887, par Alfred Muteau. «Le Taoisme et les societes secretes chinoises», 1897, par Pouvourville, и другие источники.

[36] Резолюция малого конвента «Великого Востока» (французского масонства) от 3 апреля 1905 г. Отчёт малого конвента, стр. 77-78 (см, журнал «La Franc-Maconnerie demasquee» — от 25 дек. 1905 г.)

[37] Густава III в Швеции и Людовика XVI во Франции; покушение на Луи-Филиппа и Наполеона III; покушение Гартмана, в связи с отказом масонского министерства, во Франции же выдаёт этого злодея; убийства президентов: Гарсии Морены (в Парагвае), Линкольна и Карио; таинственная смерть Феликса Фора, как только он вознамерился сокрушить, наконец, Дрейфусиаду и т.д. и т.п.

[38] Claudio Jannet. «Les precurseurs de la Franc-Maconnerie», p.61.

[39] См. «Les Societes Secretes et leurs crimes», par Andre Baron. Paris, 1906

[40] См. Gougenot des Monsseaux, — «Le juif, le iudaisme et la judaisation des peuples chretiens». Paris, 1869, page 535.

[41] См. Франкмасонство и государственная измена. Н.Л. — С.П.Б. 1906 г.

[42] Victor Barrucand, «Memoires et notes de Choudieu», page 148, Paris, Plon-Nourrit, 1897.

[43] Marquis Costa de Beauregard, «le Roman d'un Royaliste; Souvenirs du comte de Virieu» и «Lettre du Cardinal Mathieu, Archeveque de Besancon», цитируемое в «La France Juive» Дрюмона.

[44] Marquis Costa de Beauregard, ibidem.

[45] Bord et d'Hericault, «Revue de la Revolution», t. Ill, 1885. La Verite sur la condamnation de Louis XVI.

[46] G,Lenotre «Marie-Antoinette». Relation du municipal Goret. Paris.

[47] См. «Journal Officiel», 26 et 28 mai, 1895.

[48] См. его «Les juifs rois de l'epoque», а также Канефига — «Histoir des grandes operations financieres».

[49] «Alliance Israelite Universelle», — «Хабура Коль Изроэль Хаберим».

[50] По декрету Кремьё, ненавидящие пришельцев-евреев туземцы-арабы в Алжире оставались по-прежнему бесправными.

[51] См. Дрюмона «La France juive devant l'opinion», p. 59, 60-63. Всего поразительней, что сыны Иуды даже не были судимы.

[52] См. Maurice Talmeyr, «La Franc-maconnerie et la Revolution Francaise». Paris, 1904.

[53] Предшествующая выводу часть настоящего исследования обоснована на труде почтенного Г. В. Бутми — «Враги рода человеческого», где, между прочим, напечатаны протоколы, извлечённые из тайных хранилищ масонства.

[54] См. его превосходный этюд — «Synthese de l'Antisemitisme».

[55] Шелли.

[56] Marius Fontane. «Histoire Universelle».

[57] См. его «Еврейское Государство». Опыт решения еврейского вопроса. СПБ, 1896.

[58] См. «Труды Губернских Комиссий по еврейскому вопросу», 2 тома. Напечатаны в 1884 г. в типографии Министерства Внутренних Дел и в Государственной типографии по распоряжению Высочайше учреждённой Высшей Комиссий для пересмотра действующих о евреях в Империи законов.

[59] См. указанные выше исследования Губернских Комиссий по еврейскому вопросу.

[60] Порядочность, благородство, рыцарские движения души.

[61] См. Дви частыны з поэмы «Иван Гусс».

[62] От слова шинок, по малороссийски — кабак. Только тот, кто живал в черте еврейской оседлости, знает, что такое еврей-шинкарь. Поселившись в деревне, такой еврей через год или два развращал всё население — и старых и малых, а сам делался полным хозяином всего имущества и труда крестьян. Даже дети обкрадывали своих матерей, чтобы за цыплёнка или несколько яиц получить от еврея грошовую игрушку или дрянных сластей. Мужики же становились конокрадами, а то и убийцами с целью грабежа. Еврей всё примет для сбыта — тоже за гроши, конечно. В особенности хороша уже, так сказать, повальная картина гешефтов этого рода в еврейских колониях (см. Улож. о Нак. ст. 1056).

[63] Нелепость этого самомнения очевидна. Разумеется, не с целью доказывать её, а как простую справку приводим мы следующее замечание Вольтера: «Баниане в Индии — то же, что евреи в Европе; их обособляет от других народов религия, столь же древняя, как летописи мира (les annales du monde), а связывает с ними торговля, в которой они играют роль факторов. Эти баниане и гебры не уступают евреям ни в древности происхождения, ни в богатстве; подобно евреям, они составляют крепко замкнутые в себе общины. Тем не менее, их повсюду встречают радушно. Одни евреи внушают отвращение всем народам, среди которых живут».

[64] James Darmesteter, «Coup d'oeil sur l'histoire du peuple juif», Paris, 1882.

[65] Примечание. По теории Моргана, принятой Марксом и Энгельсом, и на наших глазах развиваемой Бебелем (см. его «Женщина и социализм»), первоначальная форма семьи у всех народов есть материнство, т.е. свобода любви, при которой женщина попеременно сходится с любым мужчиной, и во главе семьи стоит не отец, а мать. Не говоря о безнравственности этой теории и о том, что вследствие повального заражения она повела бы лишь к вымиранию человечества, отнюдь не доказано, что эта форма была когда-либо общей для всех народов. С другой стороны, нет сомнения, что в переходе от материнства к моногамии экономические условия были ни при чём. Наоборот, мы видим именно моногамию у бедных охотничьих племён, а у богатых пастушеских, встречаем многоженство.

[66] См. А.Генц «Социализм», — стр. 94.

[67] «Очерк развития социал-демократии в России».

[68] «Шабес-шискель» — шабашковая мерзость. Этой кличкой ласкает еврей нищего христианина, им же обобранного, когда, например, за гроши ставит его в своём кабаке плутовать водкой в шабаш, или же когда по талмуду фиктивно продаёт ему свою утварь, заводя новую в Пейсах.

[69] В его «Hebraische Melodien» см. — «Disputation»:

In der Aula zu Toledo,Das scholastisch scharf gespitzet!..
Klingen schinetternd die Fanfaren;Nicht galante Paladine
In dem geistlichen TurneiFechten hier, — nicht Damendiener
Wald das Volk in bunten Scharen.Dieses Kampfes Ritter sind
Das ist nicht weltlich Stechen,Capuziner und Rabbiner...
Keine Eisenwaffe blitzet, — u s. w.
Eine Lanze ist das Wort

[70] См. напечатанную в Майнце и подписанную евреем, назвавшим себя Савлом, брошюру: «Послание к евреям».

[71] Для интересующихся вопросом о богохульстве талмуда и раввинских писаний вообще можно указать следующие источники: а) Entdecktes Judenthum — Эйзенмергера, Кёнингсберг, 1711; б) «Ницзахон» («Победа») — раввинов Маттатии, Лицимана из Мюльгаузена и Иосифа Кимхи; в) «Хизук Эмуна» («Укрепление веры») — раввина Исаака из Трок, в Литве. Эти две книги были обнародованы в 1681 г. в Альтдорфе Вагензейлем под заглавием «Tela ignea Satanae» («Огненные стрелы сатаны»); г) «Фоледоф Иешу» («Происхождение Иисуса»); д) «Маазе Фалуи» («История повешенного»); е) «Jesus Christus in Talmud» («Иисус Христос в Талмуде») — изд. состоящего при Берлинском университете «Institutum Judaicum». С другой стороны, в обличение евреев назовём: а) «De vita et moribus Judaeorum» — Виктора де Карбена; б) «De Judaeis erroribus ex Talmude» — Иеронима де Санкта-Фиде; в) «De Messia» Николая де Лиры; «Epistola contra Judaeos» — Амолона; г) «Tractatus adver-sus Judaeorum inveritatam duritiam» — Петра из Клюни; д) «Diorum canicularium — Симона Майоля; е) три книги Раймонда Мартина: «De reprobatione ot foetore doctrinae Judaeorum», «Capistrum Judaeorum» («Намордник для евреев») и «Pugio Fidei» («Кинжал веры»); ж) «Christianus in Talmude Judaeorum sive rabbinicae doctrinae de Christianis sécréta» — Пранантиса и другие.

[72] Корреспонденция 20 июня 1906 г. , в журнале «Русское Дело».

[73] Быть может, власти было тяжело сознаться в измене эскадронного броненосца по наущению евреев. Но как бы ни позорил нас этот факт, его нельзя скрыть и опасно замалчивать.

[74] Кроме стыда и ужасов Цусимы, волнения флотских экипажей обусловливались революционной пропагандой среди того контингента мастеровых и фабричных рабочих, из которого рекрутируются машинные и другие технические команды на современном корабле, представляющем целую систему разнообразных механизмов. С другой стороны, участие кагала в бунте «Потёмкина» явствует не только из многих обстоятельств, удостоверяемых автором «Одесских дней» и достаточно убеждающих в предумышленной связи прибытия броненосца в Одессу с началом и развитием тамошней революции, но и раскрывается как еврейским митингом на самом броненосце, так и той ролью коновода бунтующих матросов, которую с необыкновенным нахальством присвоил себе жид Фельдман. Всем памятна, далее, речь, с которой он обратился в Феодосии к пехотному отряду на берегу, куда осмелился подойти с матросами «Потёмкина» на шлюпке. Фельдман был пойман, разумеется, хотя и неудачно подкупал свою стражу в севастопольском остроге. А в результате всё-таки бежал за границу из севастопольской крепостной гауптвахты, когда часовым оказался, не без подкупа, конечно, еврей Штрик, бежавший с Фельдманом одновременно при благословенном содействии всемогущего кагала, в чём смешно было бы сомневаться. Алексей Шмаков.

[75] Увы, как показывает нынешняя травля русских евреями по всей России через прессу, гибельное для нас лжесвидетельство на суде, угрозы смертью и прямое разрывание бомбами, равно как путём анархистских подстрекательств «ораторами» государственной думы на уничтожение права собственности и разложение национального единства, а за ним и независимого существования нашей родины, уступки еврейству не могут ограничиться только Одессой. **А. Шмаков.**

[76] К нашему величайшему сожалению, на съезде не могли быть представлены представители польского района. Военное положение в Польше помешало О.К. принять необходимые меры, чтобы на съезде были представлены и польские, «п.-ц.»-ские организации.

[77] В «Новом Времени» напечатан и план, но, к сожалению, поместить его здесь затруднительно, так как изготовки клише задержали бы выход книги.

[78] Город был разделён для удобства управления на 3 района: северный, южный и вокзальный.

[79] У собора один поляк замахнулся на полковника Войцеховского с криком: «Что ты — нехристь, что за жидов заступаешься?».

[80] Эта фабрика была выбрана потому, что она почти примыкает к Государственному Банку.

[81] Замечательно, что в Белостоке революционеры занимают всегда те дома, которые находятся против административных и правительственных учреждений.

[82] Из евреев, конечно, (прим. — Алексей Шмаков.)

[83] Сам Гапон, как известно, нашёл материальную поддержку в лице графа Витте.

[84] Едва ли!? Никому не надо таких друзей, как Урусов. Евреи же взглянут на него критически. Какими бы «тайнами» ещё ни обладал он, всемирному кагалу их уже не надо. Скандал устроен достаточный. Стало быть, и для «жидо-кадетов» Урусов — выжатый лимон...Алексей Шмаков.

[85] Запертое море.